

История Государственного архива Российской Федерации

ДОКУМЕНТЫ
СТАТЬИ
ВОСПОМИНАНИЯ

ГАРФ

История
Государственного архива
Российской Федерации

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

Государственный архив Российской Федерации

МОСКВА
РОССПЭН
2010

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

История Государственного архива Российской Федерации

ДОКУМЕНТЫ
СТАТЬИ
ВОСПОМИНАНИЯ

Ответственный редактор
доктор исторических наук,
профессор С. В. Мироненко

МОСКВА
РОССПЭН
2010

УДК
ББК

Ответственный редактор С. В. Мироненко

Руководитель коллектива составителей сборника: Л. А. Роговая, заместитель директора архива, руководитель Научно-информационного центра ГА РФ

Составители: О. Н. Копылова (ответственный составитель)
Б. Ф. Додонов, Н. С. Зелов, Г. Н. Иофис, О. Н. Косенко,
В. П. Наумов, В. И. Широков

История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания / отв. ред. С. В. Мироненко ; отв. сост. О. Н. Копылова ; сост. : Б. Ф. Додонов, Н. С. Зелов и др. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 694 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-1473-1

Настоящее издание посвящено истории формирования документальных комплексов и деятельности одного из крупнейших архивов нашей страны — Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Общеизвестно, что архивные богатства ГА РФ имеют не только всероссийское, но и мировое значение. Корпус документов ГА РФ складывался не одно десятилетие, и его история — это история развития архивного дела в нашей стране в XX столетии. В сборник включены очерки по истории архивов, ныне входящих в состав ГА РФ с приложением документов, иллюстрирующих историю создания и деятельность каждого из них. Важной составляющей данного издания являются воспоминания архивистов, собранные за весь период деятельности архива.

УДК
ББК

ISBN 978-5-8243-1473-1

- © Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), 2010
- © Мироненко С. В., Копылова О. Н., предисловие, 2010
- © Копылова О. Н., Додонов Б. Ф., Иофис Г. Н., Наумов В. П., очерки по истории архивов, 2010
- © Копылова О. Н., Зелов Н. С., именной указатель, 2010
- © Оформление. Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед Вами издание, которое подготовлено к 90-летию Государственного архива Российской Федерации.

В 1920 г. был создан его предшественник — Государственный архив РСФСР. В нем стали собираться и храниться наиболее ценные документы предшествующих эпох. Но самое главное — он начал целенаправленно комплектоваться документами высших и центральных учреждений Советской России. В составе вновь созданного архива впервые были объединены в единый комплекс материалы царской семьи, бывшего Государственного архива Российской империи, Древлехранилища, Временного правительства, документы высших и центральных органов государственной власти РСФСР и СССР, фонды белогвардейских правительств и др. В сущности, это была первая попытка создать национальный архив страны. Просуществовав около пяти лет, он внес огромный вклад в отечественное архивное дело.

В 1925 г. Государственный архив РСФСР прекратил свое существование. Еще до этого из его состава стали постепенно изыматься отдельные комплексы хранившихся там архивных документов. Вначале были изъяты материалы партии большевиков (РКП(б)), помещенные в закрытый партийный архив, затем документы по истории военных действий во время Гражданской войны, которые перешли во вновь образованный архив Красной армии и т. д. Одновременно внутри Государственного архива был образован Архив Октябрьской революции, который вначале существовал как отделение, а с 1923 г. стал самостоятельным. Понять логику этих преобразований трудно. Тем более что параллельно с названными архивами существовал Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ) с его секциями, многие из которых также были по существу самостоятельными архивами (некоторые из них, кстати сказать, стали частью Государственного архива РСФСР). Только накануне войны возникла стройная сеть центральных государственных архивов во главе с Центральным государственным архивом Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), преобразованным из бывшего АОРа, просуществовавшая до начала 1990-х годов.

В конце 1991 г. распался Советский Союз, образовалось новое государство — Российская Федерация, и вновь обрел актуальность вопрос о создании его национального архива. В апреле 1992 г. распоряжением Правительства Российской Федерации был создан Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), который и стал национальным архивом современной России. ГА РФ комплектуется материалами высших органов

законодательной, исполнительной и судебной власти страны¹. В настоящее время в список источников комплектования архива включено 149 государственных органов, учреждений и общественных организаций Российской Федерации. На хранение в ГА РФ уже поступило около 100 тыс. дел из 84 органов государственной власти и управления Российской Федерации. Среди них материалы двух палат Федерального собрания Российской Федерации — Совета Федерации и Государственной Думы, Правительства, многих министерств и ведомств. Именно в качестве национального архива страны Государственный архив РФ в 1996 г. был принят в члены Международного совета архивов по категории А (национальные архивные администрации и национальные архивы). Следует отметить, что ГА РФ, так же как и Госархив РСФСР, комплектуется материалами высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти страны.

ГА РФ был создан на базе двух существовавших архивов — ЦГАОР СССР и ЦГА (Центрального государственного архива) РСФСР и поэтому не только по своей функции и духу, но и по составу своих фондов является преемником Государственного архива РСФСР, значительная часть материалов которого хранится именно здесь².

В предлагаемом вашему вниманию издании впервые сделана попытка проследить историю формирования уникальных фондов архива. В состав ГА РФ вошли документальные материалы восьми государственных архивов, существовавших в период с 1918 г. до момента образования ГА РФ: Московского и Петроградского историко-революционных архивов, Новоромановского архива, Государственного архива РСФСР, Архива революции и внешней политики, Центрального государственного исторического архива в Москве, Архива Октябрьской революции, Центрального государственного архива РСФСР. Кроме того, в состав ГА РФ вошла большая часть материалов Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА), переданного правительством Чехословацкой Республики в 1945 г. в дар Академии наук СССР.

По истории каждого из них в настоящем издании написан специальный очерк. Очерки проиллюстрированы рядом документов, освещающих деятельность архива и отражающих важнейшие этапы в его истории. Большинство документов публикуются в настоящем издании впервые. Представленные документы рисуют картину формирования и комплек-

¹ На хранение в ГА РФ поступают документы органов законодательной, исполнительной и судебной власти (за исключением МИД, Минобороны, ФСБ и других ведомств, которым предоставлено право депозитарного хранения, а также Министерства культуры Российской Федерации, документы которого поступают на хранение в РГАЛИ).

² Подробнее см.: *Добровская А. В., Горбунов И. Ю., Мироненко С. В.* Государственный архив России. История формирования и комплектования. 1920–1995 // Археографический ежегодник, 1995. М.: Наука, 1997. С. 3–28.

тования фондов архивов — предшественников ГА РФ, работу архивистов по разборке материалов, их описанию, использованию документов, организации документальных выставок, подготовке сборников документов. История комплектования архива насыщена событиями и ярко иллюстрирует плодотворную работу многих поколений архивистов по собиранию материалов, пополнению фондов архива разнообразными документами.

Но это издание — рассказ не только и не столько об истории создания и пополнения корпуса источников, составляющих нынешний ГА РФ, но прежде всего о работе ГА РФ и его предшественников. О людях, скромных сотрудниках архивов, о тех, кто собирал бесценные коллекции архива в годы революции и Гражданской войны, в бурные двадцатые годы, кто спасал их во время Великой Отечественной войны в осажденной Москве, был с ними в эвакуации, о тех, кто работал и работает в архиве многие, многие годы.

Мы хотим, чтобы многочисленные посетители читальных залов архива, выставок, где экспонируются документы ГА РФ, все, кто знакомится с материалами архива, знали, какой огромный труд многих поколений архивистов стоял и стоит за тем, чтобы собрать, сохранить, описать, включить в информационный ресурс огромные документальные богатства архива, отражающие историю нашей страны за более чем двухсотлетний период ее существования.

У нас достаточно скромная профессия, тем не менее мы любим свое дело, понимаем его значение и трудимся по мере сил и возможностей.

Издание включает три раздела. Первый раздел — «История ГА РФ (от рождения до наших дней)» — содержит девять документальных очерков, посвященных истории и деятельности всех архивов, материалы которых в настоящее время составляют основу современного Государственного архива Российской Федерации. Очерки написаны с использованием широкого круга источников, содержащихся в фондах ГА РФ. В частности, привлечены материалы, хранящиеся в фондах Р-5325 — Главное архивное управление при Совете министров СССР, А-286 — Главное архивное управление при Совете министров РСФСР, А-309 — Центральный государственный архив РСФСР, 4888 — Центральный государственный исторический архив в Москве, Р-5142 — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, 10033 — Государственный архив Российской Федерации. При написании очерков использовались также материалы архивоведческих изданий, в том числе 1920-х гг., монографии и статьи историков архивного дела¹.

¹ Библиографию по истории создания и основным направлениям деятельности Государственного архива Российской Федерации см.: Путеводитель по фондам ГА РФ. Т. 6. Перечень фондов Государственного архива Российской Федерации и научно-справочный аппарат к документам архива. М., 1998. С. 598–599.

Каждый очерк сопровождается публикацией ряда документов, наглядно иллюстрирующих деятельность архивов. Всего в сборнике публикуется около 70 документов. Многие из них до недавнего времени находились на секретном хранении и были недоступны для исследователей¹.

Кроме уже названных фондов, было проведено выявление документов в фондах ВЦИК (Ф. Р-1235), Наркомпроса РСФСР (Ф. А-2306), Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА) (Ф. Р-7030), Совета министров РСФСР (А-259), Коллекции документов личного происхождения и документов эмигрантских учреждений и организаций (Ф. 10017).

В издание вошли самые разнообразные виды документов. Среди них: декреты Совнаркома РСФСР, распоряжения Правительства Российской Федерации, Совета министров РСФСР, отчеты, доклады, докладные записки, справки директоров архивов о деятельности архивов, протоколы заседаний ВЦИК, коллегии Главного управления архивным делом, инспекции Главархива, Петроградского отделения ГУАД, научных советов архивов, акты обследований архивов, приказы НКВД СССР, положения об архивах, письма, анкеты, исторические очерки, тексты сообщений сотрудников архивов на конференциях, заседаниях научных советов.

Документы публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990) и применяемой в Государственном архиве Российской Федерации методикой. Ряд документов (в основном отчетного характера) публикуется в извлечениях, что оговорено в заголовках документов.

Первый раздел завершают две статьи, посвященные истории строительства зданий архива на Большой Пироговской улице, дом 17 (автор статьи — О. Н. Косенко) и на Бережковской набережной, дом 26 (статья написана Г. Н. Иофис). В них впервые проанализирована история проектирования и строительства архивных зданий, в которых в настоящее время располагаются документальные материалы ГА РФ. Статьи подготовлены с использованием широкого круга самых разнообразных источников, включая проектную документацию и материалы, хранящиеся в Государственном музее архитектуры имени А. В. Щусева, ЦА НТД г. Москвы и др. Важно отметить, что оба здания строились по индивидуальным проектам специально для архивов, с использованием самых современных на тот период времени достижений, применяемых для строительства архивных сооружений, с учетом мирового опыта. Здание на Большой Пироговской является ярким образцом достаточно редкого для современной Москвы архитектурного стиля — постконструктивизма.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1.

Второй раздел сборника — «Воспоминания архивистов». В него вошли 29 воспоминаний работников архивов, составляющих ныне ГА РФ. Часть воспоминаний была выявлена в фондах ГА РФ (Ф. Р-8370 — Объединенный фонд «Историки-архивисты»; Ф. Р-9577 — Собрание отдельных поступлений документов личного происхождения; Ф. Р-9573 — личный фонд Николая Романовича Прокопенко и др.). Большая же часть публикуемых воспоминаний (примерно 2/3 от их общего количества) написана в конце 2009 — начале 2010 г. архивистами, ныне работающими в архиве. Мемуарные источники существенно дополняют публикуемые очерки, раскрашивают яркими красками сухие строчки официальных документов. К сожалению, сохранилось не так много воспоминаний архивистов, как хотелось бы. Но мы старались выявить все возможные и включить их в настоящее издание.

В сборнике публикуются воспоминания архивистов разных поколений. Среди авторов воспоминаний люди, работавшие в архивах в 1920-е гг., в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период. Большой интерес, на наш взгляд, представляют воспоминания наших современников, тех, кто работает рядом с нами. Воспоминания писали люди разного возраста. Те, кто проработал в архиве полвека, и те, которые еще не достигли почтенного возраста. Воспоминания разные по объему. Есть воспоминания, написанные на одной-двух страничках, а есть, которые насчитывают не один десяток страниц. Некоторые воспоминания охватывают длительный временной период. Написаны они в разном стиле. Их уникальность заключается еще и в том, что написаны они людьми самого разного служебного положения. Рядом с воспоминаниями руководителей архивной службы, людей, возглавлявших архив в разные годы, помещены воспоминания так называемых «рядовых» архивистов, на чьи плечи ложилась и ложится повседневная архивная работа.

Тексты каждого воспоминания предваряют краткая биографическая справка и фотография их автора.

В третьем разделе издания помещено 30 биографий директоров архивов, составляющих нынешний ГА РФ. Среди директоров довольно много узнаваемых имен — В. В. Адоратский, В. В. Макасов, Ф. И. Драбкина, М. Н. Лядов, Б. И. Николаевский, П. Е. Щеголев. Но есть и подлинные «открытия» — например, Я. Ю. Клявин-Вахсман, возглавлявший ЦАОР в 1930–1933 гг., репрессированный и расстрелянный на Бутовском полигоне в 1937 г. Мы постарались отыскать фотографии директоров архивов и поместили их в сборнике. К сожалению, фотографии некоторых из них не сохранились.

Научно-справочный аппарат к сборнику включает именной комментарий, именной указатель, список сокращений. В качестве приложения к сборнику помещен список изданий Государственного архива Россий-

ской Федерации (1992–2009 гг.), подготовленный Э. Л. Гараненковой, Т. А. Буякевич и Ю. Г. Орловой.

В именной комментарий включены биографические справки более чем на 160 персоналий. В основном, это сотрудники архива разных поколений. По возможности, мы поместили здесь же и фотографии упоминаемых лиц.

Сборник иллюстрирован фотографиями из фондов ГА РФ и из личных собраний архивистов.

Ответственный редактор издания — доктор исторических наук, профессор С. В. Мироненко.

Руководитель авторского коллектива — заместитель директора архива Л. А. Роговая.

Работа по подготовке сборника проведена составителями: к. и. н. О. Н. Копыловой (ответственный составитель, автор очерка «Государственный архив РСФСР», составитель раздела «Директора архива» (в соавторстве с О. Н. Косенко), именного комментария (в соавторстве с О. Н. Косенко), именного указателя в соавторстве с Н. С. Зеловым), к. и. н. Б. Ф. Додоновым (автор очерков «Новоромановский архив», «Архив революции и внешней политики — Государственный архив революции — Центральный государственный исторический архив в Москве» (в соавторстве с В. П. Наумовым), археографическая обработка текстов документов, включенных в издание), Г. Н. Иофис (автор очерков «Центральный государственный архив РСФСР» и «Государственный архив Российской Федерации»), О. Н. Косенко (написание биографических справок о директорах архивов, составление именного комментария в соавторстве с О. Н. Копыловой), к. и. н. В. П. Наумовым (автор очерков о Московском и Петроградском историко-революционных архивах, Центральном государственном историческом архиве в Москве (в соавторстве с Б. Ф. Додоновым), Центральном архиве Октябрьской революции), В. И. Широковым (подготовка рукописи оригинал-макета).

Ввод текстов документов и сканирование фотографий осуществляли: А. Н. Голяков, О. Н. Косенко, В. И. Широков.

Подбор документов и фотографий произведен Л. И. Бугримовой, Н. С. Зеловым, Г. Н. Иофис, О. Н. Копыловой, Т. Н. Котловой, К. Г. Ляшенко, В. П. Наумовым, З. И. Перегудовой, Л. И. Петрушевой, Т. И. Шульженко.

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЯ ГА РФ (ОТ РОЖДЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ)

Московский историко-революционный архив (МИРА) (1917–1920 гг.)

Начало существованию Московского историко-революционного архива было положено 1 марта 1917 г. В тот день помещения Московского охранного отделения в Большом Гнездиновском переулке подверглись разгрому, часть документов погибла в огне. Группа политических деятелей и историков сумела спасти архив «охранки» от дальнейшего уничтожения и организовала перевозку документальных материалов в московский Исторический музей¹.

2 марта 1917 г. при Исполнительном комитете московских общественных организаций была образована Комиссия по разработке политических дел г. Москвы, получившая также название «Архив политических дел г. Москвы». Это учреждение возглавил историк и публицист С. П. Мельгунов².

В марте и апреле 1917 г. сотрудники комиссии перевезли в помещение Исторического музея фонды Московского губернского жандармского управления и жандармских отделений железных дорог, в апреле–мае того же года — документы Канцелярии московского генерал-губернатора и некоторых других дореволюционных учреждений³. Для хранения этих материалов был отведен огромный читальный зал Исторического музея, в котором были установлены шкафы и деревянные стеллажи. Перевезенные документы при помощи добровольцев приводились в относительный порядок, раскладывались на стеллажи по годам, проверялись по инвентарным описям Московского охранного отделения и губернского жандармского управления⁴. Одновременно осуществлялась работа по выявлению сведений о деятельности секретных сотрудников охранки и других лиц, причастных к службе в полицейских учреждениях. Под научным руководством С. П. Мельгунова сотрудники комиссии приступили к изданию серии документальных публикаций под названием «Материалы по истории общественного и революционного движения в России», однако

¹ *Максаков В. В.* Архив революции и внешней политики XIX и XX вв. // Архивное дело. 1927. Вып. 13. С. 29.

² *Емельянов Ю. Н.* Мельгунов Сергей Петрович // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 583.

³ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 74. Л. 58.

⁴ *Максаков В. В.* Архив революции и внешней политики XIX и XX вв. С. 30.

удалось выпустить в свет лишь первый том, посвященный партии большевиков¹.

9 апреля 1918 г. Комиссия по разработке политических дел г. Москвы была ликвидирована, вместо нее была создана Архивно-политическая комиссия при Совете народных комиссаров г. Москвы и Московской области. Новое учреждение возглавил комиссар Р. П. Катаньян, заведующим архивом был назначен А. П. Малинин². После ареста С. П. Мельгунова в том же месяце научно-издательская деятельность архива прекратилась.

1 августа 1918 г. Архивно-политическая комиссия была преобразована в Московский историко-революционный архив, перешедший в ведение Главного управления архивным делом Наркомата просвещения РСФСР. В соответствии с декретом «О реорганизации и централизации архивного дела» от 1 июня 1918 г. архив именовался также московским отделением VII (историко-революционной) секции Единого государственного архивного фонда.

На 2 сентября 1918 г. штат Московского историко-революционного архива состоял из 19 человек, в числе которых были руководящие, научные, архивно-технические сотрудники и вспомогательный персонал (курьеры, сторожа, дворники и пр.). Непосредственно архивной работой занимались управляющий архивом В. В. Максаков, помощник управляющего Ю. М. Бочаров, заведующий отделом М. А. Андерс, архивисты Д. И. Бланкова и М. Е. Вашман, архивариусы А. Н. Журдан и В. П. Перепелкин, помощник архивариуса Е. В. Федорова³.

По решению коллегии Главного управления архивным делом от 23 января 1919 г. историко-революционные архивы были признаны архивами 1 разряда наряду с бывшим Архивом иностранных дел, бывшим Московским архивом Министерства юстиции и Лефортовским архивом⁴.

В том же месяце продолжилось комплектование Московского историко-революционного архива, который принял на хранение фонды Московского комитета по делам печати и Московского цензурного комитета, дела яренского уездного исправника, а также часть материалов местных охранных отделений, переданных из Инструкторского отдела ВЧК⁵. В мае 1919 г. в МИРА поступили документы канцелярии комиссара Временного правительства по г. Москве, фонд Комитета московских общественных организаций и часть архива канцелярии московского генерал-губернатора⁶.

¹ Материалы по истории общественного и революционного движения в России. Т. 1. Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывш. Моск. охр. отд. 1-е и 2-е изд. М., 1918.

² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 74. Л. 58 об.

³ Там же. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Д. 6. Л. 56.

⁵ Там же. Д. 74. Л. 28, 29, 31, 32.

⁶ Там же. Д. 174. Л. 105.

Помимо вышеназванных фондов, на 9 июля 1919 г. в Московском историко-революционном архиве находились секретные дела Московской губернской тюремной инспекции, Конторы императорских театров и канцелярии попечителя Московского учебного округа, часть дел Департамента полиции, документы бывших полицейских участков г. Москвы и архив Суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря, являвшегося местом заключения «религиозных преступников»¹.

В середине июля 1919 г. в МИРА поступил ряд дел, переданных Следственной комиссией Революционного трибунала при ВЦИК. В их числе находились отдельные дела членов Государственной думы, Государственного совета, нескольких министерств, ряда учреждений Военно-Морского ведомства, финляндского и иркутского генерал-губернаторов, заместителя на Кавказе, некоторых губернских жандармских управлений, градоначальств, судебных палат, окружных судов, а также Временного правительства и Союза русского народа².

В августе 1919 г. в МИРА была перевезена последняя часть дел Московского цензурного комитета, временно хранившаяся в здании Патриаршей библиотеки в Кремле³. В общей сложности на хранении в архиве к этому времени находилось около 100 000 дел⁴.

В конце сентября 1919 г. архив принял дела канцелярии московского градоначальника⁵. С июля до середины ноября 1919 г. три сотрудника МИРА работали в Кремле, где хранился фонд Московской судебной палаты. Их задачей являлся отбор дел по истории революционного движения для передачи их в МИРА⁶. В конце ноября 1919 г. в архив из Революционного трибунала были переданы дела бывших министров А. А. Хвостова и И. Г. Щегловитова⁷.

В отчетах Московского историко-революционного архива за 1919 г. отразилась интенсивная работа по систематизации и описанию документов. В марте были разобраны по годам и разложены по порядку номеров дела Московского комитета по делам печати за 1905–1916 гг., составлены описи этих дел за 1905–1909 гг. Были также разобраны вещественные доказательства из архива Московской судебной палаты и начато описание дел этого фонда с 1866 г. Продолжалась работа по систематизации отдельных разрозненных документов Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве; был составлен обзор документов

¹ Там же. Д. 176. Л. 33–33 об.

² Там же. Д. 174. Л. 107.

³ Там же. Л. 108.

⁴ Там же. Д. 74. Л. 59.

⁵ Там же. Л. 78–79 об.

⁶ Там же. Л. 131, 162.

⁷ Там же. Д. 122. Л. 28.

Агентурного отдела Московского охранного отделения по Костромской губернии за 1910–1914 гг.¹ Во второй половине марта и в апреле проводились систематизация и описание дел Московского охранного отделения, Московской судебной палаты, Московского комитета по делам печати, Суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря. Осуществлялась проверка наличия дел Московского губернского жандармского управления и Секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора². В мае были разобраны дела Бюро по выдаче паспортов и составлена черновая опись этих дел. Было завершено составление листового каталога дел Московского охранного отделения. Кроме того, был составлен список секретных сотрудников Александровской железной дороги за 1907–1908 гг.³ В июне завершилась разборка разрозненных документов Общего отдела Московского охранного отделения, были систематизированы дела Агентурного отдела того же учреждения за 1906–1910 гг. Также было закончено составление описи дел комиссий Московского комитета общественных организаций, и началось описание дел канцелярии Комиссариата Временного правительства по г. Москве⁴.

В июле–октябре разбирались документы государственных учреждений Российской империи, поступившие в Московский историко-революционный архив из Следственной комиссии Революционного трибунала при ВЦИК. В сентябре были уже готовы черновые описи этих материалов. В том же месяце был составлен алфавит на дела Московской судебной палаты за 1884–1887 гг. В октябре–ноябре велась работа по составлению карточного каталога секретных сотрудников Московского охранного отделения и Московского губернского жандармского управления⁵. В ноябре готовился также карточный каталог к альбомам фотографий Московского охранного отделения. Работа по составлению двух этих каталогов была продолжена в декабре 1919 года⁶.

Важнейшей функцией историко-революционных архивов являлась выдача справок по запросам ВЧК, Московской ЧК, следственных комиссий, революционных трибуналов и других карательных учреждений. Целью этой работы являлось выявление и разоблачение секретных агентов охранки, провокаторов, крупных чиновников Российской империи и других лиц, признанных советской властью «политическими преступниками». Справки составлялись главным образом по документам Общего и Агентурного отделов Московского охранного отделения. Эта работа

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 174. Л. 104а.

² Там же. Д. 14. Л. 36–36 об.

³ Там же. Д. 174. Л. 105.

⁴ Там же. Л. 106.

⁵ Там же. Д. 74. Л. 162 об.; Д. 174. Л. 109–111.

⁶ Там же. Д. 174. Л. 111–112.

выполнялась ежемесячно, но ее количественные показатели приводились в отчетах архива не всегда. Известно, что в июне было подготовлено 16 справок, в июле — 22, в сентябре — 20 справок о 47 лицах, в октябре — 32 справки, в ноябре — 20, в декабре — «около 20»¹.

Некоторые запросы приходилось выполнять в срочном порядке. Например, 2 мая 1919 г. в архив явился председатель Следственной комиссии Революционного трибунала Губерман с просьбой выдать материалы, касающиеся деятельности бывшего московского вице-губернатора В. Ф. Джунковского в 1905 г. Документы требовались немедленно, поскольку дело о Джунковском было назначено к рассмотрению в трибунале на 5 мая. Управляющий архивом В. В. Максаков срочной телеграммой сообщил об этом руководству Главархива, и в тот же день на экстренном заседании коллегии ГУАД было принято решение в случае нахождения в архиве требуемых дел выдать их представителю Следственной комиссии «в виду срочности, под официальную расписку, без производства описи»².

С 7 по 9 августа 1919 г. было произведено обследование Московского историко-революционного архива представителем Государственного контроля П. В. Корниловым. В акте ревизии было отмечено, что сотрудники МИРА занимаются «приемом и разборкою поступающих в архив новых фондов, проверкою имеющихся при них описей, классифицированием отдельных, выпавших из дел бумаг, составлением новых описей и, наконец, текущей работой: наведением и отсылкою справок по запросам различных Следственных Комиссий Революционных Трибуналов и т. п. Важная архивная работа — составление личных, предметных и иных указателей к поступившим на хранение делам — не ведется за малочисленностью штата и переобременением его вышеперечисленной работой»³.

Обследование МИРА выявило «неудобство и крайнюю тесноту занимаемого архивом помещения», вследствие чего часть дел приходилось хранить даже на лестнице. Отмечено было также недостаточное число шкафов и стеллажей, что в значительной степени усложняло разборку дел⁴.

С 17 сентября по 1 октября 1919 г. ревизию МИРА проводил инспектор Главархива Н. Ф. Бельчиков, который пришел к излишне суровому выводу о том, что «в настоящем своем виде Историко-революционный архив, особенно имея в виду текущую работу архива, — это справочная лаборатория — подспорье для современных следственных учреждений, и лишь в меньшей мере архив». Ревизор отметил необходимость уделять больше внимания описанию документов и другим видам научной работы⁵.

¹ Там же. Д. 74. Л. 162 об.; Д. 174. Л. 107, 109–110, 112.

² Там же. Д. 6. Л. 136; Д. 74. Л. 40–41.

³ Там же. Д. 74. Л. 59.

⁴ Там же. Л. 63 об.

⁵ Там же. Д. 18. Л. 24–24 об.

Тяжелым испытанием для сотрудников московских учреждений стал топливный кризис конца 1919 — начала 1920 г. 20 ноября 1919 г. администрацией Исторического музея были закрыты водопровод и канализация ввиду невозможности отапливать здание. Температура в рабочих помещениях МИРА падала до 1 градуса ниже нуля, что пагубно отразилось на здоровье сотрудников (заведующий отделом М. А. Андерс заболел и был отправлен в Кремлевскую больницу, архивариус В. П. Перепелкин скончался). В связи с этим в архиве был установлен трехчасовой график работы. В начале декабря решался вопрос об установке двух временных чугунных печей на площадках главной лестницы, ведущей в архив, однако по соображениям пожарной безопасности это намерение не было осуществлено. В январе–марте 1920 г. МИРА фактически бездействовал, так как температура в рабочих помещениях не превышала 8 градусов, опускаясь иногда до минус 10. В этих условиях большинство сотрудников архива вынуждены были оставить службу. Штат МИРА колебался от 4 до 6 человек вместо положенных 27¹.

На совещании при заведующем Главархивом 10 марта 1920 г. было принято решение назначить управляющим I отделением VII секции ЕГАФ (Московским историко-революционным архивом) Б. И. Николаевского. На него же были возложены обязанности по временному заведованию Московским отделением VIII секции ЕГАФ, которая была образована в апреле 1919 г. как хранилище документов советской эпохи². В апреле 1920 г. VIII секция фактически влилась в МИРА в качестве особого отдела³. На совещании при заведующем Главархивом 18 июня 1920 г. было принято официальное решение «VIII секцию соединить с VII секцией (в Москве)»⁴. В составе МИРА VIII секция получила название отдела текущей революции⁵.

К тому времени печальные последствия топливного кризиса еще не были преодолены. На 1 июля 1920 г. в МИРА работало только 10 сотрудников из 40, положенных по штатам VII и VIII отделений⁶.

Тем не менее за первое полугодие 1920 г. была проделана значительная работа. На хранение в архив были приняты документы Виленского, Гродненского и Сувалкского жандармских управлений, дела политической части архива Московской судебной палаты и Московского окружного суда, часть архива варшавского полицмейстера. Из Особого отдела ВЧК в МИРА поступил архив Войскового Донского круга. Б. И. Нико-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 74. Л. 104–105, 119–120, 144.

² Там же. Д. 122. Л. 86.

³ Там же. Д. 74. Л. 181.

⁴ Там же. Д. 122. Л. 116.

⁵ Там же. Д. 74. Л. 181.

⁶ Там же. Л. 144.

лаевский привез из Оренбурга связку документов из семейного архива Тимашевых¹.

В январе–июне 1920 г. производились систематизация, проверка наличия и описание дел железнодорожных жандармских управлений; началось описание дел Муравьевской комиссии (Чрезвычайной следственной комиссии 1917 г.). Были систематизированы дела Московской судебной палаты и часть фонда Московского охранного отделения: дела о лицах, находящихся под гласным и негласным надзором полиции, и документы Отдела регистрационных дел. Кроме того, сотрудниками МИРА были составлены справки о 148 лицах по запросам ВЧК, МЧК и революционных трибуналов. Для этого было просмотрено около 400 дел Московского охранного отделения, его Агентурного отдела и Московского губернского жандармского управления.

В течение первого полугодия 1920 г. в МИРА работали 4 исследователя, занимавшиеся историей рабочего и социал-демократического движения, а также историей революционного террора. Сотрудник Оперативного отдела ВЧК Костомаров изучал организацию работы Московского охранного отделения. Обслуживание исследователей требовало больших трудозатрат: только для профессора Казанского института народного образования Пионтковского было выдано около 800 дел.

Отчет МИРА за первые шесть месяцев 1920 г. содержит уникальные сведения о распределении служебных обязанностей между сотрудниками. Е. П. Слепцова, назначенная с 1 апреля помощником управляющего архивом, занималась подготовкой справок по запросам судебных и следственных учреждений, выдавала дела исследователям. И. Л. Айзенштадт-Юдин, поступивший в архив в мае 1920 г., руководил всеми работами по подготовке перевозки МИРА в новое помещение. А. Н. Журдан несла все обязанности по канцелярии архива и исполняла функции заведующей хозяйственной частью. Кроме того, она занималась выдачей исследователю Пионтковскому материалов из Отдела вещественных доказательств Московского охранного отделения. А. И. Попов сосредоточился на описании дел Муравьевской комиссии. А. С. Ионова разбирала и описывала дела Московского охранного отделения, а также исполняла обязанности машинистки за отсутствием таковой в архиве. Е. К. Хахалкина приводила в порядок дела Московской судебной палаты. Е. Г. Кислицына разбирала и описывала фонды железнодорожных жандармских управлений².

В июле 1920 г. состоялось крупное поступление документов в МИРА — «два воза с политическими делами» из архива Московского окружного суда. В отдел текущей революции поступали местные печатные издания, а также были приняты два ящика с материалами из Сибирского архива (вероятно, это были документы действовавших на территории Сибири бе-

¹ Там же. Л. 144 об.

² Там же. Л. 145–145 об.

логвардейских правительств). В том же месяце новая сотрудница МИРА Юзбашева начала составлять сводный каталог сотрудников охранных отделений и жандармских управлений по материалам, публиковавшимся в 1917 г. в столичной и провинциальной печати (на основании коллекции газетных вырезок из собрания Б. И. Николаевского), а также на основе переписки Комиссии по обеспечению нового строя при Исполнительном комитете московских общественных организаций, действовавшей в марте–сентябре 1917 г.¹ В течение июля сотрудники МИРА выдали рекордно большое количество справок — 208. Причина резкого возрастания числа запросов заключалась в решении ВЧК проверить всех своих сотрудников на причастность к деятельности Московского охранного отделения.

В том же месяце МИРА приступил к работам по перевозке архивных документов в новые помещения в здании бывшей купеческой управы по адресу Москворецкая ул., 25. В течение июля было перевезено около 2,5 тысяч связок дел, в том числе материалы Московского губернского жандармского управления, канцелярии московского генерал-губернатора, Московской судебной палаты, Комитета по делам печати и Цензурного комитета². С 10 августа 1920 г. в связи с переездом в новое здание МИРА был закрыт³.

На совещании при заведующем Главархивом 18 августа 1920 г. было принято решение «согласно предложению Заведующего Главархивом на Управляющего I Отделением VII Секции Б. И. Николаевского возложить специальное поручение собирания материалов по истории РСДР партии; заместителем его по Ист.-Рев. Архиву во время исполнения им этой работы назначить Помощника его И. Л. Айзенштадт»⁴. К обязанностям руководителя МИРА Николаевский вернуться уже не успел: в конце февраля 1921 г. он был арестован наряду с другими видными представителями партии меньшевиков и после годичного тюремного заключения выслан из Советской России⁵.

Решением коллегии Главархива от 17 сентября 1920 г. был образован Государственный архив РСФСР в составе четырех отделений. Третье отделение представляло собой «хранилище документов истории революции и общественного движения до 1 марта 1917 г.», четвертое — «архив пролетарской революции, содержащий в себе документы после 1 марта 1917 г.»⁶ Третьим отделением стал Московский историко-революционный

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 74. Л. 180.

² Там же. Л. 179–179 об.

³ Там же. Л. 163.

⁴ Там же. Д. 122. Л. 128–128 об.

⁵ Крылов В. В. Николаевский Борис Иванович // Историки России: Биографии. С. 634.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 209. Л. 4–4 об.

архив, а четвертым — вновь образованный Архив Октябрьской революции (АОР). Разделение документальных материалов между этими архивами по дате 1 марта 1917 г. привело к тому, что МИРА лишился части своих фондов: к АОР отошли документы учреждений Временного правительства и Войскового круга Всевеликого войска Донского. Управляющим четвертым отделением был назначен В. В. Максаков, третьим отделением — Б. И. Николаевский, а после его ареста — К. И. Воинова. МИРА и АОР занимали общие помещения в здании по адресу Москворецкая ул., 25, до последующей реорганизации архивов в 1925 году.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Краткие сведения о Московском историко-революционном архиве, составленные управляющим МИРА В. В. Максаковым

9 июля 1919 г.

Московский историко-революционный архив, входивший в состав VII секции Единого государственного архивного фонда, имеет своей задачей охрану и разработку архивов бывш[их] административно-полицейских учреждений гор. Москвы, уничтоженных революцией. Эти архивные фонды являются ценным материалом, главным образом, по истории русского революционного движения.

В настоящее время в состав Московского историко-революционного архива входят следующие архивные фонды:

1. Архив бывш[его] Московского охранного отделения (Отделения по охранению общественной безопасности при канцелярии Московского градоначальства).

2. Архив бывш[его] Московского губернского жандармского управления.

3. Архив бывш[их] железнодорожных жандармских полицейских управлений и их отделений.

4. Архив б[ывшей] канцелярии Московского генерал-губернатора.

5. Секретные дела б[ывшей] Московской губернской тюремной стражи.

6. Секретные дела конторы б[ывших] императорских театров.

7. Секретные дела б[ывшей] канцелярии попечителя Московского учебного округа.

8. Архив быв[шей] Московской судебной палаты (часть архива — дела Уголовного департамента и Прокурорской канцелярии по государственным преступлениям).

9. Дела быв[шего] Московского цензурного комитета и Московского комитета по делам печати.

10. Архив Суздальского Спасо-Ефимиевского монастыря (нахождение дел этого архива в Московском историко-революционном архиве объясняется тем, что Суздальский Спасо-Ефимьевский монастырь наряду с Соловецким являлся местом заключения религиозных преступников).

11. Дела бывш[его] Департамента полиции (архив быв[шего] Департамента полиции входит в состав Петербургского историко-революционного архива, а в Московском хранится лишь часть дел).

12. Дела бывш[его] Управления московского градоначальника.

13. Архив бывш[его] Комитета общественных организаций г. Москвы (этот комитет существовал в Москве после Февральской революции 1917 г. до избрания Городской думы летом того же года).

14. Бывш[ий] архив полиции (этот архив существует при Московском градоначальстве).

15. Дела бывш[их] полицейских участков гор. Москвы.

Это перечисление архивных фондов определяет круг дел, хранящихся в Московском историко-революционном архиве.

Большинство этих фондов содержат дела за все время существования учреждений, часть же фондов представляет собой разрозненные дела учреждений (вследствие гибели части дел, неизвестности их местонахождения).

Так, в архиве Суздальского монастыря наиболее старые дела восходят к XV–XVII вв. В архиве б[ывшей] канцелярии Московского генерал-губернатора — к началу XIX века (1913 года). В большинстве архивных фондов сохранились дела до революции 1917 года.

В состав Московского историко-революционного архива входят также:

1. Библиотека. В нее вошли книги, брошюры, периодические издания, хранящиеся в бывш[их] полицейских и административных учреждениях (как библиотеки этих учреждений, так и конфискованные и отобранные при обысках издания). В библиотеке в особый отдел выделены все имеющиеся «нелегальные» издания, выходившие как в России, так и за границей (книги, брошюры, журналы, газеты, прокламации, листовки).

Особый отдел в библиотеке составляют рукописи (сюда выделены рукописи, отобранные при обысках и не относящиеся к какому-либо из дел).

2. Иллюстративный отдел. В этот отдел выделены портреты, снимки и рисунки, имеющие отношение к истории революционного движения.

В задачу Московского историко-революционного архива входит также собрание материалов по истории революции 1917–1919 гг. (дела, документы, издания, снимки и т. д.).

Работа в архиве заключается в разборке архивных фондов, проверке описей и составлении новых.

На архиве лежит также обязанность давать справки по запросам правительственных учреждений (следственных комиссий при революционных

трибуналах, чрезвычайных комиссий по делам о провокаторах, секретных сотрудниках).

Ввиду того, что ряд дел за последние годы не потерял, на основании указанного выше, практического значения, а также ввиду того, что не все отделы архива приведены в порядок, годный для пользования, доступ в архив для занятий посторонним лицам разрешается лишь Главным управлением архивным делом (Главархивом).

Существовавшей в Москве в 1917 году Комиссией по обеспечению нового строя был опубликован список секретных сотрудников Московского охранного отделения (эта брошюра прилагается), составленный по данным архива.

Управляющий Московским историко-революционным архивом.

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 176. Л. 33–34. Копия.

№ 2

Из отчета инспектора Н. Ф. Бельчикова о ревизии Московского историко-революционного архива за время с 17 сентября по 1 октября 1919 года

12 января 1920 г.¹

За указанные две недели мне удалось ознакомиться с деятельностью всех сотрудников ИРА, определить состав фондов и видеть работу архива в целом.

По полученным из канцелярии Главархива сведениям от 16/X, состав сотрудников Истор[ико]-револ[юционного] архива исчисляется в 23 человека, из которых числилось в отпуску 3 сотрудника: Андерс, завед[ующий] отдел[ом], Михайлов — вахтер, Виноградов — курьер.

Работа в архиве.

а) Порядок занятий в архиве с внешней стороны образцовый: сотрудники являются вовремя (10 ч. у[тра]), прилежно занимаются каждый своим делом до 4-х часов с перерывом на 1/2 для обеда (обед происходит во втором этаже помещения архива).

в) Случаи выдачи на дом документов из архива *были* только с разрешения Главархива, именно: т. Бреслау и Чрезв[ычайной] след[ственной] ком[иссии] при трибунале было выдано дело доктора Терриана. Все выданные дела получены ар[хивом] обратно в целом виде.

г) К пользованию документами в самом архиве допускаются лица лишь с разрешения всякий раз Главархива; причем заведующий архивом руко-

¹ Датируется по дате входящего документа.

водится инструкцией, выработанной совещанием управляющих. До сих пор в Историко-революционном архиве с разрешения Главархива занимались изучением документов следующие лица: В. Л. Львов-Рогачевский, Ю. Мархлевский, Н. Ракитников, Ю. В. Тарич, который продолжает свои занятия и в настоящее время.

е) Пропажи документов при завед[ующем] архивом В. В. Максакове с 1 августа 1918 г. не было, а в прошлом случаи такие были. «Получен был, напр[имер], однажды в архиве из ВЧК пакет с оригиналами клише портретов и снимков, воспроизведенных в труде “Жизнь Охранного отделения во время царской власти”. Труд этот, напечатанный сначала в “Голосе минувшего” за 1917 г., был выпущен затем отдельным изданием и принадлежал перу бывш[его] сотрудника Комиссии по разработке политических архивов — инженера Жилинского, у которого, впоследствии, при производстве обыска по другому поводу и были найдены эти снимки, возвращенные архиву по принадлежности. Другой случай преступного обращения с делами имел место в 1917 г., когда служившая в ту пору в а[рхиве] Муза Федорова, выбывшая впоследствии из М[осквы], выбрала до 10 дел Секретного отделения б[ывшей] канцелярии ген[ерал]-губ[ернатор]а за время 1830–[18]50 гг., возвратив из них лишь немногие, а на остальных оставив свои записки о взятии ею этих дел» (выписка взята из акта о ревизии ИРА от 11 августа с/г старш[им] контролером Госкона П. В. Корниловым, см. стр. 9, в Главархив, копия акта приема от 12/VIII с/г за № 416).

д) Библиотекой пользуются — большей частью сотрудник Ист[орико]-рев[олюционного] арх[ива] при наведении справок, и редко лица, занимающиеся (Тарич) и занимавшиеся (Львов-Рогачевский).

ж) Большая часть архивных фондов, находящихся в Ист[орико]-революц[ионном] архиве разобрана; документы разложены по полкам стеллажей, полок, шкафов, и обозначены каждый отдельный том или вязка особым ярлыком, таково состояние быв[шей] канц[елярии] губ[ернатора] и др., разбором которых ведал архивариус Вашман. Дела Охранного отделения таких ярлыков не имеют, так как они не нужны, и, во-вторых, и что эти дела немногочисленны и сотрудникам приходится постоянно к ним обращаться. Менее разобраны и в меньшем порядке дела б[ывшей] Судебной палаты, только потому что недавно — месяца за два до моего посещения архива было приступлено к разбору этого фонда.

Прямым дополнением к архиву б[ывшего] Охранного отделения являются карточные указатели; указатели были созданы еще самой Охранкой, сотрудники для своей работы постоянно прибегают к этому подспорью и бережно хранят и осторожно обращаются с этими указателями — алфавитами.

Есть некоторые фонды, правда, небольшие — совсем неразобранные, но хранение и таковых, безусловно, бережное и вообще отношение сотрудников к документам вполне культурное.

з) Ключи от архива находятся у заведующего архивом, в его отсутствие — у помощника заведующего, в случае отсутствия обоих — у лица

охраняющего. Архив отпирается и запирается обычно после тщательного осмотра всего помещения архива совместно с вахтером и тем лицом, у которого ключи.

и) Вечерних занятий до сих пор в Истор[ико]-революц[ионном] архиве не было, только с 29 сентября приступлено к их организации таким порядком: 1) выделена группа сотрудников для занятий в вечернее время, 2) некоторым из них должно быть вменено в обязанность выдавать по требованию документы и следить за сохранностью во время пользования взятых документов. По мнению заведующего арх[ивом], наиболее подходящими для этих обязанностей являются сотрудницы Бланкова и Слепцова.

Текущая работа сотрудников Истор[ико]-революц[ионного] архива.

Работа сотрудников в данное время протекает в двух направлениях: с одной стороны, происходит выдача справок по запросам следственных учреждений; с другой — ведется планомерная работа по разборке имеющихся архивных фондов, по приведению в порядок, наличности дел, а также составлению описей. Эти два пути работы определяются, несомненно, характером архивных фондов Ист[орико]-рев[олюционного] архива, которые я бы поделил по характеру на два резко отличных друг от друга типа: 1) охранка и 2) канцелярия м[осковского] губ[ернатор]а и град[оначальник]а. Ясно, что в данное время архив б[ывшего] Охранного отделения, естественно, потребует, главным образом, от сотрудников справок по выяснению причастности того или иного лица к делам б[ывшего] Охранного отделения, по вопросам ЧК или Следст[венного] трибунала. Этим, разумеется, не исключается и работа по разборке и описанию дел «общие дела». Архивы же б[ывшей] канцелярии губ[ернатор]а и град[оначальник]а, Ценз[урного] ком[итет]а, естественно, направляли работу сотрудников в смысле выяснения и выявления их наличности.

I. Отдел б[ывшего] Охранного отделения. Состав его распадается на фонды:

- а) Общий отдел,
- б) Агентурный отдел,
- г) Жандармское и Полиц[ейское] управления жел[езных] дор[ог].

В отделе занимаются: архивист Бланкова, помощ[ник] архивариуса Слепцова и начин[ающая] научн[ая] сотрудница Лейбман.

Ко времени моего посещения фонды были уже разобраны, составлены описи, вернее, проверены полученные из Охр[анного] Отд[еления] с архивом, как и карточные указатели, и задачей работы во время моего посещения была проверка данных только что изданной книги Членова С. Б. «Московская охранка и ее секретные сотрудники» (изд. М., 1919 г. в сент[ябре] месяце), по предложению М[осковской] ч[резвычайной] комиссии.

Имея в виду, что быстрота справок зависит от умения разбираться в тех сложных алфавитных указателях, которые велись в Охранном отделении,

я свое ознакомление с сотрудниками посвятил тому, чтобы проверить их практический опыт, и произведенные в моем присутствии сотрудниками Бланковой и Слепцовой разыскания о некоторых фамилиях убедили, что означенные сотрудницы прекрасно осведомлены в данных архивных материалах, хорошо овладели техникой дела и хорошо представляют весь механизм и построение этой довольно сложной справочной лаборатории.

II. Отдел канцелярий б[ывшего] губ[ернатор]а и град[оначальник]а, учреждений, заменивших их первые месяцы революции, Ценз[урного] ком[итет]а и др.

Отдел этот по составу входящих в него фондов очень разнообразен. В отделе занимаются: архивист Вашман, помощники архивариуса — Федорова и Грунаю.

Сотрудниками отдела к данному времени произведена разборка дел, полная проверка их по описям, ввиду чего составлены описи делам, которых не оказалось налицо в фондах, составлены описи на все фонды, правда, очень краткие и далеко не точные.

Дела разложены в образцовом порядке по полкам, каждая связка или папка дел занумерована и снабжена ярлычком.

Однако ревизующий, при всех столь очевидных признаках умелого ведения дел, должен сказать, что уклон в работе сотрудников отделения получился почему-то в сторону внешнего порядка и строгой сохранности дел, правда, это большая заслуга сотрудников, но, думается, пора уже приступать и к более серьезной углубленной работе над фондами в форме составления описания их.

Некоторые приемы работы сотрудников отдела спорны; спорна также и та карточка-классификатор, по какой регистрирует все запрещенные и конфискованные издания, бывшие в Ценз[урном] ком[итете], сотрудник отдела Грунаю.

Итак, наше возражение направляется против узкого характера и объема, в каком велась здесь работа.

III. Архив Судебной палаты (подробн[о] см. отчеты Ист[орико]-р[еволюционного] а[рхива]). Занимается разбором дел и составлением описей архивариус Вас[илий] Петр[ович] Перепелкин с 16 августа 1918 года.

Алфавиты на дела были получены с архивом. Для ревизующего осталось непонятным, почему в Ист[орико]-рев[олюционном] архиве разбираются дела Судебной палаты, политические понятно почему, но гражданские. Работа подвигается у сотрудника Перепелкина медленно, особенно потому, что часть дел до сих пор хранится в Кремле и ее трудно переправить сюда.

IV. Библиотека. Здесь занимаются: архивариус Журдан и начин[ающие] научн[ые] сотрудники Шишов и Семенова.

В настоящее время библиотека представляет очень небольшое собрание книг и иллюстрац[ионного] материала, будучи переведена в большей своей части в Социальную академию; работы в самой библиотеке почти

нет, некоторое время можно потратить на разбор иллюстраций, фотографий и т. п., а затем необходимо использовать силы сотрудников по разборке архивных материалов.

V. В жизни Истор[ико]-рев[олюционного] архива было за последнее время важное событие — ревизия представителем Госуд[арственного] контроля — Корниловым, в связи с заметкой в «Правде» Бизюка.

Акт и копия препровождается в Главархив, ревизия выяснила совершенную неприменимость к Московскому истор[ико]-рев[олюционному] архиву тех обвинений, кои содержатся в заметке Бизюка.

Конкретные предложения.

1. Подводя итоги всему, небезынтересно решить общий вопрос, что же такое Московский ист[орико]-рев[олюционный] архив с точки зрения составляющих его архивных фондов, и в связи с этим — с тем направлением текущей в нем работы сотрудников¹ — возможны два ответа: во-первых — это архивохранилище документов, рисующих эволюцию явления, т. е. всю историю рев[олюционного] процесса, во-вторых — это собрание материалов, иллюстрирующих только известные страницы револ[юционного] движения.

Первое безусловно неприложимо к Московскому ист[орико]-рев[олюционному] архиву: ибо нет полного и законченного собрания материалов, здесь многое случайно, многое мало имеет отношения, казалось бы, к Ист[орико]-рев[олюционному] архиву.

В настоящем своем виде Ист[орико]-рев[олюционный] архив, особенно имея в виду текущую работу а[рхива], — *это справочная лаборатория — подспорье для современных следственных учреждений*, и лишь в меньшей степени архив. Наше предложение сводится к тому, чтобы небольшое, но ценное о некоторых моментах революционного движения собрание документов было полезно другим фондам и чтобы жизнь и работа Московского ист[орико]-рев[олюционного] архива при наличии большого числа фондов вошла в обычную для архивов колею, направилась по известному руслу архивоведения. Только обогащение новыми фондами создаст в М[осковском] ист[орико]-рев[олюционном] архиве перевес в сторону архивоведения, и с прекращением временной работы по запросам следственных учреждений в архиве будет подготовлено широкое поле для собственной научной работы.

2. Ввиду этого необходимо теперь же в тех отделах, где и в данных условиях по характеру имеющихся уже в архиве фондов возможна вполне научная работа, — углубить и усилить таковую работу, особенно в смысле составления описаний дел, как, напр[имер], в отделе канцелярии губ[ернатор]а и град[оначальник]а, что до этого времени почти не было начато.

¹ Далее отточие.

3. В фондах М[осковского] истор[ико]-рев[олюционного] архива много материалов, не имеющих ни научной, ни иной какой-либо ценности, а потому необходимо приступить к выделению таковых дел для передачи в Главбум. След[овательно], необходимо предложить заведующему архивом образовать для данной цели Разборочную комиссию.

4. Предложить заведующему архивом выяснить, какие собственно дела Судебной палаты разбираются в архиве и каково их отношение к Ист[орико]-рев[олюционному] архиву.

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 18. Л. 21–24 об. Копия.

№ 3

Из протокола № 92 заседания Инспекции Главархива¹

19 июля 1920 г.

[...]

10. Заслушано: о деятельности Отдела текущей революции Историко-революционного архива. В целях развития деятельности этого отдела

ПОСТАНОВЛЕНО: 1. Войти в сношения с НКПр о включении Историко-революционного архива в число тех государственных учреждений, которым доставляются обязательные экземпляры.

2. Войти в переговоры с Книжной палатой о предоставлении Историко-революционному архиву из ее запасов 1 экземпляра всех изданий с 1917 г.

3. Войти в сношения с НКИД по вопросу о постановке в будущем дела собирания для Историко-революционного архива выходящих за границей русской литературы и литературы о России.

4. Войти с ним же в переговоры о передаче из архивов всех таковых изданий, поскольку они нужны для текущей работы или имеются в дублетах.

5. Войти в сношения с Ростой, Центропечатью и НКВД о способах снабжения Историко-революционного архива провинциальной печатью.

6. Войти в сношения с Петербургом о снабжении зарубежной печатью.

7. Провести в законодательном порядке акт, определяющий права Историко-революционного архива на белогвардейские архивы.

ПОСТАНОВЛЕНО: принять к исполнению.

В. Пичета

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 124. Л. 102 об. Подлинник.

¹ На заседании инспекции присутствовали: В. И. Пичета, М. С. Вишневский, Л. Н. Тюрина и Н. Н. Терновский.

№ 4

**Докладная записка управляющего Московским
историко-революционным архивом Б. И. Николаевского
в Главное управление архивным делом по поводу плана научных
работ МИРА и развития научно-справочного аппарата архива**

18 сентября 1920 г.

План научных работ в Московском историко-революционном архиве должен быть следующий: I) В настоящее время архив обладает только перечневыми описями, к тому же далеко не исчерпывающе полными (так, не имеется описей на половину дел архива Судебной палаты, отсутствуют описи ряда отделов архива «Муравьевской» и Чрезвычайной следственной комиссии и т. д.), причем некоторые из этих описей совершенно не знакомят даже в общих чертах с содержанием дел (так, в описанной части архива Суд[ебной] палаты в большинстве случаев нет даже указаний на статьи, по которым данный обвиняемый привлекался). Работать в архиве с такими описями представляется крайне трудным делом. Поэтому ближайшей необходимой задачей Историко-революционного архива является упорядочение дела с описями, т. е. в первую очередь составление перечневых описей на те фонды, где таковых не имеется, затем замена этих описей карточным каталогом, составленным согласно требованиям современной архивной науки. Предварительно выработка плана этой последней работы. МИР архивом послан запрос в Петроградский ИР архив с просьбой сообщить все имеющиеся по данному вопросу материалы. II) Петроградским ИР архивом и Библиограф[ическим] бюро при П[е]т[ро]г[радском] музее революции организованы широко задуманные работы по библиографии, с одной стороны, произведений (подпольной и заграничной печати) и, с другой — всех книг, статей и заметок по истории революционного движения в России. Т. к. в материалах МИРА, а также в собраниях моск[овских] госуд[арственных] книгохранилищ, несомненно, имеются такие произведения нелегальной печати, которых нет в Петрограде, и т. к. МИРА также заинтересован в возможно большей полноте предпринятых в П[е]т[ро]г[ра]де работ, столь необходимых для каждого, кто берется серьезно работать по истории революционного движения, то крайне необходимым представляется принятие МИРА участия в работах его петроградского коллеги в области и[сторико]-р[еволюционной] библиографии.

III) Самостоятельная научная работа МИРА, считаясь с ценностью хранящихся в ней фондов, должна быть сконцентрирована, в первую очередь, на следующих вопросах:

1) *История с[о]циал]-демократии.* В этой области надлежит наметить наиболее важные с точки зрения развития с[о]циал]-д[емократического]

движения моменты и приступить к изданию (или подготовке к изданию) материалов по их истории, таковыми моментами, в первую очередь, по моему мнению, надлежит считать: а) середину [18]90-х годов как эпоху перехода с[оциал]-д[емократического движения] к массовой агитации в след[ующие годы] и первые шаги формирования его, как политической партии, 2) годы «Искры» и 3) годы массового движения 1905–[19]07. Так как работа по изданию материалов по истории с[оциал]-д[емократии] ведется одновременно и другими учреждениями, то, чтобы не было параллелизма, надлежит сосредоточить усилия и [сторико]-р[еволюционного] архива на области, к работам в кот[орой] еще не приступлено, а именно, по подготовке к изданию полит[ических] процессов. В качестве проекта плана для их издания я считаю возможным предложить тот план, который принят по отношению к изданию процессов СПб Союза борьбы, а именно: том, посвященный каждому отдельному процессу (характер архивн[ых] материалов диктует издание сборников именно по процессам), должен состоять из двух частей — статей и приложений документов; в первом отделе должен быть дан общий обзор хода процесса по архивным материалам, а также, если возможно, вводная статья, посвященная данному моменту в истории с[оциал]-д[емократического] движения, написанная на основании как архивных, так и литературных данных и воспоминаний; во втором отделе должны быть даны документы по приблизительно следующей программе: а) заключение прокурора или обвин[ительный] акт по делу, б) сведения (официального характера) о всех участниках процесса, в) издания той организации, которая привлечена к данному процессу, г) показания центральных лиц, д) показания провокаторов или предателей, е) некрологи тех участников из процессов, которых нет в данное время в живых. Каждый такой сборник должен являться вполне законченным целым. На первую очередь я считаю нужным приступить к изданию след[ующих] процессов: 1) дела первого с[оциал]-д[емократического] кружка 1884–[18]86 гг. (Благоева, Харитонов и др.); 2) дела СПб Союза борьбы [18]95 г. и 1886 г.; 3) дело Московского комитета 1893–[18]94 гг.; 4) дело Московского рабочего союза [18]96 г.; 5) дела I съезда РСДРП; 6) дело Бунда [18]98 г.; 7) дело «Искры» (Крохмаль и др.); 8) дело Белостокской конференции 1902 г.

2) *История рабочего движения.* Здесь работа должна вестись в нескольких направлениях; прежде всего выяснение фактической истории массового рабочего движения, начиная с стихийных возмущений рабочих; далее надлежит разобрать по архивным данным статистику стачечного движения (за его т[ак] наз[ываемый] доисторический период); обследовать материалы по истории рабочей политики царского правительства; собрать материалы о борьбе легальных рабочих организаций за существование, наконец, особо тщательно обследовать все материалы о первых попытках строительства всякого рода советов (рабочих, рабочих и солдатских, безработных и т. д. де-

путатов) в период первой революции. Обилие задач, которые следует преследовать в этой области, и разбросанность материалов заставляют для этой отрасли работ архива предложить несколько иной план издательской деятельности, а именно, не издание законченных томов, каждого посвященного одной вполне определенной теме, а издание неперiodических, выходящих по мере накопления материалов, сборников статей, обзоров, документов, объединенных лишь общими интересами в указанных выше рамках (напр[имер], вроде «Материалов по истории рабочего движения в России»).

3) Кроме означенных двух серий трудов, являющихся основными, по моему, было бы крайне желательным, ввиду огромной роли, сыгранной максимализмом во Вторую русскую революцию, издание серии работ, посвященных обследованию роли максималистических тенденций в русском революционном движении в период первой русской революции.

IV) Наконец, в области изучения второй революции [19]17–[19]20 гг., по каковому периоду в Московском историко-революционном архиве собран значительный материал, я считаю целесообразным организацию работы по составлению хронологической канвы событий этих лет (предложение об организации этой работы мною уже было сделано в отчете по Московскому историко-революционному архиву за июль месяц).

Подробный план работ в этой области мною может быть предоставлен в ближайшие дни.

Управляющий Б. Николаевский

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 245. Л. 20–21. Подлинник.

В. П. Наумов

Петроградский историко-революционный архив (ПИРА) (1917–1927 гг.)

Основным местом хранения документов учреждений политического сыска Российской империи являлся архив Департамента полиции, в котором находились как законченные производством дела департамента, так и обширный фонд его предшественника — III отделения Собственной е. и. в. канцелярии. В конце февраля — начале марта 1917 г. Архив Департамента полиции подвергся разгрому, однако основную часть дел удалось сохранить и перевезти в помещения Пушкинского дома и Рукописного отделения Академии наук¹. Там были размещены материалы

¹ *Максаков В. В.* Архив революции и внешней политики XIX и XX вв. // Архивное дело. 1927. Вып. 13. С. 29.

III отделения Собственной е. и. в. канцелярии (около 100 000 дел) и архив Департамента полиции (около 140 000 дел с 1881 по 1903 г.). Документы текущего делопроизводства Департамента полиции (около 500 000 дел за 1903–1917 гг.) были переданы в ведение Особой комиссии по расследованию деятельности Департамента полиции под председательством П. Е. Щеголева¹. В июле 1918 г. эти материалы были перевезены в помещение бывшего Сената. Таким образом было положено начало существованию Петроградского историко-революционного архива, который был образован 1 августа 1918 г. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» Петроградский историко-революционный архив именовался также петроградским отделением VII (историко-революционной) секции ЕГАФ.

Перевозка документов текущего делопроизводства Департамента полиции в здание Сената закончилась в начале августа 1918 г., после чего туда же начали перевозиться материалы III отделения Собственной е. и. в. канцелярии и архива Департамента полиции из помещений Пушкинского дома и Рукописного отделения Академии наук. До конца октября 1918 г. в Петроградский историко-революционный архив были переданы документы Санкт-Петербургского (Петроградского) охранного отделения, фонды жандармских управлений, эвакуированные из Западного края, а также архив Палаты Михаила Архангела². Перевозка обширных материалов Департамента полиции из библиотеки Академии наук и присоединение их к фондам ПИРА продолжались до февраля 1919 года³.

Здание Сената первоначально было плохо приспособлено для хранения архивных документов. В нем не было ни стеллажей, ни шкафов; дела приходилось временно складывать в комнатах на полу. К середине августа 1918 г. в помещениях Петроградского историко-революционного архива были установлены шкафы, перевезенные из здания бывшего Департамента полиции. После этого сотрудники архива смогли приступить к разборке дел по делопроизводствам, по годам и номерам. Одновременно составлялись краткие «перечневые» описи дел, которые сверялись со старыми инвентарными описями Департамента полиции⁴.

В октябре 1918 г. появилась возможность приступить к научному описанию документов. Сотрудники отделов III отделения и Особого отдела Департамента полиции начали составление обзоров документов, которые

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 176. Л. 7–7 об.; Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М., 1990. С. 11.

² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 73. Л. 2–2 об.

³ Там же. Д. 126. Л. 7.

⁴ Там же. Д. 73. Л. 9 об.

впоследствии предполагалось опубликовать в «Памятной книжке» Петроградского историко-революционного архива¹. К сожалению, это издание, запланированное на начало 1919 г., не удалось осуществить из-за материальных трудностей.

В марте 1919 г. был открыт читальный зал архива². До конца года в нем работало 5 исследователей, занимавшихся проблемами истории революционного и общественного движения.

К сентябрю 1919 г. почти все материалы Петроградского историко-революционного архива были разобраны и систематизированы по фондам, были составлены новые описи на них и восстановлен прежний справочный аппарат: инвентарные описи, алфавиты, регистраторы. В то же время новые поступления августа–сентября 1919 г. (документы Отдельного штаба Корпуса жандармов, Управления коменданта Петропавловской крепости) представляли собой «хаотические кучи дел, разбитые и разрозненные дела, различную переписку при отсутствии описей»³.

В 1918 г. и первой половине 1919 г. на заседаниях коллегии Главархива неоднократно ставился вопрос о перевозке фондов Петроградского историко-революционного архива в Москву. Первый шаг в этом направлении был предпринят 20 августа 1919 г., когда инспекция Главархива по предложению заведующего ГУАД Д. Б. Рязанова постановила «командировать в Петербург инспектора Д. И. Нечкина для вывоза в Москву документов из архивов об М. А. Бакуanine, А. И. Герцене и Огареве»⁴. Затем последовало личное распоряжение Д. Б. Рязанова о немедленной перевозке в Москву дел Н. Г. Чернышевского, Т. М. Михайлова, М. А. Бакунина и всеподданнейших обзоров III отделения⁵.

28 сентября 1919 г. Д. И. Нечкин доложил коллегии Главархива, что им перевезен из Петрограда в Москву 21 ящик с делами III отделения и что осталось перевезти не менее 250 ящиков. Он отметил, что «перевозка дел в высшей степени затруднительна в отношении как транспорта, так и упаковочных средств (ящиков и веревок)»⁶. Перевезенные в Москву материалы были временно размещены в Архиве иностранных дел на Воздвиженке. Дела о М. А. Бакуanine, П. Л. Лаврове и Н. Г. Чернышевском были лично переданы Нечкиным Рязанову под расписку⁷.

¹ Там же.

² Там же. Д. 126. Л. 7.

³ Там же. Д. 176. Л. 7–7 об.

⁴ Там же. Д. 124. Л. 30.

⁵ Там же. Д. 176. Л. 9.

⁶ Там же. Д. 6. Л. 266.

⁷ Там же. Д. 174. Л. 113.

21 октября 1919 г. Совет военной обороны Петроградского укрепленного района потребовал передать ему для эвакуации часть материалов Департамента полиции и Петроградского охранного отделения. К эвакуации в первую очередь предназначались дела Особого отдела Департамента полиции с 1908 по 1917 г., Секретной части Особого отдела с 1905 по 1917 г., Инспекторского отдела, 3-го делопроизводства Департамента полиции, касающиеся денежной отчетности по политическому розыску, а также регистраторы Секретного отдела¹.

Работа по подготовке документов к эвакуации началась 23 октября. За девять дней и ночей было нагружено и упаковано 165 ящиков дел и 2 ящика с секретным регистратором. Общее количество эвакуируемых дел составило 29 099. В конце ноября они были направлены по железной дороге в Москву в адрес ЦК РКП(б)². В дальнейшем предполагалось перевезти в Москву все материалы Петроградского историко-революционного архива, соединить их с фондами московских отделений VII и VIII секций ЕГАФ и образовать таким образом «самостоятельный историко-революционный единый фонд, не подчиненный Главному управлению архивным делом». По одной версии, он должен был поступить в ведение Совета народных комиссаров РСФСР, по другой — в ведение ЦК РКП(б)³.

На заседании коллегии Петроградского отделения Главного управления архивным делом 3 декабря 1919 г. была заслушана телеграмма заведующего Главархивом Д. Б. Рязанова о том, что Историко-революционный архив в Петрограде ликвидируется с 1 декабря. Служащим архива было предложено подготовить архивные документы к перевозке в Москву, начиная с дел III отделения⁴. Планировался также переезд в Москву всех сотрудников Петроградского историко-революционного архива⁵.

Эти планы не были реализованы. Перевозка в Москву документов Департамента полиции в конце 1919 г. также не состоялась; ящики с делами несколько месяцев пролежали на складах Николаевской железной дороги, а затем были возвращены в Петроградский историко-революционный архив. Решение о ликвидации архива официально не было отменено, но, тем не менее, он продолжал существовать еще семь лет.

17 января 1921 г. управляющий Петроградским историко-революционным архивом П. Е. Щеголев обратился к коллегии Главархива с просьбой возвратить в Петроград дела Департамента полиции, находившиеся в «Муравьевской комиссии» (Чрезвычайной следственной комиссии

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 126. Л. 29, 67 об.

² Там же. Л. 67 об.; Д. 176. Л. 3–4 об.

³ Там же. Д. 126. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 74 об.

⁵ Там же. Д. 6. Л. 266.

1917 г.), а также дела Особой канцелярии и III отделения, перевезенные в 1919 г. в Москву. 21 января коллегия Главархива постановила: «Отложить до решения общего вопроса о том, где будет находиться центральный Историко-Революционный Архив — в Москве или в Петербурге»¹.

Петроградский историко-революционный архив продолжал комплектоваться отдельными фондами. В июле 1923 г. на хранение поступили личные фонды политического деятеля П. Ф. Булацеля и начальника Военно-походной канцелярии В. Ф. Орлова, в августе того же года — материалы Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове. В сентябре 1923 г. из I отделения Экономической секции в ПИРА на восьми подводах был перевезен архив бывшего дворцового коменданта (около 5 тысяч ед. хр.)².

В апреле 1923 г. П. Е. Щеголев был освобожден от должности управляющего архивом, вместо него был назначен Н. Л. Сергиевский³. В 1923–1924 гг. количество сотрудников ПИРА колебалось от 19 до 27. В число основных сотрудников входили помощник управляющего архивом А. А. Шилов, начальники отделов С. Н. Валк и М. С. Вишневский, научные сотрудники И. В. Аптекман, Е. Н. Ковальская-Маньковская, Г. Л. Полинковская, Н. С. Тютчев, архивисты Ш. М. Левин, Н. И. Шевалева, архивариусы И. Г. Бендер, А. С. Воронина, А. М. Григорьева, М. Н. Модейская, К. К. Соколова⁴.

К 1925 г. в Ленинградском историко-революционном архиве насчитывалось около 2 млн дел. Помимо материалов Департамента полиции и остатков фонда III отделения, здесь хранились дела Высочайше учрежденной Следственной комиссии 1860 г., Верховной распорядительной комиссии 1880 г., Штаба Корпуса жандармов, канцелярии коменданта по управлению Петропавловской крепостью и Алексеевским равелином (1826–1917 гг.), документы Шлиссельбургской крепости (1797–1861 гг.) и Шлиссельбургского жандармского управления (1880–1900 гг.), дела жандармских округов (1827–1838 гг.), а также архив милиции Временного правительства⁵.

Окончательное решение о перевозке документов Департамента полиции из Ленинграда в Москву было принято Совнаркомом РСФСР 24 февраля 1926 г. Определенную роль в этом сыграли интересы ОГПУ, заинтересованного в работе с данными материалами с целью выявления провокаторов и секретных сотрудников. В марте–июне 1926 г. документы

¹ Там же. Д. 267. Л. 5.

² ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.

³ Там же. Л. 49 об.

⁴ Там же. Л. 49–50.

⁵ Там же. Д. 14. Л. 55.

Департамента полиции были перевезены и размещены в Архиве революции и внешней политики. Во второй половине 1926 г. и в начале 1927 г. в Москву были переданы фонды III отделения, Особого присутствия Правительствующего Сената, Штаба Отдельного корпуса жандармов и другие материалы Ленинградского историко-революционного архива, который прекратил свое существование с января 1927 года.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Отчет по I отделению VII секции Единого государственного архивного фонда от начала его существования (июль 1918 г.) по 31 октября 1918 г.

31 октября 1918 г.

Основным фондом, вошедшим в состав I отделения VII секции Единого государственного архивного фонда, являются архив и текущие делопроизводства бывш[его] Департамента полиции от 1802 г. до февраля 1917 г. включительно. Кроме него в состав Отделения вошли остатки архива и производства С[анкт]п[етер]бургского охранного отделения, остатки архивов жандармских управлений, эвакуированных из Западного края, остатки Финляндского жандармского управления и архив Палаты «Михаила Архангела». Благодаря этому обстоятельству I отд[еление] VII секции занимает среди других архивов несколько особое место. В то время как другие архивы существовали уже давно, в своем помещении, со своей организацией и относительным порядком, Историко-революционному архиву пришлось начать свою организацию с самого начала и при крайне неблагоприятных условиях. Прежде всего — в конце февраля — нач[але] марта 1917 г. Департамент полиции подвергся сильному разгрому: многие дела были уничтожены, а еще в большем количестве разбиты и разрознены; в совершенно разгромленном виде I отделение получило остатки архивов Охранки и жандармских отделений. Благодаря перевозке дел III отделения (1802–1880 гг.) и «архива» Департамента полиции (1881–1905 гг.) в Академию наук невозможно было начать предварительную их разборку; перевезенные дела в Академии наук были размещены в пяти различных помещениях, причем дела были уложены не по внутренней их связи, а исключительно в соответствии с емкостью предоставленных комнат, что вызвало, конечно, перебивку отдельных связок и дел; наконец, оставшееся в здании Департамента полиции огромное

количество дел, не приведенных еще в архивное состояние (без реестров и полистной нумерации), необходимо было эвакуировать в новое помещение, здание бывш[его] Сената, непригодное еще для их хранения. С перевозки этих дел (текущие делопроизводства) из здания бывш[его] Департамента полиции I отд[еление] VII секции Единого государственного архивного фонда и начало свою деятельность в с[е]ред[ине] июля 1918 г.; перевозка продолжалась до нач[ала] августа. Несмотря на все принятые меры против разбивки дел, все-таки нельзя было избежать ее, т. к. в новом помещении не оказалось приспособленных для хранения шкафов и прежде всего пришлось устанавливать те самые шкафы, в которых дела раньше хранились в Деп[артаменте] полиции. Благодаря этому перевезенные дела приходилось временно складывать в различных комнатах на полу, отчего пачки дел и самые дела неизбежно перепутывались. Только после установки шкафов, окончившейся в середине августа, можно было приступить и к разборке дел по делопроизводствам, по годам и номерам и расстановке их по шкафам. С середины же августа начата была перевозка других фондов I отд[еления] VII секции (б[ывшего] III отделения с. е. и. в. канцелярии и «архива» Деп[артамента] полиции 1881–1903 гг.), находившихся в нескольких помещениях Рос[сийской] академии наук. К сожалению, вследствие отсутствия перевозочных средств перевозка производилась по частям, с большими промежутками и не закончилась еще даже до настоящего времени: не перевезена большая часть «архива» Деп[артамента] по[лиции] (1881–1903 гг.) из нового здания библиотеки Академии наук и находящиеся там же карточные указатели ко всем делам Департамента. Поэтому перевезенная часть «архива» грубо разложена по делопроизводствам, а большое количество разбитых дел и отдельных бумаг (около 20 шкафов), помещенных временно в разборочной комнате, не может быть приведено в порядок из-за отсутствия именного карточного указателя.

До окончательного приведения в порядок всех дел бывш[его] Деп[артамента] полиции было решено сохранить разделение всех дел на те фонды и группы, которые существовали в Деп[артаменте] пол[иции] к февр[алю] 1917 г.; конечно, главным образом здесь дело идет о возможном соединении в будущем т[ак] наз[ываемых] «архива» (1881–1903 гг.) и «текущих делопроизводств» (1903–1917 гг.).

Когда значительная часть дел была перевезена в новое помещение, то после предварительной разборки материала выяснилось, что в состав I отделения VII секции пока войдут три основных фонда: 1) бывш[ее] III отделение с. е. имп. в. канцелярии (до 100 000 дел), 2) «архив» Деп[артамента] пол[иции] (до 140 000 дел с 1881 г. по 1903 г.) и 3) «текущие делопроизводства» (около 500 000 дел с 1903 по 1917 г.). Каждый из этих фондов,

в свою очередь, разбивается на ряд более мелких, исторически сложившихся фондов, а именно:

I. Бывшее III отделение собств. е. имп. вел. канцелярии включает в себе *пять* экспедиций и *пятнадцать* мелких фондов: 1) дела особой канцелярии Министерства полиции (1800–1816 гг.), 2) дела особой канцелярии Министерства внутренних дел (1817–1826 гг.), 3) дела Харьковского генерал-губернаторства, 4) дела Военно-следственной комиссии, 5) дела, переданные из Штаба корпуса жандармов, 6) дела жандармских округов (1827–1838 гг.), 7) дела Высочайше утвержденной Следственной комиссии (Муравьевской), 8) дела Верховной распорядительной комиссии (Лорис-Меликовской), 9) дознания генерал-майора Середы, 10) ведомости о происшествиях 1826–1876 гг., 11) доклады о дерзких словах (1858–1880 гг.), 12) Секретный архив (1800–1960 гг.), 13) секретные сведения — перлюстрация (1856–1884), 14) дела Алексеевского равелина, 15) Высочайшие отчеты и доклады по III отделению (с 1826 г.).

II. В «архив» бывш[его] Департамента полиции входят дела с 1881 г. до 1903 г.: 1) Департамента полиции исполнительной, 2) переданные в Департамент дела Особого отдела Министерства внутренних дел, 3) дела двух отделений Судебного отдела, 4–5) дела секретарской и казначейской частей и 6–12) дела семи делопроизводств. Более подробных сведений об «архиве» дать не представляется возможным, пока не будут перевезены все его дела.

III. Дела за 1903–1917 гг., не сданные в архив и составлявшие «текущие делопроизводства», разбиты по девяти делопроизводствам (первое–девятое) и двум отделам: а) «особый» отдел и б) «секретная часть особого отдела».

1) I делопроизводство (1900–1917 гг.) — преимущественно дела личного состава полиции; 2) II делопроизводство (1900–1917 гг.) касается главным образом проектов положений, инструкций чинам полиции, разработки положений о мерах охранения порядка и об иностранцах; 3) III делопроизводство (1890–1917 гг.) до 1908 г. касалось негласного надзора, политической неблагонадежности, выбора мест жительства; позднее же в нем сосредоточилась денежная отчетность по агентурно-розыскным надобностям, 4) IV делопроизводство (1903–1917 гг.) — наблюдение за всеми видами общественного движения, кроме партийных; 5) V делопроизводство (1903–1917 гг.) — высылка разных лиц и сведения о поднадзорных, 6) VI делопроизводство (1900–1917 гг.) — переписка о политической благонадежности; 7) VII делопроизводство (1903–1917 гг.) касается наблюдений за жандармскими дознаниями по обвинению лиц в государственных преступлениях, а позднее вопросов законодательного характера; 8) остатки VIII делопроизводства — дела по борьбе с преступностью; 9) IX делопроизводство (1908–1917 гг.) — проступки иностран-

ных подданных и шпионаж; 10) огромный «Особый отдел» (до 180 000 дел) преимущественно за 1898–1917 гг. касается политического розыска и наблюдения за партийными организациями, союзами и т. п. В него же входят: а) инспекторский отдел и б) дела канцелярии товарища министра ген[ерал]-майора Джунковского; 11) секретная часть Особого отдела — дела об отдельных сотрудниках и выдающихся революционерах, денежная отчетность по секретным расходам. К нему присоединены: а) архив Меллер-Закомельского, б) перлюстрационный архив, в) собрание шифров, г) остатки фондов Охранного и жандармских отделений, е) архив «Михаила Архангела» и ж) огромное количество карточных указателей имен, списков, фотографических карточек и т. п.

IV. Кроме указательных фондов при I отделении VII секции имеется библиотека нелегальных изданий (напечатанных как за границей, так и в России), а также изданий 1905 г. и след[ующих] годов, конфискованных, отобранных при обысках, уничтоженных и т. п. Как указано выше, разборка и приведение в порядок дел начались по отдельным фондам с середины августа месяца. Первыми вопросами, выдвинувшимися при этой работе, были вопросы: об учете всего, что получило I отделение VII секции от Департамента полиции, и о степени утраты дел, происшедшей во время разгрома Деп[артамента] полиции и перевозки дел в разные помещения.

Для первой задачи была выработана так назыв[аемая] «перечневая опись» (См. приложение 1)¹, при помощи которой можно было бы быстро ориентироваться в количестве дел, имеющихся налицо в архиве, их №№, частей, томов, отдельных приложений, и выяснить количество дел отсутствующих. Для второй задачи — выяснения судьбы утраченных дел, признано необходимым сверить составленные перечневые описи с сохранившимися инвентарными описями бывш[его] Департамента полиции. Кроме того, в целях более полного представления о делопроизводствах и для учета работы по отделениям была выработана для заведующих отделами анкета (См. приложение 2)² и форма ведомости, позволяющая видеть ход работы (См. приложение 3)³.

В настоящее время для всех отделов I отделения VII секции перечневые описи уже составлены (за исключением не перевезенного еще «архива»), и в большинстве отделов работающие приступили к сверке их со старыми описями. После такой сверки — по старым инвентарными описям можно будет составить новые инвентарные описи только для дел, имеющихся налицо в архиве, а для тех годов и отделов, инвентарные описи которых не

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 73. Л. 6.

² Там же. Л. 7–7 об.

³ Там же. Л. 8.

сохранились, составить таковые описи заново. Форма инвентарных описей принята старая (№ дела, начало и конец его, краткое заглавие, списанное с заголовка дела, его части, количество листов и степень сохранности).

Одновременно с приведением в порядок дел и составления для них внешних описей I отд[еление] VII секции приступило к разработке вопросов, связанных с открытием имеющего[ся] архивного богатства для ученых занятий. Для выполнения этой задачи был намечен проект составления научного описания всех дел архива (См. приложение 4), который был подвергнут тщательному обсуждению в нескольких собраниях всех заведующих отделами. Результатом этих обсуждений явилась прилагаемая инструкция для составления описания архивных дел (См. приложение 5)¹. Для этого описания решено было руководствоваться принципами библиографирования, а не вдаваться в изложение-исследование дела, которое может только бесконечно затянуть выполнение работы, не избавив все-таки работающих от необходимости обследовать подлинные документы. После окончательной выработки инструкции некоторые из работающих в Отделении уже приступили к описанию отдельных дел III отделения с. е. имп. вел. канцелярии, причем в ходе работы практически наметились некоторые, правда, незначительные дополнения и поправки.

Но, конечно, подробное, хотя бы и внешнее описание каждого дела потребует для своего завершения большого количества времени. Между тем, было бы крайне желательно в возможно краткий срок познакомить исследователей с тем материалом, который они могут найти в Историко-революционном архиве. Для этой цели было решено составить к нач. 1919 г. памятную книжку архива, в которую вошли бы исторические сведения о самом архиве, о его фондах, о тех вопросах, которые входили в круг ведения, в разное время, того или другого отдела, и указать, хотя бы и субъективно, наиболее интересные для общественного движения и наиболее ценные в научном отношении дела с кратким их заглавием и указанием их номеров и времени. Субъективность выбора дел не может играть большой роли, так как подобным обзором будут пользоваться только временно, до окончания научного описания всех дел архива. К составлению подобного обзора дел уже приступили в двух, наиболее приведенных в порядок, отделах: III отделении и в Особом отделе, в течение ноября месяца подобные обзоры будут произведены и по другим отделам. Более подробные сведения о способе составления обзора — см. приложение 6². Что же касается первой части памятной книжки (сведения об архиве, его

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 73. Л. 11–14.

² Там же. Л. 15–15 об.

фондах и т. п.), которая может иметь не только временное, но и общее историческое значение, как характеризующая прошлое архивов, вошедших в состав I отделения VII секции, то все материалы для нее уже выбраны из различных обзоров Министерства внутренних дел, циркуляров и записок Департамента полиции и т. п. и прилагаются также при настоящем отчете — (см. приложение 7)¹. Чисто внешняя, справочная форма, в которую сгруппированы вопросы, входившие в круг ведения отдела, объясняется тем, что при составлении их имелось также в виду — дать каждому заведующему отделом историческое обозрение его отдела или делопроизводства. Подобный обзор уже оказал услугу при разборе дел, определении их принадлежности к тому или другому делопроизводству и т. п. Весь этот материал для помещения в памятной книжке нуждается только во внешней обработке.

Параллельно с черновой разборкой дел, их внешней описью, составлением их обзора и описания I отделением VII секции намечен план издания архивных документов по истории революционного движения, подробности которого изложены в особой записке (см. приложение 8)². Кое-что из намеченного в этой записке уже подготовлено к печати и может быть осуществлено на деле. Напр[имер], Высочайшие отчеты по III отделению за 1826–1869 гг. вполне готовы к печати, переписан упомянутый труд по истории революционного движения 1860 г. С. С. Татищева, причем первые главы его дополнены библиографическими примечаниями с указанием более поздней литературы предмета; могут быть сданы в печать сейчас же труды Мальшинского и Голицына; в незначительной обработке нуждаются жандармские обзоры. Немедленному осуществлению хотя бы начала издания мешает неопределенность денежных средств, которые могут быть отпущены на издание и на окончание предварительной к нему работы.

В течение октября месяца сильно подвинулось вперед намеченное в указанной записке составление библиографии по истории революционного движения. После предварительной разборки библиотеки I отделения VII секции и распределения материала по отдельным группам и издательствам была выработана и обсуждена совместно с работающими в библиотеке инструкция по описанию книг, брошюр и периодических изданий (см. приложение 9)³. Одновременно начата эта работа в двух направлениях: В. В. Водовозов взял на себя описание нелегальной литературы до 1878 г. — до образования «Земли и Воли», а Э. А. Серебряков и Гр. Л. Полинковская — со времени образования «Земли и Воли» до появления в конце 1890 — нач[але] 1900 гг. чисто партийной литературы.

¹ Там же. Л. 16–55 об.

² Там же. Л. 60–68.

³ Там же. Л. 70–74 об.

При библиографическом описании обращается особенное внимание на примечания к описываемым книгам, составленные [не] на основании печатного материала, а, главным образом, на основании личных воспоминаний писателей, принимавших участие в издании этой литературы. Вместе с тем А. А. Гизетти приступил к составлению библиографического указателя историко-революционной литературы 1905 и сл[едующего] годов, а А. А. Шилов — к составлению такого же указателя текущей литературы 1917–1918 гг.

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 73. Л. 1–5. Копия.

№ 2

Акт обследования положения дел в Петроградском историко-революционном архиве, подготовленный комиссией из представителей Государственного контроля и Главного управления архивным делом

19 сентября 1919 г.¹

Акт обследования современного положения дел в Историко-революционном архиве, произведенного 15 и 16 сентября с. г. представителем Государственного контроля Л. А. Лесковым, при участии члена Коллегии управляющего делами И. Ф. Цызырева, старшего инспектора Н. П. Аппешева, управляющего I отделением VII секции П. Е. Щеголева, его помощника А. А. Шилова, при секретаре Н. Н. Качукове.

Согласно мандату представитель Государственного контроля предложил дать ему разъяснения относительно состава фондов Историко-революционного архива, порядка хранения и выдачи дел. Во исполнение такого предложения помощник управляющего отделением А. А. Шилов предварительно сообщил краткий очерк возникновения Историко-революционного архива, создававшегося при исключительно неблагоприятных внешних обстоятельствах. Дела б[ывшего] Департамента полиции во время революции в марте 1917 г. подверглись разгрому, и часть их была перевезена в помещение Академии наук (помещение Пушкинского дома и Рукописного отделения), причем эти дела, оказавшиеся совершенно в хаотическом состоянии, были приняты Академией наук без всяких описей и без таковых же впоследствии сданы в Историко-революционный архив. Оставшаяся часть дел (текущие делопроизводства), переданная в ведение Особой комиссии под председательством П. Е. Щеголева, одновременно с учреждением Главного управления архивным делом в июле

¹ Документ датирован согласно заверительной записи.

1918 года была перевезена в помещение б[ывшего] Сената, совершенно непригодное для хранения архивных дел (отсутствие шкафов и соответствующей обстановки). Дела же, находившиеся в помещении Академии наук (архивы III отделения и Департамента полиции), были перевезены в несколько приемов в период с августа 1918 года по февраль 1919 года.

К настоящему моменту все дела Историко-революционного архива (около миллиона отдельных номеров) разобраны, размещены по отдельным фондам, в хронологическом порядке, по шкафам, и все они приведены в такой же порядок, при котором представляется полная возможность пользоваться ими для лучших занятий: так, для них имеются вновь составленные перечневые описи и восстановленные инвентарные описи, алфавиты, регистраторы и т. п. Благодаря этому с марта 1919 года, по заявлению администрации, в архиве действительно могли заниматься исследователи, причем случаев отказа в выдаче им дел не было.

Вслед за этим разъяснением был проведен осмотр на месте всех отделов архива, как уже приведенных в порядок, так и тех, которые были перевезены в течение августа и сентября месяцев настоящего года. Последние представляют из себя, как, например, архивы быв[шего] отдельного Штаба корпуса жандармов, коменданта Петропавловской крепости и др., хаотические кучи дел, разбитые и разрозненные дела, различную переписку, при отсутствии описей. Разбор такого материала, приведение дел в порядок и составление к ним описей требует самой напряженной работы, успешное и своевременное выполнение которой зависит от наличия соответствующего числа сотрудников. Между тем, настоящий состав Историко-революционного архива, после произведенной последней мобилизации, крайне недостаточен, а потому Комиссия полагала бы необходимым усилить его приглашением хотя бы временных сотрудников для выполнения неотложной работы по приведению в порядок только что перевезенных архивов.

При осмотре отделов Историко-революционного архива, между прочим, выяснилось, что самый старый фонд (около 200 000 номеров) — дела б[ывшего] III отделения собств[енной] е[го] имп[ераторского] вел[ичества] канцелярии, в настоящее время предназначаются Главным управлением архивным делом к экстренной перевозке в Москву, чем, по мнению представителей Контроля, будет нарушена в ущерб науки целостность единого историко-революционного фонда, не говоря о громадных финансовых затратах, даже не поддающихся предварительному учету при теперешних условиях транспорта и ценах на материал и рабочие руки.

После осмотра отделов архива представитель Контроля был ознакомлен с положением историко-революционной библиотеки, находящейся при архиве, и с ходом работ в ней.

Затем представитель Контроля ознакомился с существующим порядком выдачи дел для занятий, причем была представлена книга для записей выданных дел, в получении которых имеются расписки как посторонних лиц, так и служащих Отделения, не исключая управляющего Отделением.

В результате осмотра представитель Контроля заявил Комиссии, что он вынес впечатление о вполне успешной и исполненной в сравнительно небольшой промежуток времени работе в архиве по приведению дел в порядок. Что же касается выдачи дел для научного их использования, то она в настоящее время вполне налажена и, по мнению представителя Контроля, при таком положении не должны бы иметь места случаи отказа в выдаче дел, за исключением тех, которые нарушали бы имеющуюся на этот предмет особую инструкцию.

В заключение представителем Контроля предложено было администрации архива завести особую книгу для жалоб, каковой до сих пор в архиве не было и которая должна находиться в доступном для всех посетителей помещении.

Предложение представителя Контроля было принято к немедленному исполнению.

Настоящий акт составлен в трех экземплярах.

Подлинный подписали: представитель Контроля Л. А. Лесков, управляющий делами Петроградского отд[еления] Главархива И. Ф. Цызырев, управляющий I отд[елением] VII секц[ии] П. Е. Щеголев, стар[ший] инспек[ор] Н. П. Ашешов, пом[ощник] управл[яющего] I отд[елением] VII секц[ии] А. А. Шилов и секретарь Н. Н. Качуков.

С подлинным верно старший архивист *Н. Ольшанский*

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 176. Л. 7–8. Заверенная копия.

№ 3

Протокол № 147 заседания коллегии Главного управления архивным делом

28 сентября 1919 г.

Присутствовали: Д. Б. Рязанов, А. А. Трояновский, М. К. Любавский, В. И. Пичета, А. М. Полянский и В. Н. Сторожев.

В обсуждении вопроса принимали участие А. Ф. Изюмов, Д. И. Нечкин и А. М. Файнштейн.

Д. И. Нечкин, командированный Коллегией по предложению заведующего Главархивом в Петроград для перевозки дел III Отделения б[ывшей] Собственной Е. И. В. канцелярии, доложил, что им перевезен в Москву 21 ящик и что осталось перевезти еще не менее 250 ящиков. Перевозка дел в высшей степени затруднена в отношении как транспорта, так и упаковочных средств (ящиков и веревок). Что касается транспорта, то одновременно, по словам комиссара Николаевской жел[езной] дор[оги], можно перевозить не более 50 ящиков.

А. М. Файнштейн доложил, что он приехал в Москву в качестве уполномоченного от группы старых революционеров и от сотрудников петроградских отделений ЕГАФ с целью: 1) ходатайствовать об оставлении дел III Отделения в Петрограде, 2) если это ходатайство не будет удовлетворено, то выяснить вопрос о сотрудниках, о возможности перехода их в Москву и содействии им в разрешении жилищных затруднений, 3) выяснить вопрос о дальнейшей службе Д. Г. Безюка.

Заведующий Главархивом заявил, что дела III Отделения должны быть непременно перевезены в Москву. Необходимый упаковочный материал, несомненно, должен найтись в петроградских архивах; что же касается неудовлетворительности транспорта, то он вполне удовлетворен разъяснением комиссара дороги, так как при указанных им условиях весь архив свободно может быть перевезен в течение 2-х недель. Вопрос о сотрудниках разрешается очень просто: перевод их в Москву должен совершаться постепенно по мере перевозки дел. Вопрос о подыскании для них жилищ сложнее, но и его возможно разрешить более или менее удовлетворительно.

В связи с перевозкой дел III Отделения невольно возникает вопрос о судьбе других архивов, помещающихся в Петроградском историко-революционном архиве, ввиду тесной их связи с делами III Отделения. Представляется безусловно желательным перевезти в Москву также и их, для чего потребуются найти подходящее помещение комнат в 12-15.

Что касается, наконец, вопроса о службе Д. Г. Безюка, то об этом заведующими Главархивом дано было руководящее разъяснение, в дополнение к которому продолжающиеся затруднения могли бы разрешиться лишь в смысле перевода его на службу в другой архив.

ПОСТАНОВИЛИ: Согласно с предложением заведующего Главархивом, 1) признать необходимым перевозку в Москву дел III Отделения, 2) признать безусловную желательность перевозки в Москву также и всего Петроградского историко-революционного архива, 3) поручить Инспекции срочно подыскать в Москве подходящее помещение для дел III Отделения и, если представится возможным, то и всего Историко-революционного архива. 4) На все время перевозки дел III Отделения командировать в Петроград представителя Главархива с особыми полномочиями *по всем вопросам, связанным с эвакуацией указанных дел.*

5) Поручить Инспекции выработать для этого представителя инструкцию, в которую, между прочим, включить поручение собрать по возможности все дела и документы, по характеру своему должны храниться в указанном архиве и находящиеся на руках у частных лиц, в Академии наук и в других учреждениях.

Копию настоящего протокола сообщить отдельно в Петроградское отд[еление] Главархива для сведения.

*Д. Рязанов
В. Пичета
А. Полянский
М. Любавский
А. Трояновский*

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 6. Л. 266–266 об. Подлинник.

№ 4

Из протокола № 57 заседания коллегии Петроградского отделения Главного управления архивным делом

21 октября 1919 г.

Заседание открылось в 10 ¹/₂ час[ов] утра под председательством С. Ф. Платонова.

Присутствовали: М. А. Полиевктов, А. Е. Пресняков, Е. В. Тарле, И. Ф. Цызырев и П. Е. Щеголев, а также: А. И. Андреев, И. А. Блинов, Ф. А. Вальтер, В. Л. Гофман, П. С. Денисьев, И. А. Ивановский, А. Н. Макаров, Н. А. Пантелеев, А. С. Путилов-Янович и Г. И. Храбро-Василевский.

Слушали: 1. По докладу управляющего I отделением VII секции П. Е. Щеголева.

Сообщение о том, что уполномоченным Совета военной обороны Петроградского укрепленного района предъявлено требование о передаче Совету для эвакуации архивов особого отдела, секретного отдела и инспекторского отдела бывш[его] Департамента полиции, а также архива бывш[их] охранных отделений.

Постановили: не входя в обсуждение вопроса о целесообразности означенной меры, а ввиду того, что Коллегия поставлена перед фактом совершившегося уже распоряжения, принять необходимым, чтобы передача поименованных архивных материалов, по вручении соответствующего мандата, была произведена не иначе, как в присутствии старшего инспектора Петроградского отделения Главархива.

[...]

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 126. Л. 29–29 об. Копия.

№ 5
Из протокола № 58 заседания коллегии
Петроградского отделения Главархива

24 октября 1919 г.

Заседание открылось в 10 2/4 часа утра под председательством С. Ф. Платонова.

Присутствовали: М. А. Полиевктов, А. Е. Пресняков, Е. В. Тарле, И. Ф. Цызырев, а также: Н. П. Ашешов, А. В. Бородин, Ф. А. Вальтер, В. Л. Гофман, И. А. Ивановский, М. Г. Курдюмов, А. И. Лебедев, А. С. Николаев, А. С. Путилов-Янович и Г. И. Храбро-Василевский.

[...]

3. Сообщение о том, что в исполнение поручения Коллегии от 21 октября старший инспектор *присутствовал 23 октября при начавшейся эвакуации в Москву историко-революционного архива, согласно требованию* Совета военной обороны Петрограда. К утру 24 октября упаковано было 48 ящиков архивных дел секретной канцелярии, инспекторской части охранного отделения и III делопроизводства Департамента полиции. Работа производилась днем и ночью. 23 октября в VII секцию явился начальник гражданского управления Штаба обороны Петрограда тов. Ческис, который заявил, что к вывозу в Москву предназначен весь историко-революционный архив, который, будучи присоединен к архивным фондам VII и VIII секций, находящихся в Москве, должен образовать вместе с архивами советских учреждений самостоятельный историко-революционный единый фонд, не подчиненный Главному управлению архивным делом, и находиться непосредственно в ведении Совета Народных Комиссаров. Осуществлением этого плана заинтересован Л. Д. Троцкий, который должен посетить и осмотреть фонд VII секции. *Товарищ Ческис предложил всем служащим VII секции переезд из Петрограда в Москву.* Что касается направления вывозимых грузов с архивными материалами, то они следуют в Москву по адресу Центрального комитета Коммунистической партии. Как ныне выясняется из сообщения, переданного заведующим государственным издательством тов. Ионовым архивариусу VII секции А. М. Файнштейну, Центральный комитет Коммунистической партии сделал постановление *о выделении всех историко-революционных фондов из ведения Главного управления архивным делом и о передаче в ведение Центрального Комитета в лице тов. Зиновьева и Каменева.*

Постановили: Принять к сведению. Уведомить Главархив о предстоящем вывозе всего историко-революционного архива в Москву.

[...]

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 126. Л. 33, 34–34 об. Копия.

№ 6

Письмо П. Е. Щеголева Д. Б. Рязанову

[1919 г.]

Уважаемый Давид Борисович,

Ваше распоряжение о немедленном перевозе в Москву дел Чернышевского, Бакунина, Михайлова, всеподданнейших обзоров и других дел — ставит меня в нелепое положение и как управляющего архивом, и как ученого. Мотивы этого распоряжения мне неясны, и поэтому я не могу остановиться в настоящее время на определенном образе действий.

1. Если такое огульное изъятие части дел вызвано соображениями о недостаточной их охране в Петроградском архиве, то из этого недоверия я должен буду сделать определенный вывод, а именно — просить своей отставки.

2. Если изъятие дел, в большинстве как раз тех, которые намечены для архивного издательства, совершается по соображениям об уместности их издания в Москве, то такому решению я не могу не подивиться, ибо не требует доказательств, что научное издание каких-либо отдельных дел или группы дел невозможно без обращения к другим делам архива, немыслимо без попутной работы по исследованию других дел. Ведь нельзя же издать, напр[имер], только четыре голых тома о Бакунине или голые отдельные обзоры и не извлечь многочисленных данных, рассеянных в других делах того же архива, непосредственно дополняющих или комментирующих основные дела о Бакунине или отдельные обзоры. Подбор же этих данных не может быть сделан автоматически, по описям, а должен быть результатом внимательного изучения архива. Я категорически настаиваю на том, что подготовка к научному изданию каких-либо материалов нашего архива — кем бы она ни делалась, силами нашего архива или учеными со стороны — может быть сделана только здесь, на месте; в противном случае для осуществления издания в Москве туда должны быть перевезены не отдельные дела, а целиком все фонды III отделения. Но теперь такая перевозка невозможна, если только не испугает перспектива затраты колоссальной суммы денег — в миллион рублей с лишком. Мне дорого дело научного издания материалов архива, и я все время прошу только предоставления мне материальной к тому возможности. Согласно вашему же распоряжению, архив стал готовить своими скромными силами к изданию материалы III отделения о Бакунине, и сделал уже довольно много для этой работы. Теперь ее придется бросить. Но, в конце концов, неважно, кем будет выполнена эта работа, важно, чтобы она была выполнена научно, а первое условие научного выполнения работы по изданию материалов — производство работы здесь на месте, в стенах архива. Но во всяком случае, если ист[орико]-рев[олюционный] архив устраняется

от работы по научному изданию материалов, то мне остается сделать тот же определенный вывод и уйти от архивной службы, ибо для меня весь смысл моей служебной деятельности по архиву состоит не в администрировании и управлении, а в постановке научно-исследовательской работы, планы которой составлены мною и вам хорошо известны.

3. Но если перевоз дел совершается для предоставления возможности московским исследователям работать по делам ист[орико]-рев[олюционного] архива в Москве, то такая колоссальная любезность по отношению к москвичам не должна бы, казалось, сопровождаться полным пренебрежением интересов петербургских ученых. В данном случае я говорю, между прочим, и о себе. Я уже шестой месяц работаю над историей Алексеевского равелина; пишу я не историю стен равелина, а историю человеческой души в тюрьме, ставлю задачей восстановить душевную жизнь заключенных в равелине, выясняю, с чем они вошли в равелин и без чего вышли, если только вышли. Для моей работы мне нужны дела *всех бывших* в равелине и, в том числе, Бакунина, Чернышевского, Михайлова, Каракозова. Мало того, мне нужны дела о них, находящиеся не только в ист[орико]-рев[олюционном] архиве, но и в других петроградских архивах. Если бы я знал, что эти дела могут уйти из Петрограда, я прибегнул бы к другому методу работы с выписками и извлечениями из дел, которые дали бы мне возможность продолжать работу и при отсутствии архивных материалов, но зато потребовали бы гораздо большего времени для завершения работы. Теперь мне придется прибегнуть к такому методу работы, и я, зная, что дела уйдут в Москву, могу освобождать их группами, причем с определенностью могу утверждать, что в ноябре моя работа по архивным материалам будет кончена и затребованные вами дела могут быть в ноябре пересланы в Москву без всякого ущерба для моей работы.

В прежнее время я встречал со стороны правительства немало препятствий к моим историческим работам. Немало моих замыслов осталось невыполненными, потому что предо мной закрывались не только архивы, но даже и отдельные дела в архивах, и в самом архиве, который унаследовал ныне ист[орико]-рев[олюционный] архив, г. Трусевич положил очень быстро предел моей исторической любознательности, заявив, что по случаю «ремонта» архива мне не найдется в нем места. Пришлось мне и заплатить за свое пристрастие к историческим работам: так, за опубликование писем Нечаева к А[лександр]у III я отсидел два месяца в Крестах, за разъяснение идеологии «Народной Воли» я отсидел три года крепости. Пришло, наконец, время, когда в свободной стране я могу отдаться свободному историческому исследованию, и я полагал, что моя работа по истории Алексеевского равелина не только не встретит каких-либо помех, но и получит нужную поддержку. Но ежели распоряжение о вывозе материалов будет выполнено, то книга об Алексеевском равелине написана не

будет и я вынужден буду оборвать ее на полуслове в таком же настроении, в каком мне приходилось в прежнее время обрывать работу «по независящим обстоятельствам». Не скрою, что прийти к такому определенному выводу для меня будет чрезмерно грустно. Удар, нанесенный мне, как ученому, будет для меня чрезвычайно чувствителен, и, насколько легко для меня было сделать вывод об оставлении архивной службы, настолько трудно для меня сделать вывод об оставлении моей работы.

Прошу вас, уважаемый Давид Борисович, взвесить все мною изложенное и дать Д. И. Нечкину по телеграфу ответ, приступать ли ему немедленно к перевозке материалов или отложить исполнение этого распоряжения до 15 ноября с/г.

С истинным уважением *П. Щеголев*

P.S. Книга моя печатается государственным издательством, для нее уже приобретена бумага, делаются клише и т. д. Книга разрослась: выйдет около 40 печ[атных] лист[ов]¹.

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 176. Л. 9–10 об. Подлинник.

№ 7

Из отчета Петроградского историко-революционного архива за 1923 г.

Общее хранилище I Отделения Политической Секции с самого основания (июль 1918 г.) одно, помещающееся во втором и третьем этажах здания б. Сената (Площадь Декабристов, № 1) и занимающее 45 комнат разной величины. Из 45 комнат 28 отведены под хранение документов (девять хранилищ), 3 — под библиотеку легальных книг, 7 — под рабочие комнаты для сотрудников, 1 — под зал для занимающихся, 1 — приемная, 1 — проходная, 1 — пустое зало и 3 комнаты заняты Петроградским Бюро Истпарга.

Комнаты, отведенные под хранение документов, находятся в старом здании, не приспособленном специально для архивных целей. Состояние хранилища удовлетворительное: оно достаточно светло, сухо, отопление производится кафельными печами; времянки все сняты. Менее удовлетворительно хранилище в пожарном отношении: при обилии горючего материала и исключительной его важности следовало бы поставить во всех отдельных хранилищах огнетушительные аппараты, рубильники и т. п.

В более теплое время (апрель–октябрь) работа производится во всех помещениях; в зимнее же время (ноябрь–март) за невозможностью ото-

¹ Постскриптум написан П. Щеголевым от руки черными чернилами.

пить все помещение, работа в хранилищах прекращается, кроме выдачи дел по требованиям занимающихся и установления их на местах; остальная работа сосредотачивается в рабочих комнатах.

Дела хранятся в лежащем положении, в пачках, не перевязанных веревками, в различного вида деревянных закрытых шкафах, кроме части дел архива б. III Отделения, хранящихся еще и в картонках.

ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 4. Л. 53. Копия.

Б. Ф. Додонов

Новоромановский архив (1918–1919 гг.)

Одной из важнейших частей нынешнего ГА РФ являются документы последней правящей династии в России — династии Романовых.

Документы царской семьи составили один из первых комплексов архивных документов, заложивших основу архива, — так называемый Новоромановский архив.

После прихода к власти Временное правительство в марте 1917 г. национализировало наиболее крупный комплекс документов бывшей царской семьи — материалы, хранившиеся в царских дворцах, в том числе документы Царскосельского дворца, где находилась канцелярия последнего российского императора Николая II. Царскую семью в августе 1917 г. эвакуируют в город Тобольск, при них остаются лишь дневники и переписка Николая II и его жены Александры Федоровны, документы их детей, фотографии. Документальный комплекс семьи Романовых на некоторое время был разделен на две части — дворцовые материалы поступили на государственное хранение, личные же документы какое-то время находились в руках Николая II и членов его семьи. Часть документов (последние дневники, отдельные письма) были при них до последних дней.

Следует отметить, что пришедшие после Октябрьского переворота к власти большевики постоянно стремились завладеть личными документами последнего императора и членов его семьи и использовать их в политических целях. Они приняли эстафету в этом плане от Временного правительства. Царская семья становится заложником в руках большевистской власти¹. В результате многочисленных перипетий царская семья была расстреляна, а ее документы перевезли в Москву в распоряжение ВЦИК.

¹ Подробнее см.: Додонов Б. Ф., Копылова О. Н., МIRONENKO С. В. Из истории публикации документов царской семьи в 1918–1920-е гг. // Отечественные архивы.

Руководство разборкой и публикацией документальных материалов бывшей царской семьи было поручено Социалистической академии общественных наук¹.

10 сентября 1918 г. на заседании ВЦИК под председательством Я. М. Свердлова создается Комиссия по разработке материалов, найденных у последнего Романова (протокол № 11), решение о ее создании было подписано Я. М. Свердловым и секретарем ВЦИК В. А. Аванесовым². На этом же заседании был утвержден состав комиссии — в нее вошли М. Н. Покровский, Л. С. Сосновский, Ю. М. Стеклов, Д. Б. Рязанов и В. В. Адоратский.

Спустя 4 дня — 14 сентября 1918 г. — состоялось заседание коллегии Наркомпроса РСФСР (протокол № 58/94) под председательством наркома просвещения А. В. Луначарского, на котором было принято решение по вопросу о Комиссии по разборке Романовских бумаг (с докладом выступил М. Н. Покровский). Это решение можно по праву считать датой рождения Новоромановского архива. Во всяком случае, во всех анкетах В. В. Адоратского, его трудовых списках значится, что он приступил к должности заведующего Новоромановским архивом с 14 сентября 1918 г. (основание — постановление 58 (94) заседания коллегии Наркомпроса РСФСР от 14 сентября 1918 г.)³.

На заседании коллегии Наркомпроса РСФСР в этот день было принято следующее постановление: «1) Считать Комиссию по разборке Романовских бумаг существующей при Народном комиссариате по просвещению. 2) Назначить заведующему этой Комиссией Адоратскому, как специалисту, а также ввиду временного характера работы, оклад в 1 500 руб., помощнику заведующего Крыленко — 750 руб. и машинистке Слюниной — 650 руб. 3) просить Организационный отдел снабдить Комиссию необходимыми письменными принадлежностями и пишущей машиной с латинским алфавитом»⁴. Первоначально название этого архива писалось через дефис. Архив имел свой бланк, печать, на которой значилось: «Москва. Кремль. Ново-Романовский архив», а в центре круга — «РСФСР».

2007. № 1. С. 3–18; *Они же*. История коллекции документов последнего российского императора и членов его семьи (Новоромановского архива) в 1917–1919 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 3–15; *Копылова О. Н.* Новоромановский архив и роль его сотрудников в собирании документов царской семьи // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 37. М., 2007. С. 111–127.

¹ ГА РФ. Ф. Р-3415. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

² ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 35. Д. 11. Л. 2.

³ См., например, трудовой список В. В. Адоратского, находящийся в его личном деле сотрудника ВЦИК (ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 138. Д. 53).

⁴ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 48. Л. 13 об.

В Новоромановском архиве был сконцентрирован личный архив Николая II. Здесь были сосредоточены его дневники, личная и официальная переписка, документы дипломатического характера.

В отчете Центрархива РСФСР за 1918–1925 гг. указан состав Новоромановского архива: «Архив содержит личные документы Николая II, его ученические работы и тетради, переписку с русскими и иностранными родственниками за 1879–1917 гг., письма к Николаю от разных лиц (Пржевальского, Свен Хедина, К. П. Победоносцева и др.), дневники Николая II с 1882 по 1918 гг. в 52 тетрадях с ежедневными записями, где имеются и наклеенные семейные фотографии Николая II, донесения Верховного Главнокомандующего 1914–1918 гг. и приказы по Преображенскому полку за 1914–1915 гг.»¹

В списке фондов 2-го отделения «А» политической секции Госархива РСФСР указывается, что по состоянию на 1 января 1925 г. материалы Новоромановского архива были сосредоточены в двух сейфах и трех с половиной малых шкафах. Отмечалось также, что «разработка фонда — детальная. Описание — детальное (с указанием в описи числа листов)», таким образом, к этому времени материалы архива уже были разобраны и приведены в порядок².

Архив помещался на территории Московского Кремля, он занимал комнату № 6 в Кавалерском корпусе, позднее романовские бумаги были перенесены в соседнюю комнату № 7. В Кавалерском корпусе располагалась первая кремлевская квартира В. И. Ленина³.

Говоря о названии архива, следует обратиться к пояснениям, которые были даны по этому поводу В. В. Максаковым. М. Н. Покровский, с 1920 г. руководивший архивным делом в России, называл его «хорошим помощником-организатором», на которого «пала вся тяжесть административной работы», поскольку он сам и его заместитель В. В. Адоратский являлись прежде всего «политическими руководителями дела»⁴. Поэтому можно полностью принять его трактовку названия архива. Он

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 14. Л. 52 об.

² ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 66. Л. 3 об.

³ *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1987. Н. К. Крупская писала: «Помню, как Яков Михайлович Свердлов и Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич в первый раз повезли нас в Кремль смотреть нашу будущую квартиру. Нас предполагалось поселить в здании “судебных установлений”. Временно нас поселили в Кремле в так называемых “кавалерских покоях”, дали нам две чистые комнаты... В “кавалерские покои” к нам часто заходил Яков Михайлович Свердлов...» (*Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. 3-е изд., доп. М., 1989. С. 366–367, 370).

⁴ Чествование в Центрархиве РСФСР М. Н. Покровского по поводу 60-летия со дня его рождения // Архивное дело. 1928. Вып. 4 (17). С. 74.

трижды приводил ее в своих работах¹. Наиболее четко пояснено название архива в работе В. В. Максакова «Архивное дело в первые годы советской власти». Цитируем его слова: «Советское правительство создало в 1918 г. специальный архив, в который вошли сохранившиеся дневники и переписка Николая II и его семьи, а впоследствии — документы, хранившиеся в Царскосельском, Зимнем, Гатчинском и других дворцах. По характеру собранных здесь документов новый архив являлся как бы частью коллекции бывшего старого Государственного архива Российской империи, который условно можно назвать династическим архивом Романовых. Исходя из этого, новый архив и был назван “Новоромановским”»². После свержения самодержавия в феврале 1917 г. к бывшему Государственному архиву Российской империи стал применяться термин «староромановский». 29 мая 1917 г. комиссар Временного правительства по делам бывшего Министерства двора и уделов Ф. А. Головин писал министру иностранных дел М. И. Терещенко о том, что «бумаги бывшей императорской семьи целесообразно сосредоточить в Государственном архиве, являющемся хранилищем старого романовского архива...»³.

Термин «Новоромановский архив» («новый романовский архив») впервые использовал М. Н. Покровский в письмах к жене — Л. Н. Покровской в Берн (Швейцария) в июле–августе 1918 г. Так, в письме от 18 августа 1918 г. он сообщает жене о своем переезде в Кремль, где «под боком самое интересное мое занятие: новый романовский архив...»⁴. Следовательно, именно М. Н. Покровский предложил это название, позднее оно было закреплено официально. Следует отметить, что впоследствии это определение утрачивает свое первоначальное значение и начинает употребляться в более расширительном смысле — применительно к комплексу романовского документального наследия второй половины XIX — начала XX века.

Новоромановский архив имел двойное подчинение: с одной стороны, он находился в непосредственном ведении Наркомпроса РСФСР, с другой — его деятельность финансировалась ВЦИК. Парадоксально, но ни в материалах Народного комиссариата по просвещению

¹ См.: Максаков В. В. Архивное дело в первые годы советской власти. М., 1959. С. 10; *Он же*. История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945. М.: Наука, 1969. С. 37; *Он же*. В. В. Адоратский и его роль в организации архивного дела в СССР (Из истории советского архивного строительства) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 15. М., 1962. С. 20.

² Максаков В. В. Архивное дело в первые годы советской власти. С. 10.

³ См.: Кононов Ю. Ф. Из истории бывшего Государственного архива (Российской империи) (1801–1917 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1949. С. 38.

⁴ ОР РГБ. Ф. 218. Картон 1282. Д. 4. Л. 13 об., 15; Говорков А. А. М. Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976. С. 167.

РСФСР, ни в документах ВЦИК Новоромановский архив не значится ни в одном из списков организаций, подведомственных этим учреждениям. Встречаются лишь документы о выдаче пропусков сотрудникам Новоромановского архива для прохождения на территорию Кремля, ведомости на выдачу заработной платы сотрудникам архива; в фонде Наркомпроса хранятся личные дела сотрудников Новоромановского архива, удостоверения сотрудников архива... Вероятно, деятельность архива не афишировалась. Он находился на особом положении, в частности, не подчинялся Главному управлению архивным делом во главе с Д. Б. Рязановым.

В феврале 1919 г. Новоромановский архив был вывезен с территории Кремля на Воздвиженку в здание архива Министерства иностранных дел, где был соединен с материалами Секретного архива бывшего министра иностранных дел. Последний был перевезен в Москву из Петрограда (до этого он находился в сейфах Министерства иностранных дел)¹. С этого времени Новоромановский архив утрачивает свое прежнее название. Теперь он входит в состав III отделения I (московской) секции ЕГАФ Главного управления архивным делом².

На первых порах в подчинении у заведующего Новоромановским архивом были только два сотрудника. Как уже упоминалось выше, это заместитель В. В. Адоратского, она же секретарь О. В. Крыленко и машинистка-шапирографистка Е. В. Слюнина³.

Совершенно очевидно, что такой небольшой коллектив не в силах был, при всем своем усердии и старании, быстро разобрать, описать, систематизировать бумаги последнего российского императора, его жены, детей. Необходимо было вникнуть в суть дела, а ведь среди них не было никого, кто владел бы в должной мере навыками архивной работы. Работа по разборке царских документов продвигалась недостаточно высокими темпами. В целях ускорения работы, которой придавалось важное полити-

¹ Максаков В. В. В. В. Адоратский и его роль в организации архивного дела в СССР. С. 20; Дипломатические архивы // Архивное дело. 1925. Вып. 11. С. 137.

² ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 138. Д. 53. В состав I секции Единого государственно-го архивного фонда (ЕГАФ) входили архивные фонды, отражавшие деятельность верховной власти и ее организацию, т. е. материалы по законодательству, верховному управлению, международным отношениям, дворцовому управлению и быту. В III (московское) отделение I секции вошел Московский главный архив бывшего Министерства иностранных дел; при отделении состояло Государственное древле-хранилище хартий, рукописей и печатей, возникшее в 1853 г. См.: Главное управление архивным делом (15 июня 1918 — 15 июня 1920 гг.) (Краткий очерк) // Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. Вып. 1. М., 1921. С. 4–37.

³ Подробнее см.: Копылова О. Н. Новоромановский архив и роль его сотрудников в собирании документов царской семьи. С. 111–127.

ческое значение, решением коллегии Наркомпроса РСФСР от 20 ноября 1918 г. штат архива пополнился еще двумя должностями: переводчицы с окладом жалования в 1 000 рублей и ученой машинистки с окладом жалования в 850 рублей в месяц¹.

Таким образом, штат сотрудников Новоромановского архива был увеличен до пяти человек: в его состав была введена переводчица, «иностранная корреспондентка-машинистка» Любовь Исааковна Гафт, получившая образование за границей², и машинистка-переписчица Наталия Иосифовна Ермолович³.

В таком составе сотрудники Новоромановского архива проработали полгода. Постепенно число работающих в архиве продолжало увеличиваться. В число его работников вошли Ф. В. Кельин, В. А. Кошевич, М. В. Лаврентьева, А. Г. Левенталь, Н. Н. Лихачева. Основная их работа заключалась в разборке писем императора Николая II, его жены императрицы Александры Федоровны и других членов семьи последних Романовых. Работа эта была крайне трудной и напряженной. Необходимо было атрибутировать письма, а для этого нужно было прекрасно знать жизнь царского двора, иметь представление о том, как члены царской семьи называли друг друга в семейной переписке; многие документы были написаны на иностранном языке. А самое главное — в кратчайшие сроки следовало «выдавать» обнаруженные документы, компрометирующие членов царской семьи, с целью подготовки их к обнародованию через периодическую печать.

Летом 1919 г. В. В. Адоратский временно прекращает работу по руководству Новоромановским архивом: по поручению В. И. Ленина он направляется в Казань для сбора материалов по истории Октябрьской революции. На должность заведующего отделом III отделения I секции ЕГАФ вместо него назначается известный историк и археограф Василий Николаевич Сторожев.

В начале 1919 г. Новоромановский архив пополнился материалами Секретного архива Министерства иностранных дел царской России — секретными договорами, протоколами переговоров и перепиской из знаменитых бронированных комнат МИД Российской империи. Оказавшись в руках большевиков, эти материалы широко использовались ими в пропагандистских целях в России и за рубежом по «разоблачению» внутренней и внешней политики царской России.

Широко известны публикации Центрархивом и журналом «Красный архив» документов последнего российского императора, членов его семьи

¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 48. Л. 134.

² Там же. Оп. 43. Д. 112.

³ Там же. Оп. 45. Д. 137.

и царских сановников. Однако мало кто знает, что эта работа была начата уже осенью 1918 г. в Новоромановском архиве. Архивисты и археографы активно приступили к выполнению решения ВЦИК РСФСР о разборе и публикации «находившихся в руках ВЦИК» документов царской семьи, принятого через день после убийства Николая II и членов его семьи.

В работе Новоромановского архива, а позднее III Московского отделения I секции ЕГАФ, отрабатывались принципы комплектования, хранения и использования документов большой политической важности. Архив явился кузницей кадров архивистов. С материалами архива связано начало работы на поприще архивного дела видных архивистов и историков М. Н. Покровского, В. В. Адоратского, В. Н. Сторожева, А. М. Рахлин. Позднее опыт работы архива как политического учреждения был перенесен усилиями М. Н. Покровского и В. В. Адоратского на всю систему архивных учреждений в стране.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Из протокола № 1 заседания Президиума ВЦИК по поводу расстрела Николая II

18 июля 1918 г.

СЛУШАЛИ: Сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга).

ПОСТАНОВИЛИ: По обсуждении принимается следующая резолюция: Президиум ВЦИК признает решение Уральского Областного Совета правильным. Поручить тт. Свердлову, Сосновскому и Аванесову составить соответствующее извещение для печати. Опубликовать об имеющихся в ВЦИК документах (дневник, письма и т. п.) бывшего царя Н. Романова и поручить т. Свердлову составить особую Комиссию для разбора этих бумаг и их публикации.

[...]

*Председатель ВЦИК Я. Свердлов
Секретарь ВЦИК В. Аванесов.*

№ 2**Из протокола № 11 заседания ВЦИК***10 сентября 1918 г.*

[...]

10. СЛУШАЛИ: О комиссии по разработке материалов, найденных у последнего Романова.

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить комиссию из тт.: Покровского, Сосновского, Стеклова, Рязанова и Адоратского и перевести комиссару народного просвещения для этой цели аванс 10 000 руб.

[...]

*Подписано Свердловым и Аванесовым.**ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 35. Д. 11. Л. 2. Подлинник.***№ 3****Из протокола № 58/94 заседания коллегии
Народного комиссариата по просвещению РСФСР***14 сентября 1918 г.*

[...]

XVII. СЛУШАЛИ: О комиссии по разборке Романовских бумаг.

ПОСТАНОВИЛИ: 1) Считать Комиссию по разборке Романовских бумаг существующей при Народном комиссариате по просвещению.

2) Назначить заведующему этой комиссией Адоратскому, как специалисту, а также ввиду временного характера работы, оклад в 1 500 руб., помощн[ику] заведующего Крыленко — 750 руб. и машинистке Слюниной — 650 руб.

3) Просить Организационный отдел снабдить комиссию необходимыми письменными принадлежностями и пишущей машиной с латинским алфавитом.

[...]

Председатель: Мих. Покровский.
Секретарь: Маркус

ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 48. Л. 13–13 об. Подлинник.

№ 4**Заявление заведующего Новоромановским архивом
В. В. Адоратского в Управление делами
Народного комиссариата по просвещению РСФСР**

19 ноября 1918 г.

Прошу выдать мне удостоверение о моей службе. Состою в должности заведующего Ново-Романовским архивом. При сем прилагаю 2 фотографических карточки.

Вл. Адоратский

ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 40. Д. 91. Л. 3. Подлинник. Рукопись.

№ 5**Анкета В. В. Адоратского для Народного комиссариата
по просвещению РСФСР**

19 ноября 1918 г.

I.

- а) Фамилия Адоратский*
- б) Имя Владимир*
- в) Отчество Викторович*

II.

- а) Отдел —*
- б) Подотдел (и т. п.) —*
- в) Какую должность занимает Заведующий Романовским архивом в Кремле*
- г) С какого времени с 1 сентября 1918 г.*
- д) Ранее занимавшиеся в Комиссариате должности —*

III.

а) Общее образование Окончил курс юридического факультета в Казанском университете

б) Профессия/специальность История

IV. СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

а) Число работоспособных членов семьи (с указанием: кто именно)
Один/жена

б) Число неработоспособных членов семьи (с указанием: кто именно)

Два: мать, дочь 14 лет

V. ПРЕЖНЯЯ СЛУЖБА

а) Где работал раньше

б) По каким должностям и сколько времени работал

- в) Когда оставил последнюю должность
- г) Причина ухода с последней должности
- д) Какой имел там заработок

VI. РЕКОМЕНДАЦИЯ

- а) Профессиональные аттестаты лиц, учреждений, свидетельства о профессиональном образовании или рекомендации известных лиц —
- б) Общественно-революционные В. И. Ульянов (Ленин)
- в) Партийные
- г) Революционных организаций/советов, воинских и заводских комитетов

- д) Личные

VII.

- а) Адрес служащего Кремль, Кавалерский корпус, комната № 6
- б) Подпись служащего В. Адоратский

ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 40. Д. 91. Л. 2–2 об. Подлинник. Рукопись.

№ 6

Отчет дипломатической секции Отдела 2-й половины XIX века (бывшего Новоромановского архива) за 1919 год

1919 г.

В отчетном 1919 году Отделом 2-й половины XIX века (бывший Новоромановский архив) ЕГАФ были выполнены многочисленные и разнообразные задания, в соответствии с общим планом работы, установленным его руководителями. Задания эти носили как специально-архивный характер (разборка и опись документов), так и имели значение более самостоятельное: предполагалось подготовить к печатанию ряд материалов за период с 1910–1914 гг., т. е. пятилетия, непосредственно предшествовавшего Великой европейской войне. В силу этого, под руководством М. Н. Покровского и В. Н. Сторожева, Отделом было предпринято чтение, переписка и перевод различных документов, относящихся к указанной эпохе и долженствующих составить I т. издания «Документов царской дипломатии» (доклады царских министров Извольского и Сазонова, письма гр. Бенкендорфа, Извольского, докл[ады] Покровского, военные и морские конвенции России с ее бывшими союзницами). Кроме того, были прочитаны, скопированы и переданы весьма важные материалы по истории русско-германских отношений во вторую половину XIX и начала XX века — сюда вошли различные договоры, переписка русских уполномоченных при Германском дворе с центральным ведомством, беседы императоров и министров, исторические обзоры и т. п. Обращено было От-

делом внимание и на область русско-французских и русско-австрийских отношений. Здесь были разобраны и скопированы документы, относящиеся ко времени заключения русско-французского союзного договора, а также и материалы, характеризующие русскую ближневосточную политику (папки «Константинополь и проливы», «Проливы»). Наконец, не остались без исследования и бумаги более близкого нам революционного времени (папки «Америка», «Вашингтон», «Мир», «Россия и союзники»). С наиболее интересных документов, по указанию ответственных руководителей Отдела, были сняты копии.

За данный отчетный период Отделом сданы в печать (Государственное издательство — I и III Госуд[арственные] типографии): письма Вильгельма II к Николаю II, доклады Сазонова, письма гр. Бенкендорфа, письма Извольского. Однако в связи с общим тяжелым кризисом, переживаемым РСФСР (в частности, ввиду недостатка бумаги), дело издания движется вперед далеко не так успешно, как то представлялось бы желательным. Тем не менее кое-что было достигнуто и в этом отношении, а именно: Отделом приняты и просмотрены корректуры, правда, немногочисленные, некоторых материалов, уже сданных в печать. Внимательно и неотступно следя за деятельностью типографии, Отдел надеется, что остальные документы, им сданные, будут набраны по возможности незамедлительно, хотя здесь и приходится считаться с общими условиями переживаемого времени.

Параллельно с подготовкой и сдачей материалов в печать Отдел вел работу и по описи и систематизации хранящихся в нем документов: в этом случае деятельность Отдела значительно облегчалась тем, что при некоторых папках уже имелись описи, составленные в ведомстве. Естественно, что они не вполне отвечали требованиям научным. В силу этого Отделом была составлена суммарная опись всех наиболее ценных документов; в настоящее же время является возможным приступить и к описи остальной, каковая и производится под непосредственным наблюдением старших служащих Отдела.

Находящиеся в Отделе документы, составлявшие собственность членов б[ывшего] царствующего дома, в отчетном 1919 г. разбирались, изучались и описывались под руководством В. Н. Сторожева. В этой области были достигнуты следующие результаты:

- 1) Разобраны, скопированы и переведены письма Вильгельма II к имп[ератору] Николаю II и ответные телеграммы царя.
- 2) Разобрана и описана переписка имп[ератора] Николая II с имп[ератрицей] Александрой Федоровной.
- 3) Разобраны царские дневники.

За заведующего Отделом дипломатической секции
архив[ист] Кельин

№ 7

**Из справки сотрудника Новоромановского архива
Ф. В. Кельина о работе архива***20 января 1920 г.*

Поступив весной прошлого, 1919 г., в «Ново-Романовский архив» на место научного сотрудника, я застал работу Секции в полном разгаре. Это был момент наиболее умелого и рационального применения всех наличных сил, момент наивысшего ее расцвета. Помнится, в первый же день моей новой служебной деятельности, знакомя меня с общими заданиями нашего Отдела, тогдашний его научный руководитель В. В. Адоратский объяснил мне структуру того учреждения, куда я попал. Из его указаний я понял, что так называемый «Ново-Романовский архив», представляя хранилище замечательнейших с точки зрения исторической документов, преследует в своей работе не только цели чисто архивные, т. е. сохранение материалов и их опись, но и задания более широкого, просветительного или, вернее, осведомительного характера. Вот почему на данный Архив и была возложена «Комиссией по изучению причин Великой европейской войны» задача подготовить к печати ряд документов, выясняющих роль царской дипломатии в начальных событиях 1914–1917 гг. Этим же обстоятельством объясняется всецело и состав его служащих, не вполне отвечающий обычным условиям архивной работы. К моменту моего поступления «Ново-Романовский архив» имел 6 служащих: научного руководителя (Адоратского), секретаря (Крыленко), 3 машинисток (Слюнину, Старцеву и Брицке) и одну переводчицу (Кошевич). Таким образом, 50 % приходилось на долю именно механической, машинной части отдела. Однако уже и тогда чувствовалась острая необходимость в привлечении в отдел новых сил, главным образом сотрудников научных, т. к. «Издание документов царской дипломатии» предполагало весьма подробное освещение материала: требовались примечания, переводы [...], алфавитные списки, исторические таблицы и т. п. В силу указанной причины весной 1919 г. состав служащих и был вновь дополнен некоторым количеством квалифицированных работников; к этому времени как раз и относятся поступления в «Архив» научных сотрудников: Арсеньевой, Заблудовской, Кельина, Лаврентьевой и Лунц.

К сожалению, успешная деятельность Ново-Романовского архива в этой плоскости, которая была намечена его научными руководителями, продолжалась сравнительно недолго. Достигнув максимума в мае (отдел берет в свое ведение архив Константинопольского посольства, а также принимает от Наркоминдела библиотеку бывшего МИД), она затем неожиданно, резко падает. Тяжелые условия работы, создавшиеся летом, продовольственный кризис, материальная необеспеченность, а также при-

чины личного характера, в значительной мере способствовали быстрому сокращению штата Ново-Романовского архива, к тому времени утратившего и свое прежнее имя и получившего новое, не вполне удачное, название «Отдела 2-й половины XIX века» (хотя документы в большинстве своем относятся к первому десятилетию XX в.).

Новые веяния, поиски более выгодного заработка, да и вообще вся тяжесть создавшейся обстановки в первую очередь сказались на менее самостоятельных и заинтересованных в духовном отношении служащих Секции, т. е. на машинистках. Число их стало постепенно и притом с катастрофической быстротой убывать. Июнь месяц можно буквально назвать «месяцем утрат». В конце его отделу суждено было получить особенно тяжелый удар: ушел сначала в длительный отпуск, а затем и вовсе В. В. Адоратский, отдававший делу всю свою душу и представлявший действительно главный жизненный центр нашей работы. С его уходом нарушилось последнее звено, соединявшее между собою служащих «Отдела 2-й половины XIX в.». Июль месяц застаёт в Секции всего только 3 служащих: секретаря (Крыленко), архивариуса (Кельина) и переводчицу (Лаврентьеву). Остальной состав ее уже не принимает участия в работе: одни в отпуску по болезни (Заблудовская — тиф; Кошевич — сердечные припадки), другие ушли совсем (Адоратский, Слюнина, Старцева). Нет почти никакого и цельного научного руководства. В. В. Адоратский, уезжая, дал указания, как докончить начатое им, однако дела этого хватило не надолго. Временно управление бывшим Ново-Романовским архивом любезно принял на себя заведующий III Отделением I Секции В. Н. Сторожев. Однако хлопотливая должность, занимаемая им, естественно, не позволяла ему уделить нашему отделу достаточно внимания; к тому же главный интерес его как историка направлен на изучение документов собственного архива царя и царицы, а следовательно, невольно центр тяжести был перенесен в эту последнюю область, и, таким образом, завершилось вполне закономерное выделение особой группы внутри Секции, наметившееся еще при Адоратском: особого подотдела, т. н. Царской Секции. Что касается собственно дипломатической части отдела, основного ядра, то август месяц не принес заметного улучшения в ходе работы. Причины были те же, что и прежде: а) не было ответственного научного руководителя; б) не было механической силы (из трех машинисток не осталось ни одной); в) продолжалось бегство служащих (ушла Крыленко); г) типографии не работали за неимением топлива; е) лица, состоящие во главе издания, редко заглядывали в Архив. Больно переживая полосу застоя в делах Секции, В. Н. Сторожев при содействии архивариуса Кельина стал усиленно хлопотать осенью прошлого года о восстановлении столь неожиданно прерванной работы. Прежде всего необходимо было озаботиться подбором новых служащих для замещения открывшихся ва-

кансий. В сентябре месяце в деятельности Отдела начинают появляться признаки жизни. Штат реформируется: приобретается новая механическая сила (3 машинистки), является возможность подумать о работе. К этому времени возвращаются в строй и больные, хотя и значительно ослабленные перенесенными болезнями, однако все же способные к деятельности. Открывают свои двери и типографии, что позволяет опять приняться за издание документов, совершенно было прекратившееся, тем не менее следы разрухи продолжают по-прежнему сказываться: как и прежде, не хватает ответственного научного руководителя, среди нового состава служащих, не спаянного общим интересом к делу издания, возникает вполне законное и естественное недоумение, в каком отношении стоит оно к общей работе отдела. Ведь подвести его под мерку Архива никак нельзя. Между тем, по существу своему, с переменой имени Отдел отнюдь не переменяет рода деятельности. Наоборот, издание, прекратившееся летом, поздней осенью снова возобновилось в связи с широкими, но, к сожалению, неосновательными обещаниями Государственного издательства, посулившего набрать текст сданных документов к Рождеству и, как всегда, обещания своего не исполнившего. Итак, недоумения сотрудников Отдела нельзя не признать вполне основательными. Представляется в силу этого крайне необходимым выяснить, наконец, в какой плоскости должна идти работа: 1) архивной или 2) издательской (до некоторой степени научной). Сообразно с этим должен быть решен вопрос и о руководителе Отдела, т. к. коренное переустройство последнего является неизбежным [...] условием самой работы, деятельность Ново-Романовского архива предполагает существование двух независимых групп — Царской и Дипломатической, но не проще ли всего признать это и официально.

[...]

Кельин

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 6а. Л. 1–3. Подлинник.

О. Н. Копылова

Государственный архив РСФСР
(1920–1925 гг.)

1920 год для истории отечественного архивного дела оказался переломным. Д. Б. Рязанова на посту заведующего Главным управлением архив-

ным делом (ГУАД) РСФСР сменил М. Н. Покровский¹. Вместе с назначением Покровского на этот пост изменился и курс государства в области руководства архивной отраслью страны.

Одним из первых «судьбоносных» для архивного дела Советской России решений нового состава коллегии ГУАД стало создание архива принципиально нового типа, имеющего статус государственного хранилища наиболее ценного документального материала, сосредоточенного до этого времени в различных хранилищах страны. 17 сентября 1920 г. на заседании коллегии ГУАД, на котором присутствовали члены коллегии М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, А. М. Полянский и В. Н. Сторожев, было заслушано предложение Михаила Николаевича Покровского об образовании в составе Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ)² Государственного архива РСФСР. Коллегия постановила: «Для хранения важнейших документов РСФСР, а также наиболее ценных исторических материалов предшествующих режимов учреждается Государственный архив РСФСР»³.

История появления и функционирования этого архивного учреждения вызывала и вызывает у историков и архивоведов определенный интерес. Однако истории Государственного архива РСФСР посвящена всего лишь одна специальная работа — статья известного историка архивного дела профессора А. В. Чернова, которая так и называется «Государственный архив РСФСР (1920–1925 гг.)», опубликованная в «Трудах Историко-архивного института» более 60 лет тому назад⁴.

В 1921 г., выступая на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей с докладом «Государственный архив РСФСР», заведующий этим архивом В. В. Адоратский следующим образом пояснял цели создания и название Госархива РСФСР: «Архив создан для хранения важнейших документов РСФСР, а также наиболее ценного материала предшествовавших режимов... Этот архив пролетарского государства, собственно говоря,

¹ См. протокол № 1 заседания коллегии Главархива РСФСР от 27 августа 1920 г.: ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 209. Л. 1. Подробнее об этом см.: *Старостин Е. В., Хорхордина Т. И.* Архивы и революция. М., 2007.

² Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ) — совокупность всех архивных материалов официального и частного происхождения, принадлежащих государству. См. п. 1 декрета СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела» от 1 июня 1918 г. и ст. 1 Положения об организации Единого государственного архивного фонда РСФСР от 32 февраля 1925 г.: Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 — июнь 1941 гг.). М., 1961. С. 12, 109.

³ См. протокол № 4 заседания коллегии Главного управления архивным делом от 17 сентября 1920 г.: ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 209. Л. 4–5.

⁴ *Чернов А. В.* Государственный архив РСФСР (1920–1925 гг.) // *Труды Московского государственного историко-архивного института.* Т. 4. М., 1948. С. 51–69.

не совсем политический, туда входят не только документы политического характера, сюда входят и бытовые документы. Поэтому и было выбрано это название архива — архив пролетарского государства, а не просто политический архив»¹.

В архивоведческой литературе высказываются различные мнения относительно причин создания Госархива РСФСР. Одно из них сформулировано в монографическом исследовании известного историка архивного дела Т. И. Хорхординой «История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг.» (М., 1994), которое сводится к следующему: главной побудительной причиной, «главным смыслом» образования Госархива РСФСР было только стремление к изъятию «политически важных, с точки зрения властей, комплексов документов из состава секций, каждая из которых имела свой собственный аппарат управления, свой план комплектования и использования»². Существует и иная точка зрения. Она изложена в статье А. В. Добровской, И. Ю. Горбунова и С. В. Мироненко «Государственный архив России. История формирования и комплектования. 1920–1995»³. Авторы статьи высказывают мнение о том, что в условиях близости окончания Гражданской войны необходимо было создание архива, в котором бы концентрировались материалы важнейших государственных учреждений нового государства, сохраняя при этом преемственность с архивами прежних государственных структур («наиболее ценные материалы предшествующих режимов»)⁴. Наверное, именно такое объяснение причин создания Госархива РСФСР наиболее точно отражает истинное положение дел. Слова В. В. Адоратского на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, как кажется, ясно говорит об отсутствии ярко выраженных «политических» целей при создании нового архива.

Вновь созданному архиву передавались помещения, занимаемые Московским отделением бывшего архива Министерства иностранных дел

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 272. Л. 1. Сохранился проект схемы 4-го отделения Госархива РСФСР, из которой видно, что в АОР предполагалось концентрировать документы самой различной тематики и направленности. Так, например, в состав архива планировалось ввести отделы эмблем, печатей и денежных знаков, где должны были собираться флаги, штандарты, почтовые марки, эмблемы, денежные купюры. Кроме того, предполагалось также создание отделов фольклора с подотделами шуток, острот, народных и солдатских частушек и песен, отдела быта с подотделами костюмов и обычаев, художественного отдела и др. См.: Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

² Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 85–86.

³ Добровская А. В., Горбунов И. Ю., Мироненко С. В. Государственный архив России. История формирования и комплектования. 1920–1995 // Археографический ежегодник, 1995. М.: Наука, 1997. С. 3–28.

⁴ Там же. С. 4.

(ул. Воздвиженка, дом 1 — Ваганьковский пер., дом 8), а также здание Историко-революционного архива (Москворецкая ул., дом 25).

В упоминаемом выше постановлении коллегии ГУАД была четко определена структура нового архива, включающая четыре отделения. Первое отделение — древлехранилище, содержащее наиболее важные документы, касающиеся внешней и внутренней политики России до конца XVIII в. Второе отделение Госархива — хранилище государственных документов русской истории (XIX в. и начало XX в.) до 1 марта 1917 г. Третье отделение — хранилище документов истории революции и общественного движения до 1 марта 1917 г. Четвертое отделение — архив пролетарской революции, содержащий документы после 1 марта 1917 года.

Структура четвертого отделения Госархива, которое также имело и специальное название — Архив Октябрьской революции, была определена довольно четко. В состав АОР входило шесть отделов: 1) политическое отделение (имело два подотдела — внутренней политики и внешней политики); 2) документы по истории РКП; 3) бытовые документы (письма, дневники, воспоминания, заметки и др.); 4) экономико-статистические документы; 5) печать и 6) информационный отдел.

Управляющим Госархивом РСФСР был назначен В. В. Адоратский, а управляющими отделениями (на правах управляющих архивами) — Сергей Константинович Богоявленский (первое отделение), Эммануил Львович Гуревич (второе отделение), Борис Иванович Николаевский (третье отделение) и Владимир Викторович Максаков (четвертое отделение). Одновременно В. В. Максаков назначался заместителем управляющего Госархивом РСФСР В. В. Адоратского.

Государственный архив РСФСР имел свою печать. В центре помещалось изображение герба РСФСР, а по кругу — надписи: «Государственный архив РСФСР» и «Пролетарии всех стран, объединяйтесь». Архив имел свои бланки и штампы, что лишнее раз свидетельствовало о том, что Госархив РСФСР являлся юридически оформленным учреждением. Имелись печати и у отделений Госархива РСФСР. Имел, например, свою печать АОР. В центре печати располагалась надпись «Архив Октябрьской революции», а по кругу — «Государственный архив РСФСР», была своя печать даже у секции «А» 2-го отделения Госархива.

В постановлении коллегии ГУАД отмечалось также, что «документы или целые серии документов, захватывающие большие промежутки времени и выходящие за указанные выше хронологические рамки, распределяются между отделениями по их содержанию»¹.

Поскольку Государственный архив РСФСР образовывался в рамках ЕГАФ, то, естественно, документы, подлежащие хранению в нем, ранее

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 209. Л. 4.

входили в различные секции Единого государственного архивного фонда. В постановлении коллегии ГУАД от 17 сентября 1920 г. записано, что первое и второе отделения Госархива РСФСР составляют материалы III Московского отделения I секции ЕГАФ (секции законодательства, верховного управления и внешней политики), третье отделение Госархива — документы I Московского отделения VII секции ЕГАФ (Историко-революционный архив), а четвертое отделение Госархива является I Московским отделением VIII секции ЕГАФ. Иначе говоря, в состав Госархива РСФСР вошли документы пяти архивов — Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД), Петербургского архива Министерства иностранных дел, Государственного архива Российской империи, Новоромановского архива и Московского историко-революционного архива.

Рассмотрим подробнее состав этих документальных комплексов на момент создания Госархива РСФСР. Первое отделение включало материалы большой государственной важности — документы МГАМИД, хранившего документы, касающиеся дипломатических сношений России с иностранными государствами с XV в. до 1801 г. включительно, в том числе архивы Посольского приказа и Коллегии иностранных дел (объем этого комплекса составлял 1 млн дел). В первое отделение Госархива РСФСР вошло также Государственное Древлехранилище хартий, рукописей и печатей, возникшее в 1853 г. В Древлехранилище были сосредоточены «памятники вещественные» и «памятники письменные» — перстни и печати государственные и частных лиц, медали, монеты, акты, духовные и договорные грамоты московских князей, рукописи, пергаментный список «Русской Правды», уставы князей Владимира и Ярослава о церковных судах, списки судебников и др. Как отмечалось в статье старшего инспектора ГУАД А. Ф. Изюмова «Главное Управление Архивным Делом (Краткий очерк деятельности)»: «В Древлехранилище собраны рукописи и старопечатные книги исключительно величайшей редкости и важнейшего научного значения, а потому Древлехранилище находится под особо строгой охраной»¹.

В процессе формирования Госархива РСФСР в его первое отделение вошел также Государственный архив Российской империи, учрежденный в 1834 г. по инициативе и при непосредственном участии императора Николая I. В этом архиве были собраны документы по верховному управлению и внутренней политике России с середины XVII до середины XIX в.,

¹ Изюмов А. Ф. Главное Управление Архивным Делом (15 июня 1918 г. — 15 июня 1920 г.). (Краткий очерк деятельности) // Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу за время с 15.06.1918–15.06.1920 г. М., 1921. С. 22.

в том числе материалы царской фамилии, часть документации высших и центральных учреждений, органов по управлению окраинами Российской империи, фонды учреждений политического сыска XVIII — начала XIX в., документы по истории восстания декабристов и др. В 1864 г. Государственный архив Российской империи был объединен с Петербургским архивом МИД и получил название Государственного и Петербургского архива МИД. Государственный архив Российской империи существовал на правах отдела этого архива до Октябрьской революции 1917 года.

К моменту передачи в Госархив РСФСР этот документальный комплекс был рассредоточен между Петроградом (более 280 шкафов с делами Государственного архива Российской империи, 14 разрядов из 29), Москвой (свыше 100 ящиков с документами) и Кирилло-Белозерским монастырем (более 300 ящиков с документами)¹. Это рассредоточение архивных материалов было вызвано частичной эвакуацией названного документального комплекса из Петрограда по решению Временного правительства в связи с реальной угрозой занятия Петрограда немецкими войсками в 1917 году.

Во второе отделение Госархива РСФСР вошли материалы бывшего Петербургского архива МИД, хранившего материалы о внешней политике России с начала XIX в. по 1917 г. Особый интерес, несомненно, представлял секретный архив министра иностранных дел, обнаруженный после революции в кабинете министра. Этот архив содержал по преимуществу дипломатическую переписку, относящуюся к периоду Первой мировой войны. Здесь же хранились отдельные документы, записки по основным вопросам внешней политики России начиная с 80-х годов XIX столетия. Большую ценность представляли хранящиеся в этом архиве подлинные экземпляры трактатов и конвенций, заключавшихся российским правительством с иностранными державами².

Во втором отделении Госархива РСФСР, кроме дипломатических документов начала XIX — начала XX в., сосредоточивались материалы личного архива последнего российского императора Николая II и членов его семьи, так называемого Новоромановского архива, а также документы Романовых, отложившиеся в составе дворцовых архивов — Зимнего, Царскосельского, Мраморного, Аничкова, Гатчинского и др. Последние поступили в Госархив РСФСР из Петрограда и Кирилло-Белозерского монас-

¹ Там же. С. 9–10.

² Подробнее о составе материалов Петербургского архива МИД см.: Дипломатические архивы // Архивное дело. 1925. Вып. II. С. 137; Архив внешней политики Российской империи. Путеводитель. 1995. С. 148. О проблемах, возникших по вопросу о дальнейшей концентрации в дипломатической секции Госархива РСФСР материалов о внешнеполитической деятельности царского правительства, см.: Чернов А. В. Государственный архив РСФСР. С. 58–59.

тыря (Вологодская губ.) одновременно с Петербургским архивом МИД. Таким образом, во втором отделении Госархива РСФСР были сосредоточены ценнейшие комплексы документов Романовых (они составили во втором отделении секцию «А» — политическую) и наиболее важные дипломатические документы Российской империи, образовавшие во втором отделении Госархива РСФСР секцию «Б» — дипломатическую. Как уже говорилось выше, вторым отделением Госархива РСФСР в первое время его существования руководил Э. Л. Гуревич, а в августе 1921 г. на этом посту его сменила Лариса Николаевна Тюрина¹. Секцию «А» возглавляла С. А. Пашуканис, а в сентябре 1923 г. ее сменила В. С. Бронштейн.

В третье отделение Госархива РСФСР вошли в полном объеме материалы Московского историко-революционного архива (МИРА) (I Московское отделение VII секции ЕГАФ). Расположены материалы этого отделения Госархива были в доме бывшей Купеческой управы (Московрецкая ул., дом 25), куда документы МИРА были перевезены из помещения в Историческом музее. В состав МИРА входили фонды Московского губернского жандармского управления, Московского охранного отделения, полицейских управлений, секретной части московского генерал-губернатора и другие.

Четвертое отделение Госархива РСФСР — Архив Октябрьской революции (АОР) — являлось одной из ключевых составляющих Госархива. На первых порах основу его составили материалы Московского отделения VIII секции ЕГАФ, в котором концентрировались печатные издания периода революционных событий 1917 г. По сути, АОР создавался фактически с «белого листа». Перед 4-м отделением Госархива стояли в первую очередь задачи концентрации в архиве материалов нового государства — молодой Советской России.

Через четыре дня после образования Госархива РСФСР — 21 сентября 1920 г. — выходит декрет СНК РСФСР об учреждении Комиссии по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) (Истпарт). Таким образом, почти одновременно возникли два учреждения с аналогичными функциями. АОР должен был организовать сбор и хранение документов, а Истпарт — осуществлять изучение материалов профиля АОР. Деятельность АОР и Истпарта, особенно в первое время, протекала в тесном взаимодействии этих учреждений. Достаточно сказать, что некоторые члены комиссии были одновременно сотрудниками Госархива РСФСР, и территориально Истпарт в течение длительного времени располагался на Воздвиженке, в помещении Госархива РСФСР.

Таким образом, к моменту создания Госархив РСФСР представлял собой полноценный архив, объем материалов которого достигал пример-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.

но полутора миллионов единиц хранения. Штат архива составлял около 60 человек, из них 20 сотрудников МИРА и 23 — сотрудники АОР¹. В течение всего периода деятельности архива количество его сотрудников менялось, происходило перераспределение их по отделениям Госархива РСФСР². На всем протяжении времени неизменным управляющим Госархивом РСФСР был В. В. Адоратский.

Администрация Госархива РСФСР, основные хранилища документов, кроме Московского историко-революционного архива (третьего отделения Госархива), располагались в центре Москвы, недалеко от Кремля в здании бывшего Московского отделения архива МИД на углу Воздвиженки и Ваганьковского переулка. Здесь же располагался и читальный зал архива. Общая площадь владения Госархива РСФСР на этой территории была весьма обширна и составляла 5 500 кв. саженей³. Центрархив совместно с руководством Госархива РСФСР неоднократно обращался в различные инстанции с просьбой установить должную охрану материалов архива, однако это встречало непонимание со стороны учреждений, которые должны были принять соответствующие меры. На ходатайство Центрархива по этому вопросу был получен следующий ответ за подписью командующего войсками Московского военного округа Муралова: «Красная армия есть армия воинов, а не сторожей архивов. Рекомендую нанять сторожей. Красноармейцев дать не могу»⁴. Центрархив был вынужден обратиться в спецотдел ГПУ за помощью в вопросе о военной охране архива. «Удалось достигнуть только получения винтовок, которыми снабжены наши караульные. Разумеется, эта охрана не достаточна. И в этом случае Центрархив считает необходимым просить содействия ГПУ»⁵. Многие другие вопросы архивной деятельности начиная с первых лет существования нового государства также решались с помощью органов ГПУ—ОГПУ—НКВД.

Положение о Государственном архиве РСФСР разработано не было. Все производственные вопросы, уточнение профиля архива, изменение в его структуре, прием документов в архив, штаты и пр. рассматривались на заседаниях коллегии ГУАД—Центрархива РСФСР, и по ним прини-

¹ См. списки сотрудников Госархива РСФСР: ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 14. Л. 21–22.

² Имеются сведения, что на 1 января 1924 г. в АОР числилось по штату 26 чел., а уже через год — 1 января 1925 г. — их численность возросла до 79 чел., что было вызвано интенсивным комплектованием архива и увеличением объема работ по его разборке и описанию: Там же. Д. 33. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 11. Л. 140.

⁴ Там же. Л. 216.

⁵ Там же.

мались решения, в соответствии с которыми и строилась работа архива. Многие вопросы решались оперативно, по мере их возникновения.

Одним из первых распоряжений по Госархиву РСФСР было распоряжение, регламентирующее порядок осуществления отчетности сотрудников архива о проделанной работе, подписанное заведующим Госархивом РСФСР В. В. Адоратским. «Ввиду необходимости иметь постоянные сведения о деятельности отделений Госархива, настоящим предлагается управляющим отделениями представлять два раза в месяц отчеты по сокращенной форме общего образца... Вместе с тем сотрудникам отделения предлагается отмечать в индивидуальных книжках: а) что сделано; б) кем и когда была выдана данная работа; в) день сдачи; г) срок выполнения. Отчет передается заведующему Госархивом РСФСР 16 и 2 числа, — говорилось в документе. — Ответственность за точность приводимых сведений возлагается на управляющих отделениями»¹.

Судя по воспоминаниям архивистов того времени и по документам, характеризующим деятельность Госархива РСФСР, большое внимание в нем уделялось дисциплине. Особенно это касалось АОР, где даже были приняты специальные «Временные правила для сотрудников Архива Октябрьской революции», утвержденные малой коллегией Центрархива 26 июня 1923 г. В архиве не допускались никакие разговоры, помимо служебных, сотрудники одного отдела без специального на то разрешения не могли посещать комнаты, занятые другими подразделениями Госархива, и так далее².

Надо отметить, что работа Госархива РСФСР за весь период его непродолжительной деятельности была чрезвычайно напряженной. Основные задачи, которые приходилось решать коллективу архива в эти годы, — это в первую очередь комплектование, или, как тогда говорили, концентрация в Госархиве материалов его профиля, а также разборка материалов, их систематизация, описание и использование документов в государственных целях.

Говоря о концентрации материалов в Государственном архиве РСФСР, следует подчеркнуть, что проводилась она в неимоверно сложных условиях. Гражданская война только что окончилась, в стране царили разруха, голод, постоянно возникали какие-либо кризисы, то топливный, то продовольственный. Материальное положение архивистов было в те годы плачевным. И в этих экстремальных условиях сотрудники Госархива РСФСР проявили лучшие качества архивистов — бережное отношение к документам, понимание их исторической ценности и важности как исторических источников. Подчас рискуя здоровьем и даже жизнью, они отправлялись в удаленные от центра России места для сбора документов

¹ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 476. Л. 17–17 об.

по истории Гражданской войны. Достаточно привести в качестве примера беспрецедентную поездку заместителя заведующего АОР Анны Матвеевны Рахлин весной 1922 г. в города Юга России и Кавказа по маршруту Тифлис — Баку — Краснодар — Ростов — Новочеркасск с целью поиска и организации последующей перевозки в Москву, в АОР документов белогвардейских правительств и иных документов периода Гражданской войны¹.

С первых дней своего существования Госархив РСФСР начал активно комплектовать свои фонды в соответствии с изданными в первые после-революционные годы декретами высших органов власти и управления, которые определяли процедуру передачи дел из советских учреждений, порядок сбора документов Временного правительства, контрреволюционных «белых» правительств и организаций, политической эмиграции, царской фамилии, фотодокументов по истории революции. В первую очередь речь, конечно, идет о двух декретах советской власти, изданных в 1923 г. Первый из них — декрет СНК РСФСР о сосредоточении в Центрархиве РСФСР архивов активных деятелей контрреволюции и лиц, эмигрировавших за пределы республики, был издан 2 августа, а второй — декрет ВЦИК и СНК РСФСР о сосредоточении в Центрархиве архивов семьи Романовых — 12 сентября 1923 г. Именно по этим направлениям и проходило основное комплектование Госархива РСФСР. Сбором материалов по названным документальным комплексам занималось 2-е отделение Госархива (секция «А») и 4-е отделение (АОР).

Так, в Госархив в секцию «А» 2-го отделения из Гохрана поступил на хранение дневник великого князя Андрея Владимировича за 1903–1904, 1906, 1907 и 1910 гг. (всего 8 книг в кожаных переплетах)². 28 июня 1923 г. во 2-е отделение Госархива поступили 3 сундука, 4 мешка и 1 ящик, содержащие «совершенно секретную переписку» (письма великого князя Дмитрия Павловича графине Н. С. Брасовой, письма великих княжон Татьяны, Ольги, Марии к О. К. Воронову, письма великой княгини Елизаветы Федоровны М. А. Таропченинову и др.)³. Материалы поступали из Петрограда, из Оружейной палаты, из местных губернских архивов и музеев. Из Тверского губернского музея в 1923 г. поступила переписка императрицы Марии Федоровны с А. А. Козен. Из основных поступлений 1924 г. можно назвать переписку императора Николая II с П. А. Столыпиным, переписку императрицы Марии Федоровны с графом Орловым-Давыдовым и прочее⁴.

¹ Там же. Д. 376. Л. 2–2 об., 5 об., 9–9 об.

² ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.

³ Там же. Д. 26. Л. 29.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 688. Л. 110.

На 31 января 1924 г. во 2-м отделении секции «А», как следует из отчета этого отделения за 1923 г., документы хранились в четырех больших шкафах американского типа, в большом шкафу со стеклянными дверками, в шести шкафах среднего размера, в семи малых шкафах, в двух сейфах, в шкафу-буфете. Кроме того, насчитывалось еще 8 ящиков большого размера со вновь полученными материалами¹.

Не менее активно комплектовался Госархив материалами белогвардейских правительств. В структуре АОР был даже создан специальный отдел южной контрреволюции (заведующим отделом был назначен историк, профессор А. А. Сергеев). Одним из первых фондов, включенных в состав АОР, был фонд «Российского правительства» А. В. Колчака. В архив также поступили материалы белогвардейских организаций на Юге России, документы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Комуча), правительства Северной области и другие.

Занимался архив и комплектованием партийными материалами. В этом он взаимодействовал, как уже отмечалось, с Истпартом.

Госархив принял самые неотложные меры по собиранию материалов советских учреждений. В соответствии с декретом правительства от 31 марта 1919 г. «О хранении и уничтожении архивных дел» в Госархив (в 4-е его отделение — АОР) поступали в огромном количестве оконченные дела советских учреждений, профессиональных и кооперативных организаций после пяти лет ведомственного хранения. Прежде всего были учтены, а затем приняты на хранение в Госархив материалы центральных правительственных учреждений.

Всего за пять лет, с 1920 по 1925 г., в 4-е отделение Госархива было принято свыше 400 тыс. дел, входящих в состав 153 фондов². Среди поступивших на хранение в АОР материалов: фонды Временного правительства 1917 г., Московского совета рабочих депутатов за 1917–1918 гг., Московского областного СНК за 1917–1918 гг., Московского военно-революционного комитета, ВЦИК за 1917 г., Временного правительства Северной области за 1918–1919 гг., Всевеликого Войска Донского, Комитета членов Учредительного собрания, Временного сибирского правительства, Временного всероссийского правительства — Директории, Российского правительства адмирала Колчака, Временного правительства и Народного собрания Приморья, Московского комитета общественных организаций 1917 г., Военного совета партизанских отрядов Приморья, Наркомпрода РСФСР, Наркомпроса РСФСР, ревтрибуналов, Наркомфина РСФСР, НК РКИ и др. Поступали в Госархив РСФСР и личные

¹ ГА РФ. Ф. Р-5329. Оп. 9. Д. 688. Л. 91 об.

² *Максаков В. В.* Пять лет Архива Октябрьской революции // Архивное дело. Вып. V–VI. 1926 г. М.: Госиздат, 1936. С. 5.

фонды государственных, общественных деятелей России. Среди них следует назвать материалы Б. И. Николаевского, В. А. Мякотина, графа Н. П. Игнатьева, Л. А. Тихомирова, члена Учредительного собрания Е. Е. Колосова и других.

Примечательно, что Госархив ставил перед собой задачу собирания материалов по истории взаимоотношений церкви и государства. 28 октября 1921 г. в составе АОР решением коллегии ГУАД (протокол № 41, п. 4) был создан отдел отделения церкви от государства¹. Заведование этим отделом, имевшим также название «церковный», было поручено И. А. Шпицбергу. Предполагалось, что отдел станет центральным государственным хранилищем всех наиболее ценных материалов данного профиля. Одно из первых поступлений материалов по истории Русской православной церкви в АОР относится к 4 ноября 1921 г., когда в архив были переданы 27 связок архивных дел Высшего церковного управления. В Госархив также поступили материалы бывшего Святейшего Синода и подведомственных ему учреждений, находившихся в Москве, Всероссийского церковного собора, состоявшегося в Москве в 1917–1918 гг., и др. Отдел просуществовал недолго. В 1922 г. он вошел в состав актохранилища АОР. Однако начало собиранию документов по истории взаимоотношений церкви и государства и определению перспектив комплектования архива документами по истории церкви было положено именно названным структурным подразделением Госархива РСФСР.

31 января 1921 г. Центральное бюро еврейских секций при ЦК РКП обратилось в Главное управление архивным делом с ходатайством об образовании в составе Историко-революционного архива (3-е отделение Госархива РСФСР) особого Еврейского отдела². «Еврейское революционное и социалистическое движение весьма разветвлено и, несомненно, должно стать предметом особого изучения, — говорилось в этом документе. — Образование “Еврейского отдела” дает возможность собрать воедино весь материал и сделать возможным его изучение»³. Вопрос о создании Еврейского отдела был рассмотрен на заседании коллегии ГУАД 11 февраля 1921 г. (протокол № 3, п. 9), которое вынесло решение об образовании в АОР, а не в Историко-революционном архиве, в отделе РКП специального подотдела Бунда и других еврейских революционно-социалистических партий⁴. Этим решением было положено начало комплектованию архива материалами еврейских организаций.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 267. Л. 44.

² ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 1.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 267. Л. 6 об.

Еще одним новым отделом, созданным в 1921 г. в составе 4-го отделения Госархива РСФСР, являлся Иллюстративный (или Иконографический) архив Октябрьской революции и истории РКП. Вопрос о создании этого отдела был положительно решен на заседании коллегии ГУАД 12 августа 1921 г. (протокол № 31)¹. По положению об этом отделе Всероссийский фотокиноотдел Наркомпроса РСФСР должен был доставлять в АОР по одному экземпляру фотографий, отражающих события Гражданской войны, советского строительства, партийную жизнь, события текущего дня.

Госархив РСФСР не только комплектовал свои фонды, но и передавал некоторые документы в другие архивохранилища бывшего СССР. 20 июля 1922 г. на заседании Президиума ВЦИК был рассмотрен вопрос «О возвращении в Грузию регалий древней Грузии» (протокол № 48). Было вынесено постановление: «Все регалии древней Грузии, вывезенные в Россию и принадлежащие Грузии, по удостоверениям Гос. Архива и Наркомпроса и хранящиеся в Главархиве, Оружейной палате и др. музейных хранилищах, возвратить Грузинской С. С. Республике»². Из Госархива РСФСР были переданы представителю Наркомпроса Грузинской ССР грузинское знамя размером 2 м 10 см на 1 м 70 см, грузинский кожаный щит, расписанный масляными красками, рукопись поэмы Ш. Руставели «Барсова кожа» на грузинском языке в кожаном переплете, акварельные изображения грузинских царей и царевичей XIV–XVIII вв., рукописное Евангелие на грузинском языке на пергаменте в кожаном переплете. Акт передачи от 26 июля 1923 г. подписал заведующий Централархивом РСФСР М. Н. Покровский³.

В Госархиве РСФСР хранились не только документы на бумажной основе, фотографии, но и музейные экспонаты, в том числе предметы фалеристики — ордена, медали, нагрудные знаки, а также картины и гравюры. Сохранилась «Опись медалей и орденов, оставленных в Госархиве РСФСР» 1925 г.⁴, в которой перечислены награды различных стран: японские, сербские, болгарские, румынские, черногорские, китайские, сиамские, итальянские, турецкие, шведские, французские, датские, греческие, персидские, германские, бухарские ордена, медали, жетоны. Некоторые из перечисленных наград украшены драгоценными камнями. В описи есть отметка, что часть наград хранится у заведующего Госархивом РСФСР В. В. Адоратского. Видимо, основная часть этой коллекции находилась в составе фондов 2-го отделения секции «А», поскольку в от-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 267. Л. 34.

² Там же. Оп. 1. Д. 57. Л. 12.

³ Там же. Л. 19.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–2.

чете этой секции за май 1924 г. есть запись: «Осмотрены с тов. Адоратским и представителем Главнауки ордена из Новоромановского архива»¹, а в отчете названной секции за июнь того же года: «Выдано 11 орденов сотруднику АМО для передачи в Гохран»². Вероятно, большая часть этих наград принадлежала императору Николаю II и членам его семьи.

Документально зафиксировано, что в Госархиве РСФСР хранилось 730 картин, гравюр и скульптурных изображений. Они были учтены в трех описях³. Основная их часть находилась в составе библиотеки Госархива. В основном это портретные изображения государственных деятелей России: императоров и императриц, дипломатов, министров и иных исторических персонажей. Большая часть портретов была передана в Музейный фонд Наркомпроса РСФСР.

Особое место в составе Госархива РСФСР занимало книгохранилище, входящее в качестве самостоятельного отдела в АОР. К концу деятельности Госархива РСФСР в нем было сосредоточено свыше 10 000 комплектов газет периода 1917–1924 гг. и 380 комплектов зарубежных (эмигрантских) газет⁴. В Госархиве существовало едва ли не самое большое собрание газет этого периода. Особую ценность представляла коллекция газет «окраин», где распространялась власть белых правительств. Газеты, помимо неоспоримой ценности их для историков, имели и музейную ценность. В книгохранилище хранились газеты, выходившие на оберточной бумаге, на бумаге для завертывания конфет, на недоделанных денежных знаках, на чайных и табачных этикетках и так далее.

В книгохранилище было собрано около 15 000 книг, а всего книг и журналов — 40 000 экз. Кроме того, здесь хранилось 100 000 ед. хр. официальных изданий, как советских, так и белогвардейских учреждений⁵. В книгохранилище были сосредоточены собрания узаконений и распоряжений всех правительств, возникавших в годы Гражданской войны на территории страны начиная с 1917 г., приказы военных властей, циркуляры, отчеты, воззвания, листовки, ведомственные журналы. Широко были представлены издания наркоматов и других советских учреждений. Отдел иллюстративный или вещественных памятников АОР был занят собиранием плакатов, фотографий, альбомов, денежных знаков, этикеток и др. Наиболее полно были представлены плакаты (около 4 000 названий)⁶.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 688. Л. 146 об.

² Там же. Л. 155 об.

³ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 80.

⁴ *Максаков В. В.* Пять лет Архива Октябрьской революции. С. 7.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 8–9.

В. В. Максаков, во время существования Госархива РСФСР руководивший деятельностью АОР, очень метко и доступно рассказывал о том, как исследователь мог работать с материалами архива. «Историк, изучающий борьбу с Колчаком, пользуется в АОР не только архивом Колчака, но и его “Правительственным Вестником”, его “приказами”, “Собранием узаконений и распоряжений” и даже коллекцией денежных знаков колчаковского правительства и альбомом фотографий, рисующих деятельность интервентов в Сибири, подаренным Колчаку чехословаками», — писал Максаков в одной из своих статей, посвященных деятельности АОР¹.

Перед сотрудниками Госархива РСФСР стояли весьма сложные и ответственные задачи по разборке и описанию поступающего материала. Просматривая отчетность сотрудников архива, можно видеть, что они занимались также составлением научно-справочного аппарата (указателей) к наиболее важным документальным комплексам, готовили документы к публикации, занимались выставочной деятельностью, обслуживали исследователей, приходящих заниматься в архив, то есть осуществляли весь комплекс архивной работы. Большой бюджет времени уходил на такелажные работы — погрузка, разгрузка, перемещение архивных материалов.

Читальный зал Госархива РСФСР был открыт в 1922 г. На его дверях висело объявление: «Читальный зал Госархива РСФСР ежедневно открыт с 10 ¹/₂ до 3 ¹/₂. По субботам архив закрыт»². Наиболее интенсивно читальный зал заработал в 1923 г. На заседании коллегии Центрархива РСФСР 15 октября 1923 г. (журнал № 37) были утверждены «Правила для занимающихся в Госархиве РСФСР»³. В «Правилах» оговаривалось количество дел, выдаваемых исследователю одновременно (не более пяти), срок, на который выдавались дела в читальный зал (не более двух недель), порядок снятия машинописных копий с документов, правила поведения исследователя в читальном зале, порядок обращения с делами и др.⁴ Были разработаны форма пропуска в читальный зал, анкета для лиц, занимающихся в читальном зале Госархива РСФСР (кстати, она была довольно проста для заполнения: следовало указать фамилию, имя, отчество, партийную принадлежность, место службы, должность, по чьему заданию ведется работа, тему работы, по каким материалам и с какой целью производится работа). Следует отметить, что со временем анкета исследователя все более усложнялась, вводились новые графы. Была также разработана и форма требовательного листа⁵.

¹ Максаков В. В. Пять лет Архива Октябрьской революции. С. 9.

² ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 7–8.

⁵ Там же. Л. 5, 12–13.

В 1923 г. насчитывалось 1 303 посещения читального зала Госархива РСФСР. Из них: 1-е отделение — 496 посещений; 2-е отделение — 109 посещений; АОР — 613 посещений и библиотека — 85 посещений. В день в среднем в читальном зале работало от 3 до 9 человек. Количество выданных дел составляло: всего — 3 455, из них: 1-е отделение — 637; 2-е отделение — 351; АОР — 229¹. В 1924 г. в читальном зале работал 331 исследователь, которым было выдано уже около 4 613 дел, более чем на 1 000 дел больше по сравнению с предыдущим годом. Весьма активно исследователи заказывали газетные и книжные материалы. В 1924 г. было выдано 9 000 экз. газет и журналов. Но наиболее востребованы в это время были документы 3-го отделения Госархива (историко-революционного архива). В 1922 г. исследователям, работавшим по материалам этого отделения, было выдано 418 дел, в 1923 г. — 2 087 дел, а в 1924 г. — уже 7 211 дел². В читальном зале Госархива РСФСР работали исследователи по заданиям ЦК РКП(б), Военной академии, редакции газеты «Правда», Исторического музея, Историко-революционного музея, лично Н. И. Бухарина, Института Ленина, Истпрофа, НКВД, ГПУ, Комакадемии, Коминтерна, Пролеткульта, Штаба РККА и др. учреждений. Среди тем, по которым работали исследователи в читальном зале, можно назвать историю рабочего и крестьянского движения в России, историю большевистской печати, внешнеполитические сюжеты, восстание декабристов, движение Пугачева и другие³.

Сотрудники Госархива РСФСР активно занимались справочной работой. Особенно много запросов поступало в 3-е и 4-е отделения Госархива. В АОР были разработаны «Правила о выдаче справок», в которых указывалось, что «вся работа сотрудников АОР по выдаче справок является секретной»⁴.

В указанной выше статье А. В. Чернова приводятся данные о том, что в 1920–1925 гг. из всего Государственного архивного фонда наиболее интенсивно использовались документы именно Государственного архива РСФСР, который являлся настоящим центром научного использования материалов в различных областях (подготовка документальных публикаций, выставочная деятельность, использование материалов в агитационно-пропагандистских, народнохозяйственных, оперативных и иных целях)⁵.

Государственный архив РСФСР прекратил свое существование в феврале 1925 г. 3 февраля коллегия Центрархива (протокол № 5) утверди-

¹ Там же. Д. 17. Л. 1.

² См.: Чернов А. В. Государственный архив РСФСР. С. 65.

³ Там же; ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 11. Л. 115.

⁵ Чернов А. В. Государственный архив РСФСР. С. 66.

ла «Положение об организации Единого Государственного Архивного Фонда РСФСР». В соответствии с этим документом все документальные материалы ЕГАФ были распределены по времени возникновения на документы дореволюционные, образовавшие исторические архивы, и материалы пореволюционные, или архивы Октябрьской революции. Датой этого размежевания был определен период февраля–марта 1917 г. Кроме того, по происхождению ЕГАФ был разделен на материалы центрального происхождения (архивные материалы высших и центральных государственных учреждений и общественных организаций) и материалы местного происхождения (материалы местных учреждений, организаций и предприятий)¹. Таким образом, ГАФ по Положению 1925 г. должен был состоять из четырех основных частей: Центрального исторического архива (ЦИА) и Центрального архива Октябрьской революции (ЦАОР), местных исторических архивов и местных архивов Октябрьской революции. Местные исторические архивы (истархи) и АОРы являлись единственными государственными архивами, ЦИА и ЦАОР состояли из нескольких самостоятельных государственных архивов. Это была очень серьезная реформа архивного дела. В результате ее проведения в стране была создана достаточно стройная система архивных учреждений.

А вот для Государственного архива РСФСР места в этой системе не оказалось. Он никоим образом не «вписывался» в новую организационную структуру ЕГАФ, поскольку хранил документальные материалы как за дореволюционный, так и за пореволюционный периоды. Поэтому на основании Положения о ЕГАФ 1925 г. он был расформирован. Первое отделение Госархива было передано в Древлехранилище (ныне РГАДА), второе отделение было распределено между двумя архивами. Документы дипломатической секции «Б» были переданы в Архив внешней политики и революции XIX–XX вв., в этот же архив вошли и документы третьего отделения Госархива РСФСР. Территориально они были размещены в помещении на Серпуховской ул., дом 15. Материалы политической секции «А» 2-го отделения Госархива РСФСР вошли в состав АОР, который, кстати, наконец-то получил статус самостоятельного архива. По поводу материалов 2-го отделения «А» Госархива РСФСР было принято специальное постановление коллегии Центрархива РСФСР от 25 февраля 1925 г. (протокол № 10): «Фонды 2 Отделения “А” Госархива присоединить к Архиву Октябрьской революции в качестве Особого отдела, наименовав таковой “Отдел падения старого режима”»².

¹ Сборник руководящих материалов по архивному делу. С. 109–111.

² ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 60. Л. 10. Список архивных фондов 2-го отделения «А» (к моменту передачи в АОР) см.: Там же. Д. 27. Л. 3–3 об.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Из протокола № 4 заседания коллегии Главархива РСФСР

17 сентября 1920 г.

Присутствовали: М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, А. М. Полянский и В. Н. Сторожев.

1. По заслушании предложения М. Н. Покровского об образовании в составе ЕГАФ Государственного архива РСФСР присутствующими вынесены следующие постановления:

I. Для хранения важнейших документов РСФСР, а также наиболее ценных исторических материалов предшествующих режимов учреждается Государственный архив РСФСР.

II. В распоряжение этого архива передаются здание б[ывшего] Московского отделения Архива иностр[анных] дел (Воздвиженка, 1-й Ваганьковский пер., 8) и новое помещение Историко-революционного архива (Москворецкая, 25).

III. В состав Государственного архива РСФСР входят нижеследующие отделения:

а) древлехранилище, содержащее важнейшие документы по внешней и внутренней политике России, кончая XVIII веком;

б) хранилище государственных документов русской истории (XIX век и начало XX [в.] до 1 марта 1917 г.);

в) хранилище документов истории революции и общественного движения до 1 марта 1917 г.;

г) архив пролетарской революции, содержащий в себе документы после 1 марта 1917 г.

Документы или целые серии документов, захватывающие большие промежутки времени и выходящие за указанные выше хронологические рамки, распределяются между отделениями по их содержанию.

Первое и второе отделения Государственного архива в настоящее время входят в состав 3-го Московского отделения I секции, третье отделение составляет 1-е Московское отделение VII секции (Историко-революционный архив) и четвертое отделение является 1-м Московским отделением VIII секции.

Это последнее, имея специальное название *Архива Октябрьской революции*, делится на следующие отделы:

1) политическое отделение с 2-мя п[од]отделами: а) внутренней политики и б) внешней политики;

2) документы по истории РКП;

3) бытовые документы (письма, дневники, воспоминания, заметки и т. д.);

4) экономико-статистические документы;

5) печать;

6) информационный отдел.

Управляющим Государственным архивом РСФСР назначается В. В. Адоратский.

Управляющими отделениями на правах управляющих архивами назначаются: первым отделением — С. К. Богоявленский, вторым — Э. Л. Гуревич, третьим — Б. И. Николаевский и четверым — В. В. Максаков.

В. В. Максаков вместе с тем является заместителем управляющего Государственным архивом РСФСР.

2. В связи с записанным в п. 1 заслушана была и принята к сведению докладная записка помощника управляющего 3-м отделением I секции и заведующих отделами XVII и XVIII вв. по поводу предстоящих перемещений в здании 3-го отд[еления] I секции в связи с отводом в нем помещений для Архива Октябрьской революции [...].

А. М. Полянский

В. Н. Сторожев

В. Адоратский

Резолюция: Утверждаю. М. Покровский.

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 209. Л. 4–5. Подлинник.

№ 2

Из доклада старшего архивиста А. А. Сергеева управляющему Государственным архивом РСФСР В. В. Адоратскому об окончании разборки «Архива с Юга»

Апрель 1921 г.

Мною закончена разборка так называемого «Архива с Юга», привезенного инспектором Главархива тов. Вишневым. Состояние этого Архива, представлявшего собой пеструю кучу бумажного хлама, не допускало возможности его научной археографической обработки. Нужно было прежде всего выяснить самый состав этого бумажного собрания и, классифицировав его по учреждениям, определить его научную ценность. Такая предварительная работа по разборке Архива и разбивке его содержания на группы документов мною теперь закончена. Документы эти касаются

деятельности 1) различных учреждений революционной Советской власти, 2) оккупационных властей, назначавшихся верховным командованием Добрармии, 3) учреждений дореволюционной эпохи.

[...]

Александр Сергеев

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 11. Л. 56–56 об. Подлинник.

№ 3

Соглашение между Всероссийским фотокиноотделом и АОР о порядке предоставления материалов в иконографический отдел АОР¹

12 августа 1921 г.²

В целях сосредоточения всего иллюстративного материала, характеризующего развитие и завоевания Октябрьской революции и истории РКП, Всероссийский фото-кино-отдел доставляет в Иконографический отдел Архива Октябрьской революции:

1) По одному экземпляру фотографий, отражающих революционное движение в подполье, период гражданской войны, советское строительство, партийная жизнь и пр. и пр.

2) По одному экземпляру всех фотографий событий текущего дня (Съездов, совещаний и пр.) и все свои иллюстративные издания.

3) Фото-кино-отдел выполняет специальные при совместной предварительной работе задания Истпарта, как в центре, так и на местах.

Всероссийский фото-кино-отдел в целях фото-кино агитации (выставки, снабжение губернских фото-кино-секций и иностранных организаций и пр. и пр.) также пользуется материалами Иконографического отдела Архива Октябрьской революции.

Заведующий ВФК отделом *П. Воеводин*
Заведующий Архивом Октябрьской революции *В. Максаков*

Бюллетень Главархива. 1921. № 1. С. 14.

¹ Утверждено коллегией Главархива РСФСР 12 августа 1921 г., журнал № 31.

² Дата утверждения коллегией Главархива.

№ 4

Из доклада В. В. Адоратского на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей (Москва, 29 сентября — 3 октября 1921 г.) «Государственный архив РСФСР»*30 сентября 1921 г.*

[...] Государственный архив РСФСР тесно связан с возникновением Истпарта. В состав Государственного архива вошли документы, относящиеся к эпохе старого режима. Весь архивный фонд Государственного архива можно разделить на 4 отделения: 1) Дрвелехранилище, содержащее документы внешней и внутренней политики до конца XVIII в. 2) Документы эпохи развития буржуазного строя с начала XIX столетия до 1-го марта 1917 г. 3) Документы по истории революционного движения до 1 марта 1917 г. и 4) Архив Октябрьской революции, куда вошли все документы после 1-го марта 1917 г. В Архив Октябрьской революции вошли не только документы политического характера, но вообще все документы, относящиеся к истории современной Октябрьской революции. В свою очередь, фонды архива Октябрьской революции распадаются на 5 секций: 1) Политическую, 2) Экономическую, 3) Историко-культурную, 4) Юридическую и 5) Военную. В состав Петроградского государственного архива должен войти целый ряд фондов высших центральных правительственных учреждений. Что же касается провинции, то в них должны быть организованы лишь 2 последних отделения Государственного архива: Историко-революционное и Архив Октябрьской революции. Документы, по своему содержанию подходящие к 1-му и 2-му отделениям, должны отсылаться в Москву. В автономных областях Государственный архив может быть образован в полном составе, но документы общероссийского характера, по своему содержанию подходящие к 1-му и 2-му отделениям, должны быть отправлены в Москву. Политическая секция, имеющая в составе Госархива особенное значение и преследующая особые цели, требует к себе особенного внимания. Состав сотрудников, стоящих во главе этого архива и организующих в нем работу, должен, безусловно, быть проникнут сочувствием к основным целям пролетарского государства. Во главе Госархива должно быть поставлено лицо с согласия и утверждения высшей власти. В провинции заведующие Политической секцией назначаются по соглашению с местным высшим органом власти и с согласия соответствующего руководящего партийного учреждения. Необходимо, чтобы во главе политических архивов стояли партийные люди, заведующие или члены местного бюро «Истпарта». Работники науки, поскольку они заинтересованы выяснением объективной истины, могут вполне согласно работать

в пролетарском государстве, потому что пролетарское государство, пролетариат как класс вполне заинтересован в выяснении объективной истины [...].

Архивное дело. 1923. Вып. I. С. 113; ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 272. Л. 1–7. Подлинник.

№ 5

Доклад заведующего отделом южной контрреволюции АОР А. А. Сергеева управляющему АОР о ходе разборки материалов архива Скоропадского и о порядке передачи его Украинской ССР

14 декабря 1921 г.

В книге для записи поступающих в Госархив на хранение архивных материалов под № 8 значится: «26 ноября 1920 г. Архив Скоропадского (1 воз разрозненных дел) привезен А. А. Величкиным из Наркоминдел». Разборка этого архива поручена была мне, и характеристику состояния его я дал в докладе, представленном Вам мною в свое время. Архив нами получен был без сдаточной описи, и содержание его было совершенно неизвестно. После разборки, давшей возможность определить архив как делопроизводство разных департаментов Министерства иностранных дел гетмана Скоропадского, а также советского консульства в Киеве и др., я разложил дела на полках по группам, без детальной археографической обработки материала, входящего в эти группы. Более или менее подробную классификацию архива я дал в вышеупомянутом докладе, которого, к сожалению, у меня сейчас нет под рукой. В самом конце разборки бумажной груды, именовавшейся архивом Скоропадского, я нашел подробную опись, но проверку архива и раскладку дел по ней я отложил на некоторое время, занявшись другими архивами.

Ныне, в связи с предложением передать архив Скоропадского УССР, встает вопрос о способе передачи. Ввиду спешности последней не может быть и речи о передаче архива по имеющейся при нем подробной описи, т. к. 1) она нами не проверена и 2) это отняло бы много времени. Поэтому я предложил бы сдать архив по моей описи, вложенной в доклад Вам, выделив некоторые группы документов, как, например, дела советской миссии в Киеве и др., для оставления в Архиве Октябрьской революции. Дела в присутствии представителя УССР сложить по группам в картонные коробки или мешки и запечатать их архивной печатью, а вместо описи приложить копию моего доклада.

А. Сергеев

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 11. Л. 61а. Подлинник.

№ 6

Докладная записка заведующего отделом по отделению церкви от государства АОР И. А. Шпицберга в Центрархив РСФСР о положении церковных архивов

Сов. секретно
22 декабря 1921 г.

Согласно Вашему поручению мною выяснено в настоящее время положение архивных дел, документов, религиозной литературы и т. п. материала по московским учреждениям, каковой материал должен послужить будущему историку Великой русской революции источниками для составления истории в области отделения церкви от государства.

1. Самый значимый материал — это делопроизводство Московского Поместного Собора 1917–18 г. — заговор черного погрома, состоявшийся под руководством таких зубров, как нынешний патриарх Тихон, Сильвестр, епископ Омский (стоявший во главе так наз. Временного Высшего Церковного Управления Сибири при адмирале Колчаке); Антоний, архиепископ Харьковский (стоявший во главе так наз. Временного Высшего Церковного Управления в Ростове-на-Дону при генерале Деникине и бароне Врангеле); Евлогий, архиепископ Волынский (ныне действующий за рубежом); Иннокентий, епископ Туркестанский; протопресвитер Шавельский (ныне агент барона Врангеля); бывший председатель Государственной Думы М. В. Родзянко; бывший предводитель Московского дворянства А. Д. Самарин; министр исповеданий при правительстве Керенского — Карташев (ныне стоящий во главе русских монархических организаций в Германии); профессора-церковники — Н. Д. Кузнецов и Громогласов; граф Олсуфьев, князь Васильчиков, князья Трубецкие и др.

В судьбе этого делопроизводства сотрудник Главархива Рункевич сыграл такую же роль в интересах церковников, какую роль сыграл министр Французской революции Ролан, в интересах своей партии жирондистов, в судьбе документов, изъятых из потайного шкафа короля Людовика XVI. Но все же некоторую часть этого делопроизводства, совершенно исключительного по своему интересу, собрать еще можно. Часть дел хранится в канцелярии Отделения по духовенству МЧК, часть в Троицком подворье. Часть дел хранится на квартирах членов Синода и некоторых других лиц, фамилии коих мне известны. Согласно декрета об отделении церкви от государства, церковь лишена прав юридического лица и посему служители культа хранить у себя дела, не связанные непосредственно с культом, права не имеют, хотя имеют все основания их прятать. Совершенно необходимо для изъятия раскрадываемого и уничтожаемого делопроизводства Собора произвести соответствующую операцию путем ап-

парата В. и МЧК. Или нужно отказаться от мысли охранить в интересах революции вышеуказанные материалы когда-либо впоследствии. По сему поводу полагал бы целесообразным срочно устроить совещание в Центрархиве с вызовом представителей означенных ведомств.

2. Делопроизводство Московского объединенного совета религиозных общинных групп (Покровка, 9) в марте 21 г. было опечатано лично мною по должности юрисконсульта ВЧК. Быть может, ВЧК не будет возражать против передачи этого делопроизводства в хранилища Центрархива. В этом делопроизводстве имеются доказательства контрреволюционной деятельности сектантских верхушек по разложению Красной Армии и материал, бытописующий русские сектантские верхи и низы. Объединенный совет возник на почве декрета от 4.01.1919 г. об уклонении от воинской повинности по так называемым религиозным убеждениям. Полагал бы это делопроизводство охранить.

3. По содержанию материала, имеющего историческое значение, находящегося в 8-м отделе Наркомюста, в церковном отделе НКВД, в московских отделах юстиции и управления, — полагал бы таковой отсортировать и охранить все значимое в Центрархиве. С материалами, имеющимися в этих учреждениях, знаком.

4. Необходимо принять совершенно срочные меры к доставке в Москву гибнущего делопроизводства ныне ликвидированного Временного Церковного Управления в Омске при Колчаке. Это делопроизводство имеет совершенно исключительное историческое значение в области освещения деятельности церковников в смысле поддержки зарубежной контрреволюции. Оно находится частью в Канцелярии Омского Епархиального совета, частью в квартире епископа Сильвестра, частью в Омской губчека, частью в канцелярии уполномоченного ВЧК т. Павлуновского.

5. Необходимо принять совершенно срочные меры к доставке в Москву самых малых остатков, сохранившихся еще от деятельности Временного Высшего Церковного Управления в Ростове-на-Дону при генерале Деникине и Врангеле. Эти материалы находятся в местном Епархиальном совете, в местных трибуналах, в губчека, в канцелярии уполномоченного ВЧК по Кавказу и т. д.

6. Необходимо поручить какой-либо организации по усмотрению Центрархива в Севастополе — срочно переслать в Центрархив материалы, могущие иметь историческое значение, действовавших там, ныне ликвидированных, церковных ведомств при адмирале Колчаке.

7. Полагал бы необходимым войти в сношения с председателем Верховного Трибунала о высылке в Центрархив всех вступивших в законную силу дел по обвинению церковников в контрреволюции, религиозных шантажах, в спекуляции, в растлении детей и др. преступлениях — из губревтрибуналов. Эти материалы дадут историку богатую фактами карти-

ну прохождения по всем провинциальным губерниям процесса отделения церкви от государства.

8. Полагал бы необходимым войти в сношения с народным комиссаром юстиции о высылке в Центрархив всех вступивших в законную силу дел вышеуказанного рода из народных судов. Вещественные по делу доказательства придется хранить особо тщательно.

9. Полагал бы необходимым войти в соглашение с председателем ВЧК — о высылке в Центрархив всех совершенно законченных делопроизводств государственного розыска по обвинению церковников в контрреволюционных действиях и т. п. преступлениях — из всех губчека РСФСР. Материалы губчека являются самым ценным материалом для Архива Октябрьской Революции в данной отрасли.

10. Полагал бы необходимым собрать в Центрархиве все материалы из церковных подотделов, всех губернских отделов юстиции, наробраза и управлений, имеющих исторический интерес.

11. Некоторые наиболее важные дела из губернских епархиальных советов и т. п. религиозных организаций (например, по вскрытию мощей), по исполнению некоторых, особо важных постановлений патриарха и т. д. следует изъять и передать в Центрархив — по особым нашим требованиям. Во всех вышеуказанных делах имеются журналы, воззвания, плакаты церковников за срок с Февральской революции, кои должно тщательно отсортировать — по отдельным культам, сектам, подшить, перечислить и т. д. ...С сегодняшнего дня прошу считать меня фактически приступившим к работе.

Штицберг.

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 11. Л. 15–16. Подлинник. Рукопись.

№ 7

Из отчета А. М. Рахлин о командировке в города Юга России и Кавказа за материалами по истории Гражданской войны

10 июня 1922 г.

Маршрут: Тифлис–Баку–Краснодар–Ростов–Новочеркасск.

В Тифлис приехала 18 апреля. Главархив Грузии подчинен Наркомпросу, во главе его стоит т. Беридзе. Материалы революционного периода находятся в Музее революции, связанном с Главархивом договором и непосредственно подчиняющемся Наркомпросу. Архивн[ым] отд[елом] Музея революции заведует проф. Полиэвктов. Мною и тов. Сухоруковым, представителем Комиссии по изучению опыта мировой и гражданской войн,

были просмотрены архивы Штаба ОКА и Груз[инской] ЧК, а также архивный материал Музея революции. Ни в Штабе ОКА, ни в Груз[инской] ЧК нет никакого архивного материала исторического, для настоящего момента, характера — весь имеющийся архив — архив действующий. В Музее революции, схема строения которого прилагается, есть материал, не имеющий исключительно местного значения, на который будет указано ниже. В Арх[ивном] отд[еле] Муз[ея] револ[юции] хранятся след[ующие] материалы:

1) Архив Русского национального совета (1917–1921 гг.).

2) Архив Чхенкели (1917–1920 [гг.]) — 12 папок. Архив освещает взаимоотношения Грузии и иностранных государств; вопрос о признании Грузии *de jure*; взаимоотношения с социалистическими заграничными организациями (одна из папок взята на Генуэзскую конференцию, причем не успели даже снять копий).

3) Архив Закавказского Сейма (с конца 1917 г. по 26/V 1918 г.).

4) Дела Советов гор. Тифлиса и Краевого центра (1917 г.), около 3.000 дел (копии есть в Петербурге).

5) Бумаги Зурабова.

6) Бумаги Тарханова, освещающие деятельность Румчерода и работы на Ю[го]-З[ападном] фронте в 1917 г.

7) Переписка по поводу февр[альского] переворота — 1 папка из архива наместника, в[еликого] к[нязя] Николая Николаевича.

8) «Карабах-Зангезур» — материалы по взаимоотношениям Армении и иностранных миссий.

9) Часть архива областного Ком[ите]та ПСР, освещающая борьбу с[оциалистов]-р[еволюционеров] с меньшевиками.

10) Материалы по всеобщей жел[езно]дор[ожной] забастовке в сент[ябре] 1917 г., все телеграммы и распоряжения Викжеля.

Из перечисленных материалов — №№ 6 и 10 могут быть, бесспорно, признаны имеющими общероссийское значение, остальное же очень тесно связано с местной жизнью. Необходимо принципиальное решение вопроса о том, признается ли архивн[ый] материал несоветского периода той или иной советской республики имеющим большее местное или общесоюзное значение, поскольку речь идет о материалах важнейших государственных учреждений или деятелей.

Так, для истории гражданской войны на территории России очень большой интерес представляют №№ 1, 2 и 3 — вместе с тем, Грузия может считать эти архивы своим национальным достоянием.

Среди «*varia*» Музея революции тоже есть абсолютно не имеющие местного значения материалы, к[а]к, напр[имер], альбом фотографий сотрудников Мин[истерства] прод[овольствия] Российского правительства или комплект казанских прокламаций. Но в выдаче, даже альбома, мне

было категорически отказано, причем было заявлено, что возможен лишь обмен на материал, ценный для Грузии (прокламации на груз[инском] яз[ыке] и т. д.).

Т[ак] к[ак] на ведение переговоров об «обмене» я уполномочена не была, то из Грузии никакого материала получить не удалось, копий же не могло быть снято по техническим условиям (часть материала не разобрана, отсутствие средств и т. п.).

Материалов военного характера в Тифлисе не найдено. Истпарт-бюро ни при Закавказском краевом комитете, ни при ЦК КП Грузии не организованы до сих пор.

В Тифлисе экспедиция пробыла с 18–22 апреля.

25 апреля приехали в Баку. В Азербайджанской ССР государственный архив находится в ведении Музейно-архивной секции Наркомпроса. Во главе архивной п[од]с[екции] и Госархива АССР, а также истор[ико]-револ[юционн]ого отд[ела] Музея труда при АСПС, стоит Александр Львович Попов, работавший ранее в Петербурге, затем в Симбирске; т. Попов — дельный архивный работник, но совершенно не администратор, малоэнергичный для заведования. Госархив Азербайджана включает в себя след[ующие] фонды, частью только взятые на учет [...]¹.

29/IV экспедиция выехала из Баку, причем тов. Сухоруков заехал во Владикавказ на несколько часов по своему личному делу, а т. Рахлин направилась в Краснодар, куда приехала 3/V. Из-за добывания средств, т[а]к к[а]к авансовые суммы иссякли, приступить к работе удалось только 5-го. В Краснодаре не нашлось никакого архивного материала, имеющего всерос[сийское] значение. Там был взят печатный материал Куб[анской] обл[астной] ч[резвычайной] к[омиссии], были переданы экспедиции подшитые газетн[ые] вырезки периода Рады и черновики протоколов. Завед[ующий] Истпарт-бюро заведует и политическим отд[елом] обл[астного] архива. Т[ак] к[ак] положение Кубанско-Черноморского отд[ела] Центрархива достаточно освещено их отчетом, останавливаться на Краснодаре не буду, отмечу только, что материальные средства добываются торговлей бумагой, архив имеет приличное помещение и пользуется известным авторитетом в Исполкоме.

В Краснодаре, случайно встретясь с инструктором Донс[кого] краевого бюро Истпарт, узнала, что в Георгиевске положение с архивом очень плохое, архив расхищается, нет замков, выбиты окна и т. п. Дон[ской] Истпарт намеревался перевозить архивы в Пятигорск. Отсутствие собственных средств у экспедиции, отсутствие полномочий инспекторского характера (иначе средства можно было бы получить в исполкоме) не дали

¹ Далее опущены краткие аннотации на 21 фонд госархива Азербайджана и общие сведения об архиве.

мне возможности проехать в Георгиевск лично. Пробыв в Краснодаре 5 дней, экспедиция выехала в Ростов, куда приехала 10 мая. Т. Сухоруков, узнав в Штабе СКВО, что весь материал вывезен в Москву, 11/V уехал, а я осталась в Ростове. Из Ростова был мною взят архив Сватикова¹, печатный материал по деникинщине, немного материала иллюстративного было мне сдано Музеем революции. Просмотрен мною весьма тщательно был архив Дон[ского] обл[астного] П[олитического] у[правления] и Особого отдела СКВО, никаких материалов там нет. На руках у сотрудника Дон[ского] П[олитического] у[правления] т. Коблова имеются несколько дел Освага. Дела эти могут быть пересланы нам через несколько недель, но только по распоряжению ГПУ. Весь материал эти учреждения передают ГПУ. Деникинские архивы вывозились деникинцами, часть была взорвана, часть, возможно, закопана в окрестностях Новороссийска; материалы, находившиеся в частных руках, — а таких было много, вероятнее всего, уничтожены, так сказал мне зам[еститель] пред[седателя] Дон[ского] П[олитического] у[правления] тов. Зявкин. Есть сведения, что кое-что из архива Все[в]еликого Войска Донского погибло на фабрике (по словам т. Керенского). Положение Ростовского архива кошмарно. Совершенно разваливающееся здание, четырехэтажное, с крохотными каморками, укрепленное деревянными подпорками, архивное хранилище с трясущимися полами, сквозными трещинами в стенах, хранилище, из которого даже сбежали мыши. На ремонт этого здания необходим миллиард рублей, на переезд в другое — та же сумма.

По заданию Центрархива я разыскивала архив Временного церковного управления и просмотрела архив ДОРТ. Вр[еменное] церк[овное] управление было создано постановлением Ставропольского собора, и местопребыванием В[ременного] ц[ерковного] у[правления] был намечен Екатеринодар, где и нужно искать архив. В ДОРТ законченных дел о церковниках нет. За архивом Епархиального Совета я поехала в Новочеркасск, где с большими трудностями удалось выудить судные дела архива Епархиального Совета 1917–1919 гг. Новочеркасский архив (т[а]к наз[ываемое] «Черкасское отделение») также находится в скверных условиях. Местные работники могли бы дать много интересных исторических работ по войсковому архиву, есть уже подготовленные к печати — да нет средств. В Ростове я пробыла 10–18 мая, причем с 12 по 15 была в Новочеркасске.

Везде, где я проезжала, массаги гибли и гибнут архивы, продаются, расхищаются, выбрасываются на улицу; т[а]к, напр[имер], подмочен в подвале архив наместника и выброшен из своего помещения архив Кубанского Войска в Краснодаре, исчезли архивы белогвардейщины, проданы

¹ В настоящее время документы С. Г. Сватикова, собранные А. М. Рахлин, находятся на хранении в ГА РФ в составе его личного фонда Р-324.

в Персию на бумагу архивы Азербайджана. Необходимо хотя бы поднять в печати небольшую кампанию за архивы, хотя бы сохранить их, если мы слишком бедны, чтобы их разрабатывать. На местах слишком мало культурных сил, работники часто совершенно бессознательно уничтожают материалы.

Большой вопрос на местах — вопрос о взаимоотношении Истпарт-бюро и архивов.

Пом[ощник] упр[авляющего] АОР Анна Рахлин

Резолюции:

Коллегии. Информационная часть. Инструкторская часть. Запросить от т. Рахлин дополнительных по отметкам сведений и принять меры к установлению¹ связи с авт[ономными] респ[убликами]. М. Вишневский.

Указать на несоответствие полож[ения] арх[ивного] дела Грузии общедифферат[ивному] полож[ению]. [М. Вишневский]

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 376. Л. 2–2 об., 5 об., 9–9 об. Подлинник.

№ 8

Отчет научного сотрудника АОР М. М. Добраницкого управляющему Архивом Октябрьской революции В. В. Макасову о командировке в Петроград

17 ноября 1922 г.

Я выехал из Москвы 5-го ноября в воскресенье, однако, вследствие праздников, переговоры с учреждениями можно было начать лишь в среду 8-го ноября.

Мною получено согласие ряда учреждений на представление нам безвозмездно материалов, с другими же заключено соглашение об обмене дубликатами.

1) Музей революции передал мне 205 плакатов (из которых около 50 — в двух экземплярах), не имеющих в коллекции АОР, на началах обмена — плакат на плакат.

Плакаты, полученные от Музея революции, привезены мною в Москву.

2) Музей революции заготовил для АОР комплекты Петербургских газет за 1917 г. Некоторые из них почти полные, как, например, «Воля России».

¹ Далее слово не разборчиво.

Ввиду того, что Музей революции, вследствие отсутствия технического персонала, не мог озаботиться упаковкою газет в ящики и пересылкою их на вокзал, *необходимо будет поручить органу Центрархива в Петрограде взять на себя эту работу.*

Газеты передают нам в обмен, номер за номер.

Список desiderata будет нам прислан Музеем в ближайшее время.

3) *Правлением Российской публичной библиотеки* утвержден предложенный мною проект соглашения об обмене с АОР дубликатами периодической печати и плакатов. Принципы: обмен номер за номер и плакат за плакат и периодическое извещение об имеющихся дубликатах и о desiderata. Копия соглашения будет переслана Архиву Октябрьской революции в ближайшие дни.

4) Коллегия Петроградского отд[еления] Госиздата постановила передать по 3 экземпляра (по сколько хватит в Архиве Г[осударственного] изд[ательства]) всех изданий, выпущенных им до настоящего времени (по каталогу их 1 500 номеров), и зачислить АОР абонентом на все будущие издания (в 3-х экземплярах).

(На копии моего мандата, оставленной у завед[ующего] отделом заказов Петр[оградского] отд[еления] Г[ос]изд[ата] т. Гуревича, написана резолюция т. Боровкова, зав[едующего] Торговым сектором: «Отпустить по 1-3 экз. в зависимости от запаса наших изданий и петроградских плакатов по 10 экз. Включить на получение образцов наших изданий в количестве 3 экз. наложенным платежом почтовые посылки. 9/XI — М. Боровков».)

Представителю Центрархива в Петрограде необходимо будет около 20 ноября запросить т. Гуревич, готова ли посылка, сверить, если возможно, список с напечатанным каталогом и добиваться пополнения недостающего материала. Следует попросить о тщательной упаковке плакатов и художественных изданий.

5) Редакционно-издательский отдел Морского комиссариата (начальник т. Лукашевич) дал согласие на пересылку нам налож[енным] платежом по 3 экз. всех своих изданий и целого ряда ценных изданий флота начиная с 1917 г.

Тов. Лукашевич пожертвовал АОР редкий экземпляр газеты, изданной на флагманском корабле «Марат», «Первый поход», во время маневров настоящего года, под условием посылки ему копии этого номера газеты.

Ввиду интереса, проявленного т. Лукашевичем к работе АОР, и ценных услуг, которые мог бы оказать этот товарищ собиранием для нас материалов по флоту, я полагал бы назначить его корреспондентом АОР по Морскому комиссариату, предоставив ему право собирать материалы для АОР.

Распоряжение (письменное) тов. Лукашевича о посылке нам материалов передано мною экспедитору отдела т. Шапирову. *Представите-*

лю *Центрархива в Петрограде необходимо от времени до времени проверять*, посылаются ли нам все издания в 3 экземплярах, и видеться с Лукашевичем.

6) Северо-западный Киноотдел (Петроград, Сергиевская ул., 32) в лице члена дирекции т. Крессина и т. Попова постановил снабжать АОР всем выпускаемым отделом текущим фотографическим материалом в одном экземпляре. Что же касается старого материала, имеющегося в отделе (несколько тысяч весьма ценных в историческом отношении снимков начиная с 1918 г.), то принципиальное согласие т. Попова на напечатание для АОР по одному экземпляру всего материала дано. Однако большая стоимость этой работы (несколько миллиардов рублей) даст возможность закончить всю работу по копированию не ранее, чем через 6–9 месяцев.

Дирекция просила *о специальном обращении АОР в Киноотдел* по поводу фотографического материала. Результат был бы более верным и более скорым, если бы отношение было бы *подписано тов. Покровским*.

7) Фарфоровый завод, с которым я вел переговоры о предоставлении АОР всех образцов фарфора с рисунками, на которых отразилась революция, заявил в лице директора завода, что этот вопрос может быть разрешен лишь акад[емическим] центром Петрограда. Ввиду этого я предпочел не ставить этого вопроса там, а полагал бы более целесообразным *провести предложение АОР через посредство М. Н. Покровского*.

Виденная мною на заводе коллекция фарфора представляет большую ценность в качестве художественно-исторического материала.

15-го ноября я вернулся из Петрограда.

М. Добраницкий.

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 11. Л. 133–134. Заверенная копия.

№ 9

Временные правила для сотрудников Архива Октябрьской революции¹

26 июня 1923 г.²

I. Сотрудники Архива Октябрьской революции ввиду особого характера архивных материалов, подлежащих хранению в Архиве, обязуются не сообщать кому бы то ни было никаких сведений о фондах и отдельных документах, находящихся в АОР, и характере производимой ими работы по заданиям администрации Архива.

¹ Утверждено м[алой] коллегией Центрархива 26 июня 1923 г., пр. № 10.

² Дата утверждения коллегией Центрархива РСФСР.

Примечание: Настоящее обязательство остается в силе и по оставлении сотрудниками службы в АОР.

II. Сотрудники АОР не имеют права снимать с архивных материалов или описей копии, делать выписки и т. п. иначе как в порядке служебных заданий.

III. Сотрудникам АОР воспрещается вступать в непосредственные сношения с посетителями Архива и давать им сведения, касающиеся обслуживаемых ими фондов, без специального на то разрешения управляющего Архивом или его заместителя.

IV. Выдача дел, документов и др. материалов для посетителей по требованию заведующего читальным залом может производиться лишь по распоряжению управляющего Архивом или его заместителя.

V. Без разрешения ответственного за данный отдел лица сотрудники не имеют права брать архивные материалы с места их хранения (из шкафов, стеллажей и проч.).

VI. Сотрудникам Архива вменяется в обязанность бережное обращение с вверенными им архивными материалами.

VII. По окончании рабочего дня сотрудники обязаны убрать дела, документы и вообще материалы, над которыми они работали, на место их постоянного хранения или в помещение, предназначенное для дел, находящихся в работе.

VIII. Каждый сотрудник Архива ведет дневник своей работы, который по окончании служебного дня сдает в секретариат Госархива.

Заведывающие отделами представляют управляющему Архивом сводные отчеты о работе своих отделов каждые две недели.

IX. Занятия сотрудников в Архиве в служебные часы делом, не имеющим отношения к текущей работе Архива, без разрешения управляющего Архивом, воспрещаются.

X. Сотрудникам одного отдела без специального на то разрешения воспрещается посещать комнаты, занятые другими отделами Архива, а также информировать о своей работе сотрудников других отделов.

XI. В Архиве не допускаются никакие разговоры, помимо служебных.

XII. Сотрудники Архива не имеют права вносить в Архив и выносить из Архива без разрешения управляющего каких бы то ни было предметов (свертков, папок, портфелей, сумочек и т. д.).

XIII. Сотрудники Архива должны быть на месте ровно в 10 ч. утра (в летнее время в 9 ч. утра).

Уход из Архива раньше установленного часа возможен лишь с особого разрешения управляющего Архивом или его заместителя и с ведома заведывающего отделом, в котором работает сотрудник.

Нарушение настоящих правил повлечет за собой административные взыскания вплоть до увольнения со службы.

Нарушение правил, изложенных в пп. I, II, III, VI и X, повлечет за собой возбуждение против виновных уголовного преследования по ст.ст. 66 ч. 2, 92, 117 и др. Угол[овного] код[екса] РСФСР.

Управляющий Архивом Октябрьской революции В. Максаков

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 476. Л. 17–17 об. Подлинник.

№ 10

Декрет СНК «О сосредоточении в Центральном Архиве РСФСР находящихся в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР архивов активных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигрировавших за пределы Республики за время с 1917 года»

2 августа 1923 г.

1. Все находящиеся в ведении учреждений и должностных лиц Р.С.Ф.С.Р. архивы активных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигрировавших за пределы Республики за время с 1917 года, подлежат сосредоточению в Политической Секции Единого Государственного Архивного Фонда.

2. Во исполнение настоящего постановления все учреждения и должностные лица, в ведении коих находятся вышеуказанные материалы (официальные документы, проекты бумаг, мемуары, дневники, личная переписка, ученые труды и исследования в рукописном виде, прокламации, брошюры, листовки, записные книжки, заметки, фотографические снимки и т. п.), обязаны немедленно, и во всяком случае не позже чем через три месяца, представить списки этих материалов Управлению Центрального Архива.

3. Последующая сдача означенных материалов в Единый Государственный Архивный Фонд производится в порядке и в сроки, устанавливаемые Управлением Центрального Архива по соглашению с вышеуказанными учреждениями и должностными лицами, в зависимости от использования последними этих материалов для непосредственных ведомственных заданий.

Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров *Л. Каменев.*
Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров *В. Смольянинов.*
Секретарь Совета Народных Комиссаров *М. Гляссер.*

СУ. 1923. № 72. Ст. 703; Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу. Л.: Государственное издательство, 1925. С. 12.

№ 11

**Декрет ВЦИК и СНК «О сосредоточении
в Центральном архиве РСФСР архивов семьи Романовых
(бывшей царской фамилии) и некоторых других лиц»**

12 сентября 1923 г.

Ввиду неоднократных случаев сокрытия или похищения документов, изобличающих бывших царей и их слуг в злодеяниях, чинившихся ими над трудящимся населением России, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров *постановляют*:

Все находящиеся на территории РСФСР в ведении учреждений, организаций и должностных лиц, а равно у частных лиц архивные материалы семьи Романовых (бывшей царской фамилии), а также лиц, занимавших за время двух последних царствований и период временного правительства высшие государственные должности или находившихся в близких отношениях ко двору или к отдельным лицам бывшей царской фамилии, подлежат сосредоточению в Политической Секции Единого Государственного Архивного Фонда.

Все учреждения, организации, должностные и частные лица, в ведении или обладании коих находятся вышеуказанные материалы (официальные документы, проекты бумаг, мемуары, дневники, личная переписка, ученые труды и исследования в рукописном виде, записные книжки, заметки, фотографические коллекции и т. п.), должны немедленно заявить об этом Управлению Центрального Архива РСФСР по адресу: Москва, Воздвиженка, Ваганьковский пер., № 8, для последующей сдачи означенных материалов в Единый Государственный Архивный Фонд в порядке, устанавливаемом Управлением Центрального Архива.

В случае возникновения у держателей архивов сомнений о возможности отнесения тех или иных бывших владельцев архивов к числу лиц, архивы коих подлежат сдаче в Единый Государственный Архивный Фонд на основании настоящего постановления, таковые сомнения разрешаются Управлением Центрального Архива.

Председатель
Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета *М. Калинин.*

Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров *Л. Каменев.*
За Секретаря Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета *А. Андреев.*

СУ. 1923. № 76. Ст. 740; Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу. Л.: Государственное издательство, 1925. С. 12–13.

Б. Ф. Додонов, В. П. Наумов

Архив революции и внешней политики (1925–1932 гг.) —
Государственный архив революции (1932–1941 гг.) —
Центральный государственный исторический архив
в Москве (1941–1961 гг.)

В 1925 г., после ликвидации Государственного архива РСФСР, фонды второго (секция «Б») и третьего отделений архива (документы по истории внешней политики России XIX — начала XX в. и истории революционного движения в России) были объединены в одном архиве, который получил название Архива революции и внешней политики. Здание архива находилось в Москве по адресу Б. Серпуховская ул., дом 15.

В архиве были сконцентрированы фонды, ранее хранившиеся в Московском историко-революционном архиве, и сюда же начали поступать фонды ликвидируемого Петроградского историко-революционного архива. Власти стремились сконцентрировать в одном месте основной комплекс документов по истории революционного движения в России XIX — нач. XX в. и уйти от раздробленности и распыленности фондов. К тому же эти документы имели оперативное значение для органов государственной безопасности, именно ОГПУ начинает активно ставить вопрос о переводе материалов основных жандармско-полицейских и судебных учреждений царской России из Ленинграда в Москву.

25 декабря 1925 г. руководитель Центрархива РСФСР М. Н. Покровский писал в Совнарком РСФСР о предложении ОГПУ по передаче в Москву фонда Департамента полиции МВД царской России¹. Эти документы были необходимы ОГПУ для выявления по ним сведений о провокаторах и секретных сотрудниках царской охраны. В результате 24 февраля 1926 г. Совнарком РСФСР принял постановление, разрешающее Центрархиву РСФСР перевезти архив Департамента полиции из Ленинграда в Москву². В течение марта–мая 1926 г. большая часть документов фонда Департамента полиции была перевезена в Москву и размещена в Архиве революции и внешней политики.

В мае–июне 1926 г. коллегией Центрархива РСФСР был решен вопрос о переводе в Москву документов фонда III отделения с. е. и. в. канцелярии³. При этом учитывалась органическая связь этих материалов с документами Департамента полиции и то, что часть фонда III отделения

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 169. Л. 6–7.

² Там же. Л. 100–102.

³ Там же. Д. 314. Л. 15, 16 об.

с. е. и. в. канцелярии уже была перевезена в Москву в 1919 г. И вновь, как и в первом случае, не обошлось без участия ОГПУ¹.

В октябре 1926 г. было принято решение о передаче из Ленинграда в Москву материалов фонда Особого присутствия Правительствующего Сената².

В марте 1927 г. коллегия Центрархива РСФСР принимает решение удовлетворить ходатайство секретного отдела ОГПУ о перевозке из Ленинграда в Москву документов фондов Штаба Отдельного корпуса жандармов, Уголовных отделений 1-го департамента Министерства юстиции, Главного тюремного управления, части фонда Управления дворцового коменданта Министерства двора³. Таким образом, в 1926–1927 гг. в Москву, в Архив революции и внешней политики были перевезены практически все фонды ликвидированного Петроградского историко-революционного архива. В докладе Центрархива РСФСР в Президиум ВЦИК о работе за 1926–1927 гг. особо отмечалась работа по перемещению фондов из Ленинграда в Москву⁴.

Отдельные поступления документов в Архив революции и внешней политики были и в последующие годы. Например, в архив были переданы материалы делопроизводств сенаторов М. И. Трусевича и Н. В. Шульгина, из Пушкинского дома Академии наук поступили документы графа А. Х. Бенкендорфа, отдельные дела поступили из секретного отдела ОГПУ и так далее⁵.

В архиве существовало два отдела: внешней политики и революционного движения. В конце 1933 г. в отделе внешней политики была развернута работа по подготовке серии сборников документов «Международные отношения в эпоху империализма», отдел был также загружен исполнением запросов для нужд государственных учреждений. В связи с этим ЦАУ РСФСР признало необходимым выделить отдел в самостоятельный архив⁶.

В 1934 г. Архив революции и внешней политики был разделен на два самостоятельных архива — Государственный архив революции и Государ-

¹ В решении коллегии Центрархива отмечалось: «Просить через Генкина ОГПУ дать указание начальнику Ленинградского ОГПУ т. Мессингу о необходимости содействия в переводе архива III Отделения “с. е. и. в.” канцелярии в Москву».

² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 1269. Л. 80.

³ Там же. Д. 401. Л. 6–10; Д. 462. Л. 8.

⁴ Там же. Д. 569. Л. 16–19; Д. 583. Л. 4–34.

⁵ Подробнее см.: Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. Т. 1. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX — начала XX вв. М., 1994. С. XI.

⁶ См.: *Максаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969. С. 234.

ственный архив внешней политики. Государственный архив революции на момент разделения хранил 750 тыс. дел¹.

Штат Архива революции и внешней политики с момента своего создания активно пополнялся, к 1928 г. он был доведен до 59 сотрудников (19 членов ВКП(б), 4 кандидата в члены ВКП(б) и 8 членов ВЛКСМ), из них отдел революции обслуживало 36 чел.² В Архиве революции к 1938 г. работало 34 сотрудника³.

С момента создания в Архиве революции и внешней политики активно проводилась работа по разборке и систематизации материалов. Например, в 1926–1928 гг. было разобрано более 180 тыс. дел, при этом инвентаризировано в период с 1925 по 1928 г. более 70 тыс. дел⁴.

В течение всего периода деятельности архива интенсивно работал читальный зал, обслуживающий преимущественно историков революционного движения. В 1925 г. в читальном зале занималось 158 исследователей, состоялось 1 170 посещений, было выдано 5 134 дела. В 1926 г. эти цифры составили соответственно 146, 2 189, 8 447; в 1927 г. — 120, 2 565, 14 039⁵. За последующие десять лет динамика работы читального зала существенно не изменилась: в 1937 г. в зале занималось 149 чел., состоялось 1 537 посещений, выдано 6 329 дел. В Архиве революции работали не только отдельные исследователи, но также бригады сотрудников научно-исследовательских учреждений — Института истории АН СССР, Музея революции, Музея А. М. Горького, Музея Маркса–Энгельса, Ленина и других⁶.

В «Бюллетене Центрархива РСФСР» за 1926 г. отмечалось, что у занимающихся в Архиве революции и внешней политики исследователей особенно востребованы были материалы фондов охранных отделений, жандармских управлений⁷.

Большое место в работе архива занимало выявление документов и подготовка на их основе биографических справок. Справки готовились как по заданиям учреждений, так и по запросам отдельных лиц. Значительное место занимали запросы подразделений ОГПУ и следственных органов.

Архив проводил систематическое выявление материалов по истории рабочего и революционного движения, истории ВКП(б), участвовал в собирании материалов по истории фабрик и заводов.

¹ Далаго В. Архив революции за 20 лет // Архивное дело. 1938. № 3 (47). С. 79.

² ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 19. Л. 30.

³ Далаго В. Архив революции за 20 лет. С. 87.

⁴ ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 19. Л. 11.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 7.

⁶ Далаго В. Архив революции за 20 лет. С. 81–82.

⁷ Бюллетень Центрархива РСФСР. 1926. № 2 (32). С. 18.

С момента своего создания архив активно занимался выставочной деятельностью. Например, Архив революции и внешней политики принял участие в выставках: в 1925 г. — в выставке на тему «Восстание в Москве в 1905 году», в 1926 г. — «Подпольная техника и работа охраны», в 1927 г. — «К 10-летию Февральской революции», в 1928 г. — «Ко II партсъезду». Государственный архив революции активно участвовал в выставках и после выделения в самостоятельный архив. Например, в 1935 г. он принял участие в выставке «Большевистская печать», в 1937 г. — по истории ВКП(б) за период с 1907 по 1917 г. и других¹.

Документы архива активно публиковались в журналах «Красный архив», «Пролетарская революция», «Борьба классов», «История пролетариата СССР».

Архив готовил к публикации документы о Радищеве, революционных демократах (А. И. Герцене, Н. А. Добролюбове и др.), народниках, писателях Т. Г. Шевченко, А. П. Чехове и других.

В марте 1941 г. постановлением Совета народных комиссаров СССР была утверждена новая сеть государственных архивов СССР, в которую вошел Центральный государственный исторический архив в г. Москве (ЦГИАМ). Он был образован путем слияния Государственного архива революции и Государственного архива внешней политики, которые до 1934 г. также являлись единым учреждением (Архив революции и внешней политики). В связи с уточнением профиля ЦГИАМ в него решено было передать из Центрального государственного архива древних актов комплекс фондов и коллекций документов членов императорской фамилии и придворных, материалы Зимнего, Царскосельского, Мраморного и других царских и великокняжеских дворцов, фонды государственных и общественных деятелей, политических партий, общественных организаций и союзов за период XIX — начала XX века².

Основная масса документов была передана из ЦГАДА в ЦГИАМ в мае–июне 1941 г. Передаточные акты показывают, что значительная часть фондов поступала в ЦГИАМ в неупорядоченном виде: например, при передаче фонда императора Николая II отмечено наличие 3 456 листов и 218 кг россыпи, в фонде великого князя Константина Константиновича — 2 983 листа и 20 кг россыпи³.

30 апреля 1941 г. в ЦГИАМ были переданы материалы Центрального государственного особого архива, в том числе фонд Министерства внутренних дел Румынского королевства за 1890–1915 гг., фонды местных

¹ Далаго В. Архив революции за 20 лет. С. 84.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 184. Л. 390–425.

³ Добровская А. В. Предисловие // Государственный архив Российской Федерации. Т. 1. С. XIV–XV.

учреждений Польши за 1796–1920 гг., учреждений Литвы, Лифляндии и Курляндии за 1824–1918 гг., Польского консульства в Ленинграде за 1929–1939 гг., магистрата г. Могилева за 1714–1730 гг. и другие¹.

Таким образом, в состав ЦГИАМ вошли четыре основных документальных комплекса: фонды учреждений политического сыска дореволюционной России XIX — начала XX в. (бывший Государственный архив революции), фонды Министерства иностранных дел Российской империи и подведомственных ему учреждений (бывший Государственный архив внешней политики), личные фонды членов семьи Романовых и других государственных деятелей XIX — начала XX в. (бывший Новоромановский архив, преобразованный в 1925 г. в отдел падения старого режима Архива Октябрьской революции, в 1929 г. — в особый отдел Московского отделения Центрального исторического архива, в 1934 г. — в особый отдел Государственного архива феодально-крепостнической эпохи), материалы по истории Польши, Румынии, Латвии, Литвы и Белорусии (бывший Центральный государственный особый архив).

ЦГИАМ в первые годы его существования подразделялся на четыре отдела. Отдел внутренней политики включал в себя фонды Департамента полиции, III отделения Собственной его императорского величества канцелярии, столичных охранных отделений и губернских жандармских управлений, Отдельного корпуса жандармов, Министерства юстиции Российской империи, а также политических партий (кадетов, трудовиков, Союза русского народа и др.). Отдел внешней политики состоял из фондов Министерства иностранных дел Российской империи. В отдел фондов личного происхождения входили фонды членов императорской семьи, государственных и общественных деятелей XIX — начала XX в. Отдел секретных фондов составил из материалов Секретного архива Департамента полиции и Особого архива².

Архив располагался в шестиэтажном здании и примыкавшем к нему двухэтажном особняке (корпус 1) по адресу Большая Серпуховская улица, 15. Фонды отделов внутренней и внешней политики размещались в шестиэтажном здании; личные и секретные фонды, а также многочисленные картотеки Департамента полиции находились в первом корпусе. Там же располагались рабочие комнаты и читальный зал³.

В самом начале Великой Отечественной войны, в июле 1941 г., наиболее ценные фонды ЦГИАМ (около 200 000 ед. хр.) были эвакуированы в Саратов. В начале 1942 г. в результате налета немецкой авиации был почти полностью разрушен первый корпус архива и сильно поврежде-

¹ ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 107. Л. 1–39.

² Там же. Д. 141. Л. 5–6.

³ Там же. Л. 6.

но основное шестизэтажное здание — снесена крыша, выбиты все рамы и стекла, вышли из строя отопление, электроосвещение и водопровод. В феврале 1942 г. часть материалов ЦГИАМ была дополнительно эвакуирована в Барнаул. Оставшиеся в Москве документы были перемещены с верхних этажей на первые два этажа архивного здания.

Весной 1942 г. находившиеся в Саратове документы ЦГИАМ были переведены в Молотов (Пермь) и частично в Чкалов (Оренбург) и Орск. В 1942 и 1943 гг. все эти филиалы архива вели напряженную работу по упорядочению, проверке наличия и описанию документов. Особое значение в годы войны придавалось выявлению «скрытых враждебных элементов». Только в 1943 г. по картотекам учреждений политического сыска дореволюционной России было выявлено 6 184 шпиона (в том числе 627 немецких) и 32 553 члена «антисоветских политических партий» (эсеры, меньшевики, анархисты и др.)¹. Можно представить, сколько невинных людей пострадало в результате «шпиономании».

В годы войны филиалы архива напряженно работали над наведением биографических справок, в основном по запросам НКВД СССР. В 1943 г. было составлено 2 525 справок, в том числе 655 положительных. Однако использование архивных материалов не ограничивалось оперативной работой: проводилось выявление документов о Суворове, Кутузове, Багратионе, Барклае-де-Толли, составлялись тематические справки и обзоры документов по истории Первой мировой и русско-японской войн, необходимые для патриотической пропаганды.

Вся эта колоссальная работа проводилась силами всего 38 сотрудников филиалов архива. В годы войны особенно ощущалась потребность в руководящих и научных кадрах. Например, должность начальника научно-публикаторского отдела занимал старший лейтенант государственной безопасности Данилин, не имеющий даже среднего образования².

В начале 1944 г. началась реэвакуация документов архива из Молотова, Орска, Чкалова и Барнаула. Из Молотова в Москву в первую очередь были возвращены документы Особого отдела, 7-го делопроизводства и Секретной части Департамента полиции, Московского охранного отделения, основной части губернских жандармских управлений и Комиссии по обеспечению нового строя Временного правительства. Из Барнаула были доставлены дела Штаба Отдельного корпуса жандармов, Департамента полиции и Московского губернского жандармского управления. Из Орска в Москву вернулись фонды III отделения, Высочайше учрежденной следственной комиссии 1862–1871 гг., Верховного уголовного суда и следственной комиссии по делу Каракозова, а также часть материалов

¹ Там же. Д. 118. Л. 16.

² Там же. Л. 12 об.

Министерства юстиции Российской империи и формулярные списки Штаба Отдельного корпуса жандармов. Из Чкалова были возвращены документы Московского охранного отделения, Министерства юстиции, Главного тюремного управления, Алексеевского равелина, Петербургской и Шлиссельбургской крепостей, а также личные фонды императоров, императриц и великих князей¹.

Резвакуация архивных документов закончилась в августе 1944 г. Поскольку ремонт здания архива не был произведен, материалы пришлось размещать в неотапливаемых хранилищах и комнатах без стекол, без электричества и без водопровода. Часть архивохранилищ на первом этаже пришлось занять под рабочие комнаты и другие служебные помещения.

В течение зимы 1944 и 1945 гг. силами малочисленного штата научных сотрудников решалась весьма трудоемкая задача восстановления раздробленных во время эвакуации и реэвакуации архивных фондов. В неотапливаемых помещениях работа проводилась замедленными темпами. Тем не менее к весне 1945 г. удалось восстановить отделы архива и в основном разместить восстановленные фонды по принадлежности к тому или иному отделу.

3 декабря 1945 г. было принято постановление Совнаркома СССР «Об образовании Архивного Управления НКВД и о передаче архивов внешней политики из НКВД СССР Наркоминделу СССР». Это означало, что документы отдела внешней политики должны были быть изъяты из состава ЦГИАМ. На основании приказа НКВД СССР и НКВД СССР от 25 декабря 1945 г. ЦГИАМ должен был к 10 декабря 1946 г. освободить от своих документов все хранилища в здании на Большой Серпуховской улице и «переместить эти материалы в количестве 100 вагонов в другое здание в г. Москве». Первоначально для временного хранения части документов ЦГИАМ были отведены три комнаты в полуподвальном помещении по адресу: Кадашевская улица, д. 6/12. Однако комиссия архива установила, что только две комнаты могут быть использованы для хранения 120–130 ящиков с документами, а третья комната непригодна в качестве хранилища, поскольку имеет повышенную влажность². Потребовалось специальное обращение начальника архива В. В. Максакова в Комиссию народного комиссара внутренних дел по обследованию Главного архивного управления НКВД СССР от 7 января 1946 г. с обоснованием просьбы организовать перевозку документов ЦГИАМ сразу в новое помещение, минуя промежуточные точки временного хранения.

1 января 1946 г. штат архива составлял 57 сотрудников, из них в наличии имелось 43, в том числе 7 руководящих, 9 старших научных, 12 на-

¹ ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 120. Л. 2–7.

² Там же. Л. 38, 80–81.

учных, 7 архивно-технических, 8 обслуживающих. Два сотрудника архива имели ученую степень кандидата исторических наук. 13 сотрудников отдела внешней политики с 1 марта 1946 г. были отчислены из ЦГИАМ в связи с переводом их во вновь образованный Архив внешней политики МИД СССР¹. В течение 1946 г. ЦГИАМ передал в МИД 410 тыс. архивных дел².

До осени 1946 г. ЦГИАМ продолжал работать в обычном режиме и не занимался перевозкой своих документов из здания на Большой Серпуховской улице, поскольку вопрос о предоставлении новых помещений для архива еще не был решен окончательно. В течение этого года была проведена научно-техническая обработка документов личного происхождения в количестве 9 889 единиц хранения и 1 769 кг россыпи (всего 26 фондов), закончено составление путеводителя по фондам архива, составлено 300 карточек для списка английских и турецких шпионов, подготовлено 926 справок биографического характера по запросам МВД, МГБ и Министерства социального обеспечения. По заданию ГАУ МВД СССР составлены исторические справки «Об японских зверствах» и «Об английском шпионаже в России»³.

11 сентября 1946 г. был принят приказ МВД СССР о перемещении документов ЦГИАМ в здание по адресу: Большая Пироговская улица, дом 17. Документы решено было разместить в архивохранилищах ЦГАДА: «длиннике» правого крыла первого яруса и «поперечнике» правого крыла второго яруса. Под рабочие комнаты ЦГИАМ были отведены помещения бывшего музея ГАУ.

Перевозка документов ЦГИАМ заняла период времени с 1 октября 1946 г. по 1 апреля 1947 г. В общей сложности было перевезено 1 603 фонда, 967 773 единицы хранения, 2 тыс. ящиков с картотеками Департамента полиции, 38 тыс. экземпляров книг, 2 300 коробок коллекций нелегальной литературы, 500 ящиков карточек научно-справочного отдела и 2 500 комплектов газет. Общий объем перемещенных материалов составил 350 трехтонных автомашин⁴.

Одновременно с размещением фондов в новых местах хранения проводились систематизация и обработка документов. К 20 мая 1947 г. была завершена обработка 2 580 кг россыпи, из которых образовано 5 927 единиц хранения 70 фондов. В отчете ЦГИАМ за 1947 г. отмечено, что в мае этого года документов в состоянии неопределенной россыпи в архиве не осталось; имелись только несколько не приведенных в порядок фондов, содер-

¹ Там же. Д. 139. Л. 4.

² Там же. Л. 1 об.; Д. 141. Л. 51, 52.

³ Там же. Л. 2–2 об.

⁴ Там же. Д. 140. Л. 13.

жащих россыпь¹. Продолжалась и научная работа архива. В 1947 г. проводилось выявление документов по темам «V Лондонский съезд РСДРП» и «Распространение марксизма в России».

Количество предоставленных архиву помещений было недостаточно. В отчете ЦГИАМ за 1947 г. отмечено, что «условия хранения секретных документальных материалов из-за отсутствия изолированного хранилища не отвечают требованиям существующих инструкций по хранению секретных документов и не обеспечивают полной их сохранности. Из-за неимения изолированной рабочей комнаты сотрудники отдела секретных фондов работают в общей комнате (она же является и канцелярией архива), вследствие чего тайна исполнения запросов оперативных органов в должной мере не обеспечена»².

Приказом министра внутренних дел СССР от 4 мая 1947 г. был образован Научный совет ЦГИАМ, в который вошли начальник ЦГИАМ А. Я. Востриков (председатель), заместитель начальника ЦГИАМ В. И. Истомин, начальник отдела ГАУ МВД СССР Г. И. Старов, начальник отдела ЦГИАМ И. Н. Фирсов, профессора МГУ Н. М. Дружинин и М. В. Нечкина, профессор МГИАИ В. В. Максаков, профессор С. С. Дмитриев, профессор Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) Г. И. Крамольников, профессор Московского государственного педагогического института К. В. Сивков и заместитель ректора по научно-издательской части Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) И. И. Розин³.

В мае 1947 г. впервые после переезда открылся читальный зал архива. До конца года были оформлены 192 исследователя, занимающихся проблемами истории революционного движения, полицейских и судебных учреждений дореволюционной России. В последующие годы число исследователей ежегодно возрастало (например, в 1955 г. — 430, в 1957 г. — 544, в 1959 г. — 678).

Продолжалось уточнение профиля ЦГИАМ: в июне 1947 г. фонд Министерства внутренних дел Румынского королевства был отправлен в Кишинев, в распоряжение руководства архивной отрасли Молдавской ССР; в 1949 г. в областные государственные архивы были переданы фонды Иркутской губернской тюремной инспекции, приамурского генерал-губернатора, Благовещенской областной тюрьмы, Тюремной инспекции Амурской области, конторы Владивостокской областной тюрьмы и других учреждений. В том же году в республиканские архивы были переданы фонды прибалтийского генерал-губернатора, Лифляндского губерн-

¹ ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 140. Л. 14, 24.

² Там же. Л. 17.

³ Там же.

ского жандармского управления, Якутского окружного полицейского управления¹.

Из ЦГАДА в ЦГИАМ в 1949 г. был передан фонд Зимнего дворца (свыше 3 тыс. дел), а также личные фонды М. Б. Лобанова-Ростовского, Л. В. Дубельта, П. А. Кропоткина, Мансуровых, Муравьевых и другие².

В 1948 г. в архивохранилищах ЦГИАМ проводилось перекартонирование фондов Департамента полиции, Штаба Отдельного корпуса жандармов, Министерства юстиции Российской империи, губернских жандармских управлений, а также личных фондов (всего 369 091 ед. хр.). Активно велась научно-техническая обработка личных фондов с одновременным составлением инвентарных описей (32 фонда, 23 218 ед. хр.). В 1949 г. проводились систематизация и описание фондов Министерства юстиции, Особого присутствия Правительствующего Сената, Следственной комиссии 1862 г.; продолжалась обработка личных фондов.

В течение 1948 г. сотрудники ЦГИАМ подготовили 2 530 биографических справок по запросам МГБ, МВД, партийных организаций, государственных учреждений и частных лиц. Для МГБ и МВД составлены справки «О сионизме и деятельности сионистских организаций в Москве», о количестве судебных органов и судебных работников в царской России. В 1949 г. количество биографических справок возросло до 2 858; были подготовлены исторические справки по темам: «Лесное хозяйство и лесоразведение в России», «Строительство проселочных и грунтовых дорог», «Русское палестинское общество», «Владения Российско-Американской компании на Алеутских островах», «Документальные материалы по истории русских владений в Америке», «Экспедиция Крузенштерна», «О рисунках и дневниках Айвазовского».

В 1949 г. ЦГИАМ имел следующую структуру: руководство, отдел внутренней политики, отдел личных фондов, отдел секретных фондов, научно-справочный отдел, научно-публикаторский отдел³. К 1 января 1949 г. впервые был полностью укомплектован штат ЦГИАМ в количестве 48 чел. В отчетах архива за 1950–1951 гг. названы фамилии передовиков производства: научные сотрудники Т. Д. Балюк и А. Л. Смоляк (составление заголовков дел), Р. Я. Бусс-Брейгер (обработка документов фондов личного происхождения), В. М. Шлыгина (составление оперативных справок); архивно-технические сотрудники М. В. Еремина, М. П. Квардакова, А. А. Пожарская (выдача и подкладка дел)⁴.

¹ Там же. Д. 157. Л. 6; Д. 163. Л. 7.

² Там же. Д. 163. Л. 6–7.

³ Там же. Оп. 2. Д. 52. Л. 3–3 об.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 185. Л. 5; Д. 210. Л. 3.

В 1950–1952 гг. производилась разборка россыпи, имеющейся в составе фондов III отделения, жандармских управлений и охранных отделений, а также в фондах личного происхождения. В 1951 г. научно-техническая обработка фондов архива была в основном завершена. В отчете ЦГИАМ за этот год отмечено, что документов в состоянии россыпи в архиве не осталось, за исключением 72 кг документов, поступивших на хранение в конце 1951 г. С этого времени основным направлением деятельности ЦГИАМ стало усовершенствование научно-технической обработки и описания документов.

В 1951 г. ЦГИАМ передал в другие архивы 240 фондов, не относящихся к его профилю. Одновременно он принял из Центрального государственного литературного архива 8 фондов личного происхождения. Более интенсивно пополнялся отдел секретных фондов, принявший 50 фондов с общим количеством 111 017 ед. хр., а также 1 906 книг «политически вредной литературы» и справочников по личному составу министерств царской России¹.

Документы ЦГИАМ продолжали интенсивно разрабатываться в оперативных целях. В 1951 г. на основании 9 000 просмотренных дел Министерства юстиции и Департамента общих дел МВД Российской империи было составлено 46 848 карточек на шпионов, членов черносотенных и буржуазных политических партий, а также на иностранных подданных, подававших заявления о приеме их в русское подданство².

Между тем архив по-прежнему страдал от недостатка рабочих помещений. В докладе начальника ЦГИАМ А. Вострикова на заседании коллегии МВД СССР «О работе ЦГИА в г. Москве за 1951–1952 гг.» подчеркивалось, что «архив не имеет достаточно рабочих комнат, вследствие чего половина сотрудников, занятых обработкой материалов, продолжает работать в хранилище в условиях, не приспособленных для этих целей (слабое освещение, низкая температура, отсутствие мест для установки столов и т. д.). Работа сотрудников в хранилище снижает производительность их труда, вредно отражается на здоровье работников и на условиях хранения документальных материалов»³.

Важнейшим направлением деятельности архива оставалось выполнение запросов оперативных органов. В 1951–1952 гг. для них было составлено 36 тематических справок (об американских дипломатических миссиях, торговых представительствах, фирмах, компаниях и обществах, существовавших в России до 1917 г., об эсеровских организациях, о еврейской организации «Поалей-Цион»), а также 6 справок о «шпионских

¹ ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 210. Л. 9, 15.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Д. 226. Л. 15.

организациях»¹. В 1953 г. была составлена обобщающая справка о деятельности сионистских организаций в России. В 1953–1954 гг. просматривались документы Отдельного корпуса жандармов, Варшавской судебной палаты, Варшавского обер-полицмейстера, жандармских управлений Сувальской губернии; на их основании только в 1954 г. было составлено свыше 17 тыс. карточек на жандармов, чинов полиции, шпионов и членов «контрреволюционных партий»². С 1955 г. эта работа в архиве наконец-то перестала проводиться.

В 1953–1955 гг. архив ежегодно составлял от 2 до 4 тыс. биографических справок по запросам оперативных органов. С конца 1955 г. объем этой работы резко возрос в связи со срочным заданием ЦК КПСС: необходимо было проверить сведения о деятельности участников революции 1905–1907 гг., представленных обкомами КПСС к награждению орденами. В результате в 1956 г. архив выполнил рекордное количество биографических запросов (9 470, из них 5 811 оперативных), что почти вдвое превысило показатели предыдущих и последующих лет³. В 1957 г. были составлены биографические справки о революционной деятельности на 4 824 чел., в 1958 г. на 4 675 чел., в том числе по оперативным запросам — на 3 830 человек⁴.

В 1953 г. в отдел секретных фондов ЦГИАМ из Центрального государственного литературного архива и Центрального государственного исторического архива в Ленинграде поступило 8 фондов; в то же время ЦГИАМ передал в другие архивы 391 фонд, не относящийся к его профилю (в основном материалы местных судебных и тюремных учреждений)⁵.

В 1957 г. ЦГИАМ начал подготовку к передаче документов учреждений Привисленского края архивным органам Польши. Эта работа проводилась до октября 1961 г., когда в Польшу было отправлено 522 фонда общим объемом 42 686 единиц хранения⁶.

Приказом МВД СССР от 12 февраля 1954 г. было утверждено новое штатное расписание ЦГИАМ. С этого времени архив имел следующую структуру: руководство, отдел фондов полицейских и судебных учреждений царской России, отдел секретных фондов, отдел фондов личного происхождения, отдел использования и публикации документальных материалов⁷.

¹ Там же. Л. 9.

² Там же. Д. 269. Л. 5.

³ Там же. Д. 283. Л. 9; Д. 295. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 312. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 253. Л. 6–7.

⁶ Там же. Д. 309а. Л. 115, 206–241; Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 697. Л. 6.

⁷ ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 272. Л. 1–2.

С 1956 г. значительно увеличился объем работы по тематическому выявлению документов, особенно в связи с расширением культурных связей СССР со странами народной демократии и другими иностранными государствами.

В соответствии с приказом МВД СССР от 3 июля 1956 г. в ЦГИАМ началась работа по рассекречиванию ранее необоснованно засекреченных документальных материалов. До конца 1956 г. было рассекречено 24 593 дела, в 1957 г. — 33 509 дел. В то же время 1 559 дел Особого отдела Департамента полиции было засекречено¹. В последний период истории архива эта работа была свернута: в 1959 г. рассекречено 971 дело, передано на секретное хранение 914 дел; в 1961 г. рассекречивание не проводилось, а засекречено было 494 дела².

Важным направлением деятельности ЦГИАМ являлась подготовка сборников документов по истории революционного движения. В 1948–1961 гг. были выпущены многотомные публикации: «Восстание декабристов» (т. 7, 9–12), «Рабочее движение в России» (т. 1–3), «Крестьянское движение в России» (ч. 1), «Высший подъем революции 1905–1907 гг.» (ч. 1, 2) и другие.

Согласно постановлению Совета министров СССР от 28 июня 1961 г. ЦГИАМ ликвидировался как самостоятельное учреждение. Его фонды были включены в состав Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР).

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Из исторического очерка деятельности Архива революции и внешней политики XIX–XX вв. за 10 лет: 1918–1928 гг.

1 сентября 1928 г.

[...]

VII. Обслуживание государственных учреждений, профессиональных, научных и др[угих] организаций и частных лиц

Обслуживание Архивом учреждений, организаций и частных лиц сводилось к двум основным моментам: а) к выдаче справок; б) к выдаче дел занимающимся вовне или в читальный зал Архива.

¹ ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 295. Л. 7; Д. 304. Л. 8–9.

² ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 697. Л. 19.

В силу особенностей хранящихся документов около 75 % всех выданных Архивом революции справок падает на обслуживание судебно-следственных органов; по Архиву внешней политики в силу тех же обстоятельств 90 % всей этого рода работы падает на НКВД.

Справки, выдававшиеся Архивом, могут быть разделены на следующие категории: а) справки об имеющихся материалах по определенному вопросу; б) справки научного характера, освещающие тот или иной вопрос по существу; в) справки личные (о службе).

Наиболее распространенным видом являются справки вида а), далее в) и, наконец, наиболее редкими и в то же время наиболее сложными — вида б).

Выдача справок началась еще в ту пору, когда архивы не были разобраны, причем тогда процесс выдачи, естественно, был сопряжен с большими затруднениями и крупной затратой сил.

Рост и развитие справочной работы по Архиву революции дает следующая таблица:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	ВСЕГО
Судебно-следственные	587	1 361	2 297	1 611	5 856
Общество политкаторжан	17	13	349	168	547
Партийные организации	19	23	72	43	157
НКВД	—	1	29	48	78
Частные	—	120	94	50	264
Разные	26	92	73	48	239
ИТОГО:	649	1 610	2 914	1 968	7 141

в Архиве внешней политики:

в 1922 г. было выдано 28 справок;

в 1923 г. [было выдано] 23 [справки];

в 1927–1928 г. [было выдано] 65 [справок].

За первую половину 1928 г. — 33 справки.

Выдача справки об имеющихся материалах обычно предшествует выдаче самих материалов.

д) Рост числа архивных материалов, выдаваемых во временное пользование и их характеристика.

В первые же годы своего существования Моск[овский] ист[орико]-рев[олюционный] архив, а затем Архив революции и внешней политики, не закончив процесса образования и приведения полученных материалов в порядок, вынужден был удовлетворять поступающие как от различных государственных учреждений, так и от научных организаций и частных лиц, требования по выдаче материалов для научного пользования.

За отсутствием отчетных данных за первые годы затруднительно определить, насколько велики были эти требования, но появление в пе-

части за годы 1918–21 г. немалого количества исследовательских работ, составленных на основании документов Московск[ого] ист[орико]-рев[олюционного] архива, подтверждает, что эти требования были значительны. В последующие годы обслуживание архивом историков-исследователей непрерывно растет.

По Архиву внешней политики выдано во временное пользование:

	Центрархив		НКИД
1926 г.	27 ед. хр.	—	168 ед. хр.
1927 г.	37 ед. хр.	—	51 ед. хр.
1928 г.	204 ед. хр.	—	10 ед. хр.

Данные за первые годы существования архива отсутствуют. Увеличение в 1928 г. количества выданного материала Центрархиву должно быть отнесено за счет требований, предъявленных приезжавшими в СССР заграничными учеными¹. Сокращение количества выданных в НКИД материалов объясняется ростом работы читального зала, где сосредоточивается в последнее время работа сотрудников НКИД.

По Архиву революции в 1922–25 гг., когда основное ядро архива состояло из фондов местного значения, наибольшее количество выдач падает на полицейские архивы. Позднее, когда архив пополнился фондами центрального значения (1926–28 гг.), наибольшее число выдач относится к этим фондам. До 1924 г. выдачи дел производились архивом непосредственно тем учреждениям, которые их запрашивали, и эти годы дают большие цифры выдач различным учреждениям, нежели Центрархиву. Последующие годы картина меняется, и большие цифры выдач принадлежат Управлению Центрархива. Это может быть объяснено тем, что с 1924 г. вся выдача шла через Управление, и непосредственно учреждениям материал выдавался лишь в особо срочных случаях.

Выдача архивных материалов во временное пользование за 1922–28 гг. по Архиву революции (см. след[ующую] стран[ицу], таблиц[у] № 2).

VIII. Читальный зал

В ноябре 1922 г. при архиве было оборудовано для занятий по архивным материалам «Читальное зало», и с этого момента ведется точный учет используемых для исследовательских работ материалов.

¹ Здесь в документе имеется сноска: «Занимавш[имися] по темам: а) франко-герм[анские] отношения 1808–1914 гг. и б) шведско-норвежские отношения 1859-х годов».

Сопоставление данных нижеприведенных таблиц показывает, что за десятилетие количество посетителей, обслуживаемых «Читальн[ым] залом», а равно и средняя посещаемость каждого занимающегося возросли вдвое, количество выдаваемых единиц хранения возросло в 15 раз (за год), а средняя выдача на одного посетителя, выражавшаяся в 10 един[иц] хранения в 1922–1923 г., в 1927–28 г. возросла до 50–70 ед. хр.

Сведения о посещаемости и количестве выданных материалов по читальному залу Архива революции и внешней политики дает таблица № 1.

Таблица № 1

Годы:	Число посетителей				Число посещений	Количество выданных единиц хранения[ия]
	По Архиву револ.	По Архив[у] вн. полит.	По АОР	ВСЕГО		
С XI-1922 и 1923 г.	87	6	—	93	766	915
1924 г.	113	29	—	142	1 154	3 681
1925 г.	144	36	—	180	1 170	5 134
1926 г.	134	12	—	146	2 189	8 447
1927 г.	154	16	18	188	2 565	14 039
1928 г. (по 1/VII)	63	24	17	104	1 667	5 584

Таблица № 2. Выдача архивн[ых] материалов во временное пользование за 1922–28 гг. по Архиву революции

	1922		1923		1924		1925		1926		1927		1928	
	Центрархив	Др. учрежд.	Центрархив	Др. учрежд.	Центрархив	Др. учрежд.	Центрархив	Др. учрежд.	Центрархив	Др. учрежд.	Центрархив	Др. учрежд.	Центрархив	Др. учрежд.
Полиц. арх.	40	94	27	185	158	18	44	28	112	17	76	1	8	4
	134		212		176		72		129		77		12	
Судебн. арх.	30	—	29	23	73	6	20	—	6	4	6	—	3	—
	30		52		79		20		10		6		3	
Центр. арх.	11	—	20	12	51	—	81	—	97	30	260	15	127	9
	11		32		51		81		127		275		136	
ВСЕГО:	81	94	76	220	282	24	145	28	215	51	342	16	138	13
	175		296		306		173		266		358		151	

Количество тем, проработанных в читальном зале по материалам Архива революции по годам, следующее:

Годы:	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Колич. тем:	32	69	75	115	63	144	63

Всего за период существования читальн[ого] зала проработано свыше 550 тем, среди которых очень незначительно количество, не больше 5 %, повторяющихся.

Основными являлись темы по изучению истории РСДРП, рабочего и профессионального движения. Несколько тем встречается о движении в войсках и на флоте, о революционном движении 40-вых, 60-тых и 80-тых годов, по общественному студенческому движению, по биографиям отдельных лиц и т. п. В юбилейные годы преобладают темы, связанные с юбилейной датой, например: в 1925 г. значительное количество тем по 1905 и по декабристам, в 1927 г. много тем по Ленским событиям и т. д.

Основными темами, разрабатывавшимися посетителями читальн[ого] зала, работавшими по материалам Архива внешней политики, являются: история империалистической войны, история русской политики на Востоке, подготовка русско-французского союза; отражение различных эпизодов из истории революционного движения в дипломатической переписке.

IX. Участие архивохранилища в выставках

а) Самостоятельные выставки

Первая самостоятельная выставка, устроенная Архивом революции в помещении архива, относится к марту месяцу 1925 года. Идея организации выставки возникла в связи со съездом архивных деятелей и вопросом об организации политических секций при местных архивных бюро.

Подобранный для этой выставки материал должен был иллюстрировать структуру и содержание фондов, подлежащих концентрации в политических секциях, а также тематическую связь материалов различных фондов. С этой целью было отобрано 168 экспонатов, расположенных в пяти витринах.

Вторая самостоятельная выставка, устроенная Архивом революции и внешней политики в помещении на Б. Серпуховск[ой], относится к февралю 1928 года и была организована в связи с 10-летним юбилеем

Октябрьской революции. Архивами было дано около 100 экспонатов, иллюстрирующих структуру делопроизводства учреждений и их архивов. Помимо того, было изготовлено 9 планов и диаграмм, иллюстрировавших развитие работ Архива революции и внешней политики за весь период его существования.

б) Участие в выставках, организованных вне архивохранилища

Начиная с 1920 г. Архив революции принял участие в 7 крупных выставках, а именно:

1. Выставка Наркомпроса 1920 г.
2. Выставка Истпарта к IX съезду РКП(б) — 1920 г.
3. Выставка в АОР в 1925 г. по восстанию в Москве в 1905 г., а также к столетию со времени восстания декабристов.
4. Выставка в Музее революции «Подпольная техника и работа охраны» в 1926 г.
5. Выставка в АОР к 10-летию Февральской революции в 1927 г.
6. Выставка к десятилетию Октября, на Никольской, Д. 9а, в 1927 г.
7. Выставка по II-ому съезду РСДРП в Музее революции. 1928 г.

в) Характеристика выставлявшегося архивохранилищем материала (по каждой выставке отдельно)

На выставку Наркомпроса в 1920 г. было выделено 43 экспоната из наиболее интересных документов, характеризующих сущность материалов Архива революции, как то: обзоры, альбомы, ведомости, инструкции, дела революц[ионного] движ[ения] по партиям, отдельные личные дела (Толстой, Пушкин, Мицкевич, Горький). Большое количество экспонатов (около 2 000 ед. хр.) было подобрано также в 1920 г. на выставку Истпарта, приуроченную к IX съезду партии. Эта выставка полностью проведена силами сотрудников Архива революции и в смысле подбора материала, и в смысле размещения его. Выставка отражала последовательный рост классовой борьбы вплоть до момента падения царизма. Впоследствии эта выставка послужила началом создания Музея революции.

Выставка по 1905 г. в Москве была представлена материалами на данную тему по фонду Моск[овского] охр[анного] отд[еления], где имеется ряд дел о всеобщей забастовке 1905 г. и о декабрьской забастовке 1905 г., ярко характеризующих этот момент. Всего было подготовлено к экспонированию 18 документов.

Экспонаты, переданные в Музей революции для отдела «Подпольная техника и работа охраны» в 1926 г., должны были характеризовать борь-

бу «царского правительства с революционным движением». С этой целью было подобрано 79 экспонатов¹, выражающих структуру и методы борьбы царских розыскных органов.

На выставку в АОР к 10-летию Февральской революции, в 1927 г., были представлены документы, характеризующие последние дни царизма (78 экспонатов) и связанные с деятельностью военной организации, партийных (РСДРП) и общественных организаций.

Участие в выставке к «10-летию Октября» выразилось в подборе документов, отражающих преддверие «Октября», «Февраль 17 г.», а также характеризующих фондовый состав Архива революции.

Всего было дано 39 экспонатов.

На выставку Музея революции по II-ому съезду РСДРП в 1928 г. были подобраны специальные дела, характеризующие подготовку к этому съезду и его работу. Всего было подобрано свыше 200 документов.

Архив внешней политики принял участие в 2-х крупных выставках, устроенных Центрархивом:

1) в выставке, устроенной в АОР к 10-летию Февральской революции. Здесь небольшим количеством документов иллюстрировалась внешняя политика Временного правительства;

2) в выставке к 10-летию Октябрьской революции, устроенной на Никольской ул., Д. 9а.

Представленные на эту выставку экспонаты (в количестве 41) были посвящены основным моментам развития революционного движения в различных странах: 48-ой год во Франции, Парижская Коммуна, революция 1906–08 г. в Персии, то же в Турции и революция 1911 г. в Китае.

Х. Экскурсии и посещения архивохранилища политическими, общественными и научными работниками

Первая экскурсия, посетившая Архив революции для знакомства с постановкой работы в архиве и методами хранения архивных материалов, была в 1918 г.

Следующие экскурсии (3), преследовавшие те же самые цели, были в 1925 г. и состояли из участников «Первого съезда архивных деятелей», которые разбились на три группы по 25 человек и одновременно посетили архив.

¹ Инструкций, положений, схем, руководственных дел и др[угих] типичных документов. (Примечание документа. — *Сост.*)

В течение годов 1926–27 имели место неоднократные посещения Архива революции и внешней политики отдельными лицами и группами лиц.

Последние экскурсии были в 1927 году, когда архив обслужил 2 экскурсии слушателей архивных курсов при Центрархиве.

Целью всех указанных посещений являлось ознакомление с методами хранения архивных материалов и постановкой работы в архиве.

Кроме представителей обществ[енных] и партийных организаций и слушателей различных курсов и вузов, архив посещали также представители автономных республик и работники провинциальных архивов.

В 1928 г. архив посетили представители иностранных архивов:

Парижского пр. Ланглуа и Берлинского пр. Мейснер.

[...]

XIII. Выводы и заключения

Первоначальные задачи архива сводились к охране материалов, уцелевших в разгромленных или эвакуированных учреждениях, и концентрации их.

В основной массе своей получаемый материал представлял груды разбитых фондов и разрозненных документов. Начатая работа по разборке материалов и реставрации фондов осложнялась непрерывно возрастающими требованиями, предъявляемыми к архиву ввиду актуального политического значения хранившихся материалов.

Картину растущего значения архива дает вся текущая работа по обслуживанию им учреждений, научных, общественных организаций и отдельных исследователей.

Со времени окончательного обоснования архива в постоянном, специально оборудованном помещении мы имеем интенсификацию разборочных работ, а вместе с тем и появление новых, более развитых, видов работ, как составление инвентарно-систематических описей, ревизию единиц хранения и других работ, проводимых в плановом порядке.

Начатые работы по разборке, инвентаризации и ревизии не приходится считать законченными, и производственным планом на трехлетие предусмотрено продолжение этих работ.

Вместе с тем настоящий момент характеризуется дальнейшим углублением архивных работ, получающим свое выражение в намечаемых производственным планом следующего года работах по составлению карточного тематического указателя к материалам и по подготовке материалов к опубликованию.

№ 2

**Докладная записка начальника ЦГИАМ В. И. Истомина
начальнику Управления государственными архивами НКВД
СССР И. И. Никитинскому с просьбой разрешить реэвакуацию
материалов ЦГИАМ, временно размещенных в городах
Молотове, Чкалове, Барнауле и Орске**

№ 265/с

г. Москва

3 ноября 1943 г.

Эвакуированные документальные материалы Центрального государственного исторического архива г. Москвы в гг. Молотов, Чкалов, Барнаул и Орск размещены в помещениях, не приспособленных для нормального хранения, уложены в штабель высотой 10–15 коробок, что крайне ухудшает сохранность и затрудняет в выполнении Ваших заданий по подбору и выявлению документальных материалов для оперативных и научных надобностей.

Предъявленные требования к архиву со стороны наркоматов, научно-исследовательских учреждений, сектора использования документальных материалов и 2-го отдела УГА НКВД СССР о немедленном подборе соответствующих документальных материалов и своевременной высылке их архив при таких условиях не может выполнить в запрашиваемые сроки.

Прошу Вашего ходатайства перед зам[естителем] народного комиссара внутренних дел СССР комиссаром 2-го ранга т. Кругловым о разрешении Центральному государственному историческому архиву реэвакуировать часть необходимых документальных материалов в город Москву.

Из города Молотова:

фонды: Секретная часть Особого отдела ДП	2 897 е. х.
Секретные дела Жандармского управления.	1 666 е. х.
МИД, канцелярия министра	29 079 е. х.
[МИД], Китайский стол.	2 536 е. х.
[МИД], секретный архив министра.	933 е. х.
[МИД], отчеты министра	1 46 е. х.
[МИД], архив «Война».....	5 178 е. х.
Карты МИД	2 011 е. х.
МВД, Особый отдел ДП	42 815 е. х.
[МВД], VII-е делопроизводство ДП	47 473 е. х.
[МВД], справочный материал (картотека, справки и др.)	

Всего 134 734 е. х. — 6 вагонов

Из города Орска:

фонды: V делопроизводство ДП	60 266 е. х.
3 делопроизводство ДП	50 270 е. х.
4 делопроизводство ДП	9 080 е. х.
МИД, Японский стол	2 038 е. х.
[МИД], Тихоокеанский стол	1 518 е. х.
[МИД], Политархив	5 376 е. х.
[МИД], Персидский стол	6 651 е. х.
[МИД], имущественные дела	821 е. х.
[МИД], Средне-Азиатский стол	3 759 е. х.
[МИД], посольства в Берлине и Лондоне	6 365 е. х.

Всего 146 150 е. х. — 8 вагонов

Из города Барнаула:

фонды: Штаб Отдельного корпуса <u>жандармов</u>	35 192 е. х.
---	--------------

Всего 35 192 е. х. — 1 вагон

Из города Чкалова:

Фонды: МИД, трактаты	890 е. х.
ДП, личный состав	119 е. х.
ДП, инструкции и правила	114 е. х.
Главное тюремное управление	22 700 е. х.
Алексеевский рavelин	777 е. х.
Министерство юстиции	71 598 е. х.

Всего 96 196 е. х. — 2 вагона

Начальник ЦГИА УГА НКВД СССР

капитан госбезопасности

(Истомин)

ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 120. Л. 1–1 об. Копия. Машинопись.

№ 3

**Справка начальника ЦГИАМ профессора В. В. Максакова
о составе фондов и состоянии документальных материалов
ЦГИАМ, представленная в Комиссию народного комиссариата
внутренних дел СССР по обследованию Главного архивного
управления НКВД СССР**

7 января 1946 г.

Совершенно секретно

Центральный Государственный Исторический Архив СССР в Москве
в настоящее время — после решения Правительства о передаче Отдела

Внешней политики в Народный Комиссариат Иностранных дел — состоит из отделов: 1) внутренней политики, 2) фондов личного происхождения и 3) секретных фондов.

Каждый из этих отделов до 1941 года представляли собой самостоятельные государственные архивы: 1-й — Государственный Архив революции, 2-й — Новоромановский архив или Отдел падения старого режима и 3-й — Особый (секретный) архив.

Научное и оперативное значение фондов этого архива исключительно велико. Без всякого преувеличения можно сказать, что без документальных материалов Центрального Государственного Исторического Архива невозможно ни одно серьезное научное исследование по истории России XIX–XX веков.

В отделе внутренней политики находятся фонды: 1) Департамента полиции, 2) III отделения собственной его величества канцелярии, 3) Столичных охранных отделений и губернских жандармских управлений, 4) Отдельного корпуса жандармов, 5) Министерства юстиции — делопроизводства по судебнo-следственным политическим делам, 6) буржуазных политических партий (кадетов, трудовиков, монархического союза русского народа и Палаты Михаила Архангела) и др.

Эти фонды, во-первых, дают исчерпывающий материал по истории политического розыска и много данных об организации военной разведки в России XIX–XX века, в том числе массу сведений о шпионах, провокаторах, филерах, а также о членах эсеровских, меньшевистских, кадетских, анархистских и др. политических партий. Во-вторых, в этих фондах сосредоточены ценнейшие документальные материалы по истории общественного и революционного движения в России. Ни одно сколько-нибудь крупное политическое событие (возникновение политической организации, выступление крестьян против помещиков, стачка рабочих, демонстрация, сходка, митинг, распространение прокламаций, выход политической газеты или журнала) не ускользало от внимания органов политического розыска, и потому все эти события нашли свое отражение в документах Архива. Среди этих материалов — большое количество документов, отражающих историю нашей большевистской партии (документы об арестах руководителей большевистских организаций, провале типографий, перлюстрированные письма, большевистские прокламации, журналы, газеты, рукописи, захваченные при обысках, и т. п.). Имеется много документов, относящихся к революционной деятельности В. И. Ленина, товарища И. В. Сталина, а также их соратников — М. И. Калинина, В. В. Куйбышева, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлов, С. М. Кирова и т. д.

Институт Маркса, Энгельса и Ленина при ЦК ВКП(б), Институт Истории Партии МГК ВКП(б), Институт Истории Академии Наук, историки

вузов и др. научно-исследовательские учреждения используют документы этого архива для исследовательских целей.

В отделе фондов личного происхождения находятся личные фонды семьи Романовых, начиная с Александра I и кончая Николаем II, а также фонды политических и общественных деятелей царской России. Здесь хранятся фонды С. Ю. Витте, П. А. Столыпина, В. К. Плеве, К. П. Победоносцева, А. Ф. Кони, Льва Тихомирова, П. К. Бенкендорфа и мн. других.

В фондах Романовых — помимо дневников и личных писем — имеется много документов официального характера, являющихся ценным дополнением к документам, находящимся в фондах высших правительственных учреждений. Кроме того, здесь имеется переписка с придворными кругами иностранных государств — Англии, Германии, Дании, Черногории, имеющая в ряде случаев большое международное значение. (Напр., переписка Вильгельма, Николая, переписка Марии Федоровны с датским двором и др.) Фонды политических и общественных деятелей заключают в себе очень много документов — в копиях и подлинниках, — дающих возможность шире осветить события внешней и внутренней политики России, чем это позволяют сделать документы правительственных канцелярий. (Напр., документы о Портсмутском мире или манифесте 17 октября 1905 года в фонде Витте или события 1905 года в фонде Л. Тихомирова, события 1917 года в фонде Бенкендорфа и т. д.)

В отделе секретных фондов находятся: 1) важнейшие секретные материалы Департамента полиции, 2) картотеки лиц, проходивших по фондам розыскных органов самодержавия, 3) фонды Особого Архива, среди которых имеются материалы, относящиеся к Румынии, Польше и др. государствам. Эти фонды являются ключом и дополнением к фондам 1-го и 2-го отделов Центрального Государственного Исторического Архива.

Во всех этих фондах находится приблизительно 800 000 единиц хранения.

До 1941 года фонды отдела внутренней политики и отдела внешней политики (передаваемые ныне Народному Комиссариату Иностранных дел) размещены в 6 этажах здания б. ломбарда. Все картотеки и секретные материалы находились в корпусе № 1 (особняк, выходящий на Б. Серпуховскую ул.). В этом же особняке размещались рабочие комнаты и читальный зал.

Накануне войны в Центральный Государственный Исторический Архив были переданы в неупорядоченном состоянии фонды личного происхождения из Центрального Государственного Архива древних актов и фонды Особого (секретного) Архива. Таким образом, Архив должен был разместить в здании б. ломбарда новые материалы, перегрузившие хранилище до отказа.

В первые же дни войны (июль 1941 г.) значительная часть фондов Архива была эвакуирована в Саратов (около 200 000 ед. хр.).

В начале 1942 г. взрывной волной от фашистской бомбы было разрушено здание архива, выходящее на Большую Серпуховскую улицу, и сильно повреждено основное 6-тиэтажное здание б. ломбарда (снесена крыша, выбиты все рамы и стекла, повреждено отопление, электроосвещение, водопровод).

Тогда же (в феврале 1942 г.) из Архива дополнительно была отправлена часть фондов в Барнаул. Оставшаяся часть была размещена в здании ломбарда. Материалы были снесены с верхних этажей в первые два этажа.

Весной 1942 года фонды, находившиеся в Саратове, были перевезены — частично в Чкалов и в Орск, а большая часть в Молотов. Таким образом, некоторые фонды, находившиеся в Саратове, вторично были тронуты с места их хранения. В 1944 году в марте месяце началась реэвакуация этих фондов, которая закончилась в августе того же года.

Ввиду того, что ремонт здания Архива не был произведен — материал пришлось размещать в неотапливаемом здании, без стекол, без водопровода, без электричества. Часть здания (в 1 этаже) пришлось занять под служебное помещение.

Огромную трудность представляла задача восстановления разбитых во время эвакуации и реэвакуации фондов. Силами малочисленного штата научных сотрудников в течение зимы 1944 и 1945 года удалось восстановить отделы архива и в них в основном разместить фонды. Было приступлено к проверке наличия важнейших фондов. В зимнее время в неотапливаемом помещении работа проводилась замедленными темпами.

Начавшийся в июле 1945 года ремонт здания прервал всякую работу над фондами. Сотрудники были целиком заняты дежурствами в хранилище во время работы плотников, водопроводчиков, электромонтеров. Работа по проверке наличия и по упорядочению различных фондов велась урывками и только небольшой группой сотрудников. Не приостанавливалась только работа по заданиям правительственных учреждений.

Постановление Правительства о передаче Архива Министерства Иностранных дел (фактически всего отдела внешней политики) поставила Архив перед новыми чрезвычайно большими трудностями. По приказу Народного Комиссара Иностранных дел и Народного Комиссара внутренних дел от 25 декабря 1945 г. Центральный Государственный Исторический Архив обязан к 31 декабря 1945 г. освободить 3 этаж для Народного Комиссариата Иностранных дел.

В этом этаже размещено около 250 000 единиц хранения Отдела внутренней политики. В распоряжении Центрального Государственного Исторического Архива имеется 4 этаж, 5 этаж и подвал. Все это буквально забито материалами.

Выполнение приказа возможно только при условии дальнейшей загрузки остающихся в нашем распоряжении этажей и всех подсобных помещений. Это приведет к такому переуплотнению 4, 5 и 6 этажей, при котором работа по многим фондам Архива будет сорвана, свернута, а по фондам наиболее актуальным — чрезвычайно затруднена. К тому же это означает, что большинство наших материалов — не менее 400 000 единиц хранения, снова будут сдвинуты с мест и подвергнуты всем злоключениям переброски. (Это для значительной части материала будет пятая переброска. Первая — из Москвы в Саратов, вторая — из Саратова в Чкалов и Молотов, третья — из Чкалова и Молотова в Москву, четвертая — внутри здания Архива по этажам после реэвакуации в 1945 году и пятая — новая переброска из 3 этажа — по другим этажам и перегруппировка материалов 4-го и подвального этажей.) Новая переброска материалов неминуемо даст тяжелое отражение на документах, поскольку большинство коробок, в которых они находились и которые предохраняли документы от порчи, в результате неоднократных перебросок — сломаны.

Следует, однако, иметь в виду, что это не будет последней переброской. В 1946 году, согласно приказа, предстоит перебросить весь архив в другое здание. Значит, для «Саратовских» материалов это будет *шестая* переброска, а для всех остальных — *пятая*.

Было бы наиболее правильным выходом из создавшегося положения, если бы уже в настоящее время была начата переброска материалов *сразу в новое помещение*. Во-первых, это избавило бы Архив от одной лишней переброски, а во-вторых — материалы не оказались бы продолжительное время в законсервированном состоянии.

Но это будет лучшим выходом лишь в том случае, если для Архива будет предоставлено одно здание, в котором он будет целиком размещен. Расположение фондов по нескольким помещениям приведет к дальнейшим перегруппировкам ценнейших фондов Центрального Государственного Исторического Архива, что будет продолжать ухудшение состояния его материалов.

Необходимо также учесть, что Центральный Государственный Исторический Архив в Москве должен включить в свой состав большое количество новых фондов из Центрального Государственного Архива древних актов и Центрального Государственного Исторического Архива в Ленинграде. (Напр., часть фондов личного происхождения за XIX–XX вв. находится до сих пор в Центральном Государственном Архиве древних актов и в Ленинграде. В Ленинграде находятся фонды, органически связанные с фондами, отражающими внутреннюю политику самодержавия, в то время как важнейшие фонды находятся в Москве и т. д.)

Исходя из изложенного, считаю необходимым в настоящее время решение в срочном порядке таких вопросов:

1. Ввиду решения Правительства о передаче здания Центрального Государственного Исторического Архива СССР в 1946 году в распоряжение Народного Комиссариата Иностранных дел добиться отпуска средств на постройку и построить в 1946 году специального здания для Центрального Государственного Исторического Архива и тем обеспечить нормальную работу в области научного и практического использования ценнейших документальных материалов этого Архива.

2. Для временного размещения фондов этого Архива — поставить перед Московским советом депутатов трудящихся вопрос о предоставлении Народному Комиссариату внутренних дел не занятого в настоящее время здания ломбарда в Б. Афанасьевском переулке на Арбате.

3. Ввиду большой государственной важности находящихся в настоящее время в здании Центрального Государственного Исторического Архива документов (дипломатические документы, международные трактаты и т. д.), за охрану которых до 1 января 1947 года несет ответственность Центральный Государственный Исторический Архив, — необходимо немедленно добиться организации военной охраны этого Архива.

4. Ввиду особых условий работы не только архивно-технических, но научных сотрудников этого Архива, занятых все время переноской тяжестей, улучшить в 1946 году их материально-бытовые условия, усилив дополнительное снабжение их продовольствием, промтоварами и т. д.

Начальник ЦГИА ГАУ НКВД СССР,
профессор В. Максаков

*ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 141. Л. 5–9. Копия, подписанная В. В. Максак-
ковым.*

№ 4

Из протокола № 3 совместного заседания Научного совета Центрального государственного исторического архива и Института истории Академии наук СССР, сектор XIX и начала XX в.

24 ноября 1948 г.

[...]

2. СЛУШАЛИ: О формах совместной работы историков СССР XIX и начала XX века и научных сотрудников Центрального государственного исторического архива СССР.

Сообщения проф. В. В. Максакова и члена-корреспондента АН Н. М. Дружинина.

В. В. Максаков. Выступая с сообщением по второму вопросу повестки заседания, В. В. Максаков выдвигает ряд предложений:

1. Ввиду большого количества тем для публикации очень важна помощь Института в выборе тем и отборе материалов.

2. При составлении вспомогательных материалов — обзоров, описей, картотек и пр. историки-исследователи Института истории должны принимать самое непосредственное участие для обеспечения высокого качества этих вспомогательных материалов.

3. Для того чтобы работники архива могли заранее подготовить, обеспечить полный подбор материала и т. д. для сотрудников сектора, необходимо в начале года передавать архиву тематику, предусмотренную сектором в его планах.

4. Полезно было бы поставить в большем плане вопрос об издании хронологии событий XIX–XX веков на базе изучения фондов исторических архивов, это дало бы точные проверенные данные, которые можно было бы использовать при разработке ряда проблем. Для архива это значило бы выявить ценнейшие материалы, и в этой работе, несомненно, были бы заинтересованы историки-исследователи.

5. Необходимо обеспечить единство плана разработки материалов, хранящихся в ЦВИА, областном архиве, архиве МИД. Дело Сектора — обдумать вопрос о наилучшем использовании всей совокупности материалов этих архивов, чтобы подчинить их единому плану разработки.

6. Важно было бы поставить большой и важный вопрос о перегруппировке фондов, часто по случайным признакам хранящихся в том или ином архиве. В разработке этого вопроса, поскольку это облегчило бы разработку проблем, которыми занимаются историки сектора, Сектор должен был бы принять активное участие.

Н. М. Дружинин. Работа должна идти в трех основных направлениях. Практика уже наметила основные формы совместной работы по археографической работе. Мы приходим на помощь Историческому архиву, когда обсуждаем тематику. Публикация материала дает огромного значения пособие для исследовательской работы, и мы помогаем и в утверждении плана изданий, и, когда надо, — редактированием. Но этим далеко не исчерпывается сотрудничество. Особенно важно наметить пути этой совместной работы в деле выявления материалов. Историк в архиве беспомощен, если он не получает, с одной стороны, справочного материала, с другой стороны, компетентной консультации. Сейчас уже много сделано, чтобы облегчить работу, — прежде всего путеводители по архиву, что дает возможность уяснить себе, в какой мере тема обеспечена материалом;

только при наличии описей можно выбрать то, что соответствует поставленной теме.

Чрезвычайно важно составление обзоров фондов, описаний фондов, картотек, особенно когда фонды раздроблены. Без тематической картотеки нельзя обойтись.

Огромное значение в нашей работе имеют консультации хороших специалистов, знающих фонды, которые дают иногда значительно больше всякого путеводителя, которые могут натолкнуть исследователя на наличие тех или иных документальных фондов.

Известно, что в архиве имеется ряд рассыпанных, несистематизированных фондов. Если архив будет заранее знать, что в плане работ Сектора стоит та или иная работа, для которой необходим материал из несистематизированного фонда, к его разборке и систематизации может быть приступлено в первую очередь, чтобы исследователь мог воспользоваться этим материалом.

По наиболее важным, ведущим темам необходимо иметь тематические обзоры. Во время войны делались такие обзоры по отдельным вопросам. Имеется обзор, посвященный Петербургу–Петрограду–Ленинграду и др. В какой мере историки могли бы помочь в этом Архиву. Мы могли бы помочь архивистам в подготовке справочного материала. Здесь прежде всего надо идти по линии тематических заявок. Нужно доводить до сведения архива проблематику. Каждый годовой план мы должны спускать в архив, так же как и перспективный, пятилетний план, что дает возможность заблаговременно изучить все темы и подготовить те или иные материалы.

Но и этим нельзя ограничиться. Даже если мы будем в курсе внутренней работы, установим связь с периферией, национальными республиками, если будем иметь картотеку исследователей и их тематики, нам следует углубить эту работу. Каждый из нас держит в руках огромное количество единиц хранения, и до сих пор дело ограничивалось тем, что мы на специальном листе ставили свою подпись. Этого мало. Каждый из нас составляет для себя конспект дела и аннотирует его, извлекает данные из дела. Исторический архив имеет право обязать нас давать по группам дел историковедческую справку, резюме исследователя. Одновременно и параллельно с использованием материала нужно часть итогов своей работы отдавать Архиву. Это несколько усложнит нашу работу, но это в огромной мере обогатит других исследователей, которые вернутся к использованному нами материалу.

Важно также и наши записи (источниковедческие) в копиях передавать историкам-архивистам. Мы должны ясно представлять себе, какое значение имеет данная группа дел как исторический источник, и, когда мы делаем эти записи для себя, мы должны копии их передавать Архиву.

Необходимо организовать планомерное обслуживание консультацией сотрудников архивистов, чтобы облегчить им работу.

Есть еще одна форма содружества. Историк-исследователь в известной мере должен быть не только археографом, но и архивистом. Историк-архивист должен быть в какой-то мере исследователем. Лучшие архивисты показывают пример такого сочетания. В. В. Максаков является таким примером: он не только руководил архивами, но сам был исследователем. В рядах сотрудников архива есть немало товарищей, которые могут написать диссертации, и мы должны идти им навстречу и помогать консультацией.

Таким образом, в археографической части работы, в выявлении и описании материалов, в научной обработке и использовании материалов и может заключаться наша совместная работа.

В прениях выступали:

А. С. Нифонтов: Останавливается на вопросе о распределении фондов и считает необходимым обсудить и выдвинуть практические предложения об обмене фондами между московскими и, в частности, ленинградским архивом, так как там сосредоточены компактные фонды, без которых ни одной проблемы, связанной с экономикой, разработать нельзя.

Указывает на то, что в областном архиве, где находится сейчас ряд переданных из Центрального архива фондов и куда предполагается передать еще некоторые фонды, дело поставлено так несовершенно, что пользование архивом связано с большими трудностями.

Е. Н. Кушева: Поскольку археографией как наукой занимаются архивы и Институт истории, необходим постоянный обмен опытом и взаимная консультация. В частности, вопрос об инструкции, которая составлена довольно суммарно и при применении вызывает ряд неточностей. Например, в отношении сохранения орфографии, стиля и т. д. в документах, относящихся к первым годам революции (напр[имер], документов рабочего контроля). Архив Октябрьской революции сохраняет в примечаниях точный текст документа, а в основном тексте помещает исправленные стилистически и грамматически материалы, колорит документа теряется, а в некоторых случаях получается и толкование документа. И, благодаря неполноте инструкции, мы в таком важном и принципиальном вопросе стоим на разных точках зрения. Такого рода вопросы необходимо обсуждать совместно.

Сейчас почин взял на себя Сектор XIX — нач. XX века, но можно вопрос расширить до рамок Института в целом.

Второй вопрос о расфондировании, который обсуждался в ЦГАДА. Здесь речь идет о том, что ЦГАДА склонны отдать в местный областной архив материалы начиная с 80-х годов XVIII века, но это как раз переход-

ной период, о котором идет много споров, в связи с новой периодизацией, и об этом тоже следовало бы подумать.

Почин, сделанный Сектором XIX — нач. XX века, надо считать удачным и распространить его на другие сектора.

А. Я. Востриков: Приветствует высказанные предложения о совместной работе. Считает совершенно необходимым, чтобы вопросами распределения фондов вплотную занялись работники Института истории, в частности вопросом о Ленинградском архиве и его фондах, поскольку там они полностью не используются. Что же касается вопросов комплектования, описания фондов и т. д., то этим должны заняться совместно историки-архивисты и историки-исследователи.

т. Барштейн: В порядке взаимной помощи просит Н. М. Дружинина принять участие в выпуске путеводителя по Московскому областному историческому музею, просмотрев его и сделав свои конкретные замечания.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. В связи с тем, что Центральный государственный исторический архив СССР хранит документальные материалы XIX и XX вв. до Великой Октябрьской социалистической революции, соответствующие профилю Института истории АН СССР, сектора истории СССР XIX — начала XX века, признать совместную работу по изданию сборников документов историков XIX — начала XX века и научных сотрудников ЦГИА весьма желательной.

2. Поставить перед дирекцией и Главным архивным управлением вопрос о необходимости совместного обсуждения общих вопросов, выходящих за рамки Сектора истории XIX — нач. XX века.

3. Поручить руководству Сектора и руководству Центрального государственного исторического архива выработать совместно соглашение о формах взаимной помощи в выявлении и описании материалов архива, с учетом пожеланий, высказанных на заседании 24/XI-48 г.

4. Время от времени организовывать совместные доклады, посвященные характеристике и описанию наиболее крупных и важных фондов, хранящихся в архиве.

Председатель Научного совета ЦГИА МВД СССР
подполковник
А. Востриков

Ученый секретарь Научного совета ЦГИА МВД СССР
Кузюков

Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА) (1923–1945 гг.)¹

В феврале 1923 г. в Праге при библиотеке культурно-просветительного отдела Пражского Земгора был образован Архив русской эмиграции. Идею создания архива поддержал министр иностранных дел Чехословацкой Республики Э. Бенеш. С первых же дней начались переговоры с русскими учеными и общественными деятелями об их содействии работе архива. Активную роль в организации архива сыграл культурно-просветительный отдел Земгора².

Сообщение об образовании Архива русской эмиграции было опубликовано в эмигрантских газетах и журналах в апреле 1923 г., разослано правлениям эмигрантских организаций в Праге, Берлине и Белграде с просьбой о присылке документов и материалов, характеризующих жизнь эмиграции. Были также разосланы письма видным русским общественным и политическим деятелям, находящимся в эмиграции, с целью выявления сведений о наличии и у них исторических документов и возможности их получения или приобретения. Обращение с просьбой о присылке печатной продукции было направлено редакциям эмигрантских газет и журналов.

В результате проделанной работы Архив русской эмиграции был включен многими эмигрантскими организациями, редакциями газет и журналов в список учреждений, которым высылались обязательные экземпляры издаваемых материалов³.

Архиву удалось приобрести или получить в дар большое число эмигрантских периодических изданий на русском, украинском и белорусском языках, что было особенно важно, так как половина этих изданий к концу 1923 г. прекратила свое существование. В этот же период времени было положено начало собиранию документов, в первую очередь характеризующих деятельность эмиграции — воззваний, плакатов, фотографий, рисунков, карикатур, а также материалов земско-городских, казачьих, академических, студенческих, педагогических и других организаций. Тогда

¹ Очерк написан на основании предисловия Т. Ф. Павловой к межархивному путеводителю «Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге» (М.: РОССПЭН, 1999. С. 5–21) и предисловия А. В. Добровской к четвертому тому путеводителя по фондам ГА РФ «Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции» (М.: РОССПЭН, 2004. С. XI–XV).

² Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага, 1928. С. 41–50; ГА РФ. Ф. Р-5912. Оп. 1. Д. 281. Л. 5.

³ ГА РФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Д. 237. Л. 8.

же удалось получить документы о деятельности отдельных политических и национальных группировок в эмиграции.

Положение об архиве было введено в действие постановлением комитета Земгора от 14 августа 1924 г. и в октябре 1924 г. утверждено общим собранием Земгора. В это же время архив получил новое название — Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА). Положение определило основную задачу архива — «собираание, хранение, систематизация и научная обработка материалов по истории России и входящих в нее народов»¹.

К концу 1925 г. были сформированы органы управления архивом. Руководящим его органом являлся Совет (Временный совет), в который в разные годы входили видные российские и чешские историки и общественные деятели: проф. А. А. Кизеветтер — председатель Совета и Ученой комиссии, проф. Е. Ф. Шмурло, акад. П. Б. Струве, проф. В. А. Мякотин, проф. А. В. Флоровский, проф. С. В. Завадский, проф. П. Н. Милоков, генерал В. В. Чернавин, Н. И. Астров, В. Г. Архангельский, князь П. Д. Долгоруков, В. Л. Бурцев, И. М. Брушвит, С. Н. Николаев, проф. Я. Славик, В. Я. Гуревич, Ф. С. Мансветов, Н. М. Михайлов, Ф. С. Сушков, Г. И. Шрейдер, проф. А. Н. Фатеев, посланник Макса. Совету были подотчетны все органы архива, им же выбирался управляющий (позднее директор) архива. Им последовательно в разные годы были В. Я. Гуревич, В. Г. Архангельский. В 1925 г. Совет образовал в составе архива 3 отдела: 1) отдел документов (бессменный заведующий А. Ф. Изюмов), 2) отдел печатных изданий (зав. С. П. Постников), газетный отдел (зав. Л. Ф. Магеровский). Секретарем архива был назначен В. М. Краснов.

Для определения ценности приобретаемых документов и материалов была организована из экспертов Ученая комиссия, дававшая также заключения и по вопросам предоставления документов и печатных изданий для исследовательской работы. В 1926 г. Ученая комиссия имела следующий состав: А. А. Кизеветтер — председатель, В. А. Мякотин — секретарь, члены: В. Я. Гуревич — управляющий архивом, А. В. Флоровский, В. А. Чернавин, Е. Ф. Шмурло, Я. Славик, член-сотрудник А. Ф. Изюмов.

Члены Совета и сотрудники архива осознавали свою ответственность перед грядущими поколениями. В письме П. П. Менделееву, представителю РЗИА в Париже, член Совета архива Н. И. Астров 25 октября 1936 г. так сформулировал задачи архива: «Необходимо собрать и сохранить все, что могло бы объяснить грядущим временам наше время, наше прошлое. В революционной стихии мы не только побеждены, но мы и оклеветаны.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Д. 116. Л. 7.

Нужно накопить, нужно сберечь оправдательные материалы, нужно бороться против распыления материалов об ушедшей эпохе»¹.

Собирательская деятельность архива была направлена на привлечение документов, относящихся к истории русского общественного и революционного движения, к истории Первой мировой войны и Гражданской войны в России, а также к жизни современной эмиграции из России в различных странах рассеяния, и осуществлялась по трем направлениям. Часть документов, наиболее значительная, передавалась ему бесплатно. На 1 января 1933 г. 65 % всех документальных богатств архива поступили в него без оплаты, преимущественно от ликвидированных эмигрантских учреждений и организаций. Часть документов приобреталась. В середине 1930-х гг., когда положение русских эмигрантов в ряде стран ухудшилось, усилился приток в архив личных документов — рукописей, воспоминаний, дневников, писем. Трудности быта, частые переезды, материальные затруднения вынуждали владельцев документов передавать их РЗИА. Примерно 30 % документов, предлагаемых для приобретения, браковалось. Экспертиза производилась очень тщательно, так как за границей оказалось много фальшивок и документов сомнительного происхождения. Некоторые документы передавались на первых порах в архив на временное хранение. Иногда бывшими владельцами документов, принятых в архив, устанавливались определенные условия их хранения и использования («хранить в запечатанном виде 5–10 лет или 15 лет», «хранить в секретном порядке», «осуществлять передачу по определенному назначению»). Некоторые владельцы документов воспрещали их опубликование или даже ознакомление с ними сотрудников архива. Были и такие завещания: «Передать в Россию после свержения Советской власти» или «по установлению в России законного правопорядка»².

Безупречная репутация РЗИА в эмигрантских кругах, гарантии сохранности передаваемых ему документов, сохраняемых для будущей демократической России, позволили ему добиться того, что приказом председателя РОВС генерала Е. К. Миллера от 10 июня 1930 г. РЗИА был объявлен «единственным учреждением за рубежом, преследующим цель сохранения для будущей России возможно больше исторического материала», куда было предписано всем военным организациям посылать свои информации, памятки, вестники и т. п., а также печатную продукцию³.

Огромную роль в собирательской работе архива сыграли представители РЗИА, которые должны были «принимать меры к розыску и при-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 36. Л. 16.

² Павлова Т. Ф. Русский заграницный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 22.

³ ГА РФ. Ф. Р-6046. Оп. 1. Д. 33. Л. 60 об.

влечению в архив материалов, знакомить лиц и учреждения с характером и задачами РЗИА, условиями, на которых возможна передача в архив материалов». В 1925 г. такие представители имелись во многих городах Европы, а также в Китае и даже в Африке (Тунис). Кроме постоянных представителей, архив к 1938 г. имел 1 500 своих корреспондентов в 44 странах, где проживали эмигранты из России. Столь обширная сеть корреспондентов, поддерживаемая постоянными представителями в местах наибольшего скопления эмигрантов, и создала возможность эффективной собирательской деятельности архива, носящей целенаправленный характер и осуществляемой при непосредственной поддержке органов МИД ЧСР в зарубежных странах¹.

Об объеме ежегодных поступлений в РЗИА можно судить по тому, что только в 1934 г. архивом было получено 2 719 посылок с материалами и изданиями².

В 1931 г. архив объявил о намерении приступить к собиранию литературных архивов, оценивая их как «драгоценный материал по истории русской культуры», имея в виду как личные архивы писателей, так и архивы литературных объединений. В 1932 г. РЗИА распространил в эмигрантских кругах обращение с просьбой присылать автобиографии с фотографиями лиц, «участвовавших в общественной и политической жизни России в эпоху, предшествовавшую революции, а также в пору революции, гражданской войны и в годы эмиграции». С середины 1930-х гг., в связи с ухудшившимся положением эмигрантов, стали чаще поступать предложения о покупке мемуаров, в то время как материальные возможности архива сократились. Пришлось производить строгий отбор, отдавая предпочтение дневниковым записям и документированным воспоминаниям, написанным по следам происшедших событий³.

Архив активно комплектовался книгами, журналами и газетами, что и определило уникальный состав собраний газет и журналов. К 1939 г. газетный отдел насчитывал около 10 тыс. годовых комплектов. По отдельным районам белого движения периода Гражданской войны были собраны полные комплекты газет. В основном они поступали безвозмездно, зачастую в порядке обмена.

Важную часть составляли эмигрантские журналы, издававшиеся до 1917 г. в европейских странах русской политической эмиграцией более чем за полувековой период. Тщательно подбирались архивом украинские и белорусские журналы, как дореволюционной эмиграции, так и послеоктябрьской. Уникальными являлись также литографированные журналы,

¹ ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 37. Л. 10.

² Там же. Д. 21. Л. 12.

³ ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 538. Л. 1; Д. 529. Л. 16.

издававшиеся в военных лагерях эмигрантского периода. Из журналов на иностранных языках архив собирал только те, которые были посвящены русским или общеславянским проблемам. Газеты и журналы поступали в архив также и в составе личных собраний.

Работа по упорядочению и описанию документов и материалов значительно отставала от темпов их поступления в архив, что создавало угрозу образования залежей неописанных документов. Все поступления в отдел документов инвентаризировались. Для коллекций велись карточные каталоги библиотечной формы или списки. Для описания поступающих документов была разработана специальная форма описи. В первую очередь описывались личные архивы и мемуары. Некоторые коллекции и личные архивы к концу 1930-х гг. представляли собой бессистемную массу разного рода документов и материалов, не прошедших даже первичной систематизации.

Ученая комиссия архива утвердила классификатор документального фонда РЗИА. Корпус документальных материалов архива был разделен на 8 основных разделов, каждый из которых, в свою очередь, разбит на ряд отделов. Поступающие в отдел фотографии, рисунки, карикатуры, шаржи, карты, планы, листовки, воззвания, марки, денежные знаки составили раздел «А».

В раздел «В» входили мемуары, дневники, статьи, написанные на основе личных воспоминаний. Их авторами являлись не только политические, военные и общественные деятели, но и рядовые участники событий.

Раздел «С» содержал переписку частных лиц и личные архивы, «сохраняющие свою особенность». В их числе архивы А. В. Амфитеатрова, Е. К. Брешко-Брешковской, В. К. Дебогория-Мокриевича, В. Л. Бурцева, Н. В. Чайковского и многих других.

В раздел «D» вошли документы о революционном и общественном движении. В их числе коллекция уставов и программ различных кружков, организаций и обществ, обвинительных актов и протоколов заседаний военных судов по делам о революционных обществах начиная с 70-х годов XIX века. В основном это были документы народнических и радикальных группировок дореволюционной эмиграции. К этому же разделу относились и официальные издания Департамента полиции, обзоры, циркуляры, в том числе обзоры важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях за 1882, 1887–1890, 1893 и 1900 годы.

Две группы документов раздела «Е» содержали сведения об армии и внутривойсковой жизни России периода Первой мировой войны.

Документы, отражавшие историю революции и Гражданской войны в России, входили в раздел «F». Они были сгруппированы по территориям, где происходили события 1918–1921 гг. (Временное правительство Северной области, правительство генерала Врангеля в Крыму, правитель-

ство Юга России, Комуч, войсковое правительство Оренбургского казачьего войска, Директория, Временное Сибирское правительство и др.)

Документы послереволюционной эмиграции были сосредоточены в разделе «Н», включающем, кроме общих сведений о деятельности академических организаций, студенчества, церкви, воинских формирований, конкретную информацию о быте и материальном положении эмигрантов, а также приказы, инструкции, протоколы заседаний и совещаний, донесения, обращения, воззвания, отчеты, отражающие текущую деятельность эмигрантских организаций и политических группировок¹.

Совет РЗИА и его сотрудники в своих декларациях, отчетах, информациях отстаивали тезис об «аполитично-объективном характере деятельности архива», указывая, что работа его «всегда велась в строго научных рамках, далеких от какой-либо партийности». Учитывая, что многие участники происшедших событий были живы, вопрос о допуске к документам архива и редким печатным изданиям решался в каждом отдельном случае Ученой комиссией РЗИА и был ориентирован на то, чтобы не нанести ущерба и собирательской деятельности архива. Эти особенности доступа к документам и материалам компенсировались широким доступом к уникальному книжно-журнально-газетному собранию РЗИА. Так, только в 1938 г. пользователями библиотеки РЗИА являлись представители Гарвардского, Чикагского, Колумбийского, Балтиморского университетов США и Карлова университета в Праге².

Начиная с конца 1924 г., в связи с ухудшением экономического положения Чехословакии, ассигнования на беженскую помощь и содержание культурно-просветительных эмигрантских учреждений стали сокращаться. В конце 1925 г. Земгор передал некоторые свои учреждения чехословацким правительственным и общественным организациям. 31 марта 1928 г. был подписан акт о передаче РЗИА Министерству иностранных дел ЧСР. Представителями Земгора был выставлен при этом ряд условий, в том числе о сохранении наименования архива, его функций, «целостности и недробимости всех фондов и коллекций архива», оставлении во главе архива коллегиальных автономных органов с участием русской общечественности, а также, по возможности, и русского состава служащих архива³.

В силу нового статуса РЗИА общее руководство, надзор и контроль за управлением архивом были возложены на уполномоченного МИД ЧСР, которым был назначен профессор Карлова университета Ян Славик.

¹ Изюмов А. Ф. Отдел документов Русского заграничного исторического архива в Праге (1923–1932). Б. м., б. г. С. 5–20.

² ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 36. Л. 1; Ф. Р-6065. Д. 19. Л. 1–6.

³ ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 об.

Возглавил архив избираемый его Советом управляющий. С 1928 г. им был В. Г. Архангельский. Руководство научной работой осталось в руках Совета архива и Ученой комиссии. Средства на РЗИА отпускались теперь МИД ЧСР, что в определенной степени укрепило экономическую базу архива. Однако в кругах эмиграции этот шаг был расценен как потеря архивом самостоятельности и своего «лица» как культурного эмигрантского учреждения.

В 1929 г. началась издательская деятельность архива: была напечатана на гектографе брошюра «Русский заграничный исторический архив в 1928 году»¹. Кроме того, в издательстве «Орбис» были выпущены воспоминания председателя Совета РЗИА А. А. Кизеветтера «На рубеже двух столетий (1881–1914 гг.)», а также сборник документов архива, включающий дневники генерала М. В. Алексеева, письма М. Н. Каткова П. А. Валуеву, П. А. Кропоткина — Н. В. Чайковскому. Информация о новых поступлениях в архив регулярно печаталась в ежегоднике Славянского института, газетах «Последние новости» и «Возрождение» (Париж), «Голос труда» (София), «Неделя» (Данциг) и др. В 1938 г. архив выпустил в свет «Библиографию русской революции и гражданской войны (1917–1921 гг.)» подготовленную С. П. Постниковым, бессменным заведующим книжно-журнальным отделом архива, высоко оцененную научными кругами эмиграции².

В соответствии с соглашением, достигнутым генералом А. П. Богаевским, атаманом Войска Донского, с МИД ЧСР в лице д-ра Я. Славика, 27 марта 1934 г. было принято решение о судьбе Войскового архива. 3 апреля 1934 г. распоряжением директора РЗИА проф. Я. Славика Войсковой архив Войска Донского был передан в состав РЗИА на правах 4-го отдела под наименованием отдела Донского архива. Он имел свою печать с изображением фигуры стремительно несущегося оленя, пронзенного стрелой, по окружности печати надпись «Донской архив» (Донской казачий архивный комитет) на русском и чешском языках³.

В 1934 г. МИД ЧСР предпринял ряд шагов в целях изменения статуса РЗИА. Новое положение об архиве, введенное в действие 1 января 1935 г., отразило потерю им самостоятельности в решении финансовых и кадровых вопросов, а также в вопросе о допуске исследователей к документам

¹ Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики в 1928 г. Прага, 1928. Позднее вышли аналогичные отчеты за 1929, 1930, 1931 гг. и др.

² Возрождение. Париж, 1929. № 1352; 1931. № 2153; Иллюстрированная Россия. Париж, 1931. № 314, 346; Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1925. № 1; 1928. № 2; На чужой стороне. Прага, 1925. Вып. X, XII; Последние новости. Париж, 1931. № 3638 и др.

³ ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 646. Л. 1–1 об.; Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

архива. В 1935 г. была упразднена должность управляющего архивом, сокращены ставки, вследствие чего была уволена часть служащих, официальная переписка архива с учреждениями ЧСР с этого времени велась на чешском языке¹.

После оккупации фашистской Германией Судетской области осенью 1938 г. резко ухудшилось правовое и материальное положение российской эмиграции. В октябре 1938 г. МИД ЧСР распорядился прекратить покупку документов, книг, газет. К этому моменту в РЗИА насчитывалось рукописных мемуаров и дневников — 902 названия объемом около 4 тыс. печатных листов (условно); фотографий и рисунков — более 24 тыс.; документов — почти 2,9 млн листов. Только архивные собрания РЗИА оценивались его создателями в 30 млн чешских крон. В отделе Донского архива хранилось более 648 тыс. листов документов, в книжно-журнальном отделе — 48 332 названия журналов, книг, брошюр².

22 марта 1939 г., после оккупации гитлеровцами чешских земель и создания протектората Чехии и Моравии, Славянский архив был передан в ведение МВД ЧСР на правах отдельного отдела Архива МВД ЧСР во главе с советником д-ром В. Пешаком, сменившим на этом посту отстраненного за свои «левые взгляды» Яна Славика. Общее руководство архивом осуществлял управляющий Госархивом ЧСР проф. Карлова университета д-р Ян Прокеш. Кроме того, немецкие власти назначили в архив своего представителя, который должен был охранять немецкие интересы в архиве, следить за деятельностью его заграничных представителей³.

Практически с этого момента, кроме оплаты содержания служащих, других средств на нужды архива не отпускалось. Прекратилось поступление газет и журналов из других стран. Между тем продолжалось безвозмездное поступление в РЗИА документов от эмигрантов, проживающих в протекторате, газетный отдел РЗИА в эти годы сумел собрать 215 газет, издававшихся на территориях, оккупированных немцами, на русском, украинском, белорусском, литовском, латышском и эстонском языках, а также власовские издания. Активно пополнялся в годы войны документами ликвидированных казачьих организаций отдел Донского архива. Так, в 1943–1944 гг. в Донской отдел поступили документы Представительства Донского атамана в протекторате, документы генерала Ф. Ф. Абрамова, проф. Маракуева, графа М. Н. Граббе и другие⁴.

С началом войны фашистской Германии с Советским Союзом был интернирован заместитель директора архива, бессменный заведующий

¹ ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 17. Л. 2.

² Там же. Д. 49. Л. 9.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 275. Л. 68–68 об.; Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 435. Л. 48–49.

отделом документов А. Ф. Изюмов, в марте 1942 г. уволены старейшие сотрудники — заведующий книжно-журнальным отделом С. П. Постников, сотрудник отдела П. С. Бобровский, секретарь архива В. М. Краснов. В июле 1942 г. по приказу государственного министра Франка в архив сухопутных войск Германии в Праге (Геерархив), который располагался в здании Военно-исторического института, были переданы 1809 инвентарных номеров РЗИА (в основном — документы по военной истории), отдела Донского архива, часть музея по истории Войска Донского. Все это было приготовлено для отправки в Германию. Наиболее важные документы: царские и императорские грамоты Войску Донскому, рескрипты — были помещены в сейфы подземного помещения Военного архива. Реликвии из собраний архива и отдела Донского архива были переданы в Пражский национальный музей. Архивные собрания РЗИА и отдела Донского архива, изъятые немцами, до конца войны остались неиспользованными, так как планы Рейхсминистерства пропаганды и гестапо по их использованию в целях антибольшевистской пропаганды не были осуществлены¹.

2 июня 1945 г. правительство Чехословацкой Республики приняло постановление о передаче Русского заграничного архива в Праге Академии наук СССР в честь ее 220-летия².

В связи с решением чехословацкого правительства о передаче РЗИА АН СССР НКВД СССР 11 июля 1945 г. вновь обратился к наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову с предложением создать специальную комиссию из представителей АН СССР и НКВД СССР. 9 августа начальник ГАУ НКВД СССР И. И. Никитинский обратился с письмом к президенту АН СССР акад. С. И. Вавилову, в котором отмечалось, что «...в целях воссоединения документальных материалов, находящихся в РЗИА, с основными частями соответствующих фондов ГАУ [полагает] хранить документальные материалы указанного архива в госархивах системы ГАУ НКВД СССР». 27 октября 1945 г. было принято постановление СНК СССР о создании комиссии АН СССР для приема и отправки в СССР Русского заграничного исторического архива в Праге в составе генерал-майора И. И. Никитинского — начальника ГАУ НКВД СССР (руководитель), членов-корреспондентов АН СССР С. К. Богоявленского, И. И. Минца и старшего научного сотрудника Института Маркса–Энгельса–Ленина С. Б. Сутоцкого. На ГАУ НКВД СССР было возложено после окончания разборки архива решение вопроса о его дальнейшем использовании³.

¹ Там же. Оп. 1. Д. 119. Л. 1; Оп. 2. Д. 435. Л. 61–61 об.

² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 2. Д. 1354а. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 103. Л. 253; Оп. 1. Д. 2025. Л. 3–3 об.; Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1996. Л. 26 об.

Комиссия находилась в Праге с 21 ноября по 15 декабря 1945 г. К работе по осмотру, проверке, приему и упаковке материалов РЗИА и отдела Донского казачьего архива были привлечены его бывшие сотрудники, прежде всего А. Ф. Изюмов и Д. И. Мейснер, Е. Ф. Максимович.

Последние изыскания в архивах Чешской Республики свидетельствуют, что советская сторона настаивала на передаче всех частей РЗИА, в том числе и ее газетного и книжно-журнального собраний, хотя чехословацкое правительство и министр образования З. Неедлы противились этому, объясняя, что эти части РЗИА не входят в состав дара Академии наук СССР¹. В результате комиссии из Москвы были переданы, кроме документальных собраний, дублетные экземпляры книжной, журнальной и газетной коллекций РЗИА в количестве 1 284 книги в 1 430 томах, 1 130 номеров газет и библиотека бывшего Донского казачьего архива. Богатейшее собрание печатных изданий РЗИА было оставлено в Праге, где 45 лет находилось на закрытом хранении в Славянской библиотеке и лишь в 1991 г. стало доступно пользователям.

Таким образом, уже на стадии приема РЗИА произошло то, чему многие годы противились создатели и сотрудники РЗИА. Была нарушена целостность состава трех его отделов: отдела документов, книжно-журнального и газетного, которые собирались в течение многих лет по специально разработанной программе. Чешская сторона во время пребывания комиссии в Праге обратила ее внимание на наличие в составе РЗИА документов, переданных в архив владельцами на временное хранение (депозит) или на определенных условиях, в том числе лицами, имеющими гражданство других государств. Кроме того, часть документов была приобретена или подарена на определенных условиях доступа к ним, которые, по мнению чешской стороны, должны были соблюдаться их новым владельцем (Академия наук СССР). Ряд русских эмигрантов, проживавших в Праге, узнав о предстоящей перевозке архива в Москву, свои документы из архива изъяли, и, к сожалению, установить их состав не представилось возможным. Против передачи РЗИА Советскому Союзу активно возражал проф. Ян Славик, мотивируя это тем, что «передача РЗИА — удар по распространению знаний о русской революции у нас и во всей Западной Европе», что игнорируются условия, выдвинутые основателями РЗИА, о возможности передачи РЗИА в Россию только в случае, когда падет власть диктатуры коммунистической партии и будут обеспечены «правовой порядок, личная свобода и общественное самоуправление»².

¹ ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–15.

² Быстров В. Конец Русского заграничного исторического архива в Праге // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и Пражских архивов. Прага, 1995. Т. 2. С. 76.

Проверка документальных фондов РЗИА, проведенная в Праге в октябре–ноябре 1945 г., позволила установить, что в целом документы архива сохранились полностью, несмотря на их рассредоточение по 4 различным хранилищам. Были зафиксированы лишь отдельные утраты. Так, например, немцами был изъят фильм, снятый немецким представителем армии Деникина в Киеве, несколько военных карт, отдельные документы (всего — 25). Исследования чешских историков последних лет позволили обнаружить в Праге, в запасниках Славянской библиотеки при Национальной библиотеке Чешской Республики, часть документов, отражающих деятельность РЗИА, — регистрационные книги за 1928–1929 гг., 1932–1937 гг., лицевые счета заграничных представителей архива за 1930–1937 гг., а также письма отдельных лиц и организаций РЗИА и копии ответов за 1925–1927 гг., частично до 1930 г. от корреспондентов, чьи фамилии и названия начинались на буквы от «К» до «Я». Переписка является весьма ценным источником и позволяет раскрыть механизм деятельности архива по приобретению и оценке материалов, условия их передачи и хранения¹.

6 декабря 1945 г. премьер-министр ЧСР З. Фирлингер в присутствии посла СССР в Чехословакии В. А. Зорина вручил комиссии государственн- ный акт о передаче РЗИА в дар Академии наук СССР².

13 декабря погрузка 650 ящиков с документами, книгами, журналами и газетами была завершена, и военный транспорт в составе 9 вагонов под охраной 50 бойцов войск НКВД по охране тыла Центральной группы Советских войск был отправлен в Москву. Кроме собраний РЗИА и Донского казачьего архива, там находились 25 ящиков с экспонатами Донского войскового музея, мемуарная часть архива покойного генерала А. А. Брусилова, переданная комиссии сестрой его вдовы Н. В. Брусиловой-Желиховской. Была разыскана и присоединена к фондам РЗИА часть документов бывшего ученого корреспондента Российской АН в Риме Е. Ф. Шмурло, обнаруженных на чердаке бывшего Института Гейдриха в Праге. По возвращении в Москву 25 декабря 1945 г. комиссия в отчете президенту АН СССР С. И. Вавилову отметила, что «дар Чехословацкой Республики превзошел все наши ожидания как по количеству материалов, так и по их содержанию», и что дела Донского архива имеют значительный оперативный интерес для органов НКВД и «Смерш», так как многие белые казаки остались в советской оккупационной зоне³.

¹ Копрживова А. Русский заграничный исторический архив // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Т. 1. С. 68–69.

² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 2023. Л. 22.

³ Там же. Оп. 1. Д. 2024. Л. 28; Оп. 10. Д. 2023. Л. 28.

31 января 1946 г. состоялось распорядительное совещание Президиума АН СССР, которое постановило: «1) ...принять РЗИА в ведение АН СССР и ввиду ценности материалов архива просить ГАУ принять его на хранение в помещение ЦАОР, 2). Просить ГАУ принять на хранение также грамоту Правительства Чехословакии в качестве основного документа».

3 января 1946 г. архивное собрание, книги, газеты, журналы РЗИА, архив и музей по истории Войска Донского, рукописный отдел и библиотека Русского литературно-исторического музея в Збраславе объемом свыше 350 тыс. единиц хранения и 250 кг россыпи, 8 533 книги, 3 434 номера журналов, 111 691 номер газет, 1 057 листовок, 256 плакатов, сдаточные ведомости на документы РЗИА и Донского архива, инвентарные описи, списки книг, 7 коробок с отзывами ученых — экспертов Ученой комиссии РЗИА, а также картотека на документы Донского казачьего архива, прибыли в Москву и были размещены в помещениях ЦГАОР СССР. В этот же день нарком внутренних дел СССР С. Круглов информировал И. В. Сталина, В. М. Молотова и Г. М. Маленкова о завершении работы комиссии, созданной в соответствии с постановлением СНК СССР от 27 октября 1945 г., и прибытии в Москву вагонов с документами. Предполагалось «...РЗИА сохранить в том виде, в каком он образовался в Праге, не допуская передачи архивных фондов или отдельных коллекций в другие госархивы или в научные учреждения»¹.

НКВД распорядился «...ввиду того, что среди материалов архива имеется большое количество документов, характеризующих антисоветскую работу белой эмиграции за период с 1917 по 1940 гг., доступ к указанным материалам архива научных сотрудников различных учреждений ограничить»².

В апреле 1946 г. в связи с передачей РЗИА ГАУ НКВД СССР Государственная штатная комиссия при СМ СССР утвердила этот архив в составе ЦГАОР СССР на правах отдела со штатом 17 чел. во главе с начальником М. И. Рыбинским (отдел просуществовал до 1948 г., и после его ликвидации документы поступили в состав отдела секретных фондов ЦГАОР СССР)³.

20 февраля 1959 г. в ГАУ МВД СССР состоялось совещание совместно с представителями ЦГАОР СССР, ЦГИАМ и ЦГАЛИ по вопросу о порядке дальнейшего хранения документов бывшего РЗИА. Было признано целесообразным оставить на хранении в ЦГАОР СССР только документы, отражающие «антисоветскую деятельность» белоэмигрантских организаций

¹ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 387. Л. 41; Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 727. Л. 35–45; Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 134. Л. 1–2; Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 2023. Л. 42.

² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 2033. Л. 42.

³ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 219. Л. 23; Д. 383. Л. 23.

и отдельных ее представителей, как относящиеся к комплексу документов всесоюзного значения и дроблению не подлежащие. Передаче из ЦГАОР СССР в другие архивы подлежали подлинники документов, созданных в ходе деятельности учреждений царской России и Временного правительства, а также буржуазных политических партий, как вывезенные эмигрантами за границу, так и созданные в период эмиграции, документы украинской и белорусской националистических эмиграций, учреждений немецких оккупационных властей на временно оккупированной территории СССР, документы известных писателей, литературоведов, искусствоведов- эмигрантов. Документальные материалы известных писателей, литературоведов, искусствоведов воссоединялись с фондами ЦГАЛИ. Было предложено архивам, в которые ранее попали документальные материалы, изъятые из состава РЗИА, также передать их в соответствующие государственные архивы¹.

Следствием этих решений стала передача архивных фондов из состава бывшего РЗИА и Донского казачьего архива в ряд архивов России, Белоруссии, Украины и других союзных республик. Широкая передача фондов белогвардейских военных учреждений и воинских формирований в ЦГАСА (ныне РГВА), в том числе из состава РЗИА, производилась в 1965 г. В 1970-е гг. из состава РЗИА в ЦГВИА СССР (ныне РГВИА) поступили на хранение коллекция приказов по различным воинским частям периода Первой мировой войны, фонды отрядных комитетов русских войск во Франции, комитетов помощи русским военнопленным и другие.

В 1988 г. документы бывших РЗИА и Донского казачьего архива ЦГАОР СССР были переведены с секретного на открытое хранение.

Судьба фондов РЗИА в составе ЦГАОР и других архивохранилищ подробно представлена в межархивном путеводителе «Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге» (М.: РОССПЭН, 1999). В этом же издании предпринята попытка реконструкции фондов РЗИА.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Записка А. Ф. Изюмова «О Русском историческом архиве в Праге»

г. Прага Чешская

23 июля 1945 г.

Мысль собирать документы сначала о жизни эмиграции — печатные и письменные — родилась в кругах пражской эмиграции в 1923 году и сра-

¹ Там же. Д. 704. Л. 12.

зу же вызвала большие споры о том, кто должен стоять во главе этого дела. Спорили главным образом представители Пражского объединения земских и городских деятелей («Земгор») и академических организаций. Некоторое соглашение по этому вопросу было достигнуто в 1924 г., когда первому управляющему Архивом В. Я. Гуревичу (умер в 1939 г. в Америке) удалось привлечь в Совет Архива ряд членов Академического союза во главе с проф. А. А. Кизеветтером (умер в 1933 г. в Праге), которые, нарушая постановления 3 академического съезда, стали работать в Архиве. Я был приглашен для заведования Отделом документов в 1924 г. и на один месяц приехал в Прагу из Берлина, но на меня эти споры произвели такое впечатление, что я вернулся обратно в Берлин. Новое приглашение последовало через проф. Кизеветтера (моего учителя по Московскому университету) в 1925 г., когда Архив начал уже более спокойную работу, и в октябре 1925 г. я окончательно перебрался в Прагу. Архив поначалу существовал как учреждение при Культурно-просветительном отделе Пражского Земгора, но средства на Архив с самого начала отпускалились Министерством иностранных дел ЧСР, ведавшим в те годы так называемую «русскую акцию». С первых же шагов работы Архива обнаружилось, что за границей имеется много документов, сохранившихся от политической эмиграции императорского периода, времени войны 1914–1918 гг., громадное количество периода гражданской войны. Поэтому задачи Архива были расширены, и он получил название «Русский заграничный исторический архив». В последние годы слово «заграничный» как-то выпало само собой.

С 1928 г. РЗИАрхив был переведен на смету Мин[истерства] ин[остранных] дел отдельным параграфом, и Земгор сохранил только в Совете Архива двух представителей как фактический основатель Архива и никакого другого отношения к работе Архива уже не имел. Да и в первые пять лет никакого вмешательства Земгора в текущую работу Архива не было. С 1928 г. Мин[истерство] ин[остранных] дел назначило своим уполномоченным проф. Яна Славика. Управляющим после Гуревича Советом был избран В. Г. Архангельский. Он пробыл до декабря 1934 г., когда произошло новое изменение в жизни Архива. Должность управляющего была уничтожена. Сокращен штат служащих. Вместо уполномоченного была учреждена должность директора Архива, на которую был назначен тот же проф. Славик, а для фактической работы на меня было возложено замещение директора без увеличения моего жалованья. Такое положение Архива было до декабря 1938 г. Ввиду сокращения парламентом сметы Мин[истерства] ин[остранных] дел на 1939 г. Мининдел решило совершенно отказаться от Архива и передать его в ведение другого ведомства. Шли разговоры о Славянском институте, но он не проявлял большого интереса к Архиву, хотя Архив и числился формально под

его наблюдением, и даже в Ежегоднике института помещались короткие сведения об Архиве. Проф. Славик хлопотал о передаче Архива в ведение Мин[истерст]ва просвещения, но победил проф. Прокеш, заведующий Архивом Мин[истерст]ва внутренних дел. РИАрхив чисто механически был присоединен к архиву Мин[истерст]ва вн[утренних] дел. Это обстоятельство, правда, спасло РИАрхив от ликвидации в марте 1939 года (образование Протектората) вместе с основателем Мининдел, которое пало первым под ударом нацистов. Гестапоки в течение месяца примерно навещали архив и все хотели выяснить, не скрывается ли под видом РИАрхива какой-нибудь отдел Мининдел. Через некоторое время был назначен немецкий комиссар над всем Архивом Мининдел, т. е. вместе и над РИАрхивом. Сначала он держался в стороне. До моего интернирования 23.06.1941 г. я видел его всего один раз и ни разу с ним не разговаривал. Позднее, говорят, он принимал более близкое участие в жизни Архива. Через него, очевидно, немцы и брали материалы Архива. По моим сведениям, немцы отобрали примерно пятую часть инвентарных номеров Отдела документов и целиком взяли Донской Архив. Кое-что, по-видимому, было послано в Берлин.

С другой стороны, переход Архива в Мининдел имел для него и неблагоприятные последствия. Архив попал в руки людей, совершенно не интересующихся русскими проблемами. Чисто ведомственный характер Архива Мвиндел создавал невозможность вести собирательную работу. Правда, события войны также этому стали мешать. Но в РИАрхиве было много своей работы по разбору газет, описанию документов и т. п. Вместо этого служащие постепенно были переведены на работу Архива Мвиндел. Сначала розыски арийского происхождения, а теперь чешской народности дают много работы, и все служащие Русского Архива в данное время ей и заняты. Русский архив находится на консервации и как бы скрыт от постороннего взгляда, снята даже вывеска. Совет и Ученая комиссия с 1941 г. едва ли собирались. Такова внешняя история РИАрхива. Из нее прежде всего следует то, что Русский архив нужно *очень тщательно проверить после хозяйничанья в нем немцев и закончить описательную работу*, что займет немало времени. Если принять Архив без проверки и хотя бы основного разбора, в нем трудно будет разобраться. Правда, это касается главным образом Отдела документов и Газетного отдела. Книжно-журнальный отдел (библиотека) находится в лучшем положении. Картотека закончена, но и здесь требуется проверка наличного состава.

Архивная жизнь руководилась сначала Ученой и Хозяйственной комиссиями. Первая определяла научную ценность поступающих материалов и давала им оценку. Обычно материалы или рукописи давались одному из членов на экспертизу, и в заседании комиссии коллективно обсуждался отзыв эксперта и решался вопрос о приобретении. Документы, оцененные

в сумму свыше 10.000 кр., требовали специального постановления Совета Архива. Хозяйственная комиссия действовала до назначения директора при обязательном присутствии на заседании представителя Мининдел. В ней решались дела об оплате и другие хозяйственные вопросы. С назначением постоянного директора Хозяйственная комиссия не собиралась. Совет руководил общей работой Архива. В нем обсуждались важные вопросы из жизни Архива: кандидатуры служащих, годовые отчеты, вопрос о допущении к продолжительным занятиям, условия передачи крупных документов и т. п. Совет время от времени пополнялся новыми членами по выбору и утверждался министерством. После 1931 г. (1 стр.) были избраны: И. Н. Альтшуллер, Е. Д. Кускова-Прокопович, В. В. Саханов, П. Н. Милюков, проф. А. Н. Фатеев и др. (Фатеев был последним председателем, живет в Праге). Последним председателем Ученой комиссии состоял проф. А. В. Флоровский (живет в Праге). Ученая и Хозяйственная комиссии, а также Совет всегда вели подробный журнал своих заседаний. Все они сохранились и дают совершенно точную картину жизни Архива за все время его существования до 1939 г. Годовые отчеты печатались, если позволяли средства, или выпускались в литографированном виде. Наиболее полный отчет был выпущен в 1935 г. с очерком жизни Архива за 12 лет его существования.

Круг деятельности Архива не менялся в течение всего времени. Схема собирания архивных материалов оставалась такой же, как указано на 2–3 стр. отчета за 1931 г.

Подбор документов для подобного рода архивов, каким был РИАрхив в Праге, всегда дело случая и умения разыскать подходящие документы. Нельзя знать наперед, какой документ или собрание документов будет предложено завтра. Судьба документов часто совершенно необычна. Так называемый «Царский листок» (Всепопданнейшие отчеты министра внутр[енних] дел царю по Департаменту полиции) в свое время были вывезены чиновниками департамента, перешедшими на сторону революции, за три года. Я сам перевозил эти отчеты из Ленинграда в Москву. Они сохранились за целое столетие в прекрасном виде, кроме указанных трех, а эти три побывали в руках В. Л. Бурцева, потом в руках американских антикваров, и, наконец, два из них, потерявши казенные переплеты и несколько листов, осели в полках Пражского архива, а третий попал почему-то в Архив русских социал-демократов. Документы о сдаче крепости Ивангород во время войны 1914–18 гг. из Петрограда отправились в Одессу, оттуда не то в Бразилию, не то в Аргентину, и уже после прибыли в Прагу. Можно написать целый ряд занятных фельетонов о судьбе документов. Часто сами авторы не знают, что их письма или записки сохранились. Самым обычным путем для поступления документов — это представители Архива в разных странах, многие поступали и непосредственно в Архив.

Часть приобреталась, часть присылалась бесплатно. Книги и газеты, выпускаемые эмиграцией, как правило, поступали бесплатно. В своем составе РИАрхив имеет фонды трех категорий: 1) переданные бесплатно, 2) купленные и 3) переданные на хранение на разных условиях. Условия иногда принимались и для купленных документов, скажем, хранить в запечатанном виде 5–10 и даже 15 лет. Как правило, Архив отдавал преимущество оригинальным документам перед воспоминаниями, написанными после событий, воспоминаниям документированным перед воспоминаниями не документированными. Архив широко применял обменные операции на книги, газеты и реже на документы. В последнем случае, конечно, вопрос шел не об оригинальных документах, а об их фотокопиях или копиях, переписанных на машинке. На этих условиях был неоднократно произведен обмен с Институтом литературы в Москве, Коммунистической академией, Музеем В. И. Ленина. Вся переписка с В. Д. Бонч-Бруевичем, С. И. Мицкевичем и др. велась мною.

Что же собирал РИАрхив? Написать по памяти это совершенно невозможно: нужно взять отчет Архива за 1935 г. или мою статью в Ежегоднике Славянского института, где указан подробный состав фондов на 1932 г. Здесь ограничусь скорей общей характеристикой фондов с более подробным описанием для примера лишь некоторых собраний. В процессе собирания скоро отошли от мысли собирать только документы о жизни эмиграции послереволюционного периода, и постепенно Архив вырос в своего рода институт по истории общественного и революционного движения периода второй половины 19 ст. и начала 20 столетия. Здесь нужно сделать оговорку. В Прагу попали главным образом документы народнических и радикальных группировок. Социал-демократы имели свой архив в Берлине. Об архиве Бунда шли какие-то переговоры с Гуревичем, но он, сколько я знаю, был передан в Советский Союз. Документы войны 1914–18 гг. относятся главным образом к русским частям, бывшим на западе — Салоникский фронт, части во Франции и др., но в собраниях бывших военных, позднее участников гражданской войны, довольно часто попадаются документы мировой войны. Февральская революция сравнительно представлена слабо. Документов по Октябрьскому перевороту почти нет. Одно время Гуревич носился с мыслью собирать документы Коминтерна, но в ранние годы в Европе ходило так много фальшивых документов под видом документов Коминтерна, что разобраться в них не было никакой возможности. Ученая комиссия и Совет стали на ту точку зрения, что эти документы хранит сам Коминтерн. Архив воздержался от приобретения собрания «статского советника» Орлова, известного фальсификатора документов, хотя в этом собрании, вероятно, были и подходящие документы. Вообще Архив стоял на той точке зрения, чтобы не конкурировать с советскими собраниями, а собирать лишь

то, что осталось за границей. Разда два предлагались письма В. И. Ленина, но Архив не мог их купить хотя бы уже потому, что цена их во много раз превышала оценку Архива. Документы и воспоминания, естественно, шли преимущественно со стороны противосоветской; такие, как записки главкома Вацетиса о Казанском фронте, были редкими исключениями. По гражданской войне Архив собрал, вероятно, наибольшее количество документов, а также газет и книг. Здесь собрания Архива являются, несомненно, единственными. Новая эмиграция представлена не так хорошо, как это могло бы быть. Конечно, многое собрано, но, к сожалению, ряд больших собраний не удалось получить. Архив Варшавского попечительного комитета был уже упакован для отправки в Прагу, но в последний момент Польское м[инистерст]во внутренних дел запретило вывоз этого большого и интересного для жизни русских в Польше собрания. Много лет велись переговоры о передаче архива Парижского Земгора, который действовал не только в пределах Франции, но переговоры так и остались не законченными. Вероятно, оба архива погибли. Собрано много мелких архивов профессиональных организаций — союзов шоферов, педагогов, разных благотворительных обществ и т. п. Обычно эти собрания поступали после распада организаций, но не всегда за этим можно было уследить. Иногда даже пражские организации не сдавали свои дела. Политические организации эмиграции также представлены довольно слабо. Обычно думают, что в РИАрхиве сосредоточены все эмигрантские секреты. Это просто неверно. Во-первых, как говорят, эмигрантские секреты обычно секреты полишинеля, а во-вторых, активно действующие организации редко сдавали свои архивы, а если и сдавали, то обычно два-три последних года оставляли у себя. Так, напр[имер], поступил Общевоинский союз. Он передал старые архивы, кажется, в 1937 г., но за три года оставил у себя. Эти дела погибли в Сенском трибунале, когда судили Плевицкую. Так как РИАрхив собирательную деятельность прекратил почти с 1939 г., то обычно дела последней эмиграции не восходят дальше 1936 г. Кроме того, монархические объединения с Прагой не желали иметь дело. Под влиянием этих настроений после смерти ген. Врангеля его бумаги были переданы в Хуверовскую библиотеку войны. Туда же ушли дипломатические документы Парижской делегации, возглавляемой М. Н. Гирсом. Конечно, и для правой эмиграции Архив старался подбирать все то, что было возможно и что размножалось: листовки, плакаты, циркуляры и т. п., но это не дает материала для внутренней жизни организации. Более демократическая эмиграция охотней сдавала свои бумаги, но тоже главным образом за прежние годы. Сданы были некоторые дела Крестьянской Россией, евразийцами, республиканско-демократическими организациями, но все это в довольно разрозненном виде. Социалисты-революционеры, сколько помню, не сдавали своих бумаг. У них был в Праге архив старого, доре-

волюционного ЦК, но он был перевезен в Белград, и дальнейшей судьбы его не знаю. Обещали передачу своих собраний отдельные деятели эмиграции, но из-за войны не успели осуществить: В. А. Маклаков, П. Н. Милуков и др. На руках у эмиграции, несомненно, еще много имеется документов не только о жизни эмиграции, но и более ценных. После смерти какого-нибудь видного деятеля бумаги остаются у приятеля, который охотно с ними расстается, в особенности когда надеется за них что-то получить.

Остановлюсь подробнее на основном отделе РИАрхива — Отделе документов. Исходя из общей схемы собирания документов, весь отдел разбит на восемь главных разделов. Должен указать, что это скорей теоретически, так как описательная работа далеко отставала от собирательной. Я был в отделе сам третий. На меня было возложено замещение директора, что отнимало почти все время. Один сотрудник вел инвентарную книгу, и лишь один мог посвящать все время чисто архивной, описательной работе. К сожалению, во время войны было для этого упущено, так как мои оба сотрудника были переведены на работу Архива Минвндел. Последние пять разделов (D, E, F, G и H) заполнены документами, относящимися к общественному и революционному движению Императорского периода, войне 1914–18 гг., Февральской революции, гражданской войне и современной эмиграции. Первые же три (A, B, C) представляют собой нечто целое не по содержанию документов, а скорей по их внешней форме.

Так, в разделе «А» собраны коллекции, куда входят фотографии и рисунки, карты и планы, не связанные с документами, плакаты, денежные знаки, почтовые марки, листовки, воззвания и печатные приказы. Это как бы иллюстрационный материал к основным фондам Архива. Фотографий было что-то около 7–8.000, кроме альбомов. Количество листовок больше 5.000, коллекция бумажных дензнаков имеет 60 %. Раздел «В» включает в себе около 1 000 отдельных рукописей мемуарного характера, свыше 3 500 печ. листов.

Для примера несколько мемуаров.

Воспоминания сенатора Д. Н. Любимова «Русская смута начала 900 годов» (1902–06). Автор, сын известного профессора физики в Москве, сподвижника Каткова, лицеист по образованию, очень быстро сделавший блестящую карьеру. В 1902 г. он уже помощник статс-секретаря Госуд[арственного] Совета, потом управляющий канцелярией министра вн[утренних] дел при пяти последовательно сменявшихся министрах (Плеве, Святополк-Мирский, Булыгин, Дурново, Столыпин), потом Виленский губернатор, помощник Варшавского ген[ерал]-губернатора, сенатор. Свой рассказ сен[атор] Любимов ведет систематически, начиная с убийства Сипягина и вплоть до первого заседания Госуд[арственной] Думы. Изложение его необычайно колоритно. Достаточно указать на ха-

рактеристики пяти министров вн[утренних] дел, при которых он служил. Плеве — деловой, властный, надменный, сохраняющий олимпийское величие, грузный, малоподвижный. На столе у него неизменно лежала копия постановления революционеров, приговоривших его к смерти; тут же стояла карточка Гершуни, кот[орый], по предположению Плеве, должен был его убить (убил, как известно, Сазонов). Себя Плеве называл «моритурус» — обреченный. Совершенная противоположность — Мирский. Суетливый, вечно расхаживающий по кабинету и пускающий колечками дым из трубки. Он был ошеломлен и перепуган эффектом произнесенных слов о доверии. Он хотел не реформы, а смягчения режима. Штюрмер про него говорил: «Вы при нем на солнышке отогреетесь. Это будет министерство приятных улыбок». Благодушный, ленивый, ненавидящий хлопоты и усиленные занятия Булыгин. Он совершенно не знал, что делается вокруг него. «Во время вооруженного восстания 1905 г. он говорил: вот до чего довели». Был очень доволен своим законом о Гос[ударственной] Думе. «И либеральные волки сыты, и консервативные овцы целы», — говорил он правителю своей канцелярии. Необычайно умный, по мнению автора, но грубый и циничный Дурново как-то сразу подтянул дезорганизованное Булыгиным министерство. О революции он говорил: «Мне нечего терять. Я ударил революцию в самую рожу, тогда как другие боялись общественного мнения». Последним начальником Любимова был Столыпин — властный, самоуверенный, иногда заносчивый, но чистый и прямой, никогда не преследовавший личных интересов.

Бывший перед революцией начальником Генштаба генерал П. И. Аверьянов в своих «Страницах прошлого» 1878–1920 гг. дал как бы свою автобиографию с изложением тех событий, свидетелем и участником которых он был. В 1901 г. он был секретарем русского генконсула в Эрзеруме, т. е. фактическим военным наблюдателем в Турции. В июле 1906 г. ген. Аверьянов был назначен начальником Генштаба, в каковой должности оставался уже после революции. Летом 1917 г. он был назначен комиссаром турецкой Армении, совмещая одновременно должности начальника снабжений Кавказс[кого] фронта и командующего Кавказс[ким] военным округом. Во время Грузинской республики ген. Аверьянов был выслан из пределов Грузии. Рукопись солидно документирована. Между прочим сохранилась коллекция писем армянина д-ра Завриева, кот[орый] был помощником Аверьянова по гражданской части.

Известный на Кавказе член партии ка-дэ и долголетний общественный деятель в Батумской области П. Н. Маслов дал документированный очерк жизни Батума за время турецкой и английской оккупации. В 1919 г. М[аслов] стал во главе Совета по управлению Батумской областью по назначению командующего британскими войсками ген. Форестье-Уоха.

Крупный чиновник финансового ведомства Никольский представил очерк финансовой политики Омского прав[ительст]ва с объяснением валютных операций этого прав[ительст]ва.

Сенатор Стремоухов, известный своей борьбой с монахом Илиодором, представил обширный труд «Из воспоминаний старого губернатора»: последовательно он был в Калише, Сувалках, Саратове, Костроме и Варшаве.

Это образцы не самых крупных мемуаров, а случайные, которые сохранились в моих черновиках. Кроме мемуаров имеется 4–5 десятков дневников, охватывающих часто многие годы.

В раздел «С» включены отдельные архивы лиц и учреждений. Имеется примерно полсотни таких архивов. Среди них: Герценовские архивы, Фонда вольной прессы в Лондоне (Л. Б. Гольденберга), Нагасакской газеты «Воля» (1905[–190]6 г.), В. Л. Бурцева, ген. Л. Ф. Бичерахова, М. М. Винавера, Н. В. Чайковского, Е. К. Брешко-Брешковской, Е. Лазарева, Дебагория-Мокриевича, Арборе-Ралли, И. И. Фундаминского, часть архива писателя Н. С. Лескова, различных консульских и эмигрантских учреждений и т. п.

Укажу более подробно о двух-трех отдельных архивах для примера.

Герценовское собрание составилось двумя путями — сначала у г-жи Шишмановой, дочери М. П. Драгоманова, было приобретено то, что осталось у Драгоманова, кот[орый] набрал для издания довольно много документов Герценовского архива. Между прочим сохранились оригиналы писем М. А. Бакунина к Герцену и Огареву, приготовленные Драгомановым к печати и вышедшие уже после смерти редактора. Напечатаны с большим количеством ошибок. Вторая часть Герценовских бумаг поступила от О. А. Герцен-Моно после смерти сестры Наталии Александровны. В этой части сохранилось много фотографий и часть неопубликованной в известном 28-томном издании Лемке переписки. К сожалению, не удалось выудить третью часть бумаг Герцена, находящуюся на руках офранцузенного дальнего родственника семьи Герценов. Не удалось даже точно выяснить состав этой части. Возможно, что г-жа Драгоманова-Шишманова передала часть Герценовских бумаг в Украинский институт в Варшаве при передаче украинских дел туда. Где теперь эти бумаги? Кто скажет?

Коллекция писем к Н. С. Лескову содержит в себе более 300 писем, относящихся к 70 и 80 гг. прошлого столетия. Среди адресатов много очень известных лиц: Гончаров, Плещеев, Писемский, Островский, Вейнберг, Т. Пассек, видные деятели царской России — Бунге, Победоносцев, историк церкви проф. Голубинский, проф. Терновский, редактор «Недели» Гайдебуров и издатель календарей Гатцук. К сожалению, разыскать другие бумаги Лескова не удалось.

Архив Нагасакской газеты «Воля» дает картину противуправительственной деятельности революционеров на Д[альнем] Востоке и в Японии во время русско-японской войны. Во главе всего дела стоял д-р Руссель (Судзиловский). По приглашению Дж. Кеннана и Американского о[бществ]а друзей русской свободы он отправился в Японию для просветительной деятельности среди военнопленных. Фигура д-ра Русселя необычайно колоритна. Питомец Киевского у[ниверсите]та д-р Руссель еще в конце 70-х гг. начал скитальческую жизнь русского революционера. После недолгих лет жизни политическим эмигрантом на Балканах он переселился в Сан-Франциско, где у него произошло столкновение с епископом Владимиром. Натурализовавшись в Америке, д-р Руссель перебрался на Гавайские о-ва, где приобрел ферму. В 1900 г. Руссель был выбран в первый Гавайский сенат; он возглавлял партию независимых гомрулеров. «Каука-Лукини» — русский доктор был избран председателем сената. В первом же заседании сенат объявил о независимости островов. Сенат был распущен, а его председатель был лишен америк[анского] гражданства. С 1905 г. Руссель связал свою судьбу сначала с Японией, а потом с Китаем. В Японии благодаря исключительным организационным способностям он стал во главе пропаганды среди русских военнопленных, руководил газетой «Воля» и Дальневосточным издательством. Последние годы (умер в 1930 г.) д-р Руссель жил в Тянь-Тзине, имея обширную практику среди китайской бедноты. Архив газеты «Воля» относится к 1905–6 гг.

Не останавливаясь на других отдельных архивах. Об архиве Н. В. Кончевской сведения имеются в отчете 1931 г. (стр. 16–21).

Дальнейшие разделы наполнены отдельными документами, относящимися к общественному движению до войны 1914 г. (раздел «D»), к мировой войне («E»), к февральской революции («F»), гражданской войне («G») и эмиграции 1920–1940 гг. («H»). Не берусь по памяти перечислять громадное количество отдельных документов по указанным разделам. Эта категория больше всего требует упорядочения.

О Книжно-журнальном и Газетном отделах РИАрхива достаточные сведения дает отчет за 1931 год (8–15 стр.). К 1939 г. здесь произошли лишь значительные дополнения количества, а качество осталось тем же. В приложении к отчету (стр. 21–24) приведен список 276 журналов, получаемых архивом в 1931 г. в громадном большинстве бесплатно. О полноте собраний библиотеки Архива может дать представление составленная С. П. Постниковым «Библиография русской революции и гражданской войны (1917–21 гг.)». В сущности, это систематический каталог библиотеки Архива в пределах указанных хронологических рамок. О составе Газетного отдела можно добавить к отчету 1931 г. то, что к 1939 г. он уже насчитывал около 10 000 годовых собраний. Наиболее ценными частями

Газетного отдела является подбор белых газет периода гражданской войны. Думаю, что такого собрания не имеет ни одно хранилище. Для некоторых районов, занятых белыми, имеются полные комплекты всех вышедших газет. В целом необычайно ценно собрание эмигрантских газет 1920–1939 гг., которые, за редким исключением, получались Архивом бесплатно. Думаю, что и такого полного собрания нигде нет. Газетные фонды далеко еще не приведены в порядок, и кроме газет, внесенных в картотеку, имеется много еще не внесенных и еще больше дубликатных номеров. Попытка подбирать и систематизировать газетные вырезки не удалась вследствие отсутствия рабочих сил. Книжно-журнальный и Газетный отделы всегда составляли одно органическое целое с Отделом документов. Они строились по одному и тому же плану, также все вопросы отделов проводились через Ученую комиссию и Совет, также эмиграция предоставляла бесплатно очень много книг и газет. Разница была лишь в одном. К печатным произведениям Архив легче допускал исследователей, чем к документальным собраниям.

Донской отдел до 1934 г. существовал как самостоятельное учреждение¹, а с этого времени был передан РИАрхиву на хранение на определенных условиях. Немцы взяли его, кажется, целиком. Содержание его — главным образом документы гражданской войны на Дону и казачьей эмиграции. Он не проходил через мои руки, как другие собрания, и у меня нет отчетливого о нем представления. Донской отдел был приведен в относительный порядок и имел точные описи инвентарного характера.

Кроме указанных отделов, объединенных общим названием Русский исторический архив, существует еще Украинский архив, который также основательно собирал документы, книги и газеты, но в нем не было ясного разделения на отделы. Конечно, часть украинских документов имеется и в русском архиве, так как оба архива не были связаны ничем между собою и каждый вел свою работу самостоятельно. Я совершенно не знаком с составом фондов Украинского архива. Были одно время Белорусский архив и Кубанский, но они пользовались только помещением Тосканского дворца. По-видимому, они взяты обратно владельцами. Во всяком случае, мне неизвестно, что с ними стало потом.

Как рос постепенно РИАрхив, показывает перечень помещений, им занимаемых. В 1924 г. он занимал 2 комнаты в Тосканском дворце и переехал на Малую страну на одной подводе. На Вензикову улицу, где начался расцвет Архива, он перебирался уже на шести возах, а оттуда в помещение против Чернинского дворца он потребовал для перевозки что-то около 40 подвод. Через три года отсюда обратно в Тосканский дворец перевезли на 80 больших крытых возах. В теперешнее помещение Архив пере-

¹ На полях имеется приписка от руки: «Находился в Праге».

бирался недели три: возили лошади и переносили на руках: помещение совсем рядом. Это громадное старое здание, бывшее одно время тюрьмой, потом студенческим общежитием. Здание имеет три этажа и занято не только РИАрхивом, но также делами Архива Минвндел и рабочими бюро.

Вот все основные сведения о РИАрхиве. Имея под руками журналы Совета и комиссий, можно написать более подробно. Состав служащих был чисто эмигрантский. В последнее время было по три сотрудника на отдел, канцелярия и уборщики, что-то 12–14 человек. Отдел документов имеет свой состав налицо. Кроме меня с 1928 г. работает Е. Ф. Максимович, окончивший Харьковский у[ниверсите]т по историческому отделению, прекрасный работник, особенно хорошо знающий военные документы. При нормальных условиях из него мог выйти крупный ученый. М. М. Зайцев тоже работает с 1928 г., также прекрасный работник. Он вел инвентарную книгу и довольно отчетливо знает состав Отдела. Совершенно овладел чешским языком. В Книжно-журнальном отделе заведующим был С. П. Постников. В данное время он арестован. Он добросовестно работал в своем отделе. В 1938 г. выпустил «Библиографию русской революции и гражданской войны». Том в 450 стр. большого формата. П. С. Бобровский, старый общественный деятель, имеет уже 65 лет, обременен семьей. Работал усердно. Более молодой сотрудник Н. П. Цветков также хорошо работал. Он ведал, главным образом, обменными операциями. Газетным отделом заведовал Л. Ф. Магеровский. По-видимому, он вне Праги. Единственным сотрудником Газетного отдела остается Д. И. Мейснер. Очень культурный работник, но имеет слабое здоровье. Третий сотрудник отдела Я. Г. Лозовой давно уже болеет. Секретарем Архива состоит В. М. Краснов.

Какова материальная ценность РИАрхива в целом? Оценить такое собрание, как РИАрхив, дело не легкое. Американцы, которые всегда интересовались Архивом больше других народов, говорят, в 1940 г. предлагали 1 000 000 долл. Я думаю, что эта цена не преувеличена. В Архиве много уникальных коллекций. Сметные расходы Мининдел и Минвндел, вероятно, выражаются в сумме 15–18 000 000 крон. Я подсчитывал в 1936–[193]7 гг. Тогда, помню, насчитал что-то около 12 000 000.

Я вернулся в Прагу 23 июня 1945 года из немецкого плена, где пробыл ровно 4 года (был интернирован 23.6.1941 г. и освобожден 26.4.1945 американцами, 2 месяца пробыл в пути), и здесь скоро узнал, что Чехословацкое правительство подарило Русский исторический архив Академии Наук СССР по случаю 220-летия Академии. Я был удовлетворен, так как это оправдывало мою почти 20-летнюю работу. Я Архиву, живя здесь, в Праге, всецело отдавал свои силы, всегда будучи уверен, что рано или поздно Архив попадет на родину. Подарок Академии Наук делал мое пре-

бывание вне родины как бы служебной командировкой, которую я в меру сил и возможностей выполнил.

Меня беспокоило интервью с проф. Неедлы, министром народного просвещения ЧСР, напечатанное в газете «Правда» от 4.7.1945 г. Для меня ясно, что проф. Неедлы даны были лишь обрывки сведений об РИАрхиве, и притом не совсем точные. Это нетрудно доказать, но главное не в этом. Из этого интервью можно понять, что вопрос идет не о целом Архиве, а только об Отделе документов и, может быть, о Донском архиве. Библиотека и Газетный отдел как будто в дар не входят, хотя в одном месте проф. Неедлы говорит «о печатных произведениях». Я не знаю, как сформулировано постановление правительства ЧСР о РИАрхиве. Если в дар приносится РИАрхив, то для каждого, хорошо знакомого с Архивом, несомненно, что дело идет о всех трех отделах, которые всегда составляли одно неразрывное целое. Тогда мои опасения напрасны. Если же в формулировке сказано — Отдел документов РИАрхива и Донской архив, то мне это просто непонятно. Это было бы не только отсечение части от целого, но до некоторой степени разрушение Архива и умаление его научной и даже материальной ценности. Никакие рассуждения о том, что книги и газеты в большинстве имеются в библиотеках СССР, не имеют силы. Газеты и журналы больше поступали бесплатно, чем документы. Один номер газеты не имеет цены, но составленные путем долгих поисков комплекты газет имеют громадную ценность: их теперь часто нельзя найти ни за какие деньги. Архив всегда строился как единое целое. Сначала даже не было разделения на отделы. Была создана только вспомогательная для понимания документов и нужных справок библиотека. Но произведения печати потекли такой широкой волной, что пришлось для удобства организовать в Архиве два новых отдела: Книжно-журнальный и Газетный. В процессе работы мы никогда не предполагали, что один отдел может быть отделен от другого. Поступает, скажем, большое собрание. К примеру, возьму собрание Н. В. Чайковского. В нем были переплетенные комплекты всех Архангельских газет, выходивших при белых правительствах, и книги. Газеты, представляющие уникальное собрание, какого нет нигде, переданы в Газетный отдел, а книги, за редкими исключениями, в библиотеку. Таких примеров много. В библиотеке, напр[имер], имеется собрание литографированных журналов, издававшихся в лагерях в 1914–18 гг. Где их теперь можно найти? В одном отчете о библиотеке, помню, было так и сказано, что библиотека является *естественной и составной* частью Архива. Таким же был всегда, и, может быть, еще больше, Газетный отдел. Поэтому вырвать из научного учреждения, существующего уже 22 года и достаточно всюду известного, особенно среди ученых Соединенных Штатов, это значит его в значительной степени разрушить и тем обесценить щедрый дар. Для Праги газеты и книги едва ли нужны при наличии Славянской

библиотеки. Можно, конечно, говорить об оставлении в Праге дубликатов и, может быть, советских изданий, которые имеются в Москве, но это уже деталь. Самое важное и основное — сохранить нераздробленным научный институт, с такими усилиями созданный при больших материальных затратах со стороны Министерства иностр[анных] дел ЧСР. В настоящее время при дружественных отношениях между Чехословакией и Советским Союзом нетрудно договориться и исправить ошибку, если она допущена. Возможно и другое. Проф. Неедлы дали не совсем полные сведения, и мои опасения совершенно напрасны. Это было бы самым лучшим.

Дополнение к моей записке о Русском историческом архиве в Праге

В дополнении к записке о РИАрхиве в Праге я хотел бы поделиться своими мыслями, как мне представлялось бы ближайшее будущее Архива. Никто об этом меня не спрашивает, но я чувствую, что собирательная работа Архива еще не закончена и что его следует пополнить. Поэтому решаюсь предложить своего рода план. Не хочу только быть плохо понятым. Эти мысли отнюдь не имеют отношения к моей личной судьбе. Я после смерти жены стал одиноким, и на старости лет какое-нибудь пчеловодное хозяйство сможет мне, как бывшему когда-то пчеловодом, предоставить место деда-пасечника. Если я высказываю свои мысли, то только в интересах того дела, в котором я работал половину своей сознательной жизни, и в интересах Академии Наук СССР.

РИАрхив (надеюсь, что он все же в целом виде будет передан Академии Наук) на некоторое время следует оставить в Праге как научный институт Академии Наук СССР (подобные институты за границей Академия, кажется, уже имела). За это время прежде всего нужно привести Архив в порядок, т. е. проверить, разобрать неразобранные части документального и газетного отделов и приготовить к перевозке в Советский Союз. Кроме того, за это время можно продолжить собирательные функции. Большие потрясения народной жизни всегда увеличивают приток документов в архивы, подобные Пражскому. Люди просто хотят избавиться от старых бумаг — одни их уничтожают, а более сознательные передают в архив. Думаю, что Гуверовская библиотека войны не прекратит своей собирательной работы. На руках еще много самых неожиданных и порой ценных документов.

Один пример. В 1936 г. ко мне частным письмом обратился какой-то французский чиновник из судебного трибунала г. Ниццы. Он предлагал коллекцию писем Александра II и морганатической супруги царя кн[ягини] Юрьевской. В коллекции было 3500 писем царя и 1500 ответных писем княгини. Все были оригиналами и касались самых разнообраз-

ных сторон государственной жизни, так как кн[ягиня] Юрьевская входила во все стороны управления обширной империей. Видимо, в трибунале шло дело об утверждении в правах наследства (кн[ягиня] Юрьевская умерла в Париже только в 1921 г.), и наследники хотели реализовать эту исключительную коллекцию. Просили не так дорого (100 крон на круг, т. е. примерно 3 доллара), но суммы в 15 000 долл. Архив не имел. Пришлось отказаться от приобретения. Где теперь эта коллекция, я не знаю. Таких примеров можно привести несколько.

Я слышал, что некоторые представители Архива за время войны собирали большое количество документов, которые могут переслать в Архив, как только наладятся почтовые сношения. Весь вопрос только в деньгах и небольшом рабочем аппарате. Фирма Академии Наук даст возможность эту работу поставить еще шире, чем она была под флагом Мин[истерст]ва индел ЧСР. Конечно, аппарат также должна создать Академия.

Возможно, при Архиве параллельно открыть новый отдел — славянских документов, где собирать документы, относящиеся к новым связям славянских народов периода освободительной войны. Здесь ведь также будут и воспоминания, и дневники, и документы на всех славянских языках. Будет много также печатного материала — прокламаций, плакатов и т. п. Подробнее эту мысль не развиваю. Она будет осуществляться в отдельных странах, но здесь можно создать учреждение объединяющее.

Кроме того, при Архиве можно создать обменный фонд книг и газет, который одновременно может служить целям Академии и Архива. Мне представляется, что в библиотеках Академии Наук за время войны образовались большие пробелы научной литературы, которые таким путем легко пополнить. В то же время в Зап[адную] Европу через обменный фонд легко можно будет продвигать научные издания самой Академии и научных институтов Союза.

Труднее дело с помещением, но и этот вопрос при доброй воле правительства ЧСР легко решить. То помещение, в котором в данное время находится РИАрхив вместе с частью Архива Мин[истерства] внутр[енних] дел (Loretanske ul, с. 6, Praha IV), достаточно обширно и пригодно для такого научного института. Стоит только вывести из него части Архива М[инистерст]ва. Оно недавно внутри отремонтировано и находится в тихой, но в то же время центральной части Праги. Может быть предоставлен старый Тосканский дворец, в котором РИАрхив был уже дважды. Он также вполне пригоден для этого, а перевозка РИАрхива ввиду близости легко может быть осуществлена. За помещением дело не станет в Праге.

Мне думается, что Прага для такого учреждения наиболее подходящее место. Со временем РИАрхив передвинется в Союз, уступая освободившееся место Славянскому отделу. Молодым советским ученым не так трудно приехать в Прагу для работы, но сюда же будут ездить ученые и

из других славянских и неславянских стран. Те же документы, которые нужны будут в Москве, не трудно будет переслать.

Из Славянского отдела может вырасти солидное учреждение, которое сможет послужить взаимному пониманию и объединению славянства.

А. Изюмов

ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–15 об. Подлинник.

Опубл.: РЗИА. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции (1918–1945) / сост. С. П. Постников. Т. 2. Нью-Йорк: Norman Ross Publishing inc., 1993.

№ 2

Акт о передаче Правительством Чехословацкой Республики в дар Академии наук СССР Русского заграничного исторического архива

Прага

6 декабря 1945 г.

На основании постановления Президиума Правительства Чехословацкой Республики от 2 июня 1945 года Правительством Чехословацкой Республики настоящим передается Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик Русский заграничный исторический архив, как дар по случаю 220-летия Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик. Чехословацкое Правительство надеется, что этот архив послужит на пользу научной работе Академии и послужит дальнейшему укреплению научных связей между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой.

*Премьер-министр Чехословацкой Республики
З. Ферлингер*

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 2. Д. 1354а. Л. 1. Подлинник.

В. П. Наумов

**Центральный государственный архив Октябрьской
революции (1920–1992 гг.)**

Архив Октябрьской революции (АОР) был образован как 4-е отделение Государственного архива РСФСР, созданного 17 сентября 1920 г. АОР должен был собирать и хранить документы, образовавшиеся по-

сле 1 марта 1917 г. С 1921 г. в архив стали поступать документы сессий ВЦИК, Совнаркома РСФСР, наркоматов и других важнейших органов новой власти. К 1922 г. начал истекать пятилетний срок ведомственного хранения документов советских учреждений, предусмотренный декретом ВЦИК от 26 июня 1919 г., что вызвало необходимость передачи их в государственное хранилище. 30 октября 1922 г. коллегия Главархива РСФСР постановила «в связи с 5-летием Октябрьской революции разработать Положение об АОР для предоставления его в Президиум ВЦИК»¹. 7 декабря того же года было принято решение комиссии Оргбюро ЦК ВКП(б) о создании самостоятельного Архива Октябрьской революции, непосредственно подчиненного Центрархиву РСФСР. 21 декабря Оргбюро согласилось с этим решением и постановило вынести на утверждение ВЦИК проекты постановления об Архиве Октябрьской революции и Положения об этом архиве. 13 февраля 1923 г. заведующий Центрархивом РСФСР М. Н. Покровский внес проекты в Президиум ВЦИК².

Проект Положения об АОР предусматривал, что в архив должны были передаваться документы всех советских государственных учреждений, общественных объединений и организаций, архивы контрреволюционных правительств, политических партий, учреждений Временного правительства. Отдельным пунктом оговаривалось, что в соответствии с декретом от 31 марта 1919 г. «О хранении и уничтожении архивных дел» в АОР передаются все оконченные дела советских учреждений, профессиональных и кооперативных организаций после пяти лет ведомственного хранения, причем незамедлительной передаче подлежали все дела действующих учреждений за 1917–1918 гг.³ Таким образом, в число источников комплектования архива должны были войти как российские, так и союзные учреждения и организации.

Проект Положения об АОР рассматривался на заседании Совнаркома РСФСР 2 мая 1923 г., но не был утвержден из-за отсутствия в документе пункта о распространении полномочий АОР на архивы военных учреждений⁴. 12 января 1924 г. проект Положения обсуждался на заседании Комиссии законодательных предположений при Совнаркоме СССР. В соответствии с заключением члена комиссии Г. И. Бройдо решено было доработать документ, разграничив вопросы о создании АОР СССР, АОР РСФСР и других союзных республик⁵.

¹ ГА РФ. Ф. Р- 5325. Оп. 1. Д. 114. Л. 47.

² Там же. Д. 11. Л. 186–188.

³ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 7а. Д. 3а. Л. 231.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 484. Л. 27.

⁵ Там же. Л. 127.

Тем временем АОР продолжал активно собирать документы советских учреждений, а также материалы Временного правительства, контрреволюционных правительств и организаций, политической эмиграции. Если на 1 января 1922 г. в архиве находилось 30 фондов общим объемом 17377 ед. хр., то на 1 января 1925 г. в нем имелось уже 153 фонда объемом 405 161 единица хранения¹.

Государственный архив РСФСР, в состав которого АОР входил как 4-е отделение, был расформирован в феврале 1925 г., после того как коллегия Центрархива РСФСР утвердила новое Положение об организации Единого государственного архивного фонда РСФСР (ЕГАФ). В соответствии с Положением все материалы ЕГАФ делились на дореволюционные (исторические архивы) и постреволюционные (архивы Октябрьской революции). Датой размежевания были определены февраль–март 1917 г. Кроме того, архивные материалы подразделялись на документы центрального и местного происхождения². АОР стал фактически центральным архивом Октябрьской революции.

В 1925 г. из АОР выделился Архив Красной армии. В том же году к АОР присоединен Новоромановский архив, образовавший отдел падения старого режима (впоследствии — особый отдел АОР)³. В 1926 г. на базе иллюстративного отдела АОР был создан Центральный кинофотоархив.

При своем возникновении АОР занял часть помещений бывшего Главного архива МИД на Воздвиженке, а с 1925 г. — все это здание. Его площадь составляла 1 848 квадратных метров, а протяженность полок — 6 500 метров. В 1923 г. архиву было предоставлено здание собора Зачатьевского монастыря, оборудованное стеллажами в два-три этажа, общей площадью 692 квадратных метра и с протяженностью полок в 5 239 метров. В 1926 г. АОР получил еще два этажа в здании Архива революции и внешней политики по адресу Серпуховская улица, дом 15. Эти помещения имели площадь 942 метра и протяженность полок 1 934 квадратных метра⁴. Филиал архива на Воздвиженке стал именоваться АОР-1, на Серпуховке — АОР-2, в Зачатьевском монастыре — АОР-3.

В середине 1920-х гг. архив имел следующую структуру: 1) Секция политики и права в составе отдела падения старого режима, дооктябрьского отдела, отдела высших и центральных учреждений, отдела политических партий, отдела материалов контрреволюционных учреждений и организаций и отдела личных архивов деятелей Февральской и Октябрьской революций; 2) Секция народного хозяйства в составе отдела наркоматов,

¹ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 367. Л. 12.

² Сборник руководящих материалов по архивному делу. М., 1961. С. 109.

³ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 3194. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 13.

отдела кооперации и отдела банков; Секция культуры и быта в составе отдела наркоматов, отдела центральных научных учреждений, отдела научных и культурно-просветительных общественных организаций и отдела личных фондов деятелей науки и искусства¹.

На 1 октября 1926 г. в АОР хранились 370 фондов, свыше 730 тыс. дел и почти 8,5 тыс. кг документов в россыпи². В отчете архива за этот год отмечалось наличие «160 тыс. папок совершенно разрозненных бумаг отдельных наркоматов и до 500 тыс. папок, сданных по весьма неясным, часто совершенно не соответствующим содержанию описям»³. К 1 октября 1927 г. количество взятых на учет фондов возросло до 3 002, т. е. увеличилось почти в десять раз. Это объясняется не активизацией комплектования архива, а проведением большой работы по пересистематизации и переучету объединенных фондов, в результате которой многие фонды учреждений и организаций получили самостоятельные номера⁴.

В АОР направлялись документы как из ведомств, так и из центральных и местных государственных архивов в процессе уточнения их профиля и деления фондов на центральные и местные. Поступали также документы от Истпарта и его местных отделений. Кроме того, в 1920-е гг. центральные и местные органы ОГПУ систематически передавали в АОР документы, оказавшиеся у них в связи с оперативной необходимостью. В основном это были материалы белогвардейских правительств, иногда личные документы⁵.

Кроме архивных документов, с первых дней своего существования АОР активно комплектовался печатными изданиями, включая эмигрантские. Принимались печатные издания от Истпарта и от библиотек по обмену. От местных архивов и различных учреждений поступали ведомственные издания. В результате за долгие годы в архиве была собрана большая и очень ценная библиотека, во многом связанная с составом его документов.

В 1928 г. в АОР хранился 3001 фонд⁶, в том числе ВЦИК, СНК РСФСР, Петроградского, Московского и местных революционных комитетов, российских наркоматов внутренних дел, продовольствия, земледелия, национальностей, здравоохранения, просвещения, Верховного суда РСФСР,

¹ Там же. Л. 11.

² ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 367. Л. 12.

³ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 212. Л. 107–109.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 367. Л. 12–13.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 129. Л. 23, 24, 28, 31–35, 71; Д. 212. Л. 68; Д. 217. Л. 13, 70; Д. 356. Л. 60; Д. 284. Л. 95, 143, 145, 181, 182; Ф. Р-5142. Оп. 5. Д. 24. Л. 230, 242, 308; Д. 25. Л. 36; Д. 52. Л. 26–28; Д. 67. Л. 21; Д. 78. Л. 5, 146–18.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 367. Л. 13.

фонды Центросоюза, трестов, синдикатов, банков, акционерных обществ, редакций, издательств. Кроме того, в архиве был сконцентрирован большой комплекс документов учреждений Временного правительства и контрреволюционных правительств, действовавших на территории России в годы Гражданской войны.

С конца 1920-х гг. начался длительный процесс уточнения профильности государственных архивов, и из АОР пришлось систематически передавать не относящиеся к его профилю документы в центральные, республиканские и местные архивы. Так, в декабре 1929 г., когда в архиве был упразднен «отдел падения старого режима», 196 фондов, включающих документы царской семьи, политических и государственных деятелей дореволюционного периода, либеральных политических организаций и союзов, были переданы вновь созданному особому отделу Центрального исторического архива¹.

Пришлось передать из АОР и партийные документы, которыми он комплектовался с первых дней своего существования. К середине 1920-х гг. в архиве хранились материалы X съезда РКП(б), конференций Петроградской и Московской организаций, часть документов общего секретариата ЦК РКП(б), общего и организационного отделов ЦК РКП(б), материалы немецкой секции ЦК РКП(б), Бунда и других политических партий². 24 декабря 1925 г. коллегия Центрархива приняла решение изъять из всех архивов советских учреждений материалы, касающиеся деятельности РКП(б). В декабре 1929 г. после очередного решения коллегии о передаче в Институт В. И. Ленина партийных материалов отдел документов по истории ВКП(б) в АОР был упразднен³. В дальнейшем проблема передачи партийных документов из АОР возникала еще не раз. Со временем архив должен был выявлять и передавать партийные документы из фондов архива, причем передаче подлежали как дела целиком, так и отдельные документы, вместо которых в дела вкладывались и вшивались фотокопии.

В мае 1924 г. постановлением XIII съезда РКП(б) Центрархиву было предписано в кратчайший срок передать в Институт В. И. Ленина все хранящиеся в государственных архивах документы, относящиеся к его жизни и деятельности. Из фондов АОР изымались и передавались в Центральный партийный архив отдельные документы с резолюциями, подписями и пометками В. И. Ленина, материалы, освещающие события его жизни и деятельности, а также документы о Н. К. Крупской и семье Ульяновых. Взамен изъятых документов вкладывались копии, однако с 1970-х гг. это

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1773. Л. 59; Д. 1842. Л. 61; Ф. Р-5142. Оп. 5. Д. 69. Л. 1–14.

² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 65. Л. 48–50.

³ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 5. Д. 82. Л. 1–5, 14, 25, 30–35.

правило зачастую не соблюдалось. Работа по выявлению и передаче ленинских документов продолжалась около 60 лет, активизируясь в связи с юбилейными датами.

В середине 1920-х гг. в связи с ростом количества поступающих в архив документов возник вопрос об их дальнейшем размещении. В это время фонды Архива Октябрьской революции были распылены по хранилищам в трех местах: АОР-1 в составе двух помещений по адресу: Старо-Ваганьковский переулок, дом 8 — хранил главным образом документы Секции политики и права (в нее входили фонды высших и центральных советских органов государственной власти и управления, Временного правительства, белогвардейских учреждений). АОР-2 (Большая Серпуховская улица, дом 15) и АОР-3 (бывший собор Зачатьевского монастыря) хранили фонды секций народного хозяйства и культуры и быта. Монастырские помещения были совершенно не приспособлены для хранения и использования архивных документов по причине отсутствия освещения, отопления, канализации и других необходимых условий нормальной работы сотрудников, поэтому здесь хранились главным образом малозначимые народнохозяйственные фонды 3-й категории, документы из которых в значительной своей части выделялись в макулатуру в процессе экспертизы их ценности¹. В 1928 г. книгохранилище АОР из-за недостатка мест для хранения фондов вынуждено было перевести все зарубежные печатные издания и газетные материалы в помещение на Пятницкой улице².

В 1926 г. специально созданная комиссия пришла к выводу о необходимости строительства нового здания для архива. Положение усугублялось еще и тем, что в связи с расчисткой площади для строительства библиотеки им. В. И. Ленина АОР-1 в феврале 1931 г. был срочно перемещен в совершенно не приспособленное для хранения документов здание ГУМа на Красной площади и испытывал большие затруднения с размещением и охраной своих документов. В 1932 г. начал готовиться к переезду и АОР-3, поскольку собор бывшего Зачатьевского монастыря был отведен под гараж правительства³. Секретариат ЦИК СССР принял решение в 1930–1931 гг. приступить к строительству зданий для архивов Октябрьской революции и Красной армии. Понадобилась большая настойчивость со стороны руководства архивной службы для реализации этого решения⁴. В результате в 1934 г. была введена в строй первая очередь здания.

С конца 1920-х гг. архив начал проводить большую работу по тематическому выявлению документов в связи с заданиями партии и правитель-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1017. Л. 52; Д. 1557. Л. 150–150 об.

² Там же. Л. 144.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1777. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 764. Л. 5; Д. 766. Л. 11; Д. 933. Л. 1–20, 42, 43, 55.

ства и на основании договоров с научными учреждениями и издательствами. В 1929–1930 гг. совместно с Институтом советского строительства при Коммунистической академии было произведено обследование важнейших советских фондов и выявлено свыше 16 тысяч документов по организации и деятельности центрального и местного аппарата управления за 1917–1921 гг. Выявленный материал был систематизирован в виде картотеки с предметными и тематическими разделами («Советы», «Образование национальных республик», «Районирование» и т. д.). Тем самым было положено начало созданию обширного систематического каталога документов по истории советской эпохи.

В 1930 г. по договору с Комиссией по истории пролетариата при Комкадемии было начато выявление документов по истории рабочих организаций и рабочего движения за 1900–1917 гг. На основании 15350 просмотренных дел было составлено 3299 аннотаций на документы. Эта работа не была завершена, но впоследствии собранные материалы были частично использованы при написании истории фабрик и заводов.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. была начата работа по подготовке многотомной «Истории Гражданской войны». С этой целью сотрудники ЦАОР провели тематическое выявление документов в фондах советских правительственных учреждений и белогвардейских организаций. К 1934 г. по этой тематике было составлено 37 тыс. карточек, из которых была образована систематическая картотека. С 1932 г. ЦАОР принимал деятельное участие в работе по подготовке серии сборников по истории фабрик и заводов, в результате которой было составлено 115 тематических обзоров¹.

Активную публикаторскую работу архив проводил с первых лет своего существования. В 1924–1927 гг. при его основном участии было осуществлено семитомное издание «Падение царского режима». К 10-летию Советской власти были подготовлены сборники документов «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов» (1925), «Рабочее движение в 1917 г.» (1926), «Разложение армии в 1917 г.» (1926), «Крестьянское движение в 1917 г.» (1927), «Организация и строительство Советов рабочих депутатов в 1917 г.» (1928) и др. Одновременно архив подготовил и издал три документальных публикации по истории Гражданской войны: «Партизанское движение в Сибири» (1925), «Допрос Колчака» (1925), «Последние дни колчаковщины» (1926). В 1925–1929 гг. увидели свет первые шесть томов монументального издания «Восстание декабристов».

Заметным направлением деятельности архива являлась выставочная работа. В сентябре 1925 г. к 200-летию Академии наук была устроена выставка документов для иностранных ученых, приехавших в Москву из Ле-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 211. Л. 15–17.

нинграда после юбилейных торжеств. Экспонировались письма русских царей, документы о декабристах, важнейшие постановления советской власти, революционные плакаты. В январе 1926 г. была организована выставка партийных и советских документов к XIV съезду ВКП(б); в феврале 1927 г. на выставке к 10-летию Февральской революции экспонировались последние документы царского правительства, революционные листовки, газеты, журналы и др. В октябре того же года открылась грандиозная выставка к 10-летию Октябрьской революции, на которой было представлено свыше 500 документов и большое количество печатных воззваний и фотографий. В последующие годы организовывались выставки к 10-летию разгрома Врангеля (1930), к 15-летию юбилеям Октябрьской революции (1932), Красной армии (1933), Дня Конституции (1933)¹.

ЦАОР с самого начала его деятельности выполнял задания правительственных и партийных органов по выявлению политически актуальных документов: о деятельности партии эсеров после 1917 г. (в связи с процессом правых эсеров), о еврейских погромах на Украине (в связи с убийством С. Петлюры), об имуществе А. В. Колчака, оставленном в Китае, о Китайско-Восточной железной дороге, о пребывании американцев на Чукотском полуострове в 1918 г. Архив также оказывал помощь научным учреждениям: для Академии наук Белорусской ССР были подобраны материалы о немецко-польской оккупации Белоруссии в 1918–1920 гг., для Института красной профессуры составлены обзоры документов о национальной политике Временного правительства, о кулацких восстаниях и бандитизме на Дону. Документы архива активно использовались через читальный зал: в 1925 г. для 123 исследователей было выдано 2 034 дела; в 1930 г. эти цифры составили 220 и 8 747, в 1933 г. — 258 и 5 205, в 1936 — 219 и 13 934².

В 1935 г. было принято новое Положение о Центральном архиве Октябрьской революции, окончательно определившее профиль архива как хранилища документальных материалов высших органов государственной власти и управления и центральных органов государственного управления советского периода. Приему в архив подлежали документы как учреждений союзного уровня, так и учреждений РСФСР, таких, как ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК РСФСР, их комитетов и комиссий, наркоматов СССР и РСФСР и подчиненных им учреждений, Прокуратуры и Верховного суда СССР и РСФСР, а также фонды других учреждений, имеющих общегосударственное значение. Кроме того, в архиве продолжали храниться фонды Временного правительства и контррево-

¹ Там же. Д. 367. Л. 29–31.

² Там же. Л. 35, 38.

люционных правительств периода Гражданской войны и иностранной военной интервенции.

В соответствии с Положением от 1935 г. ЦАОР СССР был признан самостоятельным научно-исследовательским учреждением и получил следующую структуру: отдел фондов центральных правительственных органов СССР и РСФСР, отдел культуры и быта, отдел народного хозяйства, отдел дооктябрьских фондов, отдел фондов контрреволюционных белых организаций, отдел секретных материалов, научно-исследовательский отдел, книгохранилище, отдел газет, плакатов и листовок¹. 15 октября 1936 г. в ЦАОР был создан отдел научных публикаций.

Положение 1935 г. предусматривало создание Научного совета ЦАОР, но он был образован только в апреле 1938 г. 25 ноября того же года состоялось заседание, посвященное обсуждению плана научно-публикаторской деятельности ЦАОР на 1939 г.² Других заседаний Научного совета в довоенный период не было.

В 1938 г. произошла новая реорганизация управления архивным делом: сеть государственных архивов была передана Народному комиссариату внутренних дел СССР, а Центральное архивное управление было преобразовано в Главное архивное управление (ГАУ) НКВД СССР. В ходе этой реорганизации ЦАОР был переименован в Центральный государственный архив Октябрьской революции. На тот момент в архиве хранилось 3475 фондов общей численностью 1 407 000 ед. хр. К началу 1940-х гг. архивом были собраны материалы ведущих наркоматов и ведомств за 1917–1925 гг. Основную их массу составляли документы российских учреждений, так как большая часть документов союзных учреждений находилась на ведомственном хранении.

Изменения, произошедшие в системе архивных органов и архивных учреждений, были закреплены Положением о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР, утвержденным постановлением СНК СССР от 29 марта 1941 г. ЦГАОР был переименован в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОРСС). 14 мая того же года НКВД СССР утвердил Положение о ЦГАОРСС, закрепившее некоторые изменения в структуре архива. Отдел фондов центральных правительственных органов СССР и РСФСР был разделен на два отдела: отдел фондов высших органов государственной власти и отдел советского строительства, суда и прокуратуры. Были образованы три новых отдела: отдел профессиональных союзов, учетно-справочный отдел и отдел научно-справочной литературы. Отдел дооктябрьских фондов вошел

¹ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–20.

² Там же. Д. 271. Л. 18.

в состав отдела фондов высших органов государственной власти, отдел фондов контрреволюционных белых организаций стал частью отдела секретных фондов, отдел газет, плакатов и листовок был присоединен к отделу научно-справочной литературы¹.

В годы войны основными задачами архива стала эвакуация части его документов, их размещение и охрана. Документы архива были вывезены в г. Молотов (Пермь) (600 тыс. дел), г. Чкалов (Оренбург) (720 тыс. дел), и г. Барнаул (132 тыс. дел). Часть дел, размещенных в Молотове, первоначально была эвакуирована в Саратов, где находилась до 1942 г. В условиях эвакуации архив продолжал комплектоваться, использовать и даже обрабатывать свои фонды. К 1 декабря 1944 г. в Москву были возвращены все эвакуированные материалы (44 вагона, 3 172 фонда, 1 540 939 ед. хр.)².

За годы войны ЦГАОРСС принял на государственное хранение свыше 350 тыс. дел, в частности секретариата Президиума ВЦИК, Верховного совета РСФСР, СНК СССР, учреждений ликвидированной Республики немцев Поволжья. В связи с упразднением Центрального государственного архива профсоюзов и организации труда в ЦГАОРСС был принят частично неупорядоченный комплекс профсоюзных материалов³. Кроме того, архив стал заниматься сбором документов по истории Великой Отечественной войны. Созданный 6 мая 1942 г. отдел Отечественной войны ЦГАОРСС собрал десятки тысяч документов о партизанском движении, зверствах, актах вандализма и мародерства, совершенных немецкими оккупантами, множество фотографий, фашистских листовок и так далее.⁴

Важнейшим направлением использования документов архива в военные и послевоенные годы являлось исполнение оперативных запросов НКГБ СССР, НКВД СССР и СМЕРШ. Только в 1944 г. было исполнено 1 318 запросов, из них с положительным результатом 616, с отрицательным — 539. На основании приказа НКГБ и НКВД от 2 октября 1944 г. просматривались фонды белогвардейских учреждений, в результате чего было составлено 9 204 карточки «на враждебный Советскому государству личный состав». Осуществлялось использование документов в народно-хозяйственных и военных целях: в 1944–1945 гг. было исполнено 53 тематических запроса, в том числе о железных и шоссейных дорогах Западной Украины, Белоруссии и Польши, о порядке обмена военнопленными в Первую мировую войну, о состоянии водного хозяйства Узбекистана, о развитии производительных сил Урала и другие.

¹ Там же. Д. 300. Л. 17–18; Д. 467. Л. 8.

² Там же. Оп. 5. Д. 205. Л. 1–21; Д. 207. Л. 7, 7 об.

³ Там же. Д. 220.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 336. Л. 3; Оп. 5. Д. 207. Л. 7, 7 об.

В первые месяцы 1944 г. была восстановлена работа читального зала, прерванная с началом войны. В течение этого года в зале занимались 62 научных работника, для которых было выдано 2 386 дел¹. В последующие годы число работающих в зале исследователей постоянно увеличивалось.

В январе 1946 г. в состав ЦГАОРСС были включены материалы Русского заграничного исторического архива (РЗИА), основанного в 1923 г. в Праге русскими эмигрантами. Документы РЗИА постановлением правительства Чехословакии от 13 июня 1945 г. были переданы в дар Академии наук СССР. В январе 1946 г. Президиум Академии наук СССР принял решение о передаче их в ЦГАОРСС «ввиду ценности материала». Руководство НКВД СССР сразу же распорядилось ограничить доступ к материалам РЗИА. До 1988 г. эти документы находились на секретном хранении и были доступны только для очень ограниченного круга исследователей².

23 июля 1943 г. был воссоздан Научный совет ЦГАОРСС, в состав которого вошли Н. Р. Прокопенко (председатель), А. М. Панкратова, Э. Б. Генкина, А. Г. Липкина, А. А. Покровский, Т. В. Шепелева, К. И. Булычева и Е. А. Луцкий. В 1944–1947 гг. на заседаниях Научного совета рассматривались вопросы о ходе работы над путеводителем по фондам архива, об обработке и подготовке к использованию фондов РЗИА, о публикаторской деятельности архива, о принципах отбора не подлежащих хранению документов, об основных проблемах изучения истории советского общества (доклад доктора исторических наук Э. Б. Генкиной) и др. В 1944–1947 гг. заседания Научного совета проводились 1–2 раза в год, с 1948 г. — 3 раза в год³.

В послевоенные годы продолжалось массовое комплектование архива документами советских учреждений и центральных органов общественных организаций как союзного, так и республиканского (РСФСР) значения. В 1943 г. была определена дальнейшая перспектива комплектования архива и обозначен круг учреждений и организаций, которые должны были стать его фондообразователями. В августе 1943 г. был утвержден первый пятилетний план комплектования архива на 1946–1950 гг. За этот период предполагалось принять около 3 млн ед. хр. за 1929–1939 гг. от 75 центральных учреждений и организаций общесоюзного и республиканского значения, что превышало количество хранящихся в архиве дел (2 223 014 ед. хр.). Из подлежащих приему дел только четвертая часть

¹ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 353. Л. 9, 10, 12.

² Там же. Оп. 5. Д. 219; Павлова Т. Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 19–30.

³ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 335. Л. 134–217.

была упорядочена и подготовлена к сдаче¹. В последующие годы архив помогал ведомственным архивам в подготовке документов к передаче на государственное хранение.

На основании распоряжения Совета министров СССР от 9 июня 1951 г. в ЦГАОРСС были переданы документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). В 1953–1958 гг. в архив поступили материалы Международного военного трибунала для главных немецких преступников (Нюрнбергский процесс) и Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токийский процесс). В ноябре 1954 г. в ЦГАОРСС из Посольства СССР в Германской Демократической Республике поступила основная часть документов Советской военной администрации в Германии.

В 1946 г. увидела свет первая часть путеводителя по фондам ЦГАОРСС, выпущенная тиражом в 3000 экземпляров. Вторая часть этого издания вышла в 1952 г. под грифом «секретно»; она включала в себя описания фондов белогвардейских правительств, действовавших на территории России в годы Гражданской войны.

С начала 1950-х гг. значительно активизировалась публикаторская деятельность архива, расширилась тематика публикаций. Наряду с тематическими сборниками начали издаваться серии документальных публикаций: «Великая Октябрьская социалистическая революция», «История электрификации Советской страны», «История коллективизации сельского хозяйства СССР», «Трудовой героизм рабочего класса в борьбе за построение социализма в СССР», «Народное образование в СССР», «Из истории международной пролетарской солидарности», «Великая Отечественная война Советского Союза» и др. В 1950–1963 гг. вышла фундаментальная четырехтомная публикация «Рабочее движение в России в XIX веке», с конца 1950-х гг. началась работа над серией сборников «Крестьянское движение в России». Возобновилось прерванное в 1929 г. издание «Восстание декабристов»: в 1950–1954 гг. увидели свет тома 9–11, а в 1958 г. вышел пропущенный ранее 7-й том («Русская Правда» П. И. Пестеля, подготовленная к печати сотрудником ЦГАОРСС А. А. Покровским).

В 1950-е гг. продолжался прием документов высших органов государственной власти и государственного управления СССР и РСФСР, центральных органов государственного управления СССР и РСФСР. При этом архивы министерств сдавали документы как центрального аппара-

¹ Там же. Оп. 5. Д. 218.

та, так и главных управлений и трестов. Продолжали поступать документы от ВЦСПС и других общественных организаций. В некоторые годы объемы приема были очень велики. Например, в 1955 г. было принято около полумиллиона дел, причем это было в два раза меньше запланированного, но из-за неупорядоченности документов в ряде ведомственных архивов в полном объеме прием не был осуществлен¹.

Архив продолжал работу по уточнению своего профиля и передавал непрофильные документы в объеме 10–15 тыс. ед. хр. в год. Например, Саратовскому областному архиву были переданы фонды учреждений Республики немцев Поволжья, в архив МИД поступили фонды германских посольств и консульств в г. Москве. В феврале 1959 г. в ГАУ МВД СССР состоялось совещание, на котором была признана целесообразной передача ряда фондов и документов из архива РЗИА. В 1960–1970-е гг. документы РЗИА передавались в некоторые центральные государственные архивы, в архивы Украины и Белоруссии, а также в архив МИД и Центральный партийный архив. В Донской казачий музей (г. Новочеркасск) были переданы 1 040 экспонатов по истории Войска Донского, оказавшихся в составе материалов РЗИА². Продолжалась передача Центральному партийному архиву некоторых фондов, отдельных дел и документов, относящихся к деятельности партии и ее руководителей. За 1949–1951 гг. в него были переданы фонды Коммунистического университета трудящихся Востока (11 тыс. ед. хр.), Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (2,5 тыс. ед. хр.), документы фракций ВКП(б) съездов Советов, выделенные из фонда ВЦИК. Непрофильные фонды передавались главным образом в Центральный государственный архив Советской армии, Центральный государственный архив литературы и искусства, Центральный государственный исторический архив в г. Москве. В 1953 г. 66 фондов местных органов власти были переданы в архивы Дальнего Востока.

В соответствии с законом «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством СССР» от 10 мая 1957 г. были ликвидированы 24 союзных министерства и ведомства. Во исполнение постановления Совета министров СССР от 5 июня 1957 г. 3 млн дел этих организаций, в значительной части в неупорядоченном виде, поступили на хранение в ЦГАОРСС. В числе поступивших дел имелось около 600 тыс. дел временного хранения³.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 5. Д. 438. Л. 7–9; Д. 463.

² Там же. Д. 219. Л. 8, 9.

³ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 3. Д. 489. Л. 20; Оп. 3. Ч. II. Д. 1011, 1012; Ф. Р-5142. Оп. 5. Д. 492. Л. 19, 20.

В утвержденном в феврале 1958 г. Положении о ЦГАОРСС указывалось, что в архиве хранятся 5 498 фондов, включающих 5851958 ед. хр. за 1917–1956 гг.¹ Таким образом, за 10 лет объем материалов архива увеличился более чем в 2,5 раза.

Документы активно использовались в научных и практических целях, в том числе через читальный зал. Например, в 1958 г. в нем работало 1 367 исследователей, и, кроме того, 836 научных сотрудников занималось в архивохранилищах упраздненных министерств. С середины 1950-х гг. в связи с изменением политической обстановки в стране в архив перестают поступать запросы оперативных органов, но в то же время общее количество запросов от учреждений, организаций и граждан заметно возрастает. В 1958 г. ЦГАОРСС исполнил 620 тематических и 31 154 биографических запроса, в 1959 г. — свыше 700 тематических и 26 181 биографический запрос (с этого года они начинают именоваться социально-правовыми). С конца 1950-х гг. важным направлением использования документов становится инициативное информирование заинтересованных учреждений и организаций. В 1958 г. было составлено 58 информаций и перечней документов, в 1959 г. — 100, в 1960 г. — 150. В них были отражены архивные документы по истории союзных и автономных республик, по вопросам развития экономики, науки и культуры в различных регионах. Составлялись также перечни документов по истории фабрик и заводов, о жизни и деятельности А. М. Горького и В. В. Куйбышева (в связи с предстоящими юбилейными датами), об участии моряков в Гражданской войне и другие².

В 1960 г., после ликвидации МВД СССР и передачи Главного архивного управления в непосредственное подчинение Совету министров СССР, в ЦГАОРСС поступили документы упраздненного НКВД–МВД СССР и подведомственных ему организаций за 1934–1960 гг. включительно. Материалы союзного ведомства внутренних дел поступили на государственное хранение впервые.

В 1960-е гг. развиваются связи с архивными учреждениями зарубежных стран. Начинается активный процесс пополнения архива копиями документов, выявленных архивистами и историками в зарубежных командировках. Из этих поступлений создана коллекция микрофотокопий (1,3 млн кадров) документов по истории России и СССР, хранящихся в зарубежных архивах. В коллекцию вошли поступления из 26 стран.

В 1961 г. в рамках создания новой сети центральных государственных архивов СССР рассматривалось несколько вариантов реорганизации ЦГАОРСС. Каждый из них предполагал разделение архива по двум

¹ Там же. Д. 515.

² Там же. Оп. 1. Д. 619. Л. 7; Д. 634. Л. 9; Д. 645. Л. 11.

причинам: возросший объем документов и их «многоотраслевой, много-темный состав, затрудняющий научно-техническую обработку и использование документов»¹. Решено было выделить из ЦГАОРСС во вновь создаваемый Архив народного хозяйства фонды ВСНХ, ГОЭЛРО, Госплана, Колхозцентра, министерств финансов, связи, морского флота и других ведомств экономического профиля. Причем передаче подлежали не только фонды СССР, но и фонды РСФСР. Очевидно, решающую роль в принятии этого решения сыграли значительное количество неупорядоченных документов архива и увеличившееся после 1957 г. число источников комплектования.

Постановлением Совета министров СССР от 28 июля 1961 г. были утверждены Положение о Главном архивном управлении при Совете министров СССР и сеть центральных государственных архивов СССР, в которую вошли реорганизованный Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) и вновь созданный Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР). Приказом Главархива СССР от 14 декабря 1961 г. упразднились Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР и Центральный государственный исторический архив СССР в г. Москве (ЦИИАМ)². При этом фонды ЦГИАМ были переданы в ЦГАОР СССР, а ЦГАНХ СССР составил из фондов экономического характера, хранившихся прежде в ЦГАОРСС. На 1 января 1962 г. в ЦГАОР СССР хранилось 4596 фондов и 2772906 дел.

Серьезной проблемой в деятельности ЦГАОР СССР стало разграничение материалов с Центральным государственным архивом РСФСР, созданным постановлением Совета министров РСФСР от 3 августа 1957 г. и имевшим задачи сбора и хранения документов республиканских органов власти и управления, непосредственно подчиненных им учреждений, а также общественных организаций начиная с 1923 г. Вопрос о включении в состав ЦГА РСФСР более ранних документов решался в каждом отдельном случае Главным архивным управлением. При передаче документов в ЦГА РСФСР был принят ряд спорных и порою нелогичных решений. В 1965–1971 гг. ЦГАОР СССР передал в ЦГА РСФСР более 230 тыс. дел российских наркоматов, министерств, ведомств, организаций и учреждений. При этом ряд фондов пришлось делить, передавая в ЦГА РСФСР материалы с 1923 г. Однако фонды таких учреждений, как ВЦИК, НКВД РСФСР, Верховный суд РСФСР, остались полностью в ЦГАОР СССР.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 3. Д. 489. Л. 19–25.

² Там же. Д. 484. Л. 71.

В начале 1960-х гг. наступил переломный момент в методике и практике комплектования: определялись группы учреждений, от которых документы принимались или не принимались на государственное хранение; работа с фондообразователями поручалась госархивам. Экспертно-проверочные комиссии госархивов занимались утверждением описей дел постоянного хранения, а не отборочных списков на их уничтожение; создавались хозрасчетные отделы по подготовке документов для госхранения, сотрудники которых проводили экспертизу и упорядочение документов в соответствии с существующими требованиями; усилилось влияние госархивов на организацию документов в делопроизводстве учреждений.

Около тридцати лет, с 1963 по 1993 г., в архиве действовал хозрасчетный отдел, подготовивший за это время большое количество описей документов постоянного хранения как центрального аппарата, так и подведомственных ему учреждений. Из практики работы архива почти полностью был исключен случайный прием фондов. Комплектование велось в соответствии с утвержденными списками источников комплектования и пятилетними планами комплектования.

В 1960–1970 гг. архив принял на хранение 356 тыс. дел Верховного совета СССР, Совета министров СССР (до 1952 г.), Прокуратуры СССР. Впервые на государственное хранение поступил основной комплекс документов союзных учреждений по руководству высшей школой, профессиональным образованием, печатью, цензурой, радио и телевидением, юстицией, а также Верховного суда СССР и ряда общественных организаций.

В мае 1967 г. ЦГАОР СССР начал передавать в Центральный государственный архив Советской армии документы военных учреждений, соединений и частей Белой армии. В общей сложности в ЦГАСА было передано 867 фондов общей численностью в 29 623 единицы хранения. В 1970 г. в ЦГАОР СССР хранилось 3 100 фондов и 2 845 475 дел.

На 1 января 1970 г. ЦГАОР СССР имел следующую структуру: организационно-методический отдел, отдел комплектования и ведомственных архивов, отдел использования документальных материалов, группа каталогизации, отдел публикации документальных материалов, отдел хранения дореволюционных фондов, отдел хранения советских фондов в составе трех архивохранилищ — архивохранилище фондов высших органов государственной власти, архивохранилище фондов Госконтроля, суда, прокуратуры и внутренних дел, архивохранилище фондов учреждений высшего образования, просвещения, информации и здравоохранения; отдел фондов профессиональных союзов и общественных организаций, отдел хранения секретных фондов, архивохранилище микрофотокопий документальных материалов, архивохранилище печатных изданий, отдел по обработке и использованию документаль-

ных материалов (за счет спецсредств)¹. В сентябре 1970 г. был образован отдел учета и научно-справочного аппарата². 24 декабря 1974 г. создан отдел личных фондов (с 1979 г. — архивохранилище личных фондов советского периода). В 1976–1979 гг. сотрудники этого подразделения осуществили обработку 32 личных фондов участников Октябрьской революции и социалистического строительства с общим объемом более 5 тыс. дел³.

В 1971–1990 гг. в соответствии со списком источников комплектования, включавшим в 1990 г. 237 учреждений, продолжалось планомерное комплектование архива. В числе принятых за это время фондов поступили документы ликвидированных учреждений — Юридической комиссии при Совете министров СССР, Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами, Комиссии по делам ЮНЕСКО, Организационного комитета «Олимпиада-80».

Длительное время в списке источников комплектования ЦГАОР СССР числился Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР, исключенный из списка после того, как получил право постоянного хранения документов в соответствии с приложением к Положению о Государственном архивном фонде СССР, утвержденному постановлением Совета министров СССР от 4 апреля 1980 г. В том же году из фондов ЦГАОР СССР были изъяты документы, даже косвенным образом отражающие деятельность КГБ. В общей сложности было изъято 312 дел и документов из фондов СНК РСФСР, НКВД РСФСР, НКВД–МВД СССР, в том числе часть документов Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД–МВД СССР. Тем не менее время от времени КГБ передавал в архив привлекавшиеся им для оперативных целей документы о фашистских концентрационных лагерях, об обращении с военнопленными, о деятельности Главного управления милиции в 1932–1940 гг. В 1984 г. право постоянного хранения документов было предоставлено МВД СССР, в результате чего в ЦГАОР СССР отложились документы этого ведомства только по 1960 г. включительно.

Деятельность архива в области научного описания и использования документов в 1970–1980-е гг. по-прежнему была ориентирована главным образом на разработку проблем истории революционного движения и социалистического строительства. По решению коллегии Главархива СССР от 31 октября 1978 г. была начата работа по созданию автоматизированной информационно-поисковой системы по теме «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и борьба за установление и

¹ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 929. Л. 8–18.

² Там же. Д. 905. Л. 7–8.

³ Там же. Д. 1188. Л. 17.

упрочение Советской власти». В 1985 г. началась работа над «Хроникой рабочего движения в России».

С 1970-х гг. заметно сокращается инициативное информирование (10–20 информационных документов в год, большинство из которых посвящено различным юбилейным датам). Наиболее интересным и значимым достижением в этом направлении стало выявление в 1983 г. 25 документов, отражающих научную деятельность академика Н. И. Вавилова в области генетики¹.

Количество ежегодно исполняемых архивом тематических запросов в 1970–1980-е гг. колебалось от 1 200 до 1 400, социально-правовых — от 1 000 до 2 500. С каждым годом увеличивалось количество посетителей читальных залов. В 1971–1992 гг. архив принял около 26 тыс. отечественных и более 900 иностранных исследователей. Эти цифры сопоставимы с числом исследователей за первые 50 лет деятельности архива (около 27 тыс. отечественных и 425 иностранных)².

В 1978–1979 гг. архив выпустил два справочника о документах своих фондов: «Краткий справочник о фондах ЦГАОР СССР» и «Тематический указатель к коллекциям микрокопий документов зарубежных архивов». Второе дополненное издание указателя вышло в 1991 г. В 1987–1991 гг. было издано четыре выпуска справочника о новых поступлениях в ЦГАОР СССР. В 1991 г. началась работа по подготовке межархивного путеводителя «Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге».

Одновременно продолжалась активная публикаторская деятельность ЦГАОР СССР. В 1970–1980-е гг. сотрудники архива занимались подготовкой сборников документов «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями», «Творческая активность рабочего класса СССР (1917–1925 гг.)», «Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья», «Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны», «Пограничные войска в Великой Отечественной войне», «История советской милиции в документах», «Промышленность и рабочий класс СССР», «История культурного строительства в СССР. 1917–1977», «Кооперативно-колхозное строительство», «История советской радиожурналистики». В 1975–1984 гг. вышло шесть томов серии «Восстание декабристов» (т. 13–18).

В 1987 г. началась работа по рассекречиванию документов архива и снятию ограниченного допуска к ним. В 1988 г. рассекречено 157 291 дело, снято с ограниченного допуска 50 127 дел; в 1989 г. эти цифры составили

¹ Там же. Д. 1288. Л. 46.

² Там же. Д. 901. Л. 32.

соответственно 7322 и 13 678¹. Работа по переводу документов на открытый доступ велась главным образом по фондам белогвардейских и эмигрантских организаций. В общей сложности до конца первого полугодия 1992 г. было рассекречено 211 401 дело, снято с ограниченного доступа 364 822 дела².

Интерес общества к рассекреченным документам способствовал активизации выставочной работы архива. В 1990 г. ЦГАОР СССР подготовил и провел выставки «Из истории национально-государственного строительства» (экспонировалась на IV Съезде народных депутатов СССР), «Последние годы Дома Романовых», «Ожившие архивы», «Эмиграция: История и современность», «Забытые имена», «Б. В. Савинков», «Дети и милосердие». В 1991 г. были проведены выставки «Истоки. Российская эмиграция», «ГУЛАГ», «Серебряный век в автографах», «П. А. Столыпин», «Обыкновенный фашизм», «Дети и война»³.

С 1990 г. в связи с переходом на новые условия хозяйствования архив начал интенсивную работу по оказанию платных услуг на основании договоров с заинтересованными организациями, в том числе с творческим объединением «Стоп-кадр», киностудиями «Мосфильм» и «Ленфильм», Академией экранных искусств и др. В 1991 г. документы ЦГАОР СССР были использованы при создании фильмов «Бремя власти», «Русская тайна», «Претерпевшие до конца», «Александр II», «Самураи в Сибири», а также при подготовке телепередач «Тайны Пражского архива», «История безработицы в СССР в 1923–1939 гг.», «Быт Совнаркома», «I мировая война», «О продаже Аляски»⁴.

В 1989–1991 гг. после многочисленных реорганизаций высших органов власти и управления и сети министерств и ведомств, а в конце 1991 г. — в связи с распадом СССР, была ликвидирована вся система государственных учреждений СССР. Важнейшей задачей архива стал прием документов упраздненных учреждений. Были приняты документы многих учреждений и общественных организаций союзного уровня за весь период их деятельности. На 1 января 1992 г. в ЦГАОР СССР хранилось 2 538 фондов и 3 590 795 дел.

В 1991 г. были внесены изменения в структуру и штаты архива. Создано два сектора: сектор автоматизированных информационных систем и сектор по работе с исследователями, архивохранилища выведены из состава отдела обеспечения сохранности документов, кроме архивохранилища микрофотокопий. Направление учета передано из

¹ ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 1424. Л. 1; Д. 1445. Л. 2.

² Там же. Д. 1514. Л. 25.

³ Там же. Д. 1445. Л. 2; Д. 1485. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 1468. Л. 3; Д. 1485. Л. 4.

отдела научно-справочного аппарата в отдел обеспечения сохранности документов¹.

Штатная численность сотрудников архива после реорганизации 1961 г. существенно не менялась и составляла около 170 штатных единиц. Костяк коллектива составляли высококвалифицированные сотрудники, проработавшие в архиве долгие годы и внесшие значительный вклад в его работу.

Распоряжением правительства Российской Федерации № 809-р от 28 апреля 1992 г. на базе Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) и Центрального государственного архива РСФСР (ЦГА РСФСР) был создан Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Проект Положения об Архиве Октябрьской революции²

2 мая 1923 г.

1. Архив Октябрьской Революции имеет своей целью: 1) собирание, хранение, систематизацию (составление и издание описей, алфавитов, указателей и т. п.) письменных, печатных и вещественных памятников, связанных с историей пролетарской революции в России; 2) выдачу справок по документам и издание последних; 3) содействие советским партийным и профессиональным учреждениям научного характера (как-то: Ис[т]парт, Ис[т]проф, Социалистическая академия и др.) в деле научной разработки материалов по истории пролетарской революции в России; 4) устройство постоянных и временных выставок материалов эпохи революции.

2. Архив Октябрьской революции состоит из: а) актохранилища, содержащего письменный историко-революционный материал за время февральского переворота 1917 г. и Октябрьской революции; б) книгохранилища и в) хранилища вещественных памятников пролетарской революции с отделами: реликвий, иллюстративным и фото-кинематографическим.

¹ Там же. Л. 5.

² К протоколу заседания СНК № 1027, п. 5 от 2 мая 1923 г.

Примечание. Собираение и хранение военных трофеев, состоящих из предметов вооружения, снаряжения и воинского снабжения, в задачу хранилища вещественных памятников при Архиве Октябрьской революции не входит.

3. Фонд Архива Октябрьской революции образуется из материалов политической секции Единого государственного архивного фонда, относящихся непосредственно к эпохе февральского переворота 1917 года и связанных с подготовкой и развитием пролетарской революции.

4. В архив Октябрьской революции передаются: а) архивный материал всех возникших и уже ликвидированных за время революции государственных учреждений, профессиональных, общественных, кооперативных, просветительных и хозяйственных организаций и объединений; б) архивы контрреволюционных правительств, боровшихся с советской властью, — Колчака, Чайковского, Деникина, Скоропадского и др., а также партий — к-д, с-р, меньшевиков, относящиеся к периоду революции, и равно антисоветских партизанских или иных контрреволюционных организаций; в) революционные архивы учреждений досоветского периода, комитетов, общественных организаций, городских и земских самоуправлений, войсковых комитетов и других организаций эпохи временного правительства; г) архивы снимков, негативов и фильмов, принадлежащие как действующим, так и уже упраздненным фото-кино-секциям и другим подобным учреждениям; д) вещественные доказательства процессов, характеризующих революционную эпоху, по вступлении приговора по этим процессам в законную силу; е) печатные и рукописные материалы упраздненных и действующих учреждений цензуры времени революции (военной цензуры, Главлит, отделов печати и т. п.).

5. Архивы действующих ныне учреждений поступают в Архив Октябрьской революции, согласно п. п. 1 и 2 декрета от 26 июня 1919 г. о хранении и уничтожении архивных дел, причем архивы за 1917–[19]18 гг. передаются [в] АОР немедленно.

Примечание 1. Вопрос о сроках сдачи в Архив Октябрьской революции материалов, не утративших значения для текущей деятельности подлежащих учреждений и организаций, разрешается Управлением Центрархива по соглашению с руководящими органами последних, причем до фактической сдачи материалов в архив таковые числятся на учете Центрархива в составе фонда АОР и могут быть используемы последними для выполнения лежащих на нем заданий в месте их хранения.

Примечание 2. Администрация учреждений и зданий, в коих будут обнаружены бесхозяйственные материалы, подлежащие ведению АОР, обязуются немедленно сообщить об этом в Москве — Центрархиву СССР, а в провинции — местным Губбюро Центрархива.

6. Пополнение Архива Октябрьской революции производится:

а) путем передачи Архиву Центральной российской книжной палатой и центральной и областными фото-кино-секциями обязательных экземпляров всех относящихся печатных и иллюстративных материалов; б) в порядке соглашения Управления Центроархива с учреждениями и организациями о безвозмездной передаче ими имеющихся у них материалов для АОР; в) путем добровольных пожертвований, причем условия хранения могут быть установлены по соглашению с жертвователями; г) путем покупки.

Примечание. В смету Управления Центроархива получают ассигнования на расходы, предусмотренные п. «г» настоящей статьи.

7. Повсеместное в пределах СССР выявление архивных материалов, подлежащих включению в фонд Архива Октябрьской революции, лежит на Управлении Центроархива СССР и Архива Октябрьской революции и осуществляется ими через посредство своего центрального и местных аппаратов. Уполномоченные АОР вправе производить для этой цели обследование архивов и текущих делопроизводств действующих учреждений СССР.

8. Архиву Октябрьской революции предоставляются права Истпарта по собиранию материалов, предусмотренных ст. ст. 1, 3, 4 и 5 декрета Совнаркома об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП. Архив Октябрьской революции регулярно осведомляет Истпарт о поступающих в архив фондах. Порядок собирания и использования архивных материалов для Архива Октябрьской революции на месте вырабатывается Управлением Центроархива по соглашению с Истпартом.

9. В Архиве Октябрьской революции организуется секретная часть, в которой хранятся особо секретные документы и иные материалы, признанные таковыми передающими их учреждениями.

10. Заведывание Архивом Октябрьской революции возлагается Коллегией Центроархива на одного из своих членов.

11. Управлению Центроархива СССР принадлежит право издания общих и специальных постановлений о причислении тех или иных дел документов или целых категорий и групп таковых к фонду АОР и о сроках их сдачи.

12. Управлению Центроархива принадлежит право непосредственных сношений с правительствами союзных (договорных) республик Российской Федерации по всем вопросам, связанным с организацией, деятельностью и пополнением АОР, и в целях координации работ, связанных с устройством архивов Октябрьской революции в названных республиках.

13. Управление Центроархива СССР устанавливает и видоизменяет структуру отделов Архива Октябрьской революции в пределах, преду-

смотренных настоящим Положением, путем издания соответствующих инструкций и постановлений.

14. Разрешения на научную разработку архивных материалов, хранящихся в Архиве Октябрьской революции, выдаются коллегией Центрархива по соглашению с Истпартом.

15. Сметы Архива Октябрьской революции проводятся по общей смете Управления Центрархива СССР в составе сметы ВЦИК.

Штаты Архива Октябрьской революции проводятся Управлением Центрархива в установленном порядке.

Председатель ВЦИК:

Зам. председателя Совета Народных Комиссаров *Л. Каменев*

Секретарь ВЦИК

Верно: *Миткевич-Далецкая*

Верно: *Соколова*

ГА РФ. Ф. Р-2306. Оп. 1. Д. 1625. Л. 3–4 об. Заверенная копия.

№ 2

Сообщение о выставке плакатов и документов, подготовленной Архивом Октябрьской революции в связи с 200-летним юбилеем Академии наук СССР

1925 г.

В связи с двухсотлетним юбилеем Академии наук Архивом Октябрьской революции была организована выставка революционного плаката и документов. Цель выставки — предоставить возможность иностранным ученым ознакомиться с документами, характеризующими моменты, предшествовавшие и подготовившие революцию, эпоху революции, и, наконец, с революционным плакатом, сыгравшим огромную агитационную роль в период гражданской войны.

Для выставки плаката была отведена отдельная комната; плакаты были выставлены на щитах. В самом центре — плакат с изображением В. И. Ленина на черном фоне; затем были расположены плакаты, разбитые по следующим темам: 1) Мировой капитал — эксплуататоры и эксплуатируемые. 2) Гражданская война — борьба с Колчаком, Деникиным, Юденичем, Врангелем, борьба с Польшей. Красная Армия. 3) Голод — борьба с голодом, собирание церковных ценностей. 4) Строительство Советского

государства — борьба с разрухой, борьба за восстановление транспорта, продразверстка, продналог, борьба за подъем хозяйства (субботники, воскресники). 5) Коминтерн — международная революция, 1-е мая. 6) Народное просвещение — пропаганда книги, ликвидация неграмотности. 7) Антирелигиозная пропаганда.

Кроме того, целая стена была заполнена трафаретными плакатами художников: Маяковского, Черемных и др.

Тут же была устроена небольшая выставка литературы о плакате и выставка газет периода гражданской войны. Газеты, помимо большого политического интереса, представляют интерес с чисто внешней стороны: во время разрухи и бумажного голода они печатались на оберточной, папирусной бумаге, обратной стороне этикеток и т. п.

Выставка документов распадалась на два отдела: Особый отдел АОРа (бывш[ий] Госархив), так называемый Отдел падения старого режима, т. е. дореволюционный, и Отдел пореволюционный.

Отдел падения старого режима был представлен документами из трех основных фондов: 1) Фонд Зимнего дворца, заключающий в себе материалы, начиная с половины XVII в., как, например, «Летопись о многих мятежах», повествующая о «смутном времени», затем переписка Петра I, Екатерины II, Александра I (его переписка с Лагарпом), собственноручные рисунки военного обмундирования Николая I, рукописи Пушкина, Жуковского, Карамзина. Тезисы Александра II и конспект его речи по поводу освобождения крестьян, написанные его рукой. 2) Фонд декабристов — следственное дело Пестеля, «Русская Правда» Пестеля и масонские знаки Пестеля — как вещественные доказательства по его делу.

Кроме того, были выставлены: 3) дневники императоров Александра II, Александра III, Николая II, переписка Николая II с отцом, женой и Вильгельмом, начиная с 1896 г. до начала войны 1914 г., семейный альбом Николая II, фотографии и автографы Распутина.

Документы пореволюционного времени были представлены, начиная с Временного правительства, т. е. с первой половины 1917 г., затем документы Военно-революционного комитета, рисующие борьбу за власть в 1917 г. Был выставлен, между прочим, «Договор между Военно-революционным комитетом и Комитетом общественной безопасности», с подлинными подписями участников с той и с другой стороны. Документы Военно-революционного комитета, кроме их содержания, чрезвычайно характерны внешне: все написано наспех, самые важные приказы написаны на клочках бумаги, зачастую простым карандашом. Совнарком был представлен автографами В. И. Ленина и других вождей, первыми декретами, декретом об улучшении быта ученых специалистов и др. ВЦИК — документами, характеризующими первые съезды советов, и другими докумен-

тами, показательными для первого периода революции. Моссовет — документами, рисующими работу Совета с первого состава, т. е. с 1/III 1917 г.

Документы пореволюционного времени включают в себя также материалы контрреволюционных правительств. Более полно было представлено так называемое «Всероссийское правительство» Колчака: его грамоты, декларации, постановления, документы, выявляющие связь с границей, характеризующие работу министерств, Совета министров, и, наконец, личные документы и «допрос» Колчака.

Параллельно с выставкой документов перед посетителями демонстрировались самые методы архивной работы и способы хранения документов и плаката.

Посетившие Архив Октябрьской революции иностранные ученые (Дж. Робинзон, проф. Нью-Йоркского унив[ерситета], доктор Фукуда, проф. Токийского унив[ерситета], Ионас, проф., генер[альный] секретарь Герм[анского] общества изучения Вост[очной] Европы, Фрис, проф. Копенгагенского унив[ерситета]) отнеслись к выставке с большим интересом и с удовлетворением отзывались о ценности собранных в Архиве документов, о технике и оборудовании Архива.

Проф. Фрис, автор ряда крупных трудов по истории Дании и Европы XVIII и XIX вв., после осмотра экспонатов выставки в АОР изъявил желание ознакомиться с некоторыми архивными материалами АОР. Ему были предоставлены соответствующие материалы, относящиеся к русско-датским отношениям в XVIII и XIX столетиях.

Архивное дело. Вып. V–VI. М.; Л., 1926. С. 144–146.

№ 3

Положение о Центральном архиве Октябрьской революции

23 сентября 1935 г.¹

I. Общее положение

1. Центральный архив Октябрьской революции является самостоятельным научно-исследовательским учреждением и входит в систему органов Центрального архивного управления РСФСР.

2. В своей деятельности Центральный архив Октябрьской революции осуществляет директивы и задания ЦАУ РСФСР.

II. Содержание архивных материалов

3. В состав Центрального архива Октябрьской революции входят архивные материалы высших правительственных органов Советской вла-

¹ Дата утверждения начальником ЦАУ РСФСР Мальцевым.

сти: ЦИК, СНК и народные комиссариаты СССР, ВЦИК, СНК и народные комиссариаты РСФСР, Верховная прокуратура и Верховный суд, а также фонды и отдельные документы, имеющие общегосударственное значение, например: Петроградский и Московский ВРК, отдельные личные фонды и наиболее ценные коллекции. Кроме того, в ЦАОРе хранятся фонды Временного правительства, бывших контрреволюционных белогвардейских правительств Колчака, Деникина и др.

III. Задачи Центрального архива Октябрьской революции

4. Центральный архив Октяб[рьской] революции ставит перед собою следующие задачи:

а) прием, рациональное хранение, разборку, систематизацию архивных материалов, входящих в состав Центрального архива Октябрьской революции;

б) концентрацию архивных материалов, проводящуюся согласно плана, утверждаемого директором архива по согласованию с ЦАУ РСФСР;

в) выявление и собирание недостающих важнейших фондов и отдельных частей их;

г) составление архивно-инвентарных и научных описей, каталогов, справочников, указателей, обзоров, характеристик, путеводителей и проч. на материалы, хранящиеся в архиве;

д) выявление и научно-исследовательскую обработку материалов политического, исторического и практического значения;

е) организацию выставок, докладов и бесед;

ж) подготовку к печати и публикацию архивных материалов, как самостоятельно, так и совместно с ЦАУ РСФСР и др[угими] заинтересованными органами;

з) выдачу в установленном порядке справок, выписей и архивных копий учреждениям, организациям и частным лицам по материалам, находящимся в непосредственном ведении архива;

и) обслуживание лиц, допущенных к занятиям в читальном зале архива для научных и практических работ;

к) участие в Центральн[ой] экспертно-поверочной комиссии ЦАУ при утверждении отборочных списков не подлежащих хранению архивных материалов и перечней со сроками хранения;

л) участие в подготовке архивных кадров совместно с ЦАУ РСФСР и Историко-архивным институтом.

IV. Управление и структура Центрального архива Октябрьской революции

5. Во главе Центрального архива Октябрьской революции стоит директор архива, назначаемый управляющим ЦАУ РСФСР.

6. Директор Архива Октябрьской революции является распорядителем кредитов, получаемых архивом по сметам ЦАУ РСФСР, а также специальных и прочих средств архива, и пользуется правом самостоятельных сношений со всеми государственными учреждениями, является ответственным за выполнение промфинплана, за хранящиеся в архиве материалы, за всю работу архива в целом; осуществляет руководство всей административно-организационной, архивно-научной и архивно-технической работой и производит наем, перемещение и увольнение работников архива.

Примечание: Назначение зам. директора производится управляющим ЦАУ РСФСР.

7. При директоре Центрального архива Октябрьской революции в качестве совещательного органа стоит Научный совет.

8. Члены Научного совета назначаются ЦАУ РСФСР по представлению кандидатур директором архива.

9. На Научный совет возлагается:

- а) заслушивание научных докладов;
- б) рассмотрение публикационных и тематических планов архива;
- в) рассмотрение и обсуждение планов и отчетов о работе архива;
- г) обсуждение и рассмотрение вопросов, вносимых директором архива;
- д) рассмотрение вопросов упорядочения и организации лучшей работы архива.

10. В целях облегчения наилучшего хранения, архивно-технической обработки и практического использования архивных документов внутри архива образуются следующие производственные отделы:

I. Отдел центральных правительственных органов:

ВРК, ЦИК СССР, СНК СССР, ВЦИК РСФСР, СНК РСФСР, СТО, Госплан, НК РКИ СССР и НК РКИ РСФСР.

II. Отдел народного хозяйства:

Наркомзем, Наркомпрод, НКПутей сообщений, Наркомфин, Наркомвнешторг, НК РКИ СССР и НК РКИ РСФСР, Центральное статистическое управление, главки и центры ВСНХ (Главодежда, Главчай, Центрошамот и др.), Центросоюз и др.

III. Отдел культуры и быта:

Наркомвнудел, Наркомнац, Наркомюст, Верховуд Союза ССР, Верховуд РСФСР, ревтрибуналы, Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомтруд, Наркомсобес и др.

IV. Отдел дооктябрьских фондов:

Советы раб[очих] и солд[атских] депутатов, ВЦИК I созыва, Канцелярия министра-председателя Временного правительства, Канцелярия Вре-

менного правительства, фонды министров периода Врем[енного] правительства (Мин[истерство] продовольствия, Мин[истерст]во внутр[енних] дел и др.), Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия и др.

V. Отдел фондов б[ывших] контрреволюционных белых правительств — Колчака, Деникина и др.

VI. Книгохранилище:

Литература эпохи Октябрьской революции и Гражданской войны, справочные и ведомственные издания, бюллетени, отчеты и т. д.

VII. Отдел газет, плакатов и листовок:

Центральные и местные газеты, плакаты и листовки.

VIII. Отдел секретных материалов.

IX. Научно-исследовательский отдел.

X. Читальный зал.

XI. Фин[ансово]-хоз[яйственная] часть. Комендатура. Секретариат.

11. Каждый из перечисленных выше отделов, кроме последнего, возглавляется заведующим, старшим научным работником-архивистом.

Положения о работе отделов утверждаются директором архива.

V. Правовое и финансовое положение Архива Октябрьской революции

1. Центр[альный] архив Октябрьской революции состоит на государственном бюджете, на счете ЦАУ РСФСР, а также содержится на специальные и пр[очие] средства, поступающие в распоряжение архива.

2. Структура, штаты, производственно-финансовые планы и сметы и отчеты архива утверждаются ЦАУ РСФСР.

3. Архив пользуется правами юридического лица и имеет печать с изображением государственного герба с надписью: «Центральный архив Октябрьской революции».

Верно:

Харитоновна.

Помета: Утверждаю. Мальцев. 23.IX-1935 г.

ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–20. Заверенная копия.

№ 4**Положение
о Центральном государственном архиве Октябрьской революции
и социалистического строительства***14 мая 1941 г.***ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ**

1. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства является научно-исследовательским учреждением и находится в непосредственном ведении Главного архивного управления НКВД СССР.

2. В своей работе Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства руководствуется законодательством Союза ССР, приказами народного комиссара внутренних дел Союза ССР, приказами и инструкциями Главного архивного управления НКВД СССР.

3. Во главе Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства стоит начальник, назначаемый народным комиссаром внутренних дел СССР по представлению начальника Главного архивного управления НКВД СССР.

II. СОСТАВ АРХИВА

4. В состав Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства входят документальные материалы государственного архивного фонда СССР эпохи Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства, образовавшиеся в процессе деятельности:

- а) высших органов государственной власти СССР и РСФСР;
- б) органов государственного управления СССР и РСФСР;
- в) государственных, общественных и кооперативных учреждений, организаций и предприятий союзного и республиканского (РСФСР) значения;
- г) научных, учебных, культурных и технических учреждений, организаций и предприятий союзного и республиканского (РСФСР) значения;
- д) профессиональных союзов: ВЦСПС, ЦК и входящих в их ведение учреждений, организаций и предприятий союзного и республиканского (РСФСР) значения;
- е) государственных и общественных деятелей СССР, деятелей науки, техники, выдающихся представителей социалистического труда;

- ж) высших и центральных органов власти и государственного управления, суда и прокуратуры Временного правительства;
- з) органов власти, суда и прокуратуры различных контрреволюционных правительств, притязавших на государственную власть на какой-либо части территории, входящей в состав СССР;
- и) антисоветских политических партий и группировок;
- к) государственных, концессионных, кооперативных и частных учреждений, организаций и предприятий союзного и республиканского (РСФСР) значения, функционировавших на территории, входящей в состав СССР;
- л) активных деятелей контрреволюции.

5. В Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства входят газеты, листовки, воззвания, прокламации и т. п., выпускавшиеся различными органами в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны с целью агитации и пропаганды.

6. В Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства входят также материалы, относящиеся к его составу и необходимые для научно-справочной работы.

III. ЗАДАЧИ АРХИВА

7. На Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства возлагаются следующие задачи:

- а) учет, концентрация и хранение документальных материалов, относящихся к его составу;
- б) научно-техническая обработка документальных материалов архива и выделение материалов, не подлежащих хранению;
- в) составление описей, путеводителей и других справочников по материалам архива;
- г) научно-исследовательская и специальная разработка документальных материалов;
- д) использование документальных материалов путем подготовки сборников монографий, публикаций и статей;
- е) выдача в установленном порядке документальных материалов для пользования в читальном зале архива;
- ж) выдача справок, копий и выписей по материалам архива;
- з) популяризация хранящихся в архиве документальных материалов путем организации выставок, лекций, докладов и т. п.

IV. СТРУКТУРА АРХИВА

8. В состав Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства входят следующие отделы:

- 1) Отдел фондов высших органов государственной власти СССР и РСФСР;
- 2) Отдел фондов советского строительства, суда и прокуратуры;
- 3) Отдел фондов народного хозяйства;
- 4) Отдел фондов культуры и быта;
- 5) Отдел фондов профессиональных союзов;
- 6) Отдел научно-публикаторский;
- 7) Отдел учетно-справочный;
- 8) Отдел секретных фондов;
- 9) Отдел научно-справочной литературы (книгохранилище);
- 10) читальный зал.

V. МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АРХИВА

9. Начальник Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства несет полную ответственность за работу архива, за расстановку, правильное использование и подготовку кадров архива и пользуется по отношению к ним установленными законом и приказами НКВД СССР дисциплинарными правами.

10. Начальник Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства является распорядителем кредитов третьей степени.

11. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства является юридическим лицом и имеет свою гербовую печать.

12. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства состоит на бюджете Главного архивного управления НКВД СССР и имеет свою смету.

13. Все имущественные ценности Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства являются государственной собственностью и могут быть отчуждаемы от архива только в порядке, установленном законом.

14. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства имеет право выполнять по специальным договорам за особую плату задания и поручения различных учреждений, организаций и предприятий по документальным материалам архива.

Начальник Главного архивного управления НКВД СССР
майор государственной безопасности *Никитинский*

Помета: «УТВЕРЖДАЮ». Заместитель народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссар госбезопасности 3 ранга Круглов.

ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 300. Л. 17–18. Копия.

№ 5

**Докладная записка начальника ЦГАОР НКВД СССР
Н. Р. Прокопенко начальнику ГАУ НКВД СССР
И. И. Никитинскому об итогах эвакуации из Москвы
документальных материалов Центрального государственного
архива Октябрьской революции**

16 июня 1942 г.

Согласно решения СНК СССР от 5 июля 1941 г. за № 1811-818/сс и указаний Заместителя Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР, Комиссара 3 ранга, тов. Круглова, Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции эвакуировал из Москвы документальные материалы в июле 1941 г. в Саратов: а) Фонды Высших органов государственной власти СССР и РСФСР, б) секретные фонды советских учреждений и белых правительств, белогвардейских армий и воинских частей и учреждений интервентов, в) фонды отделов Народного хозяйства, Культуры и быта, Профдвижения, Суда и прокуратуры, г) Особая картотека. Всего 520 832 дела и 2 000 000 карточек на личный состав к.-р. элемента, шпионов и провокаторов. Все документальные материалы закартонированы и размещены в хорошем помещении в Краевом историческом музее.

4 апреля 1942 г. дополнительно были эвакуированы следующие документальные материалы в город Чкалов: а) фонды Временного правительства, б) личные фонды советских деятелей, в) революционные трибуналы периода гражданской войны, г) Центральная и губернские комиссии по выборам в Учредительное собрание, д) Главки (военной промышленности, по снабжению Красной армии и Флота продовольствием, Гомза, мер и веса и др.), е) Тресты и синдикаты (оружейно-пулеметный, оружейно-арсенальный, авиационный, военно-кислотный, Вохимтрест, резиновой промышленности, шелковый, бумажный и другие), ж) Центральные комиссии (по делам Крыма, по чистке личного состава госаппарата, помощи голодающим и другие), з) акционерные общества, и) Институты красной

профессуры и парткурсы при ЦК ВКП(б), к) Центральные и местные советские учреждения Латвии (1918–1919 гг.), л) Центросоюз и Союз Союзов, м) Печатные материалы (газеты советские, белогвардейские за 1917–1922 гг., листовки, плакаты). Всего 720 000 дел. Печатных материалов 21 899 комплектов. Все материалы закартонированы и размещены в сухом помещении.

В настоящее время из оставшихся менее ценных документальных фондов подготовлено к эвакуации в третью очередь, в город Барнаул: фонды а) Главного управления трудовых частей республики, б) Трудармий, в) Советов Всероссийских коопсездов, г) Комиссии государственных сооружений, д) Главнауки, е) Всероссийской комиссии по ликвидации безграмотности, ж) Госстраха, з) Священного собора православной церкви, и) Центрального статистического управления, к) Госторговли, финансовых органов, Автодор и другие. Всего 126 285 дел.

Кроме того, подготовлена к вывозу наиболее ценная историческая и политическая литература, вышедшая в свет в незначительном количестве экземпляров и характеризующая историю Великой Социалистической Октябрьской революции в СССР, историю строительства советского государства, борьбу советского народа с интервентами и белогвардейщиной, борьбу партии в первые годы Советского строительства, борьбу с оппозицией и другие. Всего 52 000 экземпляров. Из них советской литературы — 8 200 экземпляров, белогвардейской и эмигрантской — 1 500 экземпляров, литературы секретного хранения (военной и партийной) — 600 экземпляров, журналов ведомственных, республиканских и областных — 41 700 экземпляров.

Таким образом, всего эвакуировано из Москвы:

1. Документальных материалов свыше 3 000 фондов или 1 367 117 дел;
 2. Газет (советских, белых и эмигрантских), листовок и плакатов за первые годы революции 21 899 комплектов;
 3. Книг и брошюр (советских, белых и эмигрантских) — 10 300 экземпляров;
 4. Журналов (ведомственных, республиканских и областных) 41 700 экземпляров;
 5. Особая картотека — 2 000 000 карточек.
- Всего 40 железнодорожных вагонов.

В Москве остались на хранении, главным образом, материалы хозяйственных, кооперативных и профессиональных учреждений. Кроме того, 80 000 дел быв. польских провинциальных учреждений, переданных в ЦГАОР в 1940 г. в неотработанном виде. Всего 370 715 дел и справочная библиотека в 80 000 экземпляров книг и брошюр, вышедших главным образом за период 1917–1942 гг.

Для постоянной работы над материалами распределены и эвакуированы из Москвы следующие работники: в Саратове: Зам. начальника архива, тов. Иванов, начальники отделов, т. т. Шепелева, Зарницына, Фрязинова, Никитенко; старшие научные сотрудники: Рыбинский, Юрина, Спиридонова; научные сотрудники: Новикова-Зырянова, Кузюкова, Рудченко, Кнопина, Загурская, Грызлова; старшие архивно-технические работники: Зуева, Сергеев Р., Сергеев М., Лопачова, Руженцова, Постникова, Анохова, Барченко, Фросина, Тюренкова, Глухова, Воынец, Усачева, Николаев, Голикова. Всего 29 человек.

В Чкалове: Начальник отдела тов. Кузюков (ответственный по филиалу), Начальник отдела Секретных фондов, тов. Десятерик; старшие научные сотрудники: Карноухова, Пронин; научные сотрудники: Петрова, Митрофанова; старшие архивно-технические работники: Шарангович, Брунова, Благова, Иванова, Владимирова, Тараканова. Всего 12 человек.

В Барнауле 2 работника: Научный сотрудник тов. Романова и ст. архивно-технический сотрудник Калмыкова.

В Москве для работы над оставшимися фондами и поступающими документальными материалами Отечественной войны кроме Начальника архива остаются: Начальник Отдела фондов Отечественной войны, старший научный работник тов. Полубояринова, научные работники: Хазов, Пархоменко, Коршунова, Горбачева и старшие архивно-технические сотрудники: Мыльников, Миронович, Рыкалина, Маркелова, Климачева, Прудникова, Старова, Грачева, Паршкова, Николаев; Заведующий Хозяйством тов. Амельчук, секретарь архива т. Карпова и ст. машинистка тов. Гуськова. Кроме того, часть сотрудников работает временно.

Во время эвакуации материал не пострадал. Все фонды доставлены на место, и помещения, в которых они размещены, вполне удовлетворяют их временное хранение.

Во время эвакуации весь личный состав работал хорошо. Отлично работали и были организаторами работы т. т. Полубояринова, Шепелева, Николаев, Кузюков, Фрязинова, Глухова, Тюренкова, Фросина, Рыкалина, Петрова, Вьюкова, Никитенко.

*Начальник ЦГАОР НКВД СССР
лейтенант госбезопасности
Н. Прокопенко*

№ 6

Историческая справка начальника отдела Отечественной войны ЦГАОР НКВД СССР Г. И. Николаева «Отдел Отечественной войны Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства»*[Апрель 1943 г.]*

Отдел Отечественной войны Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции и Социалистического Строительства был создан приказом наркома Внутренних дел СССР от 6 мая 1942 г. за № 00967.

На Отдел Отечественной войны была возложена организация работы по собиранию новых архивных фондов и документальных материалов, отражающих: зверства, разрушения, грабежи и насилия германских властей в оккупированных ими советских районах, а также печатных изданий, плакатов, воззваний и др. документов, захваченных у врага. На Отдел также была возложена и охрана принимаемых документальных материалов, их научно-техническая обработка и практическое научно-оперативное использование.

Но хотя приказ о создании Отдела Отечественной войны был издан в мае, фактически же отдел начал свою работу только в июле м[еся]це, а развернул ее в сентябре–октябре 1942 г., когда полностью был укомплектован штат.

Штат отдела состоит: из начальника отдела, 2-х старших научных сотрудников, 6-ти научных сотрудников и 2-х архивно-технических.

Первые материалы о зверствах, разрушениях и грабежах поступили в ЦГАОР из Орловской области 19 мая 1942 г., когда отдел фактически еще не существовал, и были приняты старшим научным сотрудником ЦГАОР на вес, в количестве около 25 кг. Эти материалы поступили в обработку только в середине июля м[еся]ца.

Для учета поступивших документальных материалов заведена книга поступлений, куда документы вносятся в порядке валовой нумерации. Кроме валового учета, в книге поступлений, на документальные материалы также составляются картотеки по территориальному и тематическому признакам.

Порядок работы Отдела определен инструкцией, утвержденной и подписанной зам. наркома внутренних дел СССР от 25 февраля 1942 г. «О порядке собирания, учета и хранения документальных материалов о зверствах, разрушениях, грабежах и насилиях германских властей в оккупированных ими советских районах».

Документальные материалы, согласно инструкции, должны подбираться и храниться по территориальному признаку, но в силу необходимости

и большей целесообразности территориальный признак в ряде случаев заменяется территориально-тематическим.

Документы поступают в Отдел Отечественной войны как из ГАУ НКВД СССР, так и непосредственно из областных архивов и оформляются соответствующими актами о приеме. Печатные материалы поступают от издательств. С некоторыми документами приходят и фотоснимки, ярко показывающие зверства фашистских бандитов над советскими военнопленными и мирными жителями и картину разрушения городов, деревень, промысл. предприятий и памятников национальной культуры.

Качество поступивших документов заставляет желать много лучшего. Многие документы не оформлены, т. е. не имеют подписей, часто нет дат, места составления документа. Многие акты написаны на клочках бумаги. Такие ценные материалы, как общие сводные по с/советам и районам, часто бывают не заверены. Почти одна треть всех поступающих документов — заверенные нами. Где находятся подлинники, неизвестно, в отдел они не поступают.

За май–декабрь 1942 г. принято и зарегистрировано в книгу поступлений 17 675 документов. Больше всего документов поступило из Орловской области — 11 245 шт. Они пришли 3-мя поступлениями:

19 мая 1942 г.

14 октября 1942 г. и

14 декабря 1942 г.

Из Тульской области пришло 943 документа, причем 897 док. пришло 12 августа 1942 г.

Из Московской области поступило 4644 документа — 21 октября 1942 года.

Остальные области присылают документы небольшими группами — Ленинградская обл. прислала 117 док.

Мурманская " " 158 "

Смоленская " " 247 "

Рязанская " " 46 "

Тамбовская " " 12 "

Калининская " " 10 "

Горьковская " " 18 "

Ростовская " " 14 "

Ивановская " " 2 "

Харьковская " " 3 "

Сталинградская " " 3 "

Воронежская обл. прислала 1 док.

Чувашская АССР " 1 "

Западный фронт " 3 "

Кавказский фронт " 2 "

г. Керчь " 2 "

Письма из разных областей 12 шт.

Фашистских листовок

из разных областей 240 "

Фотоснимков около 25 "

Все поступившие документы обработаны и сформированы в дела. Всего за 1942 год оформлено полностью 185 единиц хранения.

На документы составляются территориальные и тематические карточки. За сентябрь–декабрь м[еся]цы 1942 г. было составлено карточек 58 тыс. штук, т. е. на 14 500 документов, в среднем по 4 карточки на документ. Карточки также систематизируются по территориальному признаку — по областям, районам, с/советам, колхозам и темам.

Наряду с обработкой поступивших документов, отдел провел большую работу по концентрации в отделе печатных материалов о зверствах, разрушениях и грабежах фашистов во временно оккупированных советских районах. Всего за 1942 год отделом взято на специальный учет брошюр, лозунгов, плакатов, статей из газет и журналов и др. печатных материалов около 400, на некоторые было составлено больше тысячи территориальных и тематических карточек.

За I квартал 1943 г. в отдел поступило 1 499 докум.

Больше всего поступило документов из Смоленской области — 1 066 и из Ленинградской — 303 документа.

Из Мурманской области — 50 док.

Из Орловской — 31 "

фашистских листовок — 22 шт.

Получен 1 дневник немецкого офицера с несколькими фотографиями.

Таким образом, на 1 апреля в Отделе зарегистрировано 19 174 документа. Все документы систематизированы и оформлены в дела. Сейчас мы имеем 340 единиц хранения.

Также продолжается и поступление печатных материалов. Всего к 1 апреля 1943 года в отдел поступило печатных материалов — 1 031. Из них составлено 3 093 территориальных и систематических карточек.

Использование материалов. Для использования документальных материалов отдела отечественной войны проводилась следующая работа — а) выявление документов о зверствах немецких оккупантов в районах Московской области. После выявления было снято копий со 124 документов и переданы институту истории партии при МК ВКП(б). б) По просьбе Орловского областного отдела Госархивов УНКВД было подобрано 165 документов, с которых были сняты копии и переданы в отдел для публикации. в) Проведена также работа по выявлению до-

кументов о разрушении немцами памятников национальной культуры народов СССР.

*[Начальник отдела Отечественной войны ЦГАОР НКВД СССР
Г. И. Николаев]*

ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 336. Л. 2–7. Подлинник.

№ 7

Приказ № 502 Народного комиссара внутренних дел Союза ССР «Об утверждении Научного совета Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства»

г. Москва

23 июля 1943 г.

Утвердить Научный Совет Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства в следующем составе:

1. Прокопенко Николай Романович — начальник Центрального государственного архива Октябрьской революции — председатель Научного Совета.

Члены Совета:

2. Булычева Клавдия Ивановна — начальник отдела Центрального государственного архива Октябрьской революции.

3. Генкина Эсфирь Борисовна — доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии.

4. Жибарев Павел Борисович — директор Историко-архивного института, кандидат исторических наук.

5. Липкина Анна Георгиевна — кандидат исторических наук.

6. Луцкий Евгений Алексеевич — старший научный сотрудник института Маркса-Энгельса-Ленина, кандидат исторических наук.

7. Панкратова Анна Михайловна — заместитель директора Института истории Академии наук СССР, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР.

8. Покровский Алексей Алексеевич — старший научный сотрудник Центрального государственного архива Октябрьской революции, кандидат исторических наук.

9. Шепелева Татьяна Васильевна — заместитель директора Историко-архивного института.

10. Шерман Исай Львович — начальник отдела Управления государственными архивами НКВД СССР, кандидат исторических наук.

*Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 2 ранга Круглов*

ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 334. Л. 10–10 об. Копия, типографский экз.

№ 8

Из доклада о работе Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства за 1944 год

Февраль 1945 г.

В соответствии с планом на 1944 год, заданиями народного комиссариата внутренних дел Союза ССР и Главного архивного управления НКВД СССР, Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства в истекшем году подчинял всю свою работу интересам Великой Отечественной войны, охране и использованию документальных материалов в экономических, военных и научных целях.

За отчетный период архивом проведены следующие конкретные мероприятия.

1. По реэвакуации и обеспечению сохранности документальных материалов

В начале 1944 года, вследствие устранения угрозы вражеских налетов, Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР и Главное архивное управление дали указание о реэвакуации всех документальных материалов в Москву. В первую очередь реэвакуации подлежали фонды секретного хранения и высших органов государственной власти и государственного управления СССР и РСФСР, необходимые в повседневной оперативно-справочной и научной работе архива. Во вторую и третью очереди должны были реэвакуироваться все остальные документальные и печатные материалы, находившиеся в Молотове, Чкалове и Барнауле.

Однако сроки реэвакуации, намеченные планом, были нарушены, так как отсутствие в сентябре и октябре вагонов в Чкалове задержало вывоз оттуда документальных материалов до второй половины ноября. Эта задержка, в свою очередь, нарушила сроки выполнения мероприятий по размещению и топографированию фондов в хранилищах Москвы.

На 1 декабря 1944 года из всех пунктов было реэвакуировано в Москву 44 вагона. Общий объем реэвакуированных документальных и печатных материалов показывает следующая таблица:

Пункты размещения фондов	Кол-во фондов	Кол-во единиц хранения	Печатные материалы					Кол-во вагонов
			Книг (экземпляры)	Газет (ком-плектов)	Журналы (экзем-пляров)	Листовки (экзем-пляры)	Плакаты (экзем-пляры)	
Молотов	1 086	689 000	—	—	—	—	—	14
Чкалов	2 052	720 000	634	8 679	—	12 200	540	22
Барнаул	84	131 939	8 200	—	41 774	—	—	8
ВСЕГО:	3 172	1 540 939	8 834	8 679	41 774	12 200	540	44

Таким образом, за январь–ноябрь 1944 года были реэвакуированы в Москву все документальные материалы архива, в том числе и те, которые были приняты на хранение в г. Саратове: от архива Президиума Верховного Совета РСФСР — 4 000 единиц хранения и фонды бывшей Республики немцев Поволжья, в количестве 85 000 единиц хранения.

Охрана и обеспечение сохранности документальных материалов по-прежнему были в центре внимания всего наличного состава сотрудников архива. Реэвакуация потребовала от сотрудников особой бдительности и настороженности. Периодически во всех пунктах эвакуации проводилась проверка состояния документальных материалов, составлялись акты и принимались профилактические меры по устранению недостатков в хранении материалов и в охране хранилищ. Заранее перед погрузкой и транспортировкой была проведена большая работа по проверке, учету и упаковке всех фондов, направляющихся в Москву.

Благодаря принятым мерам и бдительности сотрудников реэвакуация всех фондов была проведена успешно. Несмотря на серьезные трудности в хранении и особенно в транспортировке по железной дороге, архив не имеет ни одного случая хищений, порчи, повреждений или потерь документальных материалов, направлявшихся в Москву.

Таким образом, сотрудники архива правильно поняли и успешно выполнили государственное задание, возложенное на них народным комиссаром внутренних дел Союза ССР.

Одновременно с реэвакуацией в Москве проводилась работа по размещению документальных материалов по отделам и фондам, а также по их топографированию. На 1 января 1945 года было размещено свыше 800 000 единиц хранения. Отделы секретных фондов и высших органов государственной власти и государственного управления СССР и РСФСР

разместили свои фонды полностью, остальные отделы разместили только основные фонды, необходимые для повседневного использования.

Следует отметить, что после реэвакуации всех фондов в Москву в хранилищах образовалась невероятная теснота, которая тормозила и задерживала полное размещение документальных материалов. Такая теснота объясняется тем, что в 1941–1944 гг. архив принял свыше 350 000 единиц хранения (бывший Центральный государственный архив профсоюзов, фонды бывшей Республики немцев Поволжья и другие), а площадь хранилищ сократилась по сравнению с довоенной (от архива отошли хранилища по Кировской улице Д. № 12 и по 1-му Кадашевскому переулку Д. № 13, с общей площадью 650 квадратных метров). В результате, после реэвакуации, из-за отсутствия свободной площади в архиве, фонды Отдела профсоюзов и бывшей Республики немцев Поволжья сложены в штабели и в настоящее время недоступны для использования.

Таким образом, без получения дополнительной площади невозможно будет не только проводить нормальную работу по комплектованию, но архив не сможет даже полностью разместить реэвакуированные документальные материалы.

План реэвакуации выполнен личным составом сотрудников архива, однако полное восстановление архива еще не закончено. На осуществление реэвакуации затрачено 11 195 дней из 19 584 дней общего годового бюджета времени.

[...]

V. По использованию документальных материалов в оперативных целях

Работа по использованию документальных материалов в оперативных делах органов НКГБ, НКВД, СМЕРШ по-прежнему была важнейшей задачей архива и велась непрерывно на протяжении всего года. Вполне понятно, что разбросанность фондов в разных точках и реэвакуация были серьезным препятствием в этой работе, тем не менее выполнение срочных запросов по проверке лиц и использованию документальных материалов в оперативных целях проводилось вне всякой очереди и независимо от местонахождения документальных материалов. Всего за год поступило от оперативных органов 1 318 запросов, из них выполнено с положительным результатом 616, с отрицательным 539. В связи с неупорядоченностью фондов после реэвакуации на 1 января 1945 года осталось невыполненным 163 запроса. По особо важным запросам выдавались фотокопии с автографов проверявшихся лиц.

Во исполнение приказа Народного Комиссара Внутренних Дел СССР и Народного Комиссара Государственной безопасности СССР от 2 октября 1944 года, за № 001222/00368 в архиве были организованы не предусмотренные планом сверхурочные работы по разработке секретных фондов,

составлению картотеки и упорядочению особой картотеки архива. На эту работу было в октябре–декабре выделено 22 сотрудника.

Разработке были подвергнуты белогвардейские фонды: «Управления главной базы речной боевой флотилии» за 1919 год (ф. № 612) и «Томского губернского комиссариата» за 1919 год (ф. № 179), по которым было составлено 9204 карточки на враждебный Советскому государству личный состав.

Одновременно велась работа по упорядочению особой картотеки. За этот же период было просистематизировано 54227 карточек и влито в алфавит 24778 карточек, составленных в 1942–1944 гг.

Таким образом, Учетно-справочный отдел архива, организовав сверхурочные работы, перевыполнил намеченные планом задания.

VI. По использованию документальных материалов в народно-хозяйственных и военных целях

В соответствии с запросами, сектором использования были выявлены и переданы для использования документальные материалы по железным и шоссейным дорогам Западной Украины, Белоруссии, Польши, об условиях интернирования и о порядке обмена военнопленными, о деятельности комиссий и акционерных обществ «Лим», «Юнион», «Шток», «Русгерманстрой», о состоянии водного хозяйства Узбекистана, о развитии производительных сил Урала, о деятельности панисламистов, об отечественном артиллерийском производстве, об охране памятников искусства, об условиях хранения взрывчатых веществ, о римско-католических костелах, о немецком посольстве в Москве и целый ряд других. Всего за год поступило 53 запроса, из которых на 1 января 1945 года выполнены 49. Для заинтересованных учреждений снимались копии требуемых документов, передавались дела во временное пользование или непосредственно в архиве просматривались необходимые для использования документы.

За отчетный период архивом было передано во временное пользование 90 единиц хранения, снято 16 листов копий и 3 фотокопии, составлены 3 обширные исторические справки по фондам. Запросы в архив поступали от Военвожтранспроекта НКПС СССР, Управления по делам военнопленных НКВД СССР, Центрального научно-исследовательского института противопожарной обороны ГУПО НКВД СССР, Транспортного отдела НКГБ, Народного Комиссариата по строительству, Наркомата вооружения и других. Выявленные и представленные для использования документальные материалы архива оказались необходимыми для заинтересованных учреждений.

VII. По читальному залу и выдаче биографических справок

Впервые за годы войны в 1944 году работа Читального зала была полностью восстановлена. За отчетный период в Читальном зале занималось

62 научных работника, из Института Истории партии при МК ВКП(б), института Истории Академии наук СССР, ИМЭЛ'а, Секретариата Главной редакции истории гражданской войны, Главного политического управления Красной армии, Военно-юридической академии Красной Армии и других научно-исследовательских учреждений и издательств. Из общего количества занимающихся в Читальном зале подавляющее большинство научных сотрудников работало над докторскими и кандидатскими диссертациями.

Основная тематика занимающихся в Читальном зале была следующая: а) Ленин и Сталин в годы гражданской войны и интервенции, б) экономика СССР в период интервенции и гражданской войны, в) военный коммунизм, г) комитеты бедноты, д) образование СССР, е) история коллективизации, ж) история Народного комиссариата по делам национальностей, з) разгром Колчака и других белогвардейских правителей, и) ленинский призыв и другие. По некоторым темам работали коллективы научных сотрудников.

Чтобы представить объем работы Читального зала, приведем следующие данные: всего посещений за 1944 год было 956, выдано занимавшимся 2386 единиц хранения, 147 газет, 210 книг, 1012 листов копий документальных материалов, 377 листов копий печатных материалов, 1388 листов выписей из дел, 954 листа выписей из печатных материалов. Таким образом, работа Читального зала в 1944 году по своему объему значительно приблизилась к объему работы довоенного. За отчетный период было выдано 104 биографических справки.

ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 353. Л. 2–5, 8–12. Копия.

№ 9

**Распоряжение начальника Главного архивного управления
МВД СССР И. И. Никитинского директору ЦГАОР
Н. Р. Прокопенко о передаче в Особый архив всей хранящейся
в архиве фашистской литературы и создании особых условий
хранения для белоэмигрантской литературы и ограничении
доступа к ней**

№ 12/2/80 «С»

*Сов. секретно
11 апреля 1946 г.*

В целях создания особых условий для хранения фашистской и белоэмигрантской литературы, сконцентрированной в Центральном государ-

ственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, предлагаю:

1. Фашистскую литературу, отобранную у немецких военнопленных, на иностранных языках и фашистскую агитационную литературу, изданную для населения СССР на русском и украинском языках, в количестве около 2 000 экземпляров, разобрать, описать и передать в Особый архив.

2. Всю белоэмигрантскую литературу и белоэмигрантские печатные материалы Русского заграничного исторического архива, в количестве около 5 000 экземпляров, срочно разобрать, заинвентаризировать и разместить на стеллажах в отделении, предназначенном для хранения белогвардейской литературы.

3. Допуск к белоэмигрантской литературе и печатным материалам Русского заграничного исторического архива строго ограничить и обеспечить обусловленный режим хранения.

*Начальник
Главного архивного управления МВД СССР
генерал-майор Никитинский*

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 2033. Л. 1. Подлинник.

№ 10

**Докладная записка начальника Центрального государственного
архива Октябрьской революции и социалистического
строительства Н. Р. Прокопенко начальнику ГАУ МВД СССР
В. Д. Стырову об организации и работе бригад отличного
качества в ЦГАОР**

5 июня 1949 г.

В соответствии с Вашим приказом от 2 апреля с.г. за № 20, Центральным государственным архивом Октябрьской революции проведена специальная работа среди всех сотрудников по улучшению качества работы и организации бригад отличного качества. На общем собрании сотрудников ЦГАОР от 9 апреля был заслушан доклад начальника архива о задачах ЦГАОР по улучшению качества научной и служебной работы и организации бригад отличного качества. Кроме того, была проведена работа с комсомольцами архива, которые включились в бригады отличного качества.

Бригады отличного качества были организованы в апреле и мае с. г. На 6 июня работают следующие бригады отличного качества, которые взяли специальные сокобязательства.

В Отделе фондов Высших органов государственной власти СССР и РСФСР — начальник отдела Никитенко О. Л., научные сотрудники Гиндина Н. Г., Голдина Н. С., архивно-технические сотрудники — Сергеев Р. Е., Данилова А. М., Девятковская В. Т.

В Отделе фондов Советского строительства, суда и прокуратуры — начальник отдела Скиба В. Т., научные сотрудники Левина С. Р., Белова Е. И., Фельдман А. Г., Астафьева Л. Г., Кузнецова Э. В., Андреева В. И.

В Отделе фондов Заграничного исторического архива — начальник отдела Рыбинский М. И., старший научный сотрудник Дзагурова Ю. П., научные сотрудники Воскобойникова Н. П., Никитина Е. П. и архивно-технический сотрудник Иванова Т. А.

В Читальном зале — начальник Фрязинова Е. С., старший научный сотрудник Романова Н. П., архивно-технический сотрудник Никулина М. В.

В Секретном отделе — научные сотрудники Константинова Н. С., Яблокова Н. А., Вьюкова Л. Н., Маркелова М. А., Петрова М. А., архивно-технические сотрудники Воронина Э. Г., Павлова М. В., Конова Л. Т., Пискарева Е. В.

В Учетно-справочном отделе — начальник отдела Исаева В. Ф., старшие научные сотрудники Карноухова О. Е., Аваева А. В., научный сотрудник Виноградова М. И., архивно-технические сотрудники Андреева Н. П., Мешкова В. И., Хехловская Н. С.

В Отделе народного хозяйства — начальник отдела Новикова А. А., старший научный сотрудник Гульфайн Г. С., научные сотрудники Красновская С. Л., Соллертинская К. Л., Голдовская А. В., Орловская Н. С., архивно-технические сотрудники Козлова Н. Г., Сотская Е. И., Жабровская В. Н. и Устинова С. В.

Всего в бригадах отличного качества 47 сотрудников.

Для проверки качества работы организована Комиссия, которая периодически проверяет в рабочее время качество работы и составляет специальные акты по выполненной работе. Проверкой качества работы и выполнения индивидуальных сообразительств занимается также местный комитет. Лучшие бригады и сотрудники, выполняющие свои сообразительства, популяризируются в стенной газете и на Доске почета.

Бригады отличного качества перевыполняют свои сообразительства и серьезно борются за повышение идейно-политического уровня и качества всей научной и служебной работы. В ближайшее время бригады отличного качества будут организованы в отделах профсоюзов, культуры и быта и научно-публикаторском.

Начальник ЦГАОР, майор Прокопенко

№ 11**Рапорт начальника ЦГАОР Н. Р. Прокопенко зам. начальника
ГАУ МВД СССР Рогатину с просьбой оказать помощь
в снабжении дровами старейшего научного сотрудника ЦГАОР
А. А. Покровского**

11 ноября 1949 г.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции работает один из старейших научных сотрудников тов. ПОКРОВСКИЙ А. А.

В виду преклонного возраста (75 л.) ему разрешено работать над подготовкой к изданию «Русской Правды» Пестеля на дому, в с. Вишняках.

Тов. ПОКРОВСКИЙ А. А. работает в архивных органах 50 лет и является одним из крупнейших историков-архивистов. В настоящее время он и его старшая сестра болеют и крайне нуждаются в дровах.

Прошу Вашего распоряжения выдать тов. ПОКРОВСКОМУ 3–4 куб[б.] м[етров] дров и перевезти их в Вишняки.

Начальник ЦГАОР, майор Прокопенко

ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 439. Л. 42. Копия.

№ 12**Из доклада директора ЦГАОР Н. Р. Прокопенко
на торжественном совместном заседании научных советов
Главного архивного управления при СМ СССР и Центрального
государственного архива Октябрьской революции, высших
органов государственной власти и органов государственного
управления СССР, посвященном 50-летию ЦГАОР СССР**

25 сентября 1970 г.

Призывы ЦК партии, Истпарта и Главархива привлекли внимание всей партии, всех архивных учреждений и научной общественности к делу охраны, собирания и пересылки в Москву — в Архив Октябрьской революции ценнейших документальных и печатных материалов, коллекций документов от учреждений и организаций, а иногда целых фондов от частных лиц (как, например, фонд Московского ВРК и др., от участников событий).

Вскоре из разных мест, в перепутанном виде в архив поступили разрозненные фонды и документальные материалы Временного правительства.

При самой активной помощи и содействии Ф. Э. Дзержинского (ВЧК) в Архиве Октябрьской революции были сконцентрированы документальные материалы почти всех белогвардейских «правительств», притязавших на государственную власть, а также их армий и армий иностранных военных интервентов, разгромленных доблестной Красной Армией.

А. В. Луначарский передал в Архив Октябрьской революции документальные и печатные материалы «Особого совещания» и другие материалы деникинской армии за 1918–1920 гг. Весьма важные и ценные документальные и печатные материалы, по инициативе и по предложению Н. К. Крупской, поступили в Архив Октябрьской революции из Главполитпросвета. В это же время очень важные документы поступили в АОР из Политуправления РВСР и Центропечати.

В первые же годы деятельности архива в его хранилища начали поступать фонды съездов Советов, сессий ВЦИК, документальные материалы первых лет деятельности Совнаркома и СТО. Все эти исторические источники всесторонне отражают многогранную деятельность партии и правительства во главе с В. И. Лениным после победы Великого Октября и за весь период гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Таким образом, в первое десятилетие ЦГАОР СССР имел широкий профиль, он концентрировал все виды партийных, советских, профсоюзных и других документальных и печатных материалов, включая и кинофотодокументы.

Благодаря такой деятельности в области комплектования документальные материалы ЦГАОР СССР впоследствии послужили базой, на которой в конце 20-х годов был создан Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1928 г. на базе сконцентрированных в ЦГАОР СССР кино-фотодокументов был образован Центральный государственный архив кино-фотодокументов СССР. В 1940 г. и позднее значительный комплекс документальных материалов из ЦГАОР был передан во вновь образованный Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. В 1943 г. на базе хранившихся в ЦГАОРе фондов Дальне-Восточной Республики и других документальных материалов был создан Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока в г. Томске. В 1957 г. на основе правительственных и других архивных фондов центральных учреждений РСФСР, хранившихся в ЦГАОР СССР, был создан Центральный государственный архив РСФСР.

По решению Совета Министров СССР в 1961 г. из ЦГАОР СССР был выделен самый большой комплекс архивных фондов центральных планирующих органов, наркоматов — министерств и других общесоюзных органов, осуществлявших руководство промышленностью, сельским хозяйством, финансами, транспортом и связью. На их базе был создан Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР). Одно-

временно был упразднен Центральный государственный исторический архив СССР в Москве, а его фонды включены в состав ЦГАОР СССР. Таким образом, профиль ЦГАОР СССР изменился, а хронологические рамки его документальных материалов расширены более, чем на 150 лет.

На 1 января 1970 г. в архиве хранится 3 100 фондов, с общим количеством 2845 475 единиц хранения. В книгохранилище около 300 тыс. экземпляров научно-справочной литературы.

Кроме того, в специально созданном хранилище микрофотокопий документальных материалов зарубежных архивов, отражающих историю народов СССР, хранится 1 251 585 кадров микрофильмов. Эта категория документов восполняет отсутствующие или дополняет имеющиеся документальные материалы ГАФ СССР.

В настоящее время в ЦГАОР СССР сконцентрировано три категории документальных материалов Государственного архивного фонда СССР. Первая — образовавшаяся в процессе деятельности: центральных учреждений и организаций периода подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР и РСФСР (до образования соответствующих союзных органов); центральных органов управления СССР в области внутренней политики, Государственного контроля, труда, здравоохранения, культуры, образования, просвещения, физкультуры и спорта; высших органов суда и прокуратуры; центральных органов профессиональных союзов и других общественных организаций союзного значения; научных учреждений союзного значения в области общественных наук, советского строительства, медицины; издательств союзного значения и редакций центральных газет и журналов; выдающихся государственных и общественных деятелей нашей страны.

Эта категория документальных материалов постоянно пополняется.

Вторая категория документов (быв. ЦГИАМ), образовавшаяся в процессе деятельности некоторых важных центральных правительственных учреждений Российской империи за XIX — начало XX вв., а именно центральных учреждений политического розыска, высших судебно-следственных учреждений и органов судебного надзора по политическим делам, центральных тюремных органов и мест содержания политических заключенных Царской России; известных революционеров, политических партий и организаций царской России и их видных деятелей; членов быв. императорской фамилии, царских приближенных, дипломатов, высших должностных лиц политического розыска царской России; центральных учреждений и организаций Временного правительства.

К этой категории отнесены фонды различных контрреволюционных белогвардейских «правительств», белоэмигрантских организаций, личные фонды идеологов белой эмиграции и др.

Эта категория документальных материалов не пополняется.

Третья категория — микрофильмы документальных материалов зарубежных архивов, отражающие историю народов СССР. Эта категория документов восполняет отсутствующие или дополняет имеющиеся материалы Государственного архивного фонда СССР.

Таким образом, в настоящее время в ЦГАОР сконцентрированы наиболее ценные документальные материалы, характеризующие общественное движение и революционную борьбу народов нашей страны против царского самодержавия и буржуазии в дворянский, разночинский и пролетарский периоды.

ГА РФ. Р-5142. Оп. 1. Д. 638. Л. 26–31. Подлинник.

№ 13

**Из решения коллегии Главного архивного управления
при Совете министров СССР «О работе Центрального
государственного архива Октябрьской революции, высших
органов государственной власти и органов государственного
управления СССР (ЦГАОР СССР) в 1976–1977 гг.
по выполнению пятилетнего плана развития архивного дела в
СССР на 1976–1980 гг.»**

2 июня 1978 г.

Коллегия Главархива СССР отмечает, что в 1976–1977 гг. Центральным государственным архивом Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР проделана значительная работа по выполнению заданий пятилетнего плана развития архивного дела в СССР на 1976–1980 гг.

Осуществлен ряд организационных мероприятий, направленных на дальнейшее улучшение деятельности ЦГАОР СССР. Совершенствовалась структура архива, утверждены новые положения о дирекции, структурных подразделениях и методической комиссии архива. Из 17 научных тем, предусмотренных пятилетним планом архива, начата разработка 12 тем, завершены 2 темы. Основная тематика НИР разрабатывается совместно с ВНИИДАД, по 2 темам архив выступает в роли головной организации.

В установленные сроки выполняются задания пятилетнего плана по усовершенствованию описей и каталогизации документов. Приведены в порядок основные массивы необработанных документов. Совместно с НИЦТД СССР ведется подготовка межархивного указателя документов

по истории победы Великой Октябрьской социалистической революции; при подготовке указателя применяется автоматизированная обработка данных.

В течение 1976–1977 гг. выявлено и передано в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС 5 ленинских автографов и 10 документов, относящихся к деятельности В. И. Ленина. В связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции архивом опубликовано 64 статьи и подборки по документам архива; к 60-летию ленинского декрета «О реорганизации и централизации архивного дела» в журнале «Советские архивы» начата публикация документов по истории архивного строительства в СССР.

ЦГАОР СССР осуществляет значительную публикационную работу. В 1976–1977 гг. издано 6 сборников документов общим объемом 376 печ. лл.; подготовлено к изданию 3 сборника. Архив принимает активное участие в подготовке сборников документов о дружественных связях СССР с зарубежными странами, осуществляемой в соответствии с решениями ЦК КПСС.

В последние годы ЦГАОР СССР активизировал работу с министерствами и ведомствами по отбору документов на государственное хранение. В 1976–1977 гг. подготовлены и утверждены ЭПК архива описи на документы постоянного хранения более чем на 82 тыс. дел (110 % плана). Проверено состояние архивов 36 министерств и ведомств.

Улучшилась организация работы по обеспечению сохранности документов архива. Выполняются плановые задания по проверке наличия и состояния дел. Проведена паспортизация архивохранилищ, заканчивается работа по приведению в порядок дел фондов...

Председатель коллегии начальник ГАУ при СМ СССР Ф. И. Долгих.

Секретарь коллегии В. И. Ильичев.

ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 1156. Л. 28–29. Подлинник.

№ 14

**Докладная записка зам. директора архива Т. Ф. Павловой
начальнику ГАУ при СМ СССР Ф. М. Ваганову о выполнении
плана развития архивного дела в ЦГАОР СССР за 1987 г.**

Исх. № 3

11 января 1988 г.

Основные показатели плана развития архивного дела в ЦГАОР СССР за 1987 г. выполнены и перевыполнены. Имеется большое перевыпол-

нение по картонированию документов (187,5 %). Это вызвано тем, что ЛМРД предоставила архиву большее количество коробок, чем было запланировано на 1987 г., что позволило провести перекартонирование по ряду архивохранилищ, включая документы, возвращенные из ОХУФ ЦГА СССР.

Полностью завершена переработка фонда Р-8344с. Наряду с тематической разработкой фондов советского периода велась работа по ряду фондов, содержащих сведения по истории рабочего движения для «Хроники рабочего движения в России. 1895 — февраль 1917 г.».

На государственное хранение поступили документы по следующим отраслям:

- Государственная власть и государственное управление;
- Юстиция;
- Телевидение и радиовещание;
- Народное образование, подготовка кадров;
- Литература, искусство, печать, культурно-массовая работа;
- Здравоохранение, физкультура и спорт;
- Профсоюзы и общественные организации.

В основном приняты документы министерств, ведомств, центральных органов общественных организаций за 1972 г.

Ряд издательств Госкомиздата СССР и научно-исследовательских институтов, в том числе ВНИИДАД, передали документы с момента создания.

Перевыполнение плана комплектования объясняется досрочным приемом документов профсоюзных органов за 1973 г. (по просьбе ЦА ВЦСПС).

На договорных началах упорядочены документы 20 организаций, в том числе Главархива СССР и ВНИИДАД.

В юбилейном году 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции работа архива была направлена на выполнение плана юбилейных мероприятий. Архив принял участие в подготовке межотраслевых юбилейных выставок на ВДНХ СССР и в ЦГАСА. За участие в выставке на ВДНХ СССР архив награжден дипломом I степени, 4 сотрудника архива награждены медалями ВДНХ. Архив подготовил юбилейную выставку «Документы Великого Октября» (Б. Пироговская, Д. 17).

Сотрудники архива приняли участие в подготовке 10 тематических выпусков для еженедельника «Неделя» в рубрике «70 лет в документах и фактах», подготовке ряда публикаций и статей для центральных и местных газет, телепередач на ЦТ из цикла «Уроки истории». Проведены юбилейная конференция молодых ученых и специалистов ЦГАОР СССР, читательская конференция, заседание Научного Совета, принято участие в проведении мероприятий на базе юбилейной выставки в ЦГАСА.

Плановые задания по исполнению социально-правовых запросов выполнены на 78,8 % в связи с уменьшением количества этой категории запросов.

В течение года проводилась работа по расширению информационной базы для проведения обществоведческих исследований и более широкому доступу исследователей к документам ГАФ СССР. В результате проделанной работы по уточнению объемов и категорий дел, доступ к которым ограничен, сняты с режима «ОД» 314 635 дел.

Работа над документальными сборниками «История культурного строительства в СССР (1917–1970 гг.)» т. 2 и «История советской радиожурналистики (1917–1970 гг.)» т. 2 в 1987 г. проводилась в течение I квартала и была приостановлена в связи с доработкой первых томов сборников по решению головных организаций.

Отчет о выполнении плана развития архивного дела в ЦГАОР СССР за 1987 г. рассмотрен на дирекции архива 11 января 1988 г.

Зам. директора архива Т. Ф. Павлова

ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 1404. Л. 1–3. Подлинник.

№ 15

Докладная записка зам. директора архива Т. Ф. Павловой первому заместителю начальника ГАУ при СМ СССР Е. М. Кожевникову о выполнении плана развития архивного дела в ЦГАОР СССР за 1988 г.

№ 15

10 января 1989 г.

Основные показатели плана развития архивного дела в ЦГАОР СССР за 1988 год выполнены и перевыполнены,

В 1988 году архив принял участие в подготовке материалов к двум заседаниям коллегии Главархива СССР «О работе ЦГАОР СССР по расширению информационной базы обществоведческих исследований» и «О ходе подготовки “Хроники рабочего движения в России. 1896 — февраль 1917 гг.”».

Вне плана подготовлено и проведено совещание с представителями архивных и делопроизводственных служб министерств и ведомств, где выступили т. т. Добровская А. В., Пшеничная Л. Ф., Зелов Н. С.

Архив также принял участие в организации и проведении совещания с представителями архивных и делопроизводственных служб министерств и ведомств СССР, проводившегося Главархивом СССР, во Всесоюзном

совещании-семинаре по вопросам перестройки комплектования государственных архивов и оптимизации состава документов ГАФ СССР (на семинаре выступили А. В. Добровская и О. Н. Копылова).

В соответствии с решением коллегии Главархива СССР от 31.03.88 продолжалась работа по рассекречиванию и снятию ограниченного допуска к документам архива. Всего рассекречено 157 291 дело и снято ограничение допуска с 50 127 дел.

По показателям 1-го раздела план выполнен, перевыполнен объем картонирования документов (195 %). Это объясняется как увеличением приема документов, так и возможностью реализовать потребности архива в картонировании в связи с получением от ЛМРД дополнительного количества коробок.

План по переработке и усовершенствованию описей выполнен на 100 %. Работа проводилась по 6 фондам.

Предусмотренное пятилетним планом усовершенствование описей фонда листовок и брошюр дореволюционного периода (Ф. 1741, Оп. 1, 2) заменено усовершенствованием научно-справочного аппарата других фондов в связи с приемом из НБ ЦГА СССР россыпи листовок объемом свыше 13 тыс. ед. хр.

Плановые задания на год по каталогизации скорректированы по делам на 13 %, по карточкам на 20 % в связи с выделением 2-х сотрудников на выявление сведений для «Хроники рабочего движения в России».

На государственное хранение поступили документы по отраслям, предусмотренным планом.

Перевыполнение плана комплектования (115,8 %) объясняется досрочным приемом по просьбе учреждений документов ВЦСПС, Главархива СССР (по 1975 г.), а также документов ликвидированных министерств и ведомств.

К 70-летию Ленинского декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» архив принял участие во Всесоюзной научно-практической конференции, на которой выступил директор архива с сообщением.

Архив принял активное участие в подготовке межотраслевой выставки на ВДНХ СССР «ГАФ СССР и его роль в перестройке» и в проведении мероприятий на ее базе. Силами архива подготовлены 4 раздела выставки, фотоальбом, пристендовая литература, проводились экскурсии и консультации посетителей. На базе выставки проведены День ЦГАОР СССР и заседание Круглого стола, на которых состоялись встречи специалистов архива и историков с представителями широкой общественности.

По заданиям инстанций проводилось тематическое выявление документов по различным аспектам отечественной истории, в том числе, по

поручению Комитета Партийного Контроля, выявлялись документы о лицах, репрессированных в 30–40-е годы.

Сотрудники архива в юбилейном году участвовали во встречах с научной общественностью, выступали в творческих домах Москвы, в вечернем Университете марксизма-ленинизма МГК КПСС, редакции журнала «Новый мир» о малодоступных ранее документах архива.

Осуществляя роль научно-методического центра по работе с документами своего профиля, архив систематически проводил стажировки и обмен опытом по отдельным направлениям своей деятельности: архивистов союзных республик и ЦГА СССР по работе над «Хроникой рабочего движения в России»; архивистов Белоруссии и Украины по рассекречиванию документов; архивистов республиканских и областных архивов, слушателей ФПК по комплектованию и работе с ведомствами; кубинских и монгольских архивистов по научно-информационной деятельности и др.

В течение года практиковалось расширение номенклатуры работ по использованию, выполняемых на хозрасчетных началах (копирование, работа с киностудиями).

Выполнение плановых заданий по отдельным показателям достигнуто за счет совмещения профессий и расширения зон обслуживания.

Отчет о выполнении плана развития архивного дела в ЦГАОР СССР рассмотрен на дирекции ЦГАОР СССР 10 января 1989 года.

Зам. директора архива Т. Ф. Павлова

ГА РФ. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 1424. Л. 1–3. Подлинник.

Г. Н. Иофис

Центральный государственный архив РСФСР (1957–1992 гг.)

ЦГА РСФСР, который вошел составной частью в Государственный архив Российской Федерации, просуществовал чуть меньше 35 лет, его директорами были А. Н. Гаврилов, Ф. И. Шаронов, В. В. Никанорова. За это время архив из пеленок вырос до вполне взрослого состояния, превратившись в солидное хранилище документов по истории России. ЦГА РСФСР был создан в соответствии с постановлением Совета министров РСФСР № 915 от 3 августа 1957 г. «О мероприятиях по обеспечению сохранности и использованию архивных материалов министерств и ведомств

РСФСР»¹. Создание архива Российской Федерации было связано с изменением организации управления промышленностью и строительством в СССР и в РСФСР. Российская Федерация была единственной республикой в СССР, которая не имела до 1957 г. собственного центрального архива. Документы республиканских ведомств принимали на государственное хранение союзные архивы. Массовое упразднение в 1957 г. союзных и республиканских министерств и ведомств прекратило эту практику. Создание ЦГА РСФСР оформлено приказом МВД РСФСР № 238 от 17 августа 1957 г.² Приложениями к приказу были: утвержденное «Временное положение о Центральном государственном архиве РСФСР» и временное штатное расписание архива³. Этим же приказом было предусмотрено строительство здания для архива в 1957–1958 годах.

Положения об архиве неоднократно переутверждались в связи с изменением подведомственности, уточнением профиля, расширением задач и функций. После временного положения 1957 г. положения утверждались в 1959 г., 1962 г., 1967 г., 1974 г., 1983 г., последнее положение утверждено в 1990 г.⁴ ЦГА РСФСР за время своего существования несколько раз менял подведомственность. До ноября 1961 г. он подчинялся Архивному управлению МВД РСФСР⁵, затем до июля 1963 г. Главному архивному управлению при Совете министров РСФСР. В 1963 г. главк был ликвидирован⁶, а руководство архивами в РСФСР было поручено Главному архивному управлению при Совете министров СССР⁷. С 1963 г. до 1971 г. ЦГА РСФСР подчинялся Главархиву СССР. В 1971 г. было принято решение о воссоздании Главархива РСФСР, и архив вновь оказался в его подчинении⁸. В ноябре 1990 г. Главархив РСФСР был переименован в Комитет по делам архивов при Совете министров РСФСР (Роскомархив), который был упразднен в ноябре 1991 года⁹.

¹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 919. Л. 122–123.

² ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 3–8.

⁴ Там же. Д. 21. Л. 1–4; Д. 80. Л. 1–7; Ф. Р-5325. Оп. 3. Д. 1391. Л. 243–248; Ф. А-286. Оп. 6. Д. 194. Л. 62–69; Д. 941. Л. 124–133; Д. 1828. Л. 45–55.

⁵ СП РСФСР. 1961. № 31. Ст. 145.

⁶ СП РСФСР. 1963. № 13. Ст. 92.

⁷ Постановление Совета министров СССР № 950 от 11 сентября 1963 г.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 755. Л. 150.

⁸ Постановление Совета министров РСФСР № 246 от 27 апреля 1971 г. // СП РСФСР. 1971. № 8. Ст. 71.

⁹ Создан постановлением Совета министров РСФСР № 488 от 5 ноября 1990 г. (ГА РФ. Ф. А-286. Оп. 7. Д. 1. Л. 1–3) — упразднен Указом Президента РСФСР № 242 от 28 ноября 1991 г. (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. № 48. Ст. 1696).

От упраздненных министерств и ведомств РСФСР архив принял свыше 370,0 тыс. дел (211 фондов), которые располагались в 16 разных точках города, в основном в подвалах и полуподвалах, едва приспособленных для хранения документов. Так начинался архив. Документы в основном были в неупорядоченном состоянии. Штаты архива в то время составляли всего 60 человек, это были работники упраздненных министерств и ведомств и выпускники МГИАИ 1957 г. выпуска. Руководящий состав архива был укомплектован квалифицированными специалистами. Возглавлял архив А. Н. Гаврилов, его заместителем был Н. Ф. Егоров. Среди первых сотрудников архива были Т. П. Коржихина, А. Д. Степанский, В. А. Кутейникова (Сидорова), Г. П. Тихачева, Л. К. Давыдова, Н. Р. Голина, С. И. Хорошая, З. Г. Савицкая, Ф. С. Царапкина, Р. Д. Кузнецова, Н. К. Леве, А. В. Пирязева, К. И. Судаков, А. К. Панфилова, Е. В. Корнева (Белова), М. Васильев, Н. Мажукин, В. М. Плакса, Е. Н. Благина, В. С. Козлов, В. А. Кожухова, И. И. Белов и др. Некоторые из них, проработав 4–5 лет, покинули архив, но многие работали долго. Все они внесли заметный вклад в деятельность архива.

Основной задачей архива в тот период было приведение в порядок поступивших документов, экспертиза их ценности и описание. Этот массив документов был полностью упорядочен к 1962 г. В архиве удалось сразу наладить четкий учет документов. Сотрудники архива с первых дней работы приступили к исполнению запросов социально-правового характера, тем более что в это время началась реализация нового положения о пенсионном обеспечении в СССР, а архив принял от ликвидированных министерств и ведомств около 150 тыс. дел по личному составу.

Чтобы обеспечить доступ исследователей к документам и заявить о себе как о полноценном хранилище документов, архив подготовил и уже в 1959 г. издал справочник о составе и содержании документов архива¹. Составителем справочника была Т. П. Коржихина.

Архив с самого начала своего существования должен был определить круг источников комплектования, выяснить и зафиксировать историю всех государственных учреждений РСФСР начиная с 1917 г. Так возникла идея создания справочника по истории государственных учреждений РСФСР. Возглавила эту работу Т. П. Коржихина, в подготовке справочника участвовали Н. П. Беликова, Е. В. Корнева (Белова), Т. Г. Кий, Р. Д. Кузнецова, А. К. Панфилова, К. В. Плешкова, Г. П. Тихачева, С. И. Хорошая. Приступили к этой работе достаточно грамотно, создавая на первом этапе каталог по истории госучреждений. Справочник был издан в 1971 г., он

¹ Справочник о составе и содержании документальных материалов ЦГА РСФСР. М., 1959.

охватывает период с 1917 по 1967 г.¹ Каталог существует и сейчас, он постоянно пополняется и активно используется.

Чтобы архив полноценно работал, а не превратился просто в склад документов, в подвальном помещении на Спартаковской ул., где находилась администрация архива, удалось организовать читальный зал, и исследователи получили доступ к документам.

Еще одним направлением работы в этот сложный период была подготовка сборников документов по истории восстановления городов, разрушенных в годы Великой Отечественной войны. Изданы два сборника: «Поднятый из руин» о восстановлении г. Волгограда и «Возрожденный из руин» о восстановлении г. Смоленска.

В 1961 г. был издан подготовленный С. И. Хорошей обзор документов «Местная промышленность в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.».

В 1961 г. Главным архивным управлением при Совете министров РСФСР на ЦГА РСФСР был возложен контроль за архивами республиканских учреждений, включенных в список № 1². В тот период в этот список было включено 323 учреждения. В составе архива был создан отдел комплектования, учета и экспертизы ценности документов.

Строительство специального здания архива было завершено лишь к концу 1964 г. К моменту переезда в него в архиве было сконцентрировано более 500 тыс. дел. Документы удалось перевезти без потерь, в основном силами сотрудников. Некоторую помощь в переезде оказали органы милиции. Перед переездом был составлен подробный план размещения документов в новом здании, который удалось осуществить в полной мере. Руководила переездом В. А. Кутейникова (Сидорова).

В период с 1957 г. до 1964 г. пришли работать в архив С. М. Воскобойник, Ж. М. Корневская, Б. В. Альбрехт, А. С. Пахомова, Т. Н. Долгорукова, Г. Н. Иофис, М. А. Белова и др. Это были работники с высшим специальным образованием, они смогли активно включиться в работу.

Так завершился первый период существования архива. Сотрудники накопили определенный опыт работы и некоторые традиции, которые являются полезными и сегодня.

Начиная с 1965 г. архив смог развернуть работу по всем направлениям деятельности государственных архивов. Приказом ГАУ при Совете министров СССР от 14 апреля 1965 г. № 54³ утверждена новая структура

¹ Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.): Справочник. М., 1971.

² Постановление Совета министров РСФСР от 30.09.61 № 1238 // СП РСФСР. 1961. № 28. Ст. 125.

³ ГА РФ. Р-5325. Оп. 3. Д. 1006а. Л. 109.

архива, в ее состав вошли отделы: публикации и использования документов; комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства; хранения документов, учета и научно-справочного аппарата. В мае 1966 г. на базе хозрасчетной группы архива, которая занималась в основном описанием, техническим оформлением документов в министерствах и ведомствах РСФСР и подготовкой их к передаче на госхранение, был создан отдел по обработке и использованию документов министерств и ведомств РСФСР (за счет спецсредств).

С октября 1966 г. ЦГА РСФСР возглавил Ф. И. Шаронов, его заместителями в разные годы были Е. М. Корнева, к. и. н. В. А. Сидорова, Н. Н. Розова, Г. Н. Иофис, И. Ю. Горбунов, В. В. Никанорова.

Структура архива несколько раз менялась, к 1979 г. она сложилась окончательно, изменялись только названия некоторых структурных подразделений без существенного изменения их функций. Структура архива выглядела так¹:

- Организационный отдел (в состав отдела входила Республиканская служба НТИ и СИФ)

- Отдел научно-исследовательской и методической работы

- Отдел ведомственных архивов, комплектования и экспертизы ценности документов (название несколько раз менялось)

- Отдел информационно-поисковых систем

- Отдел информации и научного использования документов

- Отдел публикации документов

- Отдел специальных фондов

- Отдел научно-технической обработки и использования документов за счет специальных (внебюджетных) средств (в 1980 г. отдел перестал заниматься использованием документов и стал называться: отдел комплектования и экспертизы ценности документов, содержащийся за счет специальных (внебюджетных) средств)

- Архивохранилище фондов высших органов государственной власти и органов управления (в 1990 г. было преобразовано в отдел хранения фондов высших органов государственной власти и органов управления)

- Архивохранилище фондов народного хозяйства (в 1990 г. было преобразовано в отдел хранения фондов народного хозяйства)

- Лаборатория обеспечения сохранности документов (в 1984 г. преобразована в отдел обеспечения сохранности документов)

- Группа эксплуатации и обслуживания здания

Значительное место в работе архива всегда отводилось полноценному комплектованию. Уточняя свой профиль, архив поставил вопрос не только о планомерном приеме дел из министерств и ведомств, но и о передаче

¹ ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 426. Л. 4–8.

дел своего профиля из центральных государственных архивов СССР. Этот вопрос был достаточно сложным и решался неоднозначно, так как многие ведомства республиканской подчиненности в первые годы советской власти имели общесоюзное значение. Однако ЦГА РСФСР создал картотеку на все организации своего профиля, выявил места их хранения и принимал меры к передаче их на госхранение к себе. Это была чрезвычайно важная работа, так как хотелось создать полноценную источниковую базу по истории России за годы советской власти. Отчасти эта работа увенчалась успехом: были приняты документы Совнаркома РСФСР, НК РКИ РСФСР, Наркомтруда РСФСР, Наркомпроса РСФСР, Наркомсобреса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР, Наркомфина РСФСР, Наркомместпрома РСФСР и др. Часть фондов поступила в полном объеме и с подведомственной сетью, часть фондов были поделены до 1923–1924 гг., а иногда и позже. Эти документы остались в союзных архивах. К 1 января 1975 г. архиву удалось сконцентрировать в своих стенах один миллион дел, что вывело его на уровень архивов первой категории.

Работа с министерствами и ведомствами РСФСР — источниками комплектования архива, контроль за организацией делопроизводства в них давали архиву основу для планомерного комплектования. Работу по комплектованию архива возглавляли А. В. Пирязева, М. Ф. Залого, М. С. Алексеева, Н. Д. Данилина. В отделе работали такие опытные сотрудники, как Е. Н. Благина, Л. А. Зиновьева, В. А. Шутова, Н. Р. Каноян, А. М. Рязанов, И. Ю. Горбунов. Все министерства и ведомства РСФСР в 1970–1980-х гг. разработали и ввели в действие инструкции по делопроизводству, в том числе и для подведомственных учреждений, согласовали номенклатуры дел, внедрили «Основные правила работы ведомственных архивов» (1986 г.).

Упорядочением документов министерств и ведомств занимался хозяйственный отдел комплектования и экспертизы ценности документов. В разные годы его возглавляли Л. Е. Лосев, Л. К. Рябцева, последние годы его бессменными руководителями были Л. И. Исаева и Л. И. Джигладзе. Этот отдел, часто в очень тяжелых условиях, приводил в порядок документы и готовил их к передаче в ЦГА РСФСР.

Работа по упорядочению документов министерств и ведомств в разные периоды деятельности архива не была на одном уровне. Так, к 1976 г. из 659 тыс. дел постоянного хранения, хранящихся в ведомствах, было утверждено на ЭПК ЦГА РСФСР 649 тыс. дел или 98 %, но к 1986 г. из 506 тыс. дел постоянного хранения только 210 тыс. дел или 41 % было упорядочено. Основная масса неупорядоченных документов хранилась в Совете министров РСФСР, Госплане РСФСР и ЦСУ РСФСР. Основной причиной резкого снижения темпов упорядочения документов, находящихся на ведомственном хранении, явилось отсутствие площадей для

приема документов на государственное хранение. Здание архива рассчитано на хранение одного миллиона трехсот тысяч дел. К 1987 г. помещения архива были заполнены документами на 96,3 %, даже с учетом того, что архивохранилища были переоборудованы и их вместимость существенно увеличилась.

Начиная с 1976 г. архив целенаправленно занимался комплексной целевой экспертизой ценности документов. Работа проводилась на научной основе, которая была разработана ВНИИДАД, Главархивом РСФСР, ЦГА РСФСР и архивными учреждениями России. В процессе работы выделялись к уничтожению документы, которые не поступали на госхранение в соответствии с современными правилами, а также дублетные и поглощенные материалы. Работа проводилась по комплексам документов ведомственных систем с привлечением документов местных архивов. За время работы было просмотрено свыше 120 тыс. дел, выделено к уничтожению свыше 22 тыс. дел. С другой стороны, удалось пополнить фонды Наркомпроса и учреждений его системы документами местных архивов после завершения работы по комплексной целевой экспертизе ценности документов по системе народного образования. Комплексная целевая экспертиза ценности документов дала возможность архиву на некоторое время снизить остроту проблемы комплектования и отсутствия свободных площадей. Однако это не было решением вопроса. Остро встал вопрос о строительстве нового здания или об аренде помещения для хранения документов.

Постановление Совета министров РСФСР № 309 от 31 мая 1977 г. предусматривало строительство второго здания для ЦГА РСФСР¹. К 1980 г. была завершена работа по сбору документов для выделения земельного участка для строительства. Подготовлен проект распоряжения Моссовета о выделении участка. Но дело с места не двигалось. Только к середине 1980-х гг. вопрос о строительстве здания для ЦГА РСФСР с помощью Главархива РСФСР и Патентного ведомства стал медленно продвигаться. Патентное ведомство было заинтересовано в том, чтобы архив выехал и отдал ему здание на Бережковской набережной, оно было готово принять финансовое участие в строительстве здания для ЦГА РСФСР. Был выделен участок земли в районе станции метро «Новые Черемушки», был разработан проект здания. Но строительство так и не началось. Сложная обстановка в стране привела к тому, что проект не был осуществлен. Вопрос о строительстве здания для архива окончательно не решен до сих пор.

В конце 1970-х гг. в некоторых министерствах и ведомствах стали создаваться объединенные архивы, которые действовали на хозрасчетной

¹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 3576. Л. 226–232.

или бюджетной основе. Эти архивы концентрировали на своих площадях документы постоянного хранения подведомственных организаций, что препятствовало их утрате.

К 1981 г. на учете в ЦГА РСФСР значилось 55 организаций — источников комплектования архива научно-технической документацией, но не все из них подготовили документы к передаче на госхранение. Вопросам отбора научно-технической документации на государственное хранение уделялось большое внимание. Занималась этой работой В. А. Шутова. Архив вместе с ВНИИДАД принимал участие в разработке научной проблематики по этой теме. В конце 1980-х гг. положение с приемом научно-технической документации на госхранение существенно улучшилось. Но затем эта работа была свернута, а хранящиеся в архиве документы переданы в ЦГА НТД.

Большое место в работе архива занимало фондирование документов. Этим вопросом пришлось заниматься с первых лет работы архива. Упорядочение документов требовало решения вопросов о распределении документальных комплексов по фондам. При завершении комплексной целевой экспертизы ценности документов фондирование документов занимало важное место. Бесконечные реорганизации государственного аппарата России принуждали постоянно решать вопросы, связанные с фондированием документов, с тем чтобы не потерять их в огромном потоке документации.

Основой работы любого государственного архива является обеспечение сохранности его документов. Эта работа проводилась в ЦГА РСФСР по всем направлениям. Архив переоборудовал свои хранилища, оснащенные первоначально библиотечными стеллажами, архивными стеллажами. Это существенно увеличило вместимость хранилищ.

Вопросы улучшения физического состояния документов первоначально решались в архиве кустарными способами, но с созданием в 1985 г. отдела обеспечения сохранности документов ситуация изменилась. Дела стали переплетаться и реставрироваться силами отдела, а не подшиваться, как раньше, стали создаваться страховой фонд архива и фонд пользования на микрофишах. Полноценно возглавила эту работу Н. Я. Ивановская.

Архивохранилища проводили планомерную работу по выявлению особо ценных документов, их учету и подготовке документов к микрофильмированию. Долгое время архивохранилища возглавляли С. М. Воскобойник, Л. К. Давыдова, Н. А. Семенова.

В архивохранилищах была проведена сплошная проверка наличия документов, в ней принимали участие практически все сотрудники архива. В отчетах приводятся конкретные цифры итогов работы за каждый год. Например, из отчета за 1978 г.: «За три года проверено 768 673 тыс. дел, оформлены результаты 535 367 тыс. дел, по состоянию на 01.01.79 не об-

наружено 253 дела или 0,04 %»¹. Архив наладил цикличное проведение проверки наличия документов и опечатывание коробок с малоиспользуемыми документами. Следует отметить, что все документы архива были закартонированы. В 1987–1988 гг. проведена целевая проверка наличия листов в делах, выдававшихся в читальный зал архива. Проверено свыше трех миллионов листов.

Много внимания уделялось обучению и повышению ответственности работников архивохранилищ. Не секрет, что хранители фондов — наименее оплачиваемая категория работников и текучесть кадров на этом участке работы может привести к печальным последствиям. Архив организовал постоянно действующий семинар для работников архивохранилищ, подготовил должностные инструкции, все работы в архивохранилищах были четко регламентированы специальными инструкциями, исполнение которых тщательно проверялось.

Использование документов в ЦГА РСФСР происходило в основном традиционными путями. Ведущими сотрудниками на этом направлении работы были Л. И. Давыдова, С. И. Хорошая, М. П. Дьячкова, В. М. Хрусталева, А. Л. Валевская, И. А. Миркина, Т. В. Афанасьева, Н. Н. Цуканова. Архив всегда считал своим лицом читальный зал и стол справок. В читальном зале работали наиболее квалифицированные сотрудники, которые прекрасно знали состав документов архива и его научно-справочный аппарат. К консультациям исследователей привлекались работники всех отделов и архивохранилищ. В читальном зале архива занимались творческие и научные работники, представители Сибирского и Дальневосточного отделений АН СССР, МГУ, МГИАИ, Московского института культуры, Научно-исследовательского института культуры, Пушкинского заповедника и других научных учреждений. Использовали документы архива через читальный зал и практические работники.

Исполнение запросов социально-правового характера считалось в архиве приоритетным направлением. Здесь работали опытные сотрудники Е. Э. Никитина, Е. В. Руднева, Т. Г. Баранченко. Был организован прием посетителей. Для качественного и быстрого исполнения запросов создавались картотеки по личному составу. Так, например, картотека по личному составу Министерства промышленности продовольственных товаров РСФСР и его системы позволяла ускорить исполнение запросов по этому ведомству. Часто запросы социально-правового характера превращались в запросы по истории госучреждений. Здесь огромную помощь исполнителям оказывал и оказывает каталог по истории госучреждений и справочник «Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР». Сотрудники стола справок

¹ ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 400. Л. 27.

вели свои картотеки со сведениями о месте хранения документов отдельных учреждений и организаций, сведения о которых отсутствуют в существующих справочниках.

Значительную долю в работе по использованию документов архива занимало инициативное информирование заинтересованных организаций о документах, в том числе Совета министров РСФСР. Информационные письма готовились по разнообразной тематике и довольно широко рассылались. Часто архив получал отклики на свои письма и получал запросы на тематическое выявление документов по теме, на организацию выставки, на выступления на конференциях и т. д. Значительный интерес вызвали информации по сельскохозяйственной тематике, по истории научно-исследовательских институтов Министерства здравоохранения РСФСР, о нерудных ископаемых и залежах строительного сырья на территории РСФСР, об охране памятников искусства и старины, охране и рациональном использовании природных ресурсов, о заготовках и продаже населению сельскохозяйственной продукции, о дружественных связях РСФСР и Казахстана, об истории МХАТ, об опыте борьбы против пьянства, об истории организации охраны здоровья народностей Севера и другие.

Ограниченный состав документов по истории РСФСР не способствовал развитию публикационной работы архива. Не позволяли развернуть эту работу и финансовые возможности. Отдел публикации был небольшим, но все же обеспечил подготовку около 20 сборников документов. Некоторые из них подготовлены самостоятельно. С другой стороны, большое внимание уделялось укреплению связей с научными организациями и вузами, центральными государственными архивами СССР и архивными учреждениями автономных республик, краев и областей. Архив принял участие в подготовке серии документальных публикаций по истории культурного строительства в СССР. Работали в отделе очень опытные сотрудники Л. И. Давыдова, Н. П. Беликова, Т. Ю. Красовицкая, Л. Е. Ефанова и другие.

Помимо первых сборников о восстановлении после войны городов Сталинграда и Смоленска, архив подготовил научно-популярный сборник «Друг большой, заботливый (переписка Н. К. Крупской с пионерами)». Этот сборник пользовался большим спросом, выдержал три издания общим тиражом 377 тыс. экземпляров. Интересны серийные сборники документов «История культурного строительства в РСФСР», «История библиотечного дела в СССР», «Н. К. Крупская и библиотечное дело». Два последних сборника подготовлены совместно с Государственной библиотекой им. В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека). Совместно с НИИ художественной промышленности подготовлен сборник документов «Народные художественные промыслы. 1917–1932 гг.», он вышел в свет в 1986 г. Сборник хорошо иллюстрирован и представляет

не только научную, но и художественную ценность. В 1987 г. издан сборник документов и материалов «РСФСР — фронту», подготовленный сотрудниками архива.

Большой интерес представляет сборник «Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик. 1919–1924 гг.», вышедший в свет в 1985 году.

Архив уделял внимание и малым формам публикаций в журналах, газетах, трудах научных учреждений и т. д. Например, интересна серия публикаций документов архива по природоохранительной тематике, подготовленная В. М. Хрустальевым и опубликованная в газетах «Московская правда», «Вечерняя Москва», «Люберецкая правда», «Учительская газета», «Лесная промышленность», журнале «Советские архивы» и других.

Работу по развитию научно-справочного аппарата к документам архива долгие годы возглавляла Е. М. Корнева, плодотворно работали в отделе Г. П. Тихачева, Т. Н. Котлова, С. Я. Слезенко, Т. Г. Кий, В. П. Жироухова, Т. Е. Шабанова. ЦГА РСФСР стремился создать продуманную и взаимосвязанную систему справочников, найти наиболее экономичные пути ее создания. Для архива было важно рационально разместить сведения в отдельных видах справочников так, чтобы информация не повторялась.

За время своего существования архив выпустил два кратких справочника о составе и содержании своих документов, один в 1959 г., а другой в 1973 г.¹ Активное участие принял архив в работе по подготовке справочника-путеводителя «Государственные архивы РСФСР»², которая проводилась под руководством Главархива РСФСР. Справочник вышел в свет в 1980 году.

В 1967 г. была разработана «Схема единой системы НСА ЦГА РСФСР»³ и объяснительная записка к ней. В 1988 г. для исследователей, работавших в читальном зале архива, в графическом виде была подготовлена «Схема поиска информации с помощью НСА ЦГА РСФСР»⁴. В ней представлены основные виды справочников с указанием уровня (фонд, описание, дело, документ), на котором дает информацию каждый справочник.

Описи к документам архива довольно информативны и имели, как правило, развернутый научно-справочный аппарат: предисловия, указатели. Описи усовершенствовались после работ по фондированию документов, после экспертизы их ценности и др. Проводилась целевая работа по усовершенствованию описей с просмотром дел, в результате которой часто уточнялись заголовки и иногда даже менялась систематизация дел.

¹ Архивные фонды Центрального государственного архива РСФСР. М., 1973.

² Государственные архивы РСФСР: Справочник-путеводитель. М., 1980.

³ СИФ ГА РФ. № 444н.

⁴ СИФ ГА РФ. № 4087н.

Важное место в системе научно-справочного аппарата архива занимали каталоги архива: систематический каталог, каталог по истории госучреждений и именной каталог. Общий объем каталогов около 500 тыс. карточек. Для исключения дублирования информации в каталогах были выработаны принципы ее распределения. Так, в каталог по истории госучреждений помещались сведения об образовании, подведомственности, функциях, компетенции, структуре, преобразованиях, ликвидации учреждений, их местной сети. В каталоги, как правило, включалась информация только на те группы документов, содержание которых не раскрыто в описях. Прежде всего речь шла о постановлениях и распоряжениях Совета министров РСФСР, указах Верховного совета РСФСР, приказах и протоколах коллегий российских министерств. В каталоги архива в основном включались карточки, составленные в результате целевой каталогизации фондов. Выбор фондов для каталогизации был тесно связан с активностью их использования сотрудниками архива и исследователями, предпочтение отдавалось фондам, содержащим многоаспектную информацию. Карточки в систематическом каталоге заиндексированы и систематизированы в соответствии с СЕК¹. Некоторые разделы СЕК уточнялись применительно к информации, которая содержалась в документах архива, и к ним составлены «Рабочие схемы классификации». Значительный объем каталогов архива требовал значительных затрат времени на их усовершенствование, особенно активизировалась эта работа в связи с внедрением новой СЕК² 1978 г. выпуска.

Входили в систему научно-справочного аппарата архива и вспомогательные каталоги, как межфондовые, так и фондовые, тематические и фондовые обзоры документов архива, как опубликованные, так и неопубликованные.

Сотрудники архива, помимо традиционных указателей к описям (учреждений, именных, географических, предметно-тематических), готовили указатели непосредственно к документам. Интенсивно использовались исследователями «Предметный указатель к приказам и протоколам заседаний коллегии Министерства сельского хозяйства РСФСР за 1940–1963 гг.»³ и «Указатель организаций к протоколам коллегии Наркомата просвещения РСФСР за 1918–1932 гг.»⁴. Конечно, такие указатели не

¹ Схема единой классификации документальных материалов Государственного архивного фонда СССР в каталогах государственных архивов (советский период). М., 1962.

² Схема единой классификации документной информации в систематических каталогах государственных архивов СССР (советский период). М., 1978.

³ СИФ ГА РФ. № 927н.

⁴ СИФ ГА РФ. № 3897н.

могли заменить каталоги, но они существенно облегчали использование документов.

Научно-исследовательская и методическая работа занимала важное место в работе ЦГА РСФСР. Работа часто проводилась совместно с ВНИИДАД, союзными архивами и республиканскими архивными учреждениями. С другой стороны, архив всегда стремился к методическому обеспечению своей практической деятельности. Тематика НИР была довольно разнообразна: определение источников комплектования, отбор на госхранение различных видов и групп документов, организация документов в делопроизводстве, обеспечение сохранности документов, создание и совершенствование НСА к документам, научная организация труда и т. д. Уровень научных и методических разработок архива был довольно высоким, об этом свидетельствуют премии на республиканских конкурсах и конкурсах, организуемых ВНИИДАД, журналом «Советские архивы». Однако опыт работы архива не всегда учитывался в общепрофессиональных разработках, иногда они были оторваны от практики и не давали должных результатов.

Довольно много внимания ЦГА РСФСР уделял нормативной базе, были подготовлены положения об отделах, о совещательных органах архива, должностные инструкции сотрудников, которые систематически обновлялись. Методические разработки архива обеспечивали единообразие работ при проведении их группой сотрудников, обобщали предыдущий опыт работы и давали возможность сотрудникам его использовать, способствовали обучению сотрудников новым методам и приемам работы.

ЦГА РСФСР постоянно ориентировался на связь с архивными учреждениями автономных республик, краев и областей. Много внимания этому уделяли директора ЦГА РСФСР Ф. И. Шаронов и В. В. Никанорова, являясь членами коллегии Главархива РСФСР и Роскомархива. Руководство ЦГА РСФСР, его структурных подразделений, специалисты архива принимали участие в союзных и республиканских научных конференциях по основным проблемам архивного дела, заседаниях Зональных научно-методических советов (ЗНМС) архивных учреждений, других совещательных органов.

В 1974 г. в ЦГА РСФСР был создан Справочно-информационный фонд¹, на его базе в 1978 г. создана Республиканская служба научно-технической информации². В службе работали Г. Н. Иофис, В. В. Никанорова, Т. И. Шульженко, Л. И. Бугримова, В. П. Захаров, Э. С. Кудрявцева. Справочно-информационный фонд собрал и описал опубликованные и неопубликованные отраслевые и местные

¹ ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 351. Л. 2–5.

² ГА РФ. Ф. А-286. Оп. 6. Д. 549. Л. 153–157.

нормативно-методические разработки, сборники документов, подготовленные архивными учреждениями РСФСР. В СИФ сосредоточена литература по истории Российской Федерации, справочники, энциклопедии, сборники законов, специальная литература по архивоведению и документоведению. Республиканская служба НТИ входила во Всесоюзную службу, которую возглавлял Отраслевой центр научно-технической информации (ОЦНТИ) ВНИИДАД. Служба сыграла положительную роль в создании единой системы методического обеспечения отрасли и в распространении современного опыта работы. Служба не только информировала архивные учреждения РСФСР о новых отраслевых методических разработках, результатах изучения научных тем, прошедших ЗНМС, совещаниях, но и рассылала заинтересованным архивным учреждениям копии хранящихся в СИФ неопубликованных материалов, в том числе копии научных и методических разработок ЦГА РСФСР. Республиканская служба НТИ имела тесные связи со службами НТИ других союзных республик и снабжала их информацией. Получали необходимую информацию и республиканские министерства и ведомства. Помимо информации о новых поступлениях в СИФ, служба готовила и рассылала тематические информации и обзоры научно-технических достижений по конкретным темам. РСНТИ аннотировала отдельные разработки, представлявшие интерес для архивных учреждений, и рассылала информацию о них оперативно, в виде информационных листков. Работа РСНТИ реально превратила ЦГА РСФСР в научно-методический центр по работе с документами своего профиля и способствовала внедрению результатов НИР и методическому обеспечению отрасли. Службе удалось организовать изучение информационных потребностей архивных учреждений и ведомственных архивов путем анкетирования и внедрения карт обратной связи. Работала служба и в режиме «запрос — ответ», так, перед разработкой какого-либо методического пособия архивное учреждение, как правило, направляло в службу запрос об имеющихся наработках по теме. Времени на работу затрачивалось меньше, работа была эффективнее, достижения других архивных учреждений и ведомств внедрялись и не пропадали даром.

Краткий очерк о почти 35-летнем существовании дает только общее представление о работе архива, но не отражает всех особенностей его деятельности. Проблем было довольно много, справляться с ними не всегда было легко, но в архиве всегда работали энтузиасты, квалифицированные сотрудники обучали молодых.

В ЦГА РСФСР накоплен большой опыт, сложились хорошие традиции в организации работы, которые находят развитие в деятельности ГА РФ.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Распоряжение Совета министров РСФСР № 2598-р

14 июня 1957 г.

1. Обязать руководителей упраздняемых министерств и ведомств РСФСР обеспечить до 1 июля 1957 г. тщательную подготовку всех архивных материалов для сдачи их в соответствии с существующим порядком на государственное хранение.

2. Закрепить за архивами упраздняемых министерств и ведомств РСФСР занимаемые ими помещения на период до окончания размещения архивных материалов в специально приспособленных зданиях.

3. Поручить Министру внутренних дел РСФСР т. Стаханову разработать и представить в 10-дневный срок Совету Министров РСФСР предложения о необходимых мероприятиях по организации в дальнейшем хранения и использования архивных материалов министерств и ведомств РСФСР.

*Заместитель председателя Совета Министров РСФСР
Н. Байбаков.*

ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 940. Л. 147. Подлинник.

№ 2

Постановление Совета министров РСФСР № 915 о мероприятиях по обеспечению сохранности и использования архивных материалов министерств и ведомств РСФСР

3 августа 1957 г.

В целях обеспечения сохранности и всестороннего использования архивных материалов министерств и ведомств РСФСР Совет Министров РСФСР постановляет:

1. Создать в городе Москве Центральный государственный архив РСФСР, подчинив его Министерству внутренних дел РСФСР.

2. Утвердить штатную численность Центрального государственного архива РСФСР в количестве 60 единиц.

3. Расходы на содержание Центрального государственного архива РСФСР определить на 1957 г. в сумме 320 тыс. рублей, в том числе 204 тыс. рублей на заработную плату.

Покрытие указанного расхода произвести за счет экономии ассигнований по республиканскому бюджету РСФСР в связи с зачетом излишних запасов материальных ценностей по отчету за 1956 год по учреждениям министерств и ведомств РСФСР.

4. Поручить Министру внутренних дел РСФСР т. Стаханову утвердить структуру и штат Центрального государственного архива РСФСР, а также Положение об этом архиве.

5. Передать Министерству внутренних дел РСФСР архивные материалы, оборудование и материальные ценности архивов упраздненных министерств и ведомств РСФСР.

Документальные материалы (технические, статистические и другие), необходимые для работы, могут быть переданы непосредственно Госплану РСФСР, Статуправлению РСФСР, а также другим центральным учреждениям РСФСР, по согласованию с Архивным управлением МВД РСФСР.

6. Обязать Министерство внутренних дел РСФСР (т. Стаханова) осуществить строительство здания Центрального государственного архива РСФСР в течение 1957–1958 гг. по типовому проекту «П-3», утвержденному Министерством внутренних дел СССР.

7. Выделить Министерству внутренних дел РСФСР на начало строительства здания Центрального государственного архива РСФСР из резервного фонда Совета Министров РСФСР 500 тыс. рублей и из резерва Совета Министров РСФСР тонколистовой стали 12 тонн и мягкой кровли 1 200 кв. метров, а также 120 тонн цемента за счет перевыполнения плана производства за 1 полугодие 1957 года.

8. Разрешить Министерству внутренних дел РСФСР израсходовать в 1957 году на строительство здания Центрального государственного архива РСФСР 500 куб. м. круглого леса за счет собственных лесозаготовок в Иркутской области.

9. Поручить Госплану РСФСР предусмотреть в проекте народно-хозяйственного плана на 1958 год выделение Министерству внутренних дел РСФСР капиталовложений в объеме 2 млн рублей на окончание строительства здания Центрального государственного архива РСФСР.

*Заместитель Председателя Совета Министров РСФСР
Н. Байбаков.*

*Управляющий Делами Совета Министров РСФСР
И. Груздев.*

№ 3**Приказ министра внутренних дел РСФСР № 38 о создании в Москве Центрального государственного архива РСФСР***17 августа 1957 г.*

В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 3 августа 1957 года за № 915 «О мероприятиях по обеспечению сохранности и использования архивных материалов министерств и ведомств РСФСР»

Приказываю:

1. Положение, структуру и штаты Центрального государственного архива РСФСР, представленные Архивным управлением МВД РСФСР, утвердить.

2. Архивному управлению (т. Ильину):

а) принять архивные материалы, подготовленные для сдачи в соответствии с существующими правилами, оборудование, материальные ценности и помещения архивов упраздненных министерств и ведомств РСФСР в срок до 25 августа 1957 года;

б) обеспечить руководство и контроль за работой Центрального государственного архива РСФСР.

3. Управлению кадров (т. Курееву) совместно с Архивным управлением приступить к укомплектованию штата Центрального государственного архива РСФСР.

4. Финансовому отделу (т. Масанову) обеспечить получение финансирования из бюджета на содержание аппарата и строительство здания Центрального государственного архива РСФСР.

5. Плановому отделу (т. Зоткину) предусмотреть в плане на 1958 г. капитальные вложения на строительство здания Центрального государственного архива РСФСР в сумме 2 млн рублей, а также оформить в Госплане РСФСР на 1957 год необходимый лимит на проектно-изыскательские работы.

6. Хозяйственному управлению (т. Торицину) совместно с Архивным управлением:

а) оформить через отдел городских земель Мосгорисполкома получение земельного участка, подготовить необходимую документацию на строительство здания Центрального государственного архива РСФСР и в 1957 г. приступить к строительству здания архива, обеспечив своевременное получение строительных материалов и освоение денежных средств в сумме 500 тыс. рублей, выделенных Постановлением Совета Министров РСФСР на капитальное строительство в текущем году, в связи с чем в ближайшее время подобрать подрядную организацию по строительству здания Центрального государственного архива РСФСР;

б) предоставить одну комнату для временного размещения руководства Центрального государственного архива РСФСР, обеспечив ее необходимым инвентарем;

в) закрепить за Центральным государственным архивом РСФСР на период комплектования и перемещения архивных материалов упраздненных министерств и ведомств одну автомашину.

Министр внутренних дел РСФСР

генерал-лейтенант Стаханов

ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2. Заверенная копия.

№ 4

Приложение к приказу МВД РСФСР № 238-1957 г.

Временное положение о Центральном государственном архиве РСФСР

17 августа 1957 г.¹

I. Общие положения.

1. Центральный государственный архив РСФСР является научно-исследовательским учреждением и находится в непосредственном ведении Архивного управления Министерства внутренних дел РСФСР.

2. В своей работе Центральный государственный архив РСФСР руководствуется законодательством Союза ССР и РСФСР, приказами МВД СССР и РСФСР, приказами, указаниями и инструкциями Главного архивного управления МВД СССР и Архивного управления МВД РСФСР.

3. Во главе Центрального государственного архива РСФСР стоит начальник, назначаемый Министерством внутренних дел РСФСР по представлению начальника Архивного управления МВД РСФСР.

II. Состав архива.

4. В состав Центрального государственного архива РСФСР входят документальные материалы Государственного архивного фонда Союза ССР с 1923 г., образовавшиеся на территории Российской Федерации в процессе деятельности:

а) высших органов государственной власти РСФСР;

¹ Дата утверждения министром внутренних дел РСФСР Стахановым.

б) высших исполнительных органов государственного управления республики;

в) органов суда и прокуратуры республики;

г) государственных, общественных и кооперативных учреждений, организаций и предприятий республиканского подчинения;

д) научных, учебных, культурных и технических учреждений, организаций и предприятий республиканского значения;

е) профессиональных союзов и входящих в их ведение учреждений и предприятий республиканского значения;

ж) государственных и общественных деятелей республики, деятелей науки, техники и выдающихся представителей социалистического труда.

ПРИМЕЧАНИЕ: Включение в состав Центрального государственного архива РСФСР документальных материалов до 1923 г. определяется Главным архивным управлением МВД СССР.

5. В Центральный государственный архив РСФСР входят также печатные материалы, относящиеся к его составу и необходимые для научно-справочной работы.

III. Задачи архива.

6. На Центральный государственный архив РСФСР возложены следующие задачи:

а) учет, концентрация и обеспечение сохранности документальных материалов, относящихся к его составу и подлежащих приему на государственное хранение;

б) научно-техническая обработка документальных материалов архива и выделение материалов, не подлежащих хранению;

в) составление описей, обзоров, путеводителей и других справочников по материалам архива;

г) научно-исследовательская и специальная разработка документальных материалов;

д) использование документальных материалов архива в народнохозяйственных, научных и культурных целях путем подготовки и издания сборников документов, монографий, публикаций и статей;

е) выдача в установленном порядке документальных материалов во временное пользование и для использования в читальном зале архива;

ж) выдача справок, копий и выписей по материалам архива;

з) популяризация хранящихся в архиве документальных материалов путем организации выставок, лекций, докладов и т. п.

IV. Структура архива.

7. В состав Центрального государственного архива РСФСР входят следующие отделы:

- а) отдел общих фондов;
- б) отдел секретных фондов, использования и публикации документальных материалов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Данная временная структура архива устанавливается впредь до завершения концентрации документальных материалов в единое хранилище, после чего в связи с расширением объема и видов работы в структуру архива должны быть внесены необходимые изменения.

8. В составе Центрального государственного архива РСФСР в соответствии с объемом и характером его работы образуется хозяйственный и финансовый аппарат.

9. При Центральном государственном архиве РСФСР могут быть организованы фотолаборатория, переплетно-брошюровочная, реставрационная и другие мастерские...¹

Начальник Архивного управления МВД РСФСР полковник
П. Ильин.

Помета: Утверждаю. Министр внутренних дел РСФСР Стаханов.
17 августа 1957 г.

ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–8. Заверенная копия.

№ 5

Справка директора Центрального государственного архива РСФСР А. Н. Гаврилова о составе и состоянии Центрального государственного архива РСФСР на 1 июля 1963 г.

24 июля 1963 г.

Центральный государственный архив РСФСР образован в 1957 г. в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР № 914 от 3 августа 1957 г. в целях обеспечения сохранности и всестороннего использования документальных материалов министерств и ведомств РСФСР, со штатной численностью в количестве 60 единиц.

Состав и состояние документальных материалов

В 1957 г. Центральным госархивом было принято от упраздненных в том же году министерств и ведомств РСФСР 371 тыс. ед. хр., размещавшихся в то время в 16-ти приспособленных подвальных и полуподваль-

¹ Опущен п. V. «Управление и материально-правовое положение архива».

ных помещениях, сохранность документальных материалов в которых обеспечена не была.

Принятые материалы в большинстве своем находились в неупорядоченном состоянии, материалы ряда фондов были разобщены между собой. На все фонды имелись только сдаточные описи, от 30 до 50 % фонды были «захламлены» материалами, не подлежащими хранению. Все это вместе взятое заставило архив в первую очередь провести научно-обоснованное фондирование, усовершенствование научно-технической обработки и массовую экспертизу ценности документальных материалов всех фондов. В результате проведенной работы к 1962 году весь состав документальных материалов ЦГА РСФСР был приведен в порядок. На каждый фонд составлены единые описи и обширный научно-справочный аппарат к ним, а к концу 1962 г. была завершена работа по очищению архива от макулатуры. (В общей сложности в макулатуру было выделено около 250 тыс. дел.)

Архивом также проведена большая работа по каталогизации документальных материалов. Закаталогизированы фонды Совета Министров, Госплана, Министерства промышленности строительных материалов, Госстроя и др. фондов. К настоящему времени в архиве создан тематический каталог, состоящий более чем из 77 тыс. тематических карточек, отсистематизированных по схеме ГАУ СССР. Работа по каталогизации продолжается.

В 1962–1963 гг. архивом проведена большая работа по отбору документальных материалов в Министерстве сельского хозяйства РСФСР. За указанное время было просмотрено 96 416 ед. хр., из которых отобрано и принято на государственное хранение 70 036 ед. хр. за период с 1919 по 1960 гг. Отбор документальных материалов закончен. В настоящее время ведется усовершенствование научно-технической обработки документальных материалов указанного министерства, принятых в архив на государственное хранение. Планом на 1963 год предусмотрено обработать более 16 тыс. ед. хр.

Комплектование архива документальными материалами

Добившись в течение 1958–1960 гг. дополнительных помещений, архив провел работу по дальнейшему комплектованию его наиболее ценными документальными материалами. Так, за период с 1959 по 1963 гг. включительно было принято более 150 тыс. ед. хр., в том числе от Совета Министров РСФСР — 20 тыс. ед. хр. за 1941–1946 гг., от Госплана РСФСР — 10 тыс. ед. хр. за 1925–1947 гг., от Министерства просвещения — 25 тыс. дел за 1920–1946 гг., от Министерства сельского хозяйства РСФСР — 70 тыс. ед. хр., от упраздненной Комиссии государственного контроля — 16 тыс. и от некоторых других центральных республиканских учреждений.

В связи с предстоящим окончанием в конце 1964 г. строительства здания архива составлен перспективный план комплектования архива документальными материалами на 1963–1970 гг. и согласованный с министерствами и другими республиканскими учреждениями график сдачи-приема в ЦГА РСФСР документальных материалов. Реализация указанного плана и графика намечена с 1 квартала 1965 г.

В настоящее время в архиве сосредоточено 323 фонда, с общим количеством около 350 тыс. ед. хр., которые размещены в 6-ти приспособленных помещениях, отвечающих требованиям хранения документальных материалов. Площадь всех архивохранилищ составляет — 6240 кв. м.

Научно-публикаторская работа

За период с 1959 г. по 1962 г. архивом подготовлены 3 документальных сборника, характеризующие мероприятия Партии и Правительства, направленные на быстрое восстановление старейших русских городов, подвергшихся разрушениям в период Великой Отечественной войны. Два сборника — «Поднятый из руин» (о восстановлении города-героя Волгограда) и «Возрожденный из руин» (о восстановлении г. Смоленска) изданы областными издательствами. В подготовке указанных сборников участвовали местные партийные и государственные архивы, а также работники обкомов КПСС. Так, ответственным редактором сборника «Возрожденный из руин» является секретарь Смоленского Горкома КПСС т. Богданов П. Е., бывший секретарь Волгоградского Обкома КПСС т. Журавлев Д. П. вошел в состав редакционной комиссии сборника «Поднятый из руин». Рукопись третьего сборника о восстановлении 15-ти старейших русских городов в апреле 1963 г. сдана в издательство Министерства сельского хозяйства, сборник будет выпущен в свет в IV квартале текущего года.

Архивом готовится справочник по истории государственных учреждений РСФСР. К нему составлено около 600 исторических справок, изучена библиография. Завершение работы над указанным справочником и сдача рукописи в издательство намечены на 1-ое полугодие 1964 г.

Работа по контролю за ведомственными архивами.

Указаниями Главного архивного управления при Совете Министров РСФСР на Центральный государственный архив начиная с 1962 г. возложен контроль за архивами республиканских учреждений, включенных в список № 1. Таких учреждений в этот список внесено 323.

Для осуществления этого мероприятия в составе архива за счет его штатной численности и утвержденного фонда заработной платы создан Отдел комплектования, учета и экспертизы ценности документальных материалов и Экспертно-проверочная комиссия.

В течение 1962–1963 гг. ЦГА РСФСР произвел более 150 проверок и ознакомился во всех ведущих учреждениях РСФСР с состоянием и составом документальных материалов, рассмотрел и утвердил на ЭПК 50 описей на 12 тыс. ед. хр. Большая работа была проведена по оказанию помощи республиканским учреждениям в улучшении постановки текущего делопроизводства и, в частности, в составлении номенклатур дел на 1963 год.

Структура, штаты и кадры

Штатная численность ЦГА РСФСР была определена постановлением Совета Министров РСФСР № 914 от 3 августа 1957 г. в 60 единиц. В 1962 г. структура и штаты архива были пересмотрены и численность его была утверждена в 58 единиц, в том числе: руководство (вместе с начальниками отделов) — 5 ед., заведующие архивохранилищами — 6 ед., старших научных сотрудников — 11 ед., научных сотрудников — 6 ед., младших научных сотрудников — 1 ед., инспекторов-хранителей фондов — 5 ед., старших архивно-технических сотрудников — 5 ед., административно-управленческого и обслуживающего состава — 19 ед. Недокомплект составляет 6 ед., в том числе 4 ед. архивно-технические сотрудники.

Из 29 руководящих и научных сотрудников архива 27 человек окончили МГИАИ.

Структура архива состоит из трех отделов: Отдел использования и публикации документальных материалов — 9 ед., Отдел общих и секретных фондов — 22 ед., Отдел комплектования, учета и экспертизы ценности документальных материалов — 6 ед.

Строительство здания архива

Постановлением Совета Министров РСФСР от 3 августа 1957 г. предусмотрено строительство здания архива по типовому проекту П-3.

Для этой цели в 1958 г. архиву был выделен земельный участок в Юго-западном районе Москвы, и к середине 1959 г. была закончена разработка проектно-технической документации на это строительство. В 1959 г. АПУ г. Москвы возбудило вопрос об изъятии ранее выделенного нам участка, и в 1960 г. решением Исполкома Моссовета для строительства здания архива был выделен другой участок — по Бережковской наб., 44. Однако 4-я магистральная мастерская Моспроекта не дала согласия на строительство на этой магистрали здания по типовому проекту П-3, в связи с чем Совет Министров РСФСР, по ходатайству быв. МВД РСФСР, разрешил построить здание архива по индивидуальному проекту.

В течение 1960–1961 гг. проектной конторой было разработано новое проектное задание и осуществлена «привязка» здания.

Вместимость здания рассчитана на 1 700 тыс. ед. хр., площадь его составляет около 6 тыс. кв. м., кубатура более 18 тыс. куб. м. Стоимость строительства определена в 5 886 тыс. рублей (в старом масштабе цен).

Строительство архива было начато лишь в декабре 1962 г. По состоянию на 1 июля текущего года закончены работы по возведению цокольного этажа и производилась кладка 1-го этажа здания.

Средств на 1 июля с.г. освоено 92 тыс. руб. План на 1963 г. утвержден в сумме 366 тыс. рублей.

В текущем году предусмотрено возведение каркаса здания. Окончание строительства намечено на конец 1964 г.

Генеральным подрядчиком является 4-й государственный строительно-монтажный трест Главмосстроя. Строительство ведет СУ-22 указанного треста.

*Директор Центрального государственного архива РСФСР
А. Гаврилов.*

ГА РФ. Ф. А-286. Оп. 1. Д. 207. Л. 35–39. Подлинник.

№ 6

Из сообщения сотрудника Центрального государственного архива РСФСР Т. П. Коржихиной о рукописи «История государственного аппарата РСФСР. 1917–1963 гг. (Справочник)»¹ на заседании Научного совета ЦГА РСФСР

28 апреля 1965 г.²

Предлагаемая Вашему вниманию рукопись «История государственного аппарата РСФСР. 1917–1963 гг. (Справочник)» является одним из первых опытов создания справочников этого типа. Идея подготовки книги возникла четыре года тому назад и была подсказана сугубо практическими нуждами в связи с большим потоком запросов со стороны государственных учреждений и отдельных лиц по розыску тех или иных учреждений и организаций РСФСР. Однако в настоящем виде содержание его выходит за рамки чисто справочного издания, так как оно представляет собой достаточно полное и документально обоснованное изложение истории государственного строительства в Российской Федерации.

¹ Справочник вышел в свет в 1971 г. под названием «Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР. 1917–1963 гг.».

² Протокол заседания Научного совета ЦГА РСФСР хранится в ГА РФ: Ф. А-309. Оп. 1. Д. 148. Л. 3–14.

Несколько слов об источниках.

В течение четырех лет небольшой коллектив авторов-составителей собрал огромный материал (около 30 тысяч документов, учтенных на карточках), на основе которого и создана эта рукопись. Был привлечен самый разнообразный материал. Прежде всего колоссальный по объему законодательный материал. Были просмотрены и учтены на карточках все законодательные акты правительства РСФСР (1917–1963 гг.), опубликованные в «Собрании узаконений» и других изданиях законодательных актов и неопубликованные (по материалам ЦГАОР СССР, ЦГА РСФСР и сборникам «для служебного пользования»); почти все законодательные акты правительства СССР (главным образом опубликованные в различных изданиях и сборниках законодательных актов).

Было просмотрено большое количество ведомственных изданий типа «Бюллетени Наркомпроса», «Сборник приказов по ВСНХ» и т. п., где наряду с ведомственными постановлениями и приказами учитывались и отдельные статьи, хроники, заметки с интересующими нас сведениями по истории учреждений.

Были использованы и архивные материалы: ведомственные приказы и постановления, штатные расписания, годовые отчеты. В справочнике имеются целые подразделы, написанные почти полностью только по архивным материалам, так как законодательство о них было очень незначительным (например, органы управления сельским хозяйством, народным образованием и т. д.). Этот последний вид источников — архивные материалы мы считаем наиболее достоверным, так как практика показала, что иногда от принятия закона до его воплощения в жизнь — дистанция огромного размера.

Привлекалась и мемуарная или близкая к ней по характеру литература, хотя и редко, главным образом в тех случаях, когда не были обнаружены законодательные акты.

О составе справочника.

Справочник охватывает период с 1917 г. по 1963 г. (по состоянию на 1 января 1964 г.).

При работе над Справочником было составлено 1 275 справок на учреждения и организации РСФСР. В это количество вошли справки не только на министерства и ведомства, подчиненные им главные, центральные и просто управления и объединения, но и следующие учреждения (условно отнесенные к государственному аппарату): научно-исследовательские и проектные институты, издательства, комиссии и комитеты, в том случае, если они являлись самостоятельно обособленными бюджетными или хозяйственными организациями; а также тресты и конторы, если они имели управленческие функции и не относились к учреждениям сферы производства. Такой состав Справочника объясняется стремлением авторов

наиболее полно охватить всю систему государственного аппарата республики и выявить и описать все, или почти все, государственные учреждения и организации.

В Справочник вошли лишь государственные учреждения — высшие органы власти и управления, центральные органы управления в области народного хозяйства и социально-культурного строительства, судебные управления, суда и прокуратуры, т. е. все государственные учреждения, за исключением двух категорий — общественных организаций (партийно-политических, кооперативных) и местных органов.

Справочник состоит из отдельных справок на каждое обособленное учреждение, обладавшее административной и финансовой самостоятельностью. В некоторых справках — главным образом это наркоматы и министерства — помимо сведений по истории самого наркомата (министерства) в конце справки даются сведения о некоторых наиболее важных органах, существовавших при наркомате, не входивших в состав аппарата наркомата как структурная часть, но и не являвшихся самостоятельными подведомственными наркомату единицами (комиссии, комитеты, бюро, инспекции).

СИФ ГА РФ. № 326н. Копия.

№ 7

Информация директора Центрального государственного архива РСФСР Ф. И. Шаронова «Центральный архив РСФСР набирает силы»

1967 г.

Всего лишь несколько лет назад в разностильный пейзаж Бережковской набережной вписали это восьмиэтажное здание. Этот дом отличается от других не только внешним видом. В своих стенах он хранит дела давно минувших дней и события недавние, следы которых еще живы в памяти современников.

Скромная табличка извещает: здесь находится Центральный государственный архив РСФСР. История России, история народа, его борьбы и труда, история создания Советского государства, становления и развития автономных областей, роста культуры малых, ранее отсталых народностей, развития промышленности и сельского хозяйства, нелегкого, но славного пути к построению социализма и началу коммунистического строительства запечатлена в миллионах документов. В архиве Российской

Федерации есть уникальные, подлинные документы, лично подписанные руководителями партии и правительства.

Архивные источники неисчерпаемы. Все новые и новые сведения дают они о подвигах людей, строителей новой жизни, об открытиях ученых молодого Советского государства, знакомят с перепиской писателей, общественных деятелей...

В этом году архив отмечает свой небольшой юбилей — 10 лет. Десятый год особенно примечателен. Завершен фундаментальный труд, посвященный 50-летию советской власти. Мы имеем в виду «Историю государственного аппарата РСФСР за 50 лет».

Впервые история создания и совершенствования государственного аппарата Российской Федерации с момента образования органов Советской власти до наших дней стала объектом специального исследования во всем ее объеме. Каждое учреждение от высших органов власти Республики до главков и трестов нашло свое место и освещение в этой книге.

Вчера на Научном совете¹ решалась проблема научной организации поиска необходимой информации в помощь исследователям.

Из всех уголков и автономных областей Республики стекаются в уютный читальный зал архива научные работники научно-исследовательских институтов, университетов, работники хозяйственных и общественных организаций, инженеры, писатели и студенты.

Значительно активизировалось использование материалов архива в связи с подготовкой к 50-летию Октября. Только за несколько месяцев этого года выдано исследователям свыше четырех тысяч дел. К 50 годовщине Советской власти архив готовит передвижные выставки документов и материалов: из истории Российской Федерации за 50 лет; деятельность Министерства просвещения РСФСР; сельское хозяйство Российской Федерации за 50 лет и другие. Многие уникальные документы экспонируются в выставочном зале архива.

СИФ ГА РФ. Котия.

№ 8

Из отчета Центрального государственного архива РСФСР за 1972 г.

[...] 13. Проводилась совместная научная и методическая работа с ЗНМС Северного Кавказа: а) определены основные направления со-

¹ Заседание Научного совета ЦГА РСФСР состоялось 26 апреля 1967 г.: ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 184. Л. 1–131.

вместной работы ЦГА РСФСР и ЗНМС на 1972 и последующие годы; б) ЦГА РСФСР подготовил 6 сообщений и выступил с ними на семинаре по обмену опытом работы методистов архивных учреждений Северного Кавказа (г. Ростов-на-Дону), на конференции по вопросам комплектования (г. Сочи), на совещании, посвященном вопросам работы хозрасчетных отделов и групп (г. Грозный); в) проводилась работа по обмену опытом по всем направлениям деятельности госархивов и обмену методическими разработками; г) архивом рецензировались сообщения и рекомендации, подготовленные к конференции по вопросам комплектования; д) проводилась совместная работа по сбору материалов для подтверждения правильности определения критериев отбора документов по личному составу на госхранение и т. п.

14. Архив принял участие в подготовке, проведении, а также в заседаниях VII Международного конгресса архивов в г. Москве, осуществил размножение материалов конгресса (около 15,0 тыс. листов), провел экскурсию по архиву представителей Чехословакии.

15. Подготовлены рекомендации по улучшению деятельности экспертных комиссий министерств и ведомств.

16. Изучена возможность создания объединенных архивов в министерствах автомобильного транспорта и легкой промышленности, составлены справки о возможности и целесообразности создания объединенных архивов (с выводами, изложенными в справке, ознакомлены руководящие работники министерств).

17. Подготовлено методическое пособие для источниковедческого анализа личных дел депутатов Верховного Совета РСФСР в связи с разработкой темы «Численность и состав депутатов Верховного Совета РСФСР». Тема будет разрабатываться в 1973 г.

18. Подготовлены рекомендации по составлению инструкций по делопроизводству в министерствах и ведомствах.

19. Подготовлена памятка по исполнению тематических запросов по фонду Министерства просвещения РСФСР.

20. С целью дальнейшего совершенствования работы по планированию и отчетности в архиве разработан бланк плана-отчета для структурных подразделений и нормы времени на ряд работ.

21. В связи с работой по выявлению и учету особо ценных документов, которая будет проводиться в 1973 г., разработана инструкция по выявлению особо ценных документов...

33. В 1972 г. архив продолжал работать в содружестве с Историко-архивным институтом:

а) оказана методическая и практическая помощь пяти дипломникам МГИАИ, защитившим дипломные работы по темам: «Усовершенствование научно-справочного аппарата к ф. Совнархоза РСФСР», «Научное

описание документов отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса РСФСР», «Научное описание документов фонда Общесоюзного бюро заграничной санитарной статистики при Наркомздраве РСФСР. 1921–1936 гг.» и др. Представители архива выступали официальными оппонентами на защите дипломных работ.

б) архив разработал и передал в МГИАИ перечень научных тем, имеющих большое практическое значение в работе государственных архивов, для дипломных проектов. Тематика обсуждена и принята кафедрой теории и практики архивного дела института.

в) преподаватели МГИАИ принимали активное участие в работе Научного совета, методической и экспертно-проверочной комиссий архива...

*Директор ЦГА РСФСР
Ф. И. Шаронов*

ГА РФ. Ф. А-286. Оп. 6. Д. 97. Л. 111–112, 114. Подлинник.

№ 9

Из доклада заместителя директора Центрального государственного архива РСФСР В. А. Сидоровой «Центральный государственный архив РСФСР за 20 лет (1957–1977 гг.)» на юбилейном заседании Научного совета ЦГА РСФСР

11 июля 1977 г.

[...] С первого дня деятельности Центрального государственного архива РСФСР, образованного постановлением Совета Министров РСФСР № 915 от 3 августа 1957 г. «О мероприятиях по обеспечению сохранности и использования архивных материалов министерств и ведомств», главным вопросом для него было определение профиля, состава и содержания документов, которые должны были подлежать хранению в нем, составлять его суть как хранилища документов исторической и научной ценности, утверждать его место в сети государственных архивов нашей страны. Первым документом, узаконившим содержание и границы ЦГА РСФСР, было разработанное Архивным управлением МВД РСФСР положение от 17 августа 1957 г., которое затем неоднократно пересматривалось...

Другим, не менее важным вопросом для ЦГА РСФСР являлось четкое установление принципов и источников комплектования, выработка научного обоснования профиля архива. Для этого архивом были изучены все республиканские учреждения и организации, проведен анализ историче-

ской значимости документов, образующихся в процессе их деятельности, определен круг республиканских учреждений, материалы которых должны или не должны передаваться на госхранение.

С целью изучения документации, подлежащей хранению в ЦГА РСФСР, архив уже в первые годы проводит отбор документов в ведущих учреждениях РСФСР — Совете Министров РСФСР, Госплане РСФСР, ЦСУ РСФСР, министерствах. Принципы и задачи комплектования архива уже не раз обсуждались на заседаниях Научного совета Архивного управления МВД РСФСР и Научного совета ЦГА РСФСР.

Кроме того, необходимо было разобраться в судьбе тех документов, которые создавались в учреждениях, существовавших с начала образования Российской республики и ликвидированных задолго до 1957 г. Следовало восстановить все наличие республиканских учреждений за почти полувековой период, т. е. обратиться к истории государственных, общественных и прочих учреждений с 1917 г. и составить их перечень. Для этого были изучены состав и содержание Государственного архива РСФСР (1920–1925 гг.), затем АОР РСФСР и ЦГАОР СССР, принимавших документы российских учреждений в период с 1925 до 1957 г., и других государственных и ведомственных архивов, в которых могли храниться фонды профиля ЦГА РСФСР, а также организационно-распорядительная документация высших органов власти и органов государственного управления РСФСР...

Знание истории республиканских учреждений дало возможность установить место хранения многих из них. К сожалению, значительная часть учреждений пока не обнаружена, тревожит мысль об утрате их документов. Сейчас архивная картотека учреждений, местонахождение документов которых неизвестно, насчитывает около 300 наименований...

К концу 1970 г. объем хранящихся в архиве документов по сравнению с моментом переезда в новое здание увеличился почти вдвое до 912.375 дел, а по состоянию на 1 января 1977 г. в нем более 1.120 тыс. дел...

За 20 лет ЦГА РСФСР создал высокого уровня систему НСА к документам. На первом этапе (1957–1964 гг.) в соответствии с направлением деятельности архива составлялись в основном описи к документам министерств и ведомств РСФСР и справочный материал к ним. Но и для начальной стадии одних описей было не достаточно. Поэтому для осуществления и правильного решения вопросов учета, использования и комплектования документов архив начал составление справочника по истории госучреждений, каталогизацию документов, издал в 1959 г. «Справочник о составе и содержании документов»...

В систему научно-справочного аппарата архива входят описи документов, каталоги, справочники о составе фондов архива, тематические обзоры, тематические и алфавитные картотеки, справочники по истории государственных учреждений, учету и др.

В настоящее время развитие НСА идет по двум основным направлениям: усовершенствование описей и каталогизация документов...

Совершенствование НСА к описям рассматривается архивом как средство повышения их информативного уровня. Эта работа проводится с учетом существующей взаимосвязи между описями и систематическим каталогом как основными справочниками по содержанию документов. Наличие полноценного и продуманного научно-справочного аппарата к описям во многом определяет организацию и методику каталогизации документов...

При создании системы каталогов разработаны принципы и методы организации отдельных каталогов, определены связи каталогов и принципы распределения сведений между ними, методика ведения систематического каталога, изучен вопрос о принципах создания географического каталога. Составление каталожных карточек с учетом целей и методов создания каждого каталога, систематическое совершенствование их структуры значительно повышает информативный уровень каталогов и способствует лучшему их использованию...

В. А. Сидорова

ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 380. Л. 1–53. Подлинник; СИФ ГА РФ. № 2058н.

№ 10

**Из сообщения начальника отдела использования документов
Центрального государственного архива РСФСР С. И. Хорошей
«Основные направления научно-информационной деятельности
ЦГА РСФСР» на научно-практической конференции,
посвященной 60-летию ленинского декрета «О реорганизации
и централизации архивного дела в РСФСР»**

25 мая 1978 г.

[...] В результате многолетней практической работы сложились основные направления использования ретроспективной документной информации: научное, агитационно-пропагандистское и культурно-просветительское, народно-хозяйственное, учебное и социально-правовое...

Об использовании документов ЦГА РСФСР в научных целях.

Формами использования архивных документов в научных целях являются: участие сотрудников архива в научных конференциях и симпозиумах; подготовка информационных писем; ответы на тематические запро-

сы научных учреждений; обслуживание исследователей в читальном зале; подготовка сборников документов, подготовка публикаций в периодической печати.

Архивом накоплен уже немалый опыт в установлении деловых, творческих отношений с научными учреждениями, в обеспечении их научной документной информацией.

Несколько лет архив работал в тесном контакте с Ленинградским институтом театра, музыки и кинематографии, выявив по его просьбе множество документов по истории русского советского театра. Документы включены во 2 и 3 тома сборника документов «Советский театр. Документы и материалы»¹.

Сегодня мы хотим остановиться на наших контактах с Институтом истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР. Начавшаяся в 1963 г. наша совместная деятельность оказалась чрезвычайно плодотворной. Не прерываясь, она продолжается вот уже 15 лет. ЦГА РСФСР использует различные формы для удовлетворения потребности института в документной информации. В связи с подготовкой в 60-х годах многотомной монографии по истории Сибири — архив в течение нескольких лет по запросу института проводил выявление документов по этой тематике, представляя институту копии этих документов.

Такую же работу архив провел, оказав существенную помощь институту, в выявлении документов по истории рабочего класса Сибири.

Наряду с этим, 2 сотрудника ЦГА РСФСР — Т. П. Коржихина и Р. Д. Кузнецова выступили в качестве авторов, подготовив для 4 тома монографии «История Сибири» текст двух параграфов «Борьба за всеобщую грамотность» и «Культурное просвещение трудящихся Сибири» за 1928–1937 гг. Существенный вклад внес архив в расширение источниковой базы по истории рабочего класса и крестьянства в Сибири, трижды выступив с докладами и сообщениями на научных форумах. В 1973 г. в Новосибирске на симпозиуме по проблемам истории Сибири выступили Л. И. Давыдова с сообщением о документах архива по коллективизации Крайнего Севера и Ф. И. Шаронов — по истории промышленности Сибири. В 1974 г. в г. Шушенском на симпозиуме историков Сибири и Дальнего Востока выступил Ф. И. Шаронов, в 1976 г. на Всесоюзном симпозиуме в г. Барнауле М. Л. Гавлин сделал сообщение. Как уже говорилось, творческие связи ЦГА РСФСР и сибирского института не обрываются...

Надо сказать, что сообщения и доклады на научных симпозиумах и конференциях как форма научной документной информации используются архивом довольно широко. Причем тематика сообщений, вводящих

¹ Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр. 1921–1926. Л.: Искусство, 1975.

в научный оборот новые архивные материалы, весьма разнообразна. Ряд таких сообщений архива опубликован в материалах прошедших конференций и симпозиумов...

Значительный объем научной документной информации предоставляет архив научно-исследовательским и учебным заведениям в ответ на их запросы в форме перечней документов, составленных в результате тематических выявлений с последующим снятием копий с интересующих учреждение документов...

Таким образом, были проведены значительные выявления для Казахского филиала института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (о жизни и деятельности Т. Р. Рыскулова — заместителя председателя СНК РСФСР), для Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева (по истории развития птицеводства), для НИИ художественных промыслов, Томского института курортологии, НИИ технической эстетики, многих вузов страны и др.

Выявленные по запросам научных учреждений материалы архива используются при написании монографий, статей, включаются в сборники документов.

Так, на их основе сотрудником Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР Г. А. Докучаевым написана монография «Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы (1946–1950 гг.)»¹, Курганским педагогическим институтом разработан спецкурс по профессиональной ориентации учащихся, который включает сведения о создании Единой трудовой школы и др.

Наряду с этим, архив по своей инициативе в форме информационных писем информирует научные учреждения об имеющейся в документах архива ретроспективной информации, предварительно изучив потребности в ней у определенных групп научных учреждений.

Так, например, архивом был изучен комплекс материалов о деятельности университетов РСФСР, составлены информационные письма и разосланы университетам. В ответ на них в архив поступили запросы Дальневосточного, Астраханского и Ульяновского университетов на проведение работ по выявлению документов. В 1973 г. было составлено и разослано 18 информационных писем научно-исследовательским институтам системы Министерства здравоохранения РСФСР. Архив получил от институтов запросы и организовал выявление материалов...

*Начальник отдела использования документов
С. И. Хорошая.*

ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 398. Л. 1–58. Подлинник.

¹ Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы (1946–1950). Новосибирск, 1972.

№ 11**Положение о республиканской (РСФСР) службе научно-технической информации в области документоведения и архивного дела***28 декабря 1981 г.¹***1. Общие положения.**

1.1. Республиканская (РСФСР) служба научно-технической информации (РСНТИ) в области документоведения и архивного дела создается в целях организации в РСФСР системы научно-технической информации (НТИ) по этим вопросам. РСНТИ является республиканским центром НТИ по документоведению и архивному делу.

1.2. РСНТИ содействует повышению уровня управления архивным делом в РСФСР, успешному выполнению архивными учреждениями республики перспективных и годовых планов работы, внедрению в практику отечественных и зарубежных научно-технических достижений и передового опыта в области документоведения и архивного дела, повышению качества и эффективности труда работников архивных учреждений.

1.3. РСНТИ является структурным подразделением Центрального государственного архива РСФСР (ЦГА РСФСР).

1.4. Численность сотрудников РСНТИ устанавливается директором ЦГА РСФСР с учетом объема работ и решаемых задач по НТИ и пропаганде. Расходы на содержание РСНТИ предусматриваются в общей смете расходов ЦГА РСФСР.

1.5. РСНТИ работает по плану, утверждаемому Главархивом РСФСР, общереспубликанские мероприятия, осуществляемые службой, проводятся по согласованию с Главархивом РСФСР.

1.6. РСНТИ осуществляет свою деятельность под методическим руководством ОЦНТИ ВНИИДАД.

2. Основные задачи РСНТИ.**2.1. Основными задачами РСНТИ являются:**

2.1.1. оперативное обеспечение архивных и других учреждений РСФСР своевременной, исчерпывающей и дифференцированной информацией об отечественных и зарубежных научно-технических достижениях и передовом опыте в области документоведения и архивного дела;

2.1.2. систематическое накопление информационных материалов, характеризующих достигнутый уровень развития архивного дела в респуб-

¹ Дата утверждения начальником ГАУ при Совете министров РСФСР.

лике, научно-технические достижения отечественного и зарубежного документоведения и архивного дела;

2.1.3. координация и организация работы служб НТИ архивных учреждений, оказание им методической помощи в организации использования материалов НТИ по проблемам документоведения и архивного дела;

2.1.4. организация взаимодействия с центральным отраслевым органом НТИ (ОЦНТИ ВНИИДАД) в работе по информационному обеспечению архивных и других учреждений РСФСР, обеспечение восходящего потока информации общепотребительного характера;

2.1.5. организация научно-технической пропаганды, передового опыта работы архивных учреждений и научно-технических достижений в области документоведения и архивного дела;

2.1.6. учет состояния государственной регистрации НИР, осуществляемых архивными учреждениями РСФСР.

3. Основные функции РСНТИ.

3.1. Для выполнения возложенных задач РСНТИ:

3.1.1. выявляет и изучает информационные потребности архивных и других учреждений РСФСР по вопросам документоведения и архивного дела;

3.1.2. осуществляет планомерное комплектование информационными материалами справочно-информационного фонда РСНТИ (в соответствии с Положением о РСИФ). Обеспечивает учет, научную обработку и систематизацию материалов РСИФ, создает справочно-поисковый аппарат РСИФ;

3.1.3. участвует в комплектовании и использовании материалов Единовременного справочно-информационного фонда (ЕСИФ) по проблемам документоведения и архивного дела;

3.1.4. рассматривает в необходимых случаях с участием отделов Глав-архива РСФСР, ЦГА РСФСР и других архивных учреждений республики и проводит отбор поступивших в РСНТИ научно-методических и информационных материалов с целью обеспечения качества и полноты состава РСИФ;

3.1.5. осуществляет справочно-информационное обслуживание архивных и других учреждений РСФСР на базе материалов РСИФ, используя материалы ЦОСИФ ОЦНТИ ВНИИДАД, РСИФ других союзных республик;

3.1.6. анализирует и обобщает поступающую отечественную и зарубежную научно-техническую информацию и готовит обзорно-аналитические материалы;

3.1.7. анализирует использование информационных материалов в архивных учреждениях РСФСР;

3.1.8. координирует работу служб НТИ архивных учреждений РСФСР, обеспечивает их ознакомление с нормативными и научно-методическими разработками по отраслевой системе НТИ, регулярно проводит при содействии Главархива РСФСР и ОЦНТИ ВНИИДАД республиканские семинары работников служб НТИ с целью внедрения новых нормативных и научно-методических разработок по НТИ, совершенствования форм и методов работы и обмена опытом, ежегодно уточняет состав руководителей служб НТИ, сообщает о всех изменениях в ОЦНТИ ВНИИДАД;

3.1.9. регулярно проводит «дни информации» для ознакомления специалистов учреждений системы Главархива РСФСР, расположенных в г. Москве, с новыми материалами, поступившими в РСИФ;

3.1.10. подготавливает и представляет в ОЦНТИ ВНИИДАД материалы для включения в ежегодный доклад о наиболее важных отечественных и зарубежных научно-технических достижениях, применимых в отрасли, и сведения об использовании материалов доклада;

3.1.11. организует восходящий поток информации от архивных и других учреждений РСФСР в ОЦНТИ ВНИИДАД, включая:

- неопубликованные научно-методические материалы, разработанные архивными учреждениями РСФСР и представляющие общепрофессиональный интерес;

- информационные карты о завершенных научно-исследовательских и методических работах, выполненных архивными учреждениями РСФСР в соответствии с 5-летним планом развития архивного дела в РСФСР, средствах технического оснащения и передовом опыте работы госархивов республики;

- опубликованные (тиражированные) научно-информационные бюллетени архивных учреждений РСФСР;

- изданные путеводители, справочники, каталоги, обзоры;

- информационные листки, списки (перечни) неопубликованных материалов архивных и других учреждений РСФСР, поступивших в РСИФ РСНТИ;

- материалы республиканских совещаний и семинаров по документоведению и архивному делу;

- опубликованные учреждениями и организациями других ведомств РСФСР документы по профильной проблематике (нормативные и методические материалы по документационному обеспечению управления и делопроизводству, материалы совещаний и семинаров по внедрению ЕГСД, УСОД, перечни и номенклатуры дел и т. п.);

3.1.12. участвует в планировании, организации и проведении мероприятий по научно-технической пропаганде достижений и передового опыта работы архивных учреждений РСФСР;

3.1.13. организует учет состояния государственной регистрации НИР, осуществляемых архивными учреждениями республики, представляет в

ОЦНТИ копии регистрационных и информационных карт после их возвращения из ВНТЦентра;

3.1.14 представляет руководству Главархива РСФСР и ЦГА РСФСР предложения по совершенствованию в Российской Федерации системы научно-технической информации в области документоведения и архивного дела.

4. Права РСНТИ.

4.1. РСНТИ имеет право:

4.1.1. в установленном порядке знакомиться с тематикой и работами архивных учреждений РСФСР и получать от них все материалы и сведения, необходимые для осуществления функций и задач РСНТИ;

4.1.2. привлекать по согласованию с Главархивом РСФСР архивные учреждения РСФСР к работе по научно-технической информации и пропаганде;

4.1.3. контролировать представление в РСНТИ научно-методических и информационных материалов архивными учреждениями РСФСР;

4.1.4. представлять по поручению руководства ЦГА РСФСР в государственных и общественных организациях по вопросам научно-технической информации и пропаганды;

4.1.5. вносить предложения Главархиву РСФСР о поощрении служб НТИ архивных учреждений РСФСР.

Помета: Утверждено приказом Начальника Главного архивного управления при Совете Министров РСФСР № 181 от 28 декабря 1981 г.

ГА РФ. Ф. А-286. Оп. 6. Д. 642. Л. 170–175; СИФ ГА РФ. № 3057н. Подлинник.

№ 12

Из сообщения заместителя директора Центрального государственного архива РСФСР В. В. Никаноровой «Опыт работы архива по обеспечению сохранности документов» на юбилейном заседании Научного совета ЦГА РСФСР, посвященном 30-летию архива

28 ноября 1987 г.

Решение вопросов обеспечения сохранности документов всегда занимало первоочередное место в деятельности архива. Сохранение докумен-

тальных источников для будущих поколений в интересах изучения богатейшего исторического опыта работники ЦГА РСФСР расценивают как важнейший свой долг...

Продолжалось совершенствование организации труда сотрудников, занимающихся обеспечением сохранности документов.

В 1984 году введены в действие «Уточненные нормы времени и выработки на основные виды работ, выполняемые в ЦГА РСФСР». Все основные виды работы, связанные с обеспечением сохранности документов, нормированы.

Действует уточненный в 1984 г. «Распорядок дня», способствующий лучшей организации труда хранителей фондов. Обязанности, права, ответственность должностных лиц за обеспечение сохранности документов регламентируются рядом организационно-распорядительных документов, которые дополнили новые должностные инструкции работникам архивохранилищ, а также инструкция о порядке доступа и режиме хранения, предусматривающие повышение ответственности за сохранность документов.

Вопросам организации труда, технологии работ, связанных с обеспечением сохранности документов, уделяется специальное внимание и в системе повышения деловой квалификации. Не утратил своего практического значения действующий в архиве уже много лет специальный семинар для хранителей фондов. Мы стремимся использовать занятия не только для привития им необходимых профессиональных навыков, но и выработать сознательное, ответственное отношение к своим обязанностям.

Определенная работа по дальнейшему улучшению условий хранения документов была проведена в ходе Всесоюзного общественного смотра обеспечения сохранности документов (1985 г.).

Смотр сыграл несомненную положительную роль, выявил проблемы, которые архиву придется решать в последующие годы...

В 1987 г. ЦГА РСФСР, как и многие другие архивы, вынужден был принять дополнительные меры по обеспечению сохранности документов в соответствии с решениями коллегий Главархива СССР и Главархива РСФСР от 24 сентября и 24 октября 1986 г. Был принят план мероприятий, направленный на повышение ответственности работников за сохранность документов и усиление режима обеспечения сохранности на всех участках. Но мы понимаем, что все наши планы останутся на бумаге, какими бы хорошими они ни были, если каждый сотрудник не поймет важности обеспечения сохранности вверенных нам документов. На это мы стремимся нацелить и свою идейно-воспитательную работу, видя в этом немаловажный фактор улучшения работы архива в целом.

Анализируя 30-летний опыт архива в деле обеспечения сохранности документов, мы понимаем, несмотря на то, что сделано немало, сделать нам предстоит еще больше.

Требуют решения организационные вопросы, касающиеся, в частности, нового отдела обеспечения сохранности документов, создания описей страхового фонда, четкой организации работы по проверке нумерации листов дел в процессе их выдачи в читальный зал и др. Решение их будет во многом зависеть от нашего умелого и оперативного руководства.

Однако в области обеспечения сохранности документов есть ряд проблем, к решению которых архив приступил, но решаются они с большим трудом. Назовем некоторые из них:

1. На сегодняшний день существующая в архиве вентиляционно-отопительная система, эксплуатируемая в течение 22 лет, перестала поддерживать оптимальный температурно-влажностный режим. Несмотря на большие ремонтные работы, проводимые собственными силами, существенных сдвигов в сторону улучшения не наблюдается. Требуется капитальный ремонт воздушной отопительной системы.

2. Обеспечение сохранности на стадии ведомственного хранения продолжает оставаться слабым звеном. Нас волнует не снижающаяся утрата документов в ведомствах. Эта проблема с каждым годом становится все острее, так как архив вынужден сократить прием дел на госхранение. Уже на сегодняшний день сверх срока хранится в ведомствах 87 тыс. дел.

Несмотря на ряд принятых мер и некоторое улучшение обеспеченности ведомственных архивов специальными помещениями, физическое состояние дел не везде отвечает необходимым требованиям.

Улучшение физического состояния дел, поступающих в хранилища архива, также связано с улучшением технической обработки дел в ведомствах, как силами хозрасчетного отдела, так и силами ведомственных архивов, что, в свою очередь, связано с решением вопросов материально-технического обеспечения этого участка работы (обложки дел по ГОСТ, прочные нитки, соответствующий требованиям клей и др.).

3. Нас давно волнует проблема восстановления документов с затухающими текстами (объем их выявлен в архиве достаточно большой).

В целях поиска путей решения этой проблемы ЦГА РСФСР совместно с ВНИИДАД провел экспериментальную работу по изготовлению копий с наиболее ценных документов с помощью высокочувствительного многожильного аппарата «Канон-НП5000».

Недавно архивом для этих целей приобретен еще более современный аппарат «Ксерокс 1075», но восстановление затухающих текстов на нем связано с решением ряда технических и методических вопросов. Для ускорения решения этих вопросов нам необходима помощь Главархива РСФСР и специалистов ВНИИДАД, НИЦТД СССР.

Следует также нормативно закрепить ответственность учреждений за сохранность документов, что особенно актуально сейчас при обсуждении закона о ГАФ СССР.

Решение многих проблем архива, в том числе и по обеспечению сохранности документов, во многом связано с назревшей необходимостью строительства второго здания архива.

Правда, на сегодняшний день лед тронулся, принято решение о начале строительства архива в 13 пятилетке. Будем надеяться, что 40-летие архива мы будем отмечать уже в новом современном здании.

В заключение хочется сказать, все, что мы достигли в деле обеспечения сохранности, зависело и зависит от труда сотрудников, занятых этой работой, подчас незаметной, физически нелегкой, черновой.

Здесь надо в первую очередь отметить наших заведующих архивохранилищами Л. К. Давыдову, Н. А. Семенову, С. М. Воскобойник, которые долгое время проработали на этих сложных участках. О них можно сказать, что это сотрудники, действительно болеющие за свое дело. Много сил и энергии они отдают обучению и воспитанию молодежи, без чего их работа немыслима.

*Зам. директора архива
В. В. Никанорова.*

ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 559. Л. 1–66. Подлинник; СИФ ГА РФ. № 4008н.

Г. Н. Иофис

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) (создан в 1992 г.)

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) создан распоряжением Правительства Российской Федерации № 809-р от 28 апреля 1992 г. на базе Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР СССР) и Центрального государственного архива РСФСР (ЦГА РСФСР)¹. Он вообрал в себя комплекс важнейших документов по истории Российской империи XIX — нач. XX в., Временного правительства 1917 г., СССР за весь период его истории, РСФСР.

¹ ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 1. Д. 43. Л. 138.

Создание архива произошло на фоне распада СССР и образования нового государства — Российской Федерации. Помимо сохранения уже имеющихся комплексов документов, перед архивом была поставлена задача комплектования документами федерального уровня нового государства. На хранение в ГА РФ поступают документы органов законодательной, исполнительной и судебной власти (за исключением МИД, Министерства обороны РФ, ФСБ и других ведомств, которым предоставлено право депозитарного хранения, а также Министерства культуры Российской Федерации, документы которого поступают в РГАЛИ). При образовании ГА РФ был фактически воссоздан существовавший в 1920–1925 гг. Государственный архив РСФСР, хранивший в основном те же документальные комплексы (кроме фондов, вошедших в состав РГАДА и АВПРИ) и имевший аналогичные источники комплектования.

Перед архивом были поставлены задачи по сохранению накопленных документальных богатств, комплектованию архива создаваемыми документами новой эпохи и широкому использованию документальных источников в научных и практических целях.

Указом Президента Российской Федерации № 64 от 24 января 1995 г. ГА РФ включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации¹. В 1996 г. ГА РФ стал членом Международного совета архивов (МСА) по категории национальных архивов, а также членом Евро-Азиатского регионального отделения МСА. С 1992 г. директор архива — доктор исторических наук, профессор С. В. Мироненко.

Структура ГА РФ² отличается от традиционной структуры российских государственных архивов. Для организации эффективной системы управления было создано четыре центра по основным направлениям деятельности, во главе с заместителями директора архива: Центр комплектования сначала возглавлял И. Ю. Горбунов, теперь — Е. А. Козлова; Центр хранения бессменно возглавляет Е. Л. Луначарский; Научно-информационным центром руководили Т. Ф. Павлова, А. И. Барковец, к. и. н. О. В. Маринин, в настоящее время — Л. А. Роговая; Центр изучения и публикации документов возглавляет к. и. н. В. А. Козлов. Как показало время, создание центров себя оправдало, так как удалось распределить ответственность внутри руководства архива и выстроить вертикальную подчиненность структурных подразделений. Внутри центров действуют отделы, архивохранилища и группы. На базе созданного в архиве в 2001 г. Выставочного зала федеральных государственных архивов в 2009 г. создан самостоя-

¹ СЗ РФ. 1995. № 5. Ст. 395.

² При написании настоящего очерка использованы отчеты, справки, паспорта и другие документы из текущего делопроизводства ГА РФ за 1992–2009 гг.

тельный Выставочный центр, которым руководит заместитель директора С. П. Балан. Вне центров действует Научная библиотека, выполняющая общепрофессиональные функции и подчиненная непосредственно директору архива. Возглавляет библиотеку Э. Л. Гараненкова.

ГА РФ располагается в двух зданиях: на Б. Пироговской ул., 17, и на Бережковской наб., 26. Финансирование здания на Б. Пироговской улице обеспечивает Объединение по эксплуатации и техническому обслуживанию федеральных архивных учреждений (ОЭТО). Хозяйственная служба архива целиком обеспечивает нормальную работу здания на Бережковской набережной. Хозяйственная служба является самостоятельным подразделением ГА РФ, во главе службы долго работала заместитель директора архива З. В. Тихомирова, в настоящее время эта работа поручена заместителю директора В. В. Малюгиной.

Организационно-методический отдел архива не входит в структуру центров и подчиняется непосредственно директору. Основными задачами отдела являются координация работы центров, планирование и отчетность архива в целом, организация работы дирекции, международные связи, организация практики студентов высших и средних учебных заведений. В состав организационно-методического отдела входит канцелярия, заведует которой В. В. Белова, кадровая служба во главе с Ю. М. Юдиным (долгие годы ее возглавляла Н. М. Савина) и служба международных связей архива, которую возглавляет Г. А. Кузнецова. При создании ГА РФ начальником отдела была Г. Н. Иофис, а в настоящее время — Т. И. Шульженко.

Не входит в структуру центров и подчиняется непосредственно директору созданный в 2005 г. отдел информационных технологий. Основной задачей этого отдела является организация и координация работы по внедрению современных информационных технологий в структурных подразделениях архива. Отделом руководит Ю. В. Семенова. У истоков этого направления работы стояла Л. А. Роговская.

В архиве, помимо дирекции, действуют Научный совет, Экспертно-проверочная комиссия (ЭПК), Методическая комиссия, Комиссия по определению степени секретности документов ГА РФ, Комиссия по обеспечению сохранности документов и другие.

Роль документов архива на современном этапе очень велика. Не существует, пожалуй, ни одной крупной проблемы отечественной истории с начала XIX в. и до наших дней, которая не нашла бы отражения в документах ГА РФ. Важно подчеркнуть, что многие острые проблемы отечественной истории отражены именно в документах ГА РФ. Наш архив с первых дней своего существования всегда стремился не отставать от интересов времени, откликался на животрепещущие вопросы истории, широко пропагандировал свои документы.

В этой связи прежде всего необходимо отметить роль архива в исследовании проблем истории Дома Романовых, гибели царской семьи, истории Временного правительства, Гражданской войны в нашей стране, истории политических репрессий в СССР, деятельности Советской военной администрации в Германии. Роль ГА РФ проявлялась по различным направлениям — публикация документов из фондов архива, подготовка каталогов и электронных баз данных, организация документальных выставок, теле- и радиопередач, наконец, подготовка статей и монографий.

Важно отметить, что значительная часть документов ГА РФ была либо недавно рассекречена, либо находилась в процессе рассекречивания. Архивом с первых дней своего существования проводилась огромная работа по введению рассекреченных комплексов документов в научный оборот — информация научной общественности, предоставление описей ранее секретных материалов в читальный зал, создание научно-справочного аппарата к ним (в том числе электронного), издание каталогов и сборников документов, организация выставок.

Работа архива за первые десять лет существования освещена в специально изданном сборнике, в нем же намечены перспективы дальнейшего развития ГА РФ¹.

К 1 июля 2010 г. в ГА РФ работает 207 чел. 71 % сотрудников имеют высшее образование, из них 81 % — профильное (историко-архивное или историческое). По штатному расписанию должно быть 232 чел., таким образом, 25 ставок руководителей и специалистов вакантны. В архиве работают 4 доктора и 12 кандидатов наук.

Собрать и сохранить документы своего профиля — это основная задача архива. ГА РФ должен был принять на государственное хранение документы ликвидированных ведомств СССР, относящихся к профилю бывшего ЦГАОР СССР, и в полном объеме принять документы ликвидированных ведомств РСФСР (профиль бывшего ЦГА РСФСР). Архив активно приступил к комплектованию документами федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации и непосредственно подчиненных им учреждений, расположенных в г. Москве. Выполнение этой крупномасштабной задачи осложнялось отсутствием свободных площадей в зданиях архива.

В 1993 г. на ведомственном хранении находилась 751 тыс. дел по фондам союзного и республиканского (РСФСР) подчинения. С 1993 г. по 2009 г. списки источников комплектования архива по фондам СССР и РСФСР неоднократно уточнялись. К началу 2010 г. на ведомственном хранении

¹ Архив новейшей истории России. Серия «Исследования». Т. II. Государственный архив Российской Федерации: 10 лет работы (1992–2002): Сборник статей. М.: РОССПЭН, 2002.

осталось еще около 581 тыс. дел по фондам СССР и РСФСР, большинство из них включены в описи, утвержденные ЭПК архива. Завершен прием документов по таким фондам, как Верховный совет СССР, Верховный совет РСФСР, Совет министров СССР, Совет министров РСФСР, Верховный суд СССР, Прокуратура СССР, ТАСС, Госкомспорт СССР, Госкомтруд СССР, Госплан РСФСР, Госкомстат РСФСР, Госкомтруд РСФСР, Министерство текстильной промышленности РСФСР, Министерство речного флота РСФСР, Министерство автомобильного транспорта РСФСР, Министерство культуры РСФСР и другие.

В связи с многочисленными реорганизациями федеральных органов управления ГА РФ вынужден был приступить к досрочному приему документов Российской Федерации.

Первый крупный прием документов нового государства архив проводил в экстремальных условиях. Документы Верховного совета Российской Федерации существенно пострадали в результате событий октября 1993 г., и их пришлось буквально спасать. В конце октября 1993 г. на хранение из Дома Советов России поступило 48 тонн документов в россыпи. Все они были разобраны, сформированы в дела и включены в 12 описей общим объемом более 10 тыс. дел. Этой работой занималась большая группа сотрудников архива во главе с Л. И. Федоровой. Много внимания приему документов Верховного совета России уделили И. Ю. Горбунов и Е. Л. Луначарский. Еще один пример неординарного приема документов — прием документов упраздненного Представительства Российской Федерации в Чеченской республике в 2000 г. в г. Моздоке. В 1995–1999 гг. осуществлен прием документов из архивов ФСБ России. Приняты документы из архива Управления ФСБ по Москве и Московской области (около 100 000 дел). Из центрального архива ФСБ поступила находившаяся там часть документов Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи.

На государственное хранение за годы существования ГА РФ приняты документы уже около 100 упраздненных федеральных органов исполнительной власти. Среди них документы Министерства экономики, Госкомоборонпрома, Министерства внешнеэкономических связей, Министерства промышленности, Федеральной службы по валютно-экспертному контролю, Агентства по реструктуризации кредитных организаций, Российского фонда федерального имущества, Государственной хлебной инспекции, Федерального агентства по сельскому хозяйству, Государственного комитета по земельным ресурсам и землеустройству, Министерства образования, Мининформпечати и др. Документы охватывают практически все сферы деятельности государства: экономику, промышленность, сельское хозяйство, здравоохранение, социальное развитие, культуру, образование, национальную политику.

На государственное хранение начали поступать документы Совета Федерации и Государственной Думы Правительства Российской Федерации.

Реформы федеральных органов исполнительной власти, которые зачастую кардинально меняют их структуру, требуют постоянной работы со списком источников комплектования. К 2010 г. список насчитывает 258 позиций, в том числе в него входят 149 организаций федерального подчинения.

В список источников комплектования архива входят:

- Федеральные органы законодательной власти;
- Федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации в области экономики, регионального развития, статистики, финансов, антимонопольной и страховой политики, природопользования и сельского хозяйства, здравоохранения, труда и социального обеспечения, промышленности и энергетики, строительства, транспорта и связи, науки, образования и культуры, спорта и туризма, юстиции. (В список источников комплектования не включены Министерство культуры России, Министерство иностранных дел России и Министерство обороны России);
- Федеральные органы суда, арбитража и прокуратуры;
- Центральная избирательная комиссия;
- Центральный банк, кредитные организации, государственные внебюджетные фонды;
- Всероссийские органы печати и другие средства массовой информации;
- Профессиональные и общественные организации;
- Личные фонды, относящиеся к профилю ГА РФ.

Документы, хранящиеся в архиве, систематизированы по нескольким крупным отделам хранения, каждый из которых имеет свой профиль:

- Отдел хранения документов по истории России XIX — начала XX в. (вначале отделом руководила д. и. н. З. И. Перегудова, в настоящее время — Е. А. Чиркова, заведующие архивохранилищами И. Н. Засыпкина, Л. В. Крячкова);
- Отдел хранения документов государственных органов власти и управления СССР и федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации (отдел возглавляет Н. И. Владимирцев, заведующие архивохранилищами М. Н. Белова, В. Н. Метелкина, Д. Н. Нохотович, С. В. Сомонова); в 2009 г. в отделе начало функционировать новое архивохранилище федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации во главе с А. В. Сергеевой;
- Отдел хранения документов общественных организаций СССР и Российской Федерации, коллекций и личных фондов, в том числе по

истории белого движения и эмиграции (во главе отдела работала к. и. н. М. В. Сидорова, в настоящее время должность начальника отдела вакантна, заведующие архивохранилищами Л. И. Петрушева, Н. С. Зелов, К. С. Дроздов);

— Отдел хранения документов по истории РСФСР (последовательно работали начальниками отдела к. и. н. В. А. Сидорова, Т. И. Шульженко, в настоящее время отделом руководит Г. П. Мещеряков, заведующие архивохранилищами М. Е. Максименко, С. И. Чутской).

Внутри отделов документы распределены по архивохранилищам в соответствии с их профилем. Такая структура позволила четко распределить фонды архива и организовать работу с ними.

Отбор документов на постоянное хранение — важнейшая задача архива. В этой работе решающую роль играет ЭПК. На государственное хранение отбираются документация, в которой отражена основная деятельность ведомства, имеющая нормативный, распорядительный характер, документы коллегиальных органов, итоговая отчетная, статистическая документация, переписка. Возросла роль архива в отборе документов на госхранение путем оказания методической помощи при проведении экспертизы ценности документов, их описании, решении вопросов дублетности, копийности, поглощенности.

Комплектование архива документами личного происхождения приобрело новый качественный уровень, на государственное хранение удалось принять документы видных государственных, политических, общественных деятелей, народных депутатов, экономистов, экологов, публицистов. Документы личных фондов дополняют управленческую документацию организаций — источников комплектования архива. Благодаря усилиям главного специалиста к. и. н. В. А. Сидоровой и заведующего архивохранилищем Н. С. Зелова на государственное хранение приняты документы А. Н. Яковлева (академик РАН), С. А. Филатова (глава администрации Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина), Ю. Д. Черниченко (публицист, народный депутат СССР), В. А. Темина (фотокорреспондент), Е. З. Майминаса (ученый-экономист), А. В. Яблокова (советник Президента Российской Федерации, президент Центра экологической политики), Е. Г. Ясина (ученый-экономист), Б. Е. Ефимова (народный художник СССР), М. Д. Ковригиной (министр здравоохранения СССР), С. Н. Круглова (министр внутренних дел СССР) и многих других. Приняты на госхранение документы руководителей архивной отрасли Ф. М. Ваганова, Ф. И. Долгих, В. П. Козлова, В. А. Тюнеева, историков-архивистов В. Н. Автократова, А. В. Елпатьевского, С. В. Житомирской, В. А. Кондратьева, В. Р. Копылова и других.

При содействии соотечественников из разных стран мира архив пополняет свои фонды по истории белого движения и эмиграции. Координа-

цией этой работы занимаются заместитель директора Л. А. Роговая и заведующая архивохранилищем коллекций документов по истории белого движения и эмиграции Л. И. Петрушева. Удалось установить связи с владельцами личных архивов и зарубежными центрами хранения документов по истории российской эмиграции. За счет средств, выделяемых по ФЦП «Культура России», сотрудники архива имеют возможность выезжать за границу для разбора документов, их предварительного описания и организации доставки в архив. Помимо Росархива, постоянную помощь в пополнении архива документами зарубежной архивной России оказывают Росохранкультура, МИД России, посольства России в ряде стран, Российский фонд культуры. За последние 15 лет ГА РФ получил более 80 тыс. архивных документов, из них сформировано 27 самостоятельных фондов и 9 коллекций документов. Кроме того, поступают библиотечные собрания и копии документов. В ГА РФ поступили документы из Мюнхенского института по изучению СССР, из Музея русской культуры в Сан-Франциско, документы генерала А. И. Деникина и членов его семьи, генералов А. В. Шварца и А. В. Алексеева, княгини З. А. Шаховской, историка С. В. Пушкарева, семьи общественных деятелей А. В. Тырковой-Вильямс и А. А. Бормана, редактора журнала «Часовой» С. В. Орехова, известного деятеля РПЦЗ Г. А. Рара, документы семейного архива Хитрово и др. Комплектованию архива документами зарубежной архивной России способствует создание широких возможностей для их изучения. Информация о документах по истории белого движения и эмиграции включена в путеводитель ГА РФ, издан путеводитель по РЗИА. ГА РФ систематически устраивает презентации новых, полученных из-за рубежа документов.

ГА РФ работает с российскими общественными организациями и видит свою задачу в завершении приема документов по фондам бывших общественных организаций союзного и республиканского (РСФСР) подчинения. Заключены договоры о приеме на государственное хранение материалов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Всероссийского общества охраны природы, Российского фонда мира, Всероссийского общества инвалидов, Всероссийского общества слепых, Фонда конституционных реформ, Российского дворянского собрания и других.

Работа с ведомствами осуществляется отделом комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства. Отдел первое время возглавляла Н. Д. Данилина, теперь им уже многие годы руководит Л. А. Завьялова. В отделе работают опытные сотрудники: Л. Ф. Пшеничная, Е. С. Давидян, Л. Г. Киселева, Ж. М. Кореневская, Л. И. Федорова, Л. И. Исаева, Л. И. Джигладзе. Работа с ведомствами осуществляется по всем основным направлениям. Сотрудники архива оказывают помощь в организации ве-

дения делопроизводства, экспертизе ценности документов и их описании, в подготовке номенклатур дел, инструкций по делопроизводству, положений об ЭК.

Как правило, документы поступают в архив по утвержденным ЭПК описям дел. ГА РФ участвует в описании документов ликвидированных ведомств. Поступают в архив и неописанные дела. Чаще всего в неописанном виде поступают документы личного происхождения, документы, полученные в рамках программы «Россика», иногда от ликвидированных ведомств. Таких документов, как правило, не очень много (по состоянию на начало 2010 г. в архиве хранится чуть больше 17 тыс. неописанных дел), работой по их описанию занимаются сотрудники архивохранилищ.

В ведомствах — источниках комплектования архива создаются документы в электронном формате. Их изучение и отбор на госхранение — перспективная и актуальная задача. В решении этой задачи принимают участие сотрудники архива, прежде всего О. В. Олейников. Речь идет о документах Всероссийской переписи населения и Всероссийской сельскохозяйственной переписи. В некоторых ведомствах уже отказались от создания традиционных документов и создают их только в электронном виде, как, например, Федеральная служба государственной статистики, ИТАР-ТАСС. Внедряется электронный документооборот в Правительстве Российской Федерации, в некоторых министерствах и ведомствах. В связи с тем, что отсутствуют единые требования к оформлению документов в электронном формате с учетом их отбора на государственное хранение и нормативно-методическая база, регламентирующая работу с этими документами, архиву предстоит большая и серьезная работа по организации их приема.

За период деятельности ГА РФ на государственное хранение принято свыше 1 млн дел, но на ведомственном хранении в источниках комплектования архива еще остается свыше 1 млн 121 тыс. дел постоянного хранения. Количество дел постоянного хранения, образующихся в источниках комплектования архива, из года в год увеличивается и возросло с 26 тыс. дел в 2000 г. до 42,2 тыс. дел в 2009 г. В настоящее время резерв площадей исчерпан, и только строительство нового здания позволит ГА РФ планомерно принимать документы в соответствии с действующим законодательством.

К началу 2010 г. в архиве хранится около 6,5 млн дел. Архив, уделяя большое внимание вопросам организации хранения документов своего профиля, в первые годы своего существования подготовил «План мероприятий по выявлению резервов площадей для комплектования ГА РФ» и «Комплексную программу расширения, реконструкции, инженерного оборудования, технологического оснащения зданий и помещений основного назначения ГА РФ». За счет ФЦП «Культура России», а также ис-

пользуя внебюджетные средства, удалось осуществить реконструкцию ряда служебных помещений, оборудовать новые хранилища, заменить часть стеллажного оборудования, перекартонировать некоторые комплексы документов. Большое внимание было уделено рациональному размещению и перемещению дел. Часть редко используемых фондов передана в ЦХСФ (г. Ялуторовск). Все это позволило увеличить площадь архивохранилищ, повысить их вместимость и принять на госхранение значительный комплекс документов.

Отсутствие бюджетного финансирования в начале 1990-х гг. отрицательно влияло на состояние зданий архива: текла крыша, часто выходили из строя системы отопления и водоснабжения, возникали проблемы с электропроводкой. Однако архив как мог, в том числе и за счет внебюджетных средств, старался обеспечить противопожарный, охранный, температурно-влажностный, световой, санитарно-гигиенический и биологический режимы хранения.

Улучшением физического состояния документов и их страховым копированием занимается отдел создания страхового фонда и реставрации документов во главе с Н. Я. Ивановской и Н. В. Погорельской. Страховой фонд архива насчитывает 88,9 млн кадров, из них 62,1 млн кадров переданы в ЦХСФ. Страховые копии имеют около 69 % особо ценных дел. Параллельно с созданием страхового фонда создается фонд пользования. На темпы создания страхового фонда положительно повлияла реализация договоров с зарубежными партнерами архива. Эта работа активно велась в рамках реализации проектов «ГА РФ — Гуверовский институт войны, революции и мира — компания Чедвик-Хили» и «Советская военная администрация в Германии». Помимо создания страхового фонда, отдел осуществляет переплет и простую реставрацию дел (около 4 тыс. дел в год).

Архиву удалось организовать в небольших объемах сложную реставрацию уникальных документов (на договорной основе). Только за 2001—2009 гг. отреставрировано более 2,8 тыс. листов, в том числе жалованные грамоты российских императоров Петра II, Александра I, императрицы Екатерины II, дневники императора Николая II, Декларация и Договор об образовании СССР, Конституция 1918 г. и другие.

На отдельные уникальные документы создан фонд пользования в электронном формате: оцифровано более 300 дел, в том числе дневники Николая II, альбом рисунков Ю. К. Арцыбушева, дневники императрицы Александры Федоровны (супруги Николая I), фотоальбомы семьи Романовых, документы фонда Верховного совета СССР.

Учет документов является основой обеспечения их сохранности, он ведется во всех архивохранилищах и централизованно в отделе организации хранения и учета документов. Этот отдел является главным в

Центре хранения документов, его долгое время возглавляла И. Э. Торгашова, в настоящее время руководит отделом Е. В. Анискина. Централизованным учетом бессменно занимается главный специалист Л. Г. Аронов. В отделе работают опытные сотрудники Е. В. Третьякова и Т. Т. Терехова.

С 1997 г. архив в плановом порядке проводит внедрение отраслевого Программного комплекса «Архивный фонд» (3-я версия). К началу 2010 г. введена информация по всем 3 248 фондам архива и 10 409 описям. Предстоит завершить ввод информации во все обязательные к заполнению разделы Программного комплекса. Внедряется его 4-я версия, проводится конвертация в его формат электронных описей.

Важной частью работы по обеспечению сохранности документов является проверка их наличия. Средний годовой объем цикличной проверки наличия документов составляет около 180 тыс. дел. По завершении работы по проверке наличия коробки с малоиспользуемыми делами опечатываются и исключаются из цикла проверки. В архивохранилище личных фондов и коллекций отдела хранения документов по истории России XIX — начала XX в. проведена сплошная полистная проверка наличия документов, усовершенствован их учет. В централизованном учете ведется вспомогательная база данных «Розыск дел», которая фиксирует ход работы и дает оперативную информацию.

Активизация использования документов как внутри архива, в том числе при организации выставок документов, так и в читальных залах обусловила увеличение выдачи дел из архивохранилищ. В архивохранилищах систематически проводятся выверки книг выдачи, проверки правильности подкладки выдававшихся дел, проверка листаж в делах и др. меры, которые способствуют обеспечению сохранности документов.

В рамках формирования Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации архив проводит описание уникальных документов. По состоянию на 1 января 2010 г. в Государственный реестр уникальных документов включено 50 документов ГА РФ.

К началу 2010 г. в архиве учтено свыше 760 тыс. особо ценных дел, что составляет 13,3 % от общего количества дел, хранящихся в архиве. В соответствии с «Методическими рекомендациями по работе с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации» 2006 г. архив приступил к работе по уточнению и пересмотру списка особо ценных дел. Эта работа чрезвычайно важна, так как от нее зависят цикличность проверки наличия, создание страхового фонда, организация хранения документов и их использования. Например, подлинники особо ценных документов выдаются в читальные залы только с разрешения руководства архива.

Помимо документов на бумажной основе в архиве хранятся коллекции микроформ документов зарубежных архивов по истории России и СССР, копий документов профиля архива на правах подлинников, поступивших от организаций — источников комплектования архива и из архивов зарубежных стран. Для хранения этих документов в структуре архива создано специальное архивохранилище во главе с К. Б. Ульяницким.

Особое внимание ГА РФ уделяет работе по обеспечению сохранности документов, экспонирующихся на выставках, в том числе и за границей. Проводится подготовка документов к экспонированию: реставрация (в необходимых случаях), создаются страховые копии, осуществляется страховая оценка. В ходе работы важен контроль за физическим состоянием документов. Упаковка и транспортировка документов проводится либо специализированной фирмой, либо сотрудниками архива в специальной таре с повышенной степенью защиты. Необходимо, чтобы витрины с документами запирались и находились под охраной. Сотрудники архива осуществляют контроль за сохранностью экспонатов на всем протяжении их транспортировки и экспонирования.

Использование документов невозможно без современного и разнообразного научно-справочного аппарата. Созданием и совершенствованием научно-справочного аппарата (НСА) ГА РФ, методическим обеспечением, обслуживанием пользователей информации занимаются сотрудники отдела информационно-поисковых систем под руководством к. и. н. О. Н. Копыловой. Это и опытные специалисты, которые обеспечивают работу данного направления длительное время: Г. П. Тихачева, А. И. Цветкова, Т. Н. Котлова, Г. Н. Иофис, С. Я. Слезенко, к. и. н. В. П. Наумов, В. И. Широков, А. Н. Голяков, и более молодое поколение: О. Н. Косенко, Е. А. Рейдик и др., также активно включившиеся в работу. Много сил работе отдела отдала А. В. Добровская.

В системе НСА ГА РФ представлены все типы архивных справочников, в которых информация о составе и содержании документов представлена на всех уровнях описания (на уровне фонда, дела, документа, части документа). Архив одним из первых в отрасли стал широко и всесторонне внедрять современные технологии в создание и развитие справочно-поисковых средств, и в настоящее время весь научно-справочный аппарат архива создается с применением электронных технологий, при этом идет процесс создания новых справочников и перевод в электронный формат (ретроконверсия) уже имеющихся традиционных.

К 2010 г. в состав справочно-поисковых средств ГА РФ входят свыше 10 тыс. описей, более 140 традиционных каталогов, указателей, делопроизводственных и ведомственных картотек общим объемом около 28 млн карточек, а общий объем электронного научно-справочного аппарата составляет около 3,5 млн записей.

Объединяет документальные комплексы архива многотомный путеводитель по фондам ГА РФ, вышедший в свет в 1994–2004 гг. под редакцией директора архива д. и. н. С. В. Мироненко. В путеводителе представлена информация о многих фондах, ранее недоступных исследователям, а его шестой, справочный том специально посвящен научно-справочному аппарату архива. В нем впервые представлены подробные характеристики справочного аппарата и справочно-информационных изданий. Ответственными составителями томов путеводителя были А. В. Добровская, к. и. н. О. Н. Копылова, Т. Н. Котлова. В подготовке путеводителя принимал участие большой коллектив авторов отдела ИПС и других подразделений архива. В настоящее время продолжается работа по подготовке следующего тома путеводителя по новым поступлениям. Помимо путеводителя по фондам архива, в 1999 г. был издан межархивный путеводитель по фондам Русского заграничного исторического архива в Праге. Все путеводители имеют свои аналоги в виде электронных баз данных, дающих информацию на уровне фондов, хранящихся в архиве, которые широко используются и как самостоятельные информационные ресурсы, и в составе различных информационно-поисковых систем архива.

В 1990–2000-е гг. значительно активизировалась работа архива в области подготовки других справочно-информационных изданий. Вышли в свет: серия каталогов рассекреченных документов Секретариата НКВД–МВД СССР — так называемые «Особые папки» Сталина, Берии, Молотова, Хрущева (М., 1994–2004), каталог «Фонды Советской военной администрации в Германии в Государственном архиве Российской Федерации» (М., 2004. Т. 1, 2), справочный том в серийном издании «История сталинского ГУЛАГа» под названием «Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах ГА РФ. Аннотированный указатель дел» (М., 2005) и другие.

С начала 2000-х гг. ГА РФ первым в архивной отрасли приступил к работе по переводу информации традиционных описей в электронный формат, созданию базы данных с информацией о составе и содержании документов архива на уровне дела. Эта работа и в настоящее время остается магистральным направлением в области создания информационных ресурсов ГА РФ. Проводится она как силами сотрудников архива, так и при участии специализированных фирм в рамках ФЦП «Культура России».

К началу 2010 г. в электронный формат переведено около 29 % всех описей, которые включают 41 % всех дел, хранящихся в архиве. Привлечение специализированных фирм дает возможность получить информационный ресурс, как в виде базы данных, так и в виде оцифрованных изображений оригиналов описей. Самое важное преимущество электронных описей и основная цель их создания — это возможность проведения сквозного по-

иска информации по заголовкам дел. Даже простой контекстный поиск по заголовкам дел является колоссальным шагом вперед по сравнению с необходимостью полистного просмотра описей и существенно повышает эффективность работы пользователей.

В 2008 г. информационные ресурсы электронных путеводителей по фондам ГА РФ и электронных описей включены в ИПС «Электронные описи ГА РФ», функционирующую в читальном зале архива на Б. Пироговской ул., 17, и стали доступны всем желающим исследователям. На 1 апреля 2010 г. это 2 455 573 записи.

За долгую историю формирования документальных комплексов, хранящихся в ГА РФ, сложилась разветвленная и сложная система традиционных каталогов, дающих информацию о содержании документов, хранящихся в архиве. Основными в этой системе являются систематические и именные каталоги по истории России, СССР и РСФСР, каталог по истории госучреждений РСФСР и Российской Федерации, предметно-тематический каталог по документам личных фондов кон. XIX — нач. XX в., именные каталоги по истории белого движения и эмиграции, а также многочисленные пофондовые и ведомственные картотеки, связанные с основными каталогами системой отсылок. В последние годы система НСА архива пополнилась целым рядом делопроизводственных ведомственных каталогов и картотек по фондам ЦИК СССР, Верховного совета СССР, Совета министров СССР и др. Был принят Центральный фондový каталог (ЦФК) Главархива СССР. Самым существенным по объему (более 12 млн карточек) и интенсивности использования стало поступление в 2006 г. Картотеки персонального учета лиц, награжденных государственными наградами СССР и РСФСР за 1918–1991 гг., из Департамента управления Президента Российской Федерации по кадровым вопросам и государственным наградам. Использование данных наградной картотеки в комплексе с документами архива дало возможность более эффективного поиска информации в первую очередь при исполнении социально-правовых запросов граждан и организаций (до 1,5 тыс. обращений в год).

С образованием ГА РФ была начата работа по созданию своего рода информационного центра на базе традиционных каталогов, указателей, делопроизводственных, ведомственных картотек, находившихся ранее как в отделе ИПС, так и в других структурных подразделениях архива. Для существенного облегчения доступа пользователей к научно-справочному аппарату и более эффективного поиска необходимых сведений была проведена масштабная и трудоемкая работа по перемещению и сосредоточению в отделе ИПС карточных массивов, по обустройству и приведению в порядок поступающих в архив новых картотек. Эта работа будет продолжена, так как в архивохранилищах остается еще более 1,5 млн карточек; планируется также пополнение наградной картотеки.

С конца 1990-х гг. в ГА РФ было принято решение о прекращении каталогизации в традиционной форме (составление карточек). Каталогизация документов ведется только в электронном формате. Каталогизируется документация наиболее востребованных, информационно насыщенных фондов для пополнения базы данных «Систематический каталог ГА РФ», в которой уже более 108 тыс. записей о документах по истории РСФСР и СССР за 1918–1999 гг., не представленных в традиционных каталогах архива.

Существенно дополнили электронные справочно-информационные ресурсы архива и базы данных, создаваемые в ходе выполнения других самостоятельных работ и проектов. Электронные каталоги созданы в ходе подготовки к изданию пофондовых и тематических каталогов и документальных публикаций, в т. ч. «“Особые папки” (Из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР)», «Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Ст. 58.10. 1920-е — 1991 гг.», «Перечень постановлений Совета министров СССР. 1947–1991 гг.», «Именной указатель к опросным листам на граждан, возвратившихся из германской неволи», указатель «Узники лагеря Маутхаузен. 1944–1945 гг.» и др. Особое место в ИПС архива занимает электронный информационный ресурс «Объединенный электронный архив фондов СВАГ. 1944–1949 гг.». Он представляет собой информационно-поисковую систему, объединяющую электронные описи, электронные каталоги документов, электронные образы более 271 тыс. рассекреченных документов.

В ходе развития и совершенствования системы научно-справочного аппарата в ГА РФ создана методическая основа создания электронных информационных ресурсов. Разработаны единые для архива стандартные формы описания информации в электронном формате на уровне фонда, дела, документа.

Год от года увеличивается количество обращений к каталогам ГА РФ. Наряду с традиционными каталогами широко используются и электронные ресурсы архива. Среднегодовое количество обращений к традиционным каталогам ГА РФ составляет от 1 900 до 2 200, к базам данных — только в отделе ИПС от 200 до 380 обращений. Все более возрастает число положительных ответов на обращения пользователей информации (более 70 %), что подтверждает растущую эффективность научно-справочного аппарата архива и действенность мер по его совершенствованию.

Научно-справочный аппарат архива помогает осуществлять использование документов в интересах граждан, общества и государства.

Использованием документов занимается специально созданный отдел, его начальниками последовательно были А. И. Барковец, к. и. н. О. В. Маринин, Е. В. Анискина, А. А. Литвин, к. и. н. М. В. Сидорова, в настоящее

время — Л. Н. Малащенко; заместители начальника отдела — И. С. Тихонов, Т. Г. Баранченко, Е. Л. Киселева. В отделе долгие годы работают И. А. Миркина, Т. В. Афанасьева, Н. Н. Цуканова, П. Ш. Чхартисвили, Е. Е. Пашина, Н. Б. Захарова, Е. В. Новикова.

Для работы исследователей в ГА РФ имеется два читальных зала (№ 1 — Б. Пироговская ул. и № 2 — Бережковская наб.). В их распоряжении аппараты для чтения микрофильмов и локальная ЛВС в читальном зале № 1. ЛВС состоит из 30 терминальных рабочих станций и сервера, на котором размещены: ИПС «Электронные описи ГА РФ» и БД «Объединенный электронный архив фондов СВАГ». Кроме того, разработан программный модуль по организации электронной регистрации читателей, позволяющий не только обрабатывать анкеты и вести личные дела читателей в электронном формате, но и оперативно формировать статистические отчеты о работе читального зала. Всего в читальных залах архива 100 посадочных мест. Ежегодно регистрируется около 12 тыс. посещений. Читальные залы оснащены системами видеонаблюдения. Исследователи имеют доступ к путеводителям, описям, каталогам, картотекам и другим видам НСА архива, как в традиционной, так и в электронной форме, они могут пользоваться Научной библиотекой и Справочно-информационным фондом. Читальный зал № 1 бессменно возглавляет Н. И. Абдулаева; в читальном зале № 2 заведующие менялись, долгое время его возглавляли О. А. Негинская, Л. Г. Киселева, сейчас им руководит Н. В. Плис.

Одним из важнейших направлений работы архива является исполнение социально-правовых запросов граждан. В архив ежегодно поступает несколько тысяч таких запросов. Их количество зависит от изменений в пенсионном законодательстве, от выплат гражданам, которые были угнаны в годы Великой Отечественной войны в немецкую неволю, эвакуированы с территорий СССР, попали в оккупацию. За последние три года количество социально-правовых запросов ежегодно увеличивалось в среднем на 10 % и возросло с 8,95 тыс. до 11,26 тыс. запросов. Помимо запросов о стаже работы и о зарплате растет количество запросов, связанных с награждениями граждан правительственными и ведомственными наградами. В последние годы наблюдается увеличение количества запросов о подтверждении факта репрессий граждан в 1920–1950-х гг. по документам Управления ФСБ по Москве и Московской области. Их количество в 2009 г. увеличилось по сравнению с 2005 г. более чем в три раза, причем почти 95 % запросов исполняются с положительным результатом. В последнее время запросы этой категории являются по сути тематическими, так как часто требуется подтвердить факты переименования или реорганизации учреждений, отнесение учреждений к государственной службе и др. В архиве работают две приемные для граждан (Б. Пироговская ул. и Бережковская наб.), где их консультируют квалифицированные сотруд-

ники. Приемные располагают необходимыми справочниками, в том числе межархивными, и могут дать заявителю рекомендации о месте хранения интересующих его документов. Запросами социально-правового характера занимаются специальные группы сотрудников, одну из них долгие годы возглавляла Л. А. Ястребцева, а сейчас — Е. Л. Киселева, другую группу возглавляет Г. М. Грановская. На Бережковской наб. исполнением запросов социально-правового характера занимается Е. В. Новикова.

Ежегодно в архиве исполняется около 1,8 тыс. тематических запросов, которые поступают от Администрации Президента Российской Федерации, Федерального собрания, федеральных органов исполнительной власти, учреждений, организаций и предприятий. В последние годы возросло количество тематических запросов, связанных с подтверждением прав собственности на здания и сооружения, с землеотводом, финансированием строительства. Традиционными остаются тематические запросы о реорганизации учреждений, организаций и предприятий различного уровня и разной подчиненности.

Архив постоянно расширяет выставочную деятельность, причем она изменилась качественно. Архивные документы теперь экспонируются вместе с музейными предметами, что взаимно повышает информационную ценность различных исторических источников. Выставки организуются совместно с крупнейшими музеями страны: Государственным Эрмитажем, Государственным Русским музеем, Государственным историческим музеем, Государственной Третьяковской галереей, Музеями Московского Кремля, Политехническим музеем, Государственным музеем А. С. Пушкина, музеями-заповедниками Павловска, Царского Села, Гатчины и др. Выставки проводятся не только в России, но и за рубежом, где они пользуются неизменным успехом. С открытием Выставочного зала федеральных архивов ГА РФ получил свою выставочную площадку и собственного зрителя. Выставки стали одним из самых доступных средств популяризации архивных документов, как правило, они имеют большой общественный резонанс, вызывают интерес прессы. Тематика выставок разнообразна: «Последний русский император» (Центральный Манеж); «Неизвестная “Черная книга”»; «Еврейский антифашистский комитет» (демонстрировалась в научно-просветительных центрах и музеях С.-Петербурга, Москвы, Днепропетровска, Владимира и других городов России и Украины); «Пути и судьбы российской эмиграции» (совместно с Музеем Революции) и др. Архив участвовал в выставочном проекте «Сокровища России», организованном ИТАР-ТАСС и Обществом американо-российского сотрудничества, эта выставка демонстрировалась в ведущих музеях США в течение 1,5 лет. Широко используются на выставках рассекреченные документы. В Германии в 1997 г. демонстрировались выставки:

«История спецлагеря МВД СССР № 2 в Бухенвальде» и «Советский лагерь в Заксенхаузене». Архив принял участие в выставке, демонстрировавшейся во дворце Христиансберг в Копенгагене (Дания) «Принцесса Дагмар — русская императрица Мария Федоровна». Нельзя не отметить выставку «Обретение архивов», на которой был представлен архив следователя Н. А. Соколова, расследовавшего обстоятельства гибели царской семьи в 1918 г. Выставка демонстрировалась в Музее личных коллекций в Москве. Архив Н. А. Соколова был приобретен на аукционе «Сотбис» князем Лихтенштейна Гансом-Адамом II и подарен России в благодарность за возвращение ему семейного архива, который был вывезен в СССР в годы Второй мировой войны. Крупным проектом, осуществленным совместно с Государственным Эрмитажем, стала выставка «Николай и Александра», которая с большим успехом прошла в США. Благодаря связи архивных документов и музейных экспонатов удалось воссоздать историю последней царской семьи, ее атмосферу и трагическую гибель.

Первым самостоятельным проектом, осуществленным в Выставочном зале федеральных архивов, стала выставка «Агония Третьего рейха. Возмездие». К сотрудничеству были привлечены ФСБ, Минобороны, МИД, федеральные архивы. В Выставочном зале демонстрировались выставки, подготовленные архивом: «Государственная охрана России. 1881–2000 гг.», «К 100-летию юбилею Российской Государственной думы», «1917 год. Мифы революции», «15 лет Конституции Российской Федерации», «Зарубежная архивная Россия. Новые поступления» и многие другие. Продолжается сотрудничество с зарубежными странами; архив выступал в качестве организатора или участника выставочных проектов в Бельгии, США, Италии, Сербии, Болгарии.

Успех выставочной деятельности связан с именами С. П. Балана, А. А. Литвина, Т. Ф. Шакировой, Е. А. Голосовской, С. А. Мордвиновой, С. А. Курбатовой, А. Ф. Саргсяна, И. К. Оганджян. В работу активно включилась к. и. н. М. В. Сидорова, возглавившая отдел выставочной работы в конце 2009 г. В подготовке выставок участвуют д. и. н. З. И. Перегудова, Л. И. Петрушева, Е. А. Чиркова. Много сил организации обеспечения сохранности документов, представляемых на выставки, отдает Е. В. Анискина.

Подготовленные архивом выставки сопровождаются изданием каталогов и буклетов, выполненных на высоком полиграфическом и художественном уровнях, к освещению выставок привлекается пресса.

Новой формой использования документов стало участие архива в подготовке и издании двух частей виртуальной выставки «История письма, документа и архивного дела в России»: «История письма»; «История документа (делопроизводство XII–XXI веков)». Обе части подготовлены

на виртуальном носителе. Создание подобных проектов представляется перспективным направлением выставочной деятельности.

Популяризация документов архива осуществляется путем проведения экскурсий по выставкам и архиву, публикации статей и подборок документов в периодической печати. Руководство и сотрудники архива систематически выступают по телевидению и радио в циклах передач по истории России.

Полноценная работа по использованию документов невозможна без расширения информационной базы архива. Архив уделяет этой работе большое внимание. Организована работа Комиссии по определению степени секретности документов ГА РФ, обеспечивается деятельность экспертов Межведомственной комиссии по защите государственной тайны, направленная на рассекречивание документов КПСС и правительства СССР; работают ведомственные комиссии по рассекречиванию документов. Основная масса документов была рассекречена в первое десятилетие существования архива. Продолжается работа по рассекречиванию документов и сейчас, но темпы ее снизились, и организация работы со стороны органов, занимающихся защитой государственной тайны, нуждается в совершенствовании. Рассекречивание крупных архивных комплексов в конце 1990-х гг. имело большое значение для издательской деятельности архива. В научный оборот введены документы, ранее находившиеся на закрытом хранении (НКВД – МВД СССР, СВАГ и др.), на их основе подготовлены и изданы целые серии сборников документов.

С самого начала своей деятельности архив приступил к работе по изучению и подготовке к изданию документов. За первые 10 лет, помимо 17 сборников, ГА РФ подготовил и издал шесть каталогов из серии «Особые папки» и участвовал в подготовке около 50 сборников документов. ГА РФ самостоятельно готовит и издает «Архив новейшей истории России», размещая в его томах документы, каталоги документов и исследования.

Успешно реализуется международный проект по подготовке и изданию сборников документов Советской военной администрации в Германии (СВАГ) в 1945–1949 гг. Работа осуществляется совместно с МИД России, Министерством обороны России и Российской академией наук. Вышли в свет в издательстве «РОССПЭН» 8 сборников и двухтомный каталог фондов СВАГ, хранящихся в ГА РФ. Российско-американским и российско-германским коллективами авторов и составителей готовятся к изданию еще два двухтомных сборника по документам СВАГ: «СВАГ и формирование партийно-политической системы в Советской зоне оккупации Германии. 1945–1949», «Экономическая политика СВАГ. 1945–1949».

В 2005 г. был успешно завершен крупный международный проект «История сталинского ГУЛАГа» в семи томах, реализованный совместно с Гуверовским институтом (США).

Международные издательские проекты осуществляются под руководством Росархива. Основными зарубежными партнерами ГА РФ являются: Гуверовский институт войны, революции и мира (США), Университет Северной Каролины (Чепел-Хилл, США), Центр изучения современной истории (Потсдам, ФРГ), Институт современной истории (Мюнхен — Берлин, ФРГ), Австрийский государственный архив, Архивный институт культурного, научного и информационного центра Венгерской республики в Москве, Государственный комитет по архивным делам Украины, Национальный архив Республики Беларусь.

Новым направлением публикаторской деятельности является подготовка к изданию пофондовых видовых публикаций. Вышли в свет: «Журналы заседаний Временного правительства» (т. 1–4), «Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. 1918–1924», «Дело генерала Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 — июнь 1918», «Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918 — декабрь 1919», «Материалы следственного дела о событиях 3–5 июля 1917 г. в Петрограде», «Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921». Удалось возобновить издание многотомной серии «Восстание декабристов», вышли в свет XIX и XXI тома.

Завершена работа над двухтомным сборником документов «Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР. 1945–1970». Сборник готовился в рамках сотрудничества с Московской патриархией, в научный оборот введен новый уникальный комплекс документов по истории взаимоотношений церкви и государства в СССР. Первый том сборника вышел в свет в феврале 2010 года.

Публикаторская работа организована таким образом, что в процессе изучения документов создается БД в электронном формате, которая становится частью НСА архива, а уже на основе БД готовятся документальные издания.

Финансирование издательской деятельности ГА РФ осуществляется за счет средств российских и зарубежных научных фондов и других внебюджетных источников. Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) является основным источником внебюджетного финансирования. Подготовка изданий также финансировалась Международным фондом «Демократия» и Российским отделением фонда Сороса. Зарубежными источниками финансирования являются: Гуверовский институт войны,

революции и мира (США), фонд «Фольксваген» (ФРГ), Министерство внутренних дел ФРГ, Федеральный архив Германии. Постоянным партнером ГА РФ является издательство «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)».

Изучение документов и подготовка сборников осуществляются сотрудниками Центра изучения и публикации документов, большую лепту в организацию работы внесла бывший начальник отдела публикации Т. В. Царевская-Дякина. В настоящее время в этом центре работают квалифицированные сотрудники архива: д. и. н. В. В. Захаров, И. А. Зюзина, к. и. н. О. В. Лавинская, д. и. н. О. В. Хлевнюк, к. и. н. В. М. Хрусталева, к. и. н. Б. Ф. Додонов, К. Г. Ляшенко, Ю. Г. Орлова, Я. М. Златкис, к. ф. н. О. К. Иванцова, к. и. н. О. В. Эдельман и другие.

Архив ведет планомерную работу по внедрению современных информационных технологий во всех структурных подразделениях и по всем направлениям. С самого начала своей деятельности ГА РФ прошел долгий путь от нескольких автономных компьютеров и разрозненных баз данных до работы в ЛВС с собственными полноценными объемными информационными ресурсами. В 1992 г. архив располагал 6 компьютерами, а к началу 2010 г. их уже насчитывается 186.

Автоматизированные архивные технологии используются для решения повседневных задач архива. Так, поступающие запросы регистрируются в специально созданной базе данных, по которой можно проследить весь путь исполнения запроса, полученный результат и дату отправки заявителю. Для обеспечения функций, связанных с учетом хранящихся документов, внедряется Программный комплекс «Архивный фонд». Во всех структурных подразделениях ведутся свои вспомогательные базы данных, которые облегчают работу и позволяют проводить оперативный анализ: «Источники комплектования ГА РФ»; «Пофондовый учет документов, хранящихся в ведомствах»; «Розыск дел»; «Учет обращений к каталогам и базам данных архива» и другие.

Наиболее широко информационные технологии применяются в области создания электронных справочно-информационных ресурсов, обеспечения свободного доступа и эффективного поиска информации о хранящихся в архиве документах.

В 2008 г. проведена модернизация и доработка ИПС «Электронные описи ГА РФ», в результате которой осуществлен перевод ИПС на современную платформу и оптимизированы ее поисковые возможности. Создан конвертор электронных описей, что дает возможность оперативно обновлять, редактировать, дополнять и осуществлять резервное копирование электронного информационного ресурса.

В архиве проводятся мероприятия, направленные на организацию авторизованного сетевого доступа к имеющимся справочно-инфор-

мационным ресурсам сотрудников архива, на обеспечение возможности выхода в Интернет.

В помещениях на Б. Пироговской ул. действует одноранговая ЛВС, в которую подключено 21 рабочее место: дирекция, канцелярия, отделы ИПС, использования, информационных технологий и два архивохранилища. Проводится работа по широкополосному подключению рабочих мест сотрудников к Интернет. На первом этапе подключено 9 рабочих мест (дирекция, компьютерный зал, бухгалтерия). Проводятся работы по пробному подключению к Интернет собственного производительного Интернет-сервера с размещением на нем БД «Объединенный электронный архив фондов СВАГ», в который планируется открыть авторизованный доступ внешних Интернет-пользователей. На этом же сервере планируется разместить новый Web-сайт, работа над макетом которого проводится, и организовать почтовый сервер архива.

В здании на Бережковской наб. объединено в ЛВС шесть рабочих мест. Обеспечена возможность доступа в Интернет сотрудникам отделов комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства, ИПС и материально-технического обеспечения.

Перспективы развития сетевых компьютерных технологий неразрывно связаны с развитием технологической инфраструктуры архива, информационных ресурсов, наличием квалифицированного персонала.

ГА РФ, как правило, участвует в наиболее важных общетраслевых исследованиях под руководством ВНИИДАД. Все темы НИР, по которым работает архив, имеют практическое значение. Можно отметить несколько тем, в изучении которых архив принимал участие в последнее время. Изучались возможности разработки автоматизированной БД «Состав и сроки хранения документов, образующихся в организациях». Архив принял участие в подготовке новой редакции «Перечня типовых управленческих документов, образующихся в деятельности организаций, с указанием сроков хранения». Сотрудники архива участвовали в подготовке «Единой классификации документной информации Архивного фонда Российской Федерации», которая издана в 2007 г. и может быть использована в практической работе отраслевых учреждений.

В рамках ФЦП «Культура России» ГА РФ занимался исследованием актуальных проблем перевода традиционных архивных технологий в электронный формат и преобразования их в полнофункциональную автоматизированную информационную систему действующей модели АИС учета, заказа и контроля движения ед. хр. в ЛВС Архивного гопрода № 1.

Создана и периодически обновляется нормативная база архива. В 2005 г. утвержден новый Устав ГА РФ, утверждены положения о центрах, отделах, архивохранилищах и других структурных подразде-

лениях архива. Имеются должностные инструкции для всех категорий сотрудников.

Методическое обеспечение проводится по всем направлениям работы. Памятки, инструкции и другие методические пособия готовятся в архиве по мере необходимости при проведении конкретных работ. Сотрудники активно используют существующую нормативно-методическую базу Росархива, ВНИИДАД, предшественников ГА РФ, других федеральных и региональных архивов. С другой стороны, подготовленные архивом методики активно используются в отрасли, прежде всего при подготовке отраслевых разработок.

Являясь научно-методическим и информационным центром по работе с профильными документами, ГА РФ участвует в международных и российских конференциях. Сотрудники архива готовят доклады и сообщения по документам ГА РФ и по проблемам, связанным с архивоведением. Большое внимание архив уделяет распространению своего опыта, в том числе и путем проведения занятий по повышению квалификации зарубежных и российских архивистов, организации их стажировки.

Научная библиотека федеральных архивов вошла в состав ГА РФ в 1999 г.¹ Библиотека собирает, учитывает и хранит печатные издания: книги, брошюры на русском языке, языках народов бывшего СССР, до-революционные издания, литературу на иностранных языках, периодику, плакаты, лозунги, карты, коллекции. В библиотеке хранится около 614 тыс. ед. хр. К ее фондам имеется обширный научно-справочный аппарат.

Библиотека ведет большую справочно-библиографическую работу. Издания, хранящиеся в библиотеке, используются при подготовке выставок, библиографических справок. В 2006–2008 гг. изданы два выпуска библиографического указателя «Архивы России в зеркале СМИ. 1987–2002». В 2006 г. вышло в свет второе издание библиографического указателя «Печатные издания архивных учреждений Российской Федерации, вышедшие в свет в 2001–2005 гг.». Справочники заинтересовали ряд библиотек архивных учреждений и учебных заведений, в которых преподается архивное дело. Библиотека получила много положительных отзывов.

Научная библиотека обладает одной из наиболее интересных и полных коллекций газет русской эмиграции, изданий по истории российского архивного дела. Многие издания, хранящиеся в библиотеке, являются редкими, некоторые имеют автографы известных общественных деятелей.

Последние три года отмечены значительным увеличением роста фондов библиотеки за счет получения коллекций печатных изданий, переданных учреждениями, организациями и частными лицами из-за рубежа.

¹ СЗ РФ. 1999. № 12. Ст. 1485.

Начиная с 2006 г. в библиотеку поступили коллекции: Музея русской культуры в Сан-Франциско (США) — около 90 тыс. ед. хр., А. Таралы (Австралия), А. Даллина (США), семьи А. В. Тырковой-Вильямс, В. В. Орехова, В. А. Романовского-Красинского, национал-патриотических изданий. Коллекции содержат книги, журналы, газеты, микрофильмы, папки с вырезками на русском и иностранных языках. Общее количество полученных изданий составляет около 100 тыс. единиц. Все коллекции поставлены на учет, работа по их описанию близится к завершению.

Государственный архив Российской Федерации — один из ведущих архивов страны. ГА РФ бережно сохраняет собранный комплекс документов. Решение вопросов полноценного сохранения богатейшего комплекса документов по истории России невозможно без строительства нового здания, сохранения и укомплектования кадрового состава архива квалифицированными сотрудниками, но прежде всего — дополнительного финансирования, в том числе и на оплату труда сотрудников.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Распоряжение Правительства Российской Федерации № 809-р об образовании Государственного архива Российской Федерации

г. Москва

28 апреля 1992 г.

В целях улучшения организации научного исследования и практического использования документов по истории Российской Федерации:

1. Согласиться с предложением Комитета по делам архивов при Правительстве Российской Федерации об образовании Государственного архива Российской Федерации на базе Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, а также Центрального государственного архива РСФСР.

2. Принять к сведению, что Комитетом по делам архивов при Правительстве Российской Федерации будут переданы Государственному архиву Российской Федерации для организации приема документов ликвидированных органов государственной власти и управления СССР помещения, расположенные в г. Москве по ул. Б. Пироговке, 17, и занимаемые в настоящее время сотрудниками центрального аппарата Комитета.

3. Одобрить согласованное с руководством аппарата Правительства Российской Федерации предложение Комитета по делам архивов при

Правительстве Российской Федерации о передаче ему для размещения сотрудников центрального аппарата Комитета дополнительных помещений, расположенных в г. Москве по ул. Ильинке, 12.

Заместитель председателя Правительства Российской Федерации

М. Полторанин

№ 2

Информация зав. сектором автоматизированных информационных систем (АИС) ГА РФ Л. А. Роговской о ходе работы по компьютеризации ГА РФ

25 мая 1995 г.

Развитие автоматизированных архивных технологий (ААТ) в ГА РФ продолжает идти по трем основным направлениям: ААТ учетного характера, включающие ААТ по учету документов, хранящихся в архивах и ведомствах, и ААТ по учету видов работ в архиве, ААТ, реализующие тематический поиск информации (документальные БД), и технологии административно-управленческого характера.

За прошедший год в архиве было разработано 14 новых баз данных. Из них 2 — учетного характера, 5 документальных БД, 8 БД административно-управленческого характера.

Таким образом, в настоящее время архив располагает 4 БД учетного характера, 16 документальными, 11 административно-управленческими БД.

Часть баз данных разрабатывалась непосредственно сотрудниками архива (сектор АИС), часть с привлечением специалистов РНИЦКД, кроме того, сотрудники архива участвовали в разработке отраслевой БД «Архивный фонд».

Архив принимает участие в программе по вхождению российских архивов в международную информационно-библиотечную систему RLIN.

Сделаны первые шаги по компьютеризации читальных залов архива: установлен компьютер в читальном зале на Б. Пироговской, создается информационный комплекс для исследователей об архиве в целом, правилах работы с документами, составе НСА, сюда же включен перечень фондов архива и два первых тома путеводителя, разрабатывается БД «Учет и анализ работы исследователей в читальном зале», проводится обучение сотрудников читальных залов.

В течение года парк ПЭВМ в архиве пополнился 5 компьютерами. В настоящее время мы располагаем 16 машинами, 3 из которых не укомплектованы принтерами, причем все они, за исключением 4, — получены

архивом по договорам под работы по определенным совместным проектам.

Необходимо отметить, что процесс автоматизации как в архивной отрасли в целом, так и в нашем архиве развивался стихийно с использованием различных программных продуктов, подчас несовместимых, т. к. не было и до сих пор нет единой отраслевой программы или концепции компьютеризации.

В настоящее время Росархив предложил для экспериментального внедрения в отрасли БД «Архивный фонд», куда включается весь комплекс сведений учетного и справочного характера, которую в перспективе планируется внедрить в промышленную эксплуатацию в отрасли. Эта БД будет основной (стержневой), к ней будут присоединяться дополнительные комплексы, включающие более подробные сведения по направлениям деятельности архива.

В связи с этим необходимо приостановить создание собственных БД учетного характера и начать экспериментальное внедрение БД «Архивный фонд», имея в виду возможность ее корректировки исходя из особенностей архива.

Архив не может не принимать во внимание, что многие учетные и отчетные формы, включая паспорт архива, возможно, будут запрашиваться Росархивом на дискетах, исходя из этой типовой БД.

Вместе с тем возможно создание дополнительных вспомогательных БД по учету видов работ в структурных подразделениях архива для облегчения ежедневной практической работы.

Все документальные БД, осуществляющие тематический поиск документов, разработаны с использованием ППП 1815. Поэтому в перспективе после определенной доработки эти БД могут быть объединены для осуществления сквозного поиска. Таким образом, все тематические БД должны влиться в единый электронный каталог.

Для этого необходимо создать БД «Электронный каталог», проанализировав все имеющиеся тематические БД и создав единый входной формат с учетом всех полей.

Основой для индексаций записей в электронном каталоге должны стать основные разделы СЕК.

В связи с этим необходимо в дальнейшем более строго подходить к отбору тем для создания локальных тематических БД, учитывая актуальность, многократность использования и необходимость более оперативной выдачи информации.

В результате анализа работы по созданию НСА архива необходимо определить, какие фонды нуждаются в целевой каталогизации, для каких достаточно создания тех или иных указателей, сведения о каких достаточно включить в БД «Справочник о фондах ГА РФ».

БД административно-управленческого характера нужно продолжать развивать с учетом потребностей архива, взяв за основу СУБД Q&A. Для бухгалтерии необходимо закупить готовый программный продукт.

Кроме того, возможно и уже ведется применение средств ЭВТ для облегчения повседневной работы сотрудников архива по составлению и ведению документации, используя различные текстовые редакторы.

Развивая таким образом уже имеющиеся БД и создавая новые, встает вопрос о последующем их включении в единую локальную сеть. Но это станет возможным только тогда, когда большинство структурных подразделений архива будут оснащены средствами ЭВТ. На настоящем этапе возможно экспериментальное создание локальной сети по какому-либо направлению.

Поэтапно возможно подключение к этой сети всех других абонентов.

Необходимо также составить схему размещения и провести расчет количества необходимых ПЭВМ и другого оборудования. Пока такой расчет проведен для 1 этажа 13 подъезда и 1 этажа 6 и 7 корпусов.

Таким образом, на первое место встает вопрос о техническом оснащении архива средствами ЭВТ и обучении сотрудников работе на ПЭВМ, так как именно эти факторы в настоящий момент сдерживают дальнейшее продвижение поставленных задач.

*Зав. сектором АИС
Л. А. Rogovskaya*

№ 3

Письмо писательницы Зинаиды Шаховской заведующей архивохранилищем белогвардейских и белоэмигрантских фондов ГА РФ Л. И. Петрушевой

Париж

15 марта 1997 г.

Дорогая Лидия Ивановна!

Благодарю Вас за письмо от 11.02.97. Поздравляю Вас с окончанием работы Пражского архива¹. Не знаю, что именно из Пражского архива попало в Россию, но в Чехословакии был центр и хранилище работ зарубежных русских ученых, в частности евразийцев. Был там также и архив баронессы Врангель, которая, помнится, обращалась в мои молодые годы и ко мне для пополнения своей коллекции.

¹ Речь идет о работе архива над подготовкой межархивного путеводителя по фондам бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге.

Что касается меня, такая уж моя судьба, что из-за моего двуязычия (если не трех...) «разнообразие» сведений затрудняет их разбор и знакомство с моей деятельностью.

А. Г. Викторов никак не мой коллега. Он молодой ученый, работающий совсем в другой отрасли, чем я, но он честный и преданный мне человек и при случае старается мне чем-то помочь — дальний мой родственник.

В России, не обращая внимания ни на какие международные законы, всякий распоряжается моими правами, как ему хочется, и даже не сообщает мне — как, где и для чего он их использовал. Например, на днях мне сообщили, что были напечатаны несколько писем Набокова ко мне. Помнится, что я когда-то в начале писала Вам, что хотела бы, чтобы моя даже засекреченная «Набоковиана» была открыта для исследователей при моей жизни. Это во избежание всевозможных искажений, которые я могла бы исправить (пока жива).

Милая Лидия Ивановна, не везет мне с Россией, 10 лет хаоса [...] утомили меня до чрезвычайности. Вот, например, по телефону сообщили мне, что в издательстве «Терра» выйдут два первых тома моих воспоминаний. С «Терра» я дел никаких не имела.

Занялись этим ректор Литературного института Евин С. Я. и профессор Тарасов. Качество переводов я отказалась проверять, боясь, что мне пришлось бы все переводить самой заново, а я на это не способна.

Может, Вы мне по дружбе могли бы сообщить, если выходят какие-то статьи обо мне или интервью.

Удручает меня, что среди полученных мною напечатанных в разных сборниках стихов или прозы имеется превратный смысл, сказала бы, чудовищный. В издательстве «Книга» 1991 г. в предисловии Олешковского в стихах — такая чушь —

О, Русь, я связана с тобой
тысячелетными снегами
под черной русскою землей.

— С чего под землей?

Какое чудо в Русской природе! С тех пор так все ленивые и перепечатывают. В одном из сборников стихов, откуда теперь перепечатывают и другие, в стихах моей молодости:

Я не плачу за мой почет,
Хожу с протянутой рукой,
Мой вариант Не тормозит мой легкий бег
Добро, накопленное мной.

Вероятно, в духе сегодняшнего времени в России логично переделали «не» на «но» «тормозит» — считаю, что нормальнее не копить, а раздавать.

Пишу вам это, потому что больше с русскими не переписываюсь, а так, по крайней мере, в вашем архиве сохранится мое авторское возмущение по поводу такой нелепости.

Приветствую Вас и Ваших коллег — желаю Вам здоровья и успеха.

Преданная Вам

Зинаида Шаховская

ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–4. Подлинник. Рукопись.

№ 4

Письмо Марины Деникиной (Грей) заместителю директора ГА РФ Т. Ф. Павловой

[1993 г.]

Многоуважаемая Татьяна Федоровна!

Вы, кажется, уже слышали от редакции «Известий» о моих «мечтах» — из этого же источника я узнала, что у Вас хранятся некоторые документы о Распутине.

Об этом человеке столько было написано книг за рубежом, что я возьмусь за его биографию только, если смогу принести читателю что-нибудь новое.

Когда я мельком (к большому моему сожалению) проезжала через Москву, мне сказали, что бесчисленные документы, касающиеся Распутина, были уничтожены по приказу Временного правительства. Какие же уцелели?

Меня особенно интересует:

- 1) Допросы Временного правительства «свидетелей» о юности и житье Распутина в его родной деревне.
- 2) Документы о его скитаниях.
- 3) Полицейские «записки» о
 - а) его местопребываниях — (города, квартиры — хронология)
 - б) его гуляниях у цыган и в других ночных кабаках
 - в) его ежедневных посетителях
 - г) его убийстве.

Существуют ли медицинские заметки о вскрытии его трупа и о различных ранениях?

Сохранились ли какие-нибудь документы о его погребении и, потом, «разгребении»?

Многое еще меня интересует, но всего не перечислишь!

К большому моему сожалению, в ближайшее время не смогу собраться в Москву. Возникает вопрос: возможно ли будет Вам прислать мне фотокопии Ваших документов и сколько это будет стоить? Каким образом смогу я Вам переслать валюту?

Если все наладится, переслать документы — или, скорее, их фотокопии — можно будет через «Известия»; корреспондент газеты в Париже, Юрий Иванович Коваленко, любезно согласился быть «посредником» в этом деле.

Заранее благодарю Вас за ответ на мои просьбы (через «Известия»).

Марина Деникина

P. S. Мне сказали, что у Вас хранится архив моего отца. Я бы хотела знать, тот ли это, который немцы перевезли в Берлин, а американцы в Вашингтон?

У меня же имеется «личный» архив: кое-какие документы, много фотографий и писем к невесте, потом жене, к дочке, к знакомым — с начала 1915-го года (война, гражданская война, эмиграция) до смерти в 1947-м году.

М. Д.

Не обращайтесь внимания на кучу ошибок.

№ 5

Письмо Марины Деникиной (Грей) директору ГА РФ С. В. Мироненко

8 февраля 1998 г.

Многоуважаемый Сергей Владимирович!

Посылаю Вам, с приятельницей, самые, самые последние «семейные документы», которые, к сожалению, мне не удалось поместить, — надеюсь, Вы найдете что-нибудь интересное.

Прилагаю папину биографию и подтверждаю, что все права на перевод этой книги, «Павла I-го» и «Распутина» за мной.

Должна прибавить, что в 1992-ом году я в Москве подписала «издательский договор» с «Центром Ассоциации Лики истории» — издатель Юрий Владимирович Мухачев известил меня, что перевод папиной биографии почти окончен, — но из этого ничего не вышло, и книга не была издана — так как контракт был подписан на два года, то он больше не действителен.

Если же кто-нибудь заинтересуется этой книгой, то, может быть, перевод Мухачевский будет полезен...

Надеюсь, когда-нибудь еще увижу Москву и познакомлюсь с Вами!

Искренно Ваша, Марина Деникина

Marina Grey

Простите за ошибки!

ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–3. Подлинник. Рукопись.

№ 6

Письмо Троицких директору ГА РФ С. В. Мироненко

20 февраля 1998 г.

Многоуважаемый Сергей Владимирович, подтверждаем получение Вашего письма от 2.03.1998 г. и сообщения об организации Вами выставки «Возвращение на Родину: архивы русской эмиграции». Я бесконечно рад этому. Организация выставки это публикация материалов эмиграции за истекшие годы. По сути дела, это наши мечтания о свободной России. Но прошло так много времени, почти что столетие, и, конечно, изменились и мечты и люди. Но все же для нас, эмигрантов, это уникальное событие. Искренне и сердечно мы поздравляем Вас с этим начинанием. Кто-то сообщит нам об этом уникальном событии и реакции новых людей на это, но мы будем довольны всем, и публикацией и реакцией.

Лично я пережил и советизм и фашизм, а сейчас имею полнейшее представление о сущности англосаксонского периода.

Современное положение в России это система, принятая во всем мире, так называемого нового мирового порядка. Думается, что это не вполне то, что мы ожидали, но изменить историю не в наших силах.

Будем надеяться, что постепенное выздоровление России, а с нею и возрождение пойдет по пути создания истинно свободной России. Будем также надеяться, что брошенные нами семена в эмигрантских мечтаниях найдут отклик в современном общественном развитии ведущих слоев общества.

По мере возможности я буду и далее продолжать Вам свои поиски в нахождении скрытых и явных архивных залежей.

Мы с Верой Григорьевной после приезда из Флориды, т. е. в начале апреля сего года, попробуем подобрать дополнительные материалы архивного порядка и переслать Вам.

С искренним уважением Ваши:

Троицкие

ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 89. Л. 1. Подлинник.

№ 7

Из справки о работе отдела информационных технологий ГА РФ за период 2006–2009 гг.*4 июня 2009 г.*

[...]

Одной из основных задач отдела является организация и координация доступа структурных подразделений к сетевым информационно-поисковым ресурсам архива через ЛВС архивного городка. Вместе с тем перспективы развития сетевых компьютерных технологий неразрывно связаны с планомерным развитием технологической инфраструктуры архива, информационных ресурсов и наличием квалифицированного персонала.

Технологическая инфраструктура архива

В ГА РФ по состоянию на 1 июня 2009 г. числится 181 компьютер, в т. ч. работоспособных компьютеров класса не ниже Intel Celeron 700/256 Mb RAM — 103 шт.

В 2005 г. архив приобрел 20 новых производительных машин (из них 7 поставлены Росархивом). В 2006 и 2007 гг. архив на внебюджетные средства приобрел 3 персональных компьютера, в т. ч. файл-сервер Intel «Xeon 5030» с модулем памяти 2 Гб и RAID массивом жестких дисков общим объемом 1 Тб.

В 2008 г. архив получил 22 современных компьютера (из них 14 поставлены Росархивом), 8 компьютеров ГА РФ приобрел на внебюджетные средства в 2009 г.

В то же время устаревание примерно 43 % компьютерного парка и не обеспеченный постоянным бюджетным финансированием рост потребностей структурных подразделений в современном компьютерном оборудовании являются серьезным препятствием для развития технологической инфраструктуры архива...

Организация доступа читателей к электронным информационно-поисковым ресурсам архива через ЛВС читального зала

Создание информационной инфраструктуры архива тесно взаимосвязано с развитием электронных информационных ресурсов.

Основным электронным информационным ресурсом архива являются электронные путеводители и описи. ГА РФ приобрел большой опыт работы со сторонними организациями (Институт проблем передачи информации, «ЭЛАР», «Кварта ВК») по созданию единой сетевой автоматизированной информационной системы (АИС).

Еще в 2003 г. ООО «Кварта ВК» по поручению ГА РФ (на внебюджетные средства архива) изучило движение единиц хранения в ГА РФ и предоставило описания и схемы технологических процессов, подлежащих автоматизации. На их основе ООО «Кварта ВК» подготовило техническое предложение по созданию рабочей модели АИС «Система автоматизации заказа, контроля и учета движения дел ГА РФ» с применением идентификации на основе технологии штрих-кодирования.

В соответствии с данным техническим предложением в рамках Государственного контракта № 112 от 14.08.2004 г. «Экспериментальная разработка автоматизированной системы учета и движения документов ГА РФ и РГАЭ», заключенного Федеральным архивным агентством с ООО «Кварта ВК», была разработана действующая модель автоматизированной информационной системы учета, заказа и контроля движения единиц хранения в ЛВС Архивного городка № 1 (ГА РФ и РГАЭ) — АИС «Архив».

28 июля 2005 г. Росархив заключил с ГА РФ Госконтракт № 84 на выполнение научно-исследовательской работы по теме «Исследование актуальных проблем перевода традиционных архивных технологий в электронный формат и преобразования в полнофункциональную автоматизированную информационную систему действующей модели АИС учета, заказа и контроля движения единиц хранения в ЛВС Архивного городка № 1 (ГА РФ и РГАЭ)».

В рамках исследования были изучены возможности действующей модели АИС учета, заказа и контроля движения единиц хранения в ЛВС Архивного городка № 1, выполнено тестирование системы сотрудниками ГА РФ и РГАЭ, проведены деловые игры в режиме реального времени (в том числе с участием руководства ГА РФ и РГАЭ, а также Федерального архивного агентства), определены недостатки системы и разработана программа (предложения) по поэтапному преобразованию действующей модели в полнофункциональную систему.

В программе приведены примерный порядок и этапы перехода архивов на компьютерные технологии учета и контроля движения дел и перевода учетно-организационной документации архивохранилищ в электронный формат:

1. Создание нормативных, программных, административных и технических предпосылок экспериментального перехода на полнофункциональный режим работы.

2. Экспериментальный ввод в эксплуатацию отдельных модулей системы.

3. Переход на полноформатный режим взаимодействия в АИС читального зала и всех архивохранилищ ГА РФ, расположенных на Большой Пироговской ул.

4. Включение всех модулей системы. Переход архива на полноформатный режим работы в АИС.

5. Организация удаленного защищенного доступа к АИС для удаленных подразделений архива. Подготовка предложений к техническому заданию на подключение к АИС структурных подразделений ГА РФ, расположенных на Бережковской наб.

В 2006–2009 гг. на основании предыдущих разработок ГА РФ при поддержке Росархива предпринял ряд технических и технологических шагов, направленных на доработку и внедрение в работу читального зала ключевого модуля рабочей модели АИС — «Читальный зал».

3 ноября 2006 г. Росархив заключил с ГА РФ Государственный контракт № 29 на выполнение работ по теме «Исследование организационных, управленческих и технологических аспектов работы читальных залов архивов, создание полнофункционального модуля “Читальный зал” в рамках АИС архива».

В рамках государственного контракта были подготовлены текстовое описание технологических процессов работы сотрудников читального зала и исследователей при регистрации, заказе, получении и возврате дел и блок-схемы, иллюстрирующие последовательность выполнения и взаимосвязь технологических процессов читального зала, подготовлены предложения по системе отчетов полнофункционального модуля «Читальный зал».

Также были подготовлены предложения по развитию автоматизированного рабочего места (АРМ) исследователя и предложения по развитию АРМ сотрудника читального зала. На втором этапе работ соисполнителем ООО «Кварта ВК» был создан программный комплекс «Читальный зал», реализующий названные предложения.

В конце 2007 г. Центр информационных технологий Росархива (ЦИТ Росархива) в рамках ФЦП «Культура России (2006–2010 годы)» получил и в 2008 г. установил в читальном зале ГА РФ и РГАЭ сервер и 30 терминальных станций, организовал в читальном зале автономную ЛВС. Сейчас комплекс технических средств читального зала ГА РФ и РГАЭ представляет собой сеть из 30 терминальных машин и двух серверов: продуктивного и терминального.

Одновременно ГА РФ в рамках реализации федеральной целевой программы «Культура России (2006–2010 годы)» на 2007 год (пункт № 19 (56) «Оснащение архивов вычислительной техникой и развитие системы локальных информационных сетей») по рекомендации ЦИТ Росархива заказал лицензионное программное обеспечение компании Microsoft по программе лицензирования Academic Open для обеспечения функционирования рабочих мест исследователей и сотрудников читальных залов ГА РФ и РГАЭ.

В феврале 2008 г. ООО «Кварта ВК» предложило провести модернизацию рабочей модели АИС архива с использованием новых технологий разработки для оптимизации быстродействия базы данных, поскольку информационно-поисковая система (ИПС) действующей рабочей модели не обеспечивала высокой производительности поиска при работе с существующим объемом информации.

Предполагалось, что одновременно с открытием читального зала ГА РФ и РГАЭ после ремонта обновленная система будет установлена на сервер и станет функционировать в новой автономной ЛВС читального зала ГА РФ и РГАЭ. Однако в связи с тем, что ООО «Кварта ВК» предложило высокую стоимость доработки (571 502 руб.) и дальнейшего абонентского обслуживания рабочей модели АИС, ГА РФ по согласованию с Росархивом выбрал для читального зала уже апробированную архивом в сетевом режиме ИПС «Электронные описи ГА РФ», созданную ЗАО «Электронный архив» в рамках федеральных целевых программ «Культура России (2001–2005, 2006–2010 годы)» по разделу «Информатизация архивов».

В 4 квартале 2008 г. согласно концепции, изложенной ГА РФ в программе по поэтапному преобразованию действующей модели АИС в полнофункциональную систему, архив на внебюджетные средства заключил договора с командой программистов и провел модернизацию и надстройку ИПС «Электронные описи ГА РФ», в результате которой:

1. Осуществлен перевод ИПС на более современную платформу — Microsoft SQL Server 2005 и ASP/ASP.NET с целью повышения ее производительности, безопасности и отказоустойчивости.

2. Создан конвертор электронных описей, благодаря которому удалось избежать значительных дополнительных затрат времени и финансов на конвертирование в единую ИПС вновь создаваемого ресурса. Сотрудники отдела ИПС получили возможность самостоятельно оперативно обновлять, редактировать, дополнять и осуществлять резервное копирование электронного информационного ресурса.

3. Разработан и добавлен в систему программный модуль по организации электронной регистрации читателей¹. Данный модуль позволяет сотрудникам читального зала не только обрабатывать электронные анкеты и вести личные дела читателей в электронном формате, но и оперативно формировать статистические отчеты по работе читального зала.

4. Оптимизированы поисковые возможности ИПС для обеспечения эффективного использования архивной информации широким кругом пользователей (в т. ч. с учетом пожеланий читателей и сотрудников архи-

¹ Предусмотрено вторым этапом программы по поэтапному преобразованию действующей модели в полнофункциональную систему, разработанной в 2005 г.

ва улучшен интерфейс поисковой формы, добавлена возможность уточнения результатов поиска).

Благодаря этому организован авторизованный доступ посетителей читального зала к ИПС «Электронные описи ГА РФ». Кроме того, на 5 терминалах в тестовом режиме читателям предоставлен доступ к Web-приложению «Объединенный электронный архив фондов СВАГ» (отредактированной и подготовленной к размещению в Интернет версии).

[...]

*Начальник отдела ИТ
Ю. В. Семенова*

№ 8

Справка о ходе работ по завершению описания дел бывшего Верховного совета РФ

1998 г.

К описанию дел бывшего Верховного Совета РФ группа, созданная приказом № 7 директора ГА РФ, приступила 27 января 1994 года.

За истекший период (27 января 1994 г. — 1 сентября 1998 г.) состав группы варьировался от 12 до 16 человек (из них от 4 до 7 человек — основной состав, от 8 до 9 человек привлекаемые сотрудники).

Общий бюджет рабочего времени затраченный группой за этот период исчисляется 5523 днями, из них 3972 дня — основной состав группы; 1551 день — привлекаемые сотрудники.

За это время проделана следующая работа:

- осуществлен первичный разбор россыпи по структурным подразделениям ВС РФ — 19900 кг¹;
- сформировано и описано на карточках 8200 дел;
- сформировано и описано 740 дел Фонда пользования (копии законодательных актов Верховного Совета РФ, Президента РФ, Правительства РФ);
- разработаны «Методические рекомендации по организации документов в Фонде “Съезд народных депутатов, Верховный Совет РФ и их органы”»;
- разработана Схема систематизации дел Фонда;
- передано по акту в научную библиотеку 5323 экз. печатных изданий, кроме того, около 400 экз. печатных изданий систематизированы и находятся в помещении конференц-зала;

¹ 251 100 кг россыпи разобраны группой в составе 10 человек с 27 октября 1993 г. по 6 января 1994 г.

— выделено к уничтожению в процессе экспертизы ценности документов и вывезено 11 000 кг дублетных документов, экземпляров центральных газет, брошюр;

— составлено 9 описей постоянного хранения общим объемом 4 045 дел с научно-справочным аппаратом к описям;

— введено в базу данных 1 445 карточек с заголовками дел.

Общий объем дел постоянного хранения по Фонду Верховного Совета РФ составит 7 375 дел.

Из девяти подготовленных описей дел постоянного хранения на 1 сентября утверждены ЭПК ГА РФ семь описей по Фонду «Съезд народных депутатов РФ, Верховный Совет РФ и их органы» (описи №№ 2, 3, [6,] 7, 9, 10, 12) и одна опись Фонда № 385 «Верховный Совет РСФСР» общим объемом 2 600 дел, опись № 5 «Секретариаты руководства ВС РФ и Аппарата ВС РФ» (1 445 дел) в настоящее время находится на рассмотрении ЭПК ГА РФ.

Все дела по описям, утвержденным ЭПК ГА РФ (2 600 дел), подшиты, листы пронумерованы, обложки дел оформлены, дела зашифрованы; из них 1 477 дел переданы по акту в хранилища ГА РФ. Остальные 1 123 дела подготовлены к передаче в хранилища, но не переданы в связи с отсутствием места для хранения.

Часть дел по описи № 5 подготовлена к передаче на госхранение.

Для осуществления полного комплекса технических работ по подготовке дел описи № 5 к передаче на госхранение необходимо 58 рабочих дней (см. приложение № 1).

В настоящее время сотрудники группы заняты завершением подготовки описи № 4 «Постоянные комиссии палат, комитеты Верховного Совета РФ и временные комиссии Верховного Совета РФ»; предполагаемый объем описи — 3 330 дел.

По описи № 4 отредактировано и систематизировано 500 карточек, введено в базу данных 300 карточек.

Для завершения полного комплекса работ с делами по описи № 4 потребуется 481 рабочий день.

Из указанного необходимого бюджета рабочего времени 108 дней потребуется затратить на научные виды работ (редактирование, систематизация карточек, составление НСА к описям); 63 рабочих дня потребуются на ввод картотеки, создание базы данных и перепечатывание описи, а остальные 370 рабочих дней необходимы для проведения комплекса технических видов работ, включая 113 дней на подшивку дел.

Реальный бюджет рабочего времени сотрудников группы до конца 1998 года составляет 330 дней, кроме того, бюджет времени прикрепленных сотрудников может составить 70 дней. Следует отметить, что использование сотрудников группы, имеющих большой опыт работы в деле

описания сложных комплексов документов, на технических видах работ представляется нецелесообразным.

Для осуществления научных видов работ реальный бюджет рабочего времени до конца 1998 года может составить 80 дней (необходимо 108 дней).

Реальный бюджет рабочего времени сотрудников, занятых вводом карточки, составит 80 дней (необходимо 63 дня).

Реальный бюджет сотрудников, которые могут быть заняты на технических видах работ, составляет 43 дня.

Из этого следует, что необходимо пересмотреть состав группы по обработке документов Верховного Совета РФ, оставить трех сотрудников для завершения научных видов работ и увеличить количество технических сотрудников до четырех человек.

Целесообразно привлечение студентов-практикантов, а также сотрудников архива для подшивки дел сверх основной работы.

Следует подчеркнуть, что за 1994–1998 гг. сотрудниками ГА РФ проведена беспрецедентная по своей сложности и объему работа, которая сопоставима, пожалуй, с работами по упорядочению документов промышленных министерств и ведомств, упраздненных в 1957 г.

В результате спасен и вводится в научный оборот ценнейший комплекс документов Верховного Совета Российской Федерации. Формирование этого фонда проведено в соответствии с последними отраслевыми научно-методическими разработками, с привлечением наиболее квалифицированных специалистов и может представлять безусловный интерес для наших коллег-архивистов.

Необходимо завершить работу по подготовке к передаче на постоянное хранение документов Верховного Совета Российской Федерации с должным качеством и в установленные сроки.

*Главный специалист ГА РФ
Л. И. Федорова*

№ 9

Письмо Екатерины Куртовны и отца Василия Лихваря заместителю директора ГА РФ Л. А. Роговой

31 декабря 2009 г.

Многоуважаемая Лариса Александровна!

С Рождеством Христовым и Новым Годом!

Примите, пожалуйста, извинения, поскольку мы так долго не могли отправить Вам письмо благодарности. Благодарим Вас за инициативу и

усердие в устройстве нашего краткого путешествия в Россию для участия в выставке и коллоквиуме в Москве в мае 2009 года. Спасибо за приятно-незабываемые дни в Москве и путешествие в Новгород, на Вергезу и в Санкт-Петербург. Благодаря Вам мы были устроены в комфортабельных помещениях, обеспечены транспортом и имели интересные встречи. Вы освободили нас от многих житейских забот, что позволило нам сосредоточиться на цели нашего визита и уделить больше внимания историческому и культурному русскому окружению.

Благодарим Вас за то, что устроили нам встречу с ключарем и директором музея Храма Христа Спасителя, в котором «во время оно» служил создатель нашего прихода в Комбэрланде, Св. Новомученик Александр Хотовицкий. Спасибо также и за ваше сопровождение нас в Донской Монастырь и в Храм Ризположения, где закончилось мученической славой земное священнослужение Св. Александра. Не откажите в любезности выразить нашу благодарность Галине Альбертовне за то, что она любезно вызвалась проводить нас на экскурсию по соборам и музеям Московского Кремля.

Государственный Архив Российской Федерации и выставка архива Ариадны Тырковой-Вильямс и Аркадия А. Бормана произвели на нас незабываемое впечатление. Профессиональные усердие, эрудиция и энтузиазм, проявленные Вами, Алексеем Алексеевичем и Лидией Ивановной в связи с выставкой, коллоквиумом и всем архивом, свидетельствуют о Вашей истинной любви к России и ко всем тем, кто болел за Россию и страдал за нее. Для нас было великой честью быть приглашенными в недра Государственного Архива и иметь возможность держать в своих руках драгоценности Русской истории.

С радостью и облегчением я приветствую ходатайство Государственного Архива Российской Федерации об архиве Ариадны Тырковой-Вильямс и Аркадия А. Бормана, наконец-то этот архив, после многих лет скитания, нашел свое тихое пристанище на русской Родине. Как Вам уже известно, я много лет беспокоилась о том, как определиться с архивом, куда обратиться и кому поручить. Внимательность, с которой Вы с Алексеем Алексеевичем отнеслись к архиву, когда трудились у нас в церковном зале, уверила нас в том, что архив необходимо передать в Ваши опытные руки. Благодаря Вам архив нашел достойное место.

Еще раз спасибо Вам за доброту, щедрость, любезность и гостеприимство, которые Вы нам оказали на Вашей и нашей родине.

Уважающие Вас,

Екатерина Куртовна и о[тец] Василий Лихварь

ИСТОРИЯ ЗДАНИЙ АРХИВА

О. Н. Косенко

Здание Государственного архива Российской Федерации по ул. Б. Пироговской, д. 17

Многие ли архивисты, переступая порог здания архива, в котором они работают, задумывались над его историей? Не только историей функционирования архива как учреждения, с точки зрения, например, его комплектования, но и историей самого здания? Кто его построил, когда?

Государственному архиву Российской Федерации как преемнику Архива Октябрьской революции — АОР в 2005 г. исполнилось 85 лет, а в 2007 г., как реорганизованному на базе ЦГАОР СССР и ЦГА РСФСР и получившему сегодняшнее название — исполнилось 15 лет. Накануне двойного юбилея сотрудники этого архива задумались над историей его здания, расположенного по Большой Пироговской ул., д. 17, более известного как «архивный городок».

В отечественной историографии архивного дела наиболее известна, пожалуй, история строительства здания Московского архива Министерства юстиции (нынешнего Российского государственного архива древних актов — РГАДА), расположенного на территории «архивного городка»¹. Однако про рядом расположенное архивное здание, первоначально предусмотренное для Архива Октябрьской революции и Красной армии, практически никто не знает. А ведь именно это здание было первым специально построенным архивным зданием в советский период! Вопросы создания типовых проектов для архивохранилищ будут развиваться намного позже — в 1950-е² и особенно в 1970-е гг.³ Борьба за претворение в

¹ Автократова М. И., Долгова С. Р. Большая Пироговская улица, 17. М., 1988; Шохин Л. И. Московский Архив Министерства юстиции и русская историческая наука: архивисты и историки во второй половине XIX — начале XX вв. М.: Памятники исторической мысли, 1999 (часть II, глава 6 «Размещение МАМЮ на Девичьем поле»).

² Выступление Г. А. Белова по докладу «Новое в строительстве архивохранилищ» // Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР. 1956. № 3. С. 39–40; Воронин И. Д. Типовые проекты архивохранилищ // Исторический архив. 1957. № 3. С. 247–253; Он же. Здания государственных архивов в СССР // Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР. 1957. № 6. С. 38–45; Он же. Новое архивное здание в Москве // Исторический архив. 1957. № 6. С. 187; Он же. Некоторые вопросы проектирования и строительства архивохранилищ // Вопросы архивоведения. 1959. № 1. С. 41–49.

³ Казакевич К. М. Новые типовые проекты зданий государственных архивов // Советские архивы. 1970. № 3. С. 101–105; Здания государственных архивов // Советские архивы. 1972. № 4. С. 71; Временные указания по проектированию зданий и

жизнь мысли о строительстве специального здания для АОР началась в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Фактически архитекторы и инженеры, участвовавшие в подготовке и процессе сооружения этого здания, были первопроходцами в строительстве подобного рода объектов. Конечно, они учитывали опыт предшественников, но необходимо также отметить, что период 1928–1931 гг. в архитектуре — расцвет советского авангарда¹. Это направление характеризовалось, с одной стороны, непрекращающимся поиском новых форм, стремлением по-новому взглянуть на «старое». С другой стороны, провозглашая отказ от «искусства ради искусства», новаторы уделяли главное внимание реальному строительству, объем которого возрастал из года в год.

Здание ГА РФ по Б. Пироговской ул. интересно не только с точки зрения искусствоведов и архитекторов, относящих его к памятникам советского постконструктивизма. История строительства наглядно иллюстрирует отношение советского правительства к архивам на протяжении довольно длительного периода — 1920–1950-х гг., основные проблемы, с которыми сталкивалось Главное архивное управление при реализации своих проектов. Проблема сооружения архивов в настоящее время представляется особенно актуальной в связи с постройкой новых архивных зданий — РГИА, ГАРФ.

Для исследования данной темы были привлечены немногочисленные статьи из журналов «Архивное дело»² и «Строительство Москвы»³. Именно отсутствие полных опубликованных данных привело к тому, что в научных печатных изданиях, Интернет-ресурсах и даже в кругах специалистов распространяются недостоверные сведения о периоде строительства архива и архитекторах, создававших его проекты. В связи с этим для написания статьи были изучены архивные документы, отложившиеся как в фондах ГА РФ, так и в других архивах: Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Центрального

помещений архивов. СН 426-71. М.: Стройиздат, 1972; *Жугастр-Лушина А. М.* Здания архивов. М.: Стройиздат, 1975; Перечень типовых проектов общественных зданий для строительства в городах и поселках городского типа. П02-4. М., 1978; *Лернер И. И.* Принципы нормирования, расчета площадей и планирования помещений административных зданий: Автореф. дисс. ... канд. архитектуры 18.00.02. — архитектура зданий и сооружений. М., 1978.

¹ Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн. М., 1996.

² *Веселов В.* Новое здание государственного архива в Москве // Архивное дело. 1935. № 4 (37). С. 62–73; Новое здание Архива Октябрьской революции и Красной армии в Москве // Архивное дело. 1932. Вып. II (30–31). С. 132–134; Строительство здания архива Октябрьской революции и Красной армии в Москве // Архивное дело. 1932. Вып. III–IV (32–33). С. 83–84.

³ *Круглов Л.* Центральный архив Октябрьской революции и Красной армии // Строительство Москвы. 1931. № 11. С. 8–9.

архива научно-технической документации города Москвы (ЦАНТДМ)¹. Также важная информация была получена из каталогов Государственного музея архитектуры им. А. В. Щусева (МУАР). Автор настоящей статьи благодарит сотрудников указанных учреждений за оказанные консультации при работе над данной статьей.

Собор Александра Невского

Впервые вопрос о сооружении здания для Архива Октябрьской революции (АОР) был поднят в 1923–1924 гг., когда Центральный архив РСФСР (Центрархив) ходатайствовал о приспособлении недостроенного здания собора Александра Невского на Миусской площади² под архивохранилище. Этот грандиозный собор, рассчитанный на 6000 человек, задумывался как всероссийский храм-памятник в память освобождения крестьян от крепостной зависимости. Строительство собора по проекту В. М. Васнецова началось в 1913 г. под руководством архитектора А. Н. Померанцева. К октябрю 1917 г. храм был в основном закончен, но не отделан и не полностью освящен, а в 1920–1921 гг. встал

вопрос о его сломе на кирпич. Строительной секцией Госплана РСФСР было признано, что сумма, необходимая на приспособление и оборудование этого собора под архив, выразится в 1,5 млн рублей³, но даже несмотря на затрату колоссальных финансовых средств, создать оптимальные условия для хранения архивных материалов будет невозможно. Поэтому в 1925 г. данный вариант был отвергнут⁴. Что же касается собора Александра Невского, то после неудачных попыток его приспособления под другие учреждения он был все-таки разобран в 1930-е годы.

¹ ГА РФ. Ф. А-259. Совет народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР); Ф. А-262. Госплан РСФСР; Ф. Р-1235. Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК); Ф. Р-3316. Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК СССР); Ф. Р-5325. Главное архивное управление при Совете министров СССР (Главархив СССР); Ф. Р-8370. Историки-архивисты; Ф. Р-9401. Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД СССР); Ф. Р-9423сч. Хозяйственное управление (ХОЗУ) Министерства внутренних дел СССР; РГАЛИ. Ф. 681. Высший художественно-технический институт (ВХУТЕИН); ЦАНТДМ. Ф. 2. Архитектурно-планировочное управление (АПУ) Моссовета.

² Сорок сороков: В 4 т. / авт.-сост. П. Г. Паламарчук. М.: АО «Книга и бизнес»: АО «Кром», 1995. Т. 3. С. 420–422.

³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 86. Д. 1033. Л. 2–3.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 75. Д. 1542. Л. 116.

Кредиты на строительство здания для АОР испрашивались по смете Управления Центрархивом на 1926–1927 гг., а затем на 1927–1928 гг., но каждый раз вопрос решался отрицательно. Более того, постановление СНК РСФСР от 1927 г. закрепляло участок на углу улиц Моховой и Воздвиженки, занимаемый АОР, за Наркомпросом для использования под постройку здания Ленинской библиотеки. В ходатайстве о размежевании этого участка между Центрархивом и библиотекой первому было отказано¹.

И лишь в 1928 г. СНК РСФСР признал необходимым начать с 1929–1930 гг. постройку здания архива Октябрьской революции и Красной армии².

В 1929 г. было решено провести всесоюзный конкурс на составление проекта здания Архива Октябрьской революции — подготовлена соответствующая документация, в том числе и смета, предусматривающая 7 премий за лучшие проекты. По неизвестным причинам (скорее всего, из-за большой стоимости мероприятия) вместо открытого был организован закрытый конкурс.

Для постройки здания Архива Октябрьской революции и Красной армии отводился земельный участок по Большой Пироговской ул., д. 17, который был ограничен с востока Малой Пироговской ул, с запада — Б. Пироговской ул., с севера — 2-м Архивным пер., с юга — 1-м Архивным пер. Согласно специально подготовленной для архитекторов «Программе для составления проекта постройки Архива Октябрьской революции» архив должен был состоять из нового архивохранилища и надстройки над вторым этажом здания Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), эти здания должны быть соединены между собой. В программу также были внесены такие требования, как: этажность — 4–5 этажей; вместимость архивного и библиотечного материала — 85 570 погонных метров стеллажных полок; возможность дальнейшей пристройки хранилища; учесть все достижения в отношении рационализации архивохранилищ и библиотек в Америке и Западной Европе; предусмотреть возможность посадки древесных насаждений. Что касается архитектурного оформления, то здание должно было соответствовать характеру современной эпохи, фасады должны быть просты³.

В июле 1929 г. состоялось заседание жюри, в состав которого входили: В. В. Адоратский, В. В. Максаков, члены коллегии Центрального архивного управления (ЦАУ) РСФСР — В. В. Артишевский и Д. Г. Истнюк, инженер ЦАУ Н. Н. Казанцев, проф. Д. Н. Егоров,

¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 75. Д. 1542. Л. 116.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1551. Л. 11–15 об.

В. Д. Кокорин

старший архитектор Управления строительного контроля, профессор Высшего художественно-технического института (ВХУТЕИН) И. П. Машков, инженер, профессор Московского высшего технического училища (МВТУ) Л. А. Серк, архитектор Госплана Ю. И. Герштейн и специалисты архивного дела — старший архивист-консультант М. С. Вишневский, архивисты-консультанты И. А. Голубцов, С. К. Богоявленский, И. В. Хрипач, старший архивист Н. П. Чулков и заведующая АОР Ф. И. Драбкина. На заседании было рассмотрено 4 проекта, представленных архитекторами В. Д. Кокориным¹, П. А. Голосовым, С. Е. Чернышевым, Д. Ф. Фридманом и В. И. Фидманом (совместный проект)².

¹ В первоначальном составе участников конкурса вместо В. Д. Кокорина значился Л. А. Веснин (см.: ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1550. Л. 57).

² Кокорин Виктор Дмитриевич (1887–1959), архитектор. В 1922–1923 гг. принимал участие в создании Всероссийской сельскохозяйственной кустарно-промышленной выставки в Москве. Наиболее известные осуществленные проекты: опытные жилища и рабочий поселок в Иваново (1924–1925), НИИ нефти в Москве (1927), завод «Красный пролетарий» в Москве, мост через р. Иртыш и здание клуба в Зуеве (1928), памятник А. Н. Островскому у Малого театра (скульптор Н. Андреев, 1929), Дом правительства Грузинской ССР в Тбилиси (1932–1952), архитектурное оформление Большого и Малого Краснохолмских мостов (1936).

Голосов Пантелеймон Александрович (1882–1945), архитектор, академик архитектуры. Участвовал в составлении плана «Новая Москва» (1918–1923), в проектировании Всероссийской кустарной промышленной выставки (1923). Успешно выступал в ряде архитектурных конкурсов, сыгравших важную роль в определении направленности советской архитектуры и разработке новых типов зданий. Являлся членом Объединения современных архитекторов. Преподавал в свободных художественных мастерских, ВХУТЕМАСе–ВХУТЕИНе, в Московском архитектурном институте (1919–1945). По проекту П. А. Голосова построены здания Дома техники и механического техникума в формах конструктивизма в Мотовилихинском р-не Перми (1927–1937).

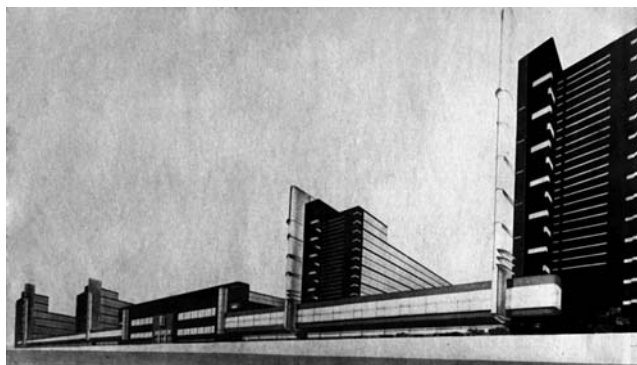
Чернышев Сергей Егорович (1881–1963), архитектор. Главный архитектор Москвы (1934–1941). Председатель Управления по делам архитектуры Мосгорисполкома (1944–1948), 1-й секретарь Союза архитекторов СССР (1950–1955). Преподавал в Московском ВХУТЕМАСе–ВХУТЕИНе (1918–1930) и Московском архитектурном институте (1931–1950). Работы: генеральный план реконструкции Москвы (совместно с архитектором В. Н. Семеновым и др., 1931–1935), комплекс зданий Московского университета на Ленинских горах (совместно с архитекторами П. В. Абросимовым, Л. В. Рудневым, А. Ф. Хряковым и др., 1949–1953, Гос. пр. СССР, 1949).

Фридман Даниил Федорович (1886–1950), архитектор. Работы: рабочий поселок в Ташкенте (1923), жилой дом на Ленинградском шоссе в Москве (1926), жилой дом в Новосибирске (1926–1928), жилой дом «Корабль» в Иваново-Вознесенске (1927–1929), вестибюль станции метро «Площадь Дзержинского» (1935) и др.

По окончании обсуждения совет жюри признал, что каждый проект может быть принят к осуществлению без значительной переработки в архитектурном и производственном отношениях. При этом предпочтение было отдано проекту Д. Ф. Фридмана и В. И. Фидмана, как наиболее приемлемому для дальнейшей разработки ввиду более удачного разрешения архитекторами задач планировки отдельных частей здания, больших возможностей расширения архива при дальнейшей застройке участка и меньшей общей кубатуре здания и надстройки¹.

Д. Ф. Фридман

*Проект архитектора Л. М. Круглова
(общий вид здания с М. Пироговской ул.)*

В результате подведения итогов конкурса лучшим был признан проект архитекторов Д. Ф. Фридмана и В. И. Фидмана². Согласно проекту намечалось сооружение по обеим сторонам существующего хранилища четырех отдельных пяти-

этажных корпусов архивохранилищ, объединенных по фасаду Б. Пироговской ул. двухэтажным рабочим помещением³.

Для осуществления этого проекта необходимо было вырубить до 250 деревьев из 800⁴, произраставших на участке. В условиях недостаточной озелененности Москвы последовало возражение со стороны Моссо-

Фидман Владимир Иванович (1884–1949), архитектор. Проекты: здание треста «Сталь» у Красных Ворот (совместно с Д. Ф. Фридманом, 1929), проект «Зеленого города» (совместно с др. архитекторами), Библиотеки им. Ленина (совместно с Д. Ф. Фридманом), банка для Новосибирска (совместно с Д. Ф. Фридманом, 1928–1930), проект мемориальных досок для Москвы (совместно с др., частично осуществлен) и др.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1550. Л. 148–149 об.

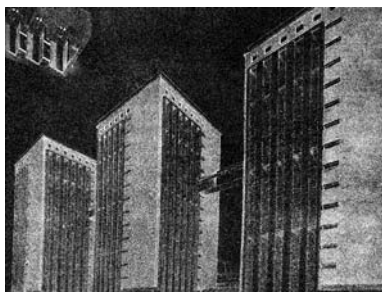
² ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 75. Д. 1542. Л. 119; Новое здание Архива Октябрьской революции и Красной армии в Москве. С. 132.

³ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1551. Л. 10.

⁴ ЦАНТДМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7313. Л. 2.

вета, и взамен им был предложен вариант постройки архива Земельно-планировочного отдела Мосгорисполкома и Моссовета фасадом не по Большой, а по Малой Пироговской улице, поскольку при таком расположении здания при сохранении его кубатуры вырубка ограничилась бы 25 деревьями¹. На этот раз протест последовал от ЦАУ РСФСР, считавшего, что участок по фасаду М. Пироговской ул. неудобен для застройки и, кроме того, этот вариант потребует составления нового проекта, что связано с затратой времени и средств. Вопрос был решен постановлением СНК РСФСР от 24 июня 1931 г. № 693, позволявшим постройку нового здания АОР на участке № 17 по Б. Пироговской ул. с использованием для этой части территории, прилегающей к М. Пироговской ул., при условии вырубки не более 25 деревьев и допущении в случае надобности увеличения высоты здания свыше 5 этажей².

Составление проекта было поручено государственному институту «Гипрострой» при следующих условиях: учесть постановление СНК, использовать при проектировании существующее здание ГАФКЭ, расположить в здании около 70 000 погонных метров стеллажных полок³, что вместе с ГАФКЭ и надстройкой над ним даст 120 000 п. метров стеллажей для архивных материалов⁴. Позже эта цифра постоянно увеличивалась и в итоге была доведена до 180 000. Проект был составлен архитектором Л. М. Кругловым⁵. Здание представляло собой 3 отдельно стоящие четырехугольные башни, объединявшиеся сплошной застройкой цокольного этажа, к которым примыкали 3 трехэтажные пристройки с рабочими помещениями, связывающиеся между собой подвесными переходами.

*Проект архитекторов
Д. Ф. Фридмана и В. И. Фидмана
(фасад по Б. Пироговской ул.)*

По свидетельству самого автора проекта, выбор башенного типа строения был вызван главным образом экономией площади застройки, но он также дал ряд ценных преимуществ перед зданиями горизонтальной планировки, а именно: более простое осуществление механизации загрузки

¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 75. Д. 1542. Л. 45; ЦАНТДМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7313. Л. 14–15.

² ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 24. Д. 6. Л. 138.

³ ЦАНТДМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7313. Л. 7.

⁴ Новое здание Архива Октябрьской революции и Красной армии в Москве. С. 133.

⁵ Круглов Леонид Моисеевич (1905–1932) в 1923 г. окончил Астраханский государственный художественный техникум, специальность — учитель рисования школ II ступени; в 1930 г. — Московский высший государственный художественно-технический институт, специальность — архитектор.

и обслуживания хранилищ; экономию погонных метров стеллажей более чем на 9 %. Более того, при большой высоте архивохранилищ благодаря разрывам между ними была сведена до минимума затемняемость противостоящих зданий¹.

Возведение здания было начато 15 февраля 1932 г. 15-м Госстройтрестом. Торжественная закладка фундамента центральной башни Архива Октябрьской революции и Красной армии была назначена на 31 мая 1932 г. в 6 часов вечера. Предполагалось обеспечить участие в этом мероприятии коллегии ЦАУ СССР и РСФСР, дирекции Института архивоведения, заведующих архивами, партийных и общественных организаций и всего коллектива работников ЦАУ².

Срок окончания строительства — 1 июля 1933 г. — был установлен постановлением Президиума ВЦИК от 1931 года.

Однако в начале лета 1932 г., когда уже были готовы фундаменты под первую башню здания и почти завершены для примыкающего к ней рабочего помещения, Архитектурно-планировочное управление при Моссовете (АПУ) опротестовало осуществляемый проект. С точки зрения комиссии АПУ, в которую входил архитектор Д. Ф. Фридман, проведенные мероприятия по строительству были незначительными, в доказательство чего к письменному протесту в Мосгорисполком была приложена фотография, снятая с места постройки. Протест мотивировался политической и художественной значимостью здания, и потому ему необходимо было придать, помимо существовавших технологических качеств, архитектурную композицию и перенести фасад на Б. Пироговскую улицу³.

В свою очередь, заместитель заведующего ЦАУ РСФСР В. В. Максимов направил письмо во ВЦИК с просьбой не приостанавливать строи-

Копия карточки из наградной картотеки
о награждении Д. Ф. Фридмана грамотой
ЦИК СССР

¹ Новое здание Архива Октябрьской революции и Красной армии в Москве. С. 133–134. Чертежи здания см.: ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 75. Д. 1542. Л. 7; ЦАНТДМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7313. Л. 24–37; Д. 7314.

² Протокол № 3 ст. 6 п. 2 совместного заседания коллегии ЦАУ СССР и РСФСР от 27 мая 1932 г.: ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2432. Л. 9.

³ Строительство здания архива Октябрьской революции и Красной армии в Москве. С. 83.

тельство и не подвергать его перепроектировке, доказывая очевидную необходимость продолжения постройки по утвержденному проекту, отмечая при этом, что «выводы АПУ о проекте Л. М. Круглова в значительной мере могут отражать мнение Д. Ф. Фридмана, принимавшего участие в созданной АПУ комиссии, поскольку острой критикой Л. М. Круглова проекта постройки АОР, составленного в 1929 г. Д. Ф. Фридманом, было задето самолюбие последнего, как автора проекта»¹. Неизвестно, действительно ли главным мотивом действий Д. Ф. Фридмана была обида или, наоборот (в силу своего опыта и чутья), стремление предупредить ошибку, но архитектор Фридман активно добивался пересмотра проекта Л. М. Круглова.

Интересна критика Д. Ф. Фридмана на проект Л. М. Круглова, изложенная в письме в ЦАУ РСФСР «К проекту здания Центрального архива Октябрьской революции и Красной Армии»². Это письмо было ответом на статью архитектора Круглова в журнале «Строительство Москвы»³, которую автор построил на сопоставлении своего проекта с проектом архитекторов Д. Ф. Фридмана и В. И. Фидмана с выделением преимуществ своего проекта постройки здания архива. Д. Ф. Фридман в своем письме писал: «Перечисленные в статье “выгоды”, которыми хочет обольстить нас тов. Круглов, настолько необоснованны, настолько убыточны, что не реагировать на его статью нельзя, тем более что есть еще возможность исправить дело». По мнению Фридмана, выбор Л. М. Кругловым башенной системы (карусельного типа) сделал проект абсолютно неэкономичным по первоначальным затратам и в эксплуатации, что также сказалось и на архитектурном оформлении проекта. «Неужели можно пройти мимо факта, — сетовал Фридман, — что здание Центрархива, которое, по выражению Круглова, “является одним из самых больших в мире”, не используется одновременно как объект, украшающий нашу пролетарскую столицу. Неужели правильно поступает архитектор, не помогающий исполнению директивы партии о превращении Москвы в образцовую столицу». По выражению Фридмана, «проект тов. Круглова оставляет фронт, выходящий на площадь, с его убогим заборчиком и двухэтажным зданием существующего архива нетронутым, забрасывает новую застройку в тыл, на задворки, к улице второстепенного значения, совершенно не заботясь о создании законченного архитектурного ансамбля».

Для разрешения проблемной ситуации было принято секретное постановление Президиума ВЦИК прот. № 41/с п. 1 от 22 июня 1932 г., которое

¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 75. Д. 1542. Л. 45.

² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1550. Л. 144–146 об.

³ Круглов Л. Центральный архив Октябрьской революции и Красной армии. С. 8–9.

предусматривало поручить комиссии под председательством Т. С. Хвеси-на в составе В. В. Максакова, А. В. Щусева¹ и Б. М. Иофана² в трехдневный срок разработать указания по архитектурному оформлению строящегося здания АОР и Красной армии, учтя невозможность задержки строительства архива более чем на 1 месяц³.

Комиссия Т. С. Хвеси-на, рассмотрев проблему, 4 июля 1932 г. пришла к заключению, что проект архитектора Л. М. Круглова «не соответствует политическому и историческому значению хранилища материалов эпохи пролетарской революции, отражающих историю Октябрьской революции и строительства Красной армии». Комиссия предложила, не приостанавливая сооружения начатой угловой башни, детально проработать ее внешнее оформление за счет введения скульптурных и архитектурных элементов. В остальной части — признала необходимым в корне переработать проект с учетом значения здания и пожелания Моссовета иметь на этом участке здание — памятник эпохи пролетарской революции, украшающий Москву и отражающий содержание хранящихся в нем материалов⁴.

Переработать проект Л. М. Круглова было предложено московскому отделению Машиностройпроекта⁵, но новый вариант здания, составленный архитекторами Левитаном и М. А. Минкусом⁶, не был утвержден

¹ Щусев Алексей Викторович (1873–1949), архитектор, академик АН СССР (1943). Обращался к традициям русского средневекового зодчества (Казанский вокзал, 1914–1926, 1941), к классическому наследию. По проекту Щусева построены Мавзолей В. И. Ленина (1924–1930), гостиница «Москва» (1932–1938, с соавторами). Участвовал в разработке плана реконструкции Москвы (1918–1925). Гос. пр. СССР (1941, 1946, 1948, 1952 посм.).

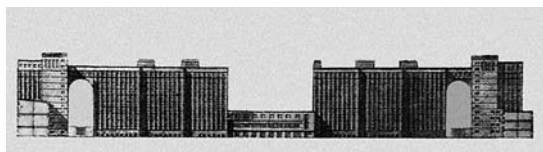
² Иофан Борис Михайлович (1891–1976), архитектор, народный архитектор СССР (1970). Работы: административно-жилой комплекс на ул. Серафимовича в Москве (1928–1931), санаторий в Барвихе Московской области (1931–1935), павильоны СССР на Всемирных выставках в Париже (1937) и Нью-Йорке (1939), проект Дворца Советов для Москвы (совместно с др. архитекторами, 1931). Гос. пр. СССР (1941).

³ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1328. Л. 12.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2902. Л. 126.

⁵ Машиностройпроект — Всесоюзный государственный трест строительного проектирования промпредприятий и сооружений среднего и легкого машиностроения. Машиностройпроект был организован в 1932 г. для обслуживания отраслей промышленности: цветной металлургии, среднего и легкого машиностроения, авиастроения. В апреле 1933 г. был влит в состав Всесоюзного треста промышленного строительного проектирования «Промстройпроект» (РГАЭ. Ф. 5679. Оп. 1. Д. 35).

⁶ Минкус Михаил Адольфович (1905–1963), архитектор. По проекту Минкуса построены высотное здание МИД на Смоленской пл. в Москве (1948–1952, совместно с В. Г. Гельфрейхом), многоэтажный гараж на Краснопресненском валу (1936–1941, с соавторами), здание торгпредства СССР в Дели (1956–1959, совместно с Н. С. Полюдовым) и др.

*Проект архитектора А. Ф. Волхонского
(фасад здания по М. Пироговской ул.)*

Архитектурно-техническим советом АПУ. Поиски нового решения проекта архива продолжались снова и снова. Накануне очередного заседания совета 9 февраля 1933 г. по поводу 7-го и 8-го вариантов проекта член коллегии ЦАУ РСФСР В. В. Артишевский направил письмо начальнику АПУ М. В. Крюкову. Он напомнил, что 10 февраля в случае непредставления утвержденного проекта прекращается финансирование постройки, поэтому дальнейшее промедление с утверждением проекта положит конец строительству в текущем году. Между тем «пожар с человеческими жертвами, бывший в ночь на 17 января в помещении ГУМа, где хранятся важнейшие исторические документы, относящиеся к Октябрьской революции и строительству Красной Армии, предназначенные переброской в новое здание, вновь сигнализирует о всемерном ускорении окончания постройки». Поэтому ЦАУ РСФСР при рассмотрении очередного проекта просило учесть изложенные обстоятельства¹.

Обстоятельства были учтены, и, наконец, проект был принят. Из двух вариантов: архитектора Шнейдера — асимметричное решение (с постановкой архитектурных масс на половине участка, прилегающего ко 2-му Архивному переулку, и с полным открытием противоположного угла 1-го Архивного переулка) и архитектора А. Ф. Волхонского² — симметричное решение (с акцентом на центральную часть здания), был утвержден последний³. Поскольку переработка проекта заняла не 1 месяц, как было определено комиссией Т. С. Хвесина, а более полугода, была потеряна значительная часть сезона, и окончательный срок готовности всего здания был перенесен на 1 января 1934 года.

Однако, несмотря на титул «ударной стройки», испытывался недостаток ассигнований и стройматериалов, и к назначенному времени работу выполнить не удалось. Более того, проект архива, составленный в 1933 г., в связи с несовершенностью научной базы, положенной в его основу, через 2 года в целом ряде моментов устарел. В связи с этим уполномоченный по строительству архива Октябрьской революции и Красной армии инженер

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2902. Л. 27.

² Волхонский (Волконский) Алексей Федорович (1905–1939) кроме проекта здания архива Октябрьской революции и Красной армии (1933) спроектировал жилой дом на Чистопрудном бульваре, д. 10–12 (1936).

³ Строительство здания архива Октябрьской революции и Красной Армии в Москве. С. 84.

В. З. Веселов¹ в своей докладной записке от 2 декабря 1935 г. поставил общий вопрос о пересмотре проекта.

Прежде всего В. З. Веселов интересовался, откуда взялась запроектированная цифра в 180 000 п. метров стеллажных полок, ведь в делах строительства не было ни одного документа, обосновывающего потребность в хранении такого большого количества архивных материалов, даже с учетом поступлений в течение ближайших 20 лет. Выходило так, что строящееся здание имело огромную излишне запроектированную мощность: 180 000 п. метров стеллажей могли вместить не только АОР и архив Красной армии, но и все остальные архивы Москвы, а также ЦВИА, расположенный в Ленинграде, и при этом еще оставались свободными 93 775 п. метров стеллажей².

Далее в записке указывалось, что застройка правого крыла жилым корпусом и клубом явилась скорее в результате требований архитектурной композиции, нежели в результате действительной потребности. С точки же зрения организации охраны архива правильно было бы держаться принципа совершенной его изоляции, рассматривая как учреждение, где присутствие людей только временное. Что касается древлехранилища, то отказ от его сохранения создал бы более свободные условия для проектирования и был бы экономически выгоднее.

Затем инженер считал недопустимым, что архивохранилища, согласно существующему проекту, освещаются простым солнечным светом, температура запроектирована только на зимнее время, качество воздуха переменное.

Также в записке поднимались такие вопросы, как: способ хранения документов, противопожарные мероприятия, оборудование и эксплуатация архива и другие³.

В связи с выявившимися недостатками ЦАУ СССР были проведены консультации. В рассмотрении вопросов обеспечения сохранности документов архива принимали участие профессор Ф. Ф. Бобров (Научно-исследовательский институт бумаги), директор Лаборатории реставрации и консервации документов при Академии наук СССР профессор Н. П. Тихонов, директор Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ)

¹ Веселов Владимир Захарович (р. 1892), техник-строитель с 1910 г., инженер с 1917 г. Награжден орденом Красного Знамени. В 1934–1936 гг. инженер капитального строительства ЦАУ СССР.

² АОР, Архив Красной армии, ГАФКЭ, Архив революции, Архив внешней политики, Архив профсоюзов, Межевой архив занимали 86 225, а с ЦВИА — 118 673,21 п. метра стеллажных полок: ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3469. Л. 30; Д. 3470. Л. 74–74 об.

³ Там же. Д. 3469. Л. 30; Д. 3470. Л. 30–32.

В. В. Адоратский, профессор медицины Я. Л. Окуневский¹ и др. По проблемам архитектуры здания дал свое заключение академик В. А. Щуко². В первоначальный список консультантов был также внесен А. В. Щусев³.

Кроме того, считалось, что для наилучшего разрешения вопросов необходимо изучить опыт архивостроения за границей не только по литературным материалам⁴, а также послать специальную комиссию по примерному маршруту Женева — Берлин — Париж — Вашингтон⁵.

В результате проведенных мероприятий были выработаны способы устранения существующих недостатков проекта, а именно: устройство в архивохранилищах круглогодичного постоянства температуры и влажности, исключение из проекта жилого дома и клуба с проектированием на этом участке здания Историко-архивного института, разрешение произвести расходы на научно-исследовательскую работу по вопросам дезинсекции архивных материалов, сухого тушения пожара и оборудования архивохранилищ. Перепроектировку здания архива в соответствии с данными указаниями намечалось закончить к 15 ноября 1936 года⁶.

Однако строительство здания продолжалось и после 1936 г. и по-прежнему шло медленно. Низкие темпы постройки были вызваны отсутствием строительных материалов в нужных размерах⁷, плохой работой подрядчика в 1938–1939 гг. — Военстройтреста № 1, рассматривавшего здание центральных госархивов как второстепенный объект⁸, и, как обычно, недостаточными размерами финансирования. Постановление СНК СССР от 14 сентября 1938 г. предписывало отменить постройку главного корпуса архивов и ограничиться эксплуатацией существующего здания ГАФКЭ⁹. Также это постановление предусматривало завершение строительства зда-

¹ Окуневский Яков Лаврентьевич (1877–1940), советский эпидемиолог и гигиенист, один из основоположников дезинфекционного дела в СССР, доктор медицины (1920), профессор (1931), заслуженный деятель науки РСФСР (1937).

² Щуко Владимир Алексеевич (1878–1939), архитектор. Создал (совместно с В. Г. Гельфрейхом) ряд крупных общественных сооружений: пропилеи Смольного в Ленинграде (1923–1925), Библиотеку СССР им. В. И. Ленина в Москве (1928–1940), Драматический театр в Ростове-на-Дону.

³ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3470. Л. 9.

⁴ В частности, были изучены научные материалы, легшие в основу Вашингтонского архива — первого в мире архива, где научная база была серьезно обеспечена.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3470. Л. 147 об., 165.

⁶ Там же. Л. 146.

⁷ Там же. Оп. 10. Д. 444. Л. 31.

⁸ Военно-строительный трест № 1, находился в ведении Наркомата обороны, поэтому часто рабочие снимались со строительства здания архива и направлялись на объекты ведомства: Там же. Л. 23.

⁹ Там же. Л. 34.

ния архивов по Б. Пироговской, 17, в 1940 г., но резкое снижение титульного списка капиталовложений исключало возможность ввода в указанном году архивных помещений в эксплуатацию. Если первоначальная сумма финансирования ГАУ НКВД СССР в 1940 г. составляла 9,7 млн рублей, то заместитель наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышов снизил ее до 5 млн, а затем и до 4 млн рублей.

Эта сокращенная цифра начальнику Центрального финансово-планового отдела НКВД СССР Л. И. Берензону показалась завышенной, и он предложил ее еще уменьшить до 2 млн рублей. Характерно, что исполняющий обязанности начальника Главного архивного управления (ГАУ) СССР И. И. Никитинский направил рапорт на имя Л. П. Берии, в котором всего лишь просил оставить титульный список ГАУ в 4 млн рублей¹. Всего стоимость стройработ по сооружению здания с 1932 по 1940 г. составила 22 770 000 рублей.

С началом Великой Отечественной войны строительство было приостановлено. По состоянию на 1941–1945 гг. здание представляло собой 6 корпусов².

Постройка здания центральных госархивов по Б. Пироговской, 17, была продолжена уже в послевоенные годы. Приказом министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова № 0309 от 30 мая 1947 г. строительство было возложено на Спецстрой Главного управления лагерей промышленного строительства (Главпромстроя) МВД СССР³. Приказ предусматривал начать работы в 4-м квартале 1947 г., а полностью завершить — в декабре 1950 г. Последующий приказ № 0687 от 10 ноября 1947 г. переносил срок начала работ на 1948 г., однако срок окончания оставался прежним.

В июне 1948 г. строительство здания центральных госархивов приказом МВД СССР № 233 от 16 июня 1948 г. было возложено на Хозяй-

Общий вид строительства корпуса «Г» здания госархивов СССР. Фото 1957 г.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 444. Л. 1–2.

² Карточка от 1945 г. из именного каталога Государственного музея архитектуры им. А. В. Щусева.

³ Начальником Главпромстроя МВД СССР был генерал-майор инженерно-технической службы А. Н. Комаровский (с 25 мая 1944 г. по 21 ноября 1951 г. и с 11 июля 1952 г. по 24 марта 1955 г.), начальником Спецстроя МВД СССР — полковник А. И. Хархардин (с 4 апреля 1946 г. по 16 июня 1950 г.).

ственное управление (ХОЗУ) МВД СССР, освободив от этих функций Главпромстрой.

В 1951 г. был утвержден технический проект на строительство оставшихся корпусов здания. Проект был разработан архитектором А. В. Аполотовой (проектный институт «Моспроект») на основе материалов А. Ф. Волхонского. Строительные работы начались в 1951 г.¹ и завершились предположительно в конце 1950-х годов.

История строительства здания Архива Октябрьской революции и Красной армии по ул. Б. Пироговской, 17, свидетельствует о том, что его постройке придавалось важное значение. Предполагалось, что этот архив станет одним из самых больших и благоустроенных мире, в котором большую роль будут играть не только технические качества (новейшие оборудование, система отопления и вентиляции и пр. устройства), направленные на максимальное облегчение хранения архивных материалов и работы с ними, но и «политическая и художественная значимость». В конечном итоге последний утвержденный АПУ проект (из примерно 14 существовавших) впоследствии столько раз перерабатывался, что предполагавшаяся согласно ему симметричная постановка архитектурных масс на практике превратилась в асимметричную. С другой стороны, строительству архива препятствовали такие факторы, как недостаток строительных материалов и финансовых средств, частая смена подрядчиков, которые в разное время находились в ведении наркоматов промышленности, обороны и внутренних дел. Появившийся в результате строительства архивный городок по Б. Пироговской, 17, не только объединяет архивы, но и своим эклектичным архитектурным ансамблем соединяет разные эпохи. На одном участке разместились первые специально построенные в Москве здания для архивов в дореволюционный (МАМЮ) и советский (Архив Октябрьской революции и Красной армии) периоды. Продолжая традицию преемственности, в настоящее время строится дополнительное архивное здание для ГА РФ по Бережковской набережной, напротив Новодевичьего монастыря.

Г. Н. Иофис

О строительстве здания для Центрального государственного архива РСФСР

ЦГА РСФСР был создан в 1957 г. Ему были предоставлены помещения ликвидированных министерств и ведомств. ЦГА РСФСР достались

¹ ГА РФ. Ф. Р-9423. Оп. 27. Д. 387.

*Директор ЦГА РСФСР А. Н. Гаврилов
и прораб строительства*

документы, хранившиеся на чердаках, в подвалах и бомбоубежищах в разных районах Москвы. Архивохранилища были в Рыбном, Подсосенском, Безбожном переулках, на улице Машиностроения, улице Осипенко, в 3-м Павелецком проезде, на Волоколамском шоссе и т. д. Центральный «офис» находился на Спартаковской улице, здесь располагались администрация, читальный зал, стол справок и

бухгалтерия. В таких условиях обеспечить сохранность документов было невозможно, собрать их в одном месте было негде. Кроме того, документы возили по всему городу, что было очень неудобно.

В соответствии с постановлением Совета министров РСФСР № 915 от 3 августа 1957 г. «О мероприятиях по обеспечению сохранности и использования архивных материалов министерств и ведомств РСФСР»¹ МВД РСФСР было обязано осуществить строительство здания для ЦГА РСФСР по типовому проекту «П-3». Из резервного фонда Совета министров РСФСР в 1957 г. были выделены деньги и строительные материалы. Окончание строительства здания было запланировано на 1958 г., для этого Госплан РСФСР должен был предусмотреть в проекте народнохозяйственного плана на 1958 г. выделение Министерству внутренних дел РСФСР капиталовложения в объеме 2 млн рублей. Приказ МВД РСФСР № 38 от 17 августа 1957 г. предусматривал получение финансирования из бюджета на строительство здания ЦГА РСФСР². Хозяйственному и архивному управлениям МВД РСФСР поручалось оформить через отдел городских земель Мосгорисполкома получение земельного участка. Стояла задача подготовить необходимую документацию на строительство здания. Было указано на необходимость своевременного получения строительных материалов и освоения денежных средств. МВД РСФСР должно было подобрать подрядную организацию для строительства. Таким образом, все было предусмотрено и здание должно было быть построено в 1958 г. Но! Гладко было на бумаге.

Архиву был выделен земельный участок в Ленинском районе Московской области площадью около 0,9 га (Калужское шоссе, проектируемый

¹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 919. Л. 122–123.

² ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

проезд № 275)¹. Этот участок на юго-западе располагался на землях колхоза «Сталинский путь» и был выделен архиву в 1958 г., а в 1959 г. его забрали, хотя в марте 1959 г. была закончена разработка проектно-технической документации на строительство². Инициатором изъятия участка выступило Архитектурно-планировочное управление (АПУ) г. Москвы. Изъятие участка было осуществлено в связи с тем, что на

*Директор ЦГА РСФСР А. Н. Гаврилов
закладывает первый кирпич первого этажа*

выделенном под строительство участке намечалось создание зеленого клина и дублера магистрали «Ленинский проспект». В том же году решением Исполкома Моссовета для строительства здания архива был выделен другой участок на Бережковской набережной³ (тогда это был дом 44). Но строить здание по типовому проекту на правительственной трассе 4-я магистральная мастерская Моспроекта не разрешила. Тогда Совет министров РСФСР, по ходатайству МВД РСФСР, разрешил построить здание по индивидуальному проекту. Предварительно вопрос был согласован с Министерством коммунального хозяйства РСФСР⁴. Только в 1960–1961 гг. Центральной проектной конторой бывшего МВД РСФСР (в 1961 г. это было Отдельное специальное проектное бюро ЦПИ-20 Министерства обороны СССР) было разработано новое проектное задание и осуществлена привязка здания. Исполком Моссовета 10 июня 1960 г. принял решение «О согласовании проектного задания на строительство зданий ЦГА РСФСР МВД РСФСР на Бережковской наб., 44»⁵. В соответствии с представлением Архитектурно-планировочного управления г. Москвы указанным решением было согласовано проектное задание на строительство каркасно-панельного здания архива, разработанное Отдельным специальным проектным бюро ЦПИ-20 Министерства обороны СССР (архитектор — Владимир Степанович Зенченко, инженер — Николай Моисеевич Шапиро). Площадь участка составляла 0,6 га, процент застройки 13,3 %, процент озеленения 61 %. Кубатура здания должна была составить 19 714,2 куб. метров, полезная площадь — 5630 кв. метров, 8 этажей. Со-

¹ Там же. Оп. 9в. Д. 12. Л. 1.

² Там же. Оп. 1. Д. 24. Л. 16.

³ Там же. Оп. 9в. Д. 2. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 10.

⁵ Там же. Д. 12. Л. 18.

хранилось проектное задание на строительство здания, пояснительная записка к нему и чертежи проекта, разработанные в 1959 году¹.

В конце сентября 1962 г. был заключен договор с 6-м строительномонтажным трестом Главмосстроя на производство работ. Строительство же было начато в декабре 1962 г. Выделенная для строительства площадка была огорожена, приступили к прокладке подземных коммуникаций. Однако в том же декабре 1962 г. работы были прекращены в связи с реорганизацией в системе Главмосстроя. Строительство здания было возложено уже на другой — 4-й трест Главмосстроя². В течение 1962 г. происходили согласования проекта здания.

*Вид стройплощадки на фоне клуба
Дорхимзавода*

Строительство 8-этажного здания для архива, по сути, было начато в январе 1963 г. В ходе работы в проект вносились изменения. Было решено заменить железобетонные колонны на колонны гаражного типа, что увеличило высоту каждого этажа здания с 2,8 метра до 3 метров. Это повлекло общее увеличение высоты здания примерно на 1,5 метра. Первоначально планировалось построить каркасно-панельное

здание, но оказалось, что промышленность г. Москвы не выпускает предусмотренных проектным заданием стеновых панелей и других железобетонных изделий каркаса. С Экспертно-техническим управлением ГАПУ Мосгорисполкома был согласован вопрос о замене стеновых панелей кирпичной кладкой стен здания. Были изменены и некоторые другие конструктивные элементы. В архивном мире ходит «легенда» о том, что в процессе проектирования здание было переориентировано на 180 градусов. Первоначально предполагалось, что окна рабочих комнат будут выходить на Новодевичий монастырь, соответственно на солнечную сторону и на правительственную трассу, ведущую к правительственным дачам на Воробьевых горах, а окна архивохранилищ во двор. Но после убийства Джона Кеннеди из окна книгоохранилища здание решили поставить так, чтобы окна рабочих комнат выходили во двор.

В течение 1963 г. закончена кладка всех этажей «коробки» здания и установлена кровля. В том же году производились сантехнические и элект-

¹ ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 9в. Д. 1. Л. 12–53.

² Там же. Оп. 1. Д. 82. Л. 16–17.

ротехнические работы, установка перегородок из стеклоблоков на 1-м этаже и другие¹.

Необходимо заметить, что в это время изменилась ведомственная подчиненность архива. С ноября 1961 г. по июль 1963 г. ЦГА РСФСР подчинялся Главному архивному управлению при Совете министров РСФСР. Здание для ЦГА РСФСР построили довольно быстро, за два года. Генеральным подрядчиком строительства остался 4-й государственный строительно-монтажный трест Главмосстроя, а строительство вело СУ-22 указанного треста. Выделенных денег на строительство здания не хватало, и в 1964 г. ЦГА РСФСР был вынужден просить об увеличении ассигнований².

Руководство архива пристально следило за строительством. Сохранился фотоальбом, в котором запечатлено, как директор архива А. Н. Гаврилов заложил первый кирпич в основание первого этажа здания, а также все этапы строительства от закладки фундамента до возведения стен и крыши. Сотрудники архива неоднократно участвовали в субботниках.

Опять изменилась подчиненность архива, и из республиканского (РСФСР) подчинения ЦГА РСФСР в 1963 г. перешел в союзное подчинение. Главное архивное управление при Совете министров РСФСР было ликвидировано, и архив стал подчиняться Главному архивному управлению при Совете министров СССР. 15 декабря 1964 г. начальник Главного архивного управления при Совете министров СССР издал приказ № 136 «О назначении технической комиссии по приемке оконченого строительством здания ЦГА РСФСР в г. Москве на Бережковской набережной, 44». Была образована техническая комиссия, и 30 декабря 1964 г. был подписан акт об окончании строительства здания³. Все было готово к переезду.

Но ситуация вдруг резко изменилась. ГАУ при Совмине СССР получило вместе с ЦГА РСФСР новое, только что построенное здание. Главк решил распорядиться новым зданием по-своему. Отсутствие площадей для хранения документов всегда было в нашем государстве большой проблемой. Эта проблема существует и сейчас. Вот и было

Возведен 7-й этаж

¹ Там же. Д. 111. Л. 15.

² Там же. Оп. 9в. Д. 13. Л. 1–8.

³ Там же. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–2.

решено, что ЦГА РСФСР подождет, а новое здание будет передано для хранения документов одного из центральных государственных архивов СССР. А ЦГА РСФСР, несмотря на то что здание было построено на республиканские деньги и целевым образом для хранения документов республиканских ведомств, его не получит. Сотрудники архива не были готовы к такому повороту событий и стали сопротивляться. Документальных подтверждений этого этапа в жизни ЦГА РСФСР обнаружить не удалось. Но действия сотрудников возымели положительные последствия. Здание все же было передано ЦГА РСФСР.

3 апреля 1965 г. ГАУ при Совете министров СССР издал приказ № 48 о размещении ЦГА РСФСР и подразделений Главного архивного управления при Совете министров СССР в здании на Бережковской набережной, 26¹. Вместе с ЦГА РСФСР в здание въехали редакция бюллетеня «Вопросы архивоведения»; отдел новой техники и технической документации ГАУ при Совете министров СССР; физико-химическая группа и группа по научной разработке вопросов документоведения ЦНИЛ ГАУ при Совете министров СССР. Приказ закреплял за ЦГА РСФСР помещения на Спартаковской ул., 5, где должна была расположиться хозрасчетная группа архива, и на улице Осипенко, 5, где должен был расположиться хозяйственный склад.

16 апреля 1965 г. директор ЦГА РСФСР А. Н. Гаврилов издал приказ «О мероприятиях, связанных с перемещением документации в новое здание на Бережковской набережной, 26»². Общее руководство работами по перевозке документов было возложено на заместителя директора архива Н. Ф. Егорова. Начальник отдела В. А. Кутейникова (Сидорова) определяла очередность вывозки документов из архивохранилищ, руководила их размещением и топографированием в новом здании, по ее указаниям производилась расстановка сотрудников архива при погрузочно-разгрузочных работах.

С начала 1965 г. проводились работы по оборудованию здания стеллажами. Заместитель начальника Главного архивного управления при Совете министров СССР К. С. Кузнецова в письме от 24 июня 1965 г. рекомендовала ЦГА РСФСР принять необходимые меры к установке в 1965 г. сдвоенных стеллажей во всех хранилищах и обещала помощь в получении фондов на металл³. Здание было оборудовано сдвоенными библиотечными стеллажами Карачаровского механического завода.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 3. Д. 1006а. Л. 78.

² ГА РФ. Ф. А-309. Оп. 1. Д. 146. Л. 3.

³ Там же. Д. 153. Л. 7.

Во втором квартале 1965 г. все документы, хранившиеся ранее в старых помещениях ЦГА РСФСР, были перевезены в новое здание¹. Переезд прошел быстро и организованно.

Еще в сентябре 1964 г. Главархив СССР обратился в Совет министров РСФСР с просьбой дать указание о прирезке к существующему земельному участку ЦГА РСФСР по Бережковской набережной, 26, площадью 0,55 га, свободного соседнего земельного участка во владении № 28 по Бережковской набережной для строительства на нем такого же здания для центральных государственных архивов СССР. Совет министров РСФСР дал указание Мосгорисполкому рассмотреть и решить этот вопрос положительно. Мосгорисполком своим решением от 16 декабря 1964 г. разрешил Главархиву СССР осуществить строительство второй очереди здания архива на земельном участке по Бережковской набережной № 26–28 и отвел земельный участок площадью 0,2 га². Вопреки указанию Совета министров РСФСР и решению Мосгорисполкома о прирезке земельного участка и строительстве на нем здания для центральных государственных архивов СССР вместимостью до 2 млн единиц хранения, ГлавАПУ Мосгорисполкома согласовало только пристройку к существующему зданию ЦГА РСФСР на ранее отведенном земельном участке. Тут в бой вступил вновь созданный в 1971 г. Главархив РСФСР. В письме в Совет министров РСФСР 22 мая 1972 г. начальник главка Н. И. Иванов обосновал свои соображения относительно неправильности принятого решения о пристройке к зданию ЦГА РСФСР здания другого архива. Главархив РСФСР обратился в Мосгорисполком с просьбой рассмотреть вопрос о запрещении строительства здания для центральных государственных архивов СССР на земельном участке, отведенном для ЦГА РСФСР. Эта просьба, в частности, была обоснована тем, что «вызывает сомнение целесообразность повторного применения проекта здания ЦГА РСФСР для строительства нового здания в любом районе Москвы. Проект сильно устаревший, по многим показателям не отвечает нормам, установленным Госгражданстроем для проектирования и строительства зданий архивов. И он уже давно не применяется в РСФСР. Строительство зданий архива по ныне действующему типовому проекту с такой же площадью хранилищ, как здание ЦГА РСФСР, обходится государству более чем в два раза дешевле»³.

Но тут опять вмешалось Главное архивное управление при Совете министров СССР, оно согласилось, что новое здание будет построено на существующем земельном участке, но полностью изолировано от здания

¹ Там же. Д. 152. Л. 4.

² ГА РФ. Ф. А-286. Оп. 6. Д. 97. Л. 62.

³ Там же. Л. 68.

ЦГА РСФСР и его строительство не вызовет потерю служебной площади в действующем здании¹. (В письме Главархива СССР в Главархив РСФСР речь уже шла о строительстве здания конкретно для Центрального государственного архива СССР.)

Главархив РСФСР 29 июня 1972 г. снял свои возражения по поводу строительства нового здания на земельном участке ЦГА РСФСР в связи с сообщением Главархива СССР о том, что здание для Центрального государственного архива СССР будет построено обособленно². Однако это здание так и не было построено.

Следует заметить, что с начала и до конца строительство здания ЦГА РСФСР велось с нарушением правил строительства специальных архивохранилищ. Рядом с выделенным для строительства участком располагались Дорогомиловский химический завод (впоследствии НПО «Пластик») и Экспериментальный завод душистых веществ Всесоюзного промышленного объединения «Союзпарфюмерпром». Оба этих производства создавали вокруг себя агрессивную среду, которая отрицательно влияла на сохранность документов. Не рекомендуется строить здания архивов на берегах рек, а здание ЦГА РСФСР построено на набережной реки Москвы.

После переезда в здании ЦГА РСФСР действительно было обнаружено много конструктивных недостатков. Огромные окна в архивохранилищах, повернутые на юго-восток, не создавали условий для соблюдения светового режима хранения документов. Отсутствие грузового лифта являлось препятствием для перемещения документов, а перемещение документов на пассажирском лифте приводило к его частым поломкам. Крыша здания, сделанная в виде бассейна, способствовала частым протечкам, что отрицательно влияло на сохранность документов. Ливневая канализация расположена внутри здания, что при сильных ливнях также вызывало протечки, в основном в коленях канализации, так что документы иногда приходилось сушить. Недостаточно стабильно работала воздушная отопительная система в архивохранилищах. Отсутствовала система автоматического пожаротушения. Руководство архива, как могло, боролось с недостатками. Кровлю и ливневую канализацию регулярно чинили, окна закрыли тяжелыми портьерами, принимали меры к ремонту воздушной отопительной системы.

Кроме того, стало ясно, что площадь здания не отвечает поставленным задачам, здание, которое, по расчетам, должно было вмещать 2 млн единиц хранения, никогда столько не вмещало. На самом деле его проектная мощность была не более 1,3 млн единиц хранения. Но и этот объем

¹ ГА РФ. Ф. А-286. Оп. 6. Д. 97. Л. 86.

² Там же. Л. 87.

документов расположить в здании не удавалось. Во-первых, оно было оборудовано библиотечными стеллажами, что сильно сокращало объем хранящихся дел, во-вторых, в здании ЦГА РСФСР всегда были «постояльцы». Редакция бюллетеня «Вопросы архивоведения» и отдельные подразделения ГАУ при Совете министров СССР въехали в здание практически вместе с архивом, длительное время в одном из

Фасад здания ЦГА РСФСР

архивохранилищ располагались документы ЦГАОР, долгое время в здании располагался ВНИИДАД, затем в 1971 г. въехал Главархив РСФСР. Уже к 1977 г. архивохранилища были заполнены документами на 96 %. Встал вопрос о строительстве второго здания для ЦГА РСФСР.

Постановление Совета министров РСФСР № 309 от 31 мая 1977 г.¹ «О мерах по обеспечению сохранности архивных документов и дальнейшем развитии архивного дела в РСФСР» предусматривало строительство второго здания для ЦГА РСФСР: «Главному архивному управлению при Совете Министров РСФСР и Мосгорисполкому осуществить в 1979–1980 годах проектирование и в 1981–1982 годах строительство здания второго хранилища Центрального государственного архива РСФСР в г. Москве объемом 30 тыс. куб. метров»². Место для строительства здания постановлением не было определено. К 1980 г. была завершена работа по сбору документов для выделения земельного участка под строительство. Подготовлен проект распоряжения Моссовета о выделении участка. Но дело не двигалось. Только к середине 1980-х гг. этот вопрос начал решаться с помощью Главархива РСФСР и Патентного ведомства. Патентное ведомство было заинтересовано в получении здания на Бережковской набережной, которое оно смогло бы занять под свои нужды. В связи с этим оно было готово принять финансовое участие в строительстве здания для ЦГА РСФСР. Усилиями двух ведомств удалось получить участок земли в районе станции метро «Новые Черемушки». Был разработан проект нового здания с учетом пожеланий архивистов, он был привязан к выделенному участку. Как всегда, возникли сложности. Выступая на заседании дирекции ЦГА РСФСР 26 марта 1991 г., директор архива В. В. Никанорова докладывала, что здание, по проекту, выходит за границы участка и

¹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 3576. Л. 226–232.

² Там же. Л. 231.

возникли проблемы с переносом коммуникаций¹. Проект должен пройти вневедомственную экспертизу. Над проектом работали три организации: Архитектурная мастерская № 12 Управления по проектированию общественных зданий и сооружений (Моспроект № 2), привлекали ВНИИДАД и ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений им. Б. С. Мезенцева. В проектируемом здании должно было разместиться не менее 2,8 млн дел. На 1-м этаже должны были размещаться читальный зал, СИФ, библиотека и ряд отделов, не связанных с хранением документов, конференц-зал. На 2-м этаже должен был разместиться Роскомархив. Но строительство так и не началось, проект не был осуществлен.

Стремясь увеличить вместимость архивохранилищ, ЦГА РСФСР провел большую и тяжелую работу по их переоборудованию. Библиотечные стеллажи Карачаровского механического завода были заменены на архивные стеллажи Букачинского механического завода. Документы были перекартонированы. Это увеличило протяженность архивных полок на 1965 погонных метров, и на 1 января 1982 г. загруженность архивохранилищ снизилась до 85 %.

Загруженность архивохранилищ немного менялась в зависимости от обстоятельств. Так, в 1979 г. ВНИИДАД освободил площади, занятые СИФ ОНТИ, что добавило архиву 70 кв. метров, ЦГАОР СССР вывез свои документы и освободил 350 кв. метров. Но часть секций новых стеллажей пришлось разобрать при проведении противопожарных мероприятий. В октябре 1991 г. из здания ЦГА РСФСР выехал Роскомархив. В связи с активным комплектованием архива загруженность архивохранилищ, естественно, росла и по состоянию на 1 января 1992 г. составила 100 %, в архиве хранилось 1302272 дела + 500 кг россыпи и 15 коробок.

Существующее здание бывшего ЦГА РСФСР после создания Государственного архива Российской Федерации закреплено за ним на праве оперативного управления и внесено постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июля 1998 г. № 696 в реестр федерального имущества за № 07701271. ГА РФ располагает соответствующим свидетельством.

В настоящее время снова решается вопрос о строительстве нового, современного здания для архива на существующем участке земли на Бережковской набережной.

¹ ГА РФ. Ф. А-309. В опись не включено.

РАЗДЕЛ 2

ВОСПОМИНАНИЯ АРХИВИСТОВ

Рахлин Анна Матвеевна

(20.12.1896, Саратов — не ранее 1979, Москва). Юрист, историк-архивист. Родилась в семье крупного коммерческого служащего. В 1912 г. окончила гимназию, в 1914–1916 гг. училась в Саратовском университете на медицинском факультете. В 1916 г. поступила в Казанский университет на юридический факультет, который окончила экстерном в 1919 г. С 1919 г. член Профессионального союза работников просвещения по секции научных работников. В 1917–1918 гг. заведующая статистическим отделом в Центростаростате Казанского университета, с конца 1918 г. — инструктор культотдела губпрофсовета, заместитель заведующего Библиотечной секцией ГОРОНО. С 1920 г. по январь 1921 г. запасной инструктор по библиотекам в ПОАРМе. После демобилизации в январе 1921 г. работала несколько месяцев секретарем Истпарта. С 1 марта 1921 г. по 1928 г. — помощник управляющего Архивом Октябрьской революции. В 1928–1930 гг. заведующая организационно-плановым отделом, группой использования архивных материалов при управлении Центрархива. В 1930–1931 гг. ответственный секретарь правления и директор Иностранного архива Международного аграрного института. В 1931–1932 гг. училась в аспирантуре Всесоюзного института экономики, организации и оздоровления труда (ВИЭООТ) при НКТ СССР и работала заведующей информационным кабинетом библиотеки института. В 1932 г. оставила аспирантуру и была откомандирована в ЦАУ СССР на должность ученого секретаря, в которой и проработала до осени 1933 г. С конца 1933 г. по 1934 г. научный сотрудник Историко-архивного института. В 1934–1937 гг. инспектор при ЦАУ, с января 1937 г. перешла в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи. В 1938 г. поступила на работу преподавателем немецкого языка в Бузулукский гидромелиоративный техникум. С 1926 г. вела различные курсы при Центральном архивном управлении по истории, методике и технике архивного дела, читала курс лекций в Историко-архивном институте. Опубликовала в журнале «Архивное дело» ряд статей по инвентаризации,

описанию документов и др. С 1920 г. состояла членом ВКП(б), в 1932 г. голосовала за троцкистскую резолюцию партии, по чистке 1933 г. «за сокрытие социального происхождения и обман партии» была исключена из партии, но восстановлена без партвзысканий с мотивировкой, что факты обмана не подтвердились.

Из воспоминаний о В. В. Адоратском

1968 г.

Владимир Викторович Адоратский (1878–1945) был с 1918 г. одним из руководителей советского архивного дела. Мне, работавшей с В. В. Адоратским в первые годы существования Государственного архива РСФСР и Архива Октябрьской революции, хочется поделиться своими воспоминаниями о нем, о его отношении к архиву, к людям.

Из рассказов товарищей я знаю, что В. В. Адоратский пришел в августе 1918 г. на работу в Новоромановский архив, который помещался в одной из комнат бывш. Кавалерского корпуса Кремля.

Руководитель архива В. В. Адоратский вместе со своими сотрудниками занимался разборкой и систематизацией переписки и других документов Романовых, а позднее — присоединенного к ним секретного архива Министерства иностранных дел. Знание иностранных языков, знакомство с постановкой дела в архивах и библиотеках зарубежных стран, где он работал при подготовке своего дореволюционного теоретического труда «О государстве», сделало его незаменимым учителем молодых архивных работников, позволило уже в 1919–1920 гг. начать публикацию документов Новоромановского архива.

Вскоре после беседы с В. И. Лениным о необходимости собирания и изучения материалов по истории Великой Октябрьской социалистической революции по решению коллегии Главархива В. В. Адоратский был направлен в Казань...

Осенью 1920 г. В. В. Адоратский вернулся к архивной работе в Москве в качестве члена комиссии Истпарта и члена коллегии Главархива, а вскоре и управляющего Государственным архивом РСФСР.

Позволю себе вкратце остановиться на обстановке в Госархиве РСФСР зимой 1921 г., когда началась моя работа под руководством В. В. Адоратского.

Главархив, большая часть материалов Госархива РСФСР и Истпарта размещались на одной территории, а Истпарт и некоторые отделения Госархива — в одном здании. Состав сотрудников был различный. Немногочисленные представители передовой интеллигенции, «стоявшие, —

как тогда говорилось, — на платформе Советской власти», насчитывались единицами. В Истпарте работали старейшие большевики М. С. Ольминский, В. В. Адоратский, А. И. Елизарова-Ульянова, П. Н. Лепешинский, Л. С. Лежава, а также молодые члены партии К. Остроухова, О. Вейланд и другие.

В 1-м отделении Госархива были совершенно иные люди. Это известные русские историки-архивисты, не только далекие от марксизма, но и довольно настороженно относившиеся к революционным преобразованиям, происходившим в архивно-научной жизни под руководством советских ученых М. Н. Покровского и В. В. Адоратского. Враждебно встречали старые архивисты и молодых людей, приходивших в Истпарт и Госархив не с университетских или лицейских скамей, а из Красной армии, Советов, комсомола.

Глубоко убежденный в партийности науки, в громадном значении истории партии и Октябрьской революции для практической деятельности советской власти, В. В. Адоратский сразу же принимает меры к тому, чтобы привлечь членов партии и передовую молодежь к разборке архивов, чтобы расширить партийное влияние в самом аппарате Госархива.

В. В. Адоратский, М. С. Ольминский и Л. С. Лежава решили, что лучше всего можно использовать мой опыт в библиотечном деле, а знание иностранных языков — для участия в разборке переписки семьи Романовых.

Не скажу, чтобы тогдашние работники 2-го отделения Госархива были обрадованы моим появлением. Разбиравшие Новоромановский архив лица прекрасно знали иностранные языки (среди них были и бывшая фрейлина, и дочь воспитателя великих князей, и дочь одного из крупнейших московских фабрикантов). Стоило мне войти в рабочую комнату, разговор переходил на французский язык. Направляя меня на эту работу, В. В. Адоратский напоминал, что конфликтовать с этими людьми не стоит, надо взять от них все, что возможно, использовать, в частности, знакомство бывшей фрейлины с обычаями, кличками, принятыми в царском окружении, чтобы расшифровывать в письмах шуточные подписи и обращения и устанавливать по ним корреспондентов. Он советовал мне не прибегать к словарям в присутствии этих сотрудников, но дома обязательно выяснять незнакомые слова. В то же время, чтобы отбить у них желание зазнаваться и демонстрировать свое «превосходство», В. В. Адоратский предложил мне в подходящем случае по-французски попросить сотрудников архива, чтобы они говорили на восточных языках, поскольку европейские мне понятны. Естественно, французская речь в моем присутствии прекратилась. В. В. Адоратский учил нас, кроме того, налаживать правильные взаимоотношения со старыми специалистами. Он советовал критически использовать их опыт в вопросах архивной техники, не перенимая форм и методов, которые

тормозили обработку архивных материалов, вести разборку таким образом, чтобы сначала быстро ознакомиться со всем поступившим материалом, а затем начинать подробное описание.

По прямому указанию В. В. Адоратского весной 1921 г. к работе над фондами Архива Октябрьской революции были привлечены, кроме истпартовской молодежи, и некоторые беспартийные сотрудники 2-го отделения, наиболее демократическая его часть. Меня назначили помощником управляющего АОРа.

В период организации архива (да и позднее) член коллегии Главархива и Истпарта, член-соревнователь Социалистической академии В. В. Адоратский не чурался самой тяжелой архивной работы, как ее тогда называли, работы «научных грузчиков». Он вспоминал впоследствии, как грузил, получая из ВЧК, дела колчаковских архивов, как перевозил материалы ЦК партии в АОР (в моей памяти запечатлелась картина вскрытия нескольких тяжелых ящиков с материалами ЦК, в которых были ценнейшие документы октября 1917 г., и В. В. Адоратский с какими-то инструментами, участвующий в этой операции)...

В моей памяти, в памяти всех работников АОРа и Истпарта навсегда запечатлелся облик В. В. Адоратского, руководителя и товарища, скромного и требовательного, тактичного и принципиального человека.

Советские архивы. 1968. № 2. С. 38–40.

А. М. Рахлин

Воспоминания о работе в Госархиве РСФСР¹

Апрель 1979 г.

Уважаемая Надежда Аркадьевна!

Прошу простить меня за плохой почерк, у меня болят кисти рук, и пишу я с трудом, а диктовать некому. Но я уверена, что среди архивных работников не исчезли навыки расшифровки неразборчивых почерков.

Осенью 1980 г. исполняется 60 лет со дня организации Госархива РСФСР в 4-х отделениях: 1-е — б[ывший] архив царского МИД, 2-е — документы из дворца последнего царя, 3-е — документы Департамента

¹ Свои воспоминания о работе в Госархиве РСФСР А. М. Рахлин направила в письме на имя председателя профкома архива Н. А. Карпуновой в апреле 1979 г.

полиции и жандармские (т[ак] наз[ываемый] Историко-революционный архив) и 4-е — Архив Окт[ябрьской] Революции. 1-е, 2-е, 4-е отделения вместе с Комиссией по истории партии поместились в здании б[ывшего] архива МИД (стоял в саду рядом со старым зданием б[иблиоте]ки им. В. И. Ленина на месте, где в годы 1-й пятилетки было построено новое здание б[иблиоте]ки).

Осенью 1920 г. документы 1-го отделения были перенесены на 2-й этаж, в вестибюле складывали новые документы, которые после предварительной разборки укладывались в шкафы рабочих комнат Истпарта, АОРа и 2-го отделения. Здания не отапливались, работали наши сотрудники одетыми. Нас было тогда очень мало. Я приехала после демобилизации в середине января 1921 г. по вызову т. Адоратского и была направлена на работу в Истпарт, а через пару месяцев была назначена помощником управляющего АОРа.

С наступлением весны мы решили вымыть серый пол в вестибюле и рабочих комнатах. Трудились основательно и в результате обнаружили, что наш серый пол только в вестибюле оказался действительно каменным серым, а в рабочих комнатах под основательным слоем грязи мы с удивлением обнаружили красивый линолеум — светло-коричневый с громадными зелеными листьями каштана! Пол был так хорош, что я до сих пор этот рисунок помню.

Во 2-м отделении над разборкой документов, доставленных из двorcов, работали несколько девушек, в т. ч. некая Левенталь, дочь одного из московских текстильных фабрикантов, и Лихачева, дочь известного историка. Как правило, стоило мне войти в комнату, где они работали, разговор переходил на французский язык. А вид у меня еще был красноармейский. Короткая стрижка, тулуп, валенки. По совету Владимира Викторовича Адоратского я, подрепетировав с ним пару французских фраз, как-то, войдя в комнату, заявила на французском языке: «Пожалуйста, говорите на восточных языках, европейскими я владею!» Персонал 2-го отделения застыл от изумления. Разговаривали потом по-русски.

Как-то, разбирая переписку последнего царя, я наткнулась на письмо из Дании матери Николая II от ее сестры. Письмо было на датском языке, и я обратилась к Лихачевой, знавшей и этот язык, с просьбой прочесть, чтобы я могла внести его в опись. Лихачева в бешенстве швырнула это письмо мне на стол, крикнув: «Я чужих писем не читаю!» Пришлось прибегнуть к словарю и перевести документ самой.

Летом 1921 г., когда у нас еще не было читального зала, а документы для работы давались только сотрудникам Истпарта, явился к нам в рабочую комнату АОРа некий товарищ с разрешением из Главархива на занятия по

материалам Временного правительства: «Я — Тарасов-Родионов», — и потребовал следственные дела о выступлении 4 июля 1917 г. Безапелляционный тон этого человека меня очень удивил, имя мне ничего не говорило. (Впоследствии Тарасов-Родионов опубликовал повесть «Шоколад».) Разыскав требуемый материал, я решила его просмотреть и обнаружила покаянное письмо Тарасова-Родионова следователю, что он, дескать, к большевикам отношения не имеет и т. д. Я отнесла дело в соседнюю комнату Истпарта и показала эти документы Михаилу Степановичу Ольминскому. Он показал их Емельяну Ярославскому в ЦКК. Естественно, Тарасов-Родионов материалов не получил, а АОР ввел в практику предварительный просмотр материалов перед выдачей для занятий в читальный зал.

В 1924 г. меня поселили в здании Главархива в одной квартире с Верой Николаевной Фигнер, ее сестрой Евгенией Николаевной и мужем последней Михаилом Петровичем Сажиным. Последний был секретарем Бакунина и другом Кропоткина, участником боев Парижской Коммуны. Сажин, уже глубокий старик, все твердил мне, «что Маркс, конечно, человек великий, но зачем он обвинял Бакунина в связях с царизмом». И вот, разбирая архив III отделения собственной е. и. в. канцелярии, я наткнулась на письмо Бакунина царю. В. В. Адоратский разрешил мне показать это письмо старику Сажину, но предупредил, чтобы я была осторожна, так как «Сажин в Швейцарии в пылу спора мог противника “в пропасть сбросить”». Позвали Сажина, встали по сторонам М. Н. Покровский и В. В. Адоратский, между ними я с папкой в руках, напротив М. П. Сажин. Старик был потрясен. Вскоре этот документ был, если мне память не изменяет, опубликован Полонским.

Анна Ильинична Елизарова-Ульянова рассказала нам, как Ильич по пути из кабинета выключал за собой электричество в коридорах Кремля. Мы строго следили за экономией электричества, с того времени и у меня, и у других товарищей выключение эл[ектричест]ва при выходе из комнаты вошло в привычку.

В середине 20-х годов приезжал в Москву директор Парижского национального архива Ланглуа, известный историк. С ним в АОР пришел профессор Тарле. Показывая им документы архива, я открыла картон с подлинником отречения Наполеона и увидела, как задрожали руки историка французской революции, когда он взял в свои руки этот документ.

ГА РФ. Ф. Р-9577. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–3. Рукопись. Автограф.

О. Е. Карноухова

Карноухова Ольга Евгеньевна (1893–1978). Историк-архивист. Окончила Саратовскую Мариинскую женскую гимназию в 1910 г. и Московские высшие женские курсы в 1914 г. Преподавала в ремесленном профессиональном училище в г. Саратов (1914–1915 гг.), в женской гимназии Е. С. Пичина в Москве (1915–1917 гг.), в школе Саратовского губернского земства с сентября 1917 г. по июнь 1918 г. В 1920 г. работала учителем в «Товариществе Колковской школе» в Самаре и руководила детской площадкой в Ростове-на-Дону, с 1922 г. — член Всероссийского профсоюза работников просвещения. В 1922 г. поступила в ЦГАОР СССР, где и проработала до ноября 1950 г. В 1938–1939 гг. читала курс лекций в МГИАИ по теории и практике архивного дела, впоследствии стала заведующей кафедрой. В годы Великой Отечественной войны принимала участие в эвакуации архива и обеспечении его сохранности. В 1950 г. вышла на пенсию.

Воспоминания о работе в ЦГАОР СССР

1972 г. — 23 января 1974 г.

Работу свою в Архиве Октябрьской революции я начала в январе 1922 г., то есть меньше чем через год после его фактического образования. При первом посещении архива меня поразило огромное количество дел, связки которых заполняли от пола и до потолка очень большой и высокий вестибюль здания бывшего Архива Министерства иностранных дел на Воздвиженке (ныне просп. Калинина). Это были архивы «правительства» Колчака, которые привозили по распоряжению Ф. Э. Дзержинского из Сибири целыми товарными составами. К тому времени везде, кроме Дальнего Востока, уже отгремели фронты Гражданской войны, и нужно было сберечь для истории документы о деятельности всех белогвардейских «правительств». Понимая все огромное политическое и историческое значение таких материалов и необходимость их сохра-

нения, Главархив принимал все меры для их концентрации в Архиве Октябрьской революции и рассылал своих инспекторов во все концы республики. Иногда этому спасению документов сопутствовали сильно драматические обстоятельства. Так, старший инспектор Главархива Михаил Станиславович Вишневский был командирован в Донскую область, чтобы собрать там и привезти в Архив Октябрьской революции материалы «правительства» Деникина. Все сроки для возвращения в Москву прошли, нет ни сообщения от Михаила Станиславовича, ни материалов. Представители Главархива едут на вокзал, узнают от железнодорожного начальства, что товарный вагон с Юга прибыл и поставлен на запасном пути. Идут к вагону, открывают пломбиром дверь и видят, что на связках дел в жару и без сознания лежит Михаил Станиславович, заболевший в дороге сыпным тифом... Но все же самыми поступившими в Архив Октябрьской революции материалами были документы Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИКа), Совета народных комиссаров (Совнаркома), Центрального комитета Российской коммунистической партии большевиков, Московского военно-революционного комитета, Временного правительства. Положение в то время было таким, что надо было принять все меры для спасения материалов от уничтожения и гибели: в молодых советских учреждениях почти не было специалистов по делопроизводству, некоторые старые работники саботировали советскую власть. Все это заставляло усиливать работу по собиранию материалов, и Архив Октябрьской революции вырастал с невероятной быстротой, включая в свой состав иногда даже материалы не своего профиля, лишь бы сохранить их. Приведу две цифры: в январе 1922 г. в Архиве Октябрьской революции хранилось 30 фондов — 17 тыс. дел, в 1927 г. было уже 3 000 фондов — 1 млн 101 тыс. дел.

Недаром директор Парижского национального архива профессор Ш.-В. Ланглуа, побывавший в 1928 г. во многих советских архивах, сказал Евгению Викторовичу Тарле: «Ваша социалистическая революция умнее нашей» (явно намекая на колоссальные утраты, понесенные французскими архивами во время революции 1789 г.).

Задача собирания материалов осложнялась еще и тем, что надо было спасать также и печатные источники. В период Гражданской войны события мелькали с такой калейдоскопической быстротой, что они далеко не всегда успевали получить свое отражение в письменных документах. Из города уходят белогвардейские войска, оставляя на стенах свои приказы, обращения к населению; вошедшие части Красной армии расклеивают воззвания к населению и т. д. Местные газеты, представляющие ценнейший источник для исследователей, могли погибнуть, если их не сконцентрировать вовремя. Учитывая все это, ру-

ководство Центрархива поставило одной из задач комплектования Архива Октябрьской революции и [комплектование его] печатными источниками. В результате этой работы собрание местных газет первых лет революции, имеющееся в ЦГАОРе, едва ли не превосходит аналогичный фонд Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина. Много способствовало такому успеху и то, что возглавляли работу по собиранию печатных источников такие энтузиасты этого дела, как А. И. Кудрявцева, Е. Павчинская, И. Г. Якоби, в течение многих лет возглавлявшая отдел печатных материалов ЦГАОРа. Богатое собрание листовок, воззваний, прокламаций позволило впоследствии делать по ним интереснейшие публикации.

Впитав в себя за короткое время огромные массивы дел, Архив Октябрьской революции должен был провести их разработку и описание и хотя бы элементарно учесть их — без этого было трудно, а порой и невозможно использовать материалы. Была фотография (я не знаю, сохранилась ли она) работников филиала Архива Октябрьской революции, так называемого АОР-2, когда туда были приняты из архива Высшего совета народного хозяйства дела Главного комитета государственных сооружений с его управлениями по водному хозяйству, железнодорожному строительству, электротехническим сооружениям и многими другими. На карточке высится огромная пирамида дел, а у ее подножья маленькие фигурки нескольких работников — несопоставимые, казалось бы, величины... однако мы победили, приведя в порядок эти материалы.

Немного о том, где мы работали в первые годы, кто работал и как работали.

Первые годы Архив Октябрьской революции находился в том же здании, где и Комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт), образованная по предложению В. И. Ленина в сентябре 1920 г. Эта близость, несомненно, оказывала положительное влияние на работу Архива Октябрьской революции — начального периода его существования. Нам, сотрудникам АОРа, приходилось видеть и слышать таких людей, как М. С. Ольминский (председатель Истпарта и член коллегии Центрархива), А. И. Елизарова, М. Н. Покровский, Н. И. Подвойский, А. М. Коллонтай, П. Н. Лепешинский.

Помимо собирания и издания источников по истории партии, сотрудники Истпарта занимались изучением истории революционного движения, революций 1905 и 1917 гг. В том же зале, где мы работали, трудились над хрониками революции 1917 г. В. Максаков, Н. Нелидов, Н. Авдеев, В. Владимировская. Особенно восхищала нас увлеченность этой работой Н. В. Нелидова, буквально не поднимавшего ни на минуту головы от материалов, в изучение которых он был всецело погружен.

В наш архив свозили материалы отовсюду — начиная с царских дворцов (Зимнего, Аничкова, Гатчинского, Мраморного) и кончая ящиками с делами недавних фронтов. Обилие материалов давило, занимали ими церкви и монастыри — Зачатьевский монастырь на Остоженке, где размещались материалы филиала АОРа, Измайловский собор и другие; были заняты под архив здание бывшего ломбарда на Большой Серпуховке, Владимирская башня, которая находилась на углу Никольской улицы и Лубянской площади. Отопления во многих местах не было, приходилось работать в валенках, спецовках, руки стыли, но интерес к работе заслонял все, все переносилось благодаря ему легче.

Первыми сотрудниками архива были А. М. Рахлин, А. В. Белокурова, З. Н. Нагорова, М. Е. Вашман, комсомолка Верочка Смысловская, И. А. Смысловская, немного позже пришли Е. Н. Боголепова, М. М. Левина, Ю. М. Зарницына, И. В. Горбацкая, О. В. Крыленко, С. С. Соркина, Т. Б. Бобович, А. Д. Полубояринова, Л. Е. Хейфиц, Ф. Л. Еловцан, И. Г. Якоби, комсомолки Тоня Винокурова, Нюра Патрикеева, Шура Лаптева, Маруся Ермохина, Петя Литвин, Андрей Фрязинов. Работали все с увлечением, горячо, часто оставаясь в архиве вечерами. Два маленьких сына Татьяны Борисовны Бобович, устав находиться целыми днями без мамы, как-то сказали ей: «Ты, наверное, скрываешь на работе, что мы у тебя есть...»

Главная задача в тот период состояла в том, чтобы учесть и обработать принятые материалы, иначе их нельзя было бы использовать, а это в значительной мере обесценивало бы значение проделанной грандиозной работы по собиранию материалов. Мы ощупью, робко пытались находить лучшие приемы и способы разборки и описания материалов. Нашими «политическими» учителями были В. В. Адоратский, ежедневно в первые годы посещавший наш архив и приходивший всегда раньше всех, неизменно дружелюбно настроенный и внимательный; В. В. Максаков, не устававший говорить о необходимости политической бдительности при работе с архивными материалами, учивший тому, как надо быстро «охватить» документ, оценить его всесторонне; А. М. Рахлин, первая во всем Советском Союзе еще при жизни Ленина поставившая вопрос о сбережении «в веках» автографов Владимира Ильича и начавшая борьбу за их сохранность. На архивных курсах Центрархива в 1922–1923 гг. мы слушали лекции профессоров А. Н. Филиппова, И. Ф. Колесникова, В. И. Пичеты, преподавателей И. А. Голубцова и Н. В. Русинова. В процессе проведения технического минимума для научных сотрудников учились у М. С. Вишневого, А. А. Покровского, А. А. Сергеева, позднее — у Ф. В. Кельяна. В повседневной работе пользовались консультациями профессора М. К. Любавского, С. К. Богоявленского, А. А. Новосельского, К. В. Покровского.

В июле 1922 г. и в течение 1923 г. в Архив Октябрьской революции поступали материалы ВЦИК (1917–1918 гг.), Управления делами и Бюро телеграмм Совнаркома (1917–1922 гг.), Наркомнауч (1917–1922 гг.), и тут же была начата работа по приведению их в порядок. Таким образом, с осени 1923 г. началась работа по выявлению ленинских документов. Каждая находка автографа становилась событием, все окружали «счастливицу» и читали новый документ, всматриваясь в начертания отдельных букв. А они были очень характерны. Поражал и самый стиль ленинских записей: всегда краткий, логичный, конкретный, ясный. В немногих словах часто заключалась целая программа действий для отдельного работника или целого учреждения. С найденного автографа сейчас же снималась нашими машинистками так называемая дипломатическая копия, в которой подробно оговаривались все особенности документа (в то время в архиве еще не делали фотокопий). А сам подлинник, к нашему общему огорчению, передавался по акту в ИМЭЛ. Важнейшая работа по выявлению автографов В. И. Ленина продолжается и в наши дни.

Возвращаясь к вопросу о том, как нас учили, я должна сказать, что сотрудники очень старались и сами пополняли свои знания. Так, Ольга Васильевна Крыленко, разбирая фонд, состоявший из документов на украинском языке, выучила этот язык, начав с его грамматики. И когда Центрархив в 1927 г. организовал в Москве архивные курсы для ответственных работников периферийных архивных учреждений и некоторых из нас выделили в качестве руководителей занятий на этих курсах, мы и боялись, и гордились, и старались очень... Занимались мы и со студентами архивного цикла исторического факультета Московского государственного университета, среди которых были видные впоследствии работники архивного дела А. А. Кобяко, М. Н. Шобухов и другие. В дальнейшем же, когда был организован Историко-архивный институт, Центральный государственный архив Октябрьской революции с первого же года существования института стал постоянной производственной базой для практических занятий студентов. Сотрудники, которым поручалось руководить практикой, — О. Е. Карноухова, С. Р. Левина, Б. Г. Ривкина и другие всегда серьезно и тщательно подбирали для проведения занятий методически наиболее подходящие фонды и усердно готовились к вступительной беседе, которая проводилась перед каждым отдельным видом работы. Всегда при этом хотелось, чтобы работа с документами стала для студентов интересной и важной, чтобы они освоили ее как можно лучше. Студенты, в свою очередь, относились к проведению практических занятий очень ответственно и серьезно. За многие годы работы со студентами я не помню ни одного случая, когда бы мне пришлось волноваться из-за недолжного отношения студентов к практике. А мы любили студентов, радовались впоследствии каждой их твор-

ческой удаче. Сколько из этих студентов, которые проходили практику в ЦГАОРе, вышло потом руководящих работников Главного архивного управления, преподавателей Историко-архивного института, сколько из них получили звание кандидатов наук, докторов наук. Отлично сознавая, что доля влияния архива на судьбу каждого из них минимальна, мы все же радовались и даже при случае гордились. Никогда не забыть мне того чувства глубокого удовлетворения, которое охватило меня, когда много лет спустя после окончания института, на заседании Научного совета, посвященном 50-летию ЦГАОР, выступивший от Института истории СССР доктор исторических наук Д. В. Ознобишин сказал, что характеристика, данная ему мною после прохождения производственной практики в ЦГАОР, помогла ему определить свой жизненный путь... В довоенные годы у нас в архиве проходили производственную практику Н. Ф. Славин, Б. И. Мусатов, В. Дьяков, Б. Д. Дацюк (помнит ли он, что в бытность на практике в ЦГАОРе он был председателем Экспертно-поверочной комиссии при прохождении темы «Выделения материалов, не подлежащих хранению?»), Д. В. Ознобишин, А. Т. Николаева, А. П. Кладт, В. Зеленецкая, М. Д. Рабинович, Н. В. Бржостовская, Костюшко, Ю. У. Томашевич и многие-многие другие. Помню, как проходивший производственную практику в Архиве Красной армии Л. Н. Кривошеин «контрабандой» бегал ко мне в башню «А» советоваться по поводу составления им обзора фонда. Дружественные связи с некоторыми из них сохранились и сегодня, когда Историко-архивный институт уже миновал свое сорокалетие.

Когда в Историко-архивном институте начала работать группа первых аспирантов, мне поручили проводить с ними занятия. Аспирант И. С. Назин и я в соответствии с планом должны были провести экспертизу ценности материалов в архиве Наркомзема РСФСР. Впоследствии И. С. Назин в одной из своих статей расскажет, как убедительно доказала эта экспертиза, что несоблюдение правильных методических установок при формировании дел может повлечь за собой гибель ценных документов.

Мучительно трудным временем для многих архивных работников был период так называемой макулатурной кампании 1928–1929 гг. Для того чтобы справиться с огромным объемом работы, Центральное архивное управление привлекало в качестве экспертов научных сотрудников из архивов. По Архиву Октябрьской революции были назначены М. Е. Вашман, работавшая в архивных органах с 1917 г., Ю. М. Зарницына, ведавшая секретными архивами, и я. И очутились мы между двух огней. С одной стороны, Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции предписывал дать сырье для бумажной промышленности, выдавая огромные плановые цифры, с другой стороны, мы помнили лозунг: «Уничтожить документ легко, восстановить — невозможно».

Сейчас и не перечислить все те подводные камни, которые осложняли вопросы экспертизы ценности материалов. Для работы уже не хватало вечеров. В нашем трудном положении очень помогал нам всем консультант ЦАУ Борис Иоасафович Анфилов, которому принадлежит выдающаяся роль в истории архивного строительства. Деятельность Б. И. Анфилова была очень разносторонней. Занимая ответственные должности в центральном аппарате Архивного управления, он принимал непосредственное участие в разрешении основных организационных вопросов, связанных с централизацией архивного дела и построением сети архивных органов и государственных архивов, и в разработке архивного законодательства¹.

Большое внимание Б. И. Анфилов уделял вопросам упорядочения работы ведомственных органов, являющихся источником комплектования государственных архивов. Созданные им правила постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР выдержали ряд переизданий и легли в основу последующих методических указаний ГАУ о работе архивов советских учреждений, организаций и предприятий. Позднее Б. И. Анфиловым были созданы правила работы низовых органов архивной сети — районных архивов.

Большая роль принадлежит Б. И. Анфилову в теоретической разработке вопросов, связанных с различными областями архивной работы, в частности вопросов фондирования архивных материалов, комплектования государственных архивов и экспертизы ценности архивных материалов. В последней области он явился поборником создания ведомственных перечней архивных материалов с указанием сроков их хранения и впервые разработал методику составления этих перечней (недаром архивные работники часто называли Б. И. Анфилова «отцом перечней»).

Б. И. Анфиловым написано значительное количество статей по различным вопросам архивного дела (архивное законодательство, архивная организация в автономных республиках РСФСР, архив действующих учреждений, районные архивы, экспертиза научной и практической ценности документальных материалов и другие). Статьи эти поражают широтой кругозора, богатой эрудицией и глубиной подхода автора к любому изучаемому им и рассматриваемому вопросу.

Огромная эрудиция Б. И. Анфилова, его отличное знание истории учреждений, их компетенции и функций оказывали нам всем неоценимую помощь при решении вопросов о судьбе тех или иных групп материалов. Больших ошибок, серьезных недочетов в работе по экспертизе ценности

¹ Им был, в частности, разработан архивный кодекс РСФСР, каким явилось «Положение об архивном управлении РСФСР», утвержденное в январе 1928 г.

материалов в этот период я не припомню, хотя, повторяю, рабочая обстановка была очень сложной.

Большое внимание придавал наш архив справочной работе. Далеко не все материалы были в то время описаны, но мы понимали, что справки — это окошко из архива в мир повседневной жизни, и старались сделать все, чтобы избежать отрицательного ответа на запрос. И мы получили подтверждение нашей популярности в коридорах собеса. «Мне там сказали: поезжай на Большую Серпуховку, дом 15, там всем пенсионерам справки о работе дают», — рассказал нам один писатель, обратившийся в АОР-2 за подтверждением его рабочего стажа. Это наивное признание доставило нам живую радость... Однако справка справке рознь. Звонок по телефону, пришел посетитель. Спускаюсь с 6-го этажа в приемную, на встречу мне поднимается мужчина средних лет, очень красивый, отлично одетый, на пальце кольцо с крупным бриллиантом. Просит подтвердить, что в такие-то годы он был членом коллегии такой-то организации. Материалы эти находились в нашем архиве, но разобраны не были. Навожу справки сама и довольно быстро нахожу в протоколах заседаний коллегии подтверждение того, о чем просил выдать справку посетитель. Можно было бы этим ограничиться и выдать просимую справку, но что-то подсознательно не позволило мне это сделать. Может быть, слишком учтив был посетитель, может быть, бриллиант на руке, не знаю, только я продолжала просматривать вязку за вязкой (уменью быстро просматривать большое количество дел нас давно научил В. В. Максаков). К концу дня нахожу документ, которому сразу было трудно поверить. В найденном документе раскрывалось прошлое моего посетителя (совпадение очень редкой фамилии исключало возможность ошибки): в 1920 г. он был священником в деникинской армии и с крестом в руках вдохновлял деникинцев на борьбу с Красной армией... Здесь снова пришлось вспомнить уроки В. В. Максакова о необходимости большой бдительности при работе с архивными документами.

В 1928 г. произошел один знаменательный случай в нашем филиале — АОР-2. В 1918 г. советское правительство заказало очень крупную поставку для нашей кинопромышленности в одном западноевропейском государстве, уплатив за нее 11 млн рублей золотом. Ровно через 10 лет, рассчитывая, очевидно, что в такой варварской, по их представлению, стране, как Советская Россия, документы не сохраняются, это государство предъявило нам иск об уплате 11 млн рублей золотом. В это время в АОР-2 работало четыре человека: заведующая К. И. Журавлева, две комсомолки — Нюра Патрикеева и Шура Лаптева — и я. Коллегия Центрархива распорядилась, чтобы мы прекратили все свои плановые работы и целиком переключились на поиски документа, который подтвердил бы факт уплаты Советским государством 11 млн рублей золотом десять лет

тому назад. Сначала мы просматривали описанные материалы Народного комиссариата финансов, затем неописанные дела — нужного документа нигде не было. Несколько раз в день звонили по телефону члены коллегии. «Нашли?» — «Нет». — «Ищите!» И снова судорожные поиски. А в хранилище нестерпимый холод, руки стынут, но некогда это замечать. Переходим к просмотру мешков и кулей, опечатанных печатью Наркомфина, с документами, не сформированными в дела, так называемой россыпью. Третья неделя поисков подходит к концу. Нервы напряжены до крайности. Многократные звонки членов коллегии кажутся трудно переносимыми... В самом конце третьей недели на дне одного мешка мне повезло найти пробитую ассигновку Государственного банка на сумму 11 млн рублей золотом с распиской иностранца в их получении. И здесь в первый и в последний раз в жизни со мной случилась истерика... Не прошло и полчаса, как на машине приехал член коллегии и увез ассигновку. Маленький клочок бумаги помог нашему государству сэкономить столько денег!

В 1928 г. проходил Второй съезд архивных работников РСФСР. М. Н. Покровский, говоря об архивах как источнике исторического исследования, отметил доклады Центрархива в 1928 г. в Берлине во время «Недели советской исторической науки» и в Осло на Всемирном историческом конгрессе. Доклад, прочитанный В. В. Адоратским, удостоился от конгресса специальной резолюции. Все иностранные ученые сходились на том, что «основные организационные принципы нашего архивного строительства самые прогрессивные»¹. Очень порадовало нас, архивистов, сообщение М. Н. Покровского, что советник Прусского государственного архива доктор О. Г. Мейснер, много работавший в советских архивах, «делал комплименты не только нашему архивному управлению как ведомству... но и нашей государственной системе, которая сумела оценить важность архивов, сумела их сосредоточить и организовать так, как они не организованы ни в одной стране»².

Работу по экспонированию своих документов Архив Октябрьской революции начал очень рано и продолжает ее до сих пор. Уже в 1921 г. архивом совместно с Истпартом была организована большая выставка по истории Российской коммунистической партии большевиков и истории революционного движения. В 1926 г. была устроена выставка для делегатов XIV съезда РКП(б). В 1927 г. — большая выставка документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции. В 1932 г. — выставка, посвященная 15-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В 1933 г. — выставка документов по истории Советской

¹ Архивное дело. 1929. № 19. С. 49–50.

² Архивное дело. 1929. № 21. С. 95.

конституции (совместно с ЦИК СССР). В этот же период времени, кроме устройства больших стационарных выставок документов, сотрудники архива были увлечены организацией выставок-передвижек. В связи с работой архива по выявлению документов по истории фабрик и заводов (как известно, это была инициатива М. Горького) были обнаружены материалы о революционном прошлом многих рабочих, и, когда такие документы экспонировались на заводе «Каучук», на фабрике быв. Цинделя, «Красная роза» и других, рабочие проявляли к ним живейший интерес. У наших молодых сотрудниц — С. С. Соркиной, А. П. Кужелевой, Т. Крейс, Орендлихер и других — блестели глаза и пылали щеки, когда они возвращались с заводов и фабрик и рассказывали об отношении рабочих к документам...

Апрель 1929 г. XVI партийная конференция приняла первый пятилетний план народного хозяйства. Перед страной были поставлены грандиозные задачи. Необходимо было форсировать работу в архивах. Надо привлечь документы, которые помогли бы быстрее, эффективнее выполнить план, и вскоре во всех государственных архивах разворачивается работа по выявлению материалов по социалистическому строительству. Здесь и запроектированное, но не осуществленное железнодорожное строительство, и водные пути, и месторождения полезных ископаемых. Это был поистине увлекательный период работы, когда мы все почувствовали, что архивные документы тысячами нитей связаны с живой жизнью страны, ее интересами, ее ростом и процветанием.

Молодежь наполнила наши архивы, все просматривали дела, писали карточки на важные для народного хозяйства документы, рассылая потом эти сведения в учреждения. Небезынтересно отметить, что в АОР-2 выявлял материалы по социалистическому строительству будущий академик Б. А. Рыбаков, в то время студент Московского государственного университета.

Немало способствовало поднятию престижа архивных органов и усилению работы по социалистическому строительству решение Совета народных комиссаров РСФСР от 15 августа 1931 г., в котором предлагалось проектирующим организациям «предварительно, до производства работ по разработке проектов или планов сооружений, геологических изысканий и т.п., обращаться к архивным органам РСФСР за имеющимися в архивах материалами для использования их при производстве указанных работ»¹.

Среди запросов многих учреждений мы получили заявку на планы и чертежи в связи с устройством порта-гавани в г. Рыбинске. Мне посчастливилось среди материалов Главного комитета государственных сооружений найти дела Управления внутренних водных путей и шоссейных

¹ Собрание узаконений Рабоче-крестьянского Правительства. 1931. № 47. Ст. 358.

дорог Министерства путей сообщения за дореволюционный период (эти дела не были описаны) и в них — планы и чертежи к проекту сооружения порта-гавани в г. Рыбинске. (Мне везло на счастливые находки в архиве.) Приехавший после нашего сообщения из Рыбинска инженер исполкома удостоверил, что обнаруженные материалы могут сэкономить при проектировании сооружения 300 000 рублей.

Проводя выявление материалов и понимая всю важность этой работы, мы все же не могли предположить, что в грозные дни Великой Отечественной войны именно архивные работники с помощью архивных документов помогут отстоять Ленинграду легендарную «дорогу жизни» через Ладогу...¹

В годы послевоенной восстановительной работы были использованы планы многих городов, проекты ряда электростанций, промышленных предприятий и многих других объектов, разрушенных немецкими фашистами².

В 1934 г. руководство архивом возглавил Г. Д. Костомаров, пришедший к нам из Московского областного архива. Знаток публикации документов, автор огромного количества работ, имеющий уже большой опыт руководства архивами, Г[ригорий] Д[ементьевич] попал к нам в ответственный период переезда архива из ГУМа, где он временно находился, в новое помещение в «архивном городке» на Большой Пироговской улице, 17, башню «А», где он помещается и в настоящее время. Здание с учетом технических условий, удобные стандартные стеллажи... Против воли в голову приходило сравнение с Владимирской башней, где мы работали в 1926 г. Темнота, крысы...

Вспыльчивый, горячий, но отходчивый Г[ригорий] Д[ементьевич] мог, стуча палкой, кричать, что отдаст меня под суд за отсутствие точных данных по учету документальных материалов, а на другой день обнять, назвать «голубушкой» и горячо излагать новое очередное задание... А работоспособность у него была потрясающая... Кроме своих собственных публикаций, Г. Д. Костомаров находил время редактировать и хрестоматию по археографии³, и руководство по публикации документов XIX в. и начала XX в.⁴, и многое другое.

В 1936–1938 гг. к обычному комплексу моих работ прибавилась еще одна: Главным архивным управлением я была назначена секретарем Центральной экспертно-поверочной комиссии. В то время как раз был период

¹ Кузин А. А. Технические архивы. М., 1956. С. 197.

² Там же.

³ Хрестоматия по археографии: Пособие для студентов МГИАИ. М., 1955.

⁴ Шилов А. А. Руководство по публикации документов XIX в. и начала XX в. М., 1939.

усиленной разработки народными комиссариатами и другими центральными учреждениями проектов перечней документальных материалов с указаниями сроков их хранения. Работа была государственно важной, сложной и очень ответственной: от правильности сроков и полноты охвата материалов в прямой зависимости находился состав Государственного архивного фонда. Учреждение представляло проект на рецензию квалифицированному архивному работнику, затем на заседании Центральной экспертно-поверочной комиссии происходило обсуждение проекта: рецензент отмечал все недочеты проекта, автор-составитель, как правило, отстаивал свою точку зрения, наш главный консультант Б. И. Анфилов разил противников силой своей железной логики и безграничной эрудиции. А ведь некоторые учреждения (Верховный суд, Народный комиссариат внешней торговли СССР) присылали очень сильных представителей. Это были блестящие турниры ума, логики, знаний... Но победа была неизменно за Главным архивным управлением. (Я старалась как можно подробнее записывать протоколы заседаний, считая, что в дальнейшем эти записи будут хорошим методическим пособием, но, вернувшись из эвакуации, не обнаружила своих протоколов.)

1938 г. ознаменовался для меня еще одним событием: в этом году в журнале «Архивное дело» появилась написанная совместно с Зинаидой Николаевной Нагоровой статья «О времени материалов, не подлежащих хранению». Сейчас эта работа уже утратила в большой степени свое значение, но я помню, как товарищи, приезжавшие с периферии, благодарили нас за эту статью, говоря, что она очень долго помогала им в их практической работе.

При подготовке рукописи к печати мы старались убрать из нее все детали (Николай Владимирович Мальцев делал на полях замечания вроде следующего: «Почему важно, что Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем?»).

Нужно отметить, что и руководство Архива Октябрьской революции, и его научные сотрудники писали много статей для журнала «Архивное дело». Туда писали В. В. Макасов, А. М. Рахлин, Г. Д. Костомаров, Н. Р. Прокопенко, А. М. Иванов, А. В. Белокурова, М. Е. Вашман, З. Н. Нагорова, А. И. Кудрявцева, Е. Павчинская, И. В. Горбацкая, И. Г. Якоби.

Директор ЦГАОР Г. Д. Костомаров настоял на том, чтобы в 1938/1939 учебном году я начала читать в Историко-архивном институте лекции по теории и практике архивного дела (сам он читал курс «Партийные архивы»). До чего же страшно было читать первую лекцию... Как будто и опыт был накоплен достаточный, и знания по архивному делу уложились уже в определенную систему, и навык выступлений перед аудиторией был благодаря занятиям на архивных курсах по проведению сотрудниками техминимума и т. п. — и все равно — страшно было предельно...

А последнюю свою лекцию я читала в Историко-архивном институте в октябре 1945 г. после ночи, проведенной вместе со студентами в бомбоубежище (оно было в здании студенческого общежития на Большой Андроньевской улице). Помню, как одна из моих студенток Татьяна Григорьевна Коленкина сказала мне: «И каждый раз под вашу лекцию воздушная тревога...»

В апреле 1941 г. Г. Д. Костомаров был назначен в Главное архивное управление, а директором ЦГАОРа стал ответственный секретарь журнала «Красный архив» Н. Р. Прокопенко. Молодой, энергичный, пообещавший на первом же собрании сотрудников архива учиться архивному делу у специалистов ЦГАОРа, он был тепло встречен коллективом. Никто не мог в то время предположить, что через два месяца разразится война. Но и в эти тяжелые годы войны Николай Романович сумел сохранить любовь к нему сотрудников, проявляя глубоко человеческое отношение и к нуждам, и к горестям работников. А свое обещание учиться архивному делу Николай Романович блестяще выполнил, лучшим доказательством чего является его многолетняя бессменная работа в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии заочного отделения МГИАИ.

Июнь 1941 г. Архив работал напряженно, с полной отдачей сил. Т. В. Шепелева, В. К. Мгеладзе, А. В. Кузюкова и другие научные сотрудники трудились над созданием картотеки по истории Гражданской войны, М. И. Рыбинский разрабатывал классификатор для документальных материалов ЦГАОР, я занималась с большой группой студентов, проходивших практику в нашем архиве. И как гром среди ясного неба — сообщение по радио о войне. А вскоре — эвакуация из Москвы материалов и почти всех сотрудников. И вот мы в другом городе, надо разместить дела на новом месте. Вязки передаются по конвейеру из рук в руки. Вместе с москвичами стоят ленинградцы, рижане. Холодно, голодно, трудно, не считать, сколько тонн перегружает каждый из нас за день... Но все дела вскоре размещены, и работа идет почти нормально: материалы разбираются, описываются и наводятся справки. Николай Андреевич Фомин и я проводим в 1942 г. занятия по техминимуму для научных сотрудников. Программа подтверждает, что не опущена ни одна тема, техминимум не сокращен ни на один час против нормальных занятий... И вот реэвакуация — архив сберег, сохранил и привез в Москву все свои фонды...

После возвращения я по указанию Н. Р. Прокопенко начала работать в составе публикаторского отдела ЦГАОР. Часть сотрудников готовила к печати сборники документальных материалов, часть — писала характеристики фондов для путеводителя по ЦГАОР. У нас образовался дружный коллектив во главе с Б. В. Раскиным и А. И. Курдюковой — В. Лебедева, О. Л. Никитенко, М. С. Селезнев, И. И. Варжо, А. А. Новикова, Б. Г. Сивкина. Работали с увлечением, много спорили, бегали за консультациями

в научно-методический отдел ГАУ к Г. Т. Фролову и Н. А. Павловой... После, спустя много лет, нам стали ясны недочеты разработанной нами схемы путеводаителя, а в период подготовки работы к печати казалось, что схема построена правильно.

Последней большой работой архива, в которой я принимала участие, была подготовка к печати описи на фонд И. В. Мичурина. Сколько было споров, колебаний, сомнений... Как и при подготовке путеводаителя, решающее веское слово было за Н. Р. Прокопенко, который всегда был в курсе не только наших работ, но и наших разногласий...

И вот ЦГАОР уже отметил пятидесятилетие своего существования, Историко-архивный институт — свое сорокалетие. Вся страна торжественно отмечала 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, а ведь ЦГАОР является сокровищницей документов о деятельности В. И. Ленина. Достаточно напомнить, что пятая часть подлинных документов В. И. Ленина выявлена в ЦГАОРе.

Светло и радостно проходило пятидесятилетие образования Союза Советских Социалистических Республик, все основные документы, относящиеся к этому государственному акту огромной политической и исторической значимости, хранятся также в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, так же как и все основные материалы о ленинской национальной политике. И, конечно, далеко не случаен тот факт, что VII Международный конгресс архивов происходил в Москве, в сердце Советского Союза. Это результат непрестанного внимания партии и правительства к судьбе документов, начиная с исторического декрета Совета народных комиссаров от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела», подписанного В. И. Лениным. Хочется вспомнить и обращение Центрального комитета РКП(б) 1919 г., особенно знаменательное на фоне жестокой Гражданской войны, всеобщей разрухи, голода, топливного кризиса. В обращении ко всем партийным организациям было предложено «высылать все издания, протоколы собраний и заседаний, резолюции и воззвания, постановления и т. д.». «Для будущего историка Великой российской революции, — говорилось в этом обращении, — каждая газета, каждое воззвание самой мелкой организации будет драгоценным материалом. Этот исторический материал не должен пропадать. Присылайте его нам»¹.

Мне хочется закончить свои воспоминания мыслью управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича, которая представляется мне великолепным пророчеством на фоне последующих больших достижений исторической науки в СССР. В 1920 г. он писал: «Будем же разъяснять везде и всюду широким массам о ценности и важности сохранения

¹ Протоколы VIII съезда РКП(б). М., 1933. Приложения.

архивов для нужд современных ученых и для работы будущих поколений. Когда пытливый и вечно стремящийся к знанию и свету пролетариат выделит из своей среды тысячи новых, деятельных, энергичных, бодрых духом и революционным устремлением ученых, которые дружной семьей, организованно, возьмутся за изучение нашей многовековой истории и, может быть, впервые в мире поведают всем историю огромного и великого народа, рассмотрев ее с единственно правильной точки зрения, с точки зрения классовых отношений, с точки зрения борьбы классов, приложив все методы исследования революционного марксизма»¹.

ГА РФ. Ф. Р-8370. Оп. 3. Д. 41. Л. 4–26. Подлинник. Машинопись.

Л. Т. Конова

Конова Лидия Терентьевна

(р. 05.04.1922, Москва). Историк-архивист. В 1939 г. окончила Ленинградскую школу архивных работников. В 1939–1958 гг. архивно-технический сотрудник, старший архивно-технический сотрудник, инспектор — хранитель фондов ЦГАОР СССР. В 1961–1977 гг. инспектор — хранитель фондов, старший хранитель фондов, младший научный сотрудник, хранитель фондов ЦГАНХ СССР. Награждена медалью «За оборону Москвы».

Воспоминания о работе сотрудников ЦГАОР СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

3 октября 1983 г.

После объявления войны 22 июня 1941 г. (это было воскресенье) в понедельник 23-го в архивном дворе был митинг. На митинге выступила секретарь партбюро Шепелева, она говорила, что надо работать еще луч-

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Сохраняйте архивы. М., 1920.

ше и отдать все силы спасению документальных материалов, которые являются исторической ценностью нашего государства. Вскоре началась работа по плану эвакуации. Наиболее ценные материалы готовили в первую очередь. Коробки увязывали веревками, на лифте спускали во двор — грузили на машины и увозили на платформу «Ленинская товарная» (Казанский вокзал). Работа была физически тяжелая, но наравне с молодыми трудились и наши старшие товарищи: Рыбинский, Карноухова, Полубояринова, Мыльников, Якоби, Пронин, Горшков, Поспелова, Фрязинова, Бобович и др. Хочу отметить, что в архиве с большим уважением относились к старшим сотрудникам, которые были для молодежи примером в работе. Работали в две смены, днем возили документальные материалы, а вечером, чаще ночью, грузили в вагоны. Простой вагонов не допускался.

Первый состав был погружен в гор. Саратов, с ним уезжали нач[альник] архива Н. Р. Прокопенко и большинство сотрудников.

Оставшиеся в Москве сотрудники продолжали работу по подготовке материалов к эвакуации в города Чкалов и Барнаул (если мне не изменила память, среди сотрудников ушли на фронт: Ковпак, Румянцев, Егоров, Иванов, Леднев). Опустел архивный городок, в каждом архиве осталось очень мало сотрудников, и тогда для дальнейшей работы была создана единая бригада, которая занималась эвакуацией материалов ЦГАОР, ЦГАСА, ЦГАДА и Исторического архива. Трудно приходилось, отопление не работало. Хранилища не отапливались. В кабинетах были установлены железные печурки с трубой в форточку, вот мы и топили. За дровами ездили на Водное Динамо, бревна метра по два грузили на машину и разгружали в архивном дворе. По приказу ГКО в учреждениях были созданы отделения: пожарные, химические и санитарные. При ГАУ тоже была создана унитарная команда. Я попала в пожарное отделение. Одели нас по всей форме, как настоящих пожарных, даже каска, спасательный пояс с карабином и топориком. Начальником команды был Курдюков. Находились мы на казарменном положении. Пожарное отделение дежурило на крышах, в нашу задачу входило не допускать загорания. В одно из таких дежурств на крышу ЦГАДА упала термитная зажигалка, она рассыпалась, и каждый кусочек горел. Мы часть их погасили, забросав песком, а часть сбросили щипцами в сторону Б. Пироговской ул., где их также забросали песком. Кажется, зимой 1942 г. вернулся Н. Р. Прокопенко. Вспоминается один эпизод. Я и Вера Князева (Девятковская) под утро протапливали в его кабинете печурку. Николай Романович пришел утром, как-то особенно посмотрел на нас и попросил задержаться. Когда вернулся, дал нам буханку белого хлеба. Ведь он за эту буханку за 2–3 дня хлебные талоны отдал. Я эту буханку

всю жизнь помню. Стыдно было, но взяли. Среди сотрудников были и доноры, которые ежемесячно сдавали кровь по 450 гр., это Балагова и я. Приходилось сдавать кровь в фонд обороны, это значит без оплаты (за 450 гр. платили 27 руб.). Утром приходили на работу, и очень часто нам зачитывали приказ: «В распоряжение тов. Березкина (он был хозяйственником) назначаются...», а это значило: сбрасывать снег с крыш, чистить улицу и двор, возить бревна, пилить и колоть. Был (это уже в 1943–1944 гг.) и коллективный огород в Монихино. Площадь большая под картошкой и капустой, командировали нас туда на обработку дня на 2–3, ночевали в стогах сена. Урожай шел в столовую. Велась в архиве и шефская работа в эвакуогоспитале. В основном дежурили Прудникова, Князева (Девятковская) и я. Приходилось делать все, чем могли помочь. Я с особым теплом вспоминаю эти дежурства, было сознание, что приносили посильную помощь раненым.

Занимались мы и отбором документальных материалов к уничтожению, руководил этой работой т. Слицан (он потом работал в нашем институте). В архиве был создан отдел Отечественной войны, куда поступали документы по разрушению и уничтожению памятников культуры и искусства и нанесению ущерба народному хозяйству. Все это бралось на учет, составлялись карточки. Работали в этом отделе тт. Николаев, Шумарева, Булычева (Рудельсон), Иллерицкая, Перфильева, Маркелова (Панова) (больше не помню). С этой работой связано трагическое воспоминание. Однажды в архив прибыли документы, изъятые у убитых советских граждан, и, хотя они прошли соответствующую обработку, в комнате, где мы работали, стоял неприятный запах. Больше всех с этими документами довелось работать Иллерицкой и Перфильевой. Очень скоро они тяжело заболели. Врачи не сразу поставили диагноз: «отравление трупным ядом». Иллерицкая очень долго и тяжело болела, а Перфильева умерла (ей было 19 лет).

Еще хочу добавить, что за участие в обороне Москвы и за работу на оборонительных сооружениях под Москвой я награждена медалью «За оборону Москвы».

ГА РФ. Ф. Р- 9577. Оп. 1. Д. 283. Л. 1–3. Подлинник. Машинопись. Опубл.: Конова Л. Т. Воспоминание. Тревожная молодость // Вестник архивиста. 1995. № 1. С. 116–118.

Н. Р. Прокопенко**Прокопенко Николай Романович**

(28.09 (10.12). 1910, г. Юзовка, ныне г. Донецк, Украина — 15.05.1975, Москва). Историк-архивист. Из шахтерской семьи. Окончил сельскохозяйственную школу при харьковском совхозе «Красный патриот» и Харьковский педагогический институт (в 1933 г.). Служил в Красной армии, преподавал в средней школе г. Донецк, в индустриально-технологическом техникуме при металлургическом заводе. В 1937 г. поступил в аспирантуру при МГИАИ. В 1939 г. направлен на работу в ГАУ НКВД СССР, где с 1939 по

1941 г. был секретарем журнала «Красный архив». С 1940 г. — член ВКП(б), с 29 апреля 1941 г. по 1954 г. директор ЦГАОР СССР. С 1954 по 1963 г. заместитель начальника ГАУ СССР, затем с 31 января 1963 г. по 1975 г. вновь директор ЦГАОР СССР. В 1946 г. защитил в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию по теме: «Борьба за возрождение Донбасса в 1920 г.». Член коллегии и Научного совета ГАУ при СМ СССР, Ученого совета МГИАИ, ГИМ; возглавлял Государственную аттестационную комиссию по МГИАИ. В 1945 г. выезжал в Польшу с целью разыскания и возвращения документальных материалов ГАФ СССР, вывезенных во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1951–1953 гг. находился в Болгарии и Румынии в качестве советника по разработке законодательства по архивному делу. Публиковался в журналах «Архивное дело», «Исторический архив», «Вопросы архивоведения», «Советские архивы». Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др.

ЦГАОР СССР в период Великой Отечественной войны**1965 г.**

Я хорошо запомнил воскресенье 22 июня 1941 г. Как и все советские люди, наши сотрудники отдыхали. Многие уехали за город. Тогда нас было в ЦГАОРе (вместе с временным штатом) 173 человека. Хотя «в воздухе пахло грозой», мы все находились под впечатлением успокаивающего тона нашей партии и радио. Ведь только неделю назад, 14 июня 1941 г., ТАСС сообщило «о беспочвенности слухов о подготовке Германией войны против СССР». Мы благодумствовали...

И вдруг в это роковое воскресенье утром, после нескольких радиопозывных, мы с затаенным духом прослушали много раз переданное по радио правительственное сообщение: «Фашистская Германия, разорвав договор, без объявления войны, вероломно, вторглась в пределы нашей Родины, сея смерть и разрушение»¹. Так началась Великая Отечественная война. Уже в первый день войны фашистские стервятники сбросили бомбы в Севастополе, Одессе, Киеве, Минске, Ленинграде, Архангельске и Мурманске... Если так пойдет, то вскоре следует ожидать врага и над Москвой с его фугасными и зажигательными бомбами. Попади несколько таких бомб на Б. Пироговскую, 17, и гибель ценнейших документальных материалов ГАФ СССР станет неотвратимой.

Прослушав несколько раз текст передачи по радио, в 12 1/2 часов я был уже в ГАУ со своим, правда, несколько скороспелым, планом укрытия ценнейших фондов.

Смысл нашего предложения сводился к тому, что если в Москве нет возможности надежно укрыть все фонды ЦГАОР, то должны быть немедленно приняты меры к укрытию таких фондов, как СНК, ВЦИК и ЦИК СССР. Ведь именно в этих фондах сосредоточены уникальные документы о создании под руководством В. И. Ленина первого в мире советского социалистического государства, его становлении и развитии. В этих фондах в то время были тысячи еще не выявленных и не учтенных подлинных ленинских документов... И все это может в миг сгореть, быть уничтоженным! Можно ли медлить с укрытием этих фондов?! Нет, нельзя! Эти фонды, по нашему мнению, должны быть хорошо упакованы и укрыты в одном из тупиков метро. Но это предложение было отвергнуто, т. к. метро должно работать нормально и, кроме того, оно предназначалось для укрытия людей во время воздушной тревоги. А главное то, что в это время готовились более обстоятельные предложения и ждали соответствующего решения правительства. Руководителям же центральных архивов предложено было срочно подготовить документальные материалы к эвакуации в глубь страны — в восточные районы.

В соответствии с принятым решением правительства от 5 июля 1941 г. центральные государственные архивы СССР Москвы и Ленинграда, а также все государственные архивы прифронтовых республик и областей должны были принять меры и немедленно эвакуировать все документальные материалы в глубь страны.

¹ Далее зачеркнуто: «Опираясь на военный и экономический потенциал почти всей завоеванной Европы, гитлеровская клика спустила с цепи 190 вооруженных до зубов разбойничьих дивизий, подвергая варварской бомбардировке наши города и села, расстреливая на бредущих полетах беженцев: женщин, детей, стариков».

Уже 23 июня началась энергичная работа по упаковке и подготовке к эвакуации документальных материалов. Следует отметить, что накануне войны центральные государственные архивы почти все документальные материалы закартонировали в картонные и фанерные коробки. Это обстоятельство сыграло весьма важную роль в обеспечении сохранности документальных материалов во время их эвакуации и реэвакуации. Все коробки были прочно перевязаны тонкой веревкой или шпагатом, и это давало возможность при погрузке быстро передавать их из рук в руки и аккуратно укладывать в автомашины, а из последних — на железнодорожные платформы или прямо в вагоны; по прибытии на место назначения эта процедура повторялась, но уже наоборот: из вагонов эти массы коробок выгружались и укладывались в крытые, а чаще всего на некрытые железнодорожные платформы. По воле обстоятельств иногда наши коробки надежно защищали ценнейшие документальные материалы от ливней, буранов, назойливого мокрого снега, сырости и т. п. Вернемся, однако, к началу событий Великой Отечественной войны. К 11 июля был загружен первый ж[елезно]д[орожный] эшелон, в составе которого было 12 вагонов с документальными материалами ЦГАОР СССР. Это фонды СНК, ВЦИК, ЦИК СССР, все документальные материалы секретного отдела, картотеки. Всего 520 832 дела и картотека в количестве 2 млн карточек. В первом эшелоне, который был направлен в г. Саратов, эвакуирован основной аппарат ГАУ и центральных государственных архивов г. Москвы, в том числе 29 сотрудников ЦГАОР с их семьями. Документальные материалы нашего архива были размещены в помещении Краеведческого музея на берегу Волги. Так как это помещение не имело стеллажей, пришлось все коробки в течение 5 дней разобрать по фондам и уложить в штабеля. После этого началась нормальная работа, т. е. приведение архивных фондов в порядок, описание, использование документальных материалов в военно-политических целях, публикаторская работа. И все же эвакуация наиболее ценных документальных материалов в г. Саратов была серьезным просчетом, ошибкой. Вероятно, сказалась общая недооценка силы врага. После разгрома под Москвой в декабре 1941 г. немецко-фашистские захватчики, «выравнивая линию фронта», накапливали силы для прыжка на Волгу. Летом 1942 г. они начали широким фронтом наступление. После нескольких налетов вражеской авиации на г. Саратов было принято решение перебазировать ценнейшие фонды ЦГАОР и других центральных архивов в г. Пермь. В октябре несколько десятков вагонов, прибывших в г. Пермь, были размещены на Комсомольском проспекте в здании облгосархива, в благоустроенном помещении городского тира и в др. Через несколько дней архив продолжил нормальную работу. А между тем на Москву все еще прорывались вражеские бомбардировщики и в начале 1942 г. В феврале вражеская

авиация сбросила несколько зажигательных бомб в сквере прямо перед зданием ГАУ и хранилищами центральных государственных архивов по Б. Пироговской, 17. В начале марта была сброшена «большая свинья» — бомба весом в 1 000 кг, которая зарылась в землю на полтора метра в 25 метрах от полуподвального помещения быв[шей] поликлиники, где хранились документальные материалы ЦГАОРа, по Кадашевскому переулку, № 3/2, и, к счастью, не разорвалась. Ну а если бы разорвалась? Погибли бы не только 5–6-этажные жилые дома с их обитателями, но и наш архив в 150 тыс. единиц хранения. Учитывая эти обстоятельства, мы подготовили к эвакуации документальные материалы второй очереди. Сюда вошли фонды главков военной промышленности по снабжению Красной армии и военно-морского флота продовольствием, революционные трибуналы периода Гражданской войны и военной интервенции, материалы Временного правительства и др. Всего свыше 720 000 единиц хранения плюс 21 900 комплектов печатных изданий (комплекты газет, плакатов и листовок).

4 апреля 1942 г. в ж[елезно]д[орожном] эшелоне свыше 20 вагонов материалов ЦГАОРа были отправлены и размещены в г. Оренбурге (б[ывшем] Чкалове) с 12 сотрудниками и их семьями. Все фонды были с трудом размещены в облгосархиве и в других помещениях, и вскоре наладилась нормальная работа. Тревожная обстановка на фронтах Великой Отечественной войны и воздушная угроза Москве вынудили нас подготовить и третью очередь эвакуации документальных материалов из Москвы. 11 августа 1942 г. мы отправляли в Барнаул около 10 вагонов ценных документальных материалов ЦГАОР, в количестве около 130 тыс. единиц хранения, 52 тыс. экз. книг и редких брошюр, 42 тыс. ведомственных журналов первых лет советской власти и др. Все эти документальные и печатные материалы были размещены в гор[одском] аэроклубе. С 11 июля 1941 г. по 11 августа 1942 г. ЦГАОР СССР эвакуировал из Москвы в Саратов (затем в Пермь), Оренбург и Барнаул 1 540 939 единиц хранения документальных материалов, 8 834 книги, 8 678 комплектов газет, 41 774 экз. журналов, 12 200 экз. листовок, 600 плакатов. В Саратове в архив ЦГАОР были приняты дополнительные документальные материалы быв[шей] республики немцев Поволжья (около 150 тыс. ед. хр.)¹. Во время реэвакуации всех документальных материалов в Москву в августе–декабре 1944 г. это составило 46 железнодорожных вагонов.

Благодаря исключительной организованности, высокой патриотической сознательности, ответственности и самоотверженности коллектива ЦГАОР за период эвакуации, а затем реэвакуации в Москву не было поте-

¹ Позднее все фонды быв[шей] республики немцев Поволжья были переданы на хранение в Саратовский областной государственный архив.

ряно или повреждено ни одного фонда, ни одной коробки, ни одного дела, ни одного ценного документа.

В период июль 1941 г. — декабрь 1944 г. ЦГАОР и его коллектив были рассредоточены в городах: Москве, Саратове, Энгельсе, Оренбурге, Перми и Барнауле. Преодолевая невероятные трудности, сотрудники нашего архива зачастую работали круглосуточно, без сна и отдыха. Они понимали, что это их долг перед героической советской армией, громившей лютого врага на фронтах Великой Отечественной войны.

За период войны коллективом ЦГАОР подвергнуто научно-технической обработке около 180 тыс. единиц хранения документальных материалов, принято на хранение 350 тыс. единиц хранения, по запросам правительственных органов и военного командования выдано более 8 тыс. тематических и других справок и информации; издано для пропагандистов несколько политически актуальных сборников документов, таких, как: «Из истории установления Советской власти», «Единство фронта и тыла в период гражданской войны», «Разгром немцев в 1918 г.» и др. Выполняя постановление ЦК нашей партии, принятое в начале 1941 г., об издании 4-го собрания сочинений В. И. Ленина, сотрудники архива выявили и взяли на учет свыше 100 подлинных ленинских документов. Позднее они были переданы в Институт Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б). Опубликованы в центральной и местной печати десятки политически актуальных документов и статей, прочитаны сотрудниками сотни лекций в воинских частях, учреждениях, на предприятиях, в госпиталях и др. Костяком нашего коллектива, примером и организаторами самоотверженной работы всей молодежи были: О. Е. Карноухова, Н. Д. Полубояринова, Ю. М. Зарницына, Т. В. Шепелева, О. Л. Никитенко, М. И. Рыбинский, И. Г. Якоби, Г. Н. Кузюков, А. Н. Кузюкова, А. М. Иванов, Г. Т. Фролов, Е. С. Фрязинова, А. А. Новикова, Л. Н. Вьюкова, Н. С. Петрова, Н. С. Юрина, Л. П. Грызлова, М. С. Гуськова, В. Т. Князева (ныне Девятковская), Л. Т. Маркелова (ныне Конова), несколько позднее включились в коллектив Б. Г. Ривкина, И. Б. Русанова и другие.

Из самоотверженной молодежи, которая затем в разное время ушла на фронт, следует отметить Егорова М. А., Гужевского Л. Е., Михайлова В. А., Румянцева И. М., Ильях В. П., Мицкевича В. И., Леднева Д. Я., Гальцеву Н. М., Лопакovu К. И. и других. Часть наших сотрудников погибла, судьба других неизвестна. М. А. Егоров после серьезного ранения в конце войны вернулся в ЦГАОР. Позднее он работал в МВД СССР, затем в ГАУ. В настоящее время работает в аппарате ЦК КПСС, поддерживает связь с нашим коллективом. В. И. Мицкевич также в конце войны вернулся в ЦГАОР и работал в отделе фондов высших органов государственной власти. В 1948 г. он был снова мобилизован в советскую армию и служил

в оккупационных частях в Германии. В конце 1948 г. Владимир Иванович погиб от вражеской пули.

Дорогие наши читатели! В небольшой статье, разумеется, трудно рассказать о больших делах в тяжелейшее для нашей Родины время, которые проделал коллектив ЦГАОР. Он внес свой достойный вклад в великое дело победы советского народа над злейшим врагом человечества — гитлеровской Германией. Наши молодые архивисты, не испытавшие тягот прошлой войны, должны знать о делах своих старших товарищей и коллег, брать с них пример, подражать им, использовать их опыт в своей плодотворной работе. В знаменательное 20-летие великой победы советского народа над врагом мы заверяем партию и правительство в том, что задачи, поставленные перед коллективом ЦГАОР СССР, будучи выполнены.

ГА РФ. Ф. Р-9573. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–7. Автограф. Оpubл.: Прокопенко Н. Р. ЦГАОР СССР в годы войны. Воспоминания участника событий // Вестник архивиста. 1995. № 1. С. 108–114.

Н. П. Воскобойникова, Ю. П. Дзагурова, И. Г. Новопашин

Воскобойникова Наталья Петровна

(р. 1921, Москва). Историк-архивист. Родилась в семье служащих. В 1939–1940 гг. училась в Московском текстильном институте. В 1946 г. окончила МГИАИ. В 1944–1946 гг. старший контролер «Мосэнерго». В 1946–1950 гг. научный сотрудник ЦГАОР СССР. В 1974 г. защитила кандидатскую диссертацию в Институте истории СССР АН СССР.

Дзагурова Юлия Павловна

(1921–2006). Филолог, историк-архивист. Окончила в 1942 г. факультет русского языка и литературы Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина. В 1942–1944 гг. работала научным сотрудником в ЦГАЛИ, в 1944–1946 гг. — в Архивном отделе МВД Латвийской ССР, с 1946 г. — в ЦГАОР СССР в отделе фондов РЗИА. С 1956 по 1959 г. работала преподавателем русского языка в Пекинском институте русского

языка. В 1959–1969 гг. — в ЦГАОР СССР в отделе публикаций; с 1969 по 1981 г. — в Главархиве СССР старшим археографом.

Новопашин Игорь Григорьевич

(24.08.1923–13.02.2006). Историк-архивист. Окончил среднюю школу в Хабаровске. В 1942–1944 гг. работал в Свердловском отделении Военстроиснаба Главного управления военно-промышленного строительства при СНК СССР в должности рабочего-кладовщика. 2 ноября 1946 г. был принят на работу в ЦГАОР СССР архивно-техническим сотрудником в отдел высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. В январе 1947 г. был переведен в отдел РЗИА в той же должности. В 1949–1989 гг. работал в отделе профсоюзов и общественных ор-

ганизаций старшим архивно-техническим сотрудником, инспектором — хранителем фондов и главным хранителем фондов. С 1989 г. работал специалистом 2-й, затем 1-й категории в справочной группе социально-правовых запросов отдела использования документальных материалов ГА РФ. Опубликовал ряд статей по истории профсоюзов на страницах «Советских архивов», «Науки и жизни» и др. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «Ветеран труда».

Воспоминания о работе в отделе РЗИА ЦГАОР СССР

Май 1996 г.

Фонды Русского заграничного исторического архива (РЗИА) поступили в СССР, как известно, в 1945 г. после разгрома советской армией фашистской Германии и освобождения Праги в качестве дара от правительства Чехословацкой Республики Академии наук СССР в честь 220-летия академии. РЗИА, собираемый русскими эмигрантами, находился в ведении Министерства иностранных дел республики, размещался в Тосканском дворце в Праге.

Для получения материалов РЗИА в Прагу советским правительством была направлена авторитетная комиссия, в которую входили представители ведущих научных учреждений и ведомств страны. В составе комиссии находился и директор ЦГАОР СССР Н. Р. Прокопенко. Ему было поручено принять по актам материалы РЗИА и организовать их сопровождение в Москву (650 ящиков).

По прибытии в Москву по предложению АН СССР материалы РЗИА были направлены в Главное архивное управление МВД СССР. Значительная часть фондов РЗИА была первое время размещена в подвальном помещении Главархива в корпусе № 5, позднее переведена в хранилище корпуса № 5 на шестой этаж¹. Часть документов сразу была отделена и передана в Центральный государственный особый архив в системе Главархива.

При поступлении материалов РЗИА в ЦГАОР СССР Н. Р. Прокопенко собрал всех сотрудников архива и сказал о той ответственности, которая ложилась на коллектив архива в связи с приемом документов РЗИА. Ответственность за обеспечение сохранности документов РЗИА Н. Р. Прокопенко возложил на опытного сотрудника О. Л. Никитенко.

Руководство Главного архивного управления МВД СССР и ЦГАОР СССР подобрали для работы в РЗИА, ставшем одним из отделов ЦГАОР, опытных научных и технических сотрудников. Во главе РЗИА был поставлен по приказу главка от 11 апреля 1946 г. Михаил Ильич Рыбинский, специалист архивного дела, высокообразованный человек, хорошо знающий историю России, особенно историю Гражданской войны в России. Он прекрасно разбирался в деятельности различных эмигрантских организаций и групп, хранил в памяти многие события и имена. До перевода в РЗИА М. И. Рыбинский возглавлял отдел секретных фондов, в котором находились документы белогвардейских правительств, армий и формирований².

По тому же приказу главка в отдел РЗИА были назначены ст[аршие] научные сотрудники О. Л. Никитенко и В. Т. Скиба, научный сотрудник Е. П. Никитина и архивно-технический сотрудник Т. И. Иванова.

Затем, в связи с большим объемом работ, отдел РЗИА был расширен, и с мая по декабрь 1946 г. в отдел были приняты научные сотрудники: с мая 1946 г. — Ю. П. Дзагурова, с октября — Т. Кленова, А. Ф. Климова, с 1946 г. — А. М. Ременников, с ноября 1946 г. — Н. П. Воскобойникова, а с 1948 г. — Э. В. Кузнецова, с января 1947 г. — архивно-технический сотрудник И. Г. Новопашин.

Мы, сотрудники РЗИА, принятые на работу в отдел, были ознакомлены в общих чертах с составом и содержанием фондов РЗИА.

Русский заграничный исторический архив состоял из значительного количества документов, относящихся к революционному движению в России и русской политической эмиграции. РЗИА включал материалы

¹ Данные о приеме фондов РЗИА и размещении их в архиве были сообщены А. А. Новиковой и Е. П. Никитиной.

² С переводом М. И. Рыбинского в публикаторский отдел начальником отдела РЗИА была назначена Г. С. Гульфайн-Блинкова.

русских эмигрантов, виднейших писателей, ученых, историков, общественных деятелей различных направлений. Среди других были документы П. Н. Милюкова, А. И. Гучкова, В. М. Чернова, А. В. Колчака, ген. А. А. Брусилова, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и других.

Наряду с рукописными документами, в РЗИА находились печатные материалы: книги, брошюры, журналы; фотографии, дагерротипы, рисунки, акварели, а также различные предметы музейного характера: картины, гипсовые слепки и прочее.

Многие архивы поступили в РЗИА от русских эмигрантов в качестве дарения, другие материалы передавались наследниками или лицами, вывезшими их с собой из России.

В Пражском РЗИА был хорошо налажен учет всех поступлений. Имелись специальные инвентарные книги большого формата в твердых обложках, в которые вносились все поступления в РЗИА. В них указывались название фонда или коллекции документов, их объем, дата поступления, лицо, сдавшее материалы, а также сроки хранения и условия их использования. По ряду фондов сдававшими лицами налагался запрет на использование в течение длительного срока (до 20–30 лет и т. д.), особенно это касалось личной переписки.

Хранилище, в котором размещались материалы РЗИА, было небольшим. Стеллажи (по 4 полки) были заполнены до потолка коробками и папками с документами, а также книгами, брошюрами. На башне 5-го корпуса здания ГАУ, внизу, у входа в подъезд, где хранились на 6-м этаже документы РЗИА, была прибита доска, на которой была надпись «Русский заграничный исторический архив». Доска была бордового цвета, а название было дано белыми буквами.

В отделе РЗИА серьезное внимание было обращено на учет фондов и коллекций архива. Кроме инвентарных книг, заведенных еще в Пражском архиве, учет фондов осуществлялся и путем составления описей сотрудниками отдела, карточек и аннотаций на фонды отдела РЗИА.

Сотрудники отдела РЗИА проводили разбор документальных материалов, многие из которых были в состоянии россыпи, проводили описание и систематизацию документов, составляли описи на фонды, картотеки. Одновременно с разбором фондов велась работа по выявлению документов личного состава бывших военных формирований, частей, напр[имер] казачьих полков, а также редакций газет. Необходимо было подготовить документы к возможному их использованию в политических, народнохозяйственных и научных целях. Отдельные документы готовились к публикации. Выполнялись различные запросы вышестоящих организаций, составлялись докладные записки, информации, справки по различным вопросам.

В отделе царил творческая атмосфера. Сотрудники осознавали свою ответственность в работе над материалами РЗИА. Проводили тщатель-

ный анализ и изучение материалов, привлекали литературу, стремились дать документам правильную политическую и научную оценку.

Сотрудники регулярно готовили доклады по составу и содержанию обработанных ими фондов и выступали с ними как в отделе, так и на занятиях по повышению деловой квалификации в ЦГАОРе.

Начальник отдела М. И. Рыбинский работал с каждым сотрудником индивидуально, подолгу беседовал, давал практические советы и делал критические замечания. Много внимания уделяла научным сотрудникам и О. Е. Карноухова, которая в это время была методистом отдела. Она помогала отрабатывать схему систематизации фондов, проверяла содержание аннотаций, редактировала описи, исторические справки к фондам и доклады.

По завершении основной работы по описанию и систематизации документов РЗИА коллектив отдела провел большую работу по составлению аннотаций на фонды РЗИА. Был подготовлен путеводитель по ЦГАОР СССР, ч. II. (закрытого характера). Работу по редактированию аннотаций РЗИА проводил Н. Р. Прокопенко. В последний момент работы все аннотации на фонды были сильно сокращены по объему. По существу, от аннотаций почти ничего не осталось. Это сильно обеднило путеводитель. Очевидно, такое сокращение было вызвано нежеланием помещать лишнюю информацию в путеводитель, хотя он и носил закрытый характер. К сожалению, рабочие тексты аннотаций не сохранились в архиве.

Мы с благодарностью вспоминали совместную работу в отделе РЗИА с М. И. Рыбинским, О. Е. Карноуховой, Т. И. Ивановой, А. Ф. Климовой, Т. Кленовой, Э. В. Кузнецовой, О. Л. Никитенко (Буцкой), А. М. Ременниковым, В. Т. Скиба.

Отдел был работоспособный и дружный. М. И. Рыбинский много делал для сплочения отдела. Организовывались совместные посещения музеев, театров. Так, всем отделом мы были в Большом театре на постановке оперы «Мазепа» и др. И после того, как по разным причинам наши пути разошлись, мы сохранили дружеские и теплые отношения со всеми бывшими сотрудниками РЗИА.

Важно отметить, что при передаче документов Русского заграничного исторического архива в Главное архивное управление МВД СССР предполагалось сохранение РЗИА в таком составе, в каком он сложился в Праге, не допуская дробления архива. Считалась недопустимой передача документов РЗИА из ЦГАОР СССР в другие государственные архивы, научные учреждения и ведомства страны. РЗИА представлял значительный научный интерес как единый комплекс документов русской эмиграции, создаваемый на протяжении значительного периода времени.

Однако такой принцип хранения документов в ЦГАОРе был нарушен. С середины 1950-х гг. отдельные фонды и коллекции РЗИА стали посте-

пенно передаваться в другие архивы. Так, в ЦГАЛИ СССР в 1955 г. была передана коллекция «А. И. Герцен и Н. П. Огарев». Многие документы оказались переданными в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, в ИДУ МИД СССР, в ЦГИА в Ленинград, в ЦГА ВМФ, в архивы Украины и Белоруссии.

В настоящее время в отделе белогвардейских и эмигрантских фондов ГА РФ хранится едва ли не третья часть имевшихся там ранее фондов и коллекций РЗИА (98 тыс. ед. хр. из 350 тыс. ед. хр.). Сейчас это уникальное собрание во многом утратило свое значение как хранилище документов русской эмиграции.

Узнавая о таком дроблении документальных материалов РЗИА и о передаче многих из них в другие архивы и учреждения, мы, архивисты, работавшие в РЗИА с момента поступления этого архива в ЦГАОР СССР, не могли и не можем признать такую практику правомерной и целесообразной. Желательно было бы сохранить целостным это уникальное собрание документов русской эмиграции.

Надо отдать должное энтузиазму архивных деятелей РЗИА в г. Праге, которые проделали титаническую работу по собиранию и сохранению для будущих поколений документов по истории нашей Родины, оказавшихся за рубежом (А. Ф. Изюмов и др.). Они не допустили гибели многих уникальных для русской культуры и науки документов.

В 1987 г. фонды РЗИА были рассекречены и в настоящее время сосредоточены в отделе белогвардейских и эмигрантских фондов ГА РФ. Начальник отдела Л. И. Петрушева сохраняет и проводит в жизнь традиции отдела РЗИА ранних лет его существования.

Л. И. Петрушева хорошо знает состав и содержание фондов РЗИА, ведет большую работу по комплектованию отдела, устанавливает постоянные связи с наследниками фондообразователей, принимает на хранение новые документы, пополняющие коллекции РЗИА.

С удовлетворением отмечаем, что в настоящее время в ГА РФ проводится большая работа по использованию и популяризации документов РЗИА, характеризующих историю страны, путем организации выставок, написания статей, подготовки докладов и сообщений. В настоящее время заканчивается работа над новым путеводителем по РЗИА.

Л. И. Петрушева установила связи с нами, бывшими сотрудниками отдела РЗИА ЦГАОР СССР, приглашала нас на совещания отдела, интересовалась нашей работой в прежние годы, нашим мнением по вопросам комплектования архива, разделения архива на части. Лидия Ивановна проявляет к нам большое внимание. Мы делились с ней своими воспоминаниями.

Л. И. Петрушева прилагает много сил для возвращения в РЗИА переданных ранее в другие учреждения документальных материалов, отдельных фондов и коллекций.

Мы, бывшие сотрудники РЗИА, поддерживаем начинания Л. И. Петрушевой по собиранию материалов РЗИА и надеемся, что вопрос возвращения в РЗИА хотя бы части переданных ранее в разные архивы и учреждения документов будет решаться по-государственному.

ГА РФ. Ф. Р-8370. Оп. 8. Д. 11. Л. 1–7. Подлинник. Оpubл.: РЗИА в Москве: вспоминают очевидцы // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 37–43.

И. Г. Новопашин

Воспоминания о работе в ЦГАОР СССР

15 сентября 1980 г.

17 сентября исполняется 60 лет образованию нашего архива. Мне как «цгаоровцу» послевоенных лет эта дата говорит о многом. Я поступил на работу в ЦГАОР СССР 4 ноября 1946 года; архив только что приступал к своей нормальной работе, которая была прервана войной. Во всех отделах (так тогда назывались хранилища) велась работа по разработке, проверке наличия, учету архивных материалов, прибывших из эвакуации из городов Перми, Энгельса, Барнаула. Это был очень трудный период в истории нашего архива. Время требовало, чтобы архив скорее вступил в строй — это было необходимо для восстановления народного хозяйства, разрушенного войной, для исторической науки, так как целый ряд исследований был прерван войной, а также для тематических запросов государственных учреждений. Чтобы представить себе архив этого периода, я приведу несколько примеров.

Бывший Центральный государственный архив профдвижения и организации труда СССР, в 1941 году переданный на правах отдела в ЦГАОР СССР, лежал грудой папок, вязок навалом в цок[ол]е корпуса № 3 и по ярусам хранилищ на 2 и 3 этажах этого корпуса на стеллажах и [в] проходах, не разобранный даже по фондам. В таком же состоянии были материалы Центрального государственного исторического архива в г. Москве. Ими было заполнено помещение теперешнего читального зала нашего архива. Они лежали штабелями до потолка. Почти такая же картина была и в старых «цгаоровских» отделах (секретный, высших органов гос[ударственной] власти, суда и прокуратуры и т. д.). Вместе с сотрудниками архива, работавшими до войны и [в] войну, новые архивисты приступили к трудной работе по приведению в порядок архива.

Во главе с энтузиастами архивного дела Н. Р. Прокопенко, О. Е. Карноуховой, М. И. Рыбинским, О. Л. Никитенко работали и мы, молодые сотрудники архива, 88 % которых были девушки. Я, как и многие другие молодые сотрудники архива, не имел представления об архивной работе и о том, что такое архив. Очень хочется сейчас отметить в наш славный юбилей, что поколение первых цгаоровцев — опытных архивистов — отдавало весь свой опыт и знания только что пришедшим в архив. Я, как и многие другие сотрудники архива, проработавшие многие годы в стенах архива, с благодарностью вспоминаю их труд и терпение и все, что они сделали, чтобы сделать нас настоящими архивистами. Мне хочется вспомнить о них. В 1946 г. я начал работать в отделе высших органов государственной власти. [В] 1947 г. был перевезен РЗИА, материалы которого только что прибыли в архив. Их нужно было разобрать, обработать, описать, проверить, уложить на стеллажи по фондам. Это была трудная работа и требовала опыта и знания. В 1948 [г.] я был переведен на работу по восстановлению отдела профсоюзных фондов (ее больше никак не назовешь, как восстановление), которым руководила по совместительству опытный архивист О. Л. Никитенко, работавшая еще и ст[аршим] научным сотрудником РЗИА. Ей я обязан многим. Наш отдел, ввиду того, что в архиве не хватало помещений, находился в одной комнате с сотрудниками РЗИА, в которой работали О. Е. Карноухова, наш научный консультант-методист архива, и зав[едующий] отделом РЗИА М. И. Рыбинский. Я у них научился многому, это они привили мне любовь к архивному делу. К 1950 г. отдел профсоюзных фондов в основном уже вступил «в строй», с 1949 г. дела в основном уже выдавались в читальный зал архива. Такая же работа была проделана и другими отделами архива.

В 1954–1956 [гг.] архив приступил к выполнению очень трудной работы. В это время был ликвидирован целый ряд народнохозяйственных министерств и была проведена перестройка госаппарата. Материалы многих министерств поступили в архив в необработанном виде, их нужно было обработать, проводить учет и одновременно проводить все другие виды архивной работы. Кроме того, после принятия закона о пенсиях тысячами стали поступать в наш архив биографические справки. В архиве почти все сотрудники были направлены на эту очень нужную и благородную работу. И эту трудную работу сотрудники архива выполнили с честью. В 1961 г. наш архив разделился на ЦГАОР и ЦГАНХ СССР. И в этот период он стал уже складываться как Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. Так постепенно вырос наш теперешний коллектив, в основном

молодежный. Мне хотелось бы вспомнить ушедших на заслуженный отдых ветеранов нашего архива (1960–1970 [гг.]) М. И. Виноградова, Л. М. Шалагинову, И. Ф. Шостак, В. Н. Жабровскую и многих других. Они много сделали для нашего архива.

Наш архив становится методическим центром центральных государственных архивов СССР. Необходимо, чтобы все сотрудники хорошо знали историю своего архива. Мне хотелось бы, чтобы молодежь и ветераны нашего архива [проявили] инициативу по созданию кружка по изучению истории нашего архива или, как теперь называют, комнаты или народного музея трудовой славы. Это поможет лучше понять историю нашего архива, поможет в нашей работе лучше понять свой долг и отношение к нашим архивным обязанностям, а также будет прививать любовь к своей профессии. Я надеюсь, что коллектив нашего архива будет действительно архивом № 1 среди центральных государственных архивов СССР. Желаю, дорогие коллеги по работе, успехов в нашем не легком, но благородном деле.

ГА РФ. Ф. Р-9577. Оп. 1. Д. 153. Л. 1–7. Автограф.

А. В. Добровская

Добровская Анастасия Владимировна
(16.06.1925–31.08.2004). Историк-архивист. Окончила Московский государственный историко-архивный институт. С 1 октября 1949 г. работала в ЦГИАМ — ЦГАОР СССР — ГА РФ, пройдя путь от научного сотрудника до заместителя директора ЦГАОР СССР. В этой должности в течение 20 лет курировала комплектование и работу с ведомствами, обеспечение сохранности документов, много внимания уделяла совершенствованию научно-справочного аппарата. С 1992 г., являясь главным специалистом отдела информационно-поисковых систем ГА РФ, участвовала в создании многотомного путеводителя по фондам ГА РФ, была ответственным составителем ряда томов. Автор многих архивоведческих исследований и методических рекомендаций в области архивного дела.

Памяти Т. Г. Снытко, архивиста и историка

1998 г.

1 октября 1949 г. после окончания института я пришла работать в Центральный исторический архив в г. Москве (ЦГИАМ) и в тот же день была представлена начальнику отдела личных фондов, в котором мне предстояло трудиться. В конце темноватого архивохранилища при свете заbranной в решетку переносной лампы сидел человек в армейской шинели и в ушанке, его стол был завален документами, на полу лежала груда больших конвертов с четкими надписями. Это и был начальник отдела Трифон Галактионович Снытко, занимавшийся, как и все сотрудники отдела в то время, обработкой личных фондов. Произвел он впечатление человека замкнутого и сурового, и в момент первого знакомства никак нельзя было предположить, что в течение последующих 10 лет он будет не только профессиональным и научным авторитетом для работающих с ним специалистов, но и человеком, глубоко заинтересованным в судьбе каждого из них.

Трифон Галактионович Снытко пришел работать в Центральный государственный архив древних актов в 1939 г. после окончания исторического факультета Московского государственного института истории, философии и филологии (ИФЛИ), одновременно с работой занимался в заочной аспирантуре ИФЛИ. Его архивная и научная работа была прервана войной. С 1941 по 1945 г. он воевал на Западном, Волховском, Ленинградском, 3-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах. После войны в течение трех лет из-за ранения и контузии был на инвалидности. С 1948 г. снова вернулся на работу в архив, на этот раз в ЦГИАМ, в котором он проработал 13 лет до 1961 года.

Трифон Галактионович был историком по образованию, широкая историческая подготовка, источниковедческий подход к документам значительно обогащали его архивную практику, являлись базой для архивоведческих обобщений, подготовки серьезных методических разработок. Работавшие с ним специалисты прошли хорошую школу упорядочения материалов: формирования документов в дела, их описания и классификации. В конце 1950-х гг. в ЦГИАМ приступили к каталогизации документов Особого отдела Департамента полиции Министерства внутренних дел. Эта работа положила основу созданию систематического каталога дореволюционных документов и продолжалась в 1960-х, 1970-х, 1980-х гг. уже после объединения ЦГИАМ и ЦГАОР СССР. Методика каталогизации и схема классификации этого каталога была разработана Т. Г. Снытко.

В 1957 г. в журнале «Исторический архив» была опубликована статья Т. Г. Снытко «О методике составления путеводителей по государственным

архивам», в которой критически обобщался опыт работы архивов по подготовке путеводителей и давались конкретные рекомендации по проведению этой сложной работы. До настоящего времени очень свежо звучат выводы автора, и сотрудники ГА РФ, занимающиеся подготовкой серии путеводителей по архиву, используют многие положения этой статьи.

Можно сказать, ничуть не преувеличивая, что Т. Г. Снытко был основателем школы по созданию и развитию научно-справочного аппарата к документам архива. В 1960–1980-е гг. заведовали отделом научно-справочного аппарата его ученики В. А. Рогова, Р. Я. Бусс-Брейгер, целый ряд его последователей работали, а некоторые работают до настоящего времени в этой области, и все они чтут и применяют на практике принципы работы с документами, заложенные Т. Г. Снытко.

Наряду с архивной и архивоведческой работой Трифон Галактионович продолжал исторические исследования, им было опубликовано около 20 работ по истории революционного движения в России XVII–XIX вв., по истории русско-польских революционных связей.

В 1961 г. Т. Г. Снытко защитил кандидатскую диссертацию и ушел из архива в Институт славяноведения Академии наук СССР, где продолжал активно работать как исследователь в сфере своих научных интересов, но судьба еще раз столкнула Трифона Галактионовича с архивными проблемами, причем в их масштабном варианте. Институт славяноведения принимал участие, как и все академические институты исторического профиля, в составлении доклада к Всесоюзному совещанию историков, проходившему 18–21 декабря 1962 г. в Москве. Руководство института привлекло к этой работе Т. Г. Снытко как человека, хорошо знавшего работу архивов, поэтому небольшой абзац доклада о роли архивов в развитии исторической науки сформулирован с его участием: «...Следует сказать также, что и сами архивы еще не в должной мере служат интересам науки, в том числе исторической. Во многих общедоступных архивах нет каталогов, там действует система описей фондов, введенная еще в XVIII веке. Необходимо широко развернуть работу по созданию научно-справочного аппарата, который отвечал бы требованиям современной советской науки, народного хозяйства и культуры, внедрять в архивное дело новейшие технологические достижения...» Конечно, вариант Трифона Галактионовича был более развернутым, могу судить об этом, т. к. он предварительно читал мне несколько своих текстов, но суть сохранилась. Таким образом, частичка опыта и знаний Т. Г. Снытко нашла отражение в развернутых Главным архивным управлением в ответ на критику мероприятиях по усовершенствованию научно-справочного аппарата к фондам архивов и развитию каталогизации.

Т. Г. Снытко безвременно скончался в 1967 г. в возрасте 64 лет, сказались военные годы, контузия, болезни. Перед смертью он поставил точку в

своей последней монографической работе «Русское народничество и польское общественное движение (1865–1881 гг.)», изданной в 1969 году.

Т. Г. Снытко до последних дней был нашим большим другом, имевшим терпение разбираться не только в наших профессиональных, но и в личных проблемах.

Мы всегда, уходя с работы, с сочувствием смотрели на Трифона Галактионовича, остававшегося за письменным столом, не понимая, что спокойные часы творческой работы — это одно из лучших состояний человека, сознание этого пришло намного позже.

К. Г. Ляшенко

Ляшенко Клара Георгиевна

(р. 01.01.1934). Историк-архивист, археограф. В 1956 г. окончила МГИАИ. Свою трудовую деятельность в системе архивов начала в 1956 г. в отделе изучения и публикации документов ЦГИАМ, продолжив работать в ЦГАОР СССР и ГА РФ. Составитель многих сборников документов, в том числе по истории восстания декабристов. За заслуги в области культуры и многолетнюю добросовестную работу в архивных учреждениях награждена орденом «Знак Почета», ей присвоены звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», «Почетный архивист»; награждена медалями «Ветеран труда» и «В память 850-летия Москвы»; неоднократно награждалась почетными грамотами Росархива.

Я пришла на работу в ЦГИАМ в декабре 1956 г. Кто не мечтал попасть в этот архив, где хранились уникальные документы, в том числе материалы о декабристах! В МГИАИ я прослушала спецкурс бывшего директора этого архива профессора В. В. Максакова об истории создания архива и хранящихся в нем документах, а по кафедре истории и организации архивного дела писала работу о декабристе М. П. Бестужеве-Рюмине по

Воспоминания о работе в ЦГИАМ и ЦГАОР СССР

Январь 2010 г.

Я пришла на работу в ЦГИАМ в декабре 1956 г. Кто не мечтал попасть в этот архив, где хранились уникальные документы, в том числе материалы о декабристах! В МГИАИ я прослушала спецкурс бывшего директора этого архива профессора В. В. Максакова об истории создания архива и хранящихся в нем документах, а по кафедре истории и организации архивного дела писала работу о декабристе М. П. Бестужеве-Рюмине по

его следственному делу, опубликованному в только что вышедшем томе «Восстание декабристов» (Т. IX. М., 1950), знаменовавшем возобновление этой серии после длительного перерыва.

...Однако будни архива и первые шаги практической деятельности в архиве оказались не такими радужными. Мне пришлось работать в плохо освещенном и довольно холодном хранилище, расположенном в 10 подъезде на первом этаже. В этом подъезде в основном и размещался ЦГИАМ, кроме хранилища личных фондов, находившегося в здании ЦГАДА на первом этаже под аркой. Штат ЦГИАМ в то время насчитывал немногим более сорока человек, работавших в отделе публикации документов, отделах при двух хранилищах — государственных учреждений царской России и личных фондов, спецотделе, читальном зале, канцелярии и машбюро и библиотеке. Мне запомнилась работавшая в то время в хранилище государственных учреждений изможденная на вид женщина — технический сотрудник А. А. Пожарская, прошедшая вместе с архивными материалами эвакуацию, работавшая за троих, так как приходилось выдавать дела как в читальный зал, так и сотрудникам архива. Отдел возглавлял опытный архивист и ученый Т. Г. Снытко, впоследствии перешедший в Институт славяноведения и балканистики и защитивший там диссертации — сначала кандидатскую, а затем докторскую. В отделе работали опытные сотрудники А. В. Добровская и А. Л. Смоляк, в личных фондах В. А. Рогова (затем возглавившая отдел после ухода из архива Снытко) и Р. Я. Бусс-Брейгер, в отделе спецфондов под руководством капитана Ф. К. Лимонова работали В. М. Киреева, К. Курашова, Е. В. Задорнова. В публикаторском отделе работали И. Ф. Шостак, Е. К. Барштейн и др. Архив возглавлял Е. И. Голубцов, а затем некоторое время перед слиянием ЦГИАМ с ЦГАОР СССР С. Т. Беляков. Пополнение архива произошло в 1957 г. в связи с увеличением справочной работы и расширением штатов, когда в архив пришло молодое пополнение во все его структурные части.

На первых порах работы в архиве мне пришлось разбирать непрофильные материалы, попавшие во время реэвакуации, определять их фондовую принадлежность и архив, куда они должны были отправляться, составлять временные описи, документы на отправку в другие архивы, увязывать в связки и упаковывать в ящики. Работа велась около полугода в полутемном помещении хранилища на первом этаже 10 подъезда. Первым наставником в этом новом для меня деле была старший научный сотрудник архива Капитолина Андреевна Белоусова.

Затем мне пришлось заниматься вместе с группой сотрудников разборкой и описанием так называемых «вещественных доказательств» народных (материалы, отобранные при обысках и арестах революционеров), проходивших по процессу «193-х», отложившихся в фонде Особого при-

сутствия Правительствующего Сената. Это была очень интересная работа, давшая много знаний, как исторических, так и архивных, которые мнегодились впоследствии.

...Следующим этапом в моей работе было участие в каталогизации Особого отдела Департамента полиции, которая началась в 1959 г. под руководством В. А. Роговой. Классификатор каталога разработал Т. Г. Снытко, который был автором многих методических пособий в архиве. При выполнении этой работы приходилось составлять карточки на документы дела, описывая на карточку группу документов по одному вопросу, либо описывать один документ или целиком дело. Это была сложная работа, притом нормированная. Но эта работа до сих пор востребована, и каталогом и сейчас пользуются исследователи.

В 1961 г. меня перевели в отдел публикации, где мне пришлось на первых порах заниматься вспомогательной работой над завершающим томом серии «Рабочее движение в России в XIX в.». Серия выходила под редакцией академика А. М. Панкратовой, а после ее смерти редактором стал доктор исторических наук, заведующий сектором капитализма Института истории СССР Л. М. Иванов. Мне пришлось отвозить ему верстку последнего тома этой серии, и я могла видеть, как он тщательно и ответственно работал, просматривая не только предисловие, комментарии, но и авторские заголовки в течение вечера, и утром возвращал верстку с правками. Том вышел, когда ЦГИАМ вошел в состав ЦГАОР СССР.

В архиве, как и во всех учреждениях страны, шла комсомольская и партийная работа, велась интересная культурно-массовая и спортивная работа: посещение катка в Малых Лужниках один раз в месяц за счет обеденного перерыва зимой, соревнования в пинг-понг в закрытом помещении архива, а летом физкультурные паузы — игра в волейбол на архивном дворе или просто отдых на лавочках в озелененном дворе, посещение в Лужниках выступления венского балета на льду, мероприятия в клубе МВД и др. В архиве группа сотрудников пыталась заниматься конным спортом, ходили в туристические походы по Подмоскovie. Посещали музеи, в частности музей-заповедник Коломенское. В конце 1950-х гг. через горком профсоюза стали возможны коллективные туристические поездки за рубеж, в основном в страны народной демократии. Я одной из первых в архиве побывала в ГДР, Польше, а позднее в Румынии, Венгрии и Чехословакии.

Комсомольцы приняли участие в мероприятиях Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве летом 1957 г., ходили на демонстрации, субботники, посещали политзанятия, участвовали в качестве агитаторов в избирательных кампаниях, в выставке документов на заводе «Красный факел» (бывший Гужон). Бывали и бурные комсо-

мольские собрания, повод для которых сейчас кажется несколько комичным. Так, сотрудник спецотдела, очень добродушный и уравновешенный А. Голодко, нечаянно после бани, где он выпил пива, на эскалаторе в метро толкнул склочного гражданина, который обратился в милицию, и об этом пришло сообщение в архив.

В архиве устраивались вечера под праздники, была организована встреча со старыми революционерами Антоновым-Саратовским и Медведевым (Кудриным), и все это стараниями председателя профкома архива Л. М. Шалагиновой. Устраивались интересные вечера в Главархиве, так называемые «капустники», с легкой критикой начальства, тексты для которых писал известный в будущем журналист и телеведущий, а тогда сотрудник Главархива И. С. Фесуненко.

Но, конечно, самым знаменательным и запоминающимся событием 1960-х гг. был полет в космос Ю. А. Гагарина. День его проезда по трассе на Красную площадь превратился во всенародный праздник. Нас отпустили с работы после объявления об этом по радио. Но увидеть героя было не так просто, так как часть пути его проходила по Ленинскому проспекту, пересечь который мне было надо, чтобы попасть в Черемушки, где я тогда жила, вдоль же проспекта стояла стена людей в несколько рядов, некоторые даже висели на электрических столбах, так что мои попытки втесаться в толпу, увы, не увенчались успехом. Летом 1961 г. нас уже организованно группой от архива отправили встречать второго космонавта Г. С. Титова, и его во время следования в открытой машине можно было хорошо видеть.

В конце 1962 г. произошла реорганизация архива, он был соединен с ЦГАОР СССР, из которого выделился ЦГАНХ СССР. Сотрудники отдела публикации влились в новый более значительный коллектив той же структуры ЦГАОР, но сохраняли свою специализацию, продолжая работать по материалам дореволюционных фондов. В отделе публикации ЦГАОР в это время работали А. И. Леликова, П. П. Ковалев, А. М. Козочкина, Л. И. Завалищенко, И. Н. Владимирцев, Ю. П. Дзагурова, затем А. С. Северина, Н. В. Михайлова, которая в 1980-е гг. возглавила отдел использования архива. Начальниками отдела сначала были не архивисты, а партийные работники — Л. Ф. Морозов, затем А. П. Куропатов и, наконец, знающий историк-архивист И. Н. Владимирцев. Эти сотрудники работали в 1960-е гг. над подготовкой сборников по истории советского общества — это серийные издания по истории электрификации СССР, советского здравоохранения (вышло три тома), а также однотомниками — «Научная организация труда, производства и управления», «За антифашистскую демократическую Германию», «Образование СССР» и «Братское содружество народов СССР» и другими сборниками совместно с Институтом истории, ИМЛ, Академией общест-

венных наук при ЦК КПСС, соответствующими профильными учреждениями и другими архивами, как центральными — ЦГАСА (сборники по истории пограничных войск в СССР), ЦГАНХ (сборники по истории коллективизации и индустриализации), так и местными. Значительное место в работе отдела публикации занимала тематика о национально-государственном строительстве и образовании СССР, сюда можно отнести и научно-популярные сборники «Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана» и «Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917–1936 гг.)», составители которых, Н. В. Михайлова, Ю. П. Дзагурова и А. С. Северина, на практике осуществляли идею дирекции архива о превращении ЦГАОР в научно-методический центр для местных архивов его профиля. Они осуществляли методическое руководство выявлением документов для этих сборников, которое велось в ряде республиканских архивов, подключенных к этой работе.

Мне приходилось участвовать в выявлении документов по отдельным томам по истории рабочего и крестьянского движения начала XX в., издаваемым ЦГИА СССР (бывшим ЦГИАЛ), и для одного из томов серии «Внешняя политика России в XIX — начале XX вв.», а также в подготовке сборника «Рабочее движение в России. 1911–1914 гг.», который должен был издавать ЦГАОР, но в связи со смертью редактора Л. М. Иванова работа над ним была прекращена.

Особенно интересной, запоминающейся и длительной была работа над тремя темами: народничество, история декабристов и лениниана.

В начале 1960-х гг. в ЦГАОР поступило предложение из Института истории СССР о написании обзоров для двух сборников: «Революционное народничество 70-х годов XIX века» (том 1) и «Революционное народничество 80-х годов XIX века» (том 2). За эту работу мы взялись с В. П. Кармалиной. Работа была внеплановой, приходилось оставаться после работы, просматривая массу дел, как из фондов государственных учреждений, так и из личных фондов архива. Обзор должен был расширить рамки документального сборника, показать весь объем документальных материалов по теме, хранящихся в ЦГАОР, для первого тома, а также обзоры по теме по материалам, хранящимся в других архивах (ЦГВИА, ЦГИА в Ленинграде, ЦГАЛИ), были написаны для второго тома. Значительные трудности были связаны с выработкой схемы систематизации документов, так как надо было строить обзор по тематическому принципу и при этом дать характеристику государственных учреждений, в фондах которых отложились документы по теме.

В это время в читальном зале ЦГАОР занималось несколько исследователей по народнической тематике, с которыми мы пытались проконсультироваться.

Среди них особенно яркой, запоминающейся личностью была занимавшаяся с большим увлечением биографией С. М. Кравчинского сотрудница Института мировой литературы им. Горького Е. А. Таратута, разыскавшая в Америке Э. Л. Войнич — автора романа «Овод», знавшую Кравчинского. Я с ней впоследствии поддерживала отношения и указала на неизвестную ей любительскую фотографию С. Кравчинского, относящуюся к последнему году его жизни, хранившуюся в фонде П. А. Кропоткина. Е. А. поместила ее среди других фотографий в статье «Жизнь революционера» в журнале «Огонек» № 30 за июль 1973 г. со ссылкой на меня, а позднее подарила изданную в том же году свою книгу — «С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель», написанную очень ярко, эмоционально и с использованием максимального количества источников, как архивных, так и печатных.

...Редактор первого тома «Революционного народничества 70-х годов XIX в.» Б. С. Итенберг в это время в Институте истории СССР возглавлял группу по изучению истории общественного движения в России в пореформенный период при секторе истории СССР периода капитализма и пригласил меня посещать ее заседания. В группе с содержательными проблемными докладами выступали известные историки, как из сектора капитализма (Э. С. Виленская, В. А. Твардовская и др.), так и из других научных учреждений и городов (С. С. Волк (ЛОИИ), С. Л. Эвенчик (МГИП им. Ленина), П. С. Ткаченко (МГУ), Р. В. Филиппов (Петрозаводск, Государственный университет Карело-Финской АССР) и многие другие). Из архивистов группу посещали Е. К. Жигунов (ЦГАЛИ), Г. М. Лифшиц и я (ЦГАОР). Лифшиц выступал с докладами о двух съездах народников — Московском и Петербургском (1875 г.). Жигунов сделал обзор материалов ЦГАЛИ по общественному движению. Я выступала на группе в 1964 г. с докладом по совместной с Лифшицем статье о новых архивных материалах по истории «Земли и Воли», позволяющих уточнить дату ее возникновения и ее программу в первой редакции (статья была опубликована в журнале «Вопросы истории»: 1965. № 9), и сообщением об авторстве и истории создания опубликованного в 1 томе «Революционного народничества 70-х годов» (М.: Наука, 1964) «Очерка истории кружка “чайковцев”» (см.: История СССР. 1965. № 4; 1968. № 5).

После выхода двух томов с документами о революционном народничестве 1870-х и 1880-х гг. Б. С. Итенберг предложил подготовить сборник «П. Л. Лавров и революционное движение в России», в основном по материалам фонда самого Лаврова, хранящегося в ЦГАОР. В течение нескольких лет велась работа над сложнейшими рукописными документами, составлялись комментарии, но работу не удалось полностью завершить и продвинуть для издания. Позднее Ленинградским отделени-

ем Института истории также был предложен сборник «Воспоминания и письма революционеров 70–80 гг.» в 2 томах, над которым работали В. П. Козлов и я, но он не был издан, и сейчас над ним возобновляется работа, но в другом аспекте подбора документов и других хронологических рамках, а также под другим названием, но с использованием уже имеющихся наработок.

Постоянным посетителем рабочей комнаты архива в 10 подъезде на третьем этаже в 1960-е гг. был профессор МГУ П. А. Зайончковский, который при строгом пропускном режиме имел право входить в архив с портфелем. Он активно прорабатывал архивные материалы для своих монографий, водил в архив студентов и рассказывал им о подобранных по его указанию документах. Тогда же в архиве по его инициативе началась работа по подготовке к изданию «Дневника государственного секретаря А. А. Половцова». Над трудно читаемым текстом дневника работали сотрудница Института истории М. Г. Вандалковская (теперь доктор исторических наук) и сотрудник ЦГАОР Г. М. Лифшиц. Комментарии и введение составил П. А. Зайончковский. Когда работа над изданием была завершена, необходимо было провести его через Ученый совет для получения рекомендации на его издание, что в Институте истории АН СССР в Москве было очень сложно сделать из-за перегрузки ожидавших своей очереди подготовленных работ. Тогда П. А. Зайончковский решил это сделать через Ленинградское отделение Института истории. В связи с возникшими обстоятельствами подготовители «Дневника» не могли поехать в Ленинград, чтобы отвезти две увесистые папки с машинописными копиями труда для передачи рецензентам. Тогда выбор пал на меня, П. А. организовал мне командировку, кроме этого мне дали задание посетить несколько архивов в Ленинграде в связи с плановой работой. В Ленинграде я познакомилась со многими учеными ЛОИИ — прежде всего с рецензентом Р. Ш. Ганелиным, который меня всячески опекал и, в свою очередь, познакомил с Ш. М. Левиным и старейшим публикатором документов и археографом С. С. Валком, с сотрудниками ЛОИИ С. С. Волком и В. Н. Гиневым я была знакома как с составителями сборника «Революционное народничество 80-х годов». С. С. Валк уделил мне внимание и рассказал о фонде П. Л. Лаврова, который был привезен его дочерью М. П. Негрескул и хранился сначала в Ленинграде, прежде чем попасть в ЦГИАМ–ЦГАОР. Я намеревалась также показать Валку рукопись совместной с Лифшицем статьи «Как создавалась программа второй “Земли и Воли”», расходившейся с его видением по этому вопросу, но меня тогда отговорили от этого шага. Однако при подготовке сборника «Революционное народничество 80-х годов», где опубликована была вторично программа «Земли и Воли», в комментарии была изложена

наша точка зрения на время ее создания, а так как в редколлегию входил С. С. Валк, то, следовательно, он согласился с этим фактом.

Мне пришлось присутствовать на заседании Ученого совета ЛОИИ в мае 1964 г., так как после защиты диссертаций должен был рассматриваться вопрос об издании «Дневника». Во время защиты Г. Л. Соболевым диссертации «Ленинградские ученые в годы блокады» произошел неординарный случай: из зала поднялась пожилая женщина и выступила в неакадемических выражениях против диссертанта, так что пришлось снова повторить процедуру защиты. К моменту рассмотрения Ученым советом «Дневника» подъехал из Москвы П. А. Зайончковский и лично представил эту публикацию Ученому совету, который рекомендовал ее к печати. Я должна была получить выписку из протокола заседания с рекомендацией «Дневника» к печати и с папками возвратиться в Москву. «Дневник» был издан в 1966 г. Во время командировки я посетила рукописный отдел Музея революции, ЦГИМ, ЦГА ВМФ, ЛГАОРСС, для выявления документов для задуманного заместителем директора ЦГАОР, кандидатом юридических наук В. П. Портновым сборника «Строительство советского государственного аппарата» совместно с Институтом государства и права, работа над которым так и не была осуществлена при отсутствии квалифицированного руководства.

В 1969 г. вышел в свет XII том «Восстания декабристов». В связи с приближением 150-летнего юбилея со дня восстания на Сенатской площади встал вопрос о подготовке очередного тома. Эту работу поручили мне, так как составитель XII тома Г. М. Лифшиц ушел к тому времени из архива. В помощь была выделена сотрудница архива Л. С. Чурсина-Новоселова, которая постоянно держала связь с академиком М. В. Нечкиной, а затем с издательством «Наука». Юбилей приближался, и надо было форсировать работу. В дневниках академика М. В. Нечкиной имеется ряд записей, связанных с подготовкой этого тома: «17 апреля 1974 г. состоялось заседание группы по декабристам (пока в составе: я, Клара Георгиевна Ляшенко, Лидочка Чурсина, Р. Эймонтова) — обсудили: 1) XIII том “ВД” (готовый), наметили небольшие доделки. 2) план томов XIV и XV, завершающие издание (в первой серии). 3) рекомендовали к печати том XIII, наметили рецензентов: 1) Станиславскую (внутренний), 2) Вержбицкий (внешний рецензент). Договорились о плане дальнейшей работы... С 29 марта по 5 апреля включительно с утра до ночи, по многу часов в день работала над XIII томом “ВД”, содержащим конец дел ЮО и конец дел (14) ОСС. Перенумеровала и прочла крупнейший том — свыше 1 000 стр. Сделала замечания по тексту — 4 стр. Предисловие заняло 50 стр. [...] 27 июня 1974 г., четверг. На Ученом совете (Бескровного) утвердили к печати XIII том “ВД” (конец дел ЮО (6 дел) и ОСС (14 дел)). Докладывала я. 31 июля сдан в издательство XIII том

“Восстания декабристов” (конец Южного общества и Общества соединенных славян (все)). Сдан с превышением листажа (упросила!). Более 40 листов, так 43, записано 40 $\frac{1}{2}$ п. л. Сдавала Лидочка, там же была Женя Рудницкая, она очень помогла (а то с превышением не хотели брать). В июле — начале августа 1974 г. препятствие к сдаче тома “ВД” — он не был включен в план “Науки”. Веду хлопоты по включению в план “Науки”, переговоры с Лихтенштейном, письмо Федосееву. Удалось добиться 40 п. л.» (Вопросы истории. 2006. № 4. С. 131).

К следующим томам «Восстания декабристов» были подключены сотрудники Института истории А. В. Семенова, С. А. Селиванова, к. и. н. С. В. Мироненко и перешедший на полставки в Институт истории профессор МГУ д. и. н. В. А. Федоров. Мне довелось принять некоторое участие в томе XIV, а также готовить тома XVIII и XIX. 150-летие восстания декабристов исключительно невероятными усилиями академика Нечкиной и ее сподвижников было широко отмечено. В Доме ученых 23–24 декабря 1965 г. состоялась конференция, открывшаяся блестящим докладом академика М. В. Нечкиной, в течение двух дней проходили секционные заседания. К юбилею был также подготовлен декабристский том 96 «Исторических записок», издана монография М. В. Нечкиной «День 14 декабря 1825 года».

У нас в архиве дирекция предложила мне организовать небольшую конференцию, посвященную этому юбилею. Я обратилась к профессору МГУ В. А. Федорову, любезно согласившемуся выступить в архиве, пришлось выступать с сообщением и мне, принял участие в конференции Н. С. Зелов, рассказавший о сложной истории подготовки к печати «Русской Правды» Пестеля. По просьбе ученого секретаря ЦПА ИМЛ я выступила о движении декабристов перед комсомольцами архива, мне очень помог набор фотокопий документов, подготовленный отделом использования Главархива для рассылки в местные архивы по этой теме. Кроме того, я подготовила две публикации для журнала «Советские архивы» и сообщение о листовках РСДРП о восстании декабристов для журнала «Вопросы истории». В своей статье «150-летний юбилей восстания декабристов» М. В. Нечкина обратила внимание на это известное ей по рукописи сообщение: «Особо интересна еще почти не исследованная тема о декабристах в прокламационной литературе русской революционной социал-демократии», — при этом ссылаясь на мое сообщение (Исторические записки. 1965. Т. 96. С. 14–15, 26).

Мне довелось также работать над подготовкой XVIII тома «Восстания декабристов» в тесном контакте с группой М. В. Нечкиной. Вот что она записала в своем дневнике: «2 декабря 1980 г., вторник. У меня дома (по случаю ноги!) состоялось заседание группы с отчетом Кл. Г. Ляшенко. Очень хорошо» (Вопросы истории. 2006. № 7. С. 130).

Том открывал публикацию следственных дел декабристов, не судимых Верховным уголовным судом, в данный том были включены дела членов Северного общества, некоторым из которых отводилась определенная роль в проведении восстания. Том вышел в 1984 г. В его подготовке были и технические трудности, связанные с установлением лимита на авторскую правку текста, а случилось так, что у второго составителя тома С. А. Селивановой оказался не набран небольшой кусок текста, который исчерпал весь лимит правки. Хорошо, что по этому тому были предусмотрены некоторые оплачиваемые виды работ, из чего и произвели вычеты за сверхнормативную правку. Во время подготовки, а затем выхода тома ко мне обращались потомки декабриста А. Буланова (правда, он был потомок его брата), офицер из Рязани, который попросил у меня машинописную копию дела, и потомок декабриста Д. А. Искрицкого — Е. А. Искрицкий, который выразил сомнение по поводу того, кто первый назвал имя Искрицкого на следствии. Пришлось давать ему подробную справку, которую он привел в своей статье. Обращался ко мне известный криминалист-практик Л. П. Рассказов, который интересовался перепиской архива по поводу прочтения густо зачеркнутых частей текста в показаниях декабристов (в основном революционных стихов А. С. Пушкина и Бестужева), но я не смогла найти этой переписки и представила ему ксерокопии с листов с вымаранными стихами и восстановленные тексты (это ему нужно было для организующегося музея МВД).

Далее велась работа над XIX томом «Восстания декабристов», куда были включены дела 32 членов Южного общества и Общества соединенных славян, не преданных Верховному уголовному суду. Как в XVIII, так и в XIX томах были трудности при отборе дел для включения в том. Том был подготовлен еще при жизни М. В. Нечкиной. Вот ее запись в дневнике: «4 июля 1984 г. работала над 19 томом ВД (с Кларой Георгиевной, она — автор предисловия). Читали вместе ее предисловие. Я сделала небольшие попутные поправки. Предисловие отличное: носит (как и у меня) исследовательский характер. Ушло 2 дня! 4 июля 1984 г. “Тетрадь Милорадовича”. С Кларой Георгиевной — о “тетради со стихами Пушкина” — сообщила ей все планы работы для поисков в архивах пушкинской тетради революционных стихов. Я развила свою позицию» (Вопросы истории. 2006. № 8. С. 134).

Этот том был издан с некоторыми добавлениями после смерти Нечкиной под редакцией доктора исторических наук, директора ГА РФ С. В. Мироненко. Я до сих пор жалею, что в том не были включены дела Врангеля и Паскевича, хотя они и отрицали свою вину. (В литературе по этому вопросу имеются разные мнения.) Том вышел с браком по вине издательства — в формулярном списке С. П. Юшневского не была напечата-

на часть текста. Пришлось добиваться, чтобы была признана опечатка и в том сделан вкладыш с недостающим текстом.

С 1966 г. меня выделили от архива для участия в начатой в ЦПА ИМЛ подготовке многотомной переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с социал-демократическими организациями в России. Над первым трехтомником «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900–1903 гг.» вели работу высококвалифицированные сотрудники ЦПА ИМЛ — заведующий ленинской секцией, к. и. н. В. Н. Степанов и начальник отдела использования З. Н. Тихонова. Мне предстояло выявление в ЦГАОР перлюстрированных писем искровцев и наведение биографических справок о лицах, упоминаемых в документах, по материалам Департамента полиции. Издание вышло в свет в 1969–1970 гг. Затем была начата подготовка трехтомника «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903–1905 гг.», завершившаяся изданием в 1977 г. В этом издании мне пришлось работать над написанием комментариев, участвовать в составлении именного развернутого указателя, для чего приходилось просматривать не только материалы Департамента полиции, но и личные дела фонда персональных пенсионеров в ЦГА РСФСР. В этом издании, кроме вышеуказанных лиц, активное участие принимала опытный археограф, подготовитель пофондового издания «Петроградский военно-революционный комитет», научный сотрудник Института истории СССР Е. Д. Орехова. Тут же началась подготовка пятитомника «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905–1907 гг.», но последний том этого издания не был издан, хотя и сдан в издательство и там отработан в 1989 г., из-за начавшейся перестройки. С современной точки зрения, издание, конечно, носило односторонний характер, оно освещало лишь одно течение в русской социал-демократии, тем не менее мне эта работа позволила ознакомиться со своеобразием конспиративной партийной переписки, дала много в плане археографии. Особенности приемов археографической подготовки этого издания была посвящена статья, сообщения, рецензия (см.: Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 14–33; Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов: Межвузовский сборник статей. М., 1988; Советские архивы. 1978. № 6).

...В связи с занятием архива ленинианой в архив в 1970 г. обратилось Пермское телевидение для написания сценария передачи, посвященной созданию ленинской газеты «Искра». Над ним работали я, Ю. П. Дзагурова и Н. В. Михайлова, сценарий представлял собой хронологический подбор цитат из воспоминаний соратников Ленина.

В той же связи пришлось мне заниматься по заданию дирекции установлением авторства рукописи под условным названием «Народничество и марксизм», обнаруженной в одном из фондов архива (Ф. 1167. Оп. 1. Д. 4071) исследователем, бездоказательно объявившим ее автором В. И. Ленина. В рукописи неоднократно встречалась в авторских пояснениях пометка «П. Л.». С помощью «Словаря псевдонимов» И. Ф. Мясанова я остановилась на расшифровке «П. Л.» как «П. Ларионов». Этот псевдоним принадлежал социал-демократу, большевику, члену, затем секретарю Московского комитета РСДРП, участнику декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве, литератору, а затем историку С. И. Черномордику. Я также изучила материалы ЦГАОР, где были его документы, в том числе автографы, взятые при его аресте в 1907 г. Они вместе с рукописью были отданы на экспертизу в лабораторию судебной экспертизы при Министерстве юстиции. Экспертиза подтвердила идентичность почерка С. И. Черномордика и автора рукописи. Одновременно журналист Г. Хаит, занимавшийся ленинской тематикой, нашел точное название этой рукописи и указание на ее автора С. Черномордика в анонсе одного из партийных изданий.

По поручению директора Н. Р. Прокопенко мне приходилось часто писать рецензии на публикации для журнала «Советские архивы».

Мне пришлось также участвовать в ряде интересных внеплановых изданий в связи с обращением в архив их инициаторов. Такой работой была подготовка нескольких писем из фонда А. Ф. Кони для 8 тома собрания сочинений А. Ф. Кони (М.: Юридическая литература, 1969). Головной организацией был Институт мировой литературы (Пушкинский дом). Комментирование писем потребовало большой работы не только над документами, но в основном над прессой, газетами, журналами. Особенно над изучением «Журнала Министерства юстиции».

Мне также пришлось участвовать в тургеневских томах «Литературного наследства» И. С. Зильберштейна. Для тома 73 (2) (1974 г.) я предоставила письма П. Л. Лаврова И. С. Тургеневу, а для тома 76 (1976 г.) найденную в архиве статью П. Л. Лаврова о романе «Новь» (в соавторстве с А. Л. Смоляк), а также подборку «Тургенев в материалах перлюстраций III отделения и Департамента полиции» (совместно с С. С. Волком).

...Кроме публикаторской работы мне в течение 20 лет приходилось вести практику студентов МГИАИ, как дневную, так и вечернюю, а также несколько раз быть ответственной за проведение дневной практики. В то время практике уделялось большое внимание. Вводное и итоговое занятие проходило с участием директора архива С. Т. Плешакова, а затем этим систематически занимался Б. И. Каптелов, они знакомили студентов с работой архива, историей архива. Студентов подключали к темам отдела публикации. Они готовили небольшую публикацию, снаб-

жая ее необходимым научно-справочным аппаратом. Практика проводилась чаще всего по материалам фонда ССОД: это советско-польские, советско-болгарские, советско-чехословацкие, советско-кубинские отношения. Несколько раз практикантам давались дела декабристов небольшого объема, они занимались по темам: рабочее движение в России (Ф. Департамента полиции), Гражданская война на Дальнем Востоке, цензура в СССР (Ф. Главлита), радиожурналистика (Ф. Радиокомитета) (по предложению Т. М. Горяевой), по документам Еврейского антифашистского комитета. Практикантов систематически посещали преподаватели МГИАИ, особенно В. В. Крылов. Я принимала участие в составлении двух учебных пособий для студентов МГИАИ «Советская археография в период развитого социализма. 1960–1980 гг.» в соавторстве с преподавателями института П. П. Ковалевым и В. Е. Корнеевым. В 1970 г. попытка приобщить к археографической практике студентов МГУ была предпринята доцентом МГУ, в прошлом сотрудником Главархива В. А. Вдовиным. Мне пришлось ознакомить их с «Правилами издания исторических документов», а затем для работы им были даны письма из фонда А. Ф. Кони, но так как на практику было отведено мало времени и к тому же это время пришлось на канун зимней сессии, то завершить ее не удалось.

Кроме производственной работы я была вовлечена в общественную работу: с 1965 по 1968 г. я входила в редколлегию стенной газеты, одно время была заместителем редактора, с 1968 г. по 1974 г. была членом профкома, а затем заместителем председателя (председателями были А. И. Цветков, затем Б. М. Садовников), исполняла функции профгруппорга в отделе публикации с 1977 по 1986 г., я также входила в группу народного контроля. Большое внимание тогда уделялось организации соцсоревнования. Неоднократно была заместителем председателя окружной избирательной комиссии и агитатором. В ЦГАОР также активно проводилась культурно-массовая работа: особенно запомнились пароходная поездка по есенинским местам, поездка во Владимир и Суздаль с их замечательными древними памятниками (в Суздале тогда снимался по А. С. Пушкину фильм «Метель» с актрисой Титовой), участие в просмотре внеконкурсных фильмов Международного кинофестиваля в Лужниках, на которые архивом закупались абонементы. Я участвовала в незабываемой встрече-митинге с космонавтами В. В. Терешковой и В. Ф. Быковским в 1963 г. на Красной площади, их представлял и выступил с речью Н. С. Хрущев, в 1969 г. была встреча во Дворце съездов с космонавтами В. А. Шаталовым, А. С. Елисеевым, Б. В. Волиновым.

Итак, я проработала в ЦГИАМ и ЦГАОР по адресу Б. Пироговская, 17, почти 53 года и никогда не пожалела об избранной профессии.

3. И. Перегудова

Перегудова Зинаида Ивановна

(р. 21.04.1934). Историк. В 1957 г. окончила исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (кафедра южных и западных славян). В 1957–1961 гг. работала в группе научно-справочного аппарата ЦГИАМ, в 1961–1969 гг. научный сотрудник отдела использования, заместитель начальника отдела спецфондов ЦГАОР СССР, с 1969 г. руководитель отдела документов ГАФ СССР по истории революционного и общественного движения XIX — нач. XX в. (с 1992 г. — отдел хранения документов по истории Российской империи). С 1996 г. ведущий специалист отдела хранения документов по истории России XIX — нач. XX в. Доктор исторических наук, автор целого ряда монографий и многочисленных статей и публикаций (более 180 работ). Награждена медалями «Ветеран труда» и «В память 850-летия Москвы»; за многолетний добросовестный труд в архивных учреждениях присвоены почетные звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» и «Почетный архивист»; неоднократно награждалась почетными грамотами Главархива СССР и Росархива. Автор работ: «Политический сыск России (1880–1917 гг.)», «Несостоявшаяся реформа полиции (по материалам Комиссии сенатора А. А. Макарова). Из опыта русской полиции 1882–1916 гг.», «Строго законспирированы», «Жандармы России» (М., 2002); «Государственная безопасность России: история и современность» (М., 2004). Ею подготовлены к публикации книги: Охранка. Воспоминания представителей политического сыска. М., 2004; Глобачев К. И. Правда о русской революции. М., 2009. В соавторстве подготовлены к публикации: Дневники императора Николая II. М., 1991; Джунковский В. М. Воспоминания. М., 1994; Тайна убийства Столыпина и др.

Полвека в архиве

Январь 2010 г.

На память приходит притча, которую мне рассказывала моя свекровь Нина Ильинична: «Родился ребенок. Он лежит в постельке, а время ползет. Он стал ползать, а время идет. Он уже большой и идет, а время

бежит. Проходят годы, старость сидит, а время летит». Но удивительно то, что время сейчас летит для всех: для молодых, пожилых и очень пожилых людей.

Наверное, наступил такой период, когда стоит немного обернуться назад, вспомнить прошлое и тех близких людей и друзей, с которыми прошли детство и юность, годы взросления и возмужания и годы зрелости.

Как рано помнит себя человек, с какого возраста, с каких лет, а может быть, месяцев?! Мне часто снится один и тот же сон — Замоскворечье и мой родной дом. Я до сих пор помню день приезда в Москву. Это было осенью 1934 г. Мне всего несколько месяцев. Я в распашонке, пеленка разболталась, и одна ножка выглядывает из пеленки, ей прохладно. Я на руках у сестры Шуры, ей тяжело и неудобно, так как ей самой только восемь лет. С нами еще какая-то девочка. Мы стоим перед закрытой дверью квартиры и звоним. Это мне никто не рассказывал. Это мои ощущения, это я чувствую. Картина эта постоянно повторяется, когда я вспоминаю свои первые московские впечатления, я просто вижу подобную картину. В этом доме я прожила до 1979 года.

В детстве многие из моего поколения мечтали быть учителями, врачами, артистами. В годы взросления уже появлялись другие интересы и склонности: порой реальные, а порой совершенно невыполнимые. В старших классах мы практически уже определились. Мои одноклассницы Лена Амеличева и Валя Карасева — наши лучшие математики, предполагали связать свою жизнь с точными науками; Шура Гафурова — наш бессменный староста и казначей, хотела быть экономистом; Вероника Иванова — писала стихи, и всем казалось, что она будет поэтессой; Наташа Зайцева — художник по призванию, предполагала быть оформителем. Я хотела быть историком. Любовь к истории мне привили три человека. Во-первых, это мой папа, Иван Матвеевич Котихин, он очень любил историю, много читал, увлекался Киевской Русью и собирал книги по истории. Еще в 1920-е гг. он окончил рабфак, может быть, хотел учиться дальше, но жизнь была тяжелой, семья, брат и сестра, которым надо помогать. В последние годы он работал мастером в «Мосжилстрое», обучал ремеслу и воспитывал молодежь. А история навсегда осталась его «хобби». Совсем малышкой он водил меня и детей нашего двора в Исторический музей, благо мы жили недалеко, на Большой Полянке. До музея было всего несколько трамвайных остановок. Из того времени мне запомнились битые черепки, глиняные горшочки, кострища, жизнь первобытных людей.

В школе № 559, в которой я училась и которая находилась во 2-м Казацьем переулке, был очень хороший состав преподавателей. С 5-го по 7-й класс историю «вела» Мария Владимировна. Она всегда была подтянута, аккуратна, одета со вкусом, с красивой прической, с прядью се-

дых волос. Голову держала высоко, белые крахмальные воротнички или кружевные бантики, приколотые брошью: все строго, красиво, элегантно. Мы любовались ею, любили ее и ее предмет. Хотелось очень быть на нее похожей. У нее был прекрасный язык. В старших классах была Дина Моисеевна. Она не обладала столь интересной внешностью, как Мария Владимировна. Высокая, статная, немного полноватая, с седой косой вокруг головы, лицо было приятное, портила впечатление косина одного глаза. Но она производила неотразимое впечатление, когда начинала говорить. Язык ее порой был грубоватый, но очень образный, сочный, у меня всегда перед глазами возникали картины того, о чем она говорила, а ее громкий, твердый, уверенный голос до сих пор звучит в моих ушах.

Эти три человека помогли мне избрать профессию, профессию историка.

В 1952 г. я стала студенткой исторического факультета МГУ, кафедры истории южных и западных славян. После окончания университета в дипломе у меня осталась запись: «историк, преподаватель средней школы».

Три человека из нашего выпуска, В. Крылов, Л. Нечина и я, получили распределение в РОНО Костромской области. Это было в мае 1957 г. Я не держалась за Москву. К этому времени папа второй раз женился. (Мама умерла в июне 1952 г., в дни моего выпуска из школы.) Его жена мне нравилась. Они были еще не старые люди, и мне казалось, что надо уехать, чтобы они строили свою жизнь без меня.

Первым поехал в Кострому Крылов и вскоре приехал разочарованным. Костромская область не нуждалась в учителях-историках. Их было достаточно и без нас. Нужны были преподаватели географии, биологии, немецкого языка. Мы с Лилей написали письмо в РОНО и получили ответ, что они не могут нам предоставить место по специальности. Это значило, что нам необходимо новое распределение. Все пути вели в Министерство высшего образования. Оставив заявление с просьбой о перераспределении, мы, успокоенные беседой, ушли, но через несколько дней получили ответ, что министерство не может нам предоставить место и дает право на свободное распределение, т. е. «разрешает» искать работу самим. Для Лили это впоследствии сыграло трагическую роль: без связей, без поддержки, без семьи, она оказалась в тяжелом положении. Лиля была сиротой, ее младшая сестра жила в загородной школе-интернате. Директор школы взял Лилию в школу в качестве преподавателя биологии. Способный и талантливый человек, она вынуждена была переквалифицироваться. Практически ежедневные поездки в школу, вечером возвращение в Москву, домой, невозможность применить свои знания, полученные в университете. Невозможно было и реализовать склонность к научной работе. Нелюбимая работа — начались стрессы, и пять лет спустя после окончания университета она нашла единственный для себя выход — покончить с собой.

Что касается меня, то весь июнь, июль, август я искала работу: ходила по институтам, библиотекам, школам, редакциям. Искали для меня работу мои родственники, друзья, соседи. Даже пыталась устроиться в Госплан. В связи с предстоящей переписью населения набирался штат сотрудников.

В Фундаментальной библиотеке (теперь это Институт научной информации по общественным наукам), где также не было вакансий, у меня была продолжительная беседа с зав. кадрами. Она очень внимательно расспрашивала меня и об учебе, жизни, семье. А нашли мы общий язык, когда я сказала, что у нас вел семинарские занятия Виктор Иванович Шунков, чудесный человек, ученый, который долгие годы был директором Фундаментальной библиотеки. У него была сохранившаяся от прошлых времен методика подхода к студентам, когда занятия превращались в интересную беседу ученика и учителя, возникала масса вопросов, он учил студентов думать, размышлять, предлагать свои варианты ответов на них, с тем чтобы затем совместно их обсуждать.

Выяснив безвыходность моего положения, она предложила мне следующий вариант. У ее дочери, которая работала в НИИ труда, уходила сотрудница в декретный отпуск на три месяца. Как она объяснила, работа не сложная, я вполне с ней справлюсь. А за эти три месяца мне в Фундаментальной библиотеке, где бывают вакансии, она подберет место. Я сходила в НИИ труда. Это было не то, к чему я стремилась. Так как я несколько месяцев была без работы, такое состояние меня удручало, я готова была на любую работу, лишь бы работать. Начались новые переговоры, встречи, устройство, заполнение анкет. Настроение улучшилось, я как-то определилась. Немного было грустно, так как это было не то, о чем я мечтала, чем интересовалась (должность секретаря-диспетчера), но что поделаешь.

Забегая вперед, хочу рассказать о встрече, произошедшей несколько лет назад. К нам пришла сотрудница по направлению из Историко-архивного института, оформила документы. Направили ее работать в наш отдел, так как ее интересовали документы дооктябрьского периода. Вакансий в нашем отделе практически не бывает, так как из нашего отдела люди не уходят. И мне казалось, что ей выпал счастливый билет. Она попросила показать: в какой комнате будет работать, за каким столом, где будет сидеть. Осмотрев все это, она сказала, что условия работы ее не устраивают. Когда поступала я на работу, я готова была сидеть в любом углу, за любым столом, но только иметь работу. Условия меня совершенно не интересовали.

Но в НИИ труда я не попала. За несколько дней до выхода на работу раздался звонок от моей сокурсницы и приятельницы Ксении Хвостовой.

Ее папа Владимир Михайлович Хвостов, в то время, если мне не изменяет память, президент Академии просвещения (которая территориально находилась на Большой Полянке, практически напротив дома, где я жила), узнав, что я до сих пор так никуда и не устроилась, хочет переговорить с руководителем архивной службы Беловым Геннадием Александровичем по поводу моего трудоустройства.

Согласна ли я на работу в архиве, спросила меня Ксения.

«Какое может быть сомнение. Конечно, да».

«Тогда тебе будут звонить из Главного архивного управления, будь дома и никуда не уходи. Тебе назначат время для беседы». Только впоследствии я узнала, что Владимир Михайлович Хвостов помог не только мне. Внешне человек довольно суровый, не очень разговорчивый, требовательный и строгий, он помогал многим своим коллегам в экстремальных обстоятельствах, не боясь пойти куда надо, заступиться и защитить, хотя это могло окончиться плохо для него самого. Для меня же его звонок определил всю дальнейшую мою жизнь. Я не вижу себя в другом учреждении, в другом качестве. Хотя впоследствии было много предложений, более оплачиваемых, более престижных. Мне кажется, что в архиве я «нашла себя» и как историк, как исследователь. Но, к сожалению, при жизни Владимира Михайловича я не успела ему высказать слова благодарности.

Я была счастлива. Наконец-то работа, работа с документами.

Архивную практику, которая у нас была на 4-м курсе, я проходила в рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина. Руководителем практики от университета была преподаватель нашей кафедры Бася Менделевна Руколь. А в библиотеке нами руководила, если мне не изменяет память, В. Г. Зимина. Практика не была связана с чисто архивной работой: т. е. разборка и описание материала, составление описи и т. д. Во время практики я готовила к публикации письмо М. П. Погодина (председателя Московского славянского комитета): составляла комментарии, именной указатель и т. д. Это практически была единственная работа с первоисточником за годы учебы в университете. К сожалению, в период студенчества мне не удалось работать с архивными материалами. Моя первая курсовая работа, написанная на кафедре истории СССР и отмеченная в свое время как одна из лучших курсовых работ, называлась «Генеральный план реконструкции Москвы», она была написана по печатным изданиям, в основном газетам. Далее курсовая — «Общество Земля и Воля» — по сборникам и воспоминаниям. Дипломная работа «Борьба тесняков и общедельцев в социал-демократическом движении в Болгарии» — также по прессе и работам Д. Благоева, Сакъезова и других руководителей этих течений. Должна сказать, тема была чрезвычайно серьезная и, как мне сейчас кажется, очень трудная. Но она мне нравилась, работала я с боль-

шим удовольствием. Но в силу того, что ставилось много теоретических вопросов, в которых сложно было разобраться, я нервничала, не успевала. И получилось не то, что хотелось. И своей дипломной работой я была недовольна.

На следующий день после разговора с Ксенией мне позвонил зав. кадрами ГАУ Ермаков и назначил мне время встречи и беседы с Г. А. Беловым — начальником Главного архивного управления.

Кабинет Белова находился на втором этаже старого здания по Б. Пироговской ул., 17, где сейчас находится читальный зал Архива древних актов. С некоторым трепетом я вошла в кабинет, большой и просторный. Людей я не боялась, ни от кого до сих пор не видела ничего плохого. То, что я жила в большой населенной московской квартире, где были инженеры, врачи, рабочие, и то, что мы жили очень дружно, уступая и помогая друг другу, очень помогло мне в общении с самыми разными людьми.

Из-за большого старинного письменного стола поднялся красивый седоволосый, несколько полноватый мужчина и пригласил сесть в кресло. Мне показалось, что он уже в годах, но ему в то время не было еще пятидесяти.

Беседа была очень дружелюбной. В его лице я не увидела босса большого ведомства, а человека, старавшегося выяснить мои интересы и предоставить работу, близкую к этим запросам.

В это время в одном из архивов появилась вакансия. Из Центрального государственного исторического архива в Москве (ЦГИАМ), который находился здесь же на Б. Пироговской, переводили с повышением в Глав-архив Людмилу Ивановну Солодовникову. Освобождалась должность. «В этом архиве, — как сказал мне Геннадий Александрович, — есть материалы по истории Польши, Болгарии, Сербии. Так что, если вы захотите продолжить специализацию по истории славян, то это будет возможно. Единственное “но”, которое существует в архивах, — это маленькая зарплата. Младший научный сотрудник получает 69 рублей, и долгие годы, так как из архивов не уходят и продвижение по службе медленное». Я была согласна на все. Мне было очень важно — работать. Я не могла сидеть на шее папы, который к этому времени перенес тяжелую операцию и перешел на пенсию.

А далее отдел кадров, заполнение анкет, проверка, так как архив находился в системе НКВД СССР.

27 августа 1957 г. я стала младшим научным сотрудником одного из самых интересных архивов страны — Центрального государственного исторического архива в Москве, сокращенно ЦГИАМ.

В это время в стране было два центральных исторических архива — ЦГИАМ и ЦГИАЛ, т. е. исторический архив в Ленинграде. В отличие от ленинградского архива, который сейчас носит название Российский госу-

дарственный исторический архив и хранит более 7 млн дел, ЦГИАМ был небольшим и по объему документов, и по количеству сотрудников. Создан он был несколько искусственно и, как мне кажется, волонтаристским путем. В 1925–1927 гг. был период, когда надо было все материалы, имеющие политический характер, сосредоточить в одном месте — в Москве. Поэтому чисто по указанию свыше изъяли из Министерства внутренних дел самую важную в политическом отношении структуру — Департамент полиции. А из материалов Собственной его императорского величества канцелярии — III отделение. Здесь же сосредоточили многие фонды русских учреждений, находившихся в Польше и эвакуированных в период Первой мировой войны в центральные губернии России. Это губернские жандармские управления и охранные отделения, которые до 60-х годов XIX в. находились в разных городах России.

Очевидно, для удобства работы НКВД в этом же архиве до 1952 г. были собраны материалы многих местных губернских жандармских управлений, охранных отделений, жандармских полицейских управлений железных дорог разных губерний России. Я не даю здесь историю ЦГИАМа, хочу только отметить, что тот комплекс документов, который был в архиве к 1957 г. как единое целое, начал создаваться еще в 1920-х гг. Сам архив несколько раз реорганизовывался и также несколько раз менял свое название: Архив революции и внешней политики, Государственный архив революции, с 1941 по 1962 г. — Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ). Стоит отметить, что комплектование архива и приведение в порядок его документов продолжалось вплоть до его ликвидации в 1962 г., когда самостоятельным отделом он вошел в состав вновь созданного архива — Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.

ЦГИАМ хранил более 800 000 ед. хр., а штат сотрудников насчитывал 43 человека. Архив в это время возглавлял Ефим Иванович Голубцов, в прошлом когда-то находившийся на дипломатической работе, но к этому времени уже давно подружившийся с архивным делом. Несмотря на то что проработал он в тот период, когда я пришла, недолго (он собирался на пенсию), он оставил у меня, да и у всех сотрудников, очень хорошее впечатление. Ефим Иванович почти всегда ходил в штатском, изредка в военной форме полковника. Архивная служба на мужчин накладывает определенный отпечаток. Но о Голубцове этого сказать было нельзя. Он приходил на работу, как на дипломатический прием: всегда отглажен, белоснежная рубашка, красивый галстук, приветливая улыбка. Но, несмотря на эту приветливость, его побаивались, он сам много работал и требовал дисциплины, исполнительности, четкости от других. Ему не надо было повышать голос, распекал сотрудников. В архиве была хорошая

деловая обстановка, каждый знал свое дело. Мне кажется, успешность работы архива объяснялась высоким профессионализмом сотрудников и рациональным распределением обязанностей, и, кроме того, все любили свой архив. Зависти и подсиживания не было, все были на одном уровне. Начальники отделов получали ту же зарплату 88 рублей, как и подчиненные им старшие научные сотрудники, что, конечно, было несправедливо, но таково было правило. Младшие научные сотрудники получали 69 рублей, машинистки 45–50 рублей.

Когда Ефим Иванович ушел с работы, он долго оставался в архиве на партийном учете, и встречи с ним всегда были приятны. Он всегда был галантен и учтив. Помню, при одной из встреч какого-то праздника в ресторане, куда мы всегда приглашали бывших сотрудников, между Верой Алексеевной Роговой и Ефимом Ивановичем Голубцовым произошел интересный диалог.

Сидела группа наших сотрудников, принарядившихся на праздник: Анастасия Владимировна Добровская, Анна Львовна Смоляк, Ревекка Яковлевна Бусс-Брейгер, Валентина Павловна Кармалина. У всех было хорошее настроение в предвкушении вечера. Подходит к нам Ефим Иванович с распростертыми руками, с улыбкой и говорит: «Боже мой, какой розарий!» В ответ Вера Алексеевна, смеясь, отвечает: «Ефим Иванович, какой розарий? Это уже гербарий». Этим сотрудникам было тогда немного за тридцать.

Заместителем директора был Василий Иванович Истомин, который работал в архиве практически со дня его основания. На него было возложено обеспечение сохранности документов, он организовывал эвакуацию материалов во время войны и их возвращение, осуществлял перемещение материалов и переезд архива с Большой Серпуховской ул., д. 15, на Пироговскую ул. (и в этот период возглавлял архив), на нем лежали все хозяйственные дела, касавшиеся ремонта, перестройки, мебели и т. д. Он же обеспечивал дисциплину в архиве. Сейчас, когда приходится иногда работать с фондом архива ЦГИАМа, встречая его красивую подпись, я вспоминаю его. Балагур и весельчак, он был прекрасным администратором и хозяйственником. Дисциплина, чистота, порядок в архиве — все это было в его компетенции. Он рассказывал, что при приеме Новоромановского фонда архивом был получен кусок стены со следами пуль из Ипатьевского дома, подвала, где была расстреляна царская семья. Но в период эвакуации материалов это все было оставлено на Серпуховке, а после возвращения это все было утеряно.

Центральный государственный исторический архив в то время занимал первые четыре этажа в 10-м подъезде на Б. Пироговской, д. 17. Там, где сейчас пожарная часть, — на первом этаже располагалась администрация. В самом дальнем кабинете от входа — сидели В. И. Истомин и Ольга

Осиповна Орлова — зав. кадрами и одновременно — секретарь. В соседней комнате был кабинет директора. Хотя сотрудников было немного, рабочих комнат не хватало. Сотрудники часто имели рабочие места в хранилищах.

Следующая комната принадлежала публикаторскому отделу, рядом машинописное бюро.

Публикаторский отдел был небольшим по объему. Возглавлял его Л. А. Бальян, с ним в комнате сидели все его сотрудники. Это были зубры публикаторского дела: Е. К. Барштейн, И. Ф. Шостак, Е. Чмыхова. Все они, кроме Бальяна, были пенсионного и предпенсионного возраста. В этом же отделе работала Галина Ивановна Богатикова, ученица П. А. Зайончковского. Она сравнительно незадолго до меня пришла в архив после защиты кандидатской диссертации.

Позже в этот отдел была переведена К. Г. Ляшенко, пришли Г. М. Лившиц, полковник в отставке Г. Г. Федотов.

Публикаторский отдел практически был единственным функциональным отделом. Все другие отделы были фондовыми подразделениями: отдел личных фондов, отдел внутренней политики, отдел спецфондов, библиотека. В этих отделах, можно сказать, работала «молодежь». Ее возраст от 20 до 35 лет. И основная часть их была уже достаточно опытными сотрудниками.

В машинописном бюро работали совершенно уникальные машинистки. Они десятилетиями работали в архиве, разбирали любой почерк, печатали без единой ошибки. Если надо было сделать какую-то срочную работу и красиво ее напечатать, то главк бежал к нашим машинисткам. Это были Елена Андреевна Зайцева и Елизавета Сергеевна Столбова. Они были очень разные по характеру. Зайцева, несмотря на все свои болезни (головокружение, давление и т. п.), была оптимисткой. Она довольно поздно вышла замуж, в сорок с лишним лет, родила замечательного сына и очень интересно, с юмором рассказывала истории из его школьной жизни. Столбова — высокая полноватая женщина, любительница курева, разговаривала сурово, почти не улыбалась и возмущалась, когда научные сотрудники делали ошибки, подчеркивала их красным карандашом и ставила восклицательный знак.

Первый разговор со мной начался также с темы об ошибках. Она мне жирно подчеркнула в черновике слово «полицмейстер», указывая на то, что надо писать «полицеймейстер». Разговор окончился тем, что и то и другое написание — не ошибка, а имеет право на существование. С того времени установились хорошие отношения.

Отделов учета, комплектования, методического отдела, организационного отдела — не было. Вся эта работа ложилась на одного из заведующих отделом Т. Г. Снытко и научного сотрудника Валентину Павловну Кармалину. Она же была секретарем Научного совета.

Архивохранилище печатных изданий, библиотека, в которой хранились нелегальные издания, фототека — все это также хранилось на первом этаже в двухъярусном хранилище, где в настоящее время находится компьютерный зал. Я не знаю, в какую структуру входила библиотека, но все эти богатства были в руках Екатерины Михайловны Бобковой. Здесь же на первом этаже у нас был небольшой зал, висела стенгазета, стоял стол для пинг-понга, где в обеденный перерыв играли сотрудники архива. А на большом деревянном диване-скамейке старой работы сидели болельщики.

Каждое утро всех сотрудников архива встречал Истомин. На столе для пинг-понга лежала книга, в которой записывался приход на работу. Начинали мы работать в то время в 8 час. За опоздание он особенно не журил, но народ старался не опаздывать, а своими шуточками-прибауточками Василий Иванович давал понять степень его недовольства. Здесь же проходили и наши архивные собрания. Убирался пинг-понг, и расставлялись стулья.

Пол в этом импровизированном зале всегда был натерт, чистота была необыкновенная. Каждые две недели приходила супружеская пара полотеров и «обновляла» полы и в этом «зальчике», и в рабочих комнатах.

Здесь же стояло красивое резное зеркало и лежала длинная ковровая дорожка цвета маренго с рисунком цветущей яблони.

На втором этаже 10 подъезда располагались комнаты и хранилище спецфондов. От архивохранилища была отгорожена часть помещения, где помещались картотеки архива (Департамента полиции, МГЖУ, Московского охранного отделения, Министерства юстиции) и справочные издания, энциклопедии («Вся Москва», «Весь Петербург», «Адрес-календарь»). Картотеки находились на особом положении. Доступ к ним был разрешен только для сотрудников архива.

Именно здесь мне и предстояло работать. Руководителем отдела был Федор Кузьмич Лимонов, его заместительница Валентина Михайловна Киреева-Дуганова, в отделе работали ст. научный сотрудник Екатерина Васильевна Задорнова, Ирина Семеновна Шкрум, Александр Иванович Голодко, хранитель фондов Анна Тихоновна Волчек. Затем состав пополнился, пришли Галина Павловна Махнова, Борис Федорович Федотов, Галина Константиновна Поночевная, Эмиль Леонович Оганесян. Когда же отделу была поручена в [1959] г. большая работа по составлению справочника на лиц, работавших в социал-демократическом движении в качестве секретных сотрудников, то количество сотрудников в отделе удвоилось.

Федор Кузьмич Лимонов имел чин капитана, он окончил Педагогический институт, был историком. Незадолго до меня его перевели в наш архив. До этого он работал в Военно-историческом архиве на Б. Бауманской,

д. 3. Там же имел квартиру. На той же территории в общежитии жило много архивистов. Не знаю, в связи с чем, но работавший до этого зав. отделом Кунтиков был переведен в Военно-исторический архив, а Федор Кузьмич на его место в ЦГИАМ. Как архивист он не был силен, больше занимался справками, заданиями, писал статьи. Столкнувшись с богатством наших документов, заинтересовался нелегальной партийной печатью и очень много работал по составлению списков нелегальных типографий РСДРП. Вторая тема, которая его интересовала, — история учреждений политического сыска. Сама наша работа с этими документами заставляла нас глубже вникать в суть хранимых фондов и их историю. А его «хобби» была фотография. Я уже сейчас не помню, то ли ему подарили, то ли он сам купил фотоаппарат, что в то время было событием, но он часто нас фотографировал. И то, что у меня сохранилось много архивных фотографий в наших рабочих комнатах и архивном дворе, — это его заслуга. Правда, несколько позже появился фотоаппарат у К. Ляшенко. Так что количество снимков увеличилось.

Моим первым учителем и «путеводителем» по научно-справочному аппарату архива был Федор Кузьмич. Он помог разобраться во всех карточках отдела и объяснял как-то деликатно и ненавязчиво, как надо работать с документами. Я стала обращать внимание не только на содержание документа, но и на его оформление, подписи. С годами у меня в «друзьях» были не только участники революционного движения, материалы о которых я выявляла, но и руководители ГЖУ и охранных отделений, подпись которых мелькала на страницах документов. Подпись одних была проста, других примитивна, третьих очень «заковыриста». Так усваивался почерк этих людей, «их рука» и как бы шло заочное знакомство с ними. Если Лимонов меня знакомил с научно-справочным аппаратом, то Валентина Михайловна учила писать справки, вводила в систему учреждений политического сыска, объясняла, что такое губернское жандармское управление, областное жандармское управление, охранный отдел, чем эти учреждения отличаются друг от друга. Они оба помогли мне разобраться и в тонкостях жандармской терминологии. И это было важно, так как прочитать в те годы об этих учреждениях, да и то очень-очень коротко, можно было только в секретных путеводителях.

Валентина Михайловна Киреева была заместителем начальника отдела — женщина очень умная, волевая, сильная, суровая, порой беспощадная к недостаткам, презирала глупость, ценила умных людей. К сожалению, у начальника и зама не сложилось взаимопонимания. Они с трудом «терпели» друг друга, и это порой было очень тяжело и обидно. Так как каждый из них в отдельности был порядочным, отзывчивым человеком.

Валентина Михайловна прошла войну, была контужена: во время налета бомба упала рядом с их блиндажом, и на нее обрушился горящий по-

толок и настил. Ее спасли, но вся спина у нее была обожжена. Полгода она провела в госпитале. Институт она заканчивала заочно уже при мне. У нее была очень интересная дипломная работа об одном из искровских агентов болгарине Иване Загубанском. После защиты диплома, которая состоялась, когда ей было где-то 40 лет, Валентину Михайловну пригласили на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ей очень трудно было расставаться с архивом, но условия работы в ИМЛ были более благоприятные.

Старшим научным сотрудником в отделе работала Екатерина Васильевна Задорнова — кассир нашей кассы взаимопомощи. Сейчас даже никто представить себе не может, какую огромную роль при нашей мизерной зарплате играла эта касса. Только благодаря этой кассе можно было взять ссуду и купить ту или иную вещь, которую совершенно невозможно было приобрести, не имея сбережений. Да она была необходима и повседневно. Весь архив без исключения пользовался этой кассой. Долгосрочная ссуда выдавалась не более как на год, а краткосрочная, обычно это 5–10 рублей, — до получки. Вспоминаю, когда оставалось до зарплаты дня 3, Екатерина Васильевна подсчитывала деньги и говорила: «Так, в кассе 12 рублей. Буду выдавать по 4 рубля — не более». Из кассы мы практически не «вылезали».

К моменту моего прихода в отделе на справочной работе были Ирина Семеновна Шкрум и Александр Иванович Голодко. Ирина Семеновна, так же как и Валентина Михайловна, прошла войну, была связисткой. На фронте она встретила со своим будущим мужем, который влюбился в нее. Разыскал после окончания войны. Они поженились, и в это время у нее росли два мальчика-двойняшки. И было очень много разговоров — как они растут, как познают жизнь. Ира была очень четким и организованным человеком, мы ее потом избрали председателем месткома.

Саша Голодко также недавно устроился на работу. Он кончил университет, философский факультет. Был женат, имел маленького сына. Он был очень талантливым и способным человеком и нашим первым признанным поэтом. Стихи писали практически все и на любую тему. Когда же готовили стенгазету, то все оказывались стихотворцами. Но признанными были Саша Голодко, А. В. Добровская, Т. Г. Снытко. Все праздничные газеты пестрели стихами, поздравлениями, которые сочиняли Трифон Галактионович Снытко, Александр Иванович Голодко. Мы с Анастасией Владимировной, Евгенией Константиновной Барштейн входили в состав редколлегии и доводили газету «до ума». Анастасия Владимировна жила на Чистых прудах и всегда на работу приходила за 3–5 минут до начала рабочего дня. Я уже не помню всего стихотворения, посвященного этому сюжету, но Трифон Галактионович написал достаточно большое стихотворение, где отмечались ее спортивные успехи. Но запомнила строки:

Дрожит Пироговская,
То бежит Добровская.
Эх, Добровская бежит,
Пироговская дрожит!

Одна из новогодних наших газет была снята со стены по требованию главка из-за раешника, сочиненного Снытко. Там были посвящения, которые начинались так:

Всем генералам и адмиралам
Со званиями без знаний,
Со знаниями без званий

и т. д.

Газета была вывешена на первом этаже 10 подъезда, именно там, где мы проводили собрания и играли в пинг-понг, и каждый мог с ней ознакомиться. И вдруг к нашей газете началось паломничество из других архивов. А потом пришла большая делегация из главка, которую возглавлял руководитель кадровой службы (Ермаков). Газету пришлось снять, сочинять новые стихи, которые мы печатали на телеграфных бланках и заклеивали ими наш «Раешник».

В архиве любили писать стихи к празднику, ко дню рождения почти каждый получал поздравления в стихах.

Особенно это было в нашем отделе. Саша писал стихи по случаю, ко дню рождения, поздравления к празднику. Ко дню моего первого дня рождения в архиве я получила стихотворение:

Чудная девочка Зина Котихина,
Вот бы родились такие все тихими,
Милыми, нежными, добрыми, скромными,
В меру культурными и экономными.
Мы пожелаем ей в день рождения
Всякого счастья, в жизни везенья,
Мужа хорошего, настоящего,
Только не пьющего и не курящего...

Так как мне подарили дамскую сумочку, шарфик и перчатки, то концовка стихотворения была такая:

Сумка же, шарфик и даже перчатки,
Все это нового счастья зачатки!

В некоторые дни в обеденный перерыв Саше разрешали отлучаться часа на 2 с работы, читать лекции от общества «Знание». Это давало небольшой приработок в семье. Оплачивались лекции по 5–10 рублей. Саша был очень способным человеком. Его лекции были живыми и интересными. По его рекомендации потом работали в обществе «Знание» многие наши сотрудники. Через несколько лет он защитил кандидатскую диссертацию и ушел на преподавательскую работу. Но его замечательные стихи, которые он нам писал, запомнились и цитировались в архиве.

Отдел внутренней политики располагался над нами на 3-м этаже. Материалы отдела занимали два хранилища — большое архивохранилище, которое выходило в 10 подъезд, и маленькое, которое соединялось с 9-м подъездом, где сейчас находится библиотека. Зав. отделом был Трифон Галактионович Снытко. Но сложилось так, что он большую часть времени занимался научной работой, методической и часто выполнял функции второго зама архива (так как вопросов научной работы Истомин не касался). Директор же архива подключался к этим вопросам на завершающем этапе. Поэтому разработка тем научных советов, распределение докладов, планирование работы на пятилетку и год, отчетность — все было в поле зрения Снытко. Что касается отдела, то им практически руководила Анастасия Владимировна Добровская. В отделе кроме Добровской работала Анна Львовна Смоляк, и числилась по отделу Валентина Павловна Кармалина — им было тогда по 30 лет, и они имели уже достаточно большой опыт работы, считались асами архивного дела, и, когда мне нужна была какая-либо консультация, я часто обращалась к ним. Здесь же работали молодые, недавно пришедшие сотрудники: Раиса Гончукова, Клара Ляшенко, Августа Стрижкова, впоследствии уже в новом составе работала Александра Ивановна Цветкова, которые стали моими подругами. А что касается Кларочки, «Кларика», как ее звали, и Сашеньки, то эта дружба связала нас на всю жизнь.

В отделе был очень сильный состав архивно-технических сотрудников. Как правило, 4–5 человек. Но главными были Анна Алексеевна Пожарская и Любовь Николаевна Васильева. Молодежный состав менялся. Анна Алексеевна была одним из старейших сотрудников архива. Очень любила документы, относилась к ним бережно, лелеяла, как любимое дитя. Дела хорошо знала по обложкам. К ней можно было обратиться с вопросом: — Анна Алексеевна, забыла номер дела по восстанию на броненосце «Потемкин». Такое толстое, кажется, в голубом переплете. — Забыла, но сейчас! — и Анна Алексеевна моментально бежала, только халат крутился вокруг ее худенького тела, и приносила дело. Она никогда не ходила, она бегала по хранилищу.

Так как мне в первое время пришлось заниматься справочной работой, то я работала в основном с фондами, которые были расположены

на третьем этаже, и более всего у меня было контактов с Пожарской и Васильевой.

Первое время боялась я их безумно. Они сидели за большим длинным столом в хранилище, так как рабочих мест в комнате не было. В хранилище были сняты два стеллажа, поставлены длинные межстеллажные столы на всю длину полок, и была создана импровизированная комната для 3–4-х человек. Всех новеньких сотрудников они пугали: делали суровые, неприступные лица и готовили какую-нибудь шутку. Я уже не помню, как они поступили со мной, но после знакомства с ними я 3–4 дня не появлялась у них в хранилище.

Анна Алексеевна много рассказывала о работе на Б. Серпуховской ул., где в старом здании ломбарда первоначально находился архив, о подготовке дел к эвакуации. Говорила о том, что под бомбежкой вывозили намеченные к эвакуации материалы, везли на запасные пути, где замаскированными стояли вагоны. Архив архива практически сожгли, особенно старались уничтожить дела личного состава, таково было распоряжение. Последние материалы вывозили уже ночью, машина шла на быстрой скорости по Крымскому мосту, и несколько коробок документов из Московского охранного отделения было утеряно, говорила Анна Алексеевна. Но остановить машину было нельзя. Она надеялась, что вдруг кто-нибудь принесет эти дела в архив. Когда была реэвакуция, вместе с документами она и вернулась в Москву, вновь работала в архиве. Многие исследователи, которые были членами нашего Научного совета или работали с нами над нашими общими изданиями, как правило, изучали документы в отделе. Они хорошо знали Анну Алексеевну, любили ее, дарили свои книги. Особым ее расположением пользовались Петр Андреевич Зайончковский, С. Макашин. Ее помощница Любовь Николаевна Васильева была человеком другого склада. Полноватая, медлительная, необыкновенно аккуратная. У нее всегда был порядок на ее части стола. Шифровала она дела четко, цифры не перепутаешь. И, несмотря на, как мне казалось, ее медлительность, работа у нее спорилась. Лена Климова — молодая, крепкая, спортивная девушка — под влиянием этих женщин также быстро освоила работу. Кто сталкивался с нашими документами, тот знает, что работа с документами учреждений политического сыска, где сохранено старое делопроизводство, старые шифры, — требует определенных знаний, внимательности, четкости в работе. Так как заложить эти дела с повторяющимися сложными номерами бывает просто, а найти потом — крайне сложно.

Выдача в читальный зал была не просто большая, она была огромная. Архив только приступал к микрофильмированию документов. В читальный зал выдавались подлинники. В эти годы упростился доступ исследователей в читальный зал. Каждый исследователь мог заказать до 25 дел.

В год выдача из этого отдела достигала 50 000 дел. Кроме того, продолжалась реабилитация, и много сотрудников «сидело» на запросах, по которым выдавалось уже неограниченное количество дел. Полистной проверки дел не было. Но был поединичный прием дел у читального зала и у отдела. Заведующей читальным залом была Капитолина Андреевна Белоусова, а помощницей Александра Ивановича Цветкова. Каждое утро с книгой выдачи Анна Алексеевна Пожарская (отвечавшая за выдачу дел) шла в читальный зал, где происходил прием Пожарской отработанных исследователями дел у читального зала. На выдаче и подкладке, как правило, работало четыре–пять человек — это был большой физический труд.

Упомянутый уже не раз Трифон Галактионович Снытко был фигурой замечательной в архивном мире.

До войны он работал в Архиве древних актов, откуда был взят в армию, прошел фронт. После возвращения определился в наш архив. Первоначально возглавлял отдел личных фондов, потом отдел внутренней политики. Но он практически неофициально, как было сказано выше, был вторым заместителем директора. Он был творческий человек, много писал. Первый обзор материалов архива по движению декабристов был опубликован им. Он занимался декабристами, польским освободительным движением. По этой последней теме впоследствии защитил кандидатскую диссертацию. Незадолго до реорганизации архива в 1961 г. он ушел в Институт славяноведения уже с должности заместителя директора архива. Связи с этим институтом у архива были очень тесные. Впоследствии ушла туда Августа Стрижкова. Усиленно приглашали меня, но я не смогла оторваться от документов и коллектива.

На четвертом этаже архива, как и сегодня, располагался отдел личных фондов. Это единственное хранилище нашего сегодняшнего отдела фондов по истории Российской империи, которое за те 50 лет, что я работаю в архиве, не поменяло своего местоположения. В нем работало обычно 3–5 человек. Заведующей отделом после Снытко была Вера Алексеевна Рогова, ст. научным сотрудником Ревекка Яковлевна Бусс-Брейгер, хранитель фондов Наталья Николаевна Николаева, архивно-технический сотрудник Леонид Фадеев, после его ухода Александр Иванович Ковтун, Певзнер, потом в этот отдел пришел научный сотрудник Владимир Сергеевич Арнольди.

Леонид Фадеев был близкий нам по возрасту. Мы все звали его Ленкой. Это был симпатичный молодой человек, увлекавшийся спортом, немного шалопай. Его привела в архив мать, которая когда-то сама работала в нашем архиве. В обеденные перерывы он пропадал на волейбольной площадке, откуда трудно было его изгнать. Но, когда приходил в отдел, работал, как вол, поэтому ему многое прощалось. Работая в архиве, он окончил Историко-архивный институт. Архивных девчонок он не любил

и почему-то презрительно их называл «сосисками». Это было и его ругательным словом на волейбольной площадке.

После окончания Историко-архивного института он через некоторое время ушел из архива на более престижную и оплачиваемую работу. Но вскоре умер от цирроза печени.

Вера Алексеевна Рогова и Ревекка Яковлевна Бусс-Брейгер работали в архиве сразу после окончания Историко-архивного института. Правда, у Ревекки Яковлевны был перерыв года два, когда были аресты врачей-евреев и готовился судебный процесс, ей пришлось уйти из архива. Она работала диспетчером в троллейбусном парке. Эти женщины были великие труженицы. Они прекрасно знали материалы своего отдела, так как некоторые фонды по листочку прошли через их руки. Практически весь огромный комплекс документов Романовых, вернувшийся из эвакуации в состоянии россыпи, им пришлось описывать заново. Может быть, сейчас, работая с описями этих фондов, мы не всегда бываем ими довольны, порой раздражает формирование дел, когда под одной обложкой 200–300 листов переписки, толстые дела с фотографиями. Но представьте себе 1947–1952 гг., когда руководство требует скорого описания дел «никому не нужных» царских фондов. Кроме того, не облегчала дела сложность описания этих документов, отсутствие необходимых справочников и литературы для атрибутирования документов.

Только благодаря прекрасному знанию немецкого языка Бусс-Брейгер и английского языка Верой Алексеевной многие документы были атрибутированы.

Вера Алексеевна была очень интеллигентным человеком, интересовалась живописью, обожала кино. Много знала и рассказывала про историю английского кинематографа. Забегая вперед, хочу сказать, что каждый сотрудник архива чем-то помог мне, поделился своими знаниями. Когда же я работала под руководством Веры Алексеевны в первые годы после реорганизации архива, она знакомила меня с личными фондами и поручала проводить тематические экскурсии в архиве с использованием материалов этих фондов. Она много рассказывала об императорской семье и знакомила с ее материалами.

Но хочется вернуться к первому дню моего прихода на работу. В тот же день в обеденный перерыв в очереди в столовой я познакомилась со всем основным составом архива. Негласным, но общепризнанным лидером в архиве была Анастасия Владимировна Добровская. Здесь, в очереди, решались вопросы моды, законодателем чего была А. В. Кроме того, она прекрасно вязала, и в наше не очень богатое время мы вязали и перевязывали кофты, находя новый и интересный рисунок. Здесь же обсуждались новинки литературы, и особенно те, что печатались в «Новом мире», интересные статьи в газетах. Самой высокой из женщин до моего прихода в

архив считалась Анастасия Владимировна. Увидев меня, длинную и худую, она первым делом решила уточнить мой рост. И здесь, в очереди, мы встали с ней спина к спине, а арбитры решали: кто выше?! Кажется, мы были одного роста. Я несколько изумилась этому, растерялась, но затем напряжение спало, я стала «своя». Так как архив был небольшой, то никакого соревнования между отделами не было. Жили единым, дружным коллективом.

В отделе мне поручили справочную работу, т. е. ту, чем сейчас в нашем архиве занимается группа Екатерины Киселевой. В это время продолжалась переписка по реабилитации лиц, арестованных в 1937–1941 гг. Именно тогда я поняла, какое огромное количество лиц прошло через лагеря НКВД. Запросы шли от областных и районных отделов НКВД, иногда мы получали списки на 200–300 чел., т. е. проверялась почти целиком вся деревня или улица. На справочную работу был «посажен» почти весь отдел. Готовили справки о революционной деятельности запрашиваемых лиц.

Практически на все эти огромные запросы были отрицательные ответы, так как мы ничего не могли найти ни положительного, ни отрицательного. Сложно было, когда шли письма от самих лиц, их родственников и из собесов.

Первое время я очень боялась этих писем, опасалась, что перепутаю все картотеки и что-нибудь пропущу, стала записывать их названия, отмечать их особенности.

Впоследствии, уже в 1962 г., мне была запланирована работа по составлению инструкции по работе с биографическими запросами, и я должна была описать все картотеки, их особенности, методику работы с ними, изложить и свое понимание того, как мы должны писать справки, как и в каком порядке подавать обнаруженные сведения. Получилась довольно внушительная работа. Я старалась изложить в ней все «секреты» работы с картотеками, их особенности, указав и на специфику дел, которые присутствовали на карточках Особого отдела и его делопроизводств, дел 5 и 7 д-в, как выписывать шифры из этих структур Департамента полиции, а также как работать с научно-справочным аппаратом других фондов. И я рада, что моя работа не пропала даром, что в настоящее время и сотрудники, и даже исследователи пользуются ею. (Инструкция хранится в СИФе ГА РФ.)

1957 г. — 40 лет со дня Февральской и Октябрьской революций, в связи с чем шла подготовка к празднованию этих дат.

Запросы были разнообразные и интересные. То, что в свое время я читала в учебниках; лица, с которыми я сталкивалась в литературе, оказались и на листах документов, которые держала в руках. Сама история проходила через меня. Запросы по «Союзу борьбы за освобождение рабочего

класса», о группе Дмитрия Благоева, материалах «Искры», делах о членах Государственных дум, документы о польской партии «Пролетариат», ППС, СДКПиЛ. Я зачитывалась, забывая о времени и нормах. Всего было так много и так интересно, но часто я с трудом могла выделить тех лиц, что мне нужны по запросу.

На многих лиц мы составляли не справки, а настоящие изыскания на нескольких страницах. Согласно правилам того времени в справках мы не должны были анализировать документы, а делать опись, выписки из документов, характеризуя ту или иную личность через призму жандармского документа. То есть мы давали справку о революционной деятельности, о партийности так, как видел это Департамент полиции. Наверное, это было правильно. Хотя впоследствии, и особенно когда я писала инструкцию, я много думала над этим вопросом, и мне казалось, что мы должны были более четко указать на то, что это сведения начальников ГЖУ, охранных отделений и т. д. Почему я об этом пишу?! В беседах при получении таких справок очень конкретно подходили к ним и более верили им, чем свидетелям и сопроцессникам. Помню, что пришел один «заявитель», который просил дать справку о его революционной деятельности в социал-демократической организации. Мы же выдали справку, что он принимал участие в экспроприации на нужды партии эсеров. В документах указывалось, что эта экспроприация была проведена группой эсеров. Кажется, в то время бывшим эсерам не давали персональной пенсии. И он нам доказывал, что при аресте в 1907 г. он специально назвался эсером, так как на очередном партийном съезде РСДРП экспроприации были запрещены. Помню, что руководство для беседы с ним вызвало зав. отделом и меня, так как я составляла справку. Я принесла дела, которые заявитель сам просмотрел, прочитал. Что мы могли сделать?! В документах он сам признавал принадлежность к партии эсеров. Причем при неудавшейся экспроприации полиция применила оружие и отстрелила одному из нападавших один палец на руке. Когда он держал дело, перелистывая его, одного пальца на руке у него действительно не было.

Работники политического сыска порой и знали партийную принадлежность, но в документах писали иначе. Я вспоминаю документы о высылке Инессы Федоровны Арманд в Вологодскую губернию по процессу партии эсеров. Родственники подали ходатайство о замене Арманд ссылки выездом за границу на тот же срок в связи с ее болезненным состоянием. Надо сказать, что мера такая практиковалась. В истории революционного движения было немало случаев, когда подобные прошения удовлетворялись не потому, что то или иное лицо имело какие-то «заслуги» перед полицией, как пишут некоторые наши исследователи, а потому, что наблюдение могло вестись и за рубежом и не надо было тратить деньги на содержание поднадзорных в ссылке.

Интересна резолюция московского градоначальника на этом прошении: «Я знаю Арманд, как опасную социал. демократку, считаю, что деятельность ее за рубежом будет более безопасной...» Так что, зная, что она принадлежит к социал-демократической организации, но арестовав «по делу эсеров», ее не судят, а административно ссылают, указывая на принадлежность к партии эсеров. Могло ли подобное случаться с другими? Я не исключаю этого. В таких случаях пенсионный отдел мог получить не совсем точную информацию.

В архиве хранится так называемая «Черная книга» Л. П. Меньщикова. Работая в Московском охранном отделении, а затем в Департаменте полиции, он тщательно собирал материал о секретных сотрудниках и готовился впоследствии опубликовать эту книгу. В феврале 1907 г. Меньщиков¹ вышел в отставку, а свой обширный архив с копиями и выписками из фондов Московского охранного отделения и Департамента полиции вывез первоначально в Финляндию. Там он решил осуществить свою мечту и заняться разоблачением секретной агентуры в различных партийных организациях. Своим архивом он делился с В. Л. Бурцевым. В 1920-х гг. часть своего архива он продал В. Д. Бонч-Бруевичу и в Российский заграничный исторический архив в Праге. Так его материалы вернулись в Россию. В 1930-е гг. эта книга в архиве была поименно расписана, имена были включены в картотеку секретных сотрудников без проверки этих лиц по другим секретным картотекам. Правильно ли тогда поступили наши коллеги?! Только в процессе работы я столкнулась с тем, что этой «книге» доверять полностью нельзя.

До сих пор помню переписку с Ю. Мочаловым, который запрашивал у нас справку о революционной деятельности своих родителей, особенно их участия в стачке 1902 г. в Ростове-на-Дону. И я не только помню Мочалова, но чувствую какую-то вину перед ним. Документы о его родителях были очень интересные и доказывали их участие в революционной деятельности. Но документы Меньщикова говорили об их сотрудничестве с политическим сыском, что никак не подтверждалось другими документами. Долго руководство не могло решить вопрос с этой справкой. В конце концов справка была отослана в архив по месту жительства Мочалова с просьбой ознакомить его со сведениями, имеющимися в архиве о его родителях.

Конечно, в нашей практике были и случаи, когда мы исправляли ошибки наших предшественников, но тогда приходилось изучать и документы, и литературу и практически проводить исследовательскую работу.

¹ Речь идет об авторе изданной в 1925–1932 гг. работы «Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия» в 3 томах (4 частях) (М., 1930).

Я вспоминаю случай с Лидией Христофоровной Гоби — социал-демократкой, участницей второго съезда РСДРП. Возвращаясь вместе с Р. С. Землячкой после съезда в Россию, они остановились в Киеве в разных гостиницах. Местные власти обратили на них внимание, и особенно на Гоби. За ней было установлено наружное наблюдение и дана кличка наблюдения «Лионская» — по названию гостиницы, где она остановилась. Киевские архивисты, составляя в 30-х годах прошлого столетия списки секретных сотрудников Киевского ГЖУ, решили, что кличка «Лионская» — это кличка ее в качестве секретного сотрудника.

Подобная история произошла с Еленой Федоровной Размирович, секретарем социал-демократической фракции 4-й Государственной думы, фактически секретарем Р. В. Малиновского — известного секретного сотрудника Департамента полиции. Такие огрехи первых архивистов приходилось исправлять в процессе работы. И винить наших коллег невозможно, так как специфика документов, язык переписки требуют определенных знаний, которые к тому времени еще не были накоплены.

Долгое время в картотеке секретных сотрудников стояла карточка на Нину Фердинандовну Агаджанову — известную революционерку, одного из авторов сценариев фильмов — «Броненосец “Потемкин”», «Красная Пресня», «Матрос Иван Галай», «Дезертир», «Два бульды два».

Примерно в 1960 г. в архив приходила ее ученица Нателла Михайловна Золотарева познакомиться с документами о революционной деятельности Агаджановой. Она предполагала писать сценарий о жизни и деятельности Нины Фердинандовны. Ей не посоветовали этого делать. Не знаю, сказали ли ей причину или нет, но наше руководство, исходя из картотеки, считало ее бывшей секретной сотрудницей. По счастливой случайности факт присутствия Агаджановой в картотеке секретных сотрудников не привлек внимания властей и никак не отразился на ее статусе заслуженного ветерана большевистской партии и известного сценариста. Уже позднее, примерно в 1962 г., когда исполнялось 75 лет Агаджановой, я увидела ее портрет в «Вечерке», прочитала поздравление с юбилеем. И еще раз решила вернуться к просмотру материалов о ней. Мне захотелось серьезно заняться выяснением ее биографии.

Мое желание к этому времени совпало с решением архива начать сбор личных фондов старых революционеров, профсоюзных работников. Работа эта находилась скорее на стадии предподготовки, не знали, кому ее поручить, не было отдела, который этим бы занимался. Но отдельные поручения были у Веры Миграновны Воскерчьян. Когда очередь дошла до Агаджановой, она с ней связалась по телефону. Нина Фердинандовна очень охотно откликнулась на просьбу сотрудника архива о встрече. Воскерчьян пригласила меня поехать с ней. Тогда состоялось наше знакомство, беседа была продолжительной. А исследование архивных материалов

не подтвердило факта сотрудничества. Эта ошибка была ликвидирована только в результате специальной работы, проведенной по исследованию всего комплекса документов, хранящихся как в нашем архиве, так и в архиве Вологодской области; на основании сведений последнего и была заведена карточка на Агаджанову как секретную сотрудницу. В картотеке секретных сотрудников Агаджанова оказалась по результатам переписки с Вологодским архивом 1930–1940-х гг. и составленной им справки.

В разбирательстве этого сюжета очень помогла директор Вологодского архива Выропаева. Во время отпуска и путешествия на Соловки я на несколько дней остановилась в Вологде. Судя по документам, основанием к обвинению послужило письмо Агаджановой из вологодской ссылки своим друзьям, где она описывала ее вызов в Вологодское ГЖУ и сообщала о своем разговоре с одним из офицеров. Этот факт и послужил основанием для «компромата». Проведенная нами серьезная, глубокая выверка всех документов не подтвердила того, что Агаджанова была секретным сотрудником Вологодского ГЖУ, и карточка на нее была изъята из картотеки. Знакомство же с Ниной Фердинандовной не закончилось нашей первой встречей. Человеком она была достаточно одиноким, больным, но гордым, чтобы просить о помощи. Хотя при мне ей звонили и справлялись о ее здоровье Т. Макарова, Л. Орлова и др., она в основном общалась только со своими двумя бывшими ученицами Нателлой Михайловной Золотаревой, Аллой Александровной Кирилловой. Они были преданы ей, так как в свое время, после войны, она много сделала для них. Кажется, при возвращении из эвакуации она привезла их из Алма-Аты, помогала им устроиться в Москве. Но в то же время Нина Фердинандовна в силу болезни и возраста порой злоупотребляла их терпением, была бестактна по отношению к ним. Тогда они исчезали на несколько дней, и ей было очень плохо. Иногда Нина Фердинандовна звонила мне. Мы с ней договорились, что я буду записывать наши беседы и, возможно, подготовлю ее воспоминания.

Встречались мы довольно часто, ее рассказы о революционной деятельности я дополняла документами из фондов нашего архива, и один из кусочков ее воспоминаний впоследствии был опубликован И. П. Лейбевым, петербургским историком, в журнале «Наука и жизнь». На одной из встреч Нина Фердинандовна высказала мысль, что, может быть, стоит использовать ее беседы со мной, дополненные материалами архива, для написания книги. Она давала мне карт-бланш на написание этой работы. При встречах с ней я стремилась уговорить ее сдать нам свой архив. Она соглашалась, но в то же время боялась того, что, расставшись со своими документами, она потеряет тот интерес, который проявляют к ней журналисты, киношники в юбилейные дни. Я же, зная, что при своей доброте она раздавала (на время) свои документы малознакомым людям, которые не всегда их возвращали, пыталась предотвратить эту «утечку». Некото-

рые фотографии мне удалось переснять, и у меня они хранятся в копии. Но часть фотографий и писем была, можно сказать, «разворована». Когда Нину Фердинандовну поместили в пансионат персональных пенсионеров в «Переделкино», то мы с Николаем Степановичем Зеловым забрали уже в домоуправлении то, что осталось от этого архива. Но еще при ее жизни мне удалось опубликовать о ней статью в журнале «История СССР», чему она была очень рада, затем в соавторстве с Г. А. Арутюновым, доктором исторических наук, опубликовать в Ереване в 1974 г. на армянском языке книжечку «Нунэ», а несколько позднее уже с ленинградским историком, доктором исторических наук И. П. Лейберовым в «Лениздате» — книгу «Подвиг Нунэ».

Возвращаясь к картотеке секретных сотрудников и лицам, напрасно в нее включенным, хочу сказать, что непонимание первыми советскими архивистами методики перлюстрации и незнание специфики жандармской терминологии сыграли плохую шутку с целым рядом лиц, в том числе и с орловским писателем и революционером И. Е. Вольновым. Он долгие годы считался орловскими архивистами и органами НКВД секретным сотрудником. Причиной этому послужило перехваченное «черным кабинетом» его письмо из Италии в Россию к родным. Письмо было перлюстрировано, ему был дан № 1291, а И. Е. Вольнов, который подписался в письме конспиративно «Иван Воробьев», был назван в департаментской переписке «автором агентурных сведений» за № 1291. Эта фраза явилась основанием к тому, что в советское время при выявлении секретной агентуры местными архивистами он оказался в картотеке секретных сотрудников и довольно долго, вплоть до 1961 г., его подозревали в сотрудничестве с полицией. К сожалению, никто не поинтересовался и не пытался выяснить, что же это за агентурные сведения за № 1291. Как было сказано выше, это было письмо к родным с о. Капри, где жил Вольнов после побега с места ссылки. Он описывает свою жизнь, встречи и беседы с М. Горьким, их дружеские отношения, просит выслать ему документы, метрики, так как нашел себе подругу и они решили пожениться. Так как письмо было получено Департаментом полиции «агентурным путем», то его автор был назван «автором агентурных сведений»¹. И только благодаря нашей работе истина была восстановлена.

В то время, когда я начала свою трудовую деятельность, еще были живы некоторые секретные сотрудники, вернувшиеся из ссылки, не были расстреляны и в силу своей этики и морали на плаву реабилитации пытались выдать себя за пострадавших революционеров. Их еще подталкивал на «реабилитацию» тот факт, что в то время много писали в литературе,

¹ См.: Ляндрес С. Конец одного навета (о судьбе орловского писателя И. Е. Вольнова) // Литературная Россия. 1961. № 22.

будто материалы жандармских учреждений Москвы и Петрограда погибли в период революции. Некто В., переводчик и секретный сотрудник Департамента полиции, обратился к нам с просьбой выдать ему справку о трудовой деятельности. Он писал, что практически всю жизнь просидел в тюрьме, нет трудового стажа и, может быть, его служба в Департаменте даст ему возможность получить хотя бы минимальную пенсию. Наверное, справку о его службе мы могли бы выслать, а что делать с его службой в качестве секретного сотрудника?! В таких щекотливых ситуациях руководство Главархива разрешало приглашать заявителей на беседу и показывать документы об их второй «тайной жизни». Некоторые в таких случаях приходили, некоторые отказывались от встречи.

Некто Д., отсидев 10 лет в лагерях Сибири, считал, что он был осужден напрасно. Я не помню, чтобы он был реабилитирован, но он считал, что достоин, как пострадавший и революционер, персональной пенсии. Однако документы указывали на то, что, будучи арестован действительно за революционную деятельность, он в тюрьме доносил на своих сокамерников, за что и был осужден в советское время. Приглашенный в архив, он в беседе со мной и Верой Алексеевной Роговой доказывал нам, что дело было сфабриковано. Но истина заключалась в том, что доносы его были не устные, а письменные и все это сохранилось в делопроизводстве Департамента полиции в подлиннике. Разговор происходил в маленькой комнатке-приемной, где и сейчас принимают заявления наши коллеги. Присутствовала при этом Е. Филатова, заведующая приемной. Наш гость выглядел очень уверенно. Он был хорошо одет. Это было зимой. На нем было хорошо сшитое драповое пальто, каракулевый воротник, из такого же меха шапка-пирожок, золотые очки. Это был пожилой, холеный человек профессорского вида. Ничто не указывало на то, что он провел много лет в далеких лагерях. Смотрел он на нас с большим подозрением. В самом начале мы ему сказали, что в его деле сохранились все его доносы начальнику тюрьмы. При составлении справки о его революционной деятельности мы обязаны написать и о его аресте, и о поведении в тюрьме. Такого рода справку мы можем выдать ему или послать в собес, как он просил в заявлении, но она ничего ему не даст, поэтому он может написать на своем заявлении, что отказывается от справки, что он удовлетворен нашей беседой. Д. стал нас убеждать, что ничего подобного не было, что если есть какие-либо донесения, то это писал не он, что, возможно, его подставили.

Что нам оставалось делать?! Мы принесли дело и из своих рук стали показывать ему. Вот одно донесение, оно было написано чернилами, но почерк был тот же, что и в его заявлении в архив, он практически не изменился спустя почти 40 лет. Улыбаясь, Д. сказал: как он мог написать такой документ чернилами? В камере чернил нет. Последующие доне-

сения были написаны карандашом, в одном из них он просил, чтобы его перевели в лазарет, так как сокамерники его подозревают в связи с надзирателями. Кажется, таких донесений сохранилось четыре. Последнее было уже из тюремного лазарета. Д. писал о медперсонале и говорил о медсестре, которая передает на волю записки заключенных. Д. отрицал, что это его записки, что это его почерк. От справки он не отказывался, однако просил приостановить работу. На следующий день он позвонил и сказал, что хочет еще раз посмотреть дело. Мы согласились. Неужели он забыл, что писал эти донесения, и внушил себе, что этого никогда не было и он сидел напрасно? Дело мы решили показать еще раз, хотя боялись, что он может его порвать. Все дело он внимательно прочитал, сказал, что согласен с нами, от справки он отказывается и готов на заявлении это написать. Через несколько дней — опять звонок и новая встреча в приемной. Нас потряс его вид. Это был уже не тот самоуверенный человек. Он стал рассказывать о своей счастливой семье, о своих взрослых детях. Их было четверо или пятеро. Он принес свои документы, в которых указывалось, что он хорошо работал в лагере, не имел замечаний. Д. принес журнал «Советская женщина», где была фотография всей его семьи. Статья была посвящена его жене, которая без мужа воспитала, дала образование детям, которые стали хорошими специалистами, а некоторые занимали довольно высокие посты. У него была единственная просьба больше не поднимать вопрос о справке и никуда ее не посылать. Он боится за судьбы детей. На этом наши встречи закончились.

Секретной агентурой, проверкой достоверности включения отдельных лиц в картотеку секретных сотрудников пришлось заниматься и позднее, когда наш отдел готовил справочник по секретной агентуре в социал-демократическом движении. А потом, увлекшись этой темой, я все-таки решила подсчитать, какое же количество людей было на службе политического сыска, которые наблюдали за оппозиционным движением¹. Меня смутила цифра, приведенная В. К. Агафоновым в 1918 г. в книге «Заграничная охранка». Он писал, что накануне февраля «при корпусе жандармов состоял еще другой корпус — секретных сотрудников, по численности (30–40 тысяч) приближавшийся к составу армейского корпуса в военное время»². К сожалению, позднее, в 1925 г., эта цифра была повторена известным историком П. Е. Щеголевым на процессе провокатора И. Ф. Окладского в Верховном суде, когда он сказал: «Я считаю, что армия секретных сотрудников выражается в 35–40 тысяч», повторив цифру Агафонова³. Должна сказать, что эта цифра и сейчас переходит из книги

¹ *Перегудова З. И.* Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000. С. 235–238.

² *Агафонов В. К.* Заграничная охранка. Пг., 1918. С. 216.

³ Процесс предателя провокатора Окладского. Л., 1925. С. 25.

в книгу. Вопрос о секретном сотрудничестве периодически поднимается в исторических исследованиях. Обвиняли в сотрудничестве Я. М. Свердлова, М. В. Фрунзе, И. В. Сталина, которых нет в наших картотеках секретных сотрудников. Свердлов и Фрунзе упоминаются порой в работах в результате непонимания некоторыми историками терминологии чиновников политического сыска. Что касается Сталина, то его обвинение было пущено в ход в результате фальшивки, которая была опубликована в США в 1952 г. и использована нашими учеными Г. А. Арутюновым и Ф. В. Волковым в своей публикации в 1989 г. в «Московской правде» со ссылкой на хранение подобного документа в нашем архиве. По заданию начальника Главного архивного управления Ваганова пришлось выступить с опровержением. Затем вместе с Б. И. Каптеловым мы выступали с большой статьей с указанием даже фамилии автора фальшивки, которого мы вычислили и авторство которого доказали.

Работа на «справках» мне дала очень многое, так как передо мной как бы раскрылась вся история революционного и оппозиционного движения. Я становилась широким специалистом, знакомым с материалами различных партий и течений, их изданиями, их идеологией и людьми, которые работали в этих организациях. Практически за каждым заявлением была жизнь, судьба человека, семьи, и я старалась не быть равнодушной к этим людям. Одно заявление меня потрясло. Это было заявление Наталии Николаевны Чистяковой-Зимогляд из Ленинграда, которая девочкой в возрасте 3 лет осталась сиротой в Сибири, в г. Канске, куда выслали ее мать за участие в работе нелегальных партийных организаций. Ее воспитали ссыльные. Но так как мать погибла вскоре после приезда в ссылку, о ее родных мало что знали. Мало что могли рассказать девочке, и когда она выросла. Запросом я увлеклась. Наталии Николаевне мы ответили, сообщили ей все, что нашли в нашем архиве о матери, сестрах матери, дедушке, все они работали в нелегальных типографиях. Подготовленная справка была отослана. Но душа моя была неспокойна. Вечерами я пропадала в Историческом архиве г. Москвы. Изучала фонд Бутырской тюрьмы, где находилась мама нашей заявительницы Александра Григорьевна Чистякова и где вместе с ней находилась маленькая девочка Наташа. Впоследствии я познакомилась с Наталией Николаевной и ее семьей, когда она приехала в Кратово к своим воспитателям. А во время отпуска я посетила Кострому, и с костромской учительницей Ниной Григорьевной Соловьевой мы прошли по тем тропам, по которым ходили сестры Чистяковы, посетили те места, где была нелегальная типография. В результате работы костромских архивистов и музейщиков были найдены лица, которые дали приблизительные координаты родственников Наталии Николаевны. Мне же удалось использовать несколько дней из моих очередных отпусков и поработать в Костроме в архиве и музее, побывать в Киеве, а затем

в Подмоскowie и познакомиться с родственниками Наталии Николаевны. Результаты моих поисков вылились в небольшую книжечку «Строго за-конспирированы». Она быстро разошлась. Я получила так много откли-ков, что хватило бы на книжку с продолжением.

Реабилитация подходила к концу, постепенно запросов становилось меньше. Справочная же работа шла параллельно с другими заданиями, которые исполнял отдел.

ЦГИАМ был не комплектующим архивом, и ведущими были три основных направления — это публикаторская работа, усовершенствование научно-справочного аппарата, наведение архивных справок в связи с реабилитацией. Учету придавалось мало значения, и не было практически человека, который в целом в архиве отвечал за учет. В отделах им занимались руководители подразделений, о справочной работе уже было сказано выше. Вообще работы в архиве в момент моего прихода было выше голо-вы: разбирали россыпь. Это материалы вещественных доказательств, где было много листовок. Их описывали и составляли на них картотеку, за-канчивали составление описей и указателей к материалам III отделения, 1-й экспедиции.

Интересно отметить, что материалы вещественных доказательств еще с 1908 г. присылались с мест в Департамент полиции и оставались прак-тически им не разобранными. Они достались нам в наследство. Из этих чрезвычайно интересных документов, отобранных при обысках и арес-тах революционеров, был создан фонд 1167. Его разбирали и описывали К. Г. Ляшенко, Р. Г. Гончукова, А. Стрижкова, Е. М. Бобкова. Часть до-кументов — листовки и брошюры — вошли в состав фонда нелегальных изданий (Ф. 1741). К сожалению, до 1908 г. вещественные доказательства, фигурировавшие на политических процессах, как правило, уничтожались после вынесения приговора. Что же произошло в 1908 г.?! Один из пред-водителей дворянства Самарской губ., присутствовавший на процессе и видевший вещественные доказательства, был удивлен, что эти документы подлежат уничтожению. Он стал посылать в разные инстанции записки о необходимости сохранения этой документации. Он, в частности, писал: «Эти материалы представляют большой государственный интерес, так как среди них встречается ряд чрезвычайно интересных рукописных и печатных изданий, ярко характеризующих переживаемую эпоху во всех проявлениях и оттенках, ввиду чего, казалось бы, этот материал, система-тически подобранный, имел особую ценность для имеющего быть осно-ванным в Москве Музея русского революционного движения. Во-первых, для того, чтобы бороться с врагом, надо знать его силы и настроения, и в этом отношении часть упомянутого выше материала, где с особой яс-ностью разработан план кампании против существующего правительства и намечены пути к захвату власти с подробным распределением боевых

революционных сил, — эта часть должна быть использована с целью более верной и успешной борьбы с боевыми революционными организациями России»¹.

Работа с этими документами была огромная, и на завершающем этапе уже в составе ЦГАОРа ею занимались и довели до логического конца Б. Ф. Додонов, А. Н. Голяков, В. П. Савосина (Хитрова).

Созданию научно-справочного аппарата к материалам III отделения Собственной его императорского величества канцелярии (Ф. 109 — С. Е. И. В. К.) придавалось большое значение. Фонд был более открытым, чем другие, в силу его давности. Но поиск документов был затруднен. Еще по инициативе Татьяны Григорьевны Коленкиной (до ее ухода в Глав-архив) была начата работа по созданию тематических описей к 1-й экспедиции. Это было связано еще с тем, что заголовки дел по описям часто были «глухие», кроме того, много дел было уничтожено еще до революции в связи с истекшими сроками хранения. По этим описям было сложно подсчитать и количество дел. Было решено сделать несколько тематических описей: революционное движение в России; внутренняя политика России; восстание в Польше 1831 г.; восстание в Польше 1863 г.; положение чиновничества. К каждому тому сделали именной указатель. Но когда работа была сделана, описи подготовлены и дело дошло до перешифровки, то пришли в ужас от того объема, который предстоит сделать: перешифровка дел, переводные таблицы, перекартонирование и так далее.

Но самое главное, что при этой работе мы усложняли себе и исследователям работу по розыску уже опубликованных документов. К этому времени приблизительно 40 % дел еще с дореволюционных времен и в советское время было введено в научный оборот, имелась интересная серия публикаций (взять хотя бы «Восстание декабристов»). Потом, старые шифры имели определенную логику и были организованы по старой номенклатуре дел, которая нарушалась.

Был единственный выход — все имевшиеся тома-описи назвать тематическим каталогом-указателем, а к порядковым номерам указателей приписать их старые делопроизводственные номера. Тематические указатели оказались очень ценными пособиями, как для архивистов, так и для исследователей. Позднее такие же указатели были сделаны для дел 3-й экспедиции, но, к сожалению, не на полный комплекс документов, не с 1826 г., а с 1854 г., когда постепенно в эту структуру стали передаваться дела о революционном движении.

Вначале в этой работе принимали участие почти все сотрудники отдела внутренней политики, а потом, на завершающем этапе, уже доводила работу до ума Александра Ивановна Цветкова. Последний том указателя

¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1908. Д. 154. Т. 1. Л. 3–4.

практически был сформирован ею, она же и наблюдала за приведением в порядок именных указателей к 3-й экспедиции.

Александра Ивановна, или Саша, как мы ее всегда зовем, пришла в архив позже нас с Кларой Георгиевной, но всего на несколько лет. Очень скромный, тихий, спокойный человек. Ее направили сразу на работу в читальный зал. Это был один из сложнейших участков работы. Как правило, читальный зал выдерживали немногие. Работа с людьми всегда требует выдержки, спокойствия, знаний.

Наш читальный зал находился в старом помещении, где расположен Архив древних актов, и занимал две последние комнаты, где находится в настоящее время выставочный зал. Исследователей было очень много, порой не хватало мест, и выдача дел в читальный зал была очень большая. Заведующей читальным залом была старейший сотрудник архива Капитолина Андреевна Белоусова, потом ее сменила Любовь Мироновна Шалагинова. Через несколько лет Саша перешла в отдел, где занималась каталогизацией материалов Департамента полиции и созданием указателей к 3-й экспедиции III отделения.

Была идея опубликовать эти указатели. Полагаю, что это имело бы смысл делать и сейчас, так как исследователи, имея данное пособие в своей библиотеке, не тратили бы то короткое и драгоценное время, которое они проводят в архиве, на работу по поиску, а приезжали в архив в какой-то мере подготовленные, хотя бы по определенному корпусу документов.

Подобная идея была и с описью-указателем к материалам Особого присутствия Правительствующего Сената. Эту работу в основной части вместе с сотрудниками готовила Софья Васильевна Гаврилова, подруга Михаила Ивановича Калинина.

1957 год — был год юбилейный. Праздновали пятидесятилетие первой русской революции 1905–1907 гг., 40-летие Октябрьской революции. Между отделами были распределены фабрики и заводы, по которым имелись документы и в которых устраивались однодневные выставки с показом документов об участии рабочих этих предприятий в революционных событиях. В этом принимали участие почти все сотрудники архива. Эти однодневные выставки проходили очень оживленно, а на выставку приходили не только уже взрослые дети участников событий, но порой и сами уже пожилые рабочие, фамилии которых были зафиксированы в наших документах.

Но, к сожалению, в то время развернуть по-настоящему выставочную работу не удалось.

Вскоре поменялось наше руководство, тяжело заболел В. И. Истомин, ушел на пенсию Е. И. Голубцов.

В то время уход на пенсию при достижении возраста был, как я припоминаю, кажется, обязательным.

Сотрудники с большим сожалением провожали на пенсию Ефима Ивановича. Умный, мудрый человек, очень интеллигентный, не конфликтный, у него были очень хорошие отношения с коллективом. Организованный и требовательный, он умело руководил архивом, опираясь на своих заместителей. Он с большим уважением относился к сотрудникам.

Новый директор Степан Тарасович Беляков не был равнозначной заменой. К нам он пришел с должности директора Музея В. И. Ленина в Горках. Как говорили сотрудники музея, его не приняли в коллективе. До того он работал вторым секретарем Калужского обкома партии и был обвинен в «засорении» педагогических кадров.

Внешне в архиве все как бы оставалось по-прежнему, но ушла «открытость», появилась осторожность. Архивную работу он не знал и, к сожалению, не всегда прислушивался к высказываниям опытных сотрудников, пытался проводить некоторые нововведения. Что такое «ед. хр.», говорил он, может быть, это «едренный хрен». Надо писать «дело». Это был не принципиальный спор, но многие его замечания строились на мелочах. Я думаю, что он никогда не читал «Правил работы государственных архивов» и не знал об их существовании, иначе у него не возникало бы порой очень простых и быстрых ответов на вопросы, требующие специальных знаний.

К счастью, Степан Тарасович вскоре нашел себя в архиве. Он увлекся ленинской тематикой. Очень много работал с материалами Департамента полиции, Московского охранного отделения. Ему удалось выявить несколько неизвестных писем Ленина и Крупской, и это, безусловно, было интересно. Он много работал с фондом перлюстрации, к сожалению, вносил свои правки простым или красным карандашом в подлинные документы, расшифровывая законспирированные письма. Эти правки я увидела много позже, когда Беляков уже не работал в архивной системе. Подобные пометы на документах делали работники Особого отдела Департамента полиции. Изучая документы, исследователи, как правило, обращают внимание на такого рода пометы, резолюции. Поэтому заметки Белякова дезорганизуют исследовательскую работу. В настоящее время я редко работаю с перлюстрацией, но когда вижу руку Степана Тарасовича, то в листе использования отмечаю, что расшифровка на документе сделана в архиве С. Т. Беляковым.

Проработав уже 53 года в архиве, я думаю о том, что архив мне очень много дал (конечно, кроме денег, зарплата у меня всегда была небольшая, как и у всех архивистов). Но в нашей работе каждый день ты познаешь что-то новое, углубляешь уже имеющиеся знания, находишь какую-то взаимосвязь с событиями, о которых думала, размышляла. Вдруг они всплывают на поверхность в документах, целый ряд лиц, их жизнь, судь-

бы проходят перед глазами, все выстраивается в цепочку, которую прослеживаешь до логического конца.

Я считаю, что мне повезло с работой. Было много предложений уйти в научно-исследовательские институты, на преподавательскую, партийную работу, где сулили всякие блага. Но все это мне было неинтересно.

Работа мне подарила знакомство и дружбу с такими историками, как П. А. Зайончковский, К. Ф. Шацилло, А. А. Аврех, Г. З. Иоффе, В. В. Шелохаев, Н. М. Дружинин, Е. Л. Рудницкая, И. М. Пушкарёва, Ф. М. Лурье, В. В. Журавлев, И. В. Порох, А. В. Уроева, В. Д. Поликарпов, и многими другими. Дружеские отношения сложились с кинематографистами Д. Я. Храбровицким, С. Н. Колосовым, Е. С. Матвеевым, Э. Климовым, писателями Н. Я. Эйдельманом, Ю. В. Семеновым, Г. П. Штормом, В. Позновским, В. А. Чивилихиным и другими.

А что же я дала архиву?! Просматривая свои отчеты за многие годы, я убедилась, что годы в архиве прошли не напрасно.

Пожалуй, более всего горжусь тем, что много сделала для развития НСА архива, приведения в порядок описей отдела дореволюционных фондов, которые были в одном экземпляре, когда я пришла в архив. Много сил ушло на их подготовку и перепечатку.

Сейчас, когда я вхожу в рабочие комнаты отдела НСА, смотрю тематическую картотеку, которую мы окрестили «наш замечательный каталог», я горда, что принимала участие в его создании. Много сил я отдала популяризации документов архива, проводя экскурсии по его материалам и занятия с научными сотрудниками российских и зарубежных архивов, преподавателями, аспирантами, студентами.

В 1961 г. Центральный государственный исторический архив в Москве прекратил свое существование. В это время был ликвидирован и другой архив — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. После их ликвидации и на их базе было создано два архива: Центральный государственный архив народного хозяйства, теперь РГАЭ, и Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) — теперь ГА РФ. ЦГИАМ, вошедший в состав нового архива самостоятельным отделом, первоначально назывался отделом дореволюционных фондов. Директором нового архива стал Владимир Романович Копылов. Практически он и формировал этот архив, так как долго у него не было заместителей. Старое руководство разделенного архива ушло в ЦГАНХ, туда же заместителем директора ушел С. Т. Беляков. Т. Г. Снытко незадолго до реорганизации ушел в Институт славяноведения и балканистики. Функциональные отделы были объединены в новом архиве. Все фондовые подразделения ЦГИАМа были объединены в один отдел, которым стала за-

ведовать Вера Алексеевна Рогова. Я осталась в исторической части архива под руководством Веры Алексеевны.

Так прошли первые годы работы в нашем ЦГИАМе. Сейчас мало кто помнит, что был такой архив, даже архивисты. Только архивные ссылки в сборниках и научных статьях, изданных до 1962 г., свидетельствуют о его существовании. Воспоминания об этих годах и моих первых шагах в архиве получились несколько светлые и радостные. Но это не значит, что не было сложностей, тяжелых, а порой и горестных минут, но мы были молоды, впереди были светлые перспективы. А что касается памяти, то она избирательна, запомнилось, как это всегда бывает, только самое хорошее и светлое.

А моя дальнейшая работа — это другая история, это следующая глава в моей жизни.

3. И. Перегудова

Петр Андреевич Зайончковский в архиве на Пироговке

Архивы всегда были творческой лабораторией П. А. Зайончковского. Петр Андреевич, можно сказать, не мыслил своей работы без архивов, занимался во многих архивах страны и хорошо их знал. В читательской анкете, заполненной 22 сентября 1951 г., он указал, что работал в ЦГВИА, ЦГИАМ, ЦГИАЛ, в архиве МИД, архивах Киева, Харькова, Ленинградской области и так далее¹.

Зайончковский много, внимательно, даже «самозабвенно» работал с архивными документами, полностью погружаясь в их содержание и получая от них истинное удовольствие. Введя в научный оборот целые пласты новых источников, в своих работах он всегда много цитировал, считая, что это является лучшим подтверждением его мыслей и выводов; когда находил особенно интересный документ, то не мог удержаться, чтобы не зачитать его вслух, делясь с окружающими своей находкой. В годы перестройки по телевидению часто устраивались «круглые столы» историков, и я была удивлена, когда один маститый ученый на всю страну сказал: «Мы вначале разрабатываем концепцию, потом под эту концепцию подбираем материалы». Петр Андреевич был из другой школы, он изучал круг источников по той или иной проблеме во всей их полноте и затем уже, исходя из полученных данных, разрабатывал концепцию.

Впервые я увидела Петра Андреевича на историческом факультете Московского государственного университета, хотя и не была в студенческие годы его ученицей в прямом смысле слова. Я слушала его лекции, обща-

¹ ГАРФ. Ф. 5142. Оп. 8. Д. 588. Л. 2.

лась на консультациях, но, специализируясь на другой кафедре (истории южных и западных славян), непосредственно с Петром Андреевичем не общалась. От своих сокурсников я знала, как внимательно он относится к своим ученикам, которые с большой любовью говорили о своем научном руководителе. При этом Петр Андреевич требовал от своих студентов хорошего знания источников по выбранной теме и всегда добивался, чтобы его дипломники занимались в архивах. В настоящее время дорога в архив открыта для студентов уже с младших курсов. В годы моего студенчества, вплоть до 1960–1970-х гг., даже дипломникам было сложно попасть в архив, однако благодаря поддержке Петра Андреевича его студенты занимались не только в московских архивах, но и в архивах других городов.

В архивной системе Петра Андреевича хорошо знали. Работая в Центральном государственном историческом архиве СССР в Москве¹, я была свидетелем того, как Зайончковский добивался, чтобы его студенты, аспиранты и стажеры получали для работы материалы, которые не были закрыты, но доступ к которым был ограничен (личные фонды членов императорской фамилии, некоторые материалы из фондов Департамента полиции и штаба Корпуса жандармов, имевшие оперативное значение, и др.). Он учил студентов работать с архивными документами и часто проводил занятия с ними непосредственно в архиве. Показателем уважительного отношения к своим студентам, к их поискам и находкам, может служить упоминание их имен в статьях и монографиях Зайончковского в тех случаях, когда Петр Андреевич использовал найденные ими материалы.

В фонде архива совершенно случайно сохранились два читательских дела П. А. Зайончковского. Они были сформированы в послевоенные годы из документов, находившихся в россыпи и уцелевших чудом (возможно, лишь частично). В октябрьские дни 1941 г. архив был практически уничтожен, сожжены дела сотрудников и исследователей, а также почти вся текущая переписка. Поэтому хронология работы Петра Андреевича в архиве имеет определенные пробелы.

Он стал заниматься в нашем архиве (тогда еще — в Архиве революции и внешней политики²) в 1937 г., будучи студентом-заочником 5-го курса

¹ До 1961 г. существовало два центральных исторических архива — ЦГИАМ СССР в Москве и ЦГИАЛ СССР в Ленинграде. В 1961 г. Центральный государственный исторический архив в Москве стал отделом дореволюционных фондов нового архива, создавшегося на базе ЦГИАМ СССР и части Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства. Новый архив получил название ЦГАОР СССР. В апреле 1992 г. ЦГАОР СССР был объединен с Центральным государственным архивом РСФСР. Объединенный архив получил наименование Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

² «Архив революции и внешней политики» — это первоначальное название ЦГИАМ СССР. В 1925 г. фонды московского архива были объединены с фондами бывшего

историко-филологического факультета Института истории, философии и литературы. В это же время Зайончковский преподает в Московском мукомольно-элеваторном техникуме. В делах имеются достаточно подробные анкеты Петра Андреевича, в которых указываются членство в партии с 1931 г., номер партийного билета, упоминается партийный выговор, полученный в 1935 г. «за нетактичность»¹. В письме помощника директора института по обучению Гурьева указывалось, что студент Зайончковский отлично сдал «весь теоретический курс, готовится к государственным экзаменам и прорабатывает тему: “Кирилло-Мефодиевское братство” по научному практикуму»².

Занимаясь в архиве, Петр Андреевич тщательно изучал дела III отделения Собственной его императорского величества канцелярии и одновременно в марте 1937 г. выписывал и просматривал документы декабристов, членов Общества соединенных славян. Возможно, в это время он подбирал материалы, которые были использованы в 1941 г. в его первой публикации о библиотеке П. И. Пестеля.

В октябре 1939 г. Московский мукомольно-элеваторный техникум уже ходатайствует о допуске преподавателя техникума П. А. Зайончковского к работе над диссертацией по теме «Кирилло-Мефодиевское общество 1846–1847 гг.»³. В начале 1940 г. в техникум были высланы заказанные им копии документов по теме диссертации, которая была защищена в том же году.

В 1940 г. Зайончковский переходит на работу в Московский областной педагогический институт на должность доцента кафедры истории СССР. Темой его исследования, согласно письму в архив, стала «Карательная экспедиция генерала Римана на Казанской ж. д.». Исполнялось 35 лет революции 1905–1907 гг., и, вероятно, выявление документов проводилось по плану кафедры к очередной годовщине событий 1905 г., не вызвав у исследователя большого интереса. Во всяком случае, в списке работ Петра Андреевича нет никакой заметки или статьи на эту тему.

Министерства иностранных дел России. Объединенный архив получил название Архив революции и внешней политики. В 1934 г. архивы формально разъединились, но у них был один директор, общие канцелярия и отдел кадров. Архивы находились на Большой Серпуховской улице (д. 15). В 1941 г. вновь произошло объединение архивов (Архив революции, Архив внешней политики). Новый архив получил название Центральный государственный исторический архив СССР в Москве (ЦГИАМ). Постановлением Совета народных комиссаров от 3 декабря 1945 г. материалы внешней политики были переданы в Архивное управление МИД СССР. См.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 202. Т. 1. Л. 141–142.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 202. Т. 1. Л. 1, 5.

² ГА РФ. Ф. 5142. Оп. 8. Д. 1005. Л. 2.

³ Там же. Л. 4.

Очевидно, с этого времени у Петра Андреевича устанавливаются особенно тесные отношения с архивом. Своих студентов Петр Андреевич сразу приводит в архив и работает вместе с ними, выявляя документы по теме «Рабочее и крестьянское движение». Как указывалось в сохранившихся ходатайствах, это была архивная практика студентов института. Хочется еще раз подчеркнуть: архивное начальство (архив в то время находился в системе НКВД) редко допускало студентов до работы с первоисточниками, считая их недостаточно подготовленными для того, чтобы разобраться в сложностях материала «политического архива», каким считался Архив революции и внешней политики.

Война на несколько лет прервала работу ученого. В первые послевоенные годы Петр Андреевич занимал должность заведующего рукописным отделом Библиотеки им. В. И. Ленина, готовил к публикации хранящиеся там дневники военного министра Д. А. Милютина. В 1948 г. он вновь начал заниматься в нашем архиве. Продолжая работать над дневниками Милютина, он собирал материал для своей докторской диссертации, посвященной военным реформам 1860–1870-х годов.

Петр Андреевич, пожалуй, одним из первых приступил к изучению фондов династии Романовых. Особое внимание он обращал на дневники царствующих особ (Александра II и Александра III), а также великого князя Константина Николаевича. Судя по тем делам, которые он выписывал, в это время была заложена основа его будущих работ и окончательно определилось главное направление его исследовательской деятельности — реформы в России, армия, самодержавие, правительственный аппарат.

К сожалению, читательские дела ученого заканчиваются в 1955 г.¹, когда он готовил работу по крестьянской реформе 1861 г. С этого времени Петр Андреевич уже не заполнял анкет, работая непосредственно в отделе. Об изучаемых им делах можно судить только по сохранившимся книгам выдачи дел и его трудам. В выборе дел его отличала исключительная целенаправленность. Никаких лишних дел. У него выработалось своего рода чутье на материалы, он словно чувствовал документ. Каждое дело долго и тщательно просматривал, иногда возвращался к нему, чтобы проверить ссылку.

С января 1957 г. он стал членом Научного совета ЦГИАМ (вместе с Н. М. Дружининым, В. В. Максаковым, Л. М. Ивановым, М. В. Нечкиной)², принимая участие в научной жизни архива и консультируя его сотрудников. Как известно, П. А. Зайончковский придавал огромное значение справочной литературе, был инициатором создания и редактором справочников, без которых теперь не может обойтись ни один историк. О его

¹ ГА РФ. Ф. 5142. Оп. 8. Д. 1005. Д. 588.

² ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 219. Л. 3.

отношении к этим изданиям можно судить по дарственной надписи на книге «Справочники по истории дореволюционной России», подаренной Л. Г. Захаровой: «Дорогой Ларе от учителя. Это лучшее, что я придумал в своей жизни»¹. Живо откликнулся он и на подготовку ЦГИАМ путеводителя по архиву. Тот путеводитель, который вышел в 1946 г., за 11 лет явно устарел. К тому же готовили его во время войны, а с тех пор несколько изменился состав материалов. Выступая 19 декабря 1957 г. на Научном совете, обсуждавшем план путеводителя, Петр Андреевич предложил полезные уточнения по схеме, сделал ряд конкретных замечаний по отдельным разделам, отметив, что это крайне необходимое для исследователей издание, своевременная и полезная работа. В то же время Петр Андреевич считал, что такая работа не должна проводиться в спешке.

После окончания университета я пришла на работу в Центральный государственный исторический архив СССР в Москве, и с этого времени мы общались с Петром Андреевичем почти 25 лет. Он знал всех сотрудников архива, так как коллектив был сравнительно небольшой (кажется, 42 человека), а он к тому же, являясь членом Научного совета, рецензировал наши работы. Это был не только ученый, но и прирожденный педагог, постоянно стремившийся привлечь, заинтересовать молодых специалистов и только что пришедших в архив сотрудников, побуждая их серьезно заниматься наукой и повышением своего научного статуса. Петр Андреевич любил общаться с архивистами, часто консультировался с ними, хотя порой мне казалось, что он знает ответ на поставленный им вопрос, который является своеобразной игрой, вызванной желанием, чтобы сотрудник задумался над той или иной проблемой.

Петр Андреевич активно сотрудничал с публикаторским отделом архива, выступив в качестве инициатора и руководителя ряда интересных и фундаментальных публикаций. При его непосредственном участии были изданы дневники П. А. Валуева и А. А. Половцова². Текст готовили к публикации Г. М. Лифшиц и М. Г. Вандалковская (от Института истории). Помню, как сложно было разбирать почерк Валуева, сколько трудностей было при перепечатке и подготовке текста. Вступительные статьи и комментарии к дневникам Валуева и Половцова были написаны П. А. Зайончковским.

В начале работы над справочниками по истории дореволюционной России мы готовили списки имеющихся в архиве справочников по Министерству внутренних дел, штабу Корпуса жандармов, учебным заве-

¹ Исторический архив. 2004. № 4. С. 150; ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 219.

² Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961; Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: В 2 т. М., 1966.

дениям. Обнаружив в беседах со мной интерес к фонду Департамента полиции, Петр Андреевич говорил, что было бы хорошо написать работу, посвященную этому учреждению, хотя и он, и я опасались, насколько «проходима» будет диссертация на эту тему. Он придумывал даже название работы, считая необходимым сочетать Департамент полиции и революционное движение в их противостоянии. Говорили о III отделении, его функциях, сравнивали их с функциями Департамента полиции. Эти беседы не прошли для меня даром, хотя полученными советами я воспользовалась уже после смерти Петра Андреевича. Кандидатскую диссертацию по согласованной с ним теме я защитила под руководством его ученика Николая Петровича Ерошкина и Александра Давидовича Степанского (ученика Н. П. Ерошкина).

У Петра Андреевича была высокая культура общения, глубоко уважительное отношение к людям, которое распространялось на всех — от архивно-технического сотрудника до руководителя подразделения. Он ценил знания сотрудников и часто находил для себя много интересного в общении с ними. В связи с этим мне хочется вспомнить Анну Алексеевну Пожарскую — архивно-технического сотрудника нашего архива. Она работала в ЦГИАМ почти с момента его организации, очень любила свою работу, к документам относилась трепетно и, несмотря на невысокое образование, хорошо знала цену архивных материалов. Так как Петру Андреевичу разрешалось заниматься не в читальном зале, а в одной из рабочих комнат архива, Анна Алексеевна всегда подбирала ему дела, и они дружески общались, легко находя темы для разговора. Петр Андреевич высоко ценил ее исполнительность и интерес к своему труду, не ограничиваясь словами благодарности, дарил ей свои книги с автографом, что было для Анны Алексеевны высшей наградой, которой она очень гордилась.

Петр Андреевич занимался в архиве до самых последних дней жизни. Для нас, сотрудников архива, его смерть была совершенно неожиданной. Еще накануне он был в архиве, работал с дневниками М. А. Корфа, в сейфе лежала тетрадь с его выписками, на полке оставались подобранные для него дела. Но Петр Андреевич больше не пришел в архив...

У него была масса задумок и планов, хотя он знал, что уже не успеет воплотить их в жизнь. Но он воспитал достойное поколение учеников, которые продолжают его дело. Издаются не публиковавшиеся ранее воспоминания и дневники Милютина, справочники о российской эмигрантской мемуаристике, переиздан дневник А. А. Половцова, подготовлено переиздание дневника П. А. Валуева...

Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 187–192.

Н. С. Зелов

Зелов Николай Степанович

(р. 28.06.1939, г. Весьегонск Калининской (ныне Тверской) обл.). Историк-архивист, журналист. После окончания средней школы в 1956–1958 гг. работал инструктором Весьегонского РК ВЛКСМ, после окончания МГИАИ — с августа 1963 г. трудовая деятельность связана с ЦГАОР СССР — ГАРФ. Работал в отделе использования документальных материалов младшим, старшим научным сотрудником, заместителем начальника отдела, в 1974–1979 гг. возглавлял отдел личных фондов, с 1979 г. — архивохранилище личных фондов государственных

и общественных деятелей СССР и Российской Федерации. Более пятидесяти лет занимается краеведением, изучает прошлое Весьегонского края. С 1957 г. публикуется в центральной, областной, районной периодической печати. Член бюро Весьегонского РК ВЛКСМ (1956–1958 гг.), кандидат в члены Ленинского РК ВЛКСМ г. Москвы (1966–1968 гг.), с 1996 г. — член правления Центрального совета Российского общества историков-архивистов, с 1999 г. — член Археографической комиссии РАН. Награжден медалями «Ветеран труда» и «В память 850-летия Москвы»; за многолетний добросовестный труд в архивных учреждениях присвоены почетные звания «Отличник архивного дела» и «Почетный архивист»; неоднократно награждался почетными грамотами Главархива СССР и Росархива, союзов журналистов, писателей России, редакций газет, администрации и общественных организаций Весьегонского района Тверской области¹.

Архив в моей жизни

Ноябрь 2007 г.; май 2010 г.

Студенческие годы запомнились не только лекциями Николая Петровича Ерошкина, Людмилы Марковны Зак, Сигурда Оттовича Шмидта, других талантливых преподавателей Историко-архивного институ-

¹ Жукова Ю. М. Хранитель истории русской (к 70-летию Н. С. Зелова) // Весьегонск: Краеведческий альманах. Вып. III. М.: Филиал ФГУП «Военное издательство», 2009. С. 497–502.

та. Помню встречи с великим скульптором С. Т. Коненковым в его мастерской на Тверском бульваре, с выдающейся драматической актрисой Е. А. Полевицкой в крохотной однокомнатной квартире на Кутузовском проспекте. Бережно храню любительский фотоснимок с профессором Московской консерватории, пианистом А. Б. Гольденвейзером как память о встрече в его музее-квартире. За долгую жизнь Александр Борисович собрал уникальную коллекцию редких нотных изданий, концертных программ и афиш, фотографий, рукописей, писем знаменитых музыкантов.

Значительнейшим событием стало знакомство в 1958 г. с земляком, военным деятелем и публицистом А. И. Тодорским. По приглашению Л. М. Зак, руководителя студенческого научного кружка истории советского общества, он присутствовал на одном из заседаний. После доклада студентки третьего курса Гитты Иофис «Установление советской власти в Весьегонске Тверской губернии» Александр Иванович выступил с воспоминаниями о революционных событиях в моем родном городе, о том, как создавалась книга «Год — с винтовкой и плугом», вышедшая к первой годовщине Октябрьской революции и получившая высокую ленинскую оценку в статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов». На этом заседании, будучи студентом первого курса, впервые встретился с автором книги «Год — с винтовкой и плугом». Потом были встречи в домашнем рабочем кабинете земляка на Хорошевском шоссе (ул. Куусинена), в большом зале Политехнического музея на вечере, посвященном девяностолетию со дня рождения Демьяна Бедного, с которым он познакомился и подружился в Весьегонске весной 1919 г., в Академии художеств на открытии персональной выставки Владимира Серова, отец которого в 1918–1921 гг. возглавлял Весьегонский уездный отдел народного образования. И не мог предположить, что в дальнейшем земляк проявит интерес к моей дипломной работе «Начало культурной революции в Весьегонском уезде», напишет хороший отзыв, зачитанный на заседании ГЭК Л. М. Зак.

Студенты Историко-архивного института в 1963 г. впервые защищали дипломные сочинения не на кафедрах, как было раньше, а на заседании Государственной экзаменационной комиссии, которую возглавлял директор ЦГАОР СССР Николай Романович Прокопенко. Заседание комиссии он вел спокойно, доброжелательно. Дипломную работу я защитил на «отлично». В том же году она была отмечена на Всероссийском конкурсе студенческих научных работ Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР. Александр Иванович, еще за несколько месяцев до окончания земляком института, по собственной инициативе написал в ГБЛ, в Главархив СССР, другие организации письма с просьбой помочь мне в трудоустройстве. Руководство ГБЛ сообщило Тодорскому об отсутствии вакансий в отделе рукописей и возможном при-

нятии на работу в один из отделов библиотеки. Откликнулось на просьбу Александра Ивановича и руководство Главархива СССР. На предварительном распределении будущих молодых специалистов, проходившем в кабинете директора института, доктора исторических наук, профессора Л. А. Никифорова, узнал о направлении меня в распоряжение Главархива СССР, как оказалось позднее, в один из отделов Центрального государственного архива народного хозяйства. Обратился с убедительнейшей просьбой к представителю Главархива СССР А. А. Михайловой направить меня в Архив Октябрьской революции. Просьбу Анна Алексеевна не оставила без внимания и пообещала поговорить с руководством архива. И свое обещание выполнила. 1 августа 1963 г., как было указано в предписании, пришел в отдел кадров Главархива СССР, и А. А. Михайлова (добрая память этому человеку!) пошла со мной к Николаю Романовичу Прокопенко. Первая встреча с директором архива была краткой. Ознакомившись с документами, он сказал: «Направляем Вас в отдел использования документальных материалов. Вам в этом отделе будет интересно. Вам предстоит исполнение тематических запросов организаций и учреждений, подготовка выставок, информации для периодической печати». Вероятно, Николай Романович обратил внимание в характеристике МГИАИ на молодого специалиста на упоминание о корреспонденциях, заметках, опубликованных студентом по архивным документам (полгода работал на практике в ЦГАЛИ) в «Советской культуре», «Учительской газете», «Комсомольской правде», журнале «Огонек», и пожелал дальнейших успехов. В ответ на пожелание сказал, что увлекаться «творчеством» на работе не буду. «Нет, нет, — заметил Николай Романович, — продолжайте сотрудничать с периодической печатью». Вскоре появились в центральной печати корреспонденции, заметки, написанные в субботу и воскресенье. Никто, никогда не препятствовал мне пропагандировать архивные документы в средствах массовой информации. Ежемесячный план по исполнению тематических запросов выполнял в полтора-два раза.

Возглавляла отдел Вера Ивановна Гольдина (педагог по профессии, она пришла в архив, кажется, в самом начале 1963 г.). До этого несколько лет работала секретарем (очень значительная в те времена должность) Ленинского райисполкома Москвы. Ее муж многие годы возглавлял партбюро партийной организации Министерства просвещения РСФСР. После очередных выборов Вера Ивановна не вошла в состав исполкома и была трудоустроена в ЦГАОР СССР. Для нее, вспоминали коллеги, и был создан отдел использования, раньше в структуре архива такого отдела не было. В него пришли из других структурных подразделений Д. И. Бабин, участник, инвалид Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., бывший работник отдела пропаганды ЦК КПСС, сотрудник отдела спецфондов ЦГАОРа; Л. А. Голубева, выпускница одного из технических вузов, жена

главного редактора газеты «Московская правда» Василия Николаевича Голубева; ветеран архива А. А. Голикова; выпускница исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Н. Ф. Макеева, а также окончившие Московский государственный историко-архивный институт М. И. Захарцева, Н. Б. Коваленко, Р. И. Яковлева. Маргариту Ивановну Захарцеву незадолго до моего поступления в архив «волевым» решением перевели из отдела высших органов государственной власти в отдел использования для работы с тематическими запросами. Кстати, в отделе высших органов государственной власти (начальник С. Д. Радченко) работали в основном представители одного поколения, выпускницы Историко-архивного института Т. Ф. Авраменко, А. В. Добровская, А. П. Дорошенко, З. А. Евсеева, Л. А. Шапиро. И, конечно, Маргарита Ивановна мечтала о возвращении в свой дружный отдел. Просьбу удовлетворили с моим приходом в ЦГАОР СССР. Позднее она работала в Центральном архиве ВЛКСМ, затем в аппарате Центрального комитета комсомола.

Вера Ивановна Гольдина старалась дать мне наиболее интересные запросы, связанные с выявлением документов об известных участниках революционного движения, деятелях науки, литературы и искусства, с подготовкой документальных выставок в Московском доме ученых, Центральном доме журналиста, других творческих домах, клубах и дворцах культуры столицы.

Храню в своем личном архиве фотографию Д. Д. Шостаковича с дарственной надписью. Дмитрий Дмитриевич подарил ее после ознакомления с письмом А. К. Глазунова, композитора, директора Петроградской консерватории, наркому просвещения РСФСР А. В. Луначарскому, опубликованным 30 января 1965 г. в газете «Советская культура» на первой полосе специальным шрифтом — петитом. В письме, направленном наркому 16 августа 1921 г., содержалась просьба проявить внимание и заботу о талантливом юном музыканте Дмитрие Шостаковиче. Газетной публикации предшествовала выставка документальных реликвий архива в Центральном доме журналиста. Среди экспонировавшихся раритетов находилось и вышеупомянутое письмо. Оно находится в деле с корреспонденцией, присланной Анатолию Васильевичу деятелями науки и культуры по различным вопросам, в том числе и о помощи тому или иному лицу. Корреспондент газеты «Советская культура», побывавший на выставке, предложил архивистам опубликовать этот документ. Будучи сотрудником отдела использования, я показал фотокопию письма личному секретарю Шостаковича З. А. Гаямовой. Композитор в то время был болен, она не стала беспокоить его и всю ответственность за обнародование письма взяла на себя. Позднее публикация очень взволновала композитора, о чем мне сообщила Зинаида Александровна. В 1966 г. при подготовке выставки к шестидесятилетию великого композитора научные сотрудники Государ-

ственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки обратились в архив (возможно, по совету Дмитрия Дмитриевича) с просьбой изготовить фотокопию письма А. К. Глазунова. Она размещалась в экспозиции рядом с фотографией Александра Константиновича.

За одиннадцать лет работы в отделе использования выполнил многочисленные запросы музеев, школ, вузов о событиях 1905–1907 гг., участниках Октябрьской революции и Гражданской войны, учреждениях в стране наград и почетных званий, истории паспортной системы в СССР. Однажды по просьбе Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина Николай Романович Прокопенко поручил выявить материалы о коллекционере С. И. Щукине. Заместитель начальника Главархива СССР А. С. Малитиков обратился к директору архива с просьбой выявить документы по истории своей малой родины. Помню, Андрей Спиридонович остался очень доволен результатом работы архивистов. Для исследователя, прокурора одной из республик Средней Азии, работавшего над диссертацией о П. И. Стучке, по просьбе Николая Романовича выявил материалы о видном деятеле Советского государства, наркоме юстиции. И таких примеров сохранилось в памяти очень много.

Директор архива редко вызывал рядовых сотрудников в свой кабинет, не приветствовал жалобы начальников отделов на подчиненных. «Вы возглавляете отдел, — говорил он некоторым начальникам. — Вам надо заниматься воспитанием сотрудников, помогать им в работе, а не жаловаться». Он хорошо знал коллектив. На праздничных вечерах по случаю юбилейных дат архива, Международного женского дня Николай Романович просил выступить с приветствием того или иного сотрудника и делал это очень тепло. «А сейчас мы дадим слово, — торжественно объявлял Прокопенко, — Юлии Павловне Дзагуровой, поэтессе нашего архива, Ахматовой ЦГАОРа». Следует ли говорить, как тронута была таким вниманием Юлия Павловна. Вечера, проходившие в кафе у станции метро «Парк культуры», в столовой архивного городка на Большой Пироговской, 17, в районе станции метро «Университет», не всегда завершались на высокой праздничной ноте. После одного из вечеров сотрудник отдела использования, участник войны, бывший работник отдела пропаганды ЦК КПСС Д. И. Бабин и начальник оргметодического отдела В. А. Червяков около станции метро «Кропоткинская» поспорили с милиционером. Дмитрия Иосифовича доставили в милицию и задержали там до утра. На следующий день состоялся трудный разговор с Николаем Романовичем. Дело, заведенное в милиции на Д. И. Бабина, хранилось много лет в сейфе директора архива, узнали о нем лишь при разборе «бумаг», оставшихся в служебном кабинете Николая Романовича после его смерти.

Вспоминаю и другой случай из жизни архива. Сотрудники постоянно совершали экскурсии по Подмосквовью, есенинским местам на Рязанщи-

не, посещали Киев, Львов, Ригу, Таллин, другие города. Участвовали в поездках и ветераны архива (А. А. Голикова, И. Г. Новопашин, В. П. Мурашова и др.), и молодежь. Помню поездку в Ленинград, организованную комсомольской организацией архива. Николай Романович позвонил директору Центрального государственного исторического архива в Ленинграде И. Н. Фирсову (сыну известного историка, профессора Казанского университета) и попросил разместить нас, группу молодых сотрудников, в общежитии (гостинице) при архиве. Конечно, молодые архивисты посещали днем знаменитые достопримечательности города — Эрмитаж, Русский музей, Петропавловскую крепость, а вечером в общежитии отдыхали не только за чашкой чая, шумели, спорили. Через несколько дней после возвращения в Москву меня вызывает директор (я возглавлял тогда комсомольскую организацию и был ответственным за поездку). Николай Романович поинтересовался, как прошла поездка, какие музеи посетили, сообщил о поступившей жалобе руководства ЦГИАЛ. Свидетелем драки, о которой шла речь в письме И. Н. Фирсова, я не был. В общежитие приходил поздно, после спектакля в Театре имени А. С. Пушкина с участием Игоря Горбачева, Юрия Толубеева и концерта в знаменитом зале филармонии. По письму ленинградских коллег Николай Романович не стал проводить дальнейшего «расследования», ограничился беседой с организатором поездки, хотя был строг, очень строг в отношении служебной дисциплины, поведения и сотрудников, и исследователей. Григорий Хаит, обнаруживший в фондах Департамента полиции неизвестное письмо В. И. Ленина (большое событие тех лет), нагрубил сотрудникам читального зала. Приказом директора его лишили на год права работы в читальном зале.

Николай Романович пользовался исключительным уважением в коллективе. «Многие начальники недостаточно проявляли себя в период эвакуации, заботясь больше о себе и своих удобствах, чем о порученном им деле, — вспоминала в 1975 г. старейшая сотрудница архива О. Е. Карноухова, — эвакуация явилась как бы пробным камнем для морального облика многих людей. Николай Романович был на должной высоте, никто никогда ни в чем не мог его упрекнуть». А мне вспоминается другой пример. Впервые большая группа архивистов была удостоена почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Звание получили одновременно М. И. Автократова, Н. Б. Волкова, Т. Г. Коленкина, И. С. Назин, С. Т. Плешаков, другие руководители центральных государственных архивов и Главархива СССР. Николай Романович предложил общественным организациям представить от нашего коллектива к почетному званию участника, инвалида Великой Отечественной войны, кандидата исторических наук, начальника отдела публикации документов Игоря Николаевича Владимирцева. К сожа-

лению, в коллективе не было единодушия в этом вопросе. И директор, на мой взгляд, принимает правильное решение: никого не представлять к званию. Об уважении коллектива к Николаю Романовичу свидетельствует и такой пример. Идет общее собрание сотрудников архива. С докладом выступает один из заместителей директора архива, затем выступают, как правило, постоянные ораторы. В зале — шум, разговоры... И, наконец, в конце собрания председательствующий предоставляет слово директору. В зале наступает тишина. Все хотят услышать, а что скажет Николай Романович. Помню одно из отчетно-выборных собраний партийной организации. От райкома партии присутствовал член РК КПСС, директор стадиона В. В. Алешин (он и сегодня возглавляет «Лужники»). После собрания представитель райкома говорил мне, секретарю партийной организации, восторженные слова о директоре, его выступлении.

Неожиданной для нас стала болезнь Николая Романовича. Сгорел он за полтора месяца от острого лейкоза. А. В. Добровская, в прошлом зам. директора ЦГАОР СССР, незадолго до трагической гибели передала в ГА РФ дневники В. А. Роговой, работавшей многие годы в нашем коллективе. «Необыкновенно хороша в этом году весна. Рано появилась зелень, все в цвету — и яблони, и сирень. Полно ландышей. Воздух необыкновенный, — читаем дневниковую запись Веры Алексеевны от 12 мая 1975 г. — С директором нашим очень плохо. Никогда не болел, цветущий, жизнерадостный мужчина, и теперь сразу все кончено. Как-то все будет без него». Через три дня в дневнике новая запись: «15 мая. Сегодня умер Н. Р. Прокопенко. Кого-то нам дадут. Он был более или менее справедливый директор, а главное, не мешал работать, и у него не было любимчиков». 21 мая 1975 г. Ольга Евгеньевна Карноухова, которую Прокопенко считал своим учителем в архивном деле, писала его вдове, Валентине Владимировне Бобровой: «Долгую жизнь прожила я, но мало мне встретилось людей, похожих на Николая Романовича по своим качествам. И горько, горько думать, что его больше нет. [...] На моем восьмидесятилети в 1973 г. Николай Романович был такой веселый, обаятельный, так интересно вел все выступления, что очаровал всех».

Скончался Николай Романович в Центральной клинической больнице. «Вечерняя Москва» опубликовала извещение Ленинского РК КПСС, ГАУ при СМ СССР, ЦГАОР СССР, МГИАИ, Института истории АН СССР, редакции журнала «Советские архивы» о смерти видного историка-архивиста. Огромное количество людей пришло почтить память Николая Романовича в траурный зал на Большой Пироговской, 17, и на гражданскую панихиду, проходившую в Николо-Архангельском крематории. (Урна с прахом Н. Р. Прокопенко находится в колумбарии Новодевичьего кладбища. — *Н. З.*)

На поминках Николая Романовича в небольшой двухкомнатной квартире (на Котельнической наб., 1/15) отмечали его заботливое отношение к матери, другим родственникам. В соседней квартире жила Галина Сергеевна Уланова. И, как вспоминал начальник финансового отдела Главархива Н. А. Ильинский, великая балерина общалась с соседями-архивистами на общей лоджии, любила беседовать об отечественных кинофильмах, новинках художественной литературы. Николай Романович, вспоминал его брат, прекрасно знал памятники архитектуры Москвы и Подмосковья, интересовался изобразительным искусством, театром.

Директором архива 7 июля 1975 г. стал известный историк-архивист Сергей Тимофеевич Плешаков. Сорок четыре года из пятидесяти лет трудовой деятельности он отдал архивной работе. Возглавлял в 1953–1958 гг. ЦГАКФФД, затем ведущие отделы Главархива СССР (организационный, центральных государственных архивов, научно-исследовательской и методической работы). Он многие годы входил в состав редакционной коллегии журнала «Отечественные архивы», научных советов ВНИИДАД, центральных государственных архивов. Опытный администратор, профессионал архивного дела, он обладал даром расположить к себе людей, выслушать внимательно и молодого специалиста, и ветерана архивного дела, обсудить с ними личные и служебные вопросы. Он не только внимательно слушал, но и давал советы сотрудникам, мог согласиться с мнением подчиненного в том или ином вопросе. Помню, при первой встрече с новым директором, проходившей еще в его служебном кабинете в Главархиве СССР, шел разговор о подготовке молодыми специалистами публикаций в журнале «Советские архивы» документов по истории архивного дела. К такой работе Сергей Тимофеевич привлек О. Н. Копылову, других молодых сотрудников, окончивших Историко-архивный институт. Вспоминаю почетное поручение Сергея Тимофеевича написать для журнала «Вопросы истории» очерк об истории архива, составе и содержании его фондов. С. Т. Плешакова считаю, наряду с Марией Федоровной Петровской, Клавдией Ивановной Рудельсон, другими преподавателями архивоведческих кафедр МГИАИ, своим Учителем в архивном деле. Благодарен Сергею Тимофеевичу за то, что он стал инициатором написания мною первых статей по истории архивного дела и о выдающихся архивистах.

С. Т. Плешаков гордился должностью директора крупнейшего архива страны. Восемь лет работы Сергея Тимофеевича в ЦГАОР СССР, вероятно, были лучшими страницами трудовой его биографии. Вспоминаю объединенное заседание комитетов партийной, профсоюзной и комсомольской организаций архива, на котором решался вопрос о представлении директора ЦГАОР СССР к правительственной награде. (В советские годы по итогам выполнения пятилетнего плана передовики и руководители предприятий и учреждений, добившиеся трудовых успехов, получали

правительственные награды. — *Н. З.*) Главархив СССР, к сожалению, не поддержал предложение трудового коллектива ЦГАОР СССР, рекомендовал представить к награде другую кандидатуру, хорошего специалиста, не занимавшего в архиве руководящей должности. Орденом Трудового Красного Знамени был награжден Игорь Григорьевич Новопашин, один из старейших сотрудников Архива Октябрьской революции¹. Сергея Тимофеевича, вероятно, огорчило отношение Главархива СССР к мнению коллектива относительно награждения его правительственной наградой за верность архивному делу, многолетний труд на ответственных постах заместителя начальника ГАУ РСФСР в 1960–1963 гг., руководителя ведущих отделов Главархива СССР, председателя ГЭК МГИАИ. Вскоре он тяжело заболел, перенес инфаркт. Коллектив архива тепло отметил пятидесятилетие подвижнической трудовой деятельности С. Т. Плешакова. На торжественном собрании присутствовали, кроме коллег, однокурсники по учебе в Историко-архивном институте, ветераны архивного дела. Юбиляру вручили многочисленные приветственные адреса, сказали добрые слова о вкладе его в архивное дело. На собрании я не выступал, но в тот же день, 28 октября 1983 г., написал Сергею Тимофеевичу письмо следующего содержания:

«Тепло сказали сегодня о полувековой Вашей трудовой деятельности, о работе в ЦГАОР СССР и Борис Иванович Каптелов, и руководители общественных организаций архива. Но каждый из присутствующих в зале сегодня невольно вспоминает встречи с Вами, Ваше отношение к архиву, к его сотрудникам.

Трудный путь руководителя большого коллектива не может быть усыпан розами. И, вероятно, не всегда радовало и порой огорчало Вас наше отношение к работе, к ЦГАОР СССР. И все же добрых дней было больше. Не забывается Ваша доброжелательность к людям, стремление поддерживать, помочь в трудную минуту. Разве забудешь, как терпеливо Вы убеждали меня подготовить доклад о первом директоре ЦГАОР СССР Владимире Васильевиче Максакове, подготовить другие работы по истории нашего архива.

За восемь лет работы Вашей в ЦГАОР СССР опубликовал я двенадцать статей по истории архивного дела в журналах, академических ежегодниках, подготовил десять докладов, сообщений на конференциях и научных советах Главархива, ЦГАОР СССР, МГИАИ. И, конечно, без внимания,

¹ Правительственных наград ранее были удостоены Н. Р. Прокопенко (орден Трудового Красного Знамени), К. Г. Ляшенко (орден «Знак Почета»). И. Г. Новопашин работал в ЦГАОР СССР с момента организации отдела РЗИА (1946 г.). Позднее он несколько десятилетий трудился в отделе (архивохранилище) фондов общественных организаций, увлеченно занимался собиранием личных документов видных деятелей профдвижения.

поддержки руководителя архива такую работу осуществить было бы невозможно.

За более чем шестидесятилетнюю историю нашего архива во главе его стояли многие видные историки, архивисты. Сегодня вспоминаю десять руководителей ЦГАОР СССР. Их, вероятно, было несколько больше. Но Ваше имя, уважаемый Сергей Тимофеевич, искренно считаю, стоит в почетном ряду таких руководителей, как В. В. Максаков, Г. Д. Костомаров, Н. Р. Прокопенко. Находиться в таком ряду почетно.

Доброго Вам здоровья, дальнейшей дружбы с архивистами ЦГАОР СССР».

С. Т. Плешакова обрадовало такое отношение к нему рядового архивиста, и, пригласив меня на следующий день в кабинет, он поблагодарил за письмо и предложил присоединить его к ранее переданным документам личного архива (Ф. Р-8304. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 19).

Только с годами понимаешь, что выпало счастье работать с хорошими руководителями, специалистами — подвижниками архивного дела. Добрым словом вспоминаю ушедших из жизни Николая Романовича Прокопенко, Сергея Тимофеевича Плешакова, Бориса Ивановича Каптелова, Тамару Федоровну Авраменко, Дмитрия Иосифовича Бабина, Елизавету Ивановну Белову, Ревекку Яковлевну Бусс-Брейгер, Игоря Николаевича Владимирцева, Анну Алексеевну Голикову, Веру Ивановну Гольдину, Викторию Ивановну Дееву, Юлию Павловну Дзагурову, Анастасию Владимировну Добровскую, Веру Нестеровну Жабровскую, Татьяну Александровну Иллерицкую, Георгия Владимировича Кореневского, Ирину Михайловну Лимонову, Владимира Романовича Копылова, Татьяну Ивановну Мамонову, Наталию Васильевну Михайлову, Алексея Федоровича Новикова, Игоря Григорьевича Новопашина, Елену Михайловну Оськину, Григория Дмитриевича Петрова, Илью Андреевича Пешкова, Анну Алексеевну Пожарскую, Виктора Петровича Портнова, Веру Алексеевну Рогову, Александра Львовича Райхцаума, Эльвиру Яновну Розе, Марию Федоровну Фросину, Валентину Васильевну Хмелеву, Василия Алексеевича Червякова, Любовь Мироновну Шалагинову. Возможно, кого-то и забыл упомянуть в этом списке. Их лучшие традиции хранят сегодня новые поколения сотрудников архива, ветераны и молодежь.

Много лет собираю издания воспоминаний выдающихся деятелей отечественной культуры. Бережно храню книги с дарственными надписями земляка, видного военного деятеля, публициста А. И. Тодорского, знаменитого певца С. Я. Лемешева, скульптора С. Т. Коненкова, киноактрисы Л. Н. Смирновой. Две книги — «Мой век» и «Десять десятилетий» — подарил 12 февраля 2002 г. Борис Ефимов, ровесник минувшего века, очевидец и в определенной степени участник многих событий, «удивительных и незабываемых, великих и страшных, радостных и тра-

гических». На титульном листе книги «Десять десятилетий о том, что видел, пережил и запомнил» после ее названия автор написал: «и о чем, я надеюсь, будет небезынтересно прочесть Николаю Степановичу Зелову». «Здоровья Вам, — отмечается в надписи, — и дальнейших успехов в Вашей исключительно интересной и столь необходимой стране работе». В тот памятный день — 12 февраля 2002 г. — Борис Ефимов дополнил свой личный фонд в Государственном архиве Российской Федерации биографическими документами, письмами, фотографиями видных деятелей изобразительного искусства, известных писателей. Книги, подаренные художником, напоминают о памятных встречах и в его московской квартире на набережной Тараса Шевченко, 7, и в народном музее «Дом на набережной» (ул. Серафимовича, 2). По приглашению организатора музея Тамары Андреевны Тер-Егизарян, ее помощников Татьяны Ивановны Шмидт и Елены Ивановны Перепечко неоднократно участвовал в организации вечеров, выступал на них о документах архива, личных фондах советских государственных, общественных деятелей, живших в доме на улице Серафимовича, 2. На вечерах, проходивших в музее, вспоминали маршала Тухачевского, полярного летчика Бабушкина, архитектора Иофана, писателя Трифонова. Борис Ефимов выступал с воспоминаниями о самом дорогом ему человеке — брате, замечательном журналисте Михаиле Кольцове. Слушал интересные выступления художника и публициста и в Центральном доме работников искусств, на выставке в Малом Манеже. Выступал Борис Ефимов и в Государственном архиве Российской Федерации. «У каждого возраста есть свои преимущества, — обращался он к слушателям. — У каждого возраста есть также свои права и обязанности. Есть, на мой взгляд, свои обязанности и у “ровесников века” — свои воспоминания, впечатления и наблюдения они не вправе уносить в “мир иной”, а обязаны поделиться ими с молодыми поколениями».

В нашем архивном городке (Большая Пироговская ул., дом 17) проходили встречи с мастерами искусств и раньше, в шестидесятые — семидесятые годы. Помню интересную встречу 21 апреля 1965 г. с молодым тогда художником Ильей Глазуновым, поэтические вечера с участием Евгения Евтушенко, выступления актеров Театра на Таганке. В клубе Главархива выступали на собраниях, посвященных годовщинам Советской армии и Военно-морского флота, маршал Советского Союза Ф. И. Голиков, генерал армии М. И. Казаков.

Вспоминаются встречи архивистов в шестидесятые — семидесятые годы с учеными, архитекторами, художниками, преподавателями и студентами вузов в творческих домах и домах культуры столицы. На вечерах, посвященных памятным, юбилейным датам жизни видных деятелей государства, встречах с научной общественностью выступали Н. Б. Кова-

ленко, З. И. Перегудова, Г. Д. Петров, С. П. Петрусенко, С. В. Соменова, другие мои коллеги по работе в отделе использования документов архива. (Работал в этом отделе в 1963–1974 гг.). Участвовали в них и ведущие специалисты других отделов архива Н. В. Михайлова, Ю. П. Дзагурова... Особенно запомнилась встреча 17 октября 1966 г. с московскими писателями в Малом зале Центрального дома литераторов. Руководство отдела использования поручило мне, молодому специалисту, подготовить выставку документов по истории революционного движения в России и выступить на встрече. На вечере, как свидетельствует пригласительный билет, сохранившийся в личном архиве, предполагались выступления руководителей и ведущих специалистов архива: Т. Ф. Авраменко («Петроградский ВРК — орган государственной власти Советской России»), М. Ф. Фросиной («Революция защищается. Документы о контрреволюционных заговорах в ноябре 1917 г.»), Н. Б. Коваленко («Деятели революции: П. Дыбенко, Н. Крыленко, Д. Курский»), Л. М. Шалагиновой («Они помогали революции: В. В. Маяковский, С. А. Есенин»). Моя фамилия завершала список сотрудников архива в пригласительном билете. Вел встречу известный журналист Евгений Иванович Рябчиков. Некоторые выступавшие увлеклись и превысили регламент, поэтому выступать последним было трудно, очень трудно. Начал выступление довольно бойко и, вероятно, интересно, слушали внимательно. Говорил о внимании советской власти к работникам культуры, назначении известным прозаикам и поэтам академического пайка в двадцатые годы, заботе наркомата и лично наркома просвещения А. В. Луначарского в 1919 г. о студенте Петроградской консерватории Дмитрие Шостаковиче и других юных талантах. Среди присутствующих заметил поэта, участника штурма Зимнего дворца П. Арского, известного прозаика А. Алдан-Семенова. Вероятно, от волнения и усталости от подготовки ответственной выставки для участников встречи неожиданно пересохло в горле, а стакана с водой на столе не оказалось. С большим трудом завершил выступление каким-то неприятным, незнакомым голосом. Прошло почти сорок четыре года, но первое выступление в творческом доме столицы не забывается. Состояние было ужасное, искренне считал, что подвел коллектив архива, выступил неудачно, в дальнейшем никогда не буду участвовать в подобных вечерах. Сказал об этом и на производственном совещании в отделе, состоявшемся буквально на следующий день. И, может быть, первое выступление стало бы последним для меня в творческих домах столицы, если бы не звонок сотрудницы Центрального телевидения. Евгений Иванович Рябчиков, ведущий в прямом эфире передачу «Москва и москвичи», просил заменить несколько сюжетов и порекомендовал пригласить участвовать в ней сотрудника архива, выступавшего на днях в ЦДЛ о внимании государства к деятелям науки и культуры в первые годы советской власти. Передача

прошла успешно. Участвовали в ней ветераны комсомола, актер Художественного театра, талантливый исполнитель многих песен Эдуарда Колмановского, Александры Пахмутовой Владимир Трошин, кинорежиссер Вера Строева, Владимир Лебедев, получивший престижную премию за цикл фотографий о космонавтах. Передачу «Москва и москвичи» вместе с Евгением Рябчиковым вела любимая телезрителями Анна Шилова. Всегда помню ее доброжелательное отношение к молодому архивисту, внимание Евгения Рябчикова, на долю которого в тридцатые годы выпали тяжелые испытания. Будучи корреспондентом «Комсомольской правды», автором многочисленных статей о «сталинских соколах», легендарных летчиках и авиаконструкторах, он оказался узником ГУЛАГа. Спас его конструктор Александр Яковлев, обратившийся к Сталину с просьбой освободить из лагеря его друга, талантливого молодого журналиста.

Вспоминаются многие вечера, проходившие с участием архивистов и в Московском доме ученых. На вечерах, посвященных истории отечественной науки, 250-летию Академии наук СССР, выступали Н. Р. Прокopenко, его заместитель В. Р. Копылов, научный сотрудник архива Г. Д. Петров, защитивший кандидатскую диссертацию о жизни и государственной деятельности дипломата А. М. Коллонтай. Один из вечеров был посвящен участнику гражданской войны, кавалеру четырех орденов Красного Знамени А. И. Тодорскому. На вечере выступали Н. В. Михайлова, другие сотрудники архива, родственники видного военного деятеля и талантливого публициста, автора известной книги «Год — с винтовкой и плугом», получившей высокую оценку в ленинской статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов». В Доме ученых с участием сотрудников ГА РФ состоялись вечера, посвященные памятным датам жизни первого директора архива, заслуженного деятеля науки, профессора В. В. Максакова, академика О. Ю. Шмидта, председателя Малого Совнаркома М. Ю. Козловского, наркома здравоохранения РСФСР, первого председателя Совета Московского дома ученых Н. А. Семашко. Председатель Совета Дома ученых академик Б. А. Рыбаков стал инициатором проведения в доме тематического вечера «День Московского университета». Недели за две до вечера я в «Учительской газете» опубликовал по материалам Департамента полиции статью о лекциях В. О. Ключевского в Московском университете. Возможно, статья привлекла внимание организаторов тематического вечера «День Московского университета», и они пригласили меня принять в нем участие. На вечере рассказал (по архивным материалам), как отмечали до революции московские студенты Татьянин день. Выступили, помню, на «Дне Московского университета» член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова, другие выпускники университета, ставшие видными учеными. На следующий год получил приглашение Б. А. Рыбакова вновь принять участие в традиционном ве-

чере «День Московского университета». Рассказал о знаменитых певцах, выступавших многие годы на сцене Большого театра, Л. В. Собинове, А. В. Богдановиче, В. М. Политковском, учившихся на юридическом факультете университета. На память об этих вечерах Борис Александрович подарил мне свою фотографию с дарственной надписью. Вспоминаются выступления Н. В. Михайловой, Ю. П. Дзагуровой, С. В. Сомоновой, других сотрудников архива на тематических вечерах в Центральном доме архитектора. В шестидесятые — начале семидесятых годов архивисты были участниками многих тематических вечеров в Центральном доме журналиста, Центральном доме работников искусств, выступали на вечерах, посвященных годовщинам Октябрьской революции, другим памятным датам в вузах, домах культуры заводов им. Владимира Ильича, «Каучук», других предприятий столицы. Выступали на таких вечерах также ученые, известные мастера искусств. На вечере, посвященном А. В. Луначарскому, в Московском государственном институте международных отношений выступали с интересными воспоминаниями дочь наркома просвещения и дипломата Ирина Анатольевна, народная артистка СССР, знаменитая арфистка Вера Георгиевна Дулова. Участвовали в вечере и сотрудники архива.

Будучи молодым специалистом архива, сотрудником отдела использования документальных материалов крупнейшего архива страны, я получал приглашения на работу в ГАУ при Совете министров СССР, центральные архивы ВЛКСМ, ВЦСПС, в редакцию журнала «Советские архивы», другие государственные учреждения и общественные организации. Желания заниматься административной деятельностью не было. Заведующий кафедрой истории и организации архивного дела МГИАИ В. И. Вяликов, знавший меня по учебе в институте и работе в подшефном совхозе Дмитровского района Московской области, пригласил принять участие в конкурсе по замещению вакантной должности преподавателя. Валентина Ивановича поддержали секретарь партийной организации института Г. С. Акимова, проректор М. С. Селезнев... И я подал директору архива Н. Р. Прокопенко заявление об увольнении в связи с переходом на работу в МГИАИ. Николай Романович мое решение не поддержал. «Конечно, могу подписать приказ о Вашем увольнении, — заметил директор, — но на кафедре и в институте не очень благоприятная обстановка. Вам будет трудно работать. Через некоторое время Вы обратитесь с просьбой о приеме на работу в архив. И может, даже при моем согласии, такой возможности не будет». На кафедру поступил сотрудник Центрального государственного архива народного хозяйства, который, кстати, через некоторое время покинул институт и потом работал, кажется, в архиве Метростроя. Николай Романович в беседе со мной заметил, что в архиве предполагается создать отдел личных фондов. Такой отдел уже был в структуре ЦГАНХ

СССР, возглавляла его А. А. Новикова. Отдел при активнейшем содействии председателя Государственного комитета по электрификации, доктора экономических и кандидата исторических наук П. С. Непорожного принял на хранение личные фонды многих известных энергетиков. Наш архив в те годы не уделял большого внимания собиранию документов личного происхождения. Определенную роль в активизации работы по пополнению архива личными фондами имело празднование 50-летнего юбилея Октябрьской революции. При содействии Совета ветеранов профсоюзного движения, созданного на общественных началах при архиве в марте 1967 г., поступают личные фонды видных общественных деятелей двадцатых — тридцатых годов, руководителей профсоюзов пищевиков, горнорабочих, металлистов, химиков, других профессий. Работу по приему фондов проводили сотрудники архива И. Г. Новопашин, Д. Т. Субботин, Л. М. Шалагинова. Несмотря на определенные положительные результаты в деле собирания документов личного происхождения, отмечалось в решении Научного совета ЦГАОР СССР (1971 г.), работа в этом направлении «по-настоящему не организована, носит кустарный, случайный характер, так как в структуре архива не было и нет структурного подразделения, которое могло бы сконцентрировать, скоординировать ее, проводить работу в нужном направлении» (ГА РФ. Ф. Р-5142. Д. 945. Л. 174–175). 24 декабря 1974 г. Н. Р. Прокопенко подписал приказ о создании в архиве отдела личных фондов. На 1 января 1975 г. в отделе хранилось 79 личных фондов, 5827 дел и 6590 документов. 17 фондов в 1975–1980 гг. были переданы по профилю в ЦГА РСФСР, Узбекской ССР, ЦГАСА, ЦГАЛИ СССР, другие архивы. (На 1 января 2010 г. в архивохранилище — 184 фонда, 27793 дела, 4674 документа. — *Н. З.*) В отдел были переданы из других структурных подразделений личные фонды государственных, общественных деятелей. Два года отдел в составе трех сотрудников занимался усовершенствованием описей личных фондов. Описи были в рукописном, единственном экземпляре, в делах многих фондов отсутствовала нумерация листов. А. Ф. Новиков, Т. П. Шаталова осуществили большую работу по описанию и технической обработке фондов, поступивших в отдел. Одновременно готовился примерный список источников комплектования. При его подготовке были просмотрены все тома третьего издания БСЭ, «Исторической энциклопедии», другие биографические словари и справочники. Список содержал более двухсот биографических справок видных участников революционного движения, государственных, общественных деятелей, возглавлявших в разные годы учреждения и общественные организации, фонды которых хранятся в нашем архиве. Список обсуждался на заседаниях дирекции и Научного совета ЦГАОР СССР, получил поддержку среди ведущих специалистов ВНИИДАД, преподавателей МГИАИ. На хранение были приняты биографические документы,

рукописи воспоминаний, статей, фотографии председателей Малого Совнаркома РСФСР А. В. Галкина, М. Ю. Козловского, документы министров здравоохранения СССР Г. А. Митерева, М. Д. Ковригиной, Героев Социалистического Труда Н. А. Алексеева, А. В. Артюхиной. Заведующий архивом Верховного суда СССР, кандидат юридических наук М. М. Глазунов познакомил меня с земляком, уроженцем села Рамешки Тверской губернии, Героем Социалистического Труда А. Ф. Горкиным, секретарем Президиума Верховного совета СССР (1938–1953, 1956–1957 гг.), председателем Верховного суда СССР (1957–1972 гг.). Помню рассказы Александра Федоровича о работе с М. И. Калининым, встречах с И. В. Сталиным. «Однажды иду с ними по длинному, неосвещенному коридору одного из зданий Кремля, — вспоминал Горкин. — Сталин включает в коридоре все электрические лампочки, а шедший за ним Калинин, как “рачительный” крестьянин, — выключает». Александр Федорович, будучи на пенсии с 1972 г., вел общественную работу в Верховном суде СССР, получал много писем от заключенных, их родственников. О некоторых последних письмах, запомнившихся и взволновавших его, рассказал архивистам при первой встрече. Вспоминаются встречи и с другим председателем Верховного суда СССР — В. И. Теребиловым. Он выступал 2 декабря 1998 г. на открытии памятника знаменитому юристу А. Ф. Кони в Москве. По окончании торжественной части я обратился к Владимиру Ивановичу с просьбой передать биографические документы, фотографии в ГА РФ. Месяца через два-три получил приглашение побывать у него: жил Владимир Иванович недалеко от архива, в переулке Хользунова. Обратил внимание в его домашнем кабинете на пейзажи народного художника СССР Ю. П. Кугача, жившего и работавшего в Верхневолжье, рассказал об архиве, его личных фондах. Встречей с архивистом Владимир Иванович, как мне показалось, был доволен. Позднее он побывал и в архиве, обещал содействовать в деле сохранения документальных реликвий государственных, общественных деятелей, с родственниками которых был знаком. Через некоторое время я вновь посетил Владимира Ивановича по его приглашению. Он показал некоторые документы личного архива, альбомы с фотографиями. И, хотя Владимир Иванович не успел выполнить свои обещания передать в архив свои документы и фотографии, встречи с ним стали памятными событиями в жизни. Вспоминаются краткие встречи с легендарным диктором радио Ю. Б. Левитаном, сестрой академика И. М. Майского В. М. Александри (урожденной Ляховецкой), К. С. Есениным, родственником секретаря ЦИК СССР И. И. Кутузова (его сын, Владимир Иванович, был мужем Т. С. Есениной), Н. Н. Подвойской, В. Я. Свердловой. Родственники государственных, общественных деятелей не только передавали в архив семейные документальные реликвии. Они помогали создавать личные фонды коллег, соратников по работе своих родителей. Так, при со-

действию кандидата технических наук, полковника в отставке Ю. Н. Богданова, передавшего в ГА РФ семейную переписку, фотографии отца, зам. наркома внутренних дел СССР, были приняты документы личного архива наркома МВД СССР С. Н. Круглова.

Вспоминаются встречи с земляками и их родственниками, передавшими в архив семейные документальные реликвии. При содействии и активном участии земляков в архив приняты биографические документы, рукописи воспоминаний, переписка, фотографии государственных деятелей, Героев Социалистического Труда А. В. Артюхиной (1889–1969), Б. И. Иванова (1887–1965). Материалы, поступившие от кандидата исторических наук Т. А. Моравской, составили личный фонд ее дяди, историка, дипломата, наркома просвещения РСФСР В. П. Потемкина (1874–1946). Т. А. Моравская передала в архив свидетельство о рождении Владимира Петровича 7 октября 1874 г. в Твери, фотографии его родителей, других родственников. В фонде находятся рукописи очерков и стихотворений Т. Л. Щепкиной-Куперник о В. П. Потемкине, фотографии Владимира Петровича с М. Е. Кольцовым, А. Н. Толстым, А. С. Щербаковым, И. Г. Эренбургом, другими членами советской делегации на Международном конгрессе литераторов в Париже (1935), с М. М. Литвиновым (1935), К. Е. Ворошиловым, А. А. Ждановым, В. М. Молотовым, И. В. Сталиным (1940).

Значительный по составу и содержанию личный архив передал в 1979 г. экономист и историк А. Г. Соловьев (1893–1980). Родился он в селе Пятницкое-Загорье Новоторжского уезда Тверской губернии. С девятнадцати лет работал молотобойцем на Балтийском, Путиловском заводах в Петербурге, участвовал в революционном движении, в 1920 — начале 1930-х гг. работал в Южно-восточном бюро ЦК РКП(б) в Ростове-на-Дону, затем председателем Донецкого окружкома ВКП(б). Александр Григорьевич после окончания в 1934 г. Института красной профессуры работал в НИИ мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР, преподавал в Московском государственном экономическом институте, Московском институте народного хозяйства, других высших учебных заведениях.

Первичный разбор архива А. Г. Соловьева провели в его квартире на Кутузовском проспекте, 4. Соседями ученого были муза Владимира Маяковского, знаменитая Л. Ю. Брик, балерина М. М. Плисецкая и композитор Р. Я. Шедрин, о которых он говорил с уважением и доброжелательно. Они жили, как и Александр Григорьевич, на пятом этаже. Профессор передал в архив дневники с записями 1912–1973 гг., рукописи воспоминаний о работе в Москве, Ржеве, Тамбове, Твери, Торжке, статей и докладов по вопросам народного образования, совершенствования библиотечного дела в стране. Сведения о составе документов личного фонда А. Г. Соловьева в ГА РФ даны в пятом томе путеводителя (М., 2001. С. 418–421).

В фонде, кстати, хранится рукопись Александра Григорьевича «Воспоминания о Весъегонске». Будучи начальником Тверского губземуправления, зав. отделом деревни губернского комитета партии, он в одну из служебных командировок посетил наш город, познакомился с работой партийных и советских организаций, учреждений района. Об этой поездке и написал он по нашей просьбе в 1978 г. свои воспоминания.

Памятными были встречи с государственным, общественным деятелем Н. А. Петровичевым (1918–2002), уроженцем деревни Дели, ныне в черте города Весъегонск, почетным гражданином города Красногорск, возглавлявшим несколько лет городскую партийную организацию. Он был знаком с историком-архивистом С. Т. Плешаковым, директором Центрального государственного архива кинофотодокументов в 1953–1958 гг. Кстати, в личных фондах Сергея Тимофеевича и Николая Александровича хранятся фотографии о посещении и встрече с руководством ЦГАКФФД СССР маршала Советского Союза С. М. Буденного. Н. А. Петровичев работал с 1961 г. заместителем заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР, с июня 1968 г. — первым заместителем заведующего отделом организационно-партийной работы, в 1983–1985 гг. председателем Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию. На страницах местной газеты в советские годы не публиковались статьи, заметки о земляке. И лишь однажды в газете появилась краткая информация о награждении Николая Александровича орденом Ленина в связи с шестидесятилетием со дня рождения (1978). «Весъегонская жизнь» 28 июля 2000 г. опубликовала мою статью о земляке («Деятель государства»). Через несколько дней неожиданно позвонил Николай Александрович и поблагодарил за статью. А затем состоялась встреча с Петровичевым в его московской квартире на улице Алексея Толстого (ныне Спиридоновка), д. 19. Домашний кабинет, небольшой по площади, заполнен книжными шкафами. На стенах — многочисленные фотографии земляка с руководителями советского государства, военными деятелями, писателями, мастерами искусств. Николай Александрович обратил внимание на один снимок: групповую фотографию членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС. Крайний справа — Н. А. Петровичев, единственный из руководителей многих отделов ЦК КПСС. Относительно личного архива земляк не очень охотно говорил. После убедительной просьбы приступить к созданию в ГА РФ личного фонда он передал две-три фотографии последних лет (снимки с родственниками, друзьями), издания своих двух книг по вопросам партийной работы, письмо писателя А. Б. Чаковского, вложенное в его книгу с дарственной надписью земляку. Во время первой встречи Николай Александрович рассказал о работе с И. В. Капитоновым, секретарем ЦК КПСС и заведующим отделом организационно-партийной работы. Вспомнил Владимира Андреевича Смородина, бывшего первого

секретаря Восьегонского районного комитета партии. (На здании, в котором он работал многие годы и в котором ныне размещается администрация района, недавно по просьбе жителей города и района установлена мемориальная доска — Н. З.) Петровичев помогал землякам в строительстве маслосырзавода, хлебозавода, других предприятий. Вспомнил Николай Александрович деятелей науки и культуры, с которыми дружил многие годы. Тепло говорил о Б. Н. Пастухове, композиторе А. Н. Пахмутовой, поэте Н. Н. Добронравове, художнике А. М. Шилове, певце Е. Т. Райкове. Неожиданно рассказал историю «избрания» Е. М. Тяжельникова первым секретарем ЦК ВЛКСМ: «Вызывает Капитонова и меня Михаил Андреевич Суслов и говорит: “Надо снимать Павлова с поста «комсомольского генсека». Комсомольские учебные семинары в подмосковных пансионатах превращаются в коллективные пьянки. Много у нас претензий к руководителю комсомола”. И дает поручение направить во все республиканские и областные комитеты партии просьбу представить кандидатуру для работы в ЦК ВЛКСМ. Поручение было выполнено... Отобрали для доклада Суслову две кандидатуры — Тяжельникова из Челябинска и Горбачева — из Ставрополя. Предварительно позвонили первым секретарям обкомов партии. В Челябинске наше решение поддержали, дали очень хорошие отзывы о Тяжельникове. Отзыв же о Горбачеве был неоднозначен. “Николай Александрович, у нас замечаний к Михаилу Сергеевичу нет, — сказали о Горбачеве. — Человек он грамотный, активный, охотно, много и долго выступает по всем вопросам. Он, к сожалению, мало работал на производстве. После учебы в университете он месяца два трудился по специальности, потом его выдвинули на комсомольскую работу”. На встрече с Сусловым сказали о хорошем отзыве Челябинского обкома партии относительно кандидатуры Тяжельникова и более скромном отзыве товарищей из Ставрополя о Горбачеве. “Нам в ЦК и так «говорунов» хватает”, — заметил Суслов и остановил свой выбор на Тяжельникове. Правда, у него в дальнейшем были неприятности в личной жизни, но работник он хороший». И далее Николай Александрович заметил: «Вот и жалею, что тогда не рекомендовали Горбачева на пост комсомольского вожака. Услышали бы его речи на съездах и конференциях, увидели бы его “организаторские способности”, к “перестройке”, может быть, и не стал бы он первым секретарем ЦК КПСС и первым президентом России. И Советский Союз бы сохранился!»

При жизни Николай Александрович передал в архив очень мало своих документов и фотографий. Его племянник, доктор медицинских наук, профессор Николай Николаевич Петровичев, дополнил фонд биографическими, творческими материалами, фотографиями родственника. Научное описание личного фонда Н. А. Петровичева проведено в 2009 г. В фонде — свыше трехсот дел с документами за 1934–2005 годы.

...Е. М. Тяжельникова я встретил в 1999 г. на юбилейных торжествах по случаю семидесятилетия со дня рождения ректора Высшей школы профдвижения, Академии труда и социальных отношений Н. Н. Гриценко, личный фонд которого хранит ГА РФ. Поинтересовался его личным архивом. Евгений Михайлович сообщил, что передал материалы в Российский государственный архив социально-политической истории, в котором хранятся документы ЦК ВЛКСМ и многих его руководителей.

На хранение в ГА РФ с 1990-х гг. поступают личные документы известных историков-архивистов, руководителей Главархива СССР, профессоров МГИАИ. М. И. Автократа передала значительный по составу и содержанию архив мужа, крупнейшего теоретика в области архивного дела второй половины минувшего века В. Н. Автократа. Свои рукописи, документы педагогической и научной деятельности передала ГА РФ доктор исторических наук, профессор К. И. Рудельсон, кандидат исторических наук А. В. Елпатьевский, профессор, доктор исторических наук Т. В. Батаева, другие профессора и преподаватели Историко-архивного института; организаторы и руководители архивной службы России член-корреспондент РАН, профессор В. П. Козлов, видный историк-архивист В. А. Тюнеев. На хранение приняты также документы В. Е. Дербиной, С. В. Житомирской, И. С. Назина и других известных историков-архивистов. Работу по описанию личных фондов проводили Н. С. Зелов, А. Ф. Новиков, К. Б. Ульяницкий, Л. И. Хить, М. Ю. Чесноков, М. Ю. Щеголев.

За минувшие тридцать пять лет сотрудниками архивохранилища личных фондов государственных, общественных деятелей СССР и РФ принято на постоянное хранение более ста тысяч документов. Многие фонды содержат письма, фотографии деятелей литературы и искусства, видных ученых. Письма Р. Роллана, А. А. Фадеева, фотографии с М. А. Нексе, С. Я. Маршаком, К. М. Симоновым, И. Г. Эренбургом, другими деятелями культуры хранятся в фонде М. Я. Аплетина, одного из руководителей ВОКС в тридцатые годы, председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР. Документы он передал в архив незадолго до ухода из жизни в возрасте девяноста пяти лет. Помню, показал Михаил Яковлевич приветственный адрес по случаю его юбилейной даты с подписями более ста виднейших советских прозаиков и поэтов. На мою просьбу передать в архив этот адрес он ответил: «Оставляю себе, умирать не собираюсь». И в то же время охотно передал адресованные ему письма Р. Роллана, рукопись стихотворения известного испанского поэта Р. Альберти. В той же папке внимание привлекло неотправленное письмо писателя Н. Д. Телешова своему другу И. А. Бунину от 24 января 1946 г. в Париж. Оно было написано в ответ на письмо Ивана Алексеевича от 8 декабря 1945 г., но не отправлено. В Париж было направлено другое, более оптимистическое по содержанию письмо после встречи и беседы Телешова с председателем иностранной ко-

миссии Союза писателей СССР. «Работаю во всю мочь, — писал Телешов другу, — и служу, и пишу, и читаю публично, и сам дивлюсь, как я еще ноги таскаю! А ничего, живу и головы не вешаю!» (Исторический архив. 1962. № 2. С. 160). А в неотправленном письме писатель сообщал о работе в Музее Художественного театра, судьбе родственников. «Днем на службе, куда взбираюсь на высоту 6-го этажа раза по 3–4 в день, без всякого лифта, к вечеру иду (почти всегда пешком) домой, обедаю и ложусь спать на час, — писал Николай Дмитриевич. — Потом ежедневно, без пропусков и без антрактов, работаю до 12 $\frac{1}{2}$ ночи, а затем сплю как убитый при температуре от 10 до 12 градусов [...]. И так течет моя старая жизнь под треск костей, разных кашлей, охов и вздохов. Но я спокоен и тверд, и даже пью водку — было бы тебе это известно». Письмо Телешова, как и другие документальные реликвии, Михаил Яковлевич передал в ГА РФ. Я рассказал лишь об одном из многих, многих интересных писем, поступивших в составе личного архива. Письмо было опубликовано в третьем номере журнала «Вопросы литературы» за 1990 г. На страницах журналов «Вопросы истории», «Исторический архив», «Отечественные архивы», других изданий публиковались документы из личных фондов А. И. Балагурова, А. В. Галкина, А. Г. Кравченко, А. Ф. Горкина, других государственных и общественных деятелей. Сведения о фондах, поступивших в 1974–2000 гг., вошли в пятый том путеводителя ГА РФ. «Эта книга действительно открыла мне путь к подлинному пониманию сути того, что такое архив, — писал о справочнике действительный член Российской академии художеств Борис Ефимов 23 мая 2003 г. — Вы перелистываете “Путеводитель”, и перед Вами возникают “весомо, грубо, зримо” события, факты, люди, образы прошлого, дни “торжеств и бед народных”. Вы становитесь свидетелем судеб и переживаний участников Гражданской войны, как “красных”, так и “белых”, как покинувших страну эмигрантов, так и тех, кто заполнял зоны ГУЛАГа, строили социализм в “отдельно взятой стране”, и тех, кто “как могли” приближали Великую Победу над гитлеровской Германией. [...] Обо всем этом рассказывают архивы. Так можно ли допустить, чтобы бесследно и бездарно “распалась связь времен”, чтобы заросли паутиной и опустели архивы, чтобы “ушли в песок”, стали неведомыми для наших внуков и правнуков события сегодняшней жизни, все то, что сегодня нас волнует, тревожит или радует? А ведь именно так и произойдет, если перестанет уделяться должное внимание архивному делу, как важному, нужному, живому». Такие слова вдохновляют сотрудников архива на интересную, трудную работу по собиранию, научному описанию, сохранению и использованию документов личного происхождения, документальных памятников отечественной истории и культуры.

ГА РФ. Ф. 10036. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–34. Автограф. Частично опубл.: *Вестник архивиста*. 2008. № 2; Зелов Н. *Незабываемое*. М., 2009. С. 45–57.

С. М. Воскобойник**Воскобойник Сарна Моисеевна**

(р. 17.02.1923, Москва). Историк-архивист. Участница Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В Красной армии с 6 июля 1941 г. по 24 июня 1944 г., в действующей армии с 25 августа 1941 г. по 15 января 1944 г., санинструктор. В 1947 г. окончила МГИАИ. В 1950–1951 гг. — сотрудник архива Минпроса РСФСР, в 1952–1962 гг. — заведующая архивом Министерства сельского хозяйства Карельской АССР. В ЦГА РСФСР с 1962 г. С 1963 по 1978 г. заведовала архивохранилищем. С 1978 г. — главный хранитель фондов. В настоящее время — архивист ГА РФ. Заслуженный работник культуры РСФСР. Награждена орденом Отечественной войны I степени, медалями «70 лет Вооруженных Сил СССР», «Ветеран труда».

Юность, опаленная войной*Январь 2010 г.*

1 сентября 1940 г. я стала студенткой 1-го курса Историко-архивного института НКВД СССР. В этом году вышло постановление правительства о выплате стипендии отличникам, а у меня не хватало 1 балла, и, следовательно, стипендии я не получала и пошла работать на овощную базу, которая находилась в одном из зданий на улице Петровка в подвальном помещении. В основном мы занимались сортировкой яблок и, между прочим, умудрялись откладывать некоторое количество фруктов в укромные места. Но долго такая работа не могла продолжаться из-за холода, нас одолевали простудные заболевания.

Тогда я решила начать работать по будущей специальности. Я отправилась на Большую Пироговскую улицу (вход в бюро пропусков был в то время со стороны 1-го Архивного переулка). Меня направили на работу в ГАФКЭ (Государственный архив феодально-крепостнической эпохи), где ежедневно я находилась в архивохранилище и оформляла обложки фонда «Канцелярия императрицы Елизаветы» (должность, которую я занимала в то время, называлась «архивно-технический сотрудник архива»). Так проходила студенческая жизнь: лекции и работа в архиве.

В институте было хорошо поставлено преподавание военного дела, санитарная подготовка, нас учили тому, как оказывать первую медицинскую помощь. Всем этим руководил преподаватель военного дела майор Россихин Александр Васильевич — бывший офицер царской армии.

Как я уже сказала, военное дело было поставлено отлично. Нас учили разбирать и собирать винтовки и автоматы с круглым диском. Знания, полученные от майора, очень пригодились на фронте.

6 июля 1941 г. в составе добровольцев, членов санитарной дружины Московского историко-архивного института, на полуторках, с песней «Дан приказ — ему на Запад...», мы выехали на фронт в сторону Вязьмы, а перед отъездом сфотографировались с подругой в фотоателье на углу Кузнецкого моста и Петровки, в форме, полученной перед отъездом. До 25 августа 1941 г. мы находились в 1-м стрелковом полку НКВД СССР, а 25 августа я была откомандирована в штаб и ОО 269-й стрелковой дивизии, которая только что заняла боевые рубежи в районе старинного города Почеп Брянской области. Через несколько дней в районе совхоза «Речица» наш 1018-й стрелковый полк и первый дивизион 836-го арtpолка вступили в первый бой с немецкими захватчиками. Вскоре противник был остановлен на рубеже реки Рожек.

В начале сентября дивизия перешла в наступление и вышла на восточный берег реки Судость. Этому событию предшествовала активная разведка в районе расположения полка.

Командованием дивизии было поручено командиру отделения особого отдела лейтенанту Александру Солдатову провести разведку. Он недавно прибыл к нам после окончания Московского общевойскового училища. Сопровождать лейтенанта было поручено красноармейцу Пипко и мне — санинструктору Сломанской.

Нам был дан подробный инструктаж, Солдатов должен был подползти по-пластунски к первой траншее врага, держа винтовку с примкнутым штыком в вытянутой руке.

Мы сопровождали его поодаль. На всякий случай я отдала Саше свой первый трофей — немецкий браунинг «Вальтер», который он положил за голенище.

К сожалению, «Вальтер» лейтенанту не понадобился. Он дополз до расположения противника и подорвался на mine. Услышав взрыв, мы с Пипко сразу поняли, что случилось несчастье, и поползли ближе к лесу, где должен быть лейтенант. Оказалось, что ползти обратно он не смог, поскольку обе ноги были оторваны выше колена. Он меня удивил, став таким маленьким. Такие страшные ранения я увидела впервые, но надо было отбросить страх и постараться помочь раненому. Мы перенесли его в безопасное место. К сожалению, наложение жгутов не остановило кровотечения. С большим трудом мы с Пипко доставили раненого в располо-

жение полка. На рассвете он скончался и был похоронен в районе деревни Пьяный Рог. Этот трагический случай остался у меня в памяти на всю жизнь. Во время похорон я впервые услышала из расположения политотдела песню «Вставай, страна огромная...».

И вот прошло более шестидесяти лет с того первого страшного дня встречи со смертью. В составе делегации дивизии я была приглашена Почепским горкомом и райкомом партии, горисполкомом и райисполкомом на празднование 40-летия освобождения города и района от немецко-фашистских захватчиков. Мы посетили все памятные места, встречались с жителями тех мест, которые встречали нас очень тепло, посетили и братскую могилу в районе Пьяного Рога, где установлен обелиск, под которым покоится примерно 800 человек. На обелиске в числе первых названных фамилий первая — лейтенант Александр Солдатов. Так произошла встреча через сорок лет с первым погибшим на фронте в моей военной биографии.

И вот 2000 год. От всех ветеранов дивизии, воевавших в 1941 г. и посещавших в 1950 г. почепскую землю, осталась я одна и была тронута приглашением в г. Почеп на 500-летие города и, конечно, посетила обелиск, где похоронен Саша Солдатов.

После выхода из окружения вместе с другими частями 3-й армии мы почти весь октябрь 1941 г. находились на переформировании в городе Ефремов. После доукомплектования людьми и боевой техникой дивизия вступила в тяжелые оборонительные бои с перешедшими в наступление танковыми войсками Гудериана.

Было это 29 ноября 1941 г. на рубеже Валово, ст. Птань, недалеко от деревни Кукуевка. Здесь располагался штаб дивизии. Противник, прорвавшийся с флангов, вновь пытался окружить дивизию.

Один из снарядов, выпущенных войсками, попал в крытую машину, в которой я находилась. Машина загорелась, и мне с трудом пришлось выбраться из нее и по-пластунски ползти к одному из стогов, расположенных поблизости. В стоге оказались двое раненых, которым я оказала помощь.

Ночью около стога остановилась колонна немецких мотоциклистов, но, к счастью, их не интересовал стог, а свои документы я спрятала в стоге.

Ночью, по совету раненых, я замаскировалась в белые мешки из-под сахара, которых много валялось в поле вдоль дороги, и отправилась в ближайшую деревню Покровка (или Софьинка), ориентируясь по протекторам машин, где должны быть наши подразделения.

На прощание один из раненых назвал фамилию — «Иванов» и просил помочь им выбраться из стога к своим. Я должна была доложить своему командованию об их просьбе.

Идти было трудно, т. к. мороз был сильный, все обледенело, окоченели ноги.

Вскоре вдали показалась деревня, и в крайней избе мне сказали, немцы ушли, а наших тоже нет, и рассказали, как найти председателя колхоза. Я обратилась к нему с просьбой вывезти раненых, оставшихся в стоге. Он обещал вывезти их на санях, а мне посоветовал двигаться в соседнюю деревню, т. к. я оказалась на ничейной территории, а в деревне Софьинка (за точность названия не ручаюсь) безопаснее.

Этой же ночью я попала к доброй бабушке в деревне Софьинка, которая накормила и обогрела меня и посоветовала в целях безопасности поменять буденновку (о чем сожалее до сих пор) и военную телогрейку на платок и деревенскую кацавейку.

Утром двинулась в путь, который привел меня на Куликово поле, к Куликову столбу, от которого двинулась к станции Астапово (последний приют Л. Толстого).

Здесь дислоцировался батальон связи другой дивизии. Мой вид не внушал доверия, но, к счастью, я назвала фамилию комиссара батальона связи нашей дивизии, с которым была установлена связь. Майор Александровский подтвердил мои слова и сказал, что меня два дня разыскивали и решили, что я, видимо, попала в плен или погибла, и просили доставить меня в расположение дивизии.

В дивизии меня встретили с радостью, заново обмундировали, а мое крестьянское одеяние использовали для экипировки агентуры, забрасываемой за линию фронта.

И вот опять встреча с прошлым в 1980 г. через 39 лет. Ветераны дивизии встретились в парке Горького в Москве 9 мая. В числе ветеранов, прибывших на встречу, — лейтенант В. Г. Иванов, ветеран войны из г. Егорьевска. Меня сразу заинтересовали его фамилия и ранение в ногу. Стали вспоминать 41-й год. Оказалось, что это Иванов из стога на поле близ деревни Кукуевка. Рассказал, как их вывезли и доставили в расположение дивизии, и вспомнил сестренку, с которой прятался в стоге 11 ноября в том далеком 1941 году.

В дальнейшем я много лет поддерживала с ним связь через директора архива В. В. Никанорову, которая часто ездила в г. Егорьевск, откуда была родом. От нее я узнала о смерти Иванова.

В 1944 г. по состоянию здоровья я была уволена из армии и вернулась продолжать учебу в МГИАИ. Перед этим получила очень доброе письмо от директора института, профессора А. П. Смирнова.

В 1944 г. успешно окончила учебу и была направлена на работу в Читинский областной архив, т. к. на работу в Забайкальский военный округ был направлен мой муж — Д. И. Воскобойник. Он был направлен в саперный батальон на границу, где, конечно, работы для меня не было. Жили в сопках, куда раз в неделю привозили пищу и воду.

К счастью, мой начальник по фамилии Даманский ходатайствовал перед командованием округа о переводе мужа на службу в г. Читу. Моя работа в Читинском архиве была очень интересной. Принимала участие в розыске документов о М. В. Фрунзе, который работал в читинском статистическом ведомстве под фамилией Василенко. Много работала с документами атамана Семенова, нашла документы о своем отце в фонде «Нерчинская каторга». Была на должности старшего научного сотрудника, а затем и. о. начальника архивного отдела. Но, к сожалению, работа в Чите длилась недолго. Муж был принят на военно-исторический факультет академии им. Фрунзе. В Москве, пока муж учился, работала в ведомственном архиве Министерства просвещения.

Мужа направили служить в г. Петрозаводск, и в течение 10 лет я работала зав. архивом, а затем заведующей спецотделом и архивом Министерства сельского хозяйства Карело-Финской, а затем Карельской АССР. Работала с удовольствием и много сделала, чтобы архив министерства стал лучшим ведомственным архивом. Народ в республике отличный, и с тех пор прошло уже много лет, и я дружу с ними. По рекомендации архивных органов РСФСР с 19 марта 1962 г. я работаю по сей день в ЦГА РСФСР, а теперь в ГА РФ.

Люблю свой коллектив и свою работу и не представляю себя без работы, хотя по возрасту уже пора и подумать о своем месте на земле.

Н. И. Владимирцев, А. В. Костенецкий

Владимирцев Николай Игоревич

(р. 1962, Москва). Историк-архивист. После окончания школы в 1979–1980 гг. учился на дневном отделении Московского института инженеров транспорта, в 1981 г. работал в Монтажно-наладочном управлении треста «Электроцентромонтаж». В 1981–1983 гг. служил в рядах Советской армии. С 1 февраля 1984 г. работал в ЦГАОР СССР, в 1990 г. окончил вечернее отделение факультета архивного дела МГИАИ. В 1990–1991 гг. работал в архиве Верховного суда СССР, с декабря 1991 г. вновь в ЦГАОР СССР (с 1992 г. ГА РФ). С 1996 г. начальник отдела хранения документов государственных органов власти и управления СССР, федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти РФ.

Костенецкий Андрей Владимирович
(р. 1954, Москва). Историк-архивист. В 1973 г. поступил на работу в ЦГАОР СССР. Работал в архиве в должностях архивно-технического сотрудника, хранителя и старшего хранителя фондов, младшего научного сотрудника, архивиста 1-й категории, заведующего архивохранилищем (до момента преобразования архива). В 1979 г. окончил заочное отделение МГИАИ. В 1992–2008 гг. — заведующий архивохранилищем ГА РФ. Награжден медалью «В память 850-летия Москвы». С 2008 г. — по настоящее время — начальник отдела научно-справочного аппарата РГАЭ. Один из составителей путеводителя по фондам ГА РФ. Имеет ряд публикаций в периодической печати.

Физкультура и спорт в ЦГАОР СССР

Январь 2010 г.

В годы советской власти большое внимание уделялось физическому здоровью населения. Предусматривалась сдача норм комплекса ГТО («Готов к труду и обороне СССР», введен в 1931 г.) всеми гражданами от 10-летних школьников до людей предпенсионного возраста. Не оставались в стороне и архивисты. В военные и первые послевоенные годы сотрудники Главного архивного управления и московских архивов зимой сдавали нормативы по бегу на лыжах, летом — по бегу, прыжкам, метанию гранаты.

С годами обязательный характер физкультурных занятий утратился, практически не использовался (а жаль!) даже перерыв на проведение производственной гимнастики (ежедневно в 11 часов дня по центральному радио передавались музыка и команды для упражнений). Тем не менее в архивном городке на Большой Пироговской улице во время обеденного перерыва и по окончании рабочего дня часто можно было услышать стук ракеток и шариков для пинг-понга, мерный ход шахматных и шашечных фигур по доскам; над ныне заасфальтированной площадкой у 13-го подъезда весело летал волейбольный мяч.

Надо сказать, что архивное руководство того времени если и не вело активной работы по пропаганде здорового образа жизни, то с сочувствием относилось к усилиям энтузиастов. Помнится, даже последний директор ЦГАОР СССР Борис Иванович Каптелов неоднократно подходил к тен-

нисному столу, а изредка и сам брал в руку ракетку. Заместитель директора Анастасия Владимировна Добровская вплоть до весьма почтенного возраста занималась фигурным катанием, ездила верхом на лошадях, а во время «дней здоровья», можно сказать, давала молодым сотрудникам «мастер-класс» по плаванию.

Шахматные и шашечные турниры в ЦГАОР СССР организовывали местный комитет профсоюза, комитет комсомола и... ДОСААФ (вероятно, по традиции, идущей с года создания ЦГАОР, когда первый чемпионат страны («Всероссийская шахматная олимпиада») был организован Главным управлением всеобщего военного обучения). Бессменным участником шахматных турниров и неоднократно их победителем в 1970-е гг. и вплоть до своей кончины был начальник отдела кадров Василий Михайлович Романов. Среди других энтузиастов шахмат можно вспомнить сотрудников как перешедших в другие учреждения (Андрей Владимирович Костенецкий и Андрей Владимирович Шустаев), так и продолжающих работу в ГА РФ (Виктор Александрович Круглов, Владимир Михайлович Хрусталеv, Павел Шалвович Чхартишвили).

Турниры по настольному теннису проводились в ЦГАОР СССР не только «дома» — на открытом воздухе, но однажды и «на выезде» — в спортивном зале комплекса «Лужники». В этих открытых турнирах, с привлечением участников из других архивов (ЦГАНХ, ЦГАДА), практически бессменным чемпионом выходил Андрей Шустаев, столь же стабильным вице-чемпионом — Виктор Круглов, а третьим иногда бывал Андрей Костенецкий. Участвовало же в теннисных соревнованиях с разным успехом, вероятно, значительно более половины молодых архивно-технических и научных работников ЦГАОР СССР и других архивов того времени, и не только молодые ребята, но и девушки и женщины.

То же можно сказать и о игре в волейбол. Состав команд колебался от шести игроков до одного (что можно считать предвестником нынешнего столь модного в мире «пляжного» волейбола). Но нередко при игре двух команд по шесть человек третья ожидала своей очереди, строго следя за ходом поединка. Среди участников от ЦГАОР СССР, кроме упомянутых А. В. Костенецкого и В. А. Круглова, наибольшей активностью отличались Илья Александрович Альтман, Николай Игоревич Владимирцев, Дмитрий Максимович Кончаловский, Владимир Валентинович Макаров, Федор Леонидович Федоров. Девушки играли реже, но Татьяне Рудольфовне Постновой принадлежит рекорд (кажется, абсолютный) — 13 очков подряд с одной подачи!

Особняком стояли футбольные соревнования, которые в силу специфики этого вида спорта носили в основном межархивный характер. Наиболее знаменитой встречей того времени по мини-футболу можно считать

баталию ЦГАОР — ЦГАНХ, происходившую на рубеже 1980-х гг. (между 1979-м и 1980-м) на футбольной площадке по другую сторону переулка Хользунова, от сквера усадьбы Трубецких. Договор об этой игре был заключен в товарищеской обстановке по дороге из совхоза «Красный балтиец», где оба коллектива находились на однодневных сельскохозяйственных работах.

Состав команды ЦГАОР был следующим: Андрей Костенецкий (вратарь — гоняла), Сергей Геннадьевич Мазалов (второй вратарь — гоняла), Михаил Борисович Федоров (4 гола), Андрей Шустаев (2 гола), Геннадий Цернюк (5 голов). У соперников были столь знаменитые футболисты, как Владимир Иванович Кузин и вратарь Валентин Алексеевич Шутов (оба, к сожалению, ныне покойные), Илья Александрович Альтман (позднее перешедший в ЦГАОР), Владимир Нилович Гусев (ныне работающий в Росархиве), Сергей Иванович Дегтев. ЦГАОР СССР одержал в той игре победу с крупным счетом 11: 6.

Надо отметить, что с приходом И. А. Альтмана в ЦГАОР и избранием его председателем профсоюзного комитета спортивные состязания в архиве достигли наибольшего размаха. Илья Александрович предложил провести «большое многоборье», которое включало турниры по шахматам (одно за другим состоялись два состязания — одно без четкого контроля времени, другое по игре «блиц»), шашкам, настольному теннису, волейболу, футболу. При этом он сумел привлечь к участию и тех сотрудников, которые по состоянию здоровья или личным склонностям не занимались всеми этими видами спорта. Так, заведующий архивохранилищем Семен Владимирович Биленко принимал участие только в турнирах по шахматам и шашкам, сотрудница его хранилища Елена Григориадис — только по шашкам и так далее.

Апогеем спортивных баталий архивистов стали проведенные в рамках общего «дня здоровья» турниры по волейболу и футболу на стадионе «Буревестник» (ул. Плющиха). Футбольный турнир, к сожалению, не был завершен из-за демарша команды ЦГАДА. В ходе него коллектив архива Октябрьской революции победил старых друзей-соперников из ЦГАНХа с минимальным счетом 1: 0 (гол забил А. В. Костенецкий). Не помним точно, с каким счетом завершилась встреча с командой Главного архивного управления, но запомнилась игра нынешнего заместителя руководителя Росархива Владимира Петровича Тарасова и Кирилла Григорьевича Черненкова. Надо заметить, что в тот день на стадионе присутствовали в качестве зрителей многие сотрудники архивов, но наиболее значительная и активная «торсида» также представляла ЦГАОР СССР. Надеемся, что они получили много положительных эмоций, которые дарит нам спорт и которые желательно дополнять личными занятиями физкультурой.

Б. Ф. Додонов**Додонов Борис Федорович**

(р. 29.04.1950, г. Королев Московской обл.). Историк-архивист, источниковед. В 1974 г. окончил МГИАИ. Кандидат исторических наук (1984 г.). С 1974 г. научный сотрудник отдела дореволюционных фондов ЦГАОР СССР. Главный специалист отдела изучения и публикации документов ГА РФ. Ответственный составитель и научный редактор ряда сборников архивных документов, в том числе: «Журналы заседаний Временного правительства» (т. 1–4), «Журналы заседаний Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А. И. Деникине», «Хроника рабочего движения в России (1895–1904 гг.)» (т. 1–10), справочный том по истории сталинского ГУЛАГа; составитель межархивного путеводителя по фондам РЗИА, нескольких томов путеводителя по фондам ГА РФ, автор многочисленных статей и публикаций в журналах «Советские архивы», «Отечественные архивы», «Вопросы истории», «Источник» и др. Награжден нагрудным знаком «Отличник архивного дела».

36 лет в архиве*Февраль 2010 г.*

Никогда не думал, что доживу до того времени, когда мне придется писать воспоминания. Делаю это только потому, что жизнь свела меня со множеством ярких, незаурядных людей, о которых хочется вспомнить. Поверьте, что они того заслуживают.

Считаю, что в жизни мне везло. Не помню, но кто-то из великих сказал, что одних судьба по жизни ведет, а других тащит. Так вот, меня судьба вела. Она привела меня в наш Московский историко-архивный институт, на улицу 25-го Октября (ныне Никольскую), рядом с Красной площадью. Помню, как поразило меня здание института, а особенно «теремок» — здание XVII в., где находилась кафедра вспомогательных исторических дисциплин. Мы учились в историческом здании бывшей Синодальной типографии — изучали отечественную историю, а в то же время история находилась вокруг нас. Мы, студенты, дышали воздухом истории. Точно

такое же чувство возникает в архиве, когда берешь в руки исторические документы и переносишься в глубь веков.

Для меня учеба в институте, бесспорно, счастливое время. Нас учила целая плеяда замечательных преподавателей и ученых. Посчастливилось слушать лекции таких прекрасных лекторов, как А. Д. Комиссаренко, Ф. А. Коган-Бернштейн, Р. В. Макарова, А. Д. Степанский, Ю. Я. Синцов, В. А. Муравьев, Г. А. Дремина, Е. В. Старостин, Ю. Я. Рыбаков, О. М. Медушевская, М. Н. Черноморский, Т. П. Коржихина, Н. А. Орлова (многих из них, к величайшему сожалению, уже нет с нами).

Учиться было очень интересно, я бы сказал легко, и процесс обучения приносил большое удовлетворение. Проработав в архиве не одно десятилетие, могу сказать, что сам процесс обучения в наше время был организован прекрасно. Нам давали фундаментальные знания по отечественной и всеобщей истории, вспомогательным историческим дисциплинам, архивоведению, археографии, которые оченьгодились в архивной работе. Причем это не было обилием фактического материала, который забывается на второй день после экзамена. Нас учили работать с источниками, исторической литературой. Мы постоянно писали — доклады, курсовые, рефераты и др. Помню, как учила нас писать доклады Р. В. Макарова. Она говорила, что любая работа по истории строится по одним и тем же принципам, и эти принципы она так умело и доходчиво изложила, что это запомнилось на всю жизнь. Еще она отмечала, что история требует бумаги и нельзя на десяти страницах изложить то, что может быть освещено на 30, т. е. она требовала от нас углубленного и развернутого освещения проблемы.

Учеба в институте шла к концу, и нужно было думать о дипломной работе. На четвертом курсе я писал курсовую работу по истории СССР о событиях 1917 г., заинтересовался историографией проблемы. В одной из работ по историографии мое внимание привлекло утверждение автора об одном из неисследованных вопросов истории — он был связан с военно-теоретической подготовкой вооруженного восстания в 1917 г. Мне захотелось заняться этой темой и показалось, что она вполне подойдет для дипломного сочинения. Я, как мог, сформулировал тему, написал заявление и отправился на кафедру истории СССР. Отношение к студентам в институте было самое благожелательное, мое заявление приняли, внимательно прочли и сказали, что предложенная тема не совсем по профилю кафедры, и предложили пойти на кафедру вспомогательных исторических дисциплин. «Вам к Луцкому надо», — доброжелательно сказал зам. заведующего кафедрой. Я отправился по указанному адресу, в теремок.

Так я познакомился с замечательным человеком, прекрасным педагогом, доктором исторических наук, профессором, в то время заведовавшим названной кафедрой, Евгением Алексеевичем Луцким, который на

долгие годы стал моим научным руководителем — под его руководством я писал курсовую работу, диплом, кандидатскую диссертацию. Это был прекрасный специалист, автор множества научных трудов, в том числе по историографии, он обладал широчайшей эрудицией. Как и всякий видный ученый, он до последних дней находился в научном поиске, живо интересовался самыми разными проблемами истории, и сам процесс познания нового доставлял ему большое удовлетворение. Он не боялся нового, наоборот, оно влекло его.

Е. А. Луцкий внимательно прочел мое заявление, сказал, чтобы я подготовил что-то вроде плана с пояснениями. Я отправился в библиотеку изучать соответствующие материалы. Здесь мне крупно повезло (к вопросу о везении в жизни!). С одной стороны, вопрос был достаточно узкий, он относился, как оказалось, уже не к 1917 г., а к периоду революции 1905–1907 гг., но в то же время сразу высветилась его новизна. Я передал свои наброски Евгению Алексеевичу. Он обещал все посмотреть, и мы договорились встретиться через несколько дней. Посмотрев материалы, Евгений Алексеевич сказал, что, видимо, из предложенного мною материала может получиться неплохая работа, и дал добро. Началось наше с ним многолетнее сотрудничество. Любопытно, что все эти годы я практически не отходил от предложенной темы, лишь расширял ее хронологические рамки. В основе работы лежал источниковедческий и историографический подход.

Я «бросился» не просто изучать ленинские произведения, а знакомиться с подготовительными материалами к ним, источниками, которыми он пользовался, пытаясь понять, чем он оперировал, откуда черпал материалы для своих работ. Многое становилось ясным, и я с радостью переносил все это на бумагу.

Нужно сказать, что с первого курса нам внушалась мысль не только о гениальности и непогрешимости В. И. Ленина, но и о глубине его учения, основные положения которого можно отнести к любому вопросу и пр. и пр. Но когда начинаешь изучать его произведения не в форме цитат, готовых к применению на все случаи жизни, а в связи с общей ситуацией в революционной литературе, вдруг выясняется, что работы Ленина занимали лишь определенное место в соответствующей литературе. Ленин далеко не всегда был первопроходцем, очень часто он использовал уже имеющиеся наработки.

В изданиях ленинских трудов 1905 г. выявился ряд неточностей, допущенных составителями. Я все это изложил в дипломной работе и сформулировал свои предложения по датировке ленинских произведений и пополнению списка источников, использованных В. И. Лениным. Евгению Алексеевичу опус понравился, и он даже решил послать его на внешний отзыв в Институт истории партии при Московском комитете КПСС. Моя

работа попала на отзыв одной из сотрудниц института (фамилию ее приводить не стану).

Прочитав ее рецензию, я был очень удивлен — автор отзыва нашла в моих рассуждениях ряд грубых «политических ошибок». В частности, я, вслед за Лениным, положительно оценил деятельность одного из большевистских деятелей 1905 г. — В. В. Филатова (В. Северцева). Она же, копнув его биографию, выяснила страшную подробность, что в 1919 г. он, очевидно разуверившись в идеалах большевизма, покинул ряды РКП(б), а я не отметил этот «неприглядный» факт его биографии в дипломной работе (хотя какое это отношение имеет к событиям 1905 г., по сей день понять не могу). Далее в отзыве выдвигалось страшное обвинение, что я неверно, критически оцениваю работу ИМЛ, что вообще «пахло» криминалом. Слава богу, что это заключение было написано на студенческую работу, и никто в институте его всерьез не воспринял. Однако дипломное сочинение было оценено на «хорошо». Указанный отзыв научил меня внимательно работать над текстом, избегать неточностей и расплывчатых формулировок и не давать повода для критики.

Евгений Алексеевич прочитал названный отзыв, решительно сказал мне, чтобы я его выбросил и постарался забыть все, что в нем написано. После окончания института мне опять крупно повезло — я попал на работу в один из крупнейших архивов страны, хранивший ценнейшие фонды, — ЦГАОР СССР. Причем в одно из наиболее крупных и интересных подразделений — хранилище дореволюционных фондов. Это хранилище когда-то было самостоятельным архивом — Центральным государственным историческим архивом в Москве, где был собран комплекс документов, отражающий революционное и общественное движение в России в XIX — нач. XX в. (фонды жандармско-полицейских и судебных учреждений, общественных организаций, личные фонды и коллекции). Здесь же хранились и так называемые царские фонды — личные фонды и коллекции членов Дома Романовых, от Александра I и до последнего российского императора Николая II и членов его семьи.

Коллектив хранилища был очень дружный и высокопрофессиональный. Руководила хранилищем Зинаида Ивановна Перегудова (ныне доктор исторических наук, ведущий специалист архива). Уже тогда она выделялась прекрасной эрудицией и глубокими знаниями по проблемам истории. Зинаида Ивановна прекрасно владела материалами и практически по каждому вопросу могла дать широкие и всесторонние консультации, к ней всегда тянулись вереницы исследователей. Она прекрасно проводила экскурсии по материалам архива.

Помню, когда я только начал работать в архиве, Зинаида Ивановна предложила присутствовать на экскурсии, которую она проводила для со-

трудников отдела использования архива о материалах фонда Коллекции Зимнего дворца. В институте приходилось слышать немало замечательных, эрудированных лекторов и прекрасных специалистов. Тем не менее меня эта экскурсия Зинаиды Ивановны поразила и запомнилась на всю жизнь. Одно дело — прочесть о каких-то фактах в книгах того же Н. Я. Эйдельмана, и совсем другое дело — слушать замечательный, насыщенный фактами, глубоко аргументированный рассказ, проиллюстрированный документами.

Зинаида Ивановна прекрасно знает документы фонда Департамента полиции МВД, написав на их основе целый ряд монографий и научных статей. Зинаида Ивановна не только прекрасный специалист, но и добрый, отзывчивый человек, всегда готовый помочь, дать необходимый совет.

С глубоким уважением вспоминаю Е. В. Задорнову, которая занималась в хранилище учетом документальных материалов.

Главным хранителем в нашем хранилище была Любовь Николаевна Васильева, очень добрый и отзывчивый человек. Работа хранилищ всегда строилась на принципах взаимозаменяемости. Неоднократно, особенно в период сессий у студентов и летнее время, приходилось помогать Любви Николаевне с выдачей и подкладкой дел. Мы всегда дружно и оперативно это делали.

Работа хранилищ чрезвычайно разнообразна и многопланова — за время работы в нем приходилось заниматься редактированием описей, описанием россыпи, розыском и учетом документов, участвовать в их перемещении. Как говорил один из директоров архива С. Т. Плешаков: «Хранилище — это архив в миниатюре».

Я считаю, что очень многое почерпнул, работая в хранилище, узнал много нового для себя. С интересом вспоминаю участие в новых проектах, которые осуществлялись Главархивом СССР и ВНИИДАД, в частности по созданию Автоматизированной системы научно-технической информации (АСНТИ) по документам ГАФ СССР, для которой мы готовили аннотации фондов совместно с О. Н. Копыловой.

С интересом сотрудники хранилища (З. И. Перегудова, Л. И. Тютюнник и я) приняли участие в подготовке справочника по истории высших государственных учреждений царской России, под руководством профессора МГИАИ, доктора исторических наук Н. П. Ерошкина.

За время работы в хранилище я редактировал описи Московского охранного отделения, Московского губернского жандармского управления, партии октябристов, Комиссии по обеспечению нового строя при Комитете московских общественных организаций, Следственной комиссии ЦК партии эсеров по делу Азефа, Собственной канцелярии шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа и другие.

С большим интересом я знакомился с хранившимся в отделе обширным комплексом нелегальной литературы, который стал основным источником при подготовке диссертации.

Наше хранилище посещало немало крупных ученых-историков, писателей, которых допускали к работе с подлинными материалами. Помню, что в хранилище работали историки П. А. Зайончковский, Е. Л. Рудницкая, Е. В. Старостин, писатель Ю. Семенов и др. Я обратил внимание на одного из сотрудников Института истории СССР, который проводил долгие месяцы в хранилище, работая над материалами декабристов (готовя издание биографического справочника декабристов) — это был нынешний директор ГА РФ, доктор исторических наук, профессор Сергей Владимирович Мироненко.

С 1985 г. мне посчастливилось принять участие в одной интересной работе, которую архив начал вести совместно с Институтом истории Академии наук. Архив долгие годы вел активную работу по изданию документов по истории пролетариата в России, эта работа шла с переменным успехом — то активизировалась, то замирала (достаточно вспомнить серию «Рабочее движение в России», или 18-томное издание «Революция 1905–1907 годов в России»). Было издано большое число документальных сборников, содержащих тысячи документов. К концу 1980-х гг. историки, занимавшиеся названными проблемами, пришли к обоюдному выводу, что даже при таком обилии изданных документов им все равно не удастся решить глобальные проблемы истории российского пролетариата и, главное, существенно продвинуться в понимании процессов, происходивших в общественной жизни России на рубеже XIX и XX вв., которые привели к трем российским революциям.

В этой связи было принято решение начать готовить хронику рабочего движения в России, в которой будут учтены все факты рабочего движения (стачки, демонстрации, требования рабочих), деятельность политических партий, апеллировавших к рабочим, профсоюзам и др. Значительное внимание обращалось на выявление и учет в хронике нелегальной литературы (прежде всего прокламаций). Хроника должна была охватывать период с 1895 по 1917 год.

Организаторы этой работы обратились в архив и в июне 1985 г. заключили с ним соответствующий договор. Работа над подготовкой хроники была организована очень масштабно, на всесоюзном уровне — в ней приняли участие научные институты системы Академии наук, ряд высших учебных заведений, участвовали также все центральные, республиканские, краевые, областные архивы, хранившие документальные материалы соответствующего профиля.

Волею судеб я на несколько лет окунулся в эту работу, непосредственно познакомился с работой сектора истории капитализма Инсти-

тута истории СССР АН СССР (ныне Институт отечественной истории РАН). На первом этапе руководил работой замечательный специалист и прекрасный человек, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории капитализма Валерий Иванович Бовыкин, его заместителем был доктор исторических наук Юрий Ильич Кирьянов (обоих, к сожалению, уже нет с нами). В работе принимали также участие ведущие сотрудники сектора, доктора исторических наук Ирина Михайловна Пушкарева и Наталия Анатольевна Иванова, кандидаты исторических наук Валентина Павловна Желтова и Тамара Александровна Игнатенко. Кроме того, были привлечены видные ученые из других научных центров Москвы и ряда городов. Хочется отметить активное участие в работе докторов исторических наук Николая Васильевича Блинова и Валентина Валентиновича Шелохаева, известного питерского историка, лауреата Государственной премии СССР, сотрудника Ленинградского отделения Института истории Сергея Ивановича Потолова, доцентов Коломенского пединститута Геннадия Ивановича Бычкова, Ярославского госуниверситета Михаила Германовича Мейеровича, Пензенского пединститута А. С. Касимова, новгородского историка, кандидата исторических наук Веры Ивановны Ромашовой.

Со стороны Главархива СССР работой над хроникой руководил начальник отдела публикации Главархива СССР Леонид Иванович Панин, активно участвовали в работе сотрудники отдела. К работе были привлечены и сотрудники Главархива РСФСР (вспоминается колоритная фигура начальника отдела использования этого ведомства В. Г. Комлева). В работе приняли участие около ста архивов по всей территории СССР. В ЦГАОР работой над хроникой руководила заместитель директора архива Татьяна Федоровна Павлова.

Дело началось с совещаний, которые периодически проводились в Институте истории, Главархиве СССР, ЦГАОРе, на которых обсуждались организационные и научно-методические вопросы. Участвовать в этих совещаниях мне доставляло большое удовольствие, так как многие из тех, кого я назвал, были не только замечательными специалистами, но и яркими, незаурядными личностями, они щедро делились глубокими и неординарными суждениями при обсуждении встававших проблем. В ходе работы над темой проводились также региональные совещания.

Руководители этой работы обладали большими организаторскими способностями, они приложили немало усилий и энергии, чтобы запустить весь этот огромный механизм и добиться его слаженной работы на протяжении ряда лет. Я всегда поражался неумной энергии Юрия Ильича Кирьянова, он появлялся в архиве практически каждую неделю, огромные усилия мы потратили с ним при разработке форм карточек, подготовке методических пособий.

Были разработаны специальные формы карточек учета сведений об отдельных формах социального протеста (стачки, волнения, демонстрации, митинги и др.), деятельности партийных, профсоюзных организаций, а также о листовках и прокламациях. Карточки заполнялись в архивах, под контролем привлеченных к работе специалистов. Затем они направлялись в ЦГАОР. Работа велась в годы перестройки, как раз накануне распада СССР, тем не менее все союзные республики выполнили свои обязательства и направили материалы в ЦГАОР — ныне в архиве хранится комплекс материалов по хронике за 1895–1917 годы.

Важно отметить, что с распадом СССР работа над хроникой не была прекращена. Собрав огромный фактический материал, Институт отечественной истории РАН приступил к изданию материалов хроники рабочего движения в России за 1895–1904 гг. (было издано десять выпусков хроники). Я также принял участие в подготовке названных выпусков, описывая листовки и прокламации. Эта была очень интересная и напряженная работа. Руководила изданием хроники доктор исторических наук И. М. Пушкарева.

В последующие годы я был связан с работой по публикации исторических документов — готовил к изданию журналы заседаний Временного правительства 1917 г., документы периода Гражданской войны (журналы заседаний Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России ген. А. И. Деникине, материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания) и многое другое. Архив в моей жизни был и остается сосредоточением Памяти нашего народа, национальным памятником не только всероссийского, но и мирового масштаба, работа в котором приносит огромное моральное удовлетворение.

А. И. Барковец

Барковец Алия Исхаковна

(р. 01.09.1958, Москва). Историк-архивист. В 1981 г. окончила МГИАИ, училась в заочной аспирантуре РГГУ. В 1975 г. библиотекарь Библиотеки № 46 им. Гоголя. Поступила на работу в ЦГАОР СССР в феврале 1976 г. В 1976–1982 гг. архивно-технический сотрудник, хранитель фондов отдела микрофильмирования, старший хранитель фондов отдела использования документов ЦГАОР СССР,

уволена в связи с переездом к месту воинской службы мужа. С июля 1983 г. по июнь 1984 г. — заведующая библиотекой воинской части. С августа 1984 г. по декабрь 1985 г. — старший архивист, архивист 1-й категории, младший научный сотрудник отдела использования ЦГАОР СССР, уволена (в порядке перевода) к новому месту воинской службы мужа. С декабря 1985 г. по июнь 1988 г. — старший архивист Государственного архива Рязанской области. С сентября 1988 г. — старший научный сотрудник отдела использования ЦГАОР СССР; с февраля 1991 г. — начальник отдела научно-информационной и справочной работы ЦГАОР СССР — ГА РФ. С мая 1993 г. по январь 1998 г. — заместитель директора ГА РФ, руководитель Центра научно-справочной работы архива. С 2000 по 2002 г. — директор Выставочного зала федеральных архивов. Являясь заместителем директора ГА РФ, курировала вопросы использования и научно-справочного аппарата архива. Активно занималась выставочной деятельностью. С января 1998 г. и по настоящее время А. И. Барковец работает в инвестиционной компании «Группа Спутник». Занимаемые на данное время должности: начальник Управления общественных связей, генеральный директор Благотворительного фонда содействия кадетским корпусам им. Алексея Йордана, главный редактор журнала «Российская кадетская переписка», председатель Совета форума доноров, коалиции крупных благотворительных фондов России. Награждена государственными, общественными медалями и наградами Русской православной церкви. Автор многих книг, статей, публикаций документов, каталогов художественно-документальных выставок. Основные книги А. И. Барковец: «Императрица Александра Федоровна, прусская принцесса Шарлотта» (СПб., 2008); «Императрица Мария Федоровна, принцесса Дагмар» (СПб., 2007); «Великий князь Владимир Александрович» (СПб., 2010; в соавторстве); «Царь-миротворец, Александр III» (СПб., 2008; в соавторстве); «Неизвестный император Александр III» (М., 2002; в соавторстве); «Император Николай II» (Берлин, 2002; в соавторстве); «Немецкие принцессы в России» (Берлин, 2001; в соавторстве); «Утраченные сокровища. Трофеи Второй Мировой Войны» (Париж, 1998; в соавторстве); «Цесаревич» (М., 1998; в соавторстве). Автор и соавтор сценариев ряда документальных фильмов, телевизионных передач. Ведущая телевизионного документального цикла «Документы и судьбы» (1994–1995 гг.).

Люди, которые так много значили и значат для меня...

Февраль 2010 г.

Написать воспоминания о Государственном архиве РФ мне оказалось не так просто. За долгие годы работы помнится многое... И заме-

чательные люди, и яркие события, и смешные ситуации. Об успехах и достижениях архива за 90 лет напишут многие: славная история, у которой, к счастью, вечное будущее. Мне бы хотелось рассказать о людях, с которыми я начинала работать, познавать архивную науку, о рядовых сотрудниках и начальниках, без которых, я уверена, эта славная история архива будет неполной.

«Это очень ответственная работа — подготовка дел к микрофильмированию», — так напутствовал меня в первый день работы 6 февраля 1976 г. начальник отдела кадров ЦГАОР СССР Василий Михайлович Романов. Только потом, спустя годы, когда я брала в руки дела фонда 130, Совета народных комиссаров РСФСР, и видела написанные моей рукой заверительные листы, я оценила его слова. Тогда мне казалось безумно скучным нумеровать дела! Мы работали прямо в хранилище, сидели в небольших его закутках и при ужасном свете. Нас было трое: провалившая вступительные экзамены вчерашняя школьница Татьяна Конюшкина (заядлая театралка, влюбленная в «Сатиру» и лично в Андрея Миронова), казавшийся нам с ней очень взрослым и серьезным Павел Чхартишвили (он тогда носил шляпу, которая была предметом для наших невинных девичьих шуток) и я, архивно-технический сотрудник, которая к этому времени была студенткой первого курса МГИАИ. Выполнив дневную норму по нумерации, мы с Таней не могли усидеть на месте (тогда нас не волновала проблема гиподинамии, да и слова мы такого не знали!), с дикими криками мы катали друг друга на тележке для перевозки дел или вели великосветские беседы по поводу очередного спектакля с участием Андрея Миронова. С благодарностью вспоминаю Таню, которая каждую неделю водила меня в театр, умудряясь доставать билеты на первый ряд (другой она не признавала, так как ее кумир всегда должен быть в предельно короткой зоне ее пристального внимания!).

Не знаю, за какие заслуги меня повысили в должности! Через полгода после прихода в архив я стала хранителем фонда. Ушла в Главархив начальник отдела микрофильмирования Надежда Аркадьевна Карпунова, и вместо нее была назначена Мария Федоровна Фросина, которая до этого была начальником хранения секретных документов и которую я боялась до дрожи в коленках. Теперь я вспоминаю ее с теплом: строгая, умная, немного ироничная женщина. У Фросиной собрался удивительный отдел: всегда молодая (несколько лет подряд мы праздновали заявленное ею очередное 70-летие) Ирина Михайловна Лимонова, Лерочка Чернавина, Варвара Тимофеевна Девятковская (старейший сотрудник, пришедшая в архив, как мне помнится, сразу после войны), юная красавица, ставшая на всю мою жизнь близкой подругой, Лена Нечаева и я. Лера жила в г. Железнодорожный и часто опаздывала на работу. При ее появлении в 9.30 (вместо 9.00) Мария Федоровна с укором смотрела на часы, а та, отводя

глаза в потолок, пыталась сформулировать свои оправдания. Как правило, они редко устраивали Фросину, ее ледяной тон парализовал оставшуюся волю Леры, и та затихала, окончательно запутавшаяся в объяснениях. Это было обычным утренним ритуалом. Очередной раз опоздав, Лера вошла в рабочую комнату со словами: «Я не виновата, это 15-й троллейбус поехал переулками и застрял». Мария Федоровна закатилась смехом, и впервые Чернавина не была прилюдно «выпорота» начальником.

Мы с Леной Нечаевой занимались выдачей микрофильмов в читальный зал. Нам было по 18 лет, поэтому нашего осознания личной взрослости хватало на полдня. Закончив к обеду выдачу и подкладку бюксов, быстро сделав норму по нумерации, после четырех часов дня мы маялись бездельем и приставали с вопросами к Ирине Михайловне, которая сидела в проходе между стеллажами архивохранилища спиной и вслух, себе под нос, нумеровала дела. Она не часто баловала нас своим вниманием, ссылаясь на обилие работы. Периодически она засыпала, и самым лучшим будильником для нее был строгий окрик Марии Федоровны, которая из-за больных ног на работе ходила в домашних тапочках. Ее поступь была не слышна мирно дремлющей Ирине Михайловне, как и предупреждающее ее о приближении строгого начальника наше с Ленкой покашливание. При звуке голоса Фросиной спина Лимоновой резко выпрямлялась (сама она даже не оборачивалась на окрик!), и звонко, взяв выше обычного на октаву (тембр ее голоса поднимался до колоратурного сопрано), Ирина Михайловна продолжала вслух отсчитывать нумерацию страниц в деле: «Сто двадцать один, сто двадцать два...» Перед окончанием рабочего дня она закрывала очередное пронумерованное дело, доставала из недр стеллажей большую железную коробку, предназначенную для хранения неразрезанной пленки, где у нее была рассыпана пудра, прибитая большим комком ваты. После приведения себя в порядок, от которого в проходе долго стоял парфюмерный запах и витал молочный столб пудры, Ирина Михайловна надевала туфли на высоких каблуках, брала в руки сумки (их всегда было не меньше двух) и отправлялась домой.

Ушли в мир иной Надежда Аркадьевна Карпунова (рано, очень рано!), Мария Федоровна Фросина, Ирина Михайловна Лимонова, Варвара Тимофеевна Девятковская. Они посвятили практически всю свою жизнь архиву, были абсолютно преданы делу, любили свою профессию. Без них мне и многим другим молодым сотрудникам архива было бы невозможно сделать свои первые шаги в профессии, состояться архивистами. Уважаемый Павел Шалвович, долгих лет интересной работы тебе в Государственном архиве РФ!

Работая у М. Ф. Фросиной, я всегда с завистью смотрела на отдел использования документов ЦГАОР СССР. Какая интересная работа! Каждый день что-то новое, запросы по разным темам, выставки, участие в

различных мероприятиях. К этому времени начальником отдела использования стала старейший сотрудник Главархива, долгие годы занимавшаяся публикацией документов, Наталья Васильевна Михайлова. Отдел при ней сильно «омолодился». Кроме профессионалов, давно работающих в архиве, как Софья Викторовна Сомонова, Наталья Евгеньевна Акулкина, Нина Васильевна Лепилкина, Лидия Михайловна Кузнецова, в отделе работали и молодые кадры: Ольга Габаянц («Габуся»), трудившаяся еще при старом начальнике отдела И. Н. Владимирцеве, Лида Соколова («Лидунчик», ставшая в дальнейшем женой Виктора Круглова, с которой мы учились на одном курсе и по-братски обменивались шпаргалками на всех экзаменах), Наташа Юркевич (героическая юная мама двух детей!), Оксана Ракивненко (красивая, смешливая девочка), Амалия Тулумджян (само очарование!) и Татьяна Борисова, потом работавшая в хранилище Д. Н. Нохотович. Позже в отдел пришел неподражаемый Андрей Шустаев (после архива был в шахматной федерации у Анатолия Карпова), который чувствовал себя в женском коллективе как рыба в воде. Я не уверена, но мне кажется, что именно Андрей запустил по архиву фразу, ставшую потом крылатой, — «девочки из использования». Кстати, слово «использование» в архивной работе у меня поначалу невольно вызывало легкое замешательство (потом привыкла), впрочем, как и в дальнейшем появившееся в одном новом типовом документе ГА РФ словосочетание «ответственный за размножение документов». К этому я никак привыкнуть не могла.

Как только появилась вакансия, я перешла работать в вожделенный отдел Н. В. Михайловой. Мои навыки пулеметной нумерации дел здесь были не нужны. С радостью я изучала путеводитель по ЦГАОР СССР, знакомилась со справочным аппаратом — каталогом, картотеками, начала делать первые тематические запросы. Интересно было это погружение в архивное документальное море, которое, чем я дольше работала, тем больше понимала, не имеет дна. Оно определено количественными показателями (на сегодняшний день более 6 млн дел), но по хранящейся информации — бескрайнее.

Наталья Васильевна Михайлова не была великим знатоком фондов ЦГАОР СССР, ведь она недавно только пришла работать из Главархива, но она была удивительным руководителем, мудрым, щедрым и чрезвычайно интеллигентным. Я не помню, чтобы она когда-то серьезно повышала голос, была несправедлива, она умела снять любое напряжение и возникший конфликт перевести в шутку. Потом, став сама начальником, я старалась моделировать ее стиль управления, но, думаю, это не очень получалось.

Здесь утро начиналось по-другому. Практически всегда первой на работе была заместитель Натальи Васильевны Софья Викторовна Сомоно-

ва. Дорогая Софья Викторовна, что бы мы все без вас делали, «безусые» архивисты, — только после ее правки любой написанный ответ на запрос можно было без стыда положить на стол Михайловой, а на вопрос с ужасом в голосе «где искать?» всегда был точный ответ! Потом подтягивались остальные, и позже всех в нашу комнату № 3 в 13 подъезде, где сидело шесть (!!!) человек, не входила, а по-царски вступала Наталья Васильевна с веселым возгласом «Привет всем!» и потрясая очередным тортиком «Невский» (и это несмотря на все наши девичьи разговоры о диетах и прочее). Она всегда отшучивалась: «Вот откормлю вас до моих размеров, тогда и худейте!» Сказать, что она была для всех молодых сотрудников мамой, нельзя. Она не опускалась до мелочной опеки. Наталья Васильевна был «шефом», так с легкой руки Лиды Соколовой ее все звали в отделе. Ее мнение было важным, замечания не обижали, а, скорее, стимулировали, а ее похвала за хорошую работу окрыляла. С ней было всегда интересно, она была блестящим рассказчиком, у нее было много интересных идей. Михайлова умела объединить всех, кто с ней работал, создать единую команду. «Не подвести шефа!» — и все старались и работали с огромной отдачей. Очень легко, простым и красивым русским языком, Наталья Васильевна писала самые сложные документы, причем даже в наших невыносимых условиях вечного молодежного галдежа в отделе. Но когда количество децибел нашего шума зашкаливал все возможные нормы, она, отрывая голову от бумаги, возмущалась: «Замолчите, наконец, дайте написать срочный документ для Каптелова». Сразу все затихало, но ненадолго.

«Учитесь, девчонки, не бойтесь, старайтесь больше выступать, выберите для себя темы, изучайте документы», — так она всегда говорила нам. И мы старались. То делали круглые тематические столы в Доме ученых, то в ЦДЛ проводили выездные выставки. Один из таких выездных вечеров я запомнила на всю жизнь. Это было в мае 1979 г. Мы делали небольшую выставку в ЦДРИ на Пушечной улице о фронтовых актерских бригадах во время встречи ветеранов войны с деятелями культуры. Главной героиней встречи была Ольга Васильевна Лепешинская, выдающаяся советская балерина. Все мои коллеги во главе с Натальей Васильевной ушли в зал слушать Лепешинскую, а меня оставили в фойе, где была развернута наша небольшая документальная выставка (помню, что это были подлинные дела и фотографии!). «Не дрейфь!» — напутствовала меня Михайлова. Все стихло, вечер начался. Вдруг из вестибюля в фойе вошел пожилой импозантный седой мужчина, держа под руки двух дам чуть моложе своего возраста. Они подошли к нашей экспозиции, и я уверенно, как и напутствовала Наталья Васильевна, начала рассказ о материалах. Только я открыла рот, мужчина меня спросил: «Оля уже там?» — кивая на дверь зала. Как только я услышала его голос, меня осенило: «Иван Се-

менович Козловский». Заикаясь, я полушепотом сказала: «А вот и Ваша фотография на фронтовом концерте». «Посмотрите, девочки (это он так обратился к своим спутницам), какой я был бравый!» Все рассмеялись, и я продолжила свой рассказ по выставленным материалам. Я видела его искренний интерес к редким военным фотографиям, к подлинным документам времен войны, где каждое имя исполнителя ему было хорошо знакомо. Он был чрезвычайно растроган и не торопился идти в зрительный зал. Иван Семенович поблагодарил меня и, прощаясь, поцеловал руку. Все оставшееся до окончания вечера время я не могла прийти в себя от такого знакомства, и, когда все закончилось, я гордо объявила моим коллегам, что провела экскурсию для великого тенора и что мне поцеловал руку «сам Козловский». Наталья Васильевна рассмеялась: «Я же говорила “не дрейфь”, советую до завтра руки не мыть!»

Можно долго еще рассказывать о Наталье Васильевне Михайловой. Надеюсь, что когда-нибудь представится возможность написать о ней более подробно, собрать воспоминания людей, которые с ней работали. Ее давно нет в живых, но она осталась в моей памяти, да, я уверена, и в памяти всех ее сотрудников отдела использования ЦГАОР СССР, как человек с большой буквы, яркой творческой натуры, широкой души; как высочайший профессионал, преданный науке и архивному делу. Спасибо Наталье Васильевне Михайловой, Софье Викторовне Сомоновой, всем моим дорогим коллегам отдела использования документов ЦГАОР СССР, которых потом разбросала жизнь по разным местам службы, за эти замечательные годы работы с ними, которые так много значили и до сих пор значат для меня.

П. Ш. Чхартишвили

Чхартишвили Павел Шалвович
(р. 1948, Москва). Историк. В 1978 г. окончил вечернее отделение исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1972 г. работает в ЦГАОР СССР — ГА РФ. Начиная трудовую деятельность в отделе дореволюционных фондов. Затем работал в отделе научного использования документов, в отделе микрофильмирования, учета и обеспечения сохранности документов. В настоящее время работает в отделе научно-информационной и справочной работы ГА РФ в должности

главного специалиста. Дважды — в 1974 и 1978 гг. — переходил на работу в среднюю школу Москвы, где занимал должность учителя истории, и возвращался на работу в архив.

Воспоминания о работе в ЦГАОР СССР

4 февраля 2010 г.

Я пришел в архив в 1972 г. архивно-техническим сотрудником, попал к Зинаиде Ивановне Перегудовой в историческую часть. Непосредственно в хранилище моим руководителем была Любовь Николаевна Васильева, которая мне сразу сказала:

— Хорошую работу ты нашел. Не пыльна, денежна.

Я тогда учился на первом курсе истфака МГУ. Но в архиве, вместо того чтобы немедленно усадить меня писать монографию по документам, от меня потребовали совсем другое: выемка, подкладка, нумерация листов и проверка наличия. А кругом коробки, коробки. Откроешь одну — там лежит заграничный паспорт Азефа, откроешь другую — бумаги Кропоткина. Ну как это вынести живому человеку! Не успокоился, пока не пересмотрел все царские альбомы, что греха таить, порой за счет работы. В этом хранилище я нашел темы для курсовой и диплома.

В ЦГАОР СССР тогда работал хозяйственником незабвенный Владимир Михайлович Иванов, непревзойденный организатор подъема по лестницам на веревках и канатах шкафов и сейфов. А его обязательных выступлений на общих собраниях ждали с таким же нетерпением, как в концертах ко Дню милиции — Геннадия Хазанова. Только один фрагмент из речи Владимира Михайловича:

— Кнопок нет, скрепок нет, лампов нет...

С 1974 по 1978 г. я работал у Надежды Аркадьевны Карпуновой в отделе учета и обеспечения сохранности. Как-то она готовила квартальный отчет. А существовал бланк, лицевая сторона которого была озаглавлена «План работы отдела», обратная — «Отчет отдела». И отчет должен был соответствовать плану. Но у нее ничего не сходилось, потому что в течение квартала шли задания, не предусмотренные планом. Надежда Аркадьевна нашла выход. Она на оборотной стороне, где «Отчет», переписала план и так отдала начальству.

С 1980 г. я работал на использовании документов в хозрасчетном отделе у Веры Миграновны Воскерчмян. Однажды провел выявление и составил перечень документов на четырех карточках. Перечень торжественно озаглавил: «История Д-го завода». Вера Миграновна сказала:

— Для четырех карточек слишком громкое название.

Вот по таким крупницам постепенно набирался опыт по использованию документов.

Мы сидели в 12 подъезде на 9 этаже слева, а на том же этаже справа работал в профсоюзном хранилище Игорь Григорьевич Новопашин. Я хорошо устроился. Я ему давал запрос, он мне через десять минут приносил готовое дело. Но в таком спецобслуживании была и негативная сторона: я совсем не знал это хранилище.

Как-то был у меня тематический запрос по Ворошилову. Собрал, что смог. В одном из документов ссыльный Климентий Ефремович просит царские власти увеличить пособие. Дескать, жить невозможно. Мне сказали:

— Это не надо. Не украшает.

Но наступали новые времена. Мы перестраивались. Воспитанный тогда, когда некоторые люди еще вздрагивали при фамилии Троцкий, я с очередным запросом и заложенным в деле документом подошел к директору Борису Ивановичу Каптелову. Так, мол, и так, говорю, надо копировать, а там — Троцкий. Борис Иванович в ответ:

— Ну и копируй на здоровье.

Что сказать об этом времени? В позапрошлом веке кто-то написал: тот не жил, кто не жил в России в 1856 г. Можно перефразировать: тот не жил, кто не жил в СССР в 1987 г.

В 1992 г. я перешел, если так можно выразиться, «из хозрасчетного использования в бюджетное», к Алие Исхаковне Барковец. Она требовала, чтобы у сотрудников отдела использования были ежегодно публикации. Хотелось тогда возразить ей:

— Что же делать, если отклоняют, не печатают?

Она не только требовала, она учила, как писать эти публикации.

В настоящее время, вернее, уже много лет, я работаю в том же отделе, в частности, под руководством Игоря Сергеевича Тихонова. У него, по-моему, только один недостаток, но существенный: иногда дает распоряжения в шутливой форме. В такие моменты не знаешь, что делать: усваивать распоряжение или отвечать на шутку шуткой. Слушая его, уже думаешь не о распоряжении, а о том, как бы не подкачать и тоже сострить.

О. Н. Копылова

Копылова Ольга Николаевна

(р. 27.09.1953, Москва). Историк-архивист. В 1977 г. окончила с отличием МГИАИ. В 1992 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 1973 г. библиотекарь Библиотеки № 21 отдела культуры Киевского райисполкома г. Москвы. В 1977–1992 гг. младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, заведующая архивохранилищем ЦГАОР СССР. С августа 1992 г. заведующая архивохранилищем, заведующая отделом, начальник отдела информационно-поисковых систем ГА РФ. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, «Отличник архивного дела», «Почетный архивист». Награждена медалью «В память 850-летия Москвы», имеет благодарность и грамоту министра культуры и массовых коммуникаций РФ. Принимала участие в подготовке многотомного путеводителя по фондам ГА РФ, ряда методических разработок отраслевого характера по проблемам создания научно-справочного аппарата, в том числе на электронных носителях. Автор нескольких десятков статей и публикаций в журналах «Советские архивы», «Отечественные архивы», «Вестник церковной истории», «Вестник архивиста», «Труды Историко-архивного института РГГУ», «Исторический архив», автор ряда статей в «Православной энциклопедии» и др.

Маленькие этюды из архивной жизни

Январь 2010 г.

ЭТЮД 1-й. Как я выбрала профессию историка-архивиста

Как люди выбирают профессию? Иногда кажется, что это чистая случайность. Так прежде думала и я. И все-таки есть обстоятельства, которые влияют на выбор профессии человека. Иногда они лежат на поверхности — семейные традиции, продолжение дела родителей. А иногда надо «покопаться» в прошлом, чтобы уяснить причину того или иного выбора. У меня, например, нет никого в роду, кто бы был историком и, тем более, архивистом. Среди родных мне людей врачи, юристы, педагоги, инженеры-

металлурги, биологи, дипломаты, военные, люди творческих профессий... Учась в старших классах школы, я мечтала стать искусствоведом. Старший брат — студент Московского архитектурного института. Я постоянно провожу время в компании будущих зодчих. Бесконечные споры о художественных «школах», модных направлениях в искусстве, посещение художественных выставок. Я поступаю в школу юных искусствоведов при Музее изобразительных искусств имени Пушкина. Занятия с нами проводит директор музея И. А. Антонова. Влюбляюсь в творчество импрессионистов, до сих пор прекрасно помню расположение полотен любимых художников в залах музея.

В 1971 г. я оканчиваю 711-ю московскую школу. Всю жизнь буду с благодарностью вспоминать свою чудесную учительницу-словесника Веру Романовну Вайнберг, выпускницу Московского ИФЛИ. Маленького роста, немолодая, обладающая низким хрипловатым запоминающимся голосом, с темными волосами, скрученными в маленький узел, строгая, подтянутая, одетая в классический женский костюм, она на уроках литературы и русского языка творила чудеса. Я училась в гуманитарном классе, поэтому в школьном расписании уроки литературы преобладали. Они были у нас почти каждый день, сдвоенные, а иногда и строенные. Вера Романовна занималась с нами так же, как занимаются преподаватели со студентами в вузах. Она читала нам лекционный курс. Не было никаких изнурительных опросов. Были творческие работы, сочинения, доклады, диспуты, диктанты. На уроках Веры Романовны мы знакомимся с творчеством Л. Гумилева, А. Ахматовой, А. Белого, других поэтов и писателей «серебряного» века. И это в то время, когда их книги не издавались, находились под запретом. Об уроках Веры Романовны можно говорить много. В ее лекциях мы знакомимся с философскими взглядами Ницше и Шопенгауэра, досконально изучали ход событий всех битв и сражений, упоминавшихся в романе Л. Толстого «Война и мир», проникали в творческую лабораторию многих писателей, произведения которых не входили в учебную программу начала 1970-х гг. уже прошлого столетия. Веры Романовны давно уже нет в живых, похоронена она на Востряковском кладбище, иногда мы с бывшими одноклассниками навещаем ее могилу.

Следующий (безрадостный) этап в моей жизни — поступление на исторический факультет МГУ на отделение искусствоведения. Набор на это отделение составлял в то время 25 человек. Желающих стать искусствоведами, в основном это девушки, значительно больше. Экзамены, для того чтобы поступить на желаемое отделение, надо сдать на все пятерки. Историю и историю искусств сдаю на «отлично», остальные предметы тоже сданы «как надо», а вот по сочинению — «хорошо». Передо мной встает вопрос — что делать дальше? Надо устраиваться на работу. Папа — в то время заведующий кафедрой экономической географии Московского

финансового института (в настоящее время — Финансовая академия при Правительстве РФ) — посоветовал мне обратить свое внимание на профессию экономиста. Побывала в кабинете какого-то крупного чиновника в Министерстве финансов РСФСР, располагавшемся на улице Куйбышева (теперь Ильинка), предложившего мне работу в структуре, связанной с учетом алмазов. Насколько я понимаю, речь шла о работе в Гохране, находившемся в то время в ведении Минфина РСФСР. Меня это очень напугало, я поняла, что работа финансиста совершенно мне не подходит. В итоге я несколько месяцев проработала в районной детской библиотеке неподалеку от моего дома на Кутузовском проспекте. И эта работа мне была по душе. В библиотеке функционировало два читальных зала — для младших школьников (с 1-го по 4-й класс) и для старшеклассников. Мне доверили работу с младшеклассниками. Работать с детьми мне было в радость. Помню, что приходилось выступать перед детьми в школах. Мое «коронное» выступление, которое я сама срежиссировала, было о семи чудесах света. Дети, да и учителя младших классов, слушали мои рассказы о садах Семирамиды, колоссе Родосском и других чудесах с большим интересом. А мне и самой было очень интересно. Казалось бы, теперь передо мной «маячило» поступление в Институт культуры на библиотечное отделение, но почему же я даже не рассматривала этот вариант? Почему же все-таки мой выбор пал на Историко-архивный институт?

Когда я начала «копаться» в своей памяти, в своих мироощущениях того времени, то сразу же поняла — «виновницей» моего увлечения работой с архивными документами была, несомненно, моя любимая бабушка со стороны мамы — Надежда Николаевна Андреева (урожденная Королева), балерина, дочь земского врача и акушерки. Бабушка Надя была хранительницей семейного архива. Архив хранился в старинном резном шкафу с полукруглыми стеклянными дверками. На верхних полочках за стеклом стояли разные интересные вещицы, которые неизменно привлекали мое внимание, а на нижних полках лежали два зеленых альбома большого формата и несколько альбомов меньшего размера с фотографиями, кожаные и картонные папки с документами, пачки писем, рисунки бабушкиного брата скульптора-анималиста Н. Н. Королева, детские рисунки членов нашей семьи, красивые дореволюционные открытки, гимназические девичьи альбомчики бабушки и ее сестер со стихами, пожеланиями, вклеенными картинками с изображением цветочков, ангелочков, кошечек, птичек и всякой иной сентиментальной разностью и многое другое.

Для меня великим счастьем было погружение вместе с бабушкой в прошлое нашего семейства. Показ фотографий и документов сопровождался бабушкиными рассказами о жизни в ее родном городе Загорске (теперь г. Сергиев Посад), где ее отец, мой прадед Николай Александрович, был основателем земской больницы, о гимназических годах, о том, как она в

числе других гимназисток встречала в Троице-Сергиевой лавре царственных особ, о цесаревиче, которого на руках носил дядька-матрос, о своих подругах, о том, как после окончания гимназии в 1915 г. она отправилась в качестве сестры милосердия на фронт вместе с армией Брусилова, как делала перевязки раненым офицерам и солдатам царской армии в Галиции. На ушко она рассказала мне о том, что чуть было не эмигрировала во Францию с каким-то белым офицером, страстно в нее влюбленным, но в последний момент чувство патриотизма взыграло, и она осталась на родине. После возвращения с фронта бабушка окончила балетную школу при Большом театре, танцевала характерные танцы — испанские, цыганские и др., вышла замуж за моего дедушку — выпускника Горной академии, инженера-металлурга Павла Васильевича Андреева, уехала с ним на Украину в г. Сталино (теперь г. Донецк), где он работал в должности директора металлургического завода, родила троих детей (старшая — моя мама), вела на общественных началах балетные кружки в заводских клубах, вместе с мужем пережила военные годы — эвакуацию завода на Урал в г. Серов и реэвакуацию его на Украину. После скоропостижной смерти мужа с семьей вернулась в Москву. Все эти моменты нашли отражение в документах нашего семейного архива.

Бабушка Надя постоянно вела обширную переписку с многочисленными родными и подругами. Помню ее, сидящую за большим письменным столом со старинным письменным прибором из карельской березы, сосредоточенную, углубленную в творческую работу. Письма бабушка писала очень подробные, не менее подробными были и ответы ее корреспондентов. Письма шли в нашу квартиру беспрестанно. Бабушка их бережно хранила, систематизировала по хронологии, перевязывала пачки тонкой бечевкой. Среди бабушкиных подруг, чьи письма хранятся в архиве, — племянница писателя М. Пришвина — тетя Любочка Пришвина, дочери философа В. В. Розанова, племянница М. Волошина, дети священника Ильинской приходской церкви в Сергиевом Посаде Песковы, родственники известного церковного историка Е. Е. Голубинского. Из Ялты, где жила племянница М. Волошина, бабушке привозили самиздатовские, перепечатанные на машинке, стихи Волошина, запрещенные в то время к изданию.

Самые ранние сохранившиеся письма — это письма моего прапрадеда юриста Александра Ивановича Королева из Петербурга, где он жил, моему прадеду — земскому врачу Николаю Александровичу Королеву. По письмам, хранящимся в нашем архиве, можно проследить жизнь обычной семьи на протяжении всего двадцатого столетия. К нашему архиву впоследствии присоединилась и та его часть, которая хранилась у прадеда в Загорске. Нашему архиву повезло, прадедуська не уезжал из Загорска в военные годы, Загорск не был оккупирован, все документы сохранились.

Бабушка прожила долгую жизнь. Наш семейный архив она передала на хранение мне, теперь я его хранительница. Мечтаю серьезно заняться разборкой архива, думаю, что было бы интересно издать некоторые документы и фотографии.

Конечно же, у людей, поступающих обучаться профессии историка-архивиста, должен присутствовать ярко выраженный интерес к истории. Такой интерес у меня, безусловно, был. Да и сама живая история обступала меня. Я и мои сверстники относимся к послевоенному поколению. Наши отцы сражались на фронтах Великой Отечественной, мы проникнуты чувством гордости за мужество и доблесть наших соотечественников, одержавших Победу. В нашей семье многие находились в самом эпицентре военных действий. Папа — начальник штаба партизанского отряда, в течение длительного времени находился в тылу врага, руководил разведкой, его братья, мои дяди, сражались в танковой битве под Прохоровкой, освобождали Кенигсберг, получили тяжелые ранения. Довольно рано узнала я о существовании ГУЛАГа.

Немаловажную роль в выборе профессии историка-архивиста сыграло и то обстоятельство, что еще школьницей мне довелось прочитать заметку об Историко-архивном институте, напечатанную в каком-то журнале, скорей всего в «Огоньке». На страницах журнала мое внимание привлекла фотография необычного здания на ул. 25-го Октября (теперь Никольская ул.), впоследствии ставшего родным, — нашего любимого «теремка». Это было еще одной каплей, повлиявшей на мое будущее. Таким образом, выбор был сделан. В 1973 г. я стала студенткой МГИИ.

ЭТЮД 2-й. Как проходили годы учебы в институте

Годы учебы в Историко-архивном институте вспоминаю с большой теплотой. Учиться было интересно, тем не менее овладение профессией историка-архивиста нельзя назвать легким. На нашем курсе на факультете архивного дела (дневное отделение) было в годы моей учебы три группы: две группы — «исторические архивы» и одна группа — «технические архивы». В нашей группе собрались очень хорошие, дружные ребята из многих уголков бывшего СССР. Москвичей было мало, всего несколько человек. В одной группе с нами учились несколько вьетнамских студентов и один монгол. Помню, что на лекциях вьетнамки постоянно что-то вязали, руки их со спицами под столами работали с поразительной быстротой, их вязание было на редкость ровным и красивым. Лекции же записывал единственный парень из числа вьетнамцев. Не помню теперь, как их звали, все они были похожи друг на друга, маленькие, темноволосые, очень дружелюбные. Жили они в общежитии на Стромынке. В прошлом году я читала лекцию руководящему звену архивных работников Вьетна-

ма. После лекции ко мне подошла с объятиями одна из вьетнамских архивисток со словами: «Оленька, как я рада тебя видеть!» Это была одна из тех студенток, с которыми я училась в одной группе. Она мне рассказала, что все «девочки»-вьетнамки занимают ведущие посты в архивах Вьетнама, вспоминают с теплом годы учебы в Историко-архивном институте, благодарны преподавателям института за знания, которые им оченьгодились в их профессиональной деятельности. На память она подарила мне изящную картинку в рамке с изображением вьетнамской девушки. Я храню ее, она напоминает мне о годах учебы в институте. Монгольского студента звали Рэнчин Ванжил Ширандовэй. Это был очень красивый парень, с удивительно тонкими чертами лица, с иссиня-черными блестящими волосами. Видимо, он происходил из древнего монгольского рода, поскольку владел монгольским иерографическим письмом, сверху вниз, а не только русским алфавитом, которым тогда писали монголы. Рэнчин был талантлив, целеустремлен, очень работоспособен. К сожалению, он трагически погиб перед самым окончанием института, незадолго до защиты дипломных работ. На память о нем у меня хранится поздравительная открытка с теплыми словами.

Бессменным комсоргом в нашей группе был Саша Безбородов, старостой — Ирочка Коновалова. Незадолго до окончания института они поженились. Ирочка была очень либеральным старостой, к ней все относились очень хорошо. Она была, да и есть сейчас, чертовски красива, высокая, темноволосая, кареглазая, стильная. Сейчас Ирина Владимировна Безбородова работает в Главном архивном управлении г. Москвы, известный историк-архивист, автор серьезных исторических исследований. Александр Борисович Безбородов вот уже долгие годы возглавляет Историко-архивный институт. Помню его в студенческие годы — тонкого, подтянутого, быстрого, очень серьезного, вечно спешащего. Он буквально «летал» по коридорам института. Саша всегда был очень активен на семинарских занятиях, постоянно выступал с рефератами, сообщениями. Так же активен на семинарах был и Саша Шарапов, парень из Саратова. Веселый, добрый, приветливый, жизнерадостный. К сожалению, связь с ним сейчас утрачена. Знаю, что живет он и работает в Ярославле. Достаточно колоритной фигурой в нашей группе, да и на всем курсе, был Боря Мартынов — наш поэт, философ, большой оригинал. В настоящее время Боря — автор нескольких книг по индийской философии, он самостоятельно изучил санскрит, постоянно отправляется в экстремальные поездки, то в крымские горы, то на Байкал, то в Карелию. Учились со мной в одной группе Маша Шандова и Илюша Альтман. Машенька родом из Владимира, Илья приехал учиться в институт из Черкасской области Украины. Жили ребята в общежитии на Стромынке. Машенька была очень веселой энергичной девушкой, она хорошо успевала по всем предметам. Илья с первых курсов

увлекся источниковедением, был очень целеустремленным студентом, серьезно занимался шахматами. По-моему, уже на третьем курсе они поженились. В настоящее время Мария Михайловна Альтман трудится в РГАЭ, осуществляет связь с общественностью, занимается маркетингом, готовит различные конференции, выставки, семинары, каталоги, пишет научные статьи и др. Она по-прежнему очень энергична, бодра, полна творческих идей. Илья Александрович Альтман некоторое время работал в ЦГАОР СССР, был начальником отдела использования документов, возглавлял профсоюзную организацию архива, активно способствовал развитию спорта в нашем архиве. С теплотой и любовью вспоминаю своих подружек Раечку Чистякову, Леночку Смирнову, Наташу Давыдову, Свету Балтаеву, Леночку Байрам, Надю Егорову и многих-многих моих одноклассников и однокурсников из параллельных групп. Многие из нашего выпуска трудятся в архивных учреждениях страны, кто-то уехал за рубеж, кто-то ушел в бизнес. Но нас всех объединяет наша «малая родина», наша пристань, на которой мы задержались на 5 лет, где получили знания и обрели профессию историка-архивиста.

Преподавательский состав МГИАИ в годы моей учебы в институте был очень сильный. Историю государственных учреждений преподавали Николай Петрович Ерошкин, Татьяна Петровна Коржихина, Александр Давидович Степанский и Татьяна Григорьевна Архипова. Этот предмет считался одним из самых важных для будущих историков-архивистов. Незабываемы лекции Николая Петровича, читал он их виртуозно, артистично, любил цитировать воспоминания Витте. Очень интересно проходили семинарские занятия. Каждый из нас делал доклад по одному из сюжетов, связанных с историей госучреждений дореволюционной России. Темой моего микроисследования была история и деятельность Министерства путей сообщения в то время, когда им руководил выдающийся ученый, автор проекта железной дороги Москва–Санкт–Петербург Павел Петрович Мельников. Я очень увлеклась этой темой, прониклась глубочайшим уважением к личности Мельникова. Николай Петрович предлагал мне продолжить эту работу, но я отдала предпочтение исследованию другого рода. Николай Петрович был довольно строгим экзаменатором. Мы его немного побаивались. Предмет был достаточно сложным, можно было легко ошибиться в многочисленных преобразованиях того или иного ведомства. Наступил день экзамена. Приходит к кабинету, где должен проходить экзамен, Николай Петрович, а всех студентов как ветром сдуло. Все экзаменующиеся попрятались, сидят где-то под лестницей, судорожно зубрят. Я не проявила должной расторопности, и Николай Петрович меня и еще нескольких наших студентов отловил и буквально «загнал» в кабинет. Вытянули билеты, сидим, дрожим. А Николай Петрович спокойно достает газету, разворачивает ее и углубляется в чтение. В течение

получаса он ни разу не выглянул из-за раскрытых газетных страниц, дав нам возможность подсмотреть в шпаргалках ответы на вопросы экзаменационных билетов. Все мы, оказавшиеся в первых рядах, умудрились получить хорошие оценки.

Прекрасно читала лекции Татьяна Петровна Коржихина. Невысокого роста, подтянутая, с копной коротко подстриженных волос, в больших очках, которые ей очень шли, Татьяна Петровна выглядела, как киноактриса. Запомнились ее рассказы о денежных реформах, очень красочно она рассказывала о том, как и на каком материале печатались денежные купюры в годы Гражданской войны. Семинарские занятия у нас проводили поочередно Татьяна Петровна и Татьяна Григорьевна Архипова. Мы все очень любили педагогов по этому предмету. Многие ребята из нашего выпуска писали дипломные работы у Николая Петровича, Татьяны Петровны, Татьяны Григорьевны и Александра Давидовича. Впоследствии некоторые из моих однокурсников писали под их руководством кандидатские диссертации.

Историю России XIX в. у нас преподавала участница Великой Отечественной войны Раиса Всеволодовна Макарова. Одно время она являлась куратором нашей группы. Раиса Всеволодовна увлекла нас своим предметом, сферой ее интересов была внешняя политика России. Помню, что с большим интересом я погрузилась в исследование внешнеполитических связей России и Китая на рубеже XIX и XX вв. Маленькая, худенькая, очень энергичная, Раиса Всеволодовна прекрасно проводила с нами семинарские занятия. Было очень интересно. На семинарах царила творческая атмосфера. Все бы хорошо, но наша классная дама любила задерживать нас после окончания занятий на дополнительные часы, так называемые «ленинские уроки», на которых мы должны были конспектировать произведения В. И. Ленина. Сколько же конспектов ленинских работ мы написали за годы учебы в институте! Кроме того, Раиса Всеволодовна следила за нашим внешним обликом. Она совершенно не могла спокойно реагировать на то, как большинство из нас одевалось. В то время было модно носить девушкам сверхкороткие мини-юбки и платья и сапоги-«чулки», высокие, плотно охватывающие ноги, на высокой подошве — «платформе». Раиса Всеволодовна отчаянно, но безрезультатно боролась с модой того времени. Вспоминаю нашего увлеченного своей профессией педагога с благодарностью за полученные знания.

На третьем курсе осенью мы были отправлены на сельскохозяйственные работы. Раньше это мероприятие называли «поехать на картошку». Старшим был назначен в то время совсем молодой преподаватель Виктор Александрович Муравьев. Тогда он не вел у нас никаких предметов, только на четвертом курсе мы узнали Виктора Александровича как прекрасного, знающего педагога, увлеченно читающего нам

сложнейший курс историографии, а затем — исторической географии. В течение почти двух месяцев мы жили одной большой дружной семьей в деревне Яковлево Ленинского района Московской области. Виктор Александрович оказался прекрасным организатором, он опекал, ограждал нас, молодых симпатичных двадцатилетних девчонок, от местного мужского населения. Жили мы в помещении местного клуба. Девочки расположились в основном помещении клуба, где были установлены двухэтажные армейские кровати, а за занавесом, на сцене пребывали наши молодые люди, которых было гораздо меньше, чем девушек, и сам Виктор Александрович. Вечером, после отбоя, все затихало, и только из-за занавеса раздавалось мерное постукивание клавиш пишущей машинки Виктора Александровича. В ночные часы он писал диссертацию. Спасибо огромное любимому педагогу, так безвременно ушедшему из жизни, за то, что мы воочию могли видеть, как должен вести себя человек в самых разных ситуациях, за отношение к труду физическому и творческому, за доброжелательность, душевность. Как замечательно Виктор Александрович организовал празднование моего дня рождения, который пришелся на время пребывания в колхозе! Я никогда не забуду праздничную линейку, букет изумительных цветов, «вкусное» чаепитие и концерт цыган!

Не могу не вспомнить наши занятия по профильным кафедрам — теории и практики архивного дела, истории и организации архивного дела и археографии. Большое внимание уделялось проведению лабораторных работ, которые проходили на территории архивного городка на «Бауманке». Практические занятия с нами проводила прекрасный педагог-практик, ранее работавшая в ЦГАНХ СССР, — Оксана Эрастовна Богданова. Именно на лабораторных занятиях мы постигали «азы» архивной работы — формирование архивных дел, их описание, подготовку научно-справочного аппарата. Мы, как и не одно поколение наших предшественников — студентов МГИАИ, работали с подлинными документами вигов — волостных исполнительных комитетов. Сколько же мы с ними проделывали различных манипуляций! Оксана Эрастовна была прекрасным учителем. Она была в меру строга, требовала от нас теоретических знаний. Проверив их, убедившись в том, что мы неплохо усвоили материалы лекций, которые нам увлеченно читала Нина Александровна Орлова, Оксана Эрастовна переходила к практическим занятиям. «Девочки, — говорила она нам неоднократно, — помните, что самое главное в жизни — это семья и дети, не будьте синими чулками». Эти слова учителя мы запомнили на всю жизнь. На Бауманке проходили и практические занятия по археографии. Из архивных материалов мы готовили небольшие подборки документов, снабженные всеми положенными атрибутами, — писали предисловия, готовили научно-справочный аппарат, различные указатели. Как помогли

мне эти занятия в профессиональной жизни! Спасибо милой Бауманке, спасибо учителям-практикам!

Курс истории и организации архивного дела нам читали Валентин Иванович Вяликов, Галина Александровна Дремина, Вадим Николаевич Самошенко. Евгений Васильевич Старостин читал нам лекции по истории зарубежных архивов, Валентин Ефимович Корнеев — по истории партийных архивов. Все преподаватели кафедры были высококвалифицированными специалистами, авторами учебников и учебных пособий, по которым мы учились. Честно признаюсь, особого интереса в то время история архивного дела для меня не представляла, все было как-то очень запутанно. Я никак не могла уяснить, что же это такое — архивные секции ЕГАФ, трудно усваивались и фактические данные о постоянных изменениях сети государственных архивов, их слиянии, разъединении. Только гораздо позже, уже являясь сотрудницей ЦГАОР СССР, я «вошла» в эту тему, полюбила ее, а кафедра истории и организации архивного дела до сих пор моя «альма матер», здесь успешно трудится, возглавляя кафедру, Евгений Васильевич Старостин, на этой кафедре я готовила кандидатскую диссертацию, здесь работают уважаемые мною замечательные историки архивного дела Татьяна Иннокентьевна Хорхордина и Нина Ивановна Хими́на.

Одним из самых интересных предметов в институте были вспомогательные исторические дисциплины. Занятия проходили в «теремке», где располагалась в годы нашей учебы соответствующая кафедра. Помню спецкурс, который нам читал блистательный Сигурд Оттович Шмидт. Почему-то запомнилось, как он много рассказывал нам о М. Н. Тихомирове, которого бесконечно уважал. Михаил Николаевич, по рассказам С. О. Шмидта, приезжая в какой-либо город, первым делом отправлялся на местный базар. Это помогало ему сразу же составить первое впечатление о местности, в которую он приехал. Рассказывал нам Шмидт и о работе М. Н. Тихомирова в Дмитрове Московской области, в краеведческом музее, располагавшемся в то время на территории Дмитровского Кремля. Рассказывая о преподобном Сергии Радонежском, Сигурд Оттович упоминал о том, что святитель помогал людям избавиться от зубной боли. Иногда, ни раньше, ни позднее, я об этом факте не слышала.

Источниковедение нам читали замечательные педагоги Моисей Наумович Черноморский, Ирина Александровна Миронова, Александра Тимофеевна Николаева, Ольга Михайловна Медушевская. Вообще источниковедению в институте уделялось первостепенное значение. Нас учили работать с источниками, изучать их происхождение, правильно их датировать, классифицировать.

Говорить о родном институте можно долго и увлеченно. Спасибо всем Учителям за то, что дали возможность получить знания, необходимые в

дальнейшей работе в архиве, и не позволили разочароваться в выбранной профессии, а наоборот — показали, насколько профессия историка-архивиста интересна и полезна для нашего общества.

ЭТЮД 3-й. Постигание профессии историка-архивиста. Мой первый наставник и учитель

Вся моя профессиональная жизнь связана только с архивом, расположенным на Большой Пироговке. Вот уже тридцать с лишним лет каждое утро я пересекаю порог архивного городка и погружаюсь в мир архивных документов. Меня неизменно окружали и окружают прекрасные доброжелательные люди, высококлассные специалисты, увлеченные архивной работой. Я бы даже назвала их энтузиастами, поскольку так уж исторически сложилось, что профессия архивиста, столь необходимая нашему государству, не так уж высоко ценится чиновниками государственного аппарата.

Обычно воспоминания о работе в каком-либо учреждении начинаются с момента прихода на работу. В этом отношении я не буду оригинальной. Пришла я на работу в ЦГАОР СССР после окончания института по распределению в начале августа 1977 г. Директор архива Сергей Тимофеевич Плешаков находился в отпуске, поэтому меня и мою однокурсницу Ольгу Колитеню (Якимову) встретил его заместитель Борис Иванович Каптелов. На улице было жарко. Борис Иванович был одет в белоснежную рубашку с короткими рукавами и темный галстук. Весь облик его был какой-то «не наш», не советский, а европейский. Он был чрезвычайно корректен, доброжелателен. Меня он направил работать в отдел научно-исследовательской и методической работы. Надо сказать, что с ЦГАОРОм я к моменту прихода на работу была уже довольно хорошо знакома. На 4-м курсе у нас была полугодовая архивная практика, которую я проходила как раз в этом архиве. Поэтому многое для меня уже было здесь родным. За это время я узнала многих сотрудников архива, проводивших у нас практику, — Софью Викторовну Сомонову (помню, как она нам интересно рассказывала о документах архива, показывала нам платок жены декабриста А. Г. Муравьевой), Дину Николаевну Нохотович, которая курировала раздел практики, связанный с комплектованием архива, и многих других архивистов.

Отдел, в который я была определена на работу, занимался в основном планированием и отчетностью, по сути, за его названием скрывался организационный отдел. Руководила отделом исключительно незаурядный человек — Людмила Александровна Шапиро. Я искренне благодарна судьбе за встречу с Людмилой Александровной. Откровенно скажу, что многое, чему я научилась, многое, что я постигла за годы работы в архиве, стало возможным благодаря «школе», прошедшей «под крылом» этого

замечательного профессионала. Величайшая работоспособность, острый ум, чрезвычайная коммуникабельность, доброжелательная манера общения, широкий круг интересов — все это выделяло Людмилу Александровну, делало общение с ней чрезвычайно приятным и полезным.

Отдел располагался в крайней комнате на втором этаже 13-го подъезда (там, где в настоящее время находится отдел обеспечения сохранности документов). Соседнюю комнату занимал отдел комплектования и ведомственных архивов, который долгие годы возглавляла Людмила Федоровна Пшеничная, а еще дальше — в конце коридора — находился кабинет заместителя директора архива Анастасии Владимировны Добровской. Сразу же, буквально с момента начала работы в архиве, я достаточно близко узнала сотрудников, работающих в соседних отделах. Постоянно к нам в отдел заходила Анастасия Владимировна («Ася»), Людмила Федоровна, которую Людмила Александровна («Люся») звала «Лилей», руководители всех отделов и хранилищ архива, заведующие аналогичными отделами ЦГАНХ и ЦГАСА. Стол Людмилы Александровны стоял в кабинете, с моей точки зрения, совсем «неправильно» — вдоль стены, свет падал с правой стороны, Людмила Александровна сидела спиной к своим сотрудникам, а глаза ее упирались в чистую стену. Людмила Александровна отворачивалась от всех и, не поднимая головы, могла работать часами, не двигаясь с места. Только ее отвлекали бесконечные телефонные звонки. Потом она стремительно вскакивала с места и неслась к руководству или в Главархив, который располагался в то время здесь же, на территории архивного городка. Решения Людмила Александровна принимала быстро, с блеском проводила дирекции архива.

Людмила Александровна с отличием окончила МГИАИ и с 1957 г. работала в ЦГАОР СССР. Несколько лет она проработала в публикаторском отделе, в течение десяти лет — в архивохранилище фондов высших органов государственной власти. Людмила Александровна была творческим человеком. В течение длительного времени ее увлекала работа, связанная с подготовкой издания «По поручениям В. И. Ленина». К моменту моего прихода в архив ею уже был собран огромный материал по этой теме, велись переговоры с сотрудниками ИМЭЛ и ЦПА по поводу совместного издания. Однако эта работа, как мне кажется, так и не была претворена в жизнь. Людмила Александровна живо интересовалась новинками литературы, публиковавшимися на страницах «толстых» журналов. Ее интересовали и судьбы известных ученых, например физика Ландау. Людмила Александровна была довольно требовательным руководителем. Она ждала от своих сотрудников делового подхода к решению поставленных задач, сосредоточенности, умения выделить главное в решаемой проблеме. Самым неприятным для меня были моменты работы над планами и отчетами, связанные с расчетной частью. Помню, что Л. А. вручала мне

огромные листы рыжей миллиметровки, которую надо было разлиновать и вписывать архивную «цифирь». Признаюсь, что пару-тройку раз Л. А. запирала меня на ключ в кабинете А. В. Добровской, когда та находилась в отпуске, чтобы я не отвлекалась от этой казавшейся мне чрезвычайно нудной работы.

Под руководством Л. А. мне посчастливилось проработать только два года, но зато каких! В 1979 г. ее перевели на должность заведующего отделом обеспечения сохранности документов, а я продолжала работать в отделе научно-исследовательской работы уже под руководством других лиц, которые не оставили в моей памяти ярких впечатлений.

К величайшему сожалению, уход Людмилы Александровны из архива в июне 1983 г. был вынужденным. Немного расскажу об этом. Сестра Л. А. вышла замуж (по-моему, за музыканта) и эмигрировала в Швецию. Случайно об этом факте стало известно руководителям архива. Реакция их на это обстоятельство была негативной, очевидно, они были испуганы, что у заведующей таким важным отделом обнаружились родственники за границей. Л. А. сразу же была «отлучена» от работы с документами, что ее, архивиста, конечно же, очень подкосило. Помню, как я захожу в кабинет Л. А., она обнимает меня и начинает плакать навзрыд: «Олечка, что же они делают, что они творят! Как я могу работать в такой обстановке, я же лишена возможности брать в руки документы! Что мне делать?» Никогда не забуду этого момента. По сути, на моих глазах разворачивалась человеческая трагедия. Вскоре Людмиле Александровне руководство архива «посоветовало» написать заявление об уходе с работы, и в июне 1983 г. Л. А. ушла из архива. Спустя некоторое время мы, ее друзья и ученики, провожали Л. А. в последний путь. Никогда не забуду моего первого учителя и наставника!

ЭТЮД 4-й. Незабываемые встречи. Андрей Петрович Пшеничный

Еще учась в институте, на занятиях по теории и практике архивного дела, я впервые услышала из уст преподавателей фамилии «реформаторов» архивного дела конца 1950 — начала 1960-х гг. в части экспертизы ценности документов и комплектования ими государственных архивов — Андрея Петровича Пшеничного, Всеволода Васильевича Цаплина, Андрея Валерьяновича Елпатьевского и их идейного вдохновителя Татьяны Григорьевны Коленкиной. Их фамилии звучали в контексте проводившейся в те годы дискуссии между преподавателями архивоведческих кафедр МГИАИ и специалистами ГАУ при Совете министров СССР. Все перечисленные лица как раз и являлись сотрудниками Главного архивного управления при Совете министров СССР. Не буду останавливаться на сути предмета. Она прекрасно изложена в соответствующих статьях ука-

занных авторов, опубликованных на страницах журнала «Советские архивы», а также об этом очень четко рассказано одним из «реформаторов» А. В. Елпатьевским в его воспоминаниях «Тогда, в молодые года...», вышедших два года тому назад в «Вестнике архивиста», которые были прочитаны мною с большим интересом. Фамилии, услышанные на занятиях, врезались в память на всю жизнь.

И вот я уже на работе в архиве. В нашем архивном городке на Большой Пироговке в конце 1970-х гг. мирно соседствовали четыре архива союзного значения — ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГАСА СССР и ЦГАДА, а также здесь располагался и управляющий центр архивной отрасли — Главархив СССР. Это соседство, с одной стороны, было полезно для нас, сотрудников архивов, так как мы могли постоянно контактировать с чиновниками ГАУ, а с другой стороны — были и не очень приятные для нас обстоятельства такого тесного соседства — это постоянная борьба за дисциплину, своевременные приходы и уходы с работы, а также бесконечные проверки нашей деятельности со стороны главка.

В то время по распределению в архивы ежегодно приходили работать молодые специалисты (по 4–5 человек в каждый архив, а в архивном городке нас собиралось по 15–20 человек с одного курса). Все мы во время обеденного перерыва старались собраться, чтобы поболтать, поделиться новостями. Место встречи было, как правило, в середине длинного коридора, рядом с буфетом, на лавочке в нише, которая существует по сей день. Мы собирались в этом месте и могли видеть проходящих мимо нас чиновников Главархива, кабинеты которых располагались в этом коридоре. Именно там, в главковском коридоре, я впервые увидела всех «реформаторов». Импозантного Андрея Валерьяновича с бородкой и неизменной курительной трубкой в руках, элегантного Всеволода Васильевича Цаплина (в то время он был директором ЦГАНХ СССР) и высокого, стройного, одетого всегда с иголочки в классический костюм с галстуком Андрея Петровича Пшеничного.

Андрей Петрович в то время возглавлял одно из ключевых подразделений Главархива — отдел комплектования и работы ведомственных архивов. Мне очень любопытно было увидеть А. П. еще и потому, что в нашем архиве работала его жена — Людмила Федоровна, о которой я уже упоминала и которую уже успела узнать поближе, потому что мы работали в соседних кабинетах. Наконец, мое любопытство было утолено. Андрей Петрович сразу же произвел на меня очень приятное впечатление. Высокий лоб, правильные мягкие черты лица, выражение которого всегда было очень сосредоточенным. Уже позже я узнала некоторые штрихи биографии Андрея Петровича.

Андрей Петрович родился в Москве в 1932 г. В 1942 г. на фронте Великой Отечественной погиб его отец — Петр Митрофанович Пшеничный,

участник Гражданской войны, кавалер ордена Красного Знамени и ордена Ленина. В 1951 г. А. П. поступил в МГИАИ. Учился с увлечением. Дипломную работу писал по теме «Народный комиссариат иностранных дел РСФСР. 1917–1925 гг.». В характеристике на студента 5-го курса МГИАИ А. П. Пшеничного, подписанной директором института А. С. Рословой, написано: «Работает над темой с интересом и увлечением. По окончании института с большой пользой для дела мог бы быть использован на работе в Центральном архиве МИД СССР». В 1955 г. А. П. окончил Московский государственный историко-архивный институт. Однако работать ему предстояло не в Москве, а на другом конце страны — на далеком острове Сахалин. По распределению А. П. уехал на три года в Южно-Сахалинск. На Сахалине он работал начальником архивного отдела УМВД–УВД облисполкома, а в 1958 г. вернулся в Москву и с того времени долгие годы работал в системе Главархива МВД СССР — ГАУ при Совете министров СССР.

В Главном архивном управлении МВД СССР Андрей Петрович начинает работать в отделе комплектования, экспертизы, фондирования и учета архивных фондов, который в то время возглавляла один из корифеев архивного дела того времени, незаурядная личность Татьяна Григорьевна Коленкина. Татьяна Григорьевна — выпускница МГИАИ довоенного времени, после окончания института успела пройти «архивную школу» в ЦГИАМе, долгие годы возглавляла ЦЭПК Главархива, участвовала в разработке многих отраслевых научно-методических документов в области комплектования и экспертизы ценности документов. «Под крылом» Татьяны Григорьевны собрались думающие, занимающие активную жизненную позицию, творческие люди, стремящиеся внести новую живую струю в развитие архивного дела в нашей стране. Я уже называла фамилии В. В. Цаплина, А. В. Елпатьевского, А. П. Пшеничного. Надо сказать, что примерно в это же время в Главном архивном управлении трудилось еще несколько весьма талантливых, творческих специалистов-мужчин. Я помню Леонида Ивановича Панина, Бориса Николаевича Богатова, Дмитрия Алексеевича Тебекина, Владилена Михайловича Мамонова, Анатолия Стефановича Прокопенко, которые трудились на разных направлениях архивной деятельности и очень много сделали для развития архивного дела в СССР.

Андрей Петрович был основным составителем первых «Примерных списков учреждений, организаций и предприятий, материалы которых подлежат и не подлежат приему в государственные архивы СССР» 1960 г. Он являлся автором целого ряда статей и иных методических разработок в области комплектования государственных архивов документами, велика роль Андрея Петровича и в том, что в настоящее время в ГА РФ хранятся материалы МВД СССР и органов и учреждений его системы. Благодаря

этому стали возможны фундаментальные публикации документов из этого интереснейшего и важнейшего документального комплекса.

В течение двух лет Андрей Петрович работал в ЦГАНХ СССР в должности заместителя директора архива по научной работе.

В 1977–1983 гг. Андрей Петрович возглавлял отдел ведомственных архивов и делопроизводства Главархива СССР. Затем, перенеся тяжелую болезнь, вынужден был оставить работу в отделе, которая требовала чрезвычайного умственного и нервного напряжения. Андрей Петрович несколько лет плодотворно, с полной отдачей сил, работает во ВНИИДАД, в НИЦКД СССР, активно разрабатывает сюжеты, связанные с историей архивного дела в нашей стране. В 1985 г. он с блеском защищает кандидатскую диссертацию, подготовленную под руководством профессора Н. П. Ерошкина, посвященную организации управления архивной отраслью в 1920–1930-е гг. Андрей Петрович, пожалуй, первым в нашей стране поднял вопрос о репрессиях архивистов в 1930-е гг. Этой сложной и пронзительной по звучанию теме была посвящена статья Андрея Петровича в журнале «Отечественные архивы», которая так и называлась: «Репрессии архивистов». Перу А. П. принадлежат многие работы, рассказывающие и о других, не менее важных, периодах истории архивного дела в нашей стране. Таким образом, вклад Андрея Петровича Пшеничного в историографию изучения истории архивного дела нашего Отечества чрезвычайно велик.

Я хорошо помню Андрея Петровича в те годы. Помню его выступления на различных конференциях, помню его в аудитории Историко-архивного института, где проходила защита моей кандидатской диссертации, также посвященной одному из периодов истории архивного дела. Помню заинтересованное выражение лица, с которым он слушал мое выступление, как после защиты он подошел ко мне с теплыми словами, долго жал мне руку и говорил о том, что мне следует продолжать работу в этом направлении.

Особенно близко мы познакомились во время совместной работы в одном отделе — в отделе информационно-поисковых систем ГА РФ — в последние годы его короткой, но чрезвычайно яркой жизни. Мы вместе с Андреем Петровичем работали над созданием многотомного путеводителя по фондам Государственного архива Российской Федерации. Андрей Петрович мастерски описывал фонды важнейших наркоматов РСФСР, в частности Наркомата просвещения РСФСР, Наркомата юстиции РСФСР и др. Работал он над путеводителем с особой тщательностью. В этой работе очень ярко проявился исследовательский талант Андрея Петровича, умение выделить главное, умение осуществить «свертывание» информации. Надо сказать, что его работа может служить образцом для архивистов последующих поколений.

Андрей Петрович ушел из жизни непозволительно рано. Так же рано покинули наш мир и многие его коллеги по Главархиву СССР — те незаурядные талантливые специалисты, которые во многом определяли архивную политику нашей страны в конце XX столетия. Видно, работали они на совесть, на износ, до полного душевного и физического опустошения. Спасибо вам большое за все, за вашу целеустремленность, за ваше желание и умение сохранять документальную память о нашем государстве. Вы являетесь для нас, ваших преемников, образцом того, как надо относиться к делу, которому служишь.

Профессия историка-архивиста многогранна. Работая в архиве, можно при желании проявить себя в совершенно разных плоскостях, почувствовать себя в облике людей самых различных профессий. Например, я за время моей службы в архиве узнала, что такое профессия журналиста, сценариста, детектива, музейщика, педагога, писателя и др. На каком-то жизненном этапе человек иногда осознает, понимает, что он занимался и занимается в своей жизни совсем не тем, чем должен был и хотел заниматься. Многие говорят: «Как жаль, что я не стал тем-то, тогда моя жизнь сложилась бы иначе...» Я же в полной мере довольна избранной профессией историка-архивиста и считаю, что абсолютно правильно сделала свой профессиональный выбор. Я уверена, что нашей профессией историка-архивиста вполне можно гордиться!

Т. Ф. Павлова

Павлова (Маркова) Татьяна Федоровна (р. 17.09.1945, Запорожье, УССР). Историк. Родилась в семье партийно-хозяйственного руководителя. В 1963 г. окончила среднюю школу с золотой медалью и поступила работать музыкальным работником в ясли-сад, где проработала три года. В 1964 г. поступила на филологический факультет Запорожского филиала Днепропетровского государственного университета, позднее перевелась на исторический факультет. В 1966 г. переехала в Москву и в порядке перевода стала учиться на историческом факультете МГУ (вечернее отделение). В 1967 г. начала работать в Государственном архиве Московской области в должности архивно-

технического сотрудника, впоследствии занимала должность заместителя и. о. директора ГАМО. В 1971 г. окончила МГУ, защитила с отличием диплом на тему: «Советская и зарубежная историография проблемы Второго фронта в Европе». В 1979 г. перешла на работу в Главархив СССР на должность старшего археографа в научно-издательский отдел. В конце 1984 г. была направлена на работу в ЦГАОР СССР на должность заместителя директора архива. После смерти директора ЦГАОР СССР Б. И. Каптелова в сентябре 1991 г. была назначена и. о. директора архива, а в июле 1992 г. — заместителем директора ГА РФ — руководителем Научно-информационного центра. В мае 1993 г. перешла на работу в Роскомархив на должность начальника отдела организации использования и публикации документов Архивного фонда России. С 2004 г. — начальник Управления комплектования, организации услуг и архивных технологий Роскомархива — Федерального архивного агентства. Член редколлегии журнала «Отечественные архивы». Член научных советов ГА РФ, РГВИА, РГАЛИ, Ученого совета ВНИИДАД. Проработала в Федеральном архивном агентстве до выхода на пенсию в сентябре 2009 г. Почетный архивист, заслуженный работник культуры РСФСР. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью «В память 850-летия Москвы», медалью Русской православной церкви преподобного Сергия Радонежского I степени. Автор ряда научных работ и документальных публикаций по исторической и архивной проблематике, в том числе: «Милая, обожаемая Анна Васильевна» (М., 1996); «Романовы и Крым» (М., 1999); член редколлегии серии томов «Катынь» (Т. 1–4 (на польском яз.). Варшава, 1995, 1998, 2001, 2007) и др.

По волнам памяти

Февраль 2010 г.

В конце 1984 г. руководство Главархива СССР направило меня, старшего археографа научно-издательского отдела главка, на работу в ЦГАОР СССР в должности заместителя директора архива, отвечающего за использование и публикацию архивных документов и создание научно-справочного аппарата. Директором архива в это время был Б. И. Каптелов, заместителями А. В. Добровская и Е. Л. Луначарский — опытные профессионалы, проработавшие в архиве много лет, уделявшие много внимания воспитанию кадров архивистов, привитию им любви к профессии и архивному документу.

Вторая половина 1980-х гг. Время, когда в стране еще робко и неуверенно появлялись первые ростки общественной активности. Общество

устало жить в тисках цензуры и лжи, экономическое положение страны неуклонно ухудшалось. Диалог с прошлым стал поиском утраченных жизненных ценностей, обретением социальных и нравственных ориентиров. Толчком к действенным переменам в вопросах гласности и демократии послужили решения апрельского (1985 г.) и январского (1987 г.) пленумов ЦК КПСС, и в первую очередь решение Секретариата ЦК КПСС от 3 декабря 1986 г., явившееся следствием проведенного 1–3 октября 1986 г. Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений страны, на котором архивное руководство страны призвали «принять разумное и взвешенное решение в отношении доступности архивов». На страницах партийной прессы открыто обсуждались проблемы, связанные с необходимостью демократических перемен в обществе, в том числе разработки законодательных механизмов, регулирующих вопросы доступа к информации, границы секретности. Происходили изменения в идеологии и направлениях информационной деятельности архивных учреждений страны. В 1985 г. Главархивом СССР была разработана и «Программа интенсификации использования и публикации документов ГАФ СССР на 1986–1990 гг.», учитывающая новации в информационной сфере.

Этот период характеризовался укреплением связей с научными институтами АН СССР. В июле 1985 г. Главархивом СССР и дирекцией Института истории СССР РАН было принято решение о создании «Хроники рабочего движения в России (1895 — февраль 1917 г.)» в 1986–1993 гг. силами специально создаваемых групп сотрудников центральных государственных, республиканских и областных архивов, а также институтов истории союзных и автономных республик. Головным архивным учреждением по сбору материала определен ЦГАОР СССР. Ответственным редактором и инициатором этой работы являлся зав. сектором Института истории СССР РАН д. и. н. В. И. Бовыкин, заместителями — директор ЦГАОР СССР Б. И. Каптелов, ведущий научный сотрудник института д. и. н. Ю. И. Кирьянов.

С первых дней активное участие в разработке организационных и методических принципов подготовки «Хроники» принимали Т. Ф. Павлова, к. и. н. Б. Ф. Додонов, д. и. н. И. М. Пушкарева, к. и. н. Т. А. Игнатенко, к. и. н. Н. А. Иванова, к. и. н. В. П. Желтова, д. и. н. Н. В. Блинов (ИМЛ при ЦК КПСС), к. и. н. С. И. Потолов (ЛОИА), а также Г. И. Бычков (Коломенский пединститут). Была выпущена специальная брошюра (Организационные и методические принципы подготовки «Хроники рабочего движения в России (1895 — февраль 1917 г.)». М., 1986; 2-е изд., доп. — 1990), в которую вошли методические документы, в том числе разработанные специалистами формы карточек учета сведений о партийных и профсоюзных организациях, стачке, волнении, демонстрации,

митинге, восстании, прокламации, листовке, Совете рабочих депутатов и обществе взаимопомощи.

Ход подготовки «Хроники» обсуждался на коллегии Главархива СССР в 1988 г., где было отмечено, что кроме архивных учреждений к работе с согласия Минкультуры РСФСР подключились 78 музеев и 2 библиотеки.

Можно смело сказать, что по масштабам этой исследовательской работы, охвату архивных, научных и культурных учреждений (музеев, библиотек) и по своим результатам эта работа не имела себе равных. За этот период были проведены специальные конференции и совещания в Вильнюсе, Москве, Ленинграде, Перми, Свердловске, Чебоксарах, Баку, Горьком, Ашхабаде, Ростове-на-Дону, Гродно, Пензе. К сожалению, с началом перестройки, когда архивам пришлось выживать в сложнейших финансовых условиях, темпы работы резко сократились, а с распадом СССР эта работа в стране и вовсе прекратилась. Честь и хвала энтузиастам историкам, прежде всего И. М. Пушкаревой и Ю. И. Кирьянову, продолжавшим уже в новых условиях эту работу, в которой по-прежнему участвовал научный сотрудник архива к. и. н. Б. Ф. Додонов. В результате к настоящему времени удалось издать 10 выпусков «Хроники».

С конца 1980-х гг. ЦГАОР СССР принимал активное участие в важнейших политических мероприятиях, проводимых в стране. Так, документы архива по истории образования и развития СССР экспонировались на выставках — в сентябре 1989 г. к пленуму ЦК КПСС по национальному вопросу, в декабре 1990 г. — во Дворце съездов СССР во время проведения IV съезда народных депутатов СССР. Документы архива также использовались в выставке по истории национально-государственного устройства в РСФСР, приуроченной к I съезду народных депутатов РСФСР. В связи с трагическими событиями на Северном Кавказе архив по заданию ЦК КПСС выявил документы по истории образования Нагорно-Карабахской АССР; для Верховного совета Российской Федерации в 1992 г. были выявлены документы, связанные с передачей Крыма из состава РСФСР в состав Украинской ССР в 1954 г., о статусе города Севастополя.

Перед архивистами в соответствии с постановлением Секретариата ЦК КПСС от 3 декабря 1986 г. и указаниями Главархива СССР была поставлена задача в течение 1987–1988 гг. (1-й квартал) осуществить мероприятия по расширению информационной базы для проведения обществоведческих исследований. Анализ ситуации в архиве показал, что к этому периоду на ограниченном допуске в архиве находилось 937 630 дел, причем в их числе были документы дореволюционного периода, касающиеся внешней политики царской России, часть дел по фондам семьи Романовых, сведения о личном составе служащих Департамента полиции, охранных отделений, небольшая часть документов семьи Ульяновых и видных деятелей партии, материалы по личному составу членов Всесоюзного

общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. На секретном хранении в ЦГАОР СССР по состоянию на 1 января 1987 г. находилось 895 427 дел. Таким образом, около 55 % архивных дел ЦГАОР СССР имели различные формы ограничений доступа к ним.

Работа по снятию неоправданных ограничений по доступу к документам архива была начата с негрифованных материалов фондов белогвардейских правительств, белоэмигрантских союзов, объединений, партий, редакций газет и журналов и личных фондов деятелей белой эмиграции за 1918–1945 гг. К этой работе были привлечены зам. директора ИНИОН АН СССР д. и. н. Л. К. Шкаренков и ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР д. и. н. Г. З. Иоффе. Они подготовили предложения о снятии режима секретности с этих документов и переводе их на открытый режим (частично — на режим «ОД»). В результате комиссия архива в 1988 г. перевела с секретного режима на открытый 454 так называемых белогвардейских фонда объемом 58900 дел, а 564 фонда белой эмиграции объемом 90771 дело перевела на режим «ОД». Одновременно были сняты с секретного хранения и картотеки личного состава белых армий (свыше 3,5 млн карточек), картотеки личного состава белоэмигрантских организаций (свыше 1 млн карточек). Аналогичная по составу коллекция документов из Праги, так называемый Украинский исторический кабинет, хранившаяся в ЦГАОР Украины, была рассекречена значительно позднее.

На следующем этапе архив провел работу с рядом министерств и ведомств по разработке положений, регулирующих порядок использования несекретных документов, созданных в процессе их деятельности. В результате были разработаны положения о порядке получения и использования архивных документов ВЦСПС и ЦК отраслевых профсоюзов, Прокуратуры СССР, Верховного суда СССР, Госкомиздата СССР, Минздрава СССР, ТАСС СССР. Итогом этой работы было уточнение объемов и категорий дел, доступ к которым был ограничен ведомствами. С режима «ОД» в результате было снято 291 767 дел.

МВД СССР санкционировало перевод с режима «ОД» 31 299 дел фонда 393 — НКВД РСФСР за период 1917–1930 гг., за исключением материалов по личному составу сотрудников. Фонд содержал ценные сведения о различных сторонах политической и хозяйственной жизни страны. По согласованию с историко-архивным отделом Генштаба ВС СССР были сняты с секретного хранения 1 792 дела по личному составу СВАГ. Комиссия архива приняла решение о снятии ограничений допуска с 37 354 дел ЧГК, справочных изданий архива.

Параллельно с привлечением экспертов из ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, МИД России и КГБ СССР проводилась работа по снятию ограничений доступа к дореволюционным материалам.

Позже архив приступил к работе по рассекречиванию документов, созданных в процессе деятельности министерств и ведомств, а также ликвидированных организаций, не имеющих правопреемников. Работа проводилась с учетом опубликованных сообщений Комиссии Политбюро ЦК КПСС о реабилитации лиц, осужденных по политическим делам, а также «Перечня сведений, запрещенных к открытому опубликованию» Главлита СССР 1987 г., в котором впервые ограничения были введены с указанием, с какого года они применяются. В необходимых случаях мы консультировались с соответствующими ведомствами. В работе по снятию ограничений доступа и рассекречиванию архивных документов ЦГАОР СССР в этот период выполнял функцию общесоюзного научно-методического центра по работе с закрытыми документами своего профиля.

О результатах работы архива информировались научные учреждения, использовались трибуны научных симпозиумов и круглых столов, проводимых научными и общественными организациями, читательские конференции в архиве. В 1988 г. состоялась коллегия Главархива СССР о работе ЦГАОР СССР по расширению информационной базы для проведения обществоведческих исследований. Она положительно оценила тот прорыв, который сделал архив в вопросах либерализации доступа к документам архива. Думаю, что ЦГАОР СССР в эти годы был в этих вопросах на самых передовых позициях. Большую работу совместно с МВД РФ и Минюстом РФ по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 июня 1992 г. № 658 «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека» провел архив по фондам Верховного совета СССР, ГУЛАГа НКВД–МВД СССР, Прокуратуры СССР, Верховного суда СССР. В начале 1992 г. был введен в научный оборот ряд фондов, до этого находившихся на сейфовом хранении (секретариаты Н. П. Горбунова, А. Я. Вышинского, А. Н. Рыкова).

В дальнейшем эта работа проводилась в плановом порядке по фондам бывшего ЦГАОР СССР и ЦГА РСФСР, однако объемы рассекреченных дел были уже значительно меньше, так как вступили в действие нормативно-правовые документы, регулирующие порядок рассекречивания архивных документов, в результате чего архив осуществлял эту работу только в случае предоставления ему соответствующих полномочий правопреемниками ликвидированных союзных министерств и ведомств. На федеральном уровне начиная с 1992 г. работали межведомственные комиссии, которые рассматривали вопросы рассекречивания архивных документов в установленном порядке.

С началом перестройки и открытием многих ранее недоступных документов резко возрос интерес к архивному документу, что вызвало приток в читальный зал архива исследователей, причем не только российских, но

и зарубежных. В связи с изменением порядка доступа иностранцев к документам ГАФ СССР многие не преминули этим воспользоваться, боясь, что приоткрытые двери в архивы могут быстро захлопнуться. В результате уже в 1990 г. в читальном зале архива работало исследователей в 2 раза больше, чем в предыдущие годы (2 тыс. чел.). Увеличилось число отечественных исследователей и в читальном зале для работы с секретными документами.

К этому же периоду относится и проведение архивом работы по исполнению социально-правовых запросов в связи с принятием СМ СССР постановления № 825 от 6 октября 1989 г. «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам фашистских лагерей». В связи с обращением Комиссии партийного контроля ЦК КПСС была проведена работа по выявлению документов о реабилитации лиц, ставших жертвами репрессий в 1920–1950-х гг., о количестве репрессированных. Конечно, цифры запросов, исполненных в 1990 г. (5 тыс.), несопоставимы с количеством запросов, исполненных ГА РФ в последующие годы, но для того времени такая ситуация была чрезвычайной. Приходилось постоянно общаться со Службой розыска Красного Креста, общественными организациями бывших узников фашистских лагерей и гетто, органами соцзащиты, чтобы уточнить пути поиска требуемых документов.

В эти годы начальником отдела использования в архиве был к. и. н. И. А. Альтман. Благодаря его активности, коммуникабельности, искреннему желанию популяризировать архивные документы удалось многое сделать для повышения престижа архива, вовлечения в исторический оборот новых документальных комплексов, установления тесных творческих и деловых отношений с партнерами, в том числе и зарубежными. Архив искал и находил новые формы работы по использованию архивных документов. Применял комплексный подход к использованию документов по определенным темам, в первую очередь из числа ранее закрытых или недостаточно изученных. Так, в 1989–1990 гг. в Доме культуры издательства «Правда» сотрудниками архива был проведен цикл вечеров-встреч под общим названием «О чем молчали архивы», на которых основной упор делался на темы, ранее не освещаемые или полностью закрытые. Аналогичные встречи проводились регулярно в Доме ученых, в ДК «Медик», на межархивных выставках на ВДНХ и на других площадках. Активно выступали перед слушателями, неся им новое знание, И. А. Альтман, Н. С. Зелов, Н. В. Михайлова, З. И. Перегудова, С. В. Сомонова, Л. А. Наливкин. Слушателей интересовали не только судьбы репрессированных соратников Ленина, деятельность царской охранки, жизнь последней царской семьи, российская послереволюционная эмиграция, но и собственно работа архивов в новых условиях, снятие ограничений доступа к архивным документам.

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. были временем активизации выставочной деятельности федеральных архивов, прежде всего расположенных в Москве. Происходило это благодаря выдающимся, не побоюсь этого слова, организаторским способностям директора ЦГАСА в эти годы, а позднее зам. председателя РОИА М. В. Стеганцева. Поначалу межархивные и межотраслевые выставки проводились в здании ЦГАСА, где был создан специальный выставочный центр, позднее благодаря усилиям Глав-архива СССР были задействованы и другие экспозиционные площадки, в первую очередь павильон «Советская культура» на ВДНХ. Выставки, несмотря на их часто традиционные названия, всегда вызывали особый интерес, так как в каждой из них была своя изюминка, прежде всего за счет экспонирования новых, ранее недоступных, зачастую сенсационных документов. ЦГАОР СССР всегда являлся одним из ключевых участников этих выставок. Так, в 1988 г. в павильоне «Советская культура» была проведена межархивная выставка «Государственный архивный фонд СССР и его роль в перестройке». На этой выставке ЦГАОР СССР впервые представил документы по истории белого движения и послереволюционной эмиграции, связанные с такими крупными их представителями, как адмирал А. В. Колчак, генерал А. И. Деникин, политический деятель и историк П. Н. Милюков; в специальном разделе «Возвращенные имена» экспонировались документы о видных партийных и государственных деятелях страны, репрессированных в период культа личности Сталина и реабилитированных в последующие годы.

В качестве эксперимента копии документов архива экспонировались в фойе-театров во время постановки спектаклей по историко-революционной тематике («Брестский мир» в театре Вахтангова, «Четыре допроса» в театре им. Станиславского, «Конь вороной» в театре «Камерная сцена»).

Конечно, выставочная деятельность архива в эти годы сдерживалась отсутствием специального выставочного помещения и специалистов-оформителей. Недостаток средств не позволял готовить и издавать не только каталоги, но и буклеты выставок. Первые же коммерческие проекты со «Стоп-кадром» показали, что выставки могут быть весьма успешны, даже при условии, что экспонируются в основном копии архивных документов.

В эти годы завязались плодотворные отношения с Ливадийским дворцом-музеем. С замечательными крымскими краеведами и писателями — зам. директора этого музея М. А. Земляниченко и ее супругом Н. Калининым они сохранились на многие годы. Первоначально архив оказал содействие музею в подготовке экспозиции «История южнобережных курортов Крыма», а затем была подготовлена с помощью творческой группы «Стоп-кадр» при АПН уникальная выставка копий архивных документов о семье последнего российского императора «Романовы и Ливадия»

(февраль 1992 г.), которая многие годы привлекала к себе интерес отдыхающих в Крыму граждан. К сожалению, директор музея Л. А. Эпова, воспользовавшись тем, что изменился первоначальный статус музея, прекратила выполнение договорных обязательств перед ЦГАОР СССР. Мы пытались сопротивляться и даже обращались к профессиональным юристам, но после 1991 г., когда Крым оказался в другой стране, наши попытки были безуспешны.

В конце 1989 г. в архив пришли со своими предложениями по организации историко-документальных выставок В. Устименко, В. Буздыган и В. Приходько, организовавшие творческое объединение «Стоп-кадр» при АПН. Это были молодые, грамотные и амбициозные ребята, горевшие желанием стать профессиональными экспозиционщиками (галеристами). Художественно-публицистическая выставка в Московском дворце молодежи «Последние годы Дома Романовых» открылась в сентябре 1990 г. Месяцем ранее подобная, но несколько меньшая по объему выставка открылась в Ипатьевском монастыре в Костроме, месте, где первый из рода Романовых Михаил вззошел на царство. К ее подготовке были привлечены наиболее подготовленные и знающие специалисты архива — З. И. Перегудова, Л. И. Тютюнник и А. И. Барковец, по фондам эмиграции — Л. И. Петрушева. Выявление документов проводилось по целому ряду фондов. В экспозиции кроме рукописных и машинописных документов было представлено значительное количество фотографий семьи последнего российского императора, рисунки, акварели великих княжон, праздничные меню. Копии документов, выполненные на цветном ксероксе и профессионально состаренные, производили впечатление подлинных, чем вводили в заблуждение даже коллег-архивистов.

Следующей выставкой, организованной совместно с ТПО «Стоп-кадр», с привлечением ряда государственных архивов и музеев, была выставка «Российская эмиграция. Истоки». Открылась она 21 августа 1991 г. в Москве в день путча и была приурочена к проведению в Москве Первого конгресса соотечественников. На выставке экспонировалось около 500 различных экспонатов, большей частью впервые представленных зрителям. Выставка имела большой успех в Москве, не избалованной в то время подобными экспозициями.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. архивные документы вызвали огромный интерес кино- и телестудий. Документы о прошлом позволяли, как в волшебной лампе, рассмотреть ожидавшее нас будущее. Всех вдруг заинтересовало прошлое, как совсем давнее, так и близкое, которое было безразличным ныне живущему поколению. Оно вдруг стало совсем иным, и в его тайнах каждый видел то, что ему было ближе и понятнее. На телеэкран хлынули новые, ранее не освещаемые темы и сюжеты — жизнь российских императоров, и в первую очередь семьи Николая II,

история строительства и разрушения храма Христа Спасителя, гонения на церковь, история Гражданской войны и российской эмиграции, политические репрессии 1930–1950-х гг., трагические судьбы выдающихся людей XX в. и другие.

ЦГАОР сотрудничал с рядом известных кинодокументалистов (Г. А. Панфилов, И. Дыховичный, С. Н. Колосов, В. П. Лисакович и др.), киностудий (ЦХДФ, «Мосфильм», «Центрнаучфильм», «Ленфильм»), радиостанциями «Маяк», «Юность»; архив впервые сам готовил сюжеты для телевизионных программ «Слово», «Добрый вечер, Москва», «120 минут», «С добрым утром», «Под знаком “Пи”» и др. В прессе сотрудники архива публиковали как отдельные статьи, так и цикловые публикации (газета «Неделя»), выступали на страницах научных журналов. Одновременно появились новые исторические альманахи и исторические журналы, которые предлагали архиву и его сотрудникам сотрудничество. Многочисленные публикации и статьи архивистов ЦГАОР СССР появились в альманахах «Книга исторических сенсаций» (М.: Раритет, 1993), «Российский архив» студии «Тритэ», журналах «Родина», «Новая Нива», «Куранты», «Столица» и многих других.

Активизировалась работа по проведению экскурсий по новой тематике, в архив обращались министерства, ведомства, высшие и средние специальные учебные заведения, научные учреждения, школы, музеи, воинские части. Многие книжные издательства, редакции газет и журналов черпали в архиве иллюстративный материал для своих публикаций по новой тематике.

В 1987 г. состоялась первая поездка представителей Советского фонда культуры в Прагу в рамках реализации программы «Возвращение», в числе которых был преподаватель МГИАИ В. Седельников. Перед своей поездкой он пришел в ЦГАОР и попросил меня рассказать ему о судьбе РЗИА, дать справку об этой коллекции и подсказать, какие еще материалы могут оказаться в руках русских эмигрантов или их родственников в Праге. Конечно, у него к этому моменту были и другие «наводки» на конкретных лиц. Поездка была весьма продуктивна, и он привез документы, часть которых поступила ранее в архив в составе РЗИА. Это были документы сотрудника РЗИА Е. Ф. Максимовича и известного историка А. А. Кизеветтера, Б. В. Савинкова — документы, оставшиеся в семье его сестры В. Мягковой, в основном литературного характера. Когда мы узнали, что Советский фонд культуры не предполагает передавать полученные безвозмездно архивные материалы из Праги в ЦГАОР СССР, то были неприятно удивлены. В. Седельников объяснял это тем, что якобы родственники многих эмигрантов, проживающих в Праге, не хотят отдавать свои документы в официальные учреждения, так как не доверяют им, помня, что о судьбе вывезенного в Москву РЗИА долгие годы ничего

не было известно. Однако нам, архивистам, было ясно, что, если бы в составе группы, выезжавшей в Прагу, оказался представитель архива, который вел бы переговоры с владельцами документов, подобного не случилось бы.

В Уставе Советского фонда культуры, утвержденном 12 ноября 1986 г., в числе учредителей которого значилось и Главное архивное управление при Совете министров СССР, одной из задач называлась «деятельность по отысканию и возвращению на Родину произведений искусства, архивных материалов, других памятников истории и культуры, находящихся за рубежом, и передача их музеям, архивам, библиотекам и другим хранилищам для осуществления общественного пользования этими культурными ценностями».

Учитывая случившееся, мы подготовили докладную записку на имя Ваганова, которую подписал Б. И. Каптелов. И позже на имя председателя фонда академика Д. Лихачева за подписью начальника Главархива СССР Ф. М. Ваганова было направлено письмо, в котором обращалось его внимание на то, что Советский фонд культуры, проводя акцию «Возвращение», полученные в дар от эмигрантов и их наследников музейные экспонаты передает в музеи, в то время как документы российских эмигрантов, переданные в рамках этой акции, остались в фонде, который принял решение о создании собственного архива. Но, как и можно было предположить, фонд, используя вышеуказанную мотивировку, сообщил, что лица, передавшие документы, в своих заявлениях установили требование, чтобы документы, переданные фонду, хранились при нем. К сожалению, в данном вопросе мы потерпели фиаско, и до настоящего времени, как известно, раздробление архивных материалов, полученных из-за рубежа, по различным хранилищам продолжается, что создает конкуренцию в собирательской работе архивистов и значительные трудности для пользователей. В 1990 г. началось наше многолетнее и плодотворное сотрудничество с Ленинградской духовной академией. В связи с переходом архивов на новые условия хозяйствования, внедрением платных работ и услуг отношения с партнерами строились на договорных началах и позволяли архиву в отдельных случаях зарабатывать деньги для развития архива и стимулирования сотрудников, участвующих в реализации договоров. К этому времени относится начало работы архива с Японской ассоциацией бывших военнопленных, которую возглавлял Рокуро Сайто, находившийся после окончания Второй мировой войны в советском плену. Его интересовали копии документов архива, связанные с пребыванием японцев в советском плену. Впоследствии японские официальные власти возражали против передачи копий документов по этой теме неправительственной организации, и по этому вопросу в дальнейшем были проблемы у Росархива.

После скоропостижной смерти директора архива Б. И. Каптелова в сентябре 1991 г. состоялось мое назначение на должность исполняющей обязанности директора ЦГАОР СССР, в которой я находилась до реорганизации архива, последовавшей после выхода распоряжения Правительства Российской Федерации от 28 апреля 1992 г. № 809-р, а фактически до мая 1992 г. В этот момент еще продолжал действовать Главархив СССР. Запомнился один из эпизодов этого периода. В архив позвонили из главка и сообщили, что поступило обращение Посольства Республики Куба о возвращении ей 11 почтовых кожаных сумок, переданных на хранение в Главархив СССР 3 июня 1966 г. в период обострения кубинско-американских отношений. Переданы они были без вскрытия и были опечатаны сургучной печатью Посольства Республики Куба в Москве. Все это время они находились в ЦГАОР СССР в сейфовом хранилище. Б. И. Каптелов как-то вспоминал, как его подняли ночью неожиданным телефонным звонком и ему пришлось вместе с другими встречать в аэропорту самолет с этими сумками (в то время он был еще сотрудником отдела внешних сношений Главархива СССР). В апреле 1985 г. была последняя проверка содержимого представителями кубинского посольства (без вскрытия), и подписан соответствующий акт. Меня пригласили в кабинет Ф. М. Ваганова, где находился посол Республики Куба Хосе Рамон Балагер Кабрера. Состоялась небольшая беседа, во время которой посол поблагодарил Ваганова за оказанное содействие в сохранении этих материалов и объяснил, что в создавшейся ситуации правительство страны полагает необходимым вернуть их на родину. Ваганов был очень растроган и даже всплакнул. Мне пришлось подписать акт о передаче 11 почтовых сумок, датированный 2 декабря 1991 г. Так завершилась эта почти детективная история длиной в 25 лет. Узнаем ли мы когда-нибудь, что же содержалось в этих кожаных сумках, почему так долго они сохранялись в нашей стране? Время покажет.

С 1 февраля 1992 г. ЦГАОР СССР в числе других бывших центральных архивов перешел в ведение Роскомархива. Это было время, когда документы федеральных архивов привлекали внимание зарубежных научных центров, издательств, отдельных ученых с мировым именем. В то же время представители российской науки, переживающей не лучшие времена, не торопились в архивы; финансовые затруднения не позволяли ученым и преподавателям из регионов приезжать в Москву за новым знанием. В трудных условиях приходилось выживать и архивам, в связи с чем мы были заинтересованы в реализации крупных исследовательских проектов с российскими и зарубежными партнерами, что позволяло не только совершенствовать инфраструктуру архива, но и улучшить финансовое положение архивистов.

В 1991 г. архив заключил договор с Центром исследований и документации восточно-европейского еврейства Иерусалимского иудейского университета по подготовке некоммерческой документальной выставки «История евреев в СССР (1917–1980 гг.)», открытие которой состоялось в июне 1993 г. в Иерусалиме в дни работы Всемирного конгресса по иудаистике. Были установлены плодотворные контакты с московским товариществом «Дягилев-Центр», которые позволили позднее подготовить и открыть во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства выставку «Война и мир. К 100-летию франко-русского союза».

В июне 1992 г. в Вашингтоне открылась выставка «Открытия в российских архивах», подготовленная российскими архивами под эгидой Роскомархива и Библиотекой Конгресса США. Ее открытие было приурочено к визиту президента РСФСР Б. Н. Ельцина в США. Документы архива были представлены во всех разделах выставки. 17 ноября 1992 г. в здании Дома Советов Российской Федерации открылась выставка, подготовленная Роскомархивом и Гуверовским институтом войны, революции и мира, «Чтобы дела шли: российско-американские отношения первой трети XX века». Документы ЦГАОР наполнили специальный раздел этой выставки, посвященный советско-американским связям в 20–30-х годах XX века. Из фондов архива на ней были представлены в основном документы о деятельности АРА — Американской администрации помощи для голодающего населения Советской России.

Рассекречивание архивных документов архива и снятие неоправданных ограничений доступа к ним привлекли внимание новых категорий пользователей, вовлекли архив в реализацию новых масштабных проектов, в том числе с зарубежными партнерами.

27 апреля 1992 г. был подписан договор о сотрудничестве между Генеральной дирекцией государственных архивов Польши и Комитетом по делам архивов при Правительстве России. В числе других договоренностей было предусмотрено совместное издание полной документации, касающейся судеб польских военнопленных в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях. Роскомархив и Генеральная дирекция государственных архивов Республики Польша заключили 11 июня 1992 г. договор о подготовке сборника, в соответствии с которым в каждом архиве-участнике была создана рабочая группа, в которую вошли Валерий Петрович Козлов, Н. И. Румянцева и К. Г. Ляшенко, и началась работа по выявлению документов. Несколько ранее ко мне пришел Ю. Н. Зоря, который рассказал, что его интересуют документы Нюрнбергского процесса. Его отец работал в аппарате советского обвинения, являясь помощником главного обвинителя Р. А. Руденко, и имел неосторожность высказать какие-то сомнения по вопросу о судьбах поляков, трупы которых были обнаружены в Катыни. Через некоторое время его обнаружили

повесившимся. Сын предполагал, что это убийство, и хотел докопаться до истины. С разрешения руководителя Главархива СССР Ф. М. Ваганова ему была предоставлена возможность ознакомиться с интересующими его документами Международного трибунала в Нюрнберге. Параллельно этими же документами интересовались В. Парсаданова, которая в это время работала в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, и Н. Лебедева — сотрудник Института всеобщей истории РАН, их первые статьи о трагедии в Катыни появились в прессе в 1990 г. Открытие документов НКВД–МВД СССР, СНК СССР, в ЦГАОР СССР, а также ГУПВИ в ЦГАСА и сенсационные документы Архива Президента РФ, копии которых были переданы полякам, позволили наконец пролить свет на эту темную страницу истории, долгие годы сокрытую от российской и мировой общественности, и позднее легли в основу сборников документов по этой теме, опубликованных на русском языке (2 тома) и в 4 томах на польском языке. К сожалению, до настоящего времени Катынская трагедия все еще будоражит умы как поляков, так и некоторых наших соотечественников.

В скором времени в Москву приехали представители Военной архивной комиссии Польши, получившей задание выявить и скопировать в российских архивах все документы, связанные с судьбами польских военнопленных на территории СССР. В ЦГАОР СССР их прежде всего интересовали фонды структур НКВД–МВД СССР. В работе по выявлению этой категории документов большую помощь им оказала Д. Н. Нохотович — прекрасный специалист, знаток документов своего хранилища.

В 1990 г. году архив с согласия Главархива СССР посетили гости из Израиля. Это были доктор Исхак Арад — директор музея «Яд Вашем» — Национального института памяти катастрофы и героизма, директор архива музея доктор Краковский, сотрудник музея Спектор. Встал вопрос о копировании документов о Холокосте по фонду ЧГК. Впервые архиву пришлось организовывать столь масштабное копирование. Был совместно выработан договор, определены оптимальные организационные формы проведения этой работы без ущерба для документов и справочной работы архива. Учитывая гуманитарный характер акции, работа проводилась безвозмездно. Основным условием было то, что после завершения работы архиву оставалось современное микрофильмирующее оборудование, которое в то время в центральных архивах отсутствовало. В отборе документов и копировании принимали участие сотрудники «Яд Вашем» — наши бывшие соотечественники, среди которых мы обрели настоящих друзей. Большую помощь в этой работе оказывал заместитель директора архива Е. Л. Луначарский, решая многочисленные проблемы, связанные с копированием большого массива документов и с учетом проделанной работы.

В октябре 1991 г. в Иерусалиме была проведена международная конференция «От Барбароссы до Ванзее», организованная «Яд Вашем». Я была приглашена доктором Исхаком Арадом выступить на этой конференции с докладом о документах ЧГК, связанных с Холокостом. Уже в Иерусалиме по приезду выяснилось, что в составе российской делегации от Института истории РАН находились академик, ученый секретарь Отделения истории АН СССР И. Д. Ковальченко, директор Института истории СССР РАН д. и. н. Новосельцев, д. и. н., руководитель сектора истории Великой Отечественной войны Г. А. Куманев, сотрудник этого сектора Б. И. Зверев. Все они выступили на конференции с докладами. Я была включена в их группу на время проведения профессиональных встреч и культурной программы. Конференция прошла очень продуктивно, так как была прекрасно организована. Программа конференции, на которой выступили представители многих стран — Польши, Венгрии, Румынии, Израиля, Германии и др., была выполнена в полном объеме, не было никаких сбоев, давался синхронный перевод, причем переводчики заранее обговаривали отдельные детали с докладчиками. Участники конференции задавали вопросы и иногда выходили к микрофону для того, чтобы произнести некоторые дополнения или даже возражения по сути сказанного. Это был для меня непривычный формат проведения подобных мероприятий.

Настоящим потрясением для меня стало посещение музея «Яд Вашем». Его экспонаты и их подача ошеломляли, особенно мемориальный сад детей. Над входом внутрь холма Соломоново изречение: «Свеча Господа — душа человека». В полной темноте посетители, держась за поручень, движутся вперед. Под сводом зала загораются и гаснут звезды, это всего 5 свечей, отражающиеся в зеркалах. Монотонный голос перечисляет имена, возраст и страны, где погибли еврейские дети, появляются и исчезают детские лица. Когда посетители этого зала выходят на яркий свет, лица их залиты слезами, они ощущают чудовищное несоответствие только что осознанного ужаса смерти невинных детей и обжигающего солнца Иерусалима. Нам говорят, что к началу списка голоса вернутся через год, чтобы назвать полтора миллиона погибших, угасших звезд. И этот список благодаря советским архивистам пополняется... В черных ящиках Зала имен, самом большом кладбище мира, по меткому выражению журналистки Э. М. Максимовой, и в компьютере огромной емкости имена погибших, извлеченные в том числе из документов ЧГК, скопированных в архиве. Идем по коридорам архива «Яд Вашем», доктор Краковский, его директор, показывает табличку на двери: «Курсы русского языка». Да, благодаря документам из советских архивов русский язык стал для многих сотрудников музея и архива обязательным.

В конце 1993 г., уже после моего ухода, благодаря тесным контактам с этим архивом и тому огромному массиву документов, которые были ско-

пированы и переданы в архив для исследовательской работы на безвозмездной основе, а также инициативе А. И. Барковец, в то время — заместителя директора архива, последовала ответная акция, и архиву были переданы 115 подлинных биографических документов, писем, записных книжек советских граждан различной национальности, находившихся на территории Германии во Вторую мировую войну, узников концлагеря Дахау.

Документами архива о деятельности организации «Джойнт» на территории Советской России в 1991 г. заинтересовался американский еврейский объединенный распределительный комитет «Джойнт», возобновивший свою аккредитацию в России после длительного перерыва, вызванного выдворением из СССР этой филантропической организации органами НКВД в 1938 г. Почетным исполнительным президентом американской благотворительной организации являлся Ральф И. Голдман, с которым мне пришлось несколько раз встречаться. В соответствии с договором, заключенным архивом с его организацией, было проведено выявление документов о деятельности «Агроджойнта» в Советской России и их копирование для пополнения музея-архива этой организации в Нью-Йорке. Во время одной из встреч я, зная о том, что отдел организации «Джойнт» в России оказывает материальную помощь жертвам фашизма, рассказала Голдману о тех финансовых трудностях, которые испытывает архив, и прежде всего сотрудники архива. Этот разговор имел место перед Новым годом. Вскоре из отделения последовал звонок, и мне сообщили, что перед своим отъездом в Америку Голдман распорядился оказать продовольственную помощь всем сотрудникам архива. В результате сотрудники архива встретили новый 1992 год с прекрасным продовольственным набором, включающим шоколад, кофе, чай, мясные консервы, сухое молоко.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в условиях демократизации в архиве впервые появились представители зарубежных организаций, занимающихся поиском сведений о фашистских преступниках и их пособниках, проживающих в их странах. Перед этим вопрос о копировании документов ЦГАОР СССР и ЦГАСА (картотека Освенцима) решался в Главархиве СССР, согласовывался на всех уровнях. Долгое время в архиве работали представители шотландской прокуратуры. Но особую память оставили сотрудники Отдела специальных расследований и Директората общественных обвинений Австралии, которые в 1991 г. впервые появились в архиве в связи с поиском сведений о фашистском пособнике, в то время австралийском гражданине, Генрихе Вагнере, оставившем кровавый след своими деяниями на территории Крыма, а ранее — в некоторых областях Украины. Австралийское законодательство не признает во время судебного процесса копий документов, даже юридически оформленных. В связи

с этим мне пришлось писать для австралийской прокуратуры справку по истории ЧГК, особенностям документирования ее деятельности, о поступлении фонда Р-7021 в ЦГАОР СССР, условиях хранения документов. Посол Австралии в Российской Федерации в моем присутствии ознакомился с хранилищем, где находился фонд ЧГК с подлинными делами, в которых были выявлены документы о преступлениях Вагнера. Были сняты копии с описи, содержащей интересующие их дела, распорядительных документов о передаче в ЦГАОР СССР документов ЧГК, указа Президиума Верховного совета СССР о создании ЧГК, инструкции, утвержденной председателем ЧГК Н. Шверником 13 августа 1943 г., о порядке учета, хранения и использования документальных материалов Чрезвычайной государственной комиссии, акта о приеме документов в архив от 15 августа 1951 г., а также копии документов из 4 дел, касающихся конкретных преступлений.

Я была приглашена в качестве свидетеля на процессе, моей задачей было предъявить следствию подлинные дела и документы, а также убедить в их подлинности и дать необходимые для этого пояснения. В результате я вылетела в Аделаиду, расположенную на самой южной оконечности Австралии, где располагались судебные органы этой страны. Полет продолжался в общей сложности около 21 часа, так как лететь пришлось по следующему маршруту: Москва — Франкфурт-на-Майне — Сингапур — Сидней — Аделаида с двумя пересадками. В Австралии меня поселили в гостинице вместе с архивисткой из Кировоградской области, прокурором этой области и свидетелями — стариками из Крыма. Приехали они в ужасном состоянии — плохо одетые, беззубые, без очков для чтения. В Аделаиде к ним прикрепили врача, дочь евреев-эмигрантов из Харькова, которая постоянно измеряла им давление; им вставили зубные протезы, заказали по 2 пары очков и даже приодели, причем в разные по цвету толстовки, чтобы не бросалось в глаза окружающим и не смущало стариков...

Узнав, что я знаю украинский язык, вопросы мне задавали на этом языке, благо в Австралии сильная украинская диаспора, ответы же переводили на английский. Вагнер с супругой сидели в зале и слушали допросы свидетелей. В соответствии с австралийским законодательством на предварительных слушаниях присутствует подозреваемый, и, как только судья, выслушав всех свидетелей обвинения, признает их свидетельства заслуживающими внимания, в зале суда подозреваемый подлежит аресту. Позднее из австралийского посольства мне сообщили, что Вагнер не дождался суда, хотя ему было всего 67 лет. Этот случай, а также несколько других подобных вызвали в Австралии негативное отношение к проведению таких дорогостоящих для налогоплательщиков процедур.

26 марта 1992 г., когда я выполняла функцию и. о. директора архива, вышло распоряжение вице-президента Российской Федерации А. Руц-

кого «О составе межведомственной комиссии по выяснению сведений о гражданах США, пропавших без вести на территории СССР во время и после Второй мировой войны». Председателем комиссии был утвержден советник Президента Российской Федерации по оборонным вопросам Дмитрий Антонович Волкогонов, а заместителем — заместитель председателя Комитета по делам архивов при Правительстве Российской Федерации Владимир Петрович Козлов. Членом этой комиссии, наряду с В. Н. Бондаревым — директором Центрального государственного особого архива — и его заместителем В. И. Коротаевым, утвердили и меня. Комиссия работала весьма активно, собралась дружная команда профессионалов, в числе которых запомнились Владимир Васильевич Соколов, в то время заместитель начальника Историко-документального управления МИД России, Александр Максимович Шубин — начальник отделения отдела архивной информации ГИЦ МВД России, Владимир Константинович Виноградов — заместитель директора Центрального государственного особого архива, Николай Петрович Брилев — начальник ЦАМО Минобороны России, Вячеслав Петрович Мазуров — старший помощник начальника отдела СВР России, Геннадий Лукьянович Лежиков — начальник ГИЦ МВД России, Анатолий Афанасьевич Краюшкин — начальник отдела Министерства безопасности РФ, Калинин — начальник Главного управления исполнения наказаний МВД РФ, проработавший на этом посту бессменно до 2008 г. С американской стороны работу координировал посол М. Тун.

В условиях демократизации советского общества установка была следующая — выявить по открытым и секретным документам и представить американской стороне все имеющиеся в государственных и ведомственных архивах сведения об американских военнопленных и других гражданах США, пропавших без вести на территории СССР в годы войны и в послевоенный период, а также сведения об американцах, которые исчезли в период корейской и вьетнамской войн на территории этих стран. В ЦГАОР СССР, учитывая состав документов и отсутствие именных картотек на эту категорию граждан, полистный просмотр дел велся прежде всего по фондам ЧГК и уполномоченного СМ СССР по делам репатриации, СВАГ (в первую очередь документы военного гарнизона Советского сектора Берлина). Выявлялись сведения об американцах, которые оказались в немецких концлагерях, были освобождены Красной армией и впоследствии репатриированы на родину; о больных и раненых американцах, находившихся на излечении в госпиталях; американских летчиках, произведших вынужденную посадку на территории, освобожденной Красной армией; по материалам НКВД–МВД СССР, в том числе по фондам Тюремного управления, ГУЛАГа, Военной коллегии Верховного суда СССР, выявлялись сведения об американцах, оказавшихся в местах заключения

на территории СССР. Важными оказались статистические сведения по спецлагерям и тюрьмам НКВД–МВД СССР об американцах, воевавших на стороне фашистской Германии и впоследствии осужденных на территории СССР. Выявление в архиве провели Д. Н. Нохотович и С. В. Сомонова. Результаты работы архива, а также наши предложения по организации дальнейшего поиска документов председатель российской части комиссии генерал Д. А. Волкогонов оценил положительно.

Следует отметить, что нажим со стороны американцев в то время был довольно ощутим. Выступая в ноябре 1992 г. в Литл-Роке на церемонии Дня ветеранов, Билл Клинтон заявил: «Я совершенно четко даю всем знать: у нас не будет нормализации отношений ни с одной страной, которая просто даже подозревается в том, что утаивает информацию о судьбе американцев» (Известия. 1992. 12 нояб.). В то же время, выступая в Конгрессе США в июне 1992 г., президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин заявил по поводу поиска сведений об американских военнопленных: «Обещаю Вам, будет просмотрен каждый документ в каждом архиве, чтобы выяснить судьбу каждого американца, пропавшего без вести» (Известия. 1992. 18 июня).

Пленарные заседания комиссии и рабочие встречи с американской стороной проходили в зале коллегии Роскомархива на Ильинке. Каждая такая встреча завершалась пресс-конференцией, было несколько приемов в американском посольстве, а с российской стороны — в «Президент-Отеле». Одно из последних заседаний комиссии состоялось 8 апреля 1993 г. в Овальном зале Кремля.

В 1992 г. в связи с событиями в Карачаево-Черкесии и в целом обострением отношений на Северном Кавказе было создано несколько комиссий, которые должны были рассмотреть вопросы, связанные с установлением границ этих республик и изучением причин, вызвавших напряженность и даже прямые столкновения между народами этих республик. По согласованию с руководством Комитета по делам архивов РФ я была включена в состав Комиссии по Карачаево-Черкесии. Помню несколько заседаний в кабинете министра юстиции РФ Николая Васильевича Федорова (ныне — глава Чувашской Республики).

В связи с тем, что многие проблемы, будоражившие эту республику, были связаны с последствиями депортации народов и последовавшей их реабилитацией, от архивов требовалось провести тщательное выявление документов, связанных с этими трагическими страницами истории (депортация и ее цена для выселенных народов, реабилитация и возвращение на прежнее место проживания, выплата компенсаций и т. д.), а также всех документов, связанных с изменением административно-территориального деления Карачаево-Черкесии, т. к. в ряду других поднимался вопрос и о территориальной реабилитации, т. е. возвращении исконных территорий.

ЦГАОР СССР был основным архивохранилищем, документы которого были привлечены и использовались в работе всех комиссий, созданных в это время для решения вопросов реабилитации репрессированных народов и их обустройства. Тщательное выявление документов по этой теме проводилось как сотрудниками отдела, так и работниками архивохранилищ, в первую очередь Д. Н. Нохотович и С. В. Сомоновой.

Проведение работы по рассекречиванию и снятию неоправданных ограничений по допуску к архивным документам активизировало обращения в архив законодательных и государственных структур по вопросам проведения репрессий, в том числе связанных с депортацией народов. Учитывая этот фактор, в архив обратился Институт этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая АН СССР во главе с директором В. А. Тишковым с предложением подготовить публикацию документов архива по данному вопросу из числа недавно рассекреченных. От института в этой работе принимала участие Ольга Милова, тогда еще совсем юная, дочь известного историка и многолетнего заведующего кафедрой МГУ д. и. н. профессора Л. Милова. Мне предложили подготовить предисловие к сборнику документов. В результате было проведено выявление документов по этой теме в фондах НКВД–МВД СССР, Верховного совета СССР, СНК СССР. Д. Н. Нохотович, прекрасно знающая фонды своего хранилища, выявила основные документы для публикации. В 1992 г. средствами малой полиграфии ограниченным тиражом (всего 250 экз.) был издан сборник документов «Депортация народов СССР (1930-е — 1950-е годы)». Материалы к серии «Народы и культуры», вып. XII, ч. 1. — первое издание по этой теме, со временем ставшей весьма востребованной (работы Н. Ф. Бугая, П. Поляна, В. Н. Земскова).

Институт истории СССР АН СССР совместно с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР запланировали на 21–25 августа 1991 г. проведение в Минусинске Всесоюзной научной конференции «Политическая ссылка в Сибири 1820 — нач. 1980-х гг.». Программа конференции была весьма обширна, предполагалась работа нескольких секций, однако из числа заявленных в программе многие выступающие не смогли приехать по ряду причин, прежде всего финансовых. В составе московской делегации кроме меня были Н. М. Пирумова, В. А. Твардовская, дочь поэта, и Н. М. Сим. Остальные участники конференции были из Минусинска, где имеется замечательный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Абакана, Шушенского, Омска. Особо следует отметить одного из организаторов и активных участников конференции, начинающего в ту пору сибирского историка С. А. Красильникова. Тема «Спецпереселенцы в Западной Сибири» на долгие годы определила сферу его научных интересов и позволила ему в дальнейшем с коллективом историков и архивистов подготовить на вы-

соком научном и археографическом уровне фундаментальную серийную публикацию с использованием рассекреченных документов федеральных и региональных архивов.

Августовские события застали нас в Минусинске и не могли оставить безучастными. Сомнений ни у кого в тот момент не было, мы активно поддерживали защитников Белого дома, в связи с чем участниками конференции была принята специальная резолюция, направленная в Москву и местным организаторам протестных акций. Мы долго не могли улететь в Москву из Абакана, по летному полю которого бродили коровы; связаться со своими родными и близкими по телефону было невозможно. Только потом в Москве выяснилось, что в связи с введением чрезвычайных мер блокировались все телефонные переговоры в том случае, если в них упоминались табуированные слова типа «путч», «танки» и т. д. Единственной, кому удавалось беспрепятственно и спокойно разговаривать с Москвой по междугородному телефону, была В. А. Твардовская, так как ее интересовали только семейные дела, в связи с рождением внушки.

Публикационная деятельность архива в конце 1980-х — начале 1990-х гг. подверглась существенной корректировке. Неизбежно, в силу фундаментальных изменений в общественном сознании, доступности новых, ранее закрытых исторических источников, пересматривались тематика и направления публикационной деятельности архива. Ряд ранее подготовленных сборников документов потеряли свою актуальность или же не соответствовали по составу документов, уровню комментариев тем требованиям, которые предъявляло общество к историческому знанию, исторической правде. Так, ЦГАОР СССР являлся головной организацией по подготовке общесоюзных томов серии «История культурного строительства в СССР (1917–1977 гг.)». Первый том был архивом подготовлен и передан в Институт истории СССР АН СССР, но так и не вышел по вышеперечисленным причинам. Не вышли в свет и сборники документов по истории научно-технических обществ в СССР, в подготовке которых участвовала Н. Румянцева, сборники «Нерчинская политическая каторга», «Письма П. А. Кропоткина к М. И. Гольдсмит», о чем можно только сожалеть. Нарушились связи с государственными издательствами, которые испытывали дефицит бумаги и средств. Вместе с тем архив искал новые темы и новых партнеров.

Однажды в моем кабинете оказались И. К. Сафонов, племянник страдальцы и необыкновенной женщины А. В. Тимиревой, и правозащитник и историк Ф. Ф. Перченков. Они рассказали мне о своей задумке издать книгу о А. В. Тимиревой, с включением в нее фрагментов воспоминаний А. В. Тимиревой, ранее изданных ими же под псевдонимами в альманахе «Минувшее», вышедшем в Париже в 1986 г., а также воспоминаний о Тимиревой И. К. Сафонова, фрагментов из судебно-

следственного дела, с которым Сафонову позволили ознакомиться в ЦА ФСБ России, и ее стихов. Их интересовал так называемый дневник А. В. Колчака, где они рассчитывали найти интересующие их сведения для комментариев.

Я предложила объединить усилия и включить в издание переписку А. В. Колчака с любимой женщиной. Это сейчас, после выхода нашумевшего фильма, все знают это имя, а тогда оно мало что говорило несведущим. Однако трогательная история любви двух несвободных людей в условиях Гражданской войны, притяжения двух сердец на фоне мирового катаклизма не могла никого оставить равнодушным. Письма были трудны для прочтения, нуждались в серьезной текстологической и археографической обработке. Замечательный археограф К. Г. Ляшенко сделала все возможное, чтобы донести до читателя эту уникальную переписку. К сожалению, не удалось присовокупить к этим письмам те, которые хранились в РГА ВМФ. На наше предложение этот архив ответил, что таковых писем на хранении не имеет, хотя значительно позднее, в 2002 г., этим архивом был издан сборник документов «“Милая химера в адмиральской форме”. Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку», что было весьма огорчительно и служило примером недостаточной координации публикационной деятельности федеральных архивов.

В 1991 г. в архив пришли американский профессор Лео Хеймсон и А. П. Ненароков, в то время научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Американские ученые (Лео Хеймсон, Зива Галили) выступили с инициативой подготовить фундаментальную публикацию документов по истории меньшевиков в 1917 г. Эту идею поддержал академик И. Д. Ковальченко. В архиве для этих целей была выделена опытейший специалист З. И. Перегудова. Работа проводилась по дореволюционным, в том числе личным, фондам, где отложились материалы о деятельности меньшевистской партии.

В октябре 1997 г. РЦХИДНИ, «РОССПЭН», Росархив и Российский независимый институт социальных и национальных проблем презентовали результаты этого труда — сборник документов «Меньшевики в 1917 г.» в 3 томах, 4 книгах, который стал заметным явлением в исторической науке.

Снятие с секретного хранения документов Антифашистского еврейского комитета поставило перед архивом задачу публикации как документов о деятельности и трагической гибели комитета, так и того уникального материала о Холокосте, который накопил комитет в своей деятельности. С этими событиями совпал приход в архив израильского историка Шимона Рейдлиха, сотрудника Негевского университета им. Бен-Гуриона, посвятившего свою жизнь изучению деятельности ЕАКа по документам западных архивов, прессе и воспоминаниям. Позднее Рейдлих

вспоминал, как он, после того как узнал, что документы Еврейского антифашистского комитета только что сняты с секретного хранения, в волнении вышел во двор архивного городка с таблеткой валидола и ходил по двору, чтобы успокоиться. К подготовке сборника был привлечен И. А. Альтман, который к этому времени изучил документы фонда и подготовил несколько статей о судьбе комитета. На наше предложение о совместной подготовке сборника откликнулся РЦХИДНИ, в фондах которого отложились партийные документы, связанные с судьбой ЕАКа, и выделил для этой работы Т. В. Костырченко, получившего доступ к судебно-следственным делам членов комитета, хранящимся в ЦА ФСБ России, что помогло повысить научный уровень издания. 12 августа 1992 г. в РЦХИДНИ состоялся мемориальный вечер, посвященный гибели ЕАК, на котором присутствовали родственники членов комитета, в том числе Ирина Эренбург. К этому событию архив подготовил выставку «Антифашистский еврейский комитет: люди, годы, гибель».

Был заключен также договор с Институтом «Яд Вашем» (Иерусалим) по подготовке сборника документов «Неизвестная Черная книга» о массовом уничтожении евреев фашистами в годы Второй мировой войны, вышедшего в 1993 г. в Иерусалиме на русском языке.

Интерес к личности последнего российского императора с началом перестройки резко возрос. Это было связано прежде всего с тем, что в 1989 г. в прессе появилось сенсационное интервью с Г. Рябовым, в котором он рассказал о несанкционированных раскопках, которые они произвели вместе с А. А. Авдониным и другими историками-краеоведами в 1976 г. под Екатеринбургом, во время которых обнаружили останки Романовых. Я помню, как Гелий Рябов пришел в архив и в кабинете Б. И. Каптелова рассказывал нам об этих раскопках и своих мытарствах при попытке заинтересовать этим открытием церковников и провести экспертизу останков. Позднее он предложил принять на хранение в архив материалы об этих раскопках.

Повторные раскопки, произведенные Авдониным и другими в июле 1991 г., уже стали мировой сенсацией и вызвали волну интереса к истории царской семьи и обстоятельствам ее гибели.

Записка Я. Юровского и другие документы, связанные с гибелью царской семьи, привлекли внимание писателя и драматурга Э. Радзинского, выпускника МГИАИ. В то время он только начал интересоваться этой темой и в течение 1989–1991 гг. опубликовал несколько статей в журнале «Огонек» с использованием документов архива, любезно предоставленных ему Б. И. Каптеловым.

При просмотре фондов русской эмиграции я выявила некоторое количество неизвестных материалов, связанных с убийством царской семьи.

Возникла идея подготовить сборник документов по теме «Последние годы Дома Романовых». Ксерокопии всех выявленных документов в фондах ВЦИК, СНК РСФСР и эмигрантских фондах были переданы археографу В. М. Хрусталеву для подготовки документального сборника. Однако следует отметить, что работа над этим сборником весьма затянулась, и он был опубликован только в 2001 г., когда пик интереса к этой теме был уже пройден (Скорбный путь Романовых. 1917–1918 гг. Гибель царской семьи. М., 2001).

В 1990 г. в архив поступили предложения от издательства «Орбита» по подготовке к публикации дневников Николая II. Возглавлял его в ту пору сын известного поэта Сергей Михайлович Луконин. В этой работе кроме меня участвовали Зинаида Ивановна Перегудова и Валерий Петрович Козлов, начальник отдела публикации архива, милейший и добрейший человек, к сожалению, рано ушедший из жизни. Вскоре выяснилось, что издательство не сможет в силу ряда причин опубликовать дневник в полном объеме. Пришлось делать выборку, в результате в опубликованном дневнике были помещены дневниковые записи за 1894–1896 гг., 1905–1907 гг., 1913–1918 гг. Недостатком этого издания было отсутствие именного указателя с отсылкой к страницам текста. Сделать его в тех условиях не представлялось возможным, так как для этого требовалось привлечь камер-фурьерские журналы, хранящиеся в РГИА. В результате мы подготовили перечень имен, упоминаемых в дневнике Николая II. Предисловие к изданию написал историк, д. и. н. К. Ф. Шацилло, который в определенной степени еще находился в плену старых оценок личности российского императора. Кроме того, библиография о последних Романовых в то время была еще весьма ограниченной. Дневники вышли в свет в 1991 г., а затем не единожды переиздавались пиратским путем различными издательствами.

При финансовой поддержке Российского дворянского собрания в издательстве «Крук» в 1993 г. под моей редакцией был выпущен фотоальбом «Романовы и Крым» с текстами на русском и английском языках, в подготовке которого совместно с крымскими краеведами М. А. Земляниченко и Н. Н. Калинин приняли участие А. И. Барковец, Л. И. Тютюнник, З. И. Перегудова.

Трагическая судьба последних Романовых не могла оставить равнодушными и иностранцев. Их внимание привлекли в первую очередь великолепные альбомы царской семьи, которые содержали как парадные фотографии, частью ранее известные, так и любительские, сделанные непрофессионально, но с настроением, а иногда и с юмором. С английской фирмой «Бакалл Лимитид», которая известна в Англии в связи с изданием популярного в высшем свете журнала «Royalty» о британской королевской семье, в 1991 г. ЦГАОР совместно с ТПО «Стоп-кадр» заключили со-

глашение на совместную подготовку фотоальбома о семье Романовых на базе документов, использованных на выставке 1990 г. Фотоальбом «The Romanovs: Love, Power and Tragedy» вышел в свет на английском языке в 1992 г. и стал для английской публики одним из великолепных альбомов на «чайный столик». В него вошли в основном фотографии, выполненные профессиональными фотографами на всем протяжении жизни венценосной семьи. Большую работу по подготовке этого издания провели З. И. Перегудова и Л. И. Тютюнник.

Практически одновременно с ним был подготовлен другой альбом «Nicholas and Alexandra. The Family Albums», опубликованный в 1992 г. с предисловием и аннотациями к фотографиям принца Михаила Греческого, Андрея Мейлуноса и Франческо Вентури. В отборе и аннотировании фотографий принимала непосредственное участие Л. И. Тютюнник, которая в это время возглавляла хранилище личных фондов дореволюционного периода и была лучшим знатоком царской фототеки. Вводную статью к альбому написал директор архива Б. И. Каптелов. Альбом отличался тем, что содержал большей частью любительские и не всегда качественные в профессиональном плане фотографии, но имеющие свою прелесть именно в силу неожиданности ракурсов и сюжетов.

Рассекречивание документов РЗИА и Донского казачьего архива поставило на повестку дня вопрос о создании путеводителя по этим фондам. Учитывая прошедшие за многие годы неоднократные передачи фондов из этих ранее самостоятельных архивов в другие архивохранилища, возникла идея подготовки межархивного справочника. С 1991 г. была проведена большая подготовительная работа — разработаны методические документы, образцы описательных статей, получено согласие от архивов-участников. Начальником отдела научно-справочного аппарата в эти годы был Александр Львович Райхцаум, высокообразованный человек, обладавший прекрасным чувством юмора, который с энтузиазмом взялся за работу вместе с сотрудниками отдела и архивохранилищ.

Неожиданную поддержку идея подготовки справочника получила от Элен Каплан, дочери известного историка-эмигранта В. А. Мякотина, которая работала в то время в Библиотеке современной документации (Париж) и сотрудничала с Домом наук о человеке. В фондах РЗИА сохранились сведения как о самом Мякотине, так и о его дочерях, оставшихся в трудном положении после ранней смерти отца. Элен позднее помогла с изданием справочника, с привлечением финансовых средств этих учреждений. Параллельно интерес к этой идее проявила также сотрудник Фонда Фельтринелли Франческа Гори. Ее увлекла задача подготовки столь необычного справочника, и в дальнейшем Фонд Фельтринелли также выделил средства на его издание. Патриция Гримстед-Кеннеди,

с которой мы обсуждали его подготовку, предложила по западному образцу аннотировать не фонд целиком, а каждую опись в отдельности, что позволяет пользователю более четко представлять, в какой описи находятся интересующие его документы. Для документов РЗИА это было особенно актуально, так как многие фонды носили коллекционный характер. Важным мне показалось и сообщить пользователям историю поступления каждого фонда в архив, а также проинформировать его о том, в каких российских и зарубежных хранилищах хранятся документы аннотируемых фондов.

Когда уже решился вопрос о моем переходе в Роскомархив, я попросила директора ГА РФ С. В. Мироненко позволить мне завершить редактирование справочника, за что я ему благодарна. В течение нескольких лет я редактировала исторические справки, написанные сотрудниками не только ГА РФ, но и других архивов. Это была интересная и полезная во многих отношениях работа. Судьбы некоторых российских эмигрантов удалось выяснить только с помощью документов ЦА ФСБ России и СВР. Исторических работ по истории российской эмиграции первой волны в этот период было еще немного, только начиналась работа над известными сегодня энциклопедиями и базами данных. Запрашивали мы информацию и у чешских коллег, однако они мало чем нам помогли.

В 1999 г. справочник вышел в свет с посвящением «Коллегам — архивистам русской эмиграции», и можно сказать, что до настоящего времени его ценность не вызывает никакого сомнения. Конечно, за последующие годы появились новые изыскания и сведения, которые помогают дополнить характеристики документов, уточнить факты биографий ряда лиц, но нет предела совершенству. Если бы этот справочник перевести в электронную форму, его можно было бы дополнять и актуализировать постоянно, в том числе с участием пользователей. В эти же годы проводились различные конференции, организованные Ассоциацией по связям с соотечественниками за рубежом «Родина», Институтом истории СССР АН СССР, другими организациями, на которых пришлось выступать с сообщениями о судьбах архивов русской эмиграции, об использовании документов РЗИА и т. д. Следует упомянуть следующий факт. Как только стало известно о рассекречивании документов РЗИА, в архив приехал посол Чехословацкой Республики. Он высказал сомнение в правомочности нахождения в Москве этого архива, как он заметил, «созданного на чешские деньги». Но здесь его постигло разочарование — ему предъявили подлинный Государственный акт Чехословацкого государства о передаче РЗИА в дар Академии наук СССР.

25 мая 2002 г. состоялось представление нового директора объединенного Государственного архива Российской Федерации С. В. Миро-

ненко. На этом мероприятии также обсуждались и организационные вопросы, связанные с объединением двух архивов, кадровые и структурные изменения. С. В. Мироненко пришел в архив с уже заранее согласованными с руководством Роскомархива заготовками новой, отличной от других федеральных архивов структуры, в основе которой лежала идея создания центров. Мне пришлось возглавить Научно-информационный центр, принять участие в разработке концепции и форм организации работы архива в области использования архивных документов в новых условиях.

К этому времени относится и выработка так называемого Гуверовского проекта. На совещании в Роскомархиве мы впервые услышали о задумке столь грандиозного проекта с участием ряда федеральных архивов. Думаю, что архив вышел из этой ситуации с меньшими потерями, чем другие архивы. Кроме того, начатое в это время сотрудничество с Гуверовским институтом войны, мира и революции на долгие годы определило вектор сотрудничества, в первую очередь по реализации плодотворных проектов, связанных с пополнением коллекции микрофильмов архива копиями Русской коллекции Гувера.

В мае 1993 г. по приглашению руководства Роскомархива я перешла на работу в комитет на должность начальника отдела организации использования и публикации документов АФ РФ, где и проработала до ухода на государственную пенсию в сентябре 2009 г. Открылась новая страница моей служебной деятельности. Могу сказать, что годы работы в ЦГАОР СССР — ГА РФ были для меня самыми плодотворными. Мне пришлось влиться в новый коллектив, где работали прекрасные профессионалы и любящие архивный документ и архивное дело специалисты, удалось реализовать с их участием выставочные и публикационные проекты, участвовать в работе по демократизации доступа к архивным документам. Навсегда в памяти сохранятся имена ветеранов архива: Б. И. Каптелова, А. В. Добровской, И. Н. Владимирцева, Е. Л. Луначарского, З. И. Перегудовой, Н. В. Михайловой, Д. Н. Нохотович, С. В. Сомоновой, Н. С. Зелова, Б. М. Садовникова, И. Г. Новопашина, О. Н. Копыловой, К. Г. Ляшенко, Н. И. Румянцевой, Л. И. Петрушевой, Л. Г. Аронова, А. И. Барковец, Б. Ф. Додонова, Л. Ф. Пшеничной, Н. И. Абдулаевой, Н. В. Лепилкиной, А. И. Кокурина и многих других. Такой архив, как ГА РФ, для многих стал судьбой, единственным местом приложения сердца, ума, знаний и творческих устремлений. За прошедшие с момента реорганизации архива годы он прошел огромный путь, на котором было много сделано для повышения имиджа архива, поднятия престижа профессии архивиста, его востребованности обществом, личностью и государством. Архив живет, развивается и движется вперед. Успехов тебе, ГА РФ, на этом пути!

А. Л. Райхцаум

Райхцаум Александр Львович

(07.01.1933–20.04.2007). Историк-архивист. В 1955 г. окончил МГИАИ. После прохождения военной службы с января 1958 г. работал в справочном отделе ЦГАСА, с 1967 г. — в Министерстве приборостроения, средств автоматизации и систем управления, во ВНИИ-оргтехники. За разработку программ по делопроизводству был удостоен бронзовой медали ВДНХ СССР. Защитил в МГИАИ кандидатскую диссертацию о совершенствовании управленческого труда и делопроизводства в 1920-х гг. После расформирования ВНИИоргтехники работал в ЦГАОР СССР — ГА РФ,

возглавляя в 1988–1993 гг. отдел НСА. В последние годы работал в приемной ГА РФ, затем в фонде «Взаимопонимание и примирение». Публиковался в журналах «Библиотекарь», «Исторический архив», «Вестник архивиста» и в других архивоведческих, а также энциклопедических изданиях.

28 лет из 45

Ноябрь 1995 г.

Чтобы пояснить смысл этого заголовка, сразу же скажу, что 28 лет — это годы, отданные архивному служению, а 45 — это количество лет, проведенных на «государевой службе» на момент сочинения этих воспоминаний.

Свое вступление в архивную жизнь я отношу к августу 1950 г. В эти дни директор Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ) Николай Алексеевич Елистратов лично принимал всех, пожелавших сдавать экзамены в возглавляемый им институт. Запомнился он мне черным пробором, недобрый взглядом и сухостью тона. Он пообещал большие трудности на экзаменах и суровые условия работы (подвалы, церкви), выразив сомнение в моей способности эти трудности преодолеть. Поскольку перед этим я прошел медицинскую призывную комиссию, которая определила меня, в случае несдачи экзаменов, в Рязанское танко-техническое училище, то этими соображениями я поделился с директором, присовокупив, что, наверное, в танке не слаще, чем в под-

вале. Елистратов с этим согласился, но напомнил о сложности экзаменов. «Сколько набрать очков для гарантированного поступления?» — спросил я. «25 (это на 5 экзаменах)» — был ответ. Я набрал 25 очков.

Первый раз в архив я попал в 1953 г., когда на 3-м курсе проходил производственную практику. Здесь я убедился, что Елистратов был прав, говоря о размещении архивов в церквях, но совершенно не прав, говоря о сложности пребывания в них. Хотя мы были там и зимой, но никаких трудностей не встретили.

Архив, а это был филиал Московского областного АОР, размещался в Замоскворечье, в церкви Николы на Кадашах. Сейчас здесь восстановлен храм, а перед этим там размещался какой-то центр охраны памятников старины, а в наше время весь храм до самого купола занимали деревянные стеллажи, ярусов не менее двадцати, между ними были проложены подмости-палубы. Со стороны это напоминало машинное отделение океанского корабля, когда вокруг огромного двигателя по мосткам снуют мотористы. Вот и мы также сновали по этим мосткам и палубам, выполняя несложные задачи по розыску дел для наведения справок и для подготовки своих курсовых работ по археографии. Здесь я впервые узнал, что дела хранятся в обыкновенных связках, как книги при переезде с одной квартиры на другую; здесь же я совершенно случайно обнаружил среди материалов ударнического движения сведения о своем отце, который, будучи главным энергетиком 1-й ситценабивной фабрики (бывшая мануфактура Цинделя), добился общегородских рекордов по снижению «косинуса фи». Это прибавило мне чувства уверенности в правильности избранной мной стези. Хочу добрым словом вспомнить руководительницу нашей практики, Ольгу Алексеевну Гарьянову, которая своим вниманием и педагогическим тактом лишний раз подтвердила мысль о том, что архивисты — это особый вид людей, бескорыстно преданных своему делу, подающих примеры честного высококвалифицированного труда.

МГИАИ я закончил в 1955 г. Некоторые знания по части немецкого языка и отличный диплом принесли мне такое распределение, о котором сокурсники в то время отзывались очень и очень уважительно: я получил назначение в Государственный артиллерийский музей в г. Ленинграде с окладом в 1 200 руб. (стипендия студента-отличника на 5-м курсе составляла 275 руб.) и с предоставлением отдельной жилплощади. Однако пожить в Питере мне так и не удалось.

Пришла повестка на службу в армии. Надо было отдавать долг Родине, как напутствовал меня Кировский райвоенком г. Москвы гвардии полковник Разгильдяев, сидевший в тесном кабинете здания бывшей мечети на Большой Татарской улице. Кстати, теперь райвоенкомат в другом месте, а мечеть отреставрирована на деньги благочестивых шейхов из Объединенных Эмиратов и теперь используется по прямому назначению.

Служба моя проходила в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО), по-военному в в/ч п/я 13. Находится он в подмосковном городе Подольске. Для сохранения военной тайны автобусная остановка возле архива называлась «Калужское шоссе», хотя спроси любого в Подольске — где тут архив Министерства обороны — и любой указал бы, где этот архив находится.

В архиве я уже по-настоящему занялся настоящей архивной работой, хотя пару месяцев перед этим проходил курсы молодого бойца, запомнившиеся мне ужасной бестолковщиной занятий и полным отсутствием даже минимальных бытовых удобств. Слава Богу, молодой был...

После этих курсов до самого окончания службы являлся рядовым роты писарских учеников. Писарей в архиве было 4 человека, по одному на роту писарских учеников, пожарную команду, хозвзвод и роту охраны. Писарь в армии — это должность сержантская, серьезная...

Первой архивной работой, которую мне довелось выполнять, стало исполнение запросов о сроках вхождения частей в Действующую Армию (ДА). В то время Н. С. Хрущев по решению одной из Женевских конференций приказал сократить армию на 640 тыс. чел., так называемые «жертвы Женевы — ЖЖ 640». Если увольняемому в запас офицеру не хватало стажа для выслуги лет, то наш архив мог прийти ему на помощь, подтвердив вхождение его части в ДА. Тогда его стаж увеличивался ровно в 3 раза. Работа была очень напряженная и очень ответственная.

Я был направлен в 5-е хранилище 3-го отдела архива, где хранились документы всех специальных отдельных полков Красной армии за 1940–1946 гг., т. е. частей, не входивших в качестве штатных единиц в какие-либо соединения. В моем хранилище имелись материалы и широко известных частей (танковых, авиационных, лыжных, связи и т. п.), и таких экзотических, как, например, полк вожатых собак — истребителей танков.

Работа осложнялась двумя причинами: слишком много было запросов и слишком плохо было организовано хранение материалов. Наше хранилище занимало первый этаж бывшей трехэтажной казармы. Это было помещение длиной где-то около 100 метров, высотой около 5 метров, заставленное многоярусными деревянными стеллажами, на которых лежали десятки тысяч связок дел. Каждая из них была завернута в плотную бумагу. Кстати, в АОРе, где мы когда-то проходили практику, пачки не завертывались и были весьма запылены. Здесь же достать дело было занятием не из простых: сначала надо было разыскать пачку. Затем развернуть ее, извлечь нужное дело, затем возвратить его на место, потом снова завернуть пачку и положить ее на прежнее место. Номинально это стеллажное царство было разбито на участки, которые закреплялись за солдатами, но подневольный труд, как известно, полезных плодов не приносит, и по-

рядка на стеллажах было мало. Очень много времени уходило на поисковые процедуры.

Хотелось отметить, что в то время существовали большие различия в отношении к поступающим запросам. Если приходило письмо непосредственно от заявителя, а не от учреждения, то такому письму открывалась зеленая улица, оно исполнялось в первую очередь, и даже учет этих писем велся отдельно. Что касается запросов от учреждений, то для их исполнения широко применялись заранее изготовленные штампы, к которым прибегал еще незабвенный Полыхаев из «Золотого тельца». Правда, наших штампов было поменьше, но значимость их была куда выше — это точно. Здесь применялся принцип «экспресс-ответа», который в делопроизводстве до 1970-х гг. преподносился как нечто новое. Его суть в том, что штамп-ответ наносится прямо на запрос. Это ускоряет подготовку и удешевляет отправку. В качестве основания под штампом и ответом указывались номера описей (фондирование в ЦАМО проводилось своеобразно), дел, листов или инвентарный номер справочника, по которому наводилась справка.

После справок я был переведен на ту работу, которая впоследствии заняла целый период моей архивной жизни, на усовершенствование научно-справочного аппарата (НСА). Первоначально НСА Подольского архива составляли только описи, причем в большинстве своем сдаточные. По мере совершенствования работы архива совершенствовался и его НСА, дело дошло до справочников. Мне довелось готовить справочник о вхождении в состав ДА отдельных частей в том же хранилище, где я начинал проходить службу. Приятно было узнать спустя много лет, что составленный мной справочник танковых, авиационных и лыжных полков продолжает использоваться.

Теперь остается сказать об отце-командире, который был моим первым архивным начальником, да к тому же и начальником военным. Со штатским начальником можно подискутировать, а с военным... Яков Петрович Смирнов, полковник административной службы, был старый служака, без военного образования достигший этого звания — потолка своей карьеры, которую он заканчивал в архиве. Жаждал ли он большего? Не знаю, но к нам, солдатам с высшим образованием, относился точно так же, как и к тем, кто попал в архив из оренбургских степей. Без конца разъяснял ставящееся им задание, его значение и важность, и напоминал об ответственности за надлежащее его исполнение. За упущения — наказывал, за достижения — не поощрял.

За ревность к службе меня затем перевели на самую ответственную работу, которая только может быть в архиве, на описание документальных материалов. Мне представляется, что эта работа во многом предопределяет как судьбу описываемых материалов, так и деятельность архива, где

они будут храниться. Я был очень горд тем, что мне доверили такую работу, и старался, как мог.

Довелось описывать материалы двух армий, 35-й и 36-й. Во время Великой Отечественной войны эти объединения находились на Дальнем Востоке и в боевых действиях участвовали только при нападении на Японию в августе–сентябре 1945 г. По материалам этих армий я в какой-то мере уяснил, каким огромным людским потенциалом располагала наша страна во время той войны: ведь помимо этих армий на Дальнем Востоке находилось по меньшей мере еще 4 общевойсковые армии.

В ходе работы проверялось соответствие заголовков дел по сдаточным описям реальному содержанию этих дел. Увы, каждое второе дело приходилось описывать заново. Впрочем, могу утверждать, что и сейчас подобная сверка в хранящихся делах центральных архивов обязательно принесла бы положительные результаты. Помимо уточнения заголовков дел велось и уточнение структуры описей по этим армиям.

Мой новый начальник, майор Валентин Александрович Борисов, оказался соседом по жилью на воле. Наши разговоры в основном об этом и велись, а в остальном он мне доверял, и я его не подводил.

К моменту завершения этой работы подошло и время демобилизации. После сдачи экзаменов по специфическим армейским дисциплинам мне было присвоено воинское звание «младший лейтенант административной службы», и я был уволен в запас. Приятно вспомнить, что приказ о демобилизации нашей группы новоиспеченных офицеров подписал маршал И. С. Конев.

Уволен я был в декабре 1957 г., а уже в январе 1958 г. вышел на работу, первую в своей жизни работу по найму, в Центральном государственном архиве Советской армии (ЦГАСА). Был направлен в 1-й отдел. Не надо путать его с 1-м отделом в других учреждениях, где он исполняет функции секретной части. В ЦГАСА же была принята цифровая система индексации отделов, и в 1-м отделе хранились фонды высших армейских объединений. В отделе, как и в Подольске, мне поручили работу по справкам. Думается, что справочная работа имеет ряд преимуществ для вновь поступившего в любой архив: во-первых, он, не имея каких-либо навыков по работе в этом архиве, не только будет усваивать уже имеющийся здесь опыт, но и сможет привнести в этот опыт что-нибудь свежее; во-вторых, он на практике ознакомится с частью документальных материалов и получит представление об их значимости и содержании; в-третьих, здесь приобретается опыт оперативного выполнения задания, что не всегда случается в обычной практике других архивных работ.

В справочной работе тех времен в ЦГАСА, на мой взгляд, имелся серьезный недостаток, когда исполнителю запросы поступали уже с требованиями на необходимые для исполнения материалы. Из справочного

отдела письма и запросы поступали в отдел НСА, каталог, где и выписывались упомянутые требования. Недостаток этой системы состоял в том, что исполнитель лишался возможности самостоятельно выбирать пути решения поставленной перед ним задачи. По сути дела, исполнение любой справки представляет собой исследование, в ходе которого необходимо, после постановки задания, самостоятельно выбирать наиболее рациональные пути его решения. В нашем же случае он (исполнитель) такого права лишался. В результате возникало немало случаев, когда заявитель получал отрицательный ответ, хотя имелась возможность для ответа положительного. Например, специалист каталога выписывает для просмотра только материалы по личному составу (приказы, именные списки, раздаточные ведомости), тогда как необходимая информация может содержаться и в других материалах, например хозяйственных. Мои предложения по совершенствованию справочной работы, к сожалению, тогда учтены не были.

Что касается меня, то навыки справочной работы, полученные в Подольске, и знания по истории Гражданской войны (именно по этому периоду и шел основной поток запросов), полученные в институте, помогали без особого напряжения выполнять задания с превышением нормы при высоком качестве. Усердие мое не осталось незамеченным, и вскоре я возглавил справочную бригаду из недавних выпускниц средней школы, которым я передавал ту часть своих знаний, которая могла им пригодиться.

Завершив справочную эпопею, я был возвращен в 1-й отдел, где приступил к совершенствованию имевшегося НСА, к работе, о значимости которой я уже говорил. Наиболее удачными мне представляются работы по фондам «Запасная армия Республики» и «Управление Московского военного округа», по итогам которых были созданы комплекты информационно насыщенных описей и вспомогательных исторических справочников, используемые и поныне. Доводилось мне и руководить практикой студентов МГИАИ. Среди них был рослый юноша спортивного типа, Борис Иванович Каптелов. Отличался он обязательностью и открытым нравом. Еще раз мы с ним встретились на уборке моркови и картофеля под Серпуховом, куда он уже попал как сотрудник ГАУ СССР. Вспоминаются его трудовое усердие, терпеливость по отношению к непростым условиям полевой жизни. Кто мог подумать, что впоследствии мне вновь придется работать с ним, но уже под его началом?

Нельзя не вспомнить об архивистах, под началом которых я отправился в свой гражданский архивный путь. Первым моим штатским архивным начальником был Анатолий Павлович Кладт, один из немногих выпускников МГИАИ, который в июле 1941 г. был призван в Красную армию, стал артиллеристом, был тяжело ранен, возвратился и начал работать в архиве. В те годы архивы находились в ведении НКВД, и архивное ру-

ководство имело воинские звания внутренней службы, так, начальник Главного архивного управления (ГАУ) МВД СССР Г. А. Белов был полковником, мой же начальник был майором. Для меня после Подольска это было очень удобно, там «товарищ майор» и здесь «товарищ майор», тем более что Анатолий Павлович часто хаживал на работу в форме, в которой выглядел настоящим полевым командиром из штатских. Был он доброжелателен, ироничен. Мне казалось, что он тяготится своей должностью, считая, что достоин лучшей участи. Будущее показало правоту моих домыслов: А. П. ушел в ГАУ на административную работу с повышением, а в свободное от занятий время вкупе с другим архивным начальником, В. А. Кондратьевым, стал пописывать на общеисторические темы документальные повествования, лучшее из которых, «Быль о золотом эшелоне», было использовано при съемках известного фильма «Золотой эшелон». После А. П. Кладта моим начальником стала Татьяна Александровна Иллерицкая, перешедшая в ЦГАСА из ЦГАОРа. Очень знающая, внимательная к сотрудникам, рассеянная и очень доброжелательная. Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление от темы и сказать, что доброжелательность, на мой взгляд, являлась главенствующей чертой архивистов моего и предшествующих поколений. Могли быть разными теоретические и практические знания, могли быть разными точки зрения по различным вопросам, но доброжелательность всегда оставалась неотъемлемой чертой архивиста тех лет. Теперь, на мой взгляд, не так, хотя это мое суждение может кому-то показаться спорным, но, по-моему, правда моя, к сожалению, очевидна.

Именно Татьяне Александровне я обязан своей публикаторской карьерой, которая продолжается (с некоторыми перерывами) до настоящего времени. Именно Татьяна Александровна не только подсказала, что есть такой захватывающий вид архивной работы, как выявление интересных документов, их обработка и публикация в печати общей и специальной. Она вдобавок и предложила для публикации письмо адмирала Колчака одному из его генералов с пессимистической оценкой создававшейся ситуации. Письмо это было опубликовано в журнале «Исторический архив» и, помимо чувств законной гордости и глубокого удовлетворения, принесло мне радость знакомства и творческого общения с Владимиром Николаевичем Автократовым, возглавлявшим журнал в те поры. Он не только сделал все, чтобы из моих писаний получился материал, пригодный для публикации, но и в дальнейшем неоднократно помогал мне, щедро делясь своими обширными научными познаниями.

Впоследствии мне довелось работать совместно с В[ладимиром] Н[иколаевичем] в оргкомитетах двух всесоюзных конференций. Здесь я убедился в том, что он был не только настоящим ученым с глубокими и оригинальными мыслями, но и отличным организатором, знакомым со

всеми премудростями управления. С большим тактом он относился к попыткам многих авторов занять на конференциях место чуть большее, чем им полагалось в соответствии с их сочинениями, и умел деликатно выходить из назревавших было конфликтов исключительно за счет своих терпения и корректности.

Сложилось так, что после ухода Татьяны Александровны место начальника 1-го отдела занял ее муж, Борис Евгеньевич Иллерицкий. Веселый, жизнелюбивый, он удивил меня своим умением играть на балалайке. Что ни говорите, но талантов архивистам не занимать. После Иллерицких у руководства отделом стояли бывшие офицеры Подольского архива Е. И. Елисеев и Б. Г. Дробот.

Не могу не назвать сотрудников отдела, которые своим отношением к труду показали мне хороший пример. Я хотел бы вспомнить Клару Ивановну Коробову и Людмилу Ивановну Рославцеву, неутомимых, внимательных, отзывчивых. Особенно хотелось бы сказать об архивно-технической служительнице Александре Терентьевне Бесчетвертных. Вот уж образец доброты в отношениях, обязательности, глубокой преданности делу. При ней даже подумать было неудобно, чтобы схалтурить, сделать что-то не так, как положено. Прекрасные люди, настоящие архивисты.

В силу ряда причин в 1967 г., отработав в ЦГАСА 9 лет, я перешел на работу в другое ведомство, Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления или Министерство ПСА и СУ, сокращенно Минприбор. Это был настоящий монстр среди других министерств и ведомств, вызванный к жизни связями и влиянием Константина Николаевича Руднева, долгое время возглавлявшего Государственную комиссию по космическим стартам. Это ему докладывали об итогах полетов Юрий Гагарин и другие командиры космических кораблей. Так вот, его усилиями возникло министерство, включившее в свой состав, помимо главков точного машино- и приборостроения, такие объединения, как Союзювелирпром (ему подчинялись все ювелирные фабрики и заводы СССР) или Союзаналитприбор, предприятия которого выпускали лабораторную посуду. В Минприбор входило и объединение по выпуску средств механизации и автоматизации управленческого труда, оргтехники, у которого имелся головной институт, ВНИИОргтехники, куда я и перешел работать.

Никоим образом не следует считать, что, перейдя во ВНИИОргтехники, я порвал с архивным делом. Я стал сотрудником того отдела института, который занимался разработкой комплексных проектов механизации и автоматизации управленческого труда, а в них важное место отводилось вопросам делопроизводства и архивов. В соответствии с этими проектами были реорганизованы делопроизводство и архивы в таких солидных учреждениях, как Госплан СССР и РСФСР, Госкомитет СССР по науке и

технике, ГКЭС, ВДНХ СССР, Моссовет и другие. Не забывал про архивы я и тогда, когда принимал участие в разработке межотраслевых (Госнаука, ГАУ СССР, Минприбор) программ по единой государственной системе делопроизводства (ЕГСД) и унифицированной системе организационно-распорядительной документации (УС ОРД). Значимость этих программ была подтверждена присуждением им золотых медалей ВДНХ СССР, а мне участие в их разработке принесло медали бронзовые.

Наконец, работая во ВНИИоргтехники, я на правах прикрепленного к аспирантуре МГИАИ защитил диссертацию «Совершенствование управленческого труда и делопроизводства в 20-х годах органами вневедомственной рационализации». Она была подготовлена по документальным материалам ЦГАОР СССР, ф. Р-4084 «Институт техники управления НК РКИ СССР». Занимаясь в читальном зале архива, я как бы вновь посетил «тот уголок», где провел целых девять лет, и с огромной радостью убедился, что не изменились пока архивисты (это был конец 1970-х гг.), по-прежнему они дружелюбны и отзывчивы.

В результате перестройки ВНИИоргтехники, где за 19 лет я прошел путь от старшего инженера до заведующего подотраслевой лабораторией, был расформирован. Встал вопрос о трудоустройстве, в ходе решения которого я вновь оказался в столь привычном для меня архивном мире, я пришел в ЦГАОР СССР.

В архиве я занял должность заведующего отделом НСА и с усердием принялся за дело, тем более что я знал и предмет, и большинство сотрудников архива, с которыми мне предстояло контактировать. Особенно удачным мне показался дуэт двух замдиректоров, где знания, стремление к порядку и дисциплине, весьма необходимая в архивном деле пунктуальность Анастасии Владимировны Добровской, ее огромный опыт архивной работы сочетались с пылкостью Татьяны Федоровны Павловой, ее стремлением внести что-то новое в установившиеся архивные каноны. Солиден в роли директора был и мой ранний знакомец, Борис Иванович Каптелов, к сожалению, рано покинувший нас.

В отделе я встретил Александру Ивановну Цветкову и Ревекку Яковлевну Бусс, корифеев архивного дела, с которыми не страшны были любые задания. Их знания, обаяние, готовность всегда прийти на помощь позволили в самом скором времени погасить все долги, которые накопил отдел при Михаиле Юрьевиче Дробинине. Ему, верней всего, архивное дело было не по душе, что он и подтвердил, уйдя в коммерческие структуры, оставив при этом не согласованные со здравым смыслом планы работы отдела. Нам удалось преодолеть все эти недостатки, добившись стопроцентного выполнения всех плановых заданий. В этом, как водится, была заслуга всего коллектива отдела, среди сотрудников которого назову Льва Григорьевича Аронова, пришедшего в архив после истфака

Воронежского университета, проявившего большую заинтересованность в новой работе и со свойственной ему энергией овладевшего многими тайнами архивного дела, особенно в части государственного учета документов, где он преуспевает и на момент сочинения этих записей. Назову Татьяну Леонидовну Дементьеву, пришедшую к нам из детского сада, где она была воспитательницей, которая, работая в нашем отделе, сумела закончить вечернее отделение МГИАИ, выйти замуж (стала Яковлевой), родить сына и во всех этих перипетиях сохранила доброжелательность, умение хорошо и быстро работать, чувства порядочности и обязательности; Татьяну Алексеевну Сергиенко, нашу заочницу, более 5 лет проработавшую по вечерам, но, тем не менее, всегда выполнявшую плановые задания на достаточном уровне; Владимира Игоревича Широкова, пришедшего к нам с учительским стажем, но стремившегося и сумевшего постичь архивные премудрости.

Среди сотрудников, покинувших отдел, но много и полезно работавших в нем, припомним Андрея Сумарокова, пришедшего к нам из ЦГАСА, стяжавшего славу строгого ревизора месткома и прельстившегося на миллионную (в те времена) зарплату в Центробанке России; Владимира Воронкова, возглавлявшего в архиве борьбу против пьянства, добившегося асфальтирования волейбольной площадки близ здания архива и перешедшего в сверхпрестижный по тем временам общий отдел ЦК КПСС; Владимира Владимировича Нардина, человека с незавершенной архивной судьбой, покинувшего нас ради сомнительных преимуществ ВНИИДАДа, но и там не нашедшего своего счастья; Марка Евгеньевича Голостенова, сумевшего занять свою нишу и остающегося в ней при любом руководстве; Веру Миграновну Воскерчмян, пришедшую к нам из хозрасчета и ушедшую от нас на заслуженный отдых. Вот в основном те люди, с которыми мне довелось работать вплоть до перехода на новое место.

Сюда же надо отнести и Михаила Юрьевича Катина-Ярцева, сына известного артиста, увлеченно начинавшего было работать, но призванно-го в армию и оттуда к нам так и не возвратившегося; Елену Викторовну Лихареву, некогда уже работавшую в ЦГАОРе, прошедшую затем многие должности в иных организациях, возвратившуюся к нам, работавшую с большим интересом, но вновь ушедшую искать лучшей доли, на этот раз в коммерческих структурах; Ирину Вадимовну Анохову, умудрившуюся заняться столь не характерным для архивистов занятием, как приписки, но в основном работавшую с предусмотренным планом усердием, также покинувшую нас для работы в только что созданном Миннаце.

Вот и все те люди, с которыми я работал в течение всей своей службы в ЦГАОР — ГА РФ. Все они обладали, по крайней мере во время нашей совместной работы, теми положительными качествами архивиста, о которых я уже говорил: все они честно и добросовестно, одни более заинтере-

сованно, другие — менее, работали над нашим общим делом, развитием и совершенствованием НСА. Надеюсь, что и мое руководство тоже кое-что значило.

За время моей работы отделу удалось подготовить ряд справочников, которые в той или иной мере до сих пор помогают исследователям в их работе с материалами архива. Это прежде всего путеводитель в 2 томах «ЦГАОР СССР», основанный на тех сведениях о материалах архива, которые были введены в общеархивную автоматизированную систему информации, АСНТИ. В результате ошибки, заложенные в представлявшиеся сведения, усугубленные ошибками работников АСНТИ, привели к определенному искажению информационного образа архива. Достаточно сказать, что отделом было выявлено и исправлено более тысячи ошибок фактического характера, но ошибки методического и концептуального характера перешли и во вновь созданный справочник. Вместе с тем, принимая во внимание, что предыдущий справочник такого типа был выпущен 20 лет тому назад, можно оценить новое издание положительно. Многое было сделано для расширения и улучшения каталогов архива, которые, на мой взгляд, по своей информативности и удобству пользования могут считаться одними из лучших среди каталогов других госархивов. По моему мнению, каталогизация является наиболее перспективным методом информирования о составе и содержании документальных материалов любого архива, особенно в случае разумного применения при этом средств современной техники.

Создание на базе двух архивов, ЦГАОР СССР и ЦГА РСФСР, нового архива, Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), привело к организации нового отдела, в котором имелось три сектора, один из которых был полностью нацелен на внедрение электроники в процессы работы архива и практически из ведения отдела вышел. На мой взгляд, более целесообразным стало бы выделение этого сектора в самостоятельное подразделение, в работе которого были бы предусмотрены участки, связанные с НСА. Считаю, что внедрение электроники в систему НСА требует достаточно проработанных программ, учитывающих совмещение традиционных и электронных методов работы по созданию, ведению и совершенствованию НСА. Нарботка практического опыта может подсказать и еще какие-то новации в этом деле.

Мне же в этот период довелось возглавить практическую работу по созданию межархивного справочника о документах Русского заграничного исторического архива в Праге, которые в результате деятельности ГАУ СССР оказались рассредоточены по разным архивам и, как теперь выясняется, по разным странам. Удалось получить почти полную информацию обо всех переданных фондах, осталось теперь в срок и качественно описать фонды, хранящиеся в ГА РФ. Значение этой работы трудно переоценить,

ведь с ее помощью будет введен в исторический оборот огромный пласт почти неизвестных источников по истории русского зарубежья. Очень важное и нужное дело.

Были также начаты работы по созданию нового, более полного, путеводителя по архиву с учетом как расширения состава хранящихся материалов, так и более высокой степени научно-технической обработки хранившихся и вновь поступивших материалов. Мне довелось участвовать в составлении практически всех томов этого издания. В I томе, где описывались материалы досоветского периода, мне был поручен раздел фондов периода Временного правительства, во II томе — раздел фондов комиссий и наркоматов довоенного периода. Остался невостребованным еще один проект, справочник о НСА архива, который практически был подготовлен усилиями не только нашего отдела, но всех без исключения подразделений архива, и отрецензирован таким знатоком НСА архива, как А. В. Добровская. Думается, что еще придет и его время, поскольку его полезность для исследователей, да и для самих сотрудников архива, очевидна. Об этом, кстати, говорилось и на читательской конференции зимой 1994 года.

В январе 1993 г. мне исполнилось 60 лет, 43 из которых я провел на «государевой службе», в том числе 14 — в архивах. Был издан приказ по архиву, в котором отмечалось мое усердие на архивной стезе. Вскоре после этого меня перевели на должность ведущего архивиста и поручили полностью сосредоточиться на справочнике по РЗИА. Верховное руководство оставалось за Т. Ф. Павловой, которая к тому времени перешла в Комитет по делам архивов при Правительстве РФ (Росархив) и руководила, так сказать, дистанционно, получая от нас характеристики фондов и возвращая их со своими наизданиями. Непосредственное участие в составлении характеристик фондов РЗИА принимали Володя Широков, уже упоминавшийся, и сотрудники хранилища белогвардейских и эмигрантских фондов: его заведующая Лидия Ивановна Петрушева, очень ревностно относившаяся к любому материалу, исходящему из вверенного ей подразделения; Николай Игоревич Владимирцев, сочинявший добротные характеристики, но снизивший темпы участия в связи с переходом на руководящую работу в другое подразделение; Елена Геннадиевна Широкова, исключительно заинтересованно относившаяся к работе, хотя и была чрезвычайно загружена на других участках. Вот этим славным коллективом нам и удалось добиться выполнения важнейших работ по справочнику.

В августе 1994 г. в силу ряда причин я второй раз покинул архивное поприще и перешел на работу в другую подотрасль государственного аппарата управления. Однако мне удалось продолжить работу по справочнику РЗИА благодаря участию нового замдиректора, Алии Исхаковны

Барковец, изыскавшей возможность для дальнейшего моего участия в этой работе, и нового заведомо НСА, Ольги Николаевны Копыловой, помогшей решить организационные и т. п. вопросы. Так что и теперь моя жизнь в архиве продолжается, я этому очень рад и надеюсь, что еще смогу быть полезным архивному делу, которому я отдал лучшие годы своей жизни.

ГА РФ. Ф. 8370. Оп. 13. Д. 22. Л. 1–25. Автограф.

Ю. Н. Богданов

Богданов Юрий Николаевич

(р. 14.12.1937, г. Луга Ленинградской обл.). Член Общества изучения истории отечественных спецслужб, военнослужащий, специалист по эксплуатации автоматического, электро- и приборного оборудования летательных аппаратов; инженер-электрик. Окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Жуковского, кандидат технических наук, полковник-инженер. Начальник научно-исследовательской лаборатории Военной академии им. Дзержинского (1977–1985 гг.). Автор более 120 научных трудов. Автор книг

«Министр сталинских строек. 10 лет во главе МВД» (2006), «Строго секретно. 30 лет в ОГПУ–НКВД–МВД» (2002). Награжден орденом «Знак Почета» и десятью медалями.

Воспоминания о творческом сотрудничестве с Александром Ивановичем Кокуриным

Декабрь 2009 г.

15 марта 2009 г. ушел из жизни замечательный архивист-исследователь, энтузиаст документального изложения истории нашей страны, добросовестный приверженец изучения архивных материалов, связанных с работой органов ОГПУ–НКВД–МВД, член Общества изучения истории отечественных спецслужб Александр Иванович Кокурин.

Случилось так, что с 1996 г. судьба достаточно тесно связала меня в творческом плане с Александром Ивановичем, и мы более десятилетия плодотворно сотрудничали, взаимно помогая друг другу и бескорыстно делясь своими познаниями и находками в области деятельности органов внутренних дел, а также работы и личной жизни ряда руководителей этого ведомства. Бесконечно скорбя в связи с безвременной кончиной Александра Ивановича Кокурина, я хочу поделиться своими воспоминаниями о нашей дружной и очень интересной работе.

Началось все с того, что в 1990 г. в газете «Щит и меч» была напечатана статья одного доктора исторических наук, в которой он, в соответствии с тогдашней модой, беспощадно громил брошенного «соратниками» на поругание Лаврентия Павловича Берия. При этом в разделе 7 данной статьи, в частности, было написано, что в марте 1953 г., когда Л. П. Берия стал министром объединенного МВД и МГБ, этот «мастер интриг» представил в «ЦК КПСС. Тов. Хрущеву Н. С.» список, содержащий «82 фамилии генералов и полковников», которых просил «утвердить министрами внутренних дел республик, начальниками краевых и областных управлений МВД». В числе этих назначенцев находился и мой отец, генерал-лейтенант Н. К. Богданов. Продолжая свои предыдущие «разоблачения», автор статьи задался вопросом: «Что же за люди были в этом списке, на кого Берия опирался в реализации своих замыслов?» И в качестве негативного примера избрал именно моего отца: «Начальником Ленинградского УМВД, одного из важнейших в стране, он предложил назначить (а фактически уже назначил) Н. К. Богданова, работавшего с 1948 года заместителем министра внутренних дел СССР». Далее доктор исторических наук, чтобы подтвердить свои изыскания, решил «восстановить подлинный облик Богданова», а потому весь служебный путь моего отца представил в весьма нелицеприятном, негативном свете. Ссылаясь на «беспристрастные архивы», автор статьи, не пытаясь, как это положено, установить сущность найденного им «любопытного документа», использовал его лишь как скандальный материал, чтобы показать, что в тех «бедах», которые Берия «мог натворить еще в дополнение к уже совершенным», не последнюю роль «играла должность начальника УМВД в таком городе, как Ленинград, а также личность угодного ему Богданова». В подтверждение правильности своих выводов историк написал: «Чтобы не возвращаться к этой истории, уточним, что 9 марта 1959 года коллегия МВД СССР приняла решение об увольнении генерал-лейтенанта Н. К. Богданова из органов по служебному несоответствию за допущенные нарушения социалистической законности. Прямо скажем, легко отделался. Свыше 10 лет назад он скончался».

Эта статья своей предвзятостью и несправедливостью страшно возмутила нас, вдову Николая Кузьмича, мою маму Нину Владимировну, и сы-

новой — старшего, Владимира Николаевича, и меня, младшего сына. Мои мама и брат добились даже встречи с автором статьи, чтобы высказать ему свое несогласие с приведенной выше трактовкой событий, поскольку знали, как много Николаю Кузьмичу пришлось выстрадать за время службы именно в связи с его стремлением во всем добиваться справедливости. Но доктор исторических наук ушел от прямого ответа, сославшись на то, что ему «материал дали» и он просто его использовал.

В том же 1990 г. умерла мама, а через два года ушел в мир иной мой брат. И вот я остался один с болящей в душе раной, совершенно не представляя себе, как защитить честь своего незаслуженно поруганного отца.

Опуская излишние подробности, сразу скажу, что в 1996 г., когда я пытался собрать материал, позволявший восстановить доброе имя моего отца, меня познакомили с Александром Ивановичем Кокуриным. Позднее я так написал об этом: «При нашей встрече не ясно было, кому из нас двоих больше повезло: мне, поскольку я повстречал серьезного энтузиаста архивного дела (как раз и работавшего с документами НКВД–МВД СССР), чуткого и внимательного человека, или Александру Ивановичу, который воочию увидел сына одного из “героев” своего фонда хранения, твердо намеренного “покопаться в архивной пыли”. Мне было очень приятно, что “ветеран органов внутренних дел Н. К. Богданов” не был для архивного сотрудника *неизвестной личностью*: Александр Иванович давно уже систематизировал материалы (вел картотеку) на бывших руководящих работников по вверенному ему наркоматовско-министерскому фонду ГА РФ». К имевшимся в распоряжении Александра Ивановича официальным материалам я смог в наших беседах добавить свои личные впечатления о ряде руководителей, с которыми работал мой отец и с семьями которых мы дружили, а со здравствующими ныне детьми поддерживаю добрые отношения до сих пор. В число таких персонажей из обширной картотеки А. И. Кокурина входили: Алексей Никитич Бабкин, Сергей Никифорович Круглов, Сергей Иванович Огольцов, Авраамий Павлович Завенягин, Федор Петрович Харитонов, Михаил Иванович Журавлев, Василий Степанович Рясной, Михаил Николаевич (Нифонович) Головков, Сергей Григорьевич Серебряков, Михаил Петрович Щербаков.

Целью моего архивного поиска был сбор документальных материалов, которые позволили бы мне написать статью, опровергавшую упомянутую выше публикацию в газете «Щит и меч» и защищавшую честь дорогого мне человека. Однако Александр Иванович «сразу обрушил на меня гору архивных дел, в которых буквально заставил в подлинниках просмотреть все приказы и распоряжения, касавшиеся моего отца». Материалов набралось так много, что Александр Иванович твердо сказал: «Надо писать книгу, а не статью», — и тем самым «благословил меня на *этот ратный подвиг*».

Александр Иванович Кокурин прекрасно знал структуру Государственного архива, грамотно и четко ориентировался в фондах хранения. Стоило рассказать о каком-либо помнившемся мне событии из служебной деятельности отца, как неутомимый архивист начинал настойчивый поиск и обязательно находил документальное подтверждение в виде приказа, докладной записки или письма. Своими семимильными шагами Александр Иванович стремительно перемещался по длинным коридорам Государственного архива, часто увлекая и меня за собой, чтобы в каком-то хранилище найти еще что-то полезное для моей работы. Так, в одном фонде были обнаружены 5 листов компрометирующего материала на моего отца. Этот компромат в упомянутой выше статье в газете «Щит и меч» как раз и расписал в подробностях доктор исторических наук (на листе использования есть его подпись).

Скажу откровенно (да простит меня дирекция Госархива), что, имея в течение многих лет пропуск в читальный зал, я практически не работал в его стенах. Александр Иванович всегда находил для меня местечко возле своего служебного стола, чтобы иметь возможность оперативно поставлять мне нужные для работы материалы. Постоянно интересовался Александр Иванович и новинками литературы — многочисленные поступления в библиотеку оказывались прежде всего в его распоряжении, и он беспрепятственно позволял мне ими воспользоваться.

Как-то Александр Иванович сообщил мне, что в Санкт-Петербурге вышла книга автора В. И. Бережкова «Питерские прокураторы. Руководители ВЧК–МГБ. 1918–1954», в которой есть глава, посвященная моему отцу. Обзвонив многие московские магазины, он выяснил, что в столице эта книга продается только в одном небольшом книжном магазине на проспекте Мира. Мы сразу же вместе поехали туда, чтобы обзавестись новинкой. К нашему разочарованию, на прилавке остался только последний экземпляр. Конечно, Александр Иванович благородно уступил его мне, сказав: «Вам сейчас эта книга необходима». Действительно, в весьма эмоциональном произведении имелось много интересного, и одна глава посвящалась Н. К. Богданову. Вместе с тем в достаточно вольном повествовании были допущены и определенные серьезные огрехи, на которые я теперь смог обоснованно указать в своей книге, имея в руках большую документальную базу, созданную под покровительством Александра Ивановича.

Хочется рассказать еще об одном случае, который характеризует душевные качества Александра Ивановича, показывает его внимание к людям. В ГА РФ обратилась восьмидесятилетняя бывшая сотрудница Главного управления шоссейных дорог (ГУШОСДОР) МВД СССР Ольга Владимировна Васильева с просьбой помочь ей отыскать могилу некогда начальника этого главка генерал-полковника Карпа Александровича Пав-

лова, чтобы на старости лет возложить цветы благодарности своему руководителю, выручившему ее однажды из достаточно крупной неприятности. За это дело взялся Александр Иванович Кокурин, который нашел на Ваганьковском кладбище нужное захоронение и помог пожилой женщине выполнить ее миссию. Во время совместной поездки на кладбище Александр Иванович поинтересовался, не знала ли Ольга Владимировна другого начальника ГУШОСДОРа — генерал-лейтенанта Н. К. Богданова? Ольга Владимировна сказала, что прекрасно помнит и этого руководителя, у которого многократно бывала на личных докладах по служебным вопросам. Тогда Александр Иванович позвонил мне и предложил познакомить меня с сотрудницей ГУШОСДОРа, работавшей с моим отцом. На состоявшуюся встречу Ольга Владимировна пришла со своей подругой Лидией Сергеевной Гаврилиной. Обе бывшие сотрудницы сообщили мне массу интересных сведений о работе ГУШОСДОРа в послевоенные годы, когда его возглавлял мой отец, и положительно отзывались о самом начальнике главка Н. К. Богданове. Все эти материалы вошли в написанную мною книгу. Кроме того, женщины поделились со мной своими собственными житейскими историями, по которым впоследствии я написал статьи «Необычное ЧП» (послужившее причиной нынешней поездки Ольги Владимировны на Ваганьковское кладбище) и «Аэродромное крещение студентов МАДИ» (о студенческой поре Лидии Сергеевны, совпавшей с началом войны). Эти статьи были опубликованы в газете «Российский дорожник», которую я с удовольствием подарил Александру Ивановичу как «виновнику» состоявшегося альянса.

Естественно, что мне, инженеру по образованию, кандидату технических наук, нелегко было бы при написании книги о жизненном и служебном пути моего отца разобраться во всех хитросплетениях истории органов внутренних дел и госбезопасности, если бы не вышедшее в то время первое издание книги А. И. Кокурина и Н. В. Петрова «Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1960». Справочные материалы, хронология событий, представленные в этом фундаментальном труде, явились для неопытного «претендента в историки» буквально путеводной звездой. Большим подспорьем в работе оказались и документальные статьи в журналах «Свободная мысль» и «Исторический архив», написанные при соавторстве А. И. Кокурина. Приятно было для себя отметить, что в обширную статью «МВД: структура, функции, кадры», опубликованную в газете «Правда-5», Александр Иванович включил и те сведения, которые он получил от меня.

Проработав почти три года в ГА РФ и других архивах, в которые мне посоветовал обратиться Александр Иванович, я на основании собранных материалов за два года подготовил рукопись своей документальной книги об отце. Конечно же, на ее страницах теперь уже вполне объективно и

обоснованно досталось и автору упомянутой выше статьи в газете «Щит и меч». Полностью распечатанный на компьютере «фолиант» я первым делом представил своему дорогому куратору. Насколько внимательно Александр Иванович прочитал рукопись, говорит тот факт, что только в письменном виде им было сделано 315 замечаний, с которыми я в большинстве случаев согласился. Имевшиеся спорные вопросы решались нами в эмоциональных дискуссиях, в результате которых мы, как правило, приходили к взаимному согласию.

Теперь начались мои безуспешные поиски издательства, готового принять мой труд. И тут опять мне помог Александр Иванович, посоветовав обратиться в издательство «Вече». Здесь я достаточно легко нашел взаимопонимание с главным редактором, и в 2002 г. долгожданная книга «Строго секретно. 30 лет в ОГПУ – НКВД – МВД» вышла в свет. Сразу же эту первую свою документальную книгу с благодарственным автографом я вручил Александру Ивановичу Кокурину. По его совету передал один экземпляр книги и в библиотеку ГА РФ.

Кроме того, по собранным в архиве материалам я написал еще обширную статью «Послевоенный Гушосдор», которую опубликовали в нескольких номерах газеты «Российский дорожник». Однако это мое произведение Александра Ивановича не совсем удовлетворило, поскольку рассказывало о весьма ограниченном периоде истории главка. Он предложил совместно подготовить более пространный публикацию. На базе дополнительно представленных им архивных материалов мы в соавторстве написали большую статью «Гушосдор НКВД – МВД СССР и его руководители. 1935–1953 годы», которая, вместе с фотографиями, найденными Александром Ивановичем в архивных альбомах, поместилась на пяти полосах упомянутой газеты дорожников.

Но самым главным результатом моей работы под непосредственным покровительством А. И. Кокурина явилось то, что сосредоточенная у меня в руках доказательная база позволила мне обратиться к министру внутренних дел России с просьбой пересмотреть вопрос о несправедливом увольнении генерал-лейтенанта Н. К. Богданова из органов внутренних дел по служебному несоответствию, чего безуспешно при жизни добивался мой отец. Такое решение было принято, и теперь, во изменение прежнего приказа, Н. К. Богданов считается уволенным в запас по болезни.

Как-то Александр Иванович поинтересовался, не хотел бы я создать личный фонд Н. К. Богданова, некогда в ранге заместителя министра внутренних дел СССР наблюдавшего за работой данного Государственного архива? Конечно же, я согласился с такой идеей. И Александр Иванович познакомил меня еще с одним замечательным энтузиастом архивного дела Николаем Степановичем Зеловым. В результате в архивохранилище личных фондов государственных, общественных деятелей СССР и Рос-

сийской Федерации я передал на постоянное хранение биографические документы, переписку, фотоснимки Николая Кузьмича Богданова, которые находятся теперь в его личном фонде № 10145.

Какими словами можно выразить мою признательность Александру Ивановичу Кокурину за те добрые и бескорыстные дела, которые он для меня сделал? Да к тому же еще пробудил во мне неподдельный интерес к действительной, «документальной» истории нашей страны.

Несколько возвращаясь к началу моего знакомства с Александром Ивановичем Кокуриным, которое как раз совпало с тем периодом времени, когда в нашей стране царили беспредел и разруха, я считаю, что материально моему куратору жилось достаточно трудно, тем более с учетом нищенских зарплат, порой с задержкой выплачивавшихся персоналу архива. Но, приезжая каждый день ранним утром со станции «Машиностроитель», где он проживал (полтора часа только по железной дороге, потом метро с пересадкой), Александр Иванович не унывал и весь отдавался любимой работе. Значительно позже этот «энтузиаст архивного дела», как я его называл, рассказал мне, что для того, чтобы содержать семью, возвращаясь вечером «на малую родину», он шел в местное кафе, где подрабатывал в джаз-оркестре. Мало того, затем в ночную смену работал еще у станка на заводе. Часто, когда я просил Александра Ивановича просмотреть наработанные мною материалы, он отвечал: «Хорошо, прочитаю в электричке». При всех обстоятельствах любимое хобби у А. И. Кокурина было одно: история органов внутренних дел страны. Этому делу он был предан всей душой. Хотелось бы, чтобы и Министерство внутренних дел России, со своей стороны, оценило бы труд и подвижничество своего почитателя.

Как-то после окончания дачного сезона 2003 г. я зашел в ГА РФ, чтобы повидаться с Александром Ивановичем. На всех столах в его комнате лежали солидные стопки ксерокопий недавно рассекреченных архивных документов. Я поинтересовался, чем мой дорогой куратор занимается? Оказывается, вместе с Ю. Н. Моруковым он готовил к изданию сборники документов, в которых отображалась история крупнейших строек ГУЛАГа, ГУЛЖДС и Главгидростроя, входивших в состав ОГПУ – НКВД – МВД СССР. Каждой подборке документов предшествовала вводная статья, раскрывавшая историю строительства каналов, железнодорожных магистралей и добычи золота на Колыме. Александр Иванович любезно разрешил мне ознакомиться с этими статьями. Однако при чтении материалов мне не понравился достаточно однообразный стиль изложения информации. Я предложил свою помощь в редактировании написанного. С согласия Александра Ивановича занялся редакторской работой. Солидный труд «Сталинские стройки ГУЛАГА. 1930–1953» вскоре вышел в свет. С автогра-

фом автора-составителя А. И. Кокурина я получил в подарок том этого интересного документального труда. Во введении за помощь в работе мне, как и другим «друзьям и коллегам-историкам», были выражены признательность и благодарность.

В процессе работы над данным материалом я обратил внимание на то, что в отобранных для публикации документах весьма часто упоминалась фамилия министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова, на которого как раз и легла вся тяжесть ответственности за реализацию «великих сталинских строек». Я высказал Александру Ивановичу зародившуюся у меня мысль о том, что на основании имеющихся богатых материалов можно написать книгу об этом видном государственном деятеле советского времени, достаточно мало известном сейчас широкой общественности. Александр Иванович охотно поддержал меня и, помимо имевшихся, помог из других документов, не вошедших в публикуемый том, подобрать дополнительные материалы, непосредственно касавшиеся многогранной деятельности С. Н. Круглова. Я связался по телефону с Ириной Сергеевной, дочерью Сергея Никифоровича, и она, поддержав мой замысел, передала мне материалы своего семейного архива. На основании этих документов в уже упоминавшемся архивохранилище личных фондов государственных, общественных деятелей СССР и Российской Федерации был создан личный фонд С. Н. Круглова № 10146. Пользуясь собранным материалом, я написал документальную книгу о жизни и служебной деятельности Сергея Никифоровича Круглова, рукопись которой внимательно вычитал и одобрил Александр Иванович Кокурин. Вышедшую в 2006 г. в издательстве «Вече» книгу «Министр сталинских строек. 10 лет во главе МВД» с авторским автографом я подарил моему доброму куратору Александру Ивановичу.

На открытие тематической выставки в Центральном музее МВД России, посвященной 100-летию со дня рождения Сергея Никифоровича Круглова, в числе других гостей я пригласил А. И. Кокурина, который сделал много фотоснимков на этом торжественном мероприятии.

Совсем недавно у Александра Ивановича Кокурина вышел подготовленный им совместно с Н. И. Владимирцевым сборник документов «НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956)». Мне тоже удалось принять определенное участие в ходе этой работы, тем более что я тогда использовал часть документов по данной тематике при написании упомянутой книги о С. Н. Круглове. Получилось так, что с изданием готовой к печати рукописи возникли серьезные осложнения, и Александр Иванович очень нервничал, поскольку никак не удавалось договориться с издателями, требовавшими

сокращения обширного материала книги. А в это время как раз и начала у него в сильной мере проявляться коварная болезнь.

С изданием сборника Александру Ивановичу помог Ю. Н. Моруков, использовав возможности Объединенной редакции МВД России. В сентябре 2008 г. Александр Иванович радостно вручил мне свой долгожданный труд. Но тут же рассказал и о возникших у него серьезных проблемах со здоровьем. Последним, к великому сожалению, фундаментальным трудом А. И. Кокурина стала его совместная книга с В. А. Гончаровым «Гвардейцы Октября» об участии латышей, литовцев и эстонцев в создании Красной армии и органов ВЧК–ОГПУ–НКВД.

Чуть возвращаясь назад, отмечу, что Александр Иванович всегда стремился участвовать в различных форумах историков, сам выступал с докладами, посещал презентации новых книг. В 2006 г. вместе мы побывали на презентации книги «Завенягин. Личность и время» о легендарном директоре Днепропетровского, Магнитогорского, Норильского комбинатов, заместителе наркома внутренних дел СССР, занимавшемся атомным проектом, министре среднего машиностроения СССР А. П. Завенягине. Ранее я познакомил Александра Ивановича с частью рукописи этой книги, написанной дочерью Авраамия Павловича Евгенией Авраамовной, которая передала мне свой материал для просмотра.

Александр Иванович привлек меня к участию в заседаниях Общества изучения истории отечественных спецслужб, которое ежегодно в начале декабря проводило «Лубянские чтения». Дважды на этих заседаниях я выступал с сообщениями, посвященными своим книгам о Н. К. Богданове и С. Н. Круглове. За разработанную историческую тематику этих книг я был принят в члены Общества. Информация о моих книгах выставлена в Интернете на сайтах fsb.ru и chekist.ru.

Помнится, 4 декабря 2007 г., прибыв на очередное заседание Общества изучения истории отечественных спецслужб, я встретился с Александром Ивановичем в гардеробе Клуба ФСБ. Стремительно ворвавшись в помещение со слякотной улицы, Александр Иванович повесил куртку и, достав из своей сумки две маленькие щетки, начал энергично приводить в порядок низ брюк и забрызгавшуюся обувь. Потом протянул щетки мне: «Ну-ка, Юрий Николаевич, наведи у себя порядок!» А всего через год на следующие «Лубянские чтения» по состоянию здоровья Александр Иванович прибыть уже не смог. Более того, в возрасте всего лишь 57 лет он оказался инвалидом первой группы и вынужден был уволиться с любимой работы на пенсию.

Но благородное изыскательское дело Александра Ивановича успешно продолжалось. На очередном заседании всем членам общества была вручена упомянутая выше документальная книга А. И. Кокурина о борьбе с бандитизмом и вооруженным подпольем. 9 декабря 2008 г. по моему

предложению Александр Иванович Кокурин был единогласно принят в члены Общества изучения истории отечественных спецслужб. Я принял на себя обязательство оформить документы, необходимые для вступления в наше общество, и после выполнения всех формальностей вручил лежавшему в постели Александру Ивановичу членский билет № 91.

Коварная болезнь продолжала прогрессировать, и, несмотря на современные лекарства, которые мы с В. М. Комиссаровым достали для больного, 15 марта 2009 г. Александр Иванович Кокурин скончался.

Ушел из жизни замечательный энтузиаст архивного дела, преданный однажды выбранному направлению исследований специалист, упорный искатель документальной истины, добрый и порядочный человек Александр Иванович Кокурин.

В силу сложившихся обстоятельств я не смог вместе с родными, близкими, друзьями, коллегами по работе проводить моего доброго куратора в последний путь. Так пусть этот откровенный рассказ послужит моей поминальной молитвой Александру Ивановичу Кокурину.

В. А. Сидорова

Сидорова Валентина Алексеевна

(р. 29.06.1931). Историк-архивист. В 1955 г. окончила МГИАИ. В 1985 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Свою трудовую деятельность в системе архивов начала с 1955 г. в архивном отделе УСВД Ростовской области. В 1957–1966 гг. заведующая архивохранилищем, начальник отдела, в 1966–1977 гг. заместитель директора ЦГА РСФСР. В 1977–1991 гг. заведующая отделом ВНИИДАД. В 1991 г. главный хранитель фондов ЦГА РСФСР, в 1992–1996 гг. заведующая, с 1996 г. — главный специалист отдела хранения документов по истории РСФСР. За заслуги в области культуры и многолетнюю плодотворную работу присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», награждена медалями «Ветеран труда» и «В память 850-летия Москвы», Почетной грамотой Президиума Верховного совета РСФСР, имеет благодарности и почетные грамоты Росархива.

Директора Центрального государственного архива РСФСР

Январь 2010 г.

Первым директором архива был Анатолий Николаевич Гаврилов, он проработал в ЦГА РСФСР девять лет (с сентября 1957 г. по 1966 г.). Можно представить, что работать ему было совсем не просто. Новый коллектив, состоящий из выпускников института, слегка разбавленный сотрудниками архивов упраздненных министерств и ведомств. Эти сотрудники в основном не имели специального образования, но зато ориентировались в документах. Однако Анатолий Николаевич сумел организовать работу. Трудно было ему, наверно, руководить архивом, который располагался в 16, а затем в 14 помещениях, в каждом хранилище работали по три-четыре человека. Нужно было сплотить этих сотрудников, создать из них работоспособный коллектив. Он смог это сделать. Уже в 1959 г. увидел свет краткий справочник по фондам архива, при нем были заложены основы системы каталогов архива, в основном подготовлен справочник по истории госучреждений. Анатолий Николаевич ставил вопросы уточнения профиля архива, на заседании Научного совета в декабре 1965 г. состоялась острая дискуссия о правомерности хранения фондов республиканских учреждений в союзных архивах. Наконец, при А. Н. Гаврилове было построено и сдано в эксплуатацию здание на Бережковской набережной, 26. Здесь надо отметить заслуги и заместителя директора Николая Федоровича Егорова. Когда здание было уже построено, его пытались забрать у ЦГА РСФСР и разместить в нем документы одного из союзных архивов. Коллектив архива и Анатолий Николаевич приложили все силы, чтобы отстоять здание, и это удалось.

Следующим директором архива был Федор Иванович Шаронов. Он проработал в архиве почти двадцать два года (с 1 октября 1966 г. до 11 мая 1988 г.). Федор Иванович родился 18 февраля 1925 г. в селе Воскресенское Саратовского района Саратовской области. Он рано осиротел, отец его умер от ранений, полученных на Гражданской войне, в 1924 г., мать умерла в 1933 г. во время голода в Поволжье. Федор Иванович был младшим в семье, старшая сестра была старше его на 15 лет, он всегда очень тепло о ней отзывался и говорил, что она заменила ему мать. Воспитывался он в колхозных детских домах. Во время Отечественной войны в 18 лет (1943 г.) Федор Иванович был призван в армию. Сначала он попал в военное училище в Симферополе, а затем на фронт, вначале Карельский, а потом 2-й и 3-й Украинские. О войне он вспоминать не любил, говорил, что прошагал пол-Европы с проти-

вотанковой пушкой на плечах. Федор Иванович имел боевые награды: медали «За отвагу», «За взятие Вены», «За победу над Германией», «За безупречную службу» и др. После войны, в 1948 г., Федор Иванович поступил в МГИАИ, который окончил в 1954 г. С 1954 г. работал в системе архивной службы. Вначале в аппарате ГАУ СССР, в 1959–1961 гг. в ЦГАОР СССР, затем в 1961–1966 гг. в ЦГАНХ СССР. Федор Иванович сразу влился в наш коллектив и сумел его возглавить. Он был очень доброжелательный человек, с ним было легко работать. Он всегда откликался на все новые идеи. Федор Иванович был хорошим организатором. Традиции, которые были заложены в архиве в первые годы его существования, не пропали, а, наоборот, укрепились. Федор Иванович много занимался вопросами комплектования архива документами и работой с ведомствами. Ему очень хотелось создать полноценный комплекс документов по истории России. Он очень любил Россию, даже говорил, что его любимый цвет голубой, который ассоциировался у него с Волгой, его Родиной. При нем архив стал активно заниматься приемом научно-технической документации и работой с республиканскими научно-исследовательскими и проектными организациями. Федор Иванович возглавил работу по использованию и публикации документов архива. Он всегда говорил о том, что исполнение запросов, в первую очередь социально-правового характера, — это одна из основных задач архива, и уделял этому направлению работы самое пристальное внимание. Читальный зал он считал лицом архива, сотрудники туда подбирались самые квалифицированные, доброжелательные и умеющие работать с людьми. При Федоре Ивановиче в архиве была создана лаборатория, которая занималась созданием страхового фонда и фонда пользования на документы архива, копированием документов. Он внимательно изучил все технические новинки, существовавшие в тот период. Было закуплено современное оборудование. ЦГА РСФСР был одним из немногих архивов, имевших современно оснащенную, действующую лабораторию. Федор Иванович с большим интересом относился к Республиканской службе научно-технической информации. Он стоял у истоков ее создания, завязал прочные связи с начальниками архивных управлений и директорами архивов АССР, краев и областей. У нашего директора было много хозяйственных проблем, которые ему удавалось решать в сложных условиях. Здание архива не обслуживалось централизованно, все проблемы, связанные с освещением, отоплением, работой сантехнического оборудования, сигнализацией, системами противопожарной безопасности, легли на его плечи. Он не был специалистом в этой области. И все же все системы работали, пожарные рукава перематывались, огнетушители перезаря-

жались, прогнившие трубы заменялись. Он любил, чтобы здание было в порядке, чтобы сотрудники работали в комфортных условиях. Федор Иванович был очень организованный человек, не любил авралов, работы в последнюю минуту, все он любил делать «загодя». Это его любимое выражение. Его энергия и желание работать передавались сотрудникам. С ним всегда можно было посоветоваться по любому вопросу, он был готов выслушать и дать совет, а часто и решить проблему. Сам он тоже часто советовался с сотрудниками, отдавая должное их знаниям и умению работать. Решения часто принимались коллегиально. В работе Федор Иванович был очень конкретен, хотел, чтобы сотрудники участвовали в решении всех вопросов — больших и маленьких. Он приучил сотрудников к тому, что, отправляясь к нему, нужно было видеть вопрос целиком и иметь какие-то пути его решения, пусть даже неправильные. Коллектив архива всегда относился к нему хорошо и часто поддерживал его в сложных ситуациях. В последние годы работы Федор Иванович чувствовал себя неважно, он перенес два инфаркта, были и другие проблемы со здоровьем, но он всегда оставался добрым и заинтересованным человеком. После ухода на пенсию он прожил еще 5 лет и скончался 15 ноября 1993 года.

Последним директором ЦГА РСФСР была Валентина Вячеславовна Никанорова, она пришла в архив со студенческой скамьи, работала в Республиканской службе НТИ, затем заместителем директора. Валентина Вячеславовна работала директором недолго, около двух лет. На ее долю досталось время перестройки, время ликвидации архива. Помимо основных проблем, связанных с деятельностью архива, она много занималась вопросами, связанными с проектированием нового здания для архива, которое собирались строить на улице Цюрупы. Был выделен участок земли, подготовлен проект здания, сотрудники уже выбирали себе помещения, но потом ничего не получилось. Валентина Вячеславовна стремилась, как могла, облегчить жизнь сотрудникам. При ней архив начал зарабатывать какие-то деньги. Пусть денег было немного, но Валентина Вячеславовна занималась социальной поддержкой сотрудников. Выплачивались премии, была организована система продовольственных заказов. Валентина Вячеславовна энергичный и деловой человек, она старалась поддерживать в коллективе устоявшиеся традиции. Обстановка в коллективе, несмотря на все сложности конца 1980-х — начала 1990-х гг., оставалась рабочей и доброжелательной. Валентина Вячеславовна сейчас возглавляет другой архив. Ее личные связи с некоторыми сотрудниками архива не прекратились. Сотрудники вспоминают о Валентине Вячеславовне с теплыми чувствами.

Ж. М. Кореневская***Кореневская Жаннета Михайловна.***

Историк-архивист. Окончила МГИАИ в 1961 г. В 1958–1971 гг. работала в ЦГА РСФСР в отделе хранения документов. В 1971 г. была принята на должность инспектора отдела научно-справочного аппарата Главархива РСФСР. В 1976 г. перешла на педагогическую работу и в течение 25 лет (1976–2002 гг.) преподавала в ряде средних специальных учебных заведений г. Москвы (курсы делопроизводства и архивного дела). С 2001 г. является специалистом отдела комплектования и ведомственных архивов ГАРФ.

Когда мы были молодыми!

Январь 2010 г.

Когда мы были молодыми, мы перевозили дела из нескольких архивохранилищ в новое построенное здание ЦГА РСФСР по адресу Бережковская набережная, дом 26. Трудно поверить, что нынешние 60–70-летние сотрудницы, страдающие гипертонией, суставами и одышкой, лихо вскакивали в грузовики и размещали там коробки с делами, да так, чтобы не перепутать фонды. Но мысль о том, что мы будем работать в новом современном здании, придавала нам силы. В памяти возникают эпизоды, связанные с перемещением дел в новое здание. Наши грузовики перекрыли движение в узком Рыбном переулке, и в машины по желобу плавно и ритмично спускались коробки с делами Совнаркома РСФСР из хранилища здания, построенного в конце XIX в. А однажды руководство нам сообщило печальную весть о том, что меняется формат переезда и со следующей недели перевозка коробок с делами будет осуществляться на троллейбусе. Угроза была столь велика, что в бригаде возник афоризм: «Идея троллейбуса, овладевшая массами, становится грозной силой». Слава богу, нашлись люди, которые убедили руководство отказаться от этой затеи.

С завершением переезда началось активное комплектование архива документами, принятыми из ведомств. Особенно мы стали известны

и популярны среди научной общественности в связи с приемом дел, образовавшихся в процессе деятельности Наркомпроса РСФСР. В нашем речевом обороте появились такие наименования, как Главсоцвос, Главнаука, Главпрофобр, ГУС и др. Прием документов Наркомпроса из ведомственного архива запомнился следующим эпизодом. В ходе приема обнаружилось отсутствие важнейшей категории дел. Отсутствовали приказы Наркомпроса РСФСР за все 1930-е гг. Причины объяснить нам не могли. В ответ на наши настойчивые просьбы к нам пригласили бывшего руководителя канцелярии, человека очень пожилого и опытного. К нам пришел человек, очень похожий на Алексея Николаевича Толстого, и громогласно заявил: «В чем проблемы, сударыни?» И дал нам исчерпывающий ответ: «Слышали ли вы что-нибудь о событиях 16 октября 1941 г.? Так вот, в этот день во дворе здания Наркомпроса, на углу Мясницкой и Чистых прудов, горел костер, и я лично бросал в него дела, так как эвакуация уже была невозможна». Вот почему отсутствуют приказы Наркомпроса. Этот эпизод оставил неизгладимое впечатление.

Образованный в 1957 г. в ходе хрущевских реформ, ЦГА РСФСР предназначался для приема и хранения документов, образовавшихся в процессе деятельности высших органов власти и управления РСФСР. Основой коллектива стали выпускники 1957 г. дневного отделения МГИАИ.

Галина Петровна Тихачева, единственный представитель того курса, верно и преданно проработавшая 50 лет в архиве. Составитель и хранитель уникального каталога по истории государственных учреждений Российской Федерации.

История архива — это история его сотрудников: о, сколько их, талантливых и ответственных, скромных и доверчивых, доброжелательных и отзывчивых, представляли архив!

Федор Иванович Шаронов — директор ЦГА РСФСР на протяжении 22 лет. Двери его кабинета на 1 этаже всегда были открыты для сотрудников и их проблем. После ухода Федора Ивановича архивом успешно «рулила» уверенная Валентина Вячеславовна Никанорова.

ЦГА РСФСР может гордиться рядом сотрудников, оставивших заметный след в истории архивного дела. Самой яркой звездой в архивном мире была и остается незабвенная Татьяна Петровна Коржихина, профессор МГИАИ, доктор исторических наук. Все, кто знал Таню Коржихину, на себе испытали обаяние этой незаурядной личности. А рядом с ней на кафедре МГИАИ трудился еще один бывший наш коллега Александр Давидович Степанский.

Свою блестящую карьеру на архивном поприще начинал в архиве ведущий сотрудник Росархива Борис Владимирович Альбрехт.

До переезда в новое здание архива ЦГА РСФСР располагался в 10 архивохранилищах, расположенных в различных районах г. Москвы, от Рыбного переулка (центр Москвы) до Волоколамского шоссе. Времени на обустройство не было, моментально началась архивная работа: хранение, использование документов, подготовка справочника по фондам, наведение справок социально-правового характера. Открылся читальный зал для исследователей. И на всех направлениях трудились и старались наши коллеги. Отдел хранения многие годы представляли: четкая, организованная, строгая и обаятельная Валентина Алексеевна Сидорова, улыбчивая и доброжелательная Лилия Константиновна Давыдова, ответственная и опытная Анастасия Васильевна Пирязева, а также вся молодежь, пришедшая на работу, свои первые университеты получала в архивохранилищах.

Верность и преданность выбранному месту работы продемонстрировала Сарна Моисеевна Воскобойник, наш старший товарищ и идеолог.

Одновременно архив начал работать на перспективу по подготовке и утверждению описей на дела, подлежащие передаче в Госархив. Работу с ведомствами возглавляла опытная Марина Степановна Алексеева, а под ее четким руководством трудились самые блестящие женщины архива: утонченная и изящная Елена Николаевна Благина и ослепительно красивая Вера Арнольдовна Шутова. Упорядочение документов ведомств осуществлялось силами сотрудников хозрасчетного отдела, в том числе неувядающих и преданных Лидии Ивановны Исаевой и Лили Ивановны Джигбладзе.

Еще одно направление в деятельности архива — использование и публикация документов, работа читального зала, наведение справок социально-правового характера — строилось под руководством достойной и загадочной Татьяны Николаевны Долгоруковой и умной Людмилы Исааковны Давыдовой, а в отделе трудились яркая и уверенная Аза Леонидовна Валевская, Стася Иосифовна Хорошая и жизнерадостная Маргарита Павловна Дьячкова.

И, наконец, система научно-справочного аппарата архива немыслима без уникального каталога госучреждений России. В его разработке участвовали опытная Елена Михайловна Корнева, исполнительные Тамара Григорьевна Кий и Светлана Яковлевна Слезенко.

В. П. Наумов

Наумов Виктор Петрович

(р. 01.05.1959, Москва). Историк-архивист. В 1983 г. окончил МГИАИ. В 1983–1986 гг. работал в Центральном государственном архиве древних актов. В 1986–1994 гг. сотрудник отдела ведомственных архивов, комплектования, экспертизы ценности и научного использования документов ГАФ СССР ЦГАОР СССР — ГА РФ, с 1994 г. ведущий специалист отдела информационно-поисковых систем ГА РФ. Кандидат исторических наук, автор монографий, статей и документальных публикаций.

Воспоминания об Анастасии Владимировне Добровской

Декабрь 2009 г.

Архив состоит из документов и из людей. В истории архива, как и всякого учреждения, есть наиболее заметные, знаковые фигуры, оказавшие заметное влияние и на трудовую деятельность, и на жизнь коллектива в целом. Таким человеком была Анастасия Владимировна Добровская — яркая личность, талантливый ученый и умелый администратор, человек, отдавший архиву почти 55 лет жизни. Она начала свой трудовой путь в 1949 г. научным сотрудником Центрального государственного исторического архива в г. Москве; в 1961 г. она вместе с его коллективом влилась в ЦГАОР СССР после объединения этих архивов. С ноября 1971 г. Анастасия Владимировна являлась заместителем директора ЦГАОР СССР; в этой должности она в течение 20 лет курировала важнейшие направления деятельности архива — комплектование и работу с ведомствами, обеспечение сохранности документов. Были периоды, когда она по существу возглавляла архив, направляя директоров в нужное русло своей помощью и советами. Документы личного (служебного) фонда Анастасии Владимировны характеризуют ее огромную роль в жизни учреждения. Можно утверждать, что начиная с середины 1960-х гг. в поле ее зрения находились едва ли не все вопросы архивной работы; об этом свидетельствуют составленные ею годовые отчеты о работе ЦГАОР СССР, тексты решений партбюро, методических комиссий и других органов.

С 1992 г. в должности главного специалиста отдела информационно-поисковых систем ГА РФ она работала над созданием многотомного путеводителя по фондам архива, ее перу принадлежат фундаментальные вступительные статьи к томам этого издания. Она явилась также автором многих архивоведческих исследований и методических рекомендаций в области архивного дела.

Неординарная фигура Анастасии Владимировны с ее отчетливо выраженной харизмой привлекла мое внимание с момента моего прихода в ЦГАОР СССР в сентябре 1986 г. Первоначально я никак не был связан с ней по работе: попал в отдел использования, а она курировала другие участки деятельности архива. Поэтому я был удивлен, когда она впервые проявила внимание к моей скромной персоне. Мои отношения с коллективом отдела не сложились, работать было трудно. И вдруг Анастасия Владимировна предложила мне перейти в группу использования хозрасчетного отдела, на что я охотно согласился. На новом месте я прижился хорошо. Некоторое время спустя Анастасия Владимировна встретила меня в коридоре и с удовлетворением констатировала:

— А вы буквально расцвели.

Вряд ли она тогда проявила избирательный интерес персонально ко мне, ведь мы были почти не знакомы. Полагаю, в этом эпизоде выразилась свойственная ей озабоченность судьбами людей, внимание ко всем без исключения. Впоследствии, при более близком знакомстве, я многократно замечал, что ее неизменно волновало моральное состояние коллектива и каждого отдельно взятого сотрудника; она в силу своей проницательности сама замечала проблемы людей и стремилась им помочь.

Мне посчастливилось в течение десяти лет работать под руководством Анастасии Владимировны над путеводителем по фондам архива, а в последние годы ее жизни — над справочником по истории ГУЛАГ. Наши производственные отношения начались для меня с крупного везения: ей понравилась составленная мною 2-я опись фонда «Большой советской энциклопедии», и она предложила мне трудиться под ее руководством. О такой работе и таком начальнике можно было только мечтать.

Пожалуй, она относилась ко мне необъективно, постоянно отмечая мои успехи в систематизации и изложении материала. На мой взгляд, многие аннотации других сотрудников были ничуть не хуже моих, а некоторые даже лучше. Но я не спорил и не скромничал — человек слаб.

Иногда по причине моих внеархивных научных занятий я вынужден был нарушать трудовую дисциплину, опаздывая с утра или удирая тайком на какое-то время среди дня. Виноват, каюсь. Моя добрейшая начальница относилась ко мне в высшей степени снисходительно:

— А вы шалун. Но я, грешница, не могу на вас сердиться.

— Анастасия Владимировна, я все наверстаю!

— Верю, верю.

Я заходил в ее кабинет почти каждый день, ближе к концу работы. Примерно полчаса мы обсуждали производственные дела, а потом до закрытия архива беседовали о проблемах истории, философии и психологии, о политике, литературе, искусстве и многом другом. Меня поражала широчайшая эрудиция Анастасии Владимировны, ее открытость новым научным веяниям и самое главное — юношеский интерес к жизни и к людям. Мне порой казалось, что я беседую со сверстницей или даже с более молодой женщиной.

Анастасии Владимировне был свойственен тонкий юмор, что делало общение с ней еще более приятным. В отличие от меня, она, как человек прочной коммунистической закалки, была неверующей, хотя не считала себя атеисткой. Однажды она спросила меня с лукавой улыбкой:

— Кем был Христос по национальности?

— Наполовину евреем, — ответил я не задумываясь.

— А на вторую половину? Кем был Бог по национальности? Русским, французом, армянином?

Я оценил ее диалектичную шутку.

Она отличалась толерантностью, безусловным уважением к чужому мнению, готовностью принять его в случае достаточной доказательности, если это не противоречило ее жизненным принципам. А они были твердыми и четкими, как ни у кого другого. Я не встречал еще человека с такой непоколебимой нравственной позицией. Она была гуманисткой во всем, любовь к людям не являлась для нее абстрактным понятием. Это, конечно, сказывалось на ее отношениях с коллегами.

— Я не понимаю, — говорила она, — как можно углублять ссору, а тем более таить обиду много лет. Два человека всегда могут понять друг друга, простить и помириться. Только так и должно быть.

Особенно запомнилась наша работа над белогвардейским томом путеводителя — это было трудное, но в высшей степени интересное дело, когда приходилось «распахивать целину» при почти полном отсутствии сколько-нибудь удовлетворительной литературы. Создавалось странное впечатление, что историки либо вообще не читали документы, либо ничего в них не поняли. Впрочем, их нельзя за это упрекать: белогвардейские фонды лишь незадолго до того были рассекречены, и подходы к изучению этой сложной документации еще не успели выработаться. Мне как специалисту по истории государственных учреждений дореволюционной России удавалось, по счастью, отслеживать новые формы организации власти и управления в их сочетании со многими традициями монархической государственности и с учетом определенного новаторского опыта периода Временного правительства. Собственно, в этом и заключалось все своеобразие белогвардейских учреждений и, соответственно, их документаль-

ных материалов. Работа увлекала: трагическая история попыток создания уникальной белогвардейской государственной системы разворачивалась перед нами с каждым заголовком описи, с каждым вновь пролистанным делом.

— А знаете, — сказал я однажды Анастасии Владимировне, — ведь наш белогвардейский том может стать мощным подкопом под историографию.

Ей эта перспектива очень понравилась. С тех пор она в течение довольно долгого времени с ободряющей улыбкой спрашивала меня при очередной встрече:

— Ну как, Виктор, взорвем историографию?

Может быть, мы ее все-таки не взорвали, но, надеюсь, помогли исследователям в интерпретации архивных документов.

Накануне своего 80-летия Анастасия Владимировна отличалась отменным здоровьем; будучи увлеченной фигуристкой и мастером спорта, она все еще каталась на коньках (в летние месяцы — на искусственном льду), во время отдыха на даче ежедневно переплывала довольно широкое озеро. Она могла оставаться с нами еще много лет, но ушла из жизни по нелепой случайности. Вечером 31 августа 2004 г. молодая учительница, едва ли не впервые севшая за руль и спешившая домой, чтобы собраться к началу учебного года, сбила ее насмерть...

Прошло уже пять лет с тех пор, как ее нет с нами, а я все еще не могу в это поверить. Ловлю себя на том, что смотрю на многие вещи ее глазами. Иногда при принятии сложного решения спрашиваю себя: «А что сказала бы Анастасия Владимировна?» — и это удерживает от ошибок. Мой добрый гений, мой старший друг навсегда останется в моей душе.

В. А. Тюнеев

Тюнеев Владимир Алексеевич

(р. 26.08.1935, с. Киркино Чапаевского р-на Рязанской обл.). Историк-архивист, организатор архивного дела, один из руководителей Федеральной архивной службы России. В 1961 г. окончил МГИАИ. Трудовую деятельность начал в 1956 г. архивариусом канцелярии Центрального стадиона им. В. И. Ленина в Лужниках. В 1961–1963 гг. избирался первым секретарем Ленинского РК ВЛКСМ г. Москвы. С 1963 по 1971 г. на ответственных и руководящих должностях в Главархиве СССР,

в 1965–1968 гг. — заместитель начальника отдела архивных учреждений РСФСР, затем возглавлял этот отдел. В 1971 г. добился восстановления Главархива РСФСР, был назначен заместителем его начальника. С 1991 г. — первый заместитель председателя Роскомархива, с 1993 г. — руководителя Росархива. С февраля по декабрь 1996 г. исполнял обязанности руководителя Росархива. В 1997 г. назначен статс-секретарем — первым заместителем руководителя Росархива, в должности которого работал до ухода на пенсию в январе 2001 г., в связи с достижением предельного возраста нахождения на государственной службе. Принимал непосредственное участие в разработке и реализации государственной политики в архивном деле Российской Федерации, один из авторов основных нормативно-правовых документов по архивному делу, в том числе «Основ законодательства об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» (1993 г.), Указа Президента Российской Федерации «О партийных архивах» (1991 г.) и ряда других, ставших основой реформирования архивного дела в стране. Один из основателей в 1990 г. Российского общества историков-архивистов. Инициатор создания в 1970 г. зональных научно-методических советов архивных учреждений, ныне — научно-методические советы архивных учреждений федеральных округов. В 1973–1992 гг. был членом редколлегии журнала «Советские архивы» (ныне — журнал «Отечественные архивы»), с 1992 по 2001 г. возглавлял редколлегия «Информационного бюллетеня» Росархива. В марте 2001 г. после оставления государственной службы поступил на работу в ГА РФ, где работает в настоящее время в должности ведущего специалиста. Награжден орденом «Знак Почета», многими другими государственными и ведомственными наградами, отмечен благодарностью президента Российской Федерации. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный архивист.

ГА РФ в моей трудовой биографии

15 февраля 2010 г.

Юбилей Государственного архива Российской Федерации рождает у меня множество воспоминаний и целую гамму чувств — от гордости за причастность к важным событиям в истории развития архивного дела, в которой особое место занимает ГА РФ, и большого удовлетворения тем, что почти десять последних лет своей длительной работы в архивной отрасли я имел возможность трудиться в высокопрофессиональном коллективе этого архива, до ничем не обоснованного сожаления о том, что не работал в нем раньше.

Я не думал писать воспоминания. Занятый практической работой, никогда не вел дневниковых записей, редко писал статьи, публиковал свои доклады и выступления. У меня были подборки черновиков, вариантов и копий документов по отдельным вопросам архивного дела, в решении которых принимал участие, но, когда я сдавал личный фонд в ГА РФ, многие из них, не без формальных оснований, сочли дублетными или поглощенными документами архивных фондов Главного архивного управления при Совете министров СССР (Главархива СССР) и Росархива. Не сохранял я и ежедневники, которыми пользовался для помет по оперативным вопросам. Исключение составляет маленький блокнотик, содержащий десятки фамилий, имен и отчеств, номеров телефонов лиц, с которыми приходилось встречаться в конце августа 1991 г. при организации выполнения Указа Президента РСФСР «О партийных архивах». Обращаться к архивным документам для написания воспоминаний не хотелось. Подвигли меня к этому составители настоящего сборника.

Я начинал свою трудовую деятельность в 1956 г. архивариусом ведомственного архива. Работая, окончил вечернее отделение Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ). Становление архивистом я отношу ко времени поступления в 1963 г. на работу в отдел архивных учреждений РСФСР Главархива СССР после работы в комсомольских органах. Начальником отдела, созданного вместо упраздненного в том же году Главархива РСФСР, членом коллегии союзного главка был Сергей Тимофеевич Плешаков, опытный и авторитетный архивист, после окончания МГИАИ работавший директором Государственного архива Тамбовской области, участвовавший в Великой Отечественной войне, затем трудившийся в центральном аппарате Главархива СССР, возглавлявший Центральный государственный архив кинофотофонодокументов (ЦГА КФФД СССР), бывший заместителем начальника Главархива РСФСР, позднее — начальником отдела научно-методической работы и научно-справочного аппарата Главархива СССР и директором ЦГАОР СССР. Работая в отделе архивных учреждений РСФСР археографом, заместителем и начальником отдела, я многому научился не только у С. Т. Плешакова, но и у других крупных специалистов архивного дела, возглавлявших структурные подразделения Главархива СССР, и работников его центрального аппарата. Много дали частые командировки в архивные учреждения республик, краев и областей РСФСР, в каждой из которых бывал не один раз, возглавляя комплексные проверки, участвуя в заседаниях созданных по моей инициативе 40 лет назад зональных научно-методических советов архивных учреждений и других мероприятиях.

Российская Федерация, в отличие от других союзных республик, имела ограниченную сеть центральных государственных архивов, основные ком-

плексы документов по истории России хранились в ЦГА СССР. В силу этого приходилось много внимания уделять налаживанию связей республиканских и местных архивных органов с союзными архивными и научными учреждениями. Постоянного взаимодействия с ними требовало участие российских архивистов в подготовке серийных документальных публикаций по истории коллективизации, индустриализации, культурного строительства в СССР, издание справочников по истории государственных учреждений и административно-территориального деления, хрестоматий по истории края и других документальных публикаций. Важное значение имело изучение положительного опыта ЦГА СССР по перестройке комплектования государственных архивов, внедрению дифференцированных методов создания научно-справочного аппарата к архивным фондам и другим направлениям архивной работы с целью его распространения в архивных учреждениях РСФСР.

Из директоров ЦГАОР СССР я хорошо знал не только С. Т. Плешакова, но и Бориса Ивановича Каптелова, работавшего до этого в Главархиве СССР, в меньшей степени — Николая Романовича Прокопенко, бывшего членом коллегии Главархива СССР. Но, к моему удивлению, Н. Р. Прокопенко предлагал мне стать заместителем директора ЦГАОР СССР. Он объяснял это предложением личным впечатлением, мнением обо мне руководства Главархива СССР и Ивана Сергеевича Назина, бывшего членом коллегии, начальником отдела ЦГА СССР и научно-справочного аппарата, в котором в силу сложившихся обстоятельств я несколько месяцев работал. Н. Р. Прокопенко обещал содействие в поступлении в аспирантуру МГИАИ, в выборе темы и подготовке кандидатской диссертации. С. Т. Плешаков, с которым я советовался, сказал, что у меня хорошие перспективы в его отделе, но я сам должен определиться в отношении своей дальнейшей работы. Он откровенно говорил о трудностях организации руководства архивным делом в Российской Федерации после ликвидации Главархива РСФСР, об отсутствии должной поддержки со стороны руководства, о желании оставить должность начальника отдела архивных учреждений РСФСР, численность которого была всего 16 штатных единиц, тогда как в упраздненном Главархиве РСФСР работало 57 человек. Недовольство руководства, как считал С. Т. Плешаков, вызвали его мнение о необоснованности ликвидации Главархива РСФСР, возражения против предложения о перемещении ЦГАЛИ СССР в новое здание ЦГА РСФСР на Бережковской наб., 26, построенное за счет республиканского бюджета для приема документов республиканских министерств и ведомств, другие обстоятельства. (Позднее в здании ЦГА РСФСР размещался Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ныне ВНИИДАД), а после предоставления институту новых помещений — воссозданный в 1971 г. Главархив РСФСР.) Не только сочувствие

и глубокое уважение к С. Т. Плешакову, доверительные отношения с ним повлияли на мое решение с благодарностью отказаться от предложенной мне Н. Р. Прокопенко высокой должности. Главным было то, что я больше тяготел к организаторской, чем к научной и организационно-методической работе, которая должна была стать для меня основной в архиве. Правильность принятого тогда решения подтвердила вся моя последующая трудовая деятельность. И все же сейчас я думаю, что опыт практической работы в ЦГАОР СССР, другом союзном или республиканском государственном архиве очень помогал бы в моей дальнейшей деятельности.

После того как удалось добиться воссоздания Главархива РСФСР, отдел архивных учреждений РСФСР был ликвидирован, и я в 1971 г. был назначен одним из заместителей руководителя Главархива РСФСР, в начале 1991 г. — первым заместителем председателя Роскомархива РСФСР, в ноябре 1991 г. — первым заместителем председателя Роскомархива при Правительстве Российской Федерации, образованного на базе упраздненных Роскомархива и Главархива СССР, в апреле 1993 г. — первым заместителем руководителя Государственной архивной службы, переименованной в августе 1996 г. в Федеральную архивную службу (Росархив). В 1996 г., будучи уже в пенсионном возрасте, по распоряжению Правительства Российской Федерации более 10 месяцев исполнял обязанности руководителя Росархива. В январе 1997 г. был назначен статс-секретарем, первым заместителем руководителя Росархива и работал в этой должности до выхода на пенсию по достижении предельного возраста нахождения на государственной службе. Перечитав этот абзац, удивился, что невольно перечислил все названия союзного и республиканского органов управления архивным делом, бывших почти 45 лет самостоятельными в структуре органов государственной власти после выхода в 1960 г. из системы МВД СССР вплоть до образования в марте 2004 г. Федерального архивного агентства Минкультуры России. Еще раньше самостоятельными органами были Центрархив при ВЦИК РСФСР (1922–1929 гг.) и ГАУ РСФСР (1929–1938 гг.). В общей сложности самостоятельный орган государственного управления архивным делом в Российской Федерации существовал почти 60 лет.

При большой напряженности всей моей руководящей работы в архивных учреждениях особенно трудным и ответственным был период 1990-х гг., ставший началом демократических преобразований в архивном деле.

В октябре 1990 г. начальником Главархива РСФСР был назначен Рудольф Германович Пихоя. Его считали политическим назначенцем, главным образом из-за должностного положения жены — Людмилы Григорьевны Пихоя, входившей в команду Бориса Николаевича Ельцина. Но многие архивисты знали Р. Г. Пихою как ученого-историка, первого

проректора Уральского государственного университета, в стенах которого велась подготовка специалистов разного профиля, в т. ч. историков-архивистов. Р. Г. Пихоя по разрешениям Главархива РСФСР организовывал и возглавлял экспедиции по собиранию старинных документальных памятников, рукописных и старопечатных книг, представлял отчеты о результатах экспедиций, принимал участие в проводившихся архивными учреждениями научных конференциях, документальных выставках, других мероприятиях.

В круг моих обязанностей входили вопросы организации управления архивным делом, совершенствования и развития сети государственных архивов, правового и организационно-методического обеспечения функционирования учреждений государственной архивной службы в новых условиях, вопросы финансирования и кадров. Помогало в работе то, что в силу прежнего должностного положения мне приходилось заниматься, можно сказать, всеми направлениями деятельности архивных учреждений. Опыт позволял комплексно подходить к проработке и решению проблем архивного дела. Большую помощь оказывали заместители руководителя Роскомархива, работники его центрального аппарата. Важной была поддержка руководителей федеральных государственных архивных учреждений, архивных органов субъектов Российской Федерации.

По поручению Р. Г. Пихои или по согласованию с ним я готовил, организовывал разработку и принимал участие в работе над многими законодательными актами и правительственными постановлениями, другими нормативно-правовыми документами, ставшими основой реформирования архивного дела. В числе таких документов можно назвать «Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах», Указ Президента РСФСР «О партийных архивах», Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Положения об архивном фонде Российской Федерации и Положения о Государственной архивной службе России», Постановление Правительства Российской Федерации «О реализации государственной политики в архивном деле» и другие. Названные документы позволяли в 1990-е гг. сохранять централизованную систему Государственной архивной службы России, к которой положительно относились едва ли не все руководящие и практические работники архивных учреждений страны, которым завидовали архивисты всего мира. Нигде не было единых «Основных правил работы государственных архивов», такого справочника, как «Центральный фондовый каталог государственных архивов страны». К сожалению, вместо того чтобы приспособить сложившиеся формы и методы руководства архивным делом для использования в условиях федеративного государства, централизованную государственную систему архивных учреждений, прямо скажем, развалили. Большое сожаление вызывает и то, что

из-за трудностей экономического развития страны не удалось реализовать Указ Президента Российской Федерации от 17 марта 1994 г. № 552 «Об утверждении Положения об архивном фонде Российской Федерации и Положения о Государственной архивной службе России» в части отнесения работы на штатных должностях в федеральных государственных архивах к федеральной государственной службе.

Особое место в моей биографии занимает участие в решении вопроса об образовании ГА РФ. Но прежде чем перейти к воспоминаниям об этом, представляется важным сказать о том, что при создании Роскомархива при Правительстве Российской Федерации на базе Роскомархива и Главархива СССР удалось сохранить практически всю их штатную численность и кадровый состав. По инициативе Р. Г. Пихои к работе в федеральных архивных учреждениях была привлечена группа ученых из академических структур и высших учебных заведений. В их числе был нынешний директор ГА РФ Сергей Владимирович Мироненко, много сделавший для становления и развития архива, повышения его научного и общественного престижа. Вспоминая о решениях Р. Г. Пихои, положительно сказавшихся на развитии архивного дела, в т. ч. деятельности ГА РФ и других федеральных архивных учреждений, нельзя не сказать о его большой ошибке — подписании в апреле 1992 г. соглашения о сотрудничестве в области обмена архивной информацией, микрофильмами и организации микрофильмирования между Роскомархивом, Гуверовским институтом войны, революции и мира и английской издательской фирмой «Чедвик-Хили». Это соглашение, известное больше как Гуверовский проект, было уничижительно для российской стороны. ГА РФ вместе с Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ, ныне Российский государственный архив социально-политической истории — РГАСПИ) и Центром хранения современной документации (ЦХСД, ныне Российский государственный архив новейшей истории — РГАНИ) был втянут в распространение на коммерческой основе огромного комплекса микрофильмов документов по истории КПСС и Советского государства. Вместе с другими работниками центрального аппарата Роскомархива я пытался, но не смог воспрепятствовать подписанию названного соглашения. Не остановили Р. Г. Пихою и выступления против Гуверовского проекта представителей научной общественности в средствах массовой информации. Только в 1996 г. при поддержке членов коллегии Росархива, руководителей и коллективов архивов, участвовавших в реализации проекта, удалось добиться пересмотра условий сотрудничества с Гуверовским институтом. В 1998 г. ГА РФ был подписан отдельный договор о научном сотрудничестве с Гуверовским институтом и фирмой «Чедвик-Хили».

Теперь непосредственно о том, как решался вопрос об образовании ГА РФ. В условиях демократических преобразований в нашей стра-

не резко возрос интерес к закрытым ранее архивам. Роскомархивом были организованы презентации документов переданных в ведение архивных органов архивов КПСС, документальные выставки по истории государства, в т. ч. в зданиях на Старой площади, в которых после прекращения деятельности ЦК КПСС некоторое время располагалось Правительство Российской Федерации, а также в здании Верховного совета Российской Федерации на Краснопресненской набережной. Эти мероприятия, вместе с документной информацией, представлявшейся по запросам Администрации Президента и Правительства Российской Федерации, готовившейся по инициативе Роскомархива, федеральных государственных архивов и центров документации, способствовали привлечению внимания государственных органов к архивам. Руководство Роскомархива стремилось воспользоваться этим для решения неотложных проблем архивного дела, прежде всего обеспечения федеральных государственных архивов хранилищами. Видно было, как растаскивалась собственность ликвидированных союзных и республиканских министерств и ведомств, на произвол судьбы бросались их архивные фонды, для спасения которых архивисты могли сделать до обидного мало из-за отсутствия свободных площадей в хранилищах государственных архивов. Роскомархив пытался получить хотя бы обещанные ранее помещения для нормального размещения своего центрального аппарата, с тем чтобы занимаемые им помещения передать ЦГА РСФСР. Нам предлагали вначале небольшие отдельно стоящие здания, позднее заводские корпуса, требовавшие реконструкции, осуществить которую в то время не было возможности. Однажды Госкомимущество предложило Роскомархиву огромное здание, строившееся Госкомпечати для хранения книжных изданий и находившееся в довольно высокой степени готовности, но прекращенное строительством. Передача этого здания Роскомархиву и ввод его в эксплуатацию позволили бы решить проблему укрепления материально-технической базы всех федеральных государственных архивных учреждений, обеспечить необходимой стеллажной площадью не только ГА РФ, но и другие комплектовющиеся федеральные государственные архивы. К сожалению, добиться получения этого здания Роскомархиву не удалось. Сейчас это здание занимает торговый комплекс «Черемушки».

В числе первоочередных задач Роскомархива вместе с обеспечением государственных архивов хранилищами была разработка проекта Постановления Правительства Российской Федерации об утверждении Положения о Комитете по делам архивов при Правительстве Российской Федерации и сети федеральных государственных архивов и центров хранения документации. Этим постановлением можно было бы решить и актуальный вопрос о создании Государственного архива Российской

Федерации. Но подготовка названного постановления была связана с трудностями его согласования с другими министерствами и ведомствами. Возникло предложение оперативно подготовить правительственный документ об образовании Государственного архива Российской Федерации на базе ЦГАОР СССР и ЦГА РСФСР, который не должен был вызвать каких-либо возражений, и попытаться предусмотреть в этом документе закрепление за Роскомархивом фактически занятых им помещений бывшего Главархива и некоторых других. При подготовке проекта правительственного распоряжения вопрос о создании ГА РФ на базе ЦГА РСФСР или сохранении самостоятельности этого архива всерьез не рассматривался, потому что основные комплексы документов по истории Советской России входили в состав ЦГАОР и ЦГАНХ, других центральных государственных архивов СССР. Рассматривалось предложение о создании Национального архива, но оно было отклонено как противоречащее истории развития архивного дела в нашей стране, выработанным и оправдавшим себя принципам организации хранения и использования документов Архивного фонда Российской Федерации. К слову сказать, позднее обсуждалось, но также было отклонено, предложение о создании Дирекции федеральных государственных архивов, принятие которого вело к исключению органа управления архивным делом из структуры органов государственного управления. Подготовленные Роскомархивом предложения были поддержаны аппаратом Правительства Российской Федерации.

Распоряжение Правительства Российской Федерации об образовании ГА РФ было подписано 28 апреля 1992 г. за № 809-р. В распоряжении записано о том, что Роскомархив передаст ГА РФ для организации приема на государственное хранение документов ликвидированных союзных и республиканских министерств и ведомств помещения бывшего Главархива СССР, расположенные в Москве по ул. Б. Пироговская, 17, занимаемые центральным аппаратом комитета. Роскомархиву для размещения центрального аппарата передавались дополнительные помещения, расположенные в г. Москве по ул. Ильинка, 12. В здании по указанному адресу Роскомархив к тому времени уже обосновался на основании Указа Президента РСФСР «О партийных архивах». В этом здании был не только размещен центральный аппарат Роскомархива, но и сконцентрированы документы структурных подразделений прекратившего свою деятельность аппарата ЦК КПСС, вошедшие позднее в состав ЦХСД.

Важно отметить, что в распоряжении Правительства Российской Федерации записано, что ГА РФ образован по предложению Роскомархива на базе ЦГАОР СССР, а также ЦГА РСФСР «в целях улучшения организации научного исследования и практического использования докумен-

тов по истории Российской Федерации». Этим подчеркивалась научная значимость деятельности ГА РФ, вытекающая из многопрофильности и важности состава и содержания сконцентрированных в нем архивных фондов. Особое место ГА РФ в системе архивных учреждений было определено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 июня 1992 г. «Об утверждении Положения о Комитете по делам архивов при Правительстве Российской Федерации и сети федеральных государственных архивов и центров хранения документации». В утвержденной этим постановлением сети все федеральные государственные архивы, образованные на базе центральных государственных архивов СССР, были названы российскими. Государственный архив Российской Федерации сохранил свое наименование и был поставлен в сети на первое место. Указом Президента Российской Федерации ГА РФ в январе 1995 г. включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия Российской Федерации.

Передача ГА РФ помещений на Б. Пироговской, 17, позволила принять на государственное хранение часть документов ликвидированных министерств и ведомств профиля архива, а также сохранившиеся документы прекратившего деятельность Верховного совета Российской Федерации. В бывшем зале коллегии Главархива СССР, а также в помещениях, которые занимали начальник Главархива СССР и его секретариат, позднее был создан Выставочный зал федеральных государственных архивов, входящий в структуру ГА РФ. Мне приходилось принимать участие в подготовке и принятии решения о создании Выставочного зала. До сих пор сожалею, что тогда не было возможности передать Выставочному залу актовый зал, который вынужденно использовался для разбора спасенных документов Верховного совета РСФСР и подготовки их для постоянного хранения. В актовом зале можно было бы создать, например, постоянную экспозицию по истории архивного дела, проводить торжественное открытие наиболее значимых выставок.

Во время принятия распоряжения Правительства Российской Федерации об образовании ГА РФ исполняющим обязанности директора ЦГАОР СССР была Татьяна Федоровна Павлова, директором ЦГА РСФСР являлась Валентина Вячеславовна Никанорова. В коллективах названных архивов проявились разные подходы к их объединению, формированию структуры нового архива. Не простыми были организационно-методические вопросы составления списка источников комплектования ГА РФ в условиях постоянно менявшейся структуры органов государственного управления и появления новых негосударственных структур. Нуждались в решении вопросы организации централизованного учета и ведения научно-справочного аппарата. Чрезвычайно важными и требовавшими оперативного исполнения

были запросы государственных органов, связанные с использованием архивных документов. Труднейшим было финансово-экономическое положение архивов.

Директором ГА РФ был назначен Сергей Владимирович Мироненко, которому пришлось решать названные вопросы вместе с Евгением Львовичем Луначарским, Анастасией Владимировной Добровской и другими заместителями директора, а также с начальником организационно-методического отдела Гиттой Наумовной Иофис, руководителями других структурных подразделений архива. Помощь им оказывал Роскомархив.

Когда я оставил государственную службу, руководство ГА РФ предложило мне принять участие в работе по комплексной разработке хранящихся в архиве фондов Советской военной администрации в Германии (Проект СВАГ). Это предложение было сделано, видимо, потому что раньше мне приходилось принимать участие в организации и реализации проекта компьютеризации Архива Коминтерна, хранящегося в РГАСПИ. От имени Росархива я подписывал с Международным советом архивов соглашение об этом проекте, участвовал в работе ИНКОМКА, вел его первые заседания. Был я и у истоков Проекта СВАГ, являясь сопредседателем комиссии, созданной в целях реализации подписанного в 1992 г. соглашения о сотрудничестве между Роскомархивом и Федеральным архивом Германии. В состав названной комиссии входил и С. В. Мироненко. Реализация Проекта СВАГ началась после принятого во исполнение распоряжения Президента Российской Федерации № 440-рсп от 30 сентября 1995 г. решения Межведомственной комиссии по защите государственной тайны № 32-рс от 31 августа 1998 г. «О порядке рассекречивания документов фондов Советской военной администрации в Германии. 1945–1949 гг.» и создания с этой целью специальной Комиссии для реализации программы изучения и издания документов СВАГ, хранящихся в федеральных государственных и ведомственных архивах. Научным руководителем Проекта СВАГ является заместитель директора ГА РФ Владимир Александрович Козлов. Мне поручено координировать работу российско-германской рабочей группы Проекта СВАГ, который является одним из приоритетных проектов Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений.

В ходе реализации Проекта СВАГ в 2000–2009 гг. ГА РФ совместно с зарубежными партнерами изготовлено около 1,3 млн кадров микрофильмов страхового фонда документов СВАГ и почти столько же их электронных образов, составлено более 271 тыс. описаний документов, которые вместе с их графическими образами включены в Электронный архив фондов СВАГ. При содействии Росархива в приобретении элект-

ронного оборудования проверенная и отредактированная часть информационного ресурса Электронного архива фондов СВАГ, насчитывающая 185 591 описание документов и их электронных образов, стала доступна в ЛВС читального зала ГА РФ. По согласованию с Росархивом ведется подготовка к поэтапному размещению Электронного архива фондов СВАГ в Интернет. При подготовке контента для публичного использования особое внимание уделяется соблюдению законодательных норм доступа к архивным документам и использования содержащейся в них информации, защите сведений о тайне личной жизни. В серии «Советская военная администрация в Германии, 1945–1949. Документы, материалы, исследования» издано девять томов справочников и тематических документальных публикаций.

Давно закончилась моя служебная карьера, но я стараюсь, по мере сил и возможностей, следить за тем, как развивается архивное дело, и вижу, с каким трудом нынешним руководителям архивных органов и учреждений приходится решать проблемы, доставшиеся от прошлого и возникшие в современных условиях. Объясняется это, на мой взгляд, тем, что архивное дело, как и прежде, не воспринимается государственными органами, особенно экономическими структурами, как дело государственной важности. В 1996 г. удалось добиться принятия распоряжения Правительства Российской Федерации о строительстве в 1997–2002 гг. здания РГИА в Санкт-Петербурге, находившегося в катастрофических условиях. Несмотря на прямое поручение правительства, Минэкономики России и Минфин России не выделяли Росархиву необходимые для строительства финансовые средства. Однако, когда потребовалось освободить занимаемый РГИА комплекс зданий бывших Сената и Синода, а также примыкающий к зданию Сената дворец Лаваль для размещения Конституционного суда Российской Федерации, Управление делами Президента Российской Федерации получило необходимые инвестиции, организовало и обеспечило строительство за два года нового здания РГИА. Сданное в эксплуатацию в декабре 2005 г. здание РГИА является одним из лучших архивохранилищ в мире. Но строительство этого здания, даже вместе с завершением советского долгостроя — зданий РГА ВМФ в Санкт-Петербурге и РГАНТД в г. Москве, не решило проблему обеспечения сохранности документов союзных и республиканских министерств и ведомств, ликвидированных в ходе государственного переустройства нашей страны. Заметим, что в конце 1950-х гг., после децентрализации управления промышленностью, создания вместо промышленных министерств территориальных советов народного хозяйства, было осуществлено строительство нового корпуса зданий ЦГАОР СССР на Б. Пироговской, 17; для обеспечения приема на государственное хранение документов

ликвидированных государственных органов управления экономикой и промышленностью создан Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР, ныне Российский государственный архив экономики — РГАЭ); образован Центральный государственный архив научно-технической документации СССР (ЦГАНТД СССР, ныне Российский государственный архив научно-технической документации — РГАНТД) с филиалом в г. Самаре, где было построено специальное здание архива; как уже отмечалось, специальное здание было построено и для ЦГА РСФСР.

В 2005 г. в средствах массовой информации широко дебатировались вопросы строительства Федерального парламентского центра, создания «Площади Федерации», реализации других масштабных проектов. Когда начиналась разработка Концепции развития культуры и федеральной целевой программы «Культура России. 2006–2010 гг.», я подготовил предложения о создании Центра государственных символов и архива Российской Федерации в целях увековечивания демократических преобразований, осуществленных в нашей стране, улучшения воспитания патриотизма и гражданственности, укрепления единства народов Российской Федерации как неперемennого условия сохранения целостности, устойчивости и динамичного развития новой России. В подготовленных проектах документов создание центра увязывалось со строительством здания ГА РФ, включающего в себя не только архивохранилища, но и соответствующие экспозиционные площади. Предусматривалось создание в центре специальных подразделений для организации хранения, изучения и использования архивных фондов президентов Российской Федерации по аналогии с действующими в структуре Национального архива США президентскими библиотеками. Мое предложение не обсуждалось, было решено ограничиться организацией реконструкции здания ГА РФ на Бережковской наб., 26. К сожалению, реконструкцию этого здания, несмотря на все усилия руководства ГА РФ и Росархива, пока организовать не удалось, хотя это предусмотрено федеральной целевой программой «Культура России».

Хотелось бы надеяться, что 100-й юбилей ГА РФ его коллектив встретит новыми творческими достижениями и успехами в работе, будет отмечать в условиях, достойных заслуг архива в сохранении, приумножении и использовании ценнейших документальных источников по истории нашей страны.

Л. И. Федорова

Федорова Лидия Илларионовна

(р. 28.08.1946). Историк-архивист. Окончила Московский государственный историко-архивный институт. В 1968–1969 гг. — заведующая советским отделом Анапского историко-краеведческого музея Краснодарского края. В 1970 г. поступила на работу в ЦГАОР СССР, где занимала должности младшего, старшего научного сотрудника, старшего архивиста, заместителя заведующего отделом ведомственных архивов, комплектования, экспертизы ценности и научного использования документов (за счет спецсредств). В настоящее время главный специалист отдела комплек-

тования, ведомственных архивов и делопроизводства ГА РФ. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы», нагрудным знаком «Отличник архивного дела».

Воспоминания о работе в ЦГАОР СССР — ГА РФ

Декабрь 2009 г.

На работу в ЦГАОР СССР я поступила поздней весной 1970 г. в возрасте 24 лет. Пришла я, что называется, с «улицы», по блату. За меня ходатайствовала моя преподавательница из МГИАИ Т. В. Батаева. Да, в те годы в ЦГАОР СССР можно было устроиться на работу или по распределению из института, или по протекции. За спиной у меня была работа в Анапском краеведческо-археологическом музее, кратковременное участие в раскопках Фанагории и Горгиппии. О работе государственного архива я знала из курса лекций и семинарских занятий в МГИАИ. Помню, на лабораторных работах в ЦГВИА мы даже занимались описанием дел. Этим и ограничивалось мое знание практической работы в государственном архиве. Из отдела кадров меня направили в так называемый хозрасчетный отдел, сотрудники его занимались научно-технической обработкой документов министерств и ведомств СССР по договорам с последующей их передачей на хранение в ЦГАОР СССР и использованием документов архива на основах хозрасчета.

Вначале мне поручили работу по исполнению запросов музеев о выявлении в фондах ЦГАОР СССР документов о революционной деятель-

ности участников Великой Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны и первых лет социалистического строительства в СССР. Работа не так чтобы очень интересная, но позволяла ознакомиться с фондами ЦГАОР СССР, получить навык работы с описями, картотеками. Затем в кадровом составе отдела произошли какие-то подвижки, объявили аврал, нужно было срочно направить сотрудника в бригаду по обработке документов Министерства здравоохранения СССР. Вот тут для меня начались «мои университеты». Поскольку работа строилась на основах хозрасчета, то в конце каждого месяца бригада должна была составить отчет о проделанной работе и заработанных деньгах. Начальником канцелярии в Минздраве СССР была дама, неплохо знавшая процесс обработки документов, объемы предъявленных к обработке материалов, и она жестко сражалась за каждую государственную копейку. Для того чтобы заработать какие-то деньги, нужно было быстро и качественно выполнять свою работу. Вначале мне поручили описывать несложные документы министерства, а именно: приказы, протоколы заседаний коллегии. Но и с этой первой моей описью при утверждении на ЭПК ЦГАОР СССР произошел казус — опись не утвердили, в годовых разделах описи было заметно отсутствие некоторых дел, а я не смогла объяснить причины их отсутствия.

Со временем я научилась работать с кураторами, членами ЭПК, разрешать все вопросы по утверждаемым описям до заседаний ЭПК.

При дальнейшей работе с фондом Минздрава СССР сложность документов увеличивалась. Ведомственных перечней тогда было очень мало, тогдашний «Перечень типовой документации министерств и ведомств» был крайне малоинформативен, номенклатуры дел в управлениях Минздрава СССР со сложной структурой и большим документооборотом либо не составлялись, либо не отражали действительный состав документов и состояние делопроизводства. Для проведения качественной экспертизы ценности и описания дел приходилось привлекать для консультаций специалистов управлений Минздрава СССР, сотрудников отделов и хранилищ ЦГАОР СССР, проходили совещания, дебаты с членами ЭПК по вопросам отбора документов на госхранение.

После завершения работы в Минздраве СССР я участвовала в обработке документов различных министерств, научно-исследовательских институтов, Академии педагогических наук СССР, Академии медицинских наук СССР, общественных организаций. В процессе работы я четко поняла: чтобы успешно заниматься описанием документов, необходимо, во-первых, четко знать задачи и функции министерства или ведомства, хорошо знать историю своей страны, чтобы не пропустить документы, отражающие, может быть косвенно, какие-то стороны событий, происходивших в стране. Во-вторых, хорошо владеть словом, чтобы составить правильный заголовок дела, который должен кратко, но емко отражать

состав и содержание документов в деле, особенно в деле, содержащем разнотипные документы. По возможности хорошо знать документооборот министерств и ведомств, являющихся источниками комплектования ЦГАОР СССР, чтобы не допустить появления на полках хранилищ дел с повторяющейся информацией. Словом, архивист, занимающийся описанием документов, должен иметь широкий кругозор, интуицию, неплохо ориентироваться в политических событиях, происходивших в стране.

Наиболее ярким событием в моей работе было участие в обработке документов Верховного совета Российской Федерации за 1989–1993 годы.

Многие, вероятно, помнят события конца сентября — начала октября 1993 г. в Москве. Противостояние двух ветвей власти: законодательной и исполнительной, Верховного совета Российской Федерации и Президента Российской Федерации, закончившееся изданием Указа Президента Российской Федерации «О поэтапной конституционной реформе» от 21 сентября 1993 г. Указом прекращалась деятельность Верховного совета, объявлялись выборы нового органа законодательной власти в Российской Федерации. Руководители Верховного совета с Указом Президента Российской Федерации не согласились, все закончилось расстрелом Белого дома, тогдашней резиденции Верховного совета. После этого печального события Прокуратурой Российской Федерации было начато следствие в отношении руководителей Верховного совета.

В целях сохранения документов, находящихся в кабинетах народных депутатов Российской Федерации и структурных подразделениях Верховного совета, Главархивом России было принято решение о сборе этих документов и отправке их в ГА РФ с целью дальнейшего описания.

Документы начали поступать в ГА РФ в конце октября — начале ноября 1993 г. Всего было завезено более 40 тонн документов.

На первом этапе разбором мешков с документами занималась группа сотрудников из архивохранилищ и отделов ГА РФ.

Следует отметить, что с документами Верховного совета я фактически начала работу с декабря 1993 г. Помню первый мой приход в помещение бывшего зала для заседаний Главархива СССР, куда складировали мешки с документами. Часть кресел перед сценой была убрана, на их место были поставлены простенькие конторские столы, далее через четыре-пять рядов кресел вплоть до дальней стены зала высилась гора туго набитых бумажных мешков. У дальней стены зала гора немного не доходила до окошек кинобудки. Был декабрь, около трех часов дня, уже смеркалось, в зале высоко под потолком горели две люстры и все бра вдоль стен, но создавалось впечатление, что в зале стоит полумрак, и в этом полумраке у столов копошились люди. Создавалось гнетущее ощущение от этого контраста большой горы мешков и группки людей, сидящих у столов и перемещающихся по залу. Но это чувство забывалось, когда ты начинала доставать

из мешка документы, и тебя охватывал азарт кладоискателя. Что будет в этом мешке: может быть, записи Р. И. Хасбулатова — председателя Верховного совета Российской Федерации, или дневники участника одного из последних заседаний Верховного совета «при свечах», или стенограмма отчета А. В. Руцкого о переговорах с руководителем Чеченской республики Джохаром Дудаевым? Но таких находок были единицы. В основном попадались разрозненные документы комитетов и комиссий Верховного совета, много брошюр, книг, газет, копий постановлений Верховного совета Российской Федерации. Все это надо было тщательно систематизировать. Первой группой по разбору документов была разработана схема систематизации документов в соответствии со структурой Верховного совета и по тематическим группам. Для этого на сцене зала разложили надписанные большие папки с тесемками, куда складывали документы. Всего получилось более 30 папок. Каждый сотрудник, занятый разборкой мешков, должен был разложить по схеме документы из своего мешка, а затем разнести их по папкам. Чтобы не тратить много времени на беготню вокруг сцены, следовало запомнить расположение папок, а главное — запомнить достаточно громоздкую структуру Верховного совета. На запоминание уходило время. Иногда в темноте трудно было разглядеть, что написано на папке. Естественно, от человека, отработавшего 4-5 часов на рабочем месте, требовать большой производительности труда и разборки документов без ошибок довольно сложно. Видимо, с целью ускорения работ в январе 1994 г. приказом директора ГА РФ была создана постоянная группа по обработке документов Верховного совета Российской Федерации. Костяк этой группы составляли сотрудники бывшей группы по обработке документов (на основах хозрасчета) отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства ГА РФ (Елена Сергеевна Давидян, Владимир Васильевич Саунин, Ольга Николаевна Кондратьева, Юрий Васильевич Жиряков). Возглавить группу поручили мне. Продолжали работать некоторое время и сотрудники предыдущей группы. В некоторые дни в зале собиралось до 15 человек. Не всегда это способствовало ускорению и четкости работы.

У сотрудников бывшей хозрасчетной группы не было опыта обработки таких массивов россыпи и такого сложного ведомства, как Верховный совет Российской Федерации. Мне срочно пришлось изучать историю Верховного совета, знакомиться с содержимым папок с ранее систематизированными документами, изучать сдаточные описи дел, ранее переданных в Архив Верховного совета Российской Федерации, которые нам любезно предоставили сотрудники архива. Необходимо было срочно уточнять и дорабатывать ранее созданную схему систематизации документов. Нужно было четко знать, где, в каком углу сцены лежит та или иная папка, чтобы быстро ответить на вопрос сотрудника, куда положить тот или иной до-

кумент, а иногда доказать, что положить нужно именно в эту папку, а не в какую-то иную. Нужно было следить, чтобы заполненные папки были отнесены в определенное место в зале, а на освободившееся место положена новая папка с четко написанным названием структурного подразделения или тематической группы.

Иногда опускались руки, и казалось, что этот бумажный вал нас погребет, рассортировать все документы из мешков казалось нереальным, а эта грязь, запах пыли и гари, который долго стоял в зале, никогда не закончится. Охватывал ужас, как мы будем формировать дела из этих громадских папок, в каждой из которых не менее 500–700 листов.

Потихоньку решались бытовые проблемы, борьба с пылью и грязью, освещение, завоз коробок для размещения дел. Огромную организационную, да и просто психологическую помощь оказывал заместитель директора ГА РФ Евгений Львович Луначарский. Я до сих пор уверена, если бы не действенная помощь и всегда доброжелательное, терпеливое отношение Евгения Львовича, я бы не дошла до финиша.

После основного разбора мешков и формирования папок с россыпью документов начался новый этап обработки документов. Нужно было начинать формировать дела. После изучения истории фондообразователя, сдаточных описей дел Верховного совета, содержимого папок с ранее систематизированными документами были разработаны принципы формирования дел и схема систематизации дел фонда. Все это решалось на бесчисленных совещаниях с членами ЭПК, участниками предыдущей группы по разбору документов Людмилой Федоровной Пшеничной, Софьей Викторовной Сомоновой, Анастасией Владимировной Добровской. Было несколько посещений Архива Государственной Думы РФ, консультации с сотрудниками архива, просмотр дел в архиве. Следует еще раз напомнить, что в ГА РФ поступили документы текущего делопроизводства Верховного совета Российской Федерации, т. е. те, что находились в кабинетах членов комитетов и комиссий, сотрудников структурных подразделений. Значительная часть дел Верховного совета за 1989–1992 гг., как и положено, периодически, в конце каждого года поступала на хранение в Архив Верховного совета Российской Федерации. Но, как это обычно бывает, структурные подразделения сдают в архив не все дела. Таким образом, в ГА РФ попали документы за 1990–1993 гг. Практически фонд Верховного совета оказался разорван, и требовалась очень кропотливая работа, чтобы при описании дел, находящихся в ГА РФ, дать вразумительные отсылки на дела с аналогичными документами, находящимися в Архиве ВС РФ. Схема систематизации дел была утверждена на ЭПК ГА РФ, но работа над ее усовершенствованием продолжалась еще некоторое время.

При формировании и описании дел сотрудниками использовались также телефонные справочники структурных подразделений Верховного со-

вета, сдаточные описи дел, поступивших в Архив Верховного совета РФ, единственная номенклатура дел, список депутатов, избранных в Верховный совет, бюллетени заседаний Верховного совета и еженедельные планы и отчеты о законодательной работе комитетов и комиссий Верховного совета. При более тщательном разборе папок с россыпью документов, систематизированных по первоначальной схеме, естественно, выявлялись комплексы документов, не вписывавшихся даже в позднюю, казалось бы, окончательную схему систематизации дел фонда, приходилось на ходу изменять схемы систематизации дел в описях.

Появлялись документы временных депутатских комиссий Верховного совета, комплексы документов, отложившихся в результате деятельности депутатов и экспертов Верховного совета за более ранние годы, не связанные с их деятельностью в Верховном совете. Срочно перекраивались списки описей, схемы систематизации дел в описях, писались обоснования, почему эти документы оставлены на постоянное хранение и помещены в данную опись.

Помню, в результате разбора мешков было собрано много записных книжек, дневников, личных писем, заметок. На постоянное хранение отбирали дневники с записями о работе в Верховном совете, пытались по косвенным данным определять авторство дневников. Было найдено несколько дневников сотрудниц структурных подразделений Верховного совета с описаниями бурной личной жизни, кажется, одну или двух владельцев дневников удалось разыскать и вернуть записи. Так же поступали и с личной перепиской, если на конверте имелся адрес, отсылали адресату, безымянные приходилось уничтожать. Некоторые бывшие депутаты приходили, искали и находили свои записные книжки с адресами и телефонами.

Все это была очень интересная творческая работа. Но кроме творческой работы необходимо было заниматься и организационной, как кошмар остались в памяти составление многочисленных планов обработки дел, тщательные подсчеты листов в папках, перевод их в килограммы, попытка расчета норм выработки. Составление месячных, квартальных, годовых отчетов, подготовка справок к заседаниям дирекции, где рассматривался ход работы по описанию дел. Все это отнимало массу сил, времени, а главное нервов.

А душевное равновесие необходимо было при общении с сотрудниками группы. Состав группы был довольно пестрый, перечисленные выше сотрудники бывшей хозрасчетной группы отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства составляли только костяк группы, да и то не все вначале работали на постоянной основе, так как у некоторых были какие-то незаконченные работы по описанию дел министерств и ведомств. Чтобы ускорить работу, в группу

принимали изъявивших желание работать сотрудников ГА РФ при условии хорошего выполнения своей основной работы за счет экономии рабочего времени. Большинство из них не имело навыков описания документов. Приходилось много времени тратить на обучение, объяснение, проверку работы. Особенно сложно было на первичном этапе разбора документов из мешков. Нужно было вновь пришедшего сотрудника ознакомить со схемой разборки документов, размещением папок на сцене, подсказать некоторые приемы ускорения работы, показать, какими справочниками следует пользоваться при разборке. Некоторые сотрудники на первых порах терялись, часто подходили ко мне, спрашивали, как правильно систематизировать тот или иной документ. Некоторые сотрудники уходили сами, осознав тяжесть работы, с некоторыми приходилось расставаться вынужденно.

Сейчас это звучит наивно, но я впервые в период описания документов Верховного совета близко познакомилась с компьютером и начала учиться использовать его в обработке документов. По мере окончания описания дел структурного подразделения или тематической группы систематизированные карточки передавались оператору, он быстро вводил карточки, делал черновую распечатку. После проверки, редакционного уточнения заголовков распечатка передавалась сотрудникам, выполнявшим техническую работу (нумерацию листов, оформление обложек). Помимо механического внесения в опись количества листов в деле сотрудники иногда находили ошибки в формировании дел и тем самым помогали улучшить качество описей. С правленной черновой распечатки вносились изменения в файл описи в базе данных. Кстати, этим оператором, создававшим электронный вариант описей Верховного совета, был теперешний главный специалист отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства ГА РФ О. В. Олейников. Он же занимался обучением работе на компьютере всех желающих. Во всяком случае, именно ему обязана я тем, что теперь компьютер для меня подспорье не только в работе, но и в жизни.

После завершения обработки документов Верховного совета Российской Федерации наша, закаленная в боях с валом документов, группа не распалась. Так сложились обстоятельства, что осенью 1997 г. в тот же зал завезли дела упраздненного Комитета физкультуры и спорта СССР. Работа по описанию этих документов, конечно, была проще, проходила быстрее. К началу 1999 г. работа была почти закончена, нас торопили, в зале решили делать ремонт. И в самом деле, архиву требовалось помещение для совещаний. С грустью мы наблюдали, как рушили сцену, где мы складировали книги, брошюры, вывезенные из Белого дома (они потом были переданы в библиотеку), как выламывали кресла, на которых мы размещали коробки со сформированными

ми делами Верховного совета, со смехом вспоминая, как тяжело было делать подкладку вновь обнаруженных документов в ранее сформированные дела, так как, чтобы достать дело, коробки необходимо было переставлять (в одно кресло помещали не более 4, 5 коробок, иначе кресло ломалось, а кресел на все коробки не хватало), между рядами были узкие проходы, и упитанные сотрудницы иногда застревали в проходах. Но вместе с тем мы испытывали удовлетворение от того, что смогли победить свой страх неумения, незнания. В процессе работы мы смогли из разрозненных листочков создать дела и дать ключ будущим исследователям непростого периода в истории нашей Родины, какими были 1989–1993 годы.

С. В. Сомонова

Сомонова Софья Викторовна

(р. 06.07.1939). Учитель истории, историк-архивист. Окончила Московский государственный педагогический институт в 1967 г. В 1966–1971 гг. работала в средней школе Октябрьского района г. Москвы пионервожатой, заместителем директора школы по воспитательной работе. С 23 августа 1971 г. начала свою трудовую деятельность в ЦГАОР СССР с должности младшего, старшего научного сотрудника, с 1980 г. — являлась заместителем заведующего отделом информации и научного использования документов ЦГАОР СССР, активно занималась выставочной деятельностью, проводила экскурсии по документам архива. С 1985 г. — заведующая архивохранилищем фондов высших органов государственной власти и управления СССР ЦГАОР СССР — ГА РФ. При ее самом непосредственном участии происходил прием документов Совета министров СССР за весь период его деятельности в ГА РФ, перевозка документов названных документов с Урала, организация нового современного архивохранилища для хранения документов Совета министров СССР. Награждена медалями «Ветеран труда», «В память 850-летия Москвы», неоднократно награждалась почетными грамотами Главархива СССР и Росархива.

Воспоминания о работе в ЦГАОР СССР и ГА РФ

Декабрь 2009 г.

Я пришла на работу в ЦГАОР СССР 23 августа 1971 г. 14 лет я проработала в отделе использования. Работа мне очень нравилась. Это был один из самых интересных периодов моей жизни. Отдел у нас был большой — 18 человек, если считать еще и читальный зал. Все сотрудники очень эмоциональные, настроенные творчески. У нас не было равнодушных. Иной раз эмоции так захлестывали, что летели телефонные трубки. Но потом все успокаивались, и работа спорилась. Мы проводили многочисленные выставки в творческих домах, учреждениях, встречи.

С первой выставкой я столкнулась в 1972 г. Готовилась выставка, посвященная Великой Отечественной войне в Музее Вооруженных Сил. Подготовка велась очень тщательно. Меня к подготовке выставки привлекла Татьяна Александровна Иллерицкая, сотрудник отдела, в свое время она была главным делопроизводителем на Нюрнбергском процессе, через ее руки прошли многочисленные документы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний фашистов на временно оккупированной территории СССР. Впоследствии они составили фонд ЧГК, хранящийся в нашем архиве. Она была очень интересным человеком, профессионалом. Я всегда поражалась ее удивительной памяти. Она держала в голове все факты, могла «с закрытыми глазами» сказать, где найти нужную информацию. Я много получила от нее знаний. При подготовке выставки нам пришлось изучить огромную массу документов и фотографий из нашего фонда. На меня тогда все это произвело огромное впечатление. Впоследствии, когда стало модным отмечать день рождения Гитлера, молодежь уже не так хорошо знала события военных лет, мы организовали «выездную» экскурсию-выставку. Мы выезжали в школы с документами и рассказами о страшных фактах злодеяний фашистов. Наверное, сейчас это было бы очень актуально.

В 1975 г. отмечалось 150-летие восстания декабристов. Мы участвовали в многочисленных выставках, публикациях. В Доме ученых проходила большая научная конференция, и я познакомилась со многими очень интересными людьми, участвовала в заседаниях. А еще я подготовила публикацию в журнал «Советские архивы». Меня всегда, еще с института, интересовала тема декабристов. Придя в архив, я получила возможность изучать документы Комиссии по делу декабристов, личные фонды декабристов. Тогда готовилось к печати многотомное издание по истории восстания декабристов. 8-й том этого издания на длительное время стал моей настольной книгой. Там опубликованы справочные сведения обо всех участниках восстания, членах их семей.

В личных фондах я обнаружила большой батистовый платок, принадлежащий Александре Григорьевне Муравьевой, жене декабриста. На платке переписаны правила «относительно жен декабристов», на основании которых им разрешалось последовать за своими мужьями в Сибирь. Я изучила документы личных фондов, воспоминания и др. материалы и подготовила публикацию, основой которой стал платок А. Г. Впоследствии мне сказали сотрудники редакции, что эта публикация была признана одной из лучших публикаций года.

В 1980 г. мне предложили возглавить архивохранилище высших органов государственной власти и управления СССР. Признаться, мне очень не хотелось расставаться со своим отделом. Коллектив у нас был дружный, творческий. Некоторые даже осуждали, что у нас слишком «домашняя» атмосфера. Я считаю, что это, наоборот, приносит пользу творческому процессу. Но если это кому-то не нравится — это их дело. Последние годы моей работы в отделе его возглавляла Наталья Васильевна Михайлова, удивительный человек, интеллектual, добрейшая, умнейшая женщина, наш большой друг. Я уже когда-то писала о ней воспоминания. Мне очень не хотелось с ней расставаться, но она меня уговорила перейти «для роста». Не знаю, может быть, жизнь моя была бы совсем другой. Но вот уже много лет я работаю заведующей архивохранилищем. Здесь я тоже провела много интересных дней, столкнулась со многими интересными событиями. У меня неплохой коллектив, хотя не очень стабильный, в основном молодые люди, которых приходится каждый раз учить профессии, т. к., к сожалению, за весь период моей работы в хранилище коллектив постоянно менялся. Мои дети (да, именно мои дети) выросли, заканчивали институты и по разным обстоятельствам покидали архив. Да и, что говорить, сидеть в хранилище, где не очень хорошие условия труда, маленькая зарплата, а требования и нагрузки большие, — кому это понравится? Я стараюсь защищать их, создавать им более комфортные условия и более комфортные режимы, но много ли таких возможностей?

Уже больше года нам не прибавляют зарплату (кризис!), а объемы работы растут.

Постепенно, когда допуск исследователей, в том числе иностранных, к документам высших органов государственной власти стал более демократичным, начался процесс рассекречивания документов, выдача дел увеличилась, к нам стало приходиться значительно больше исследователей.

В 1990-е гг., когда закончилась деятельность последнего Верховного совета СССР, нам пришлось участвовать в разборке и вывозе документов из здания на Калининском проспекте, где ранее размещались депутаты. Депутаты разъехались, оставив в своих кабинетах документы, письма (даже нераспечатанные), сваленные в углу комнаты на полу. Нам дали неделю, и мы с бригадой из сотрудников архива ходили из

кабинета в кабинет по этажам, разбирали все эти «кучи», паковали их в коробки и папки. А как только мы покидали этаж, вслед за нами шли солдаты и собирали все оставшиеся бумаги в специальные контейнеры для сжигания.

А чуть ранее нам позвонил бывший депутат А. М. Оболенский, который возглавлял Комиссию по ГКЧП. Он был известен еще и тем, что во время выборов президента сам предложил свою кандидатуру, чтобы выборы были альтернативными. Оболенский заявил нам, что опасается за сохранность собранных его комиссией документов. Анастасия Владимировна Добровская и я поехали на Калининский проспект, встретились с Оболенским и сотрудниками его аппарата и помогли разобрать и упаковать их архив, а затем на машине Оболенского перевезли все документы в архив. Позднее, когда документы комиссии были обработаны, описаны, они вошли составной частью в опись № 7 фонда Съезда народных депутатов, ВС СССР и их органов (№ Р-9654).

Еще более тяжелая, но интересная работа легла на наши плечи, когда после событий 1993 г. в Белом доме нам перевезли огромную массу (48 тонн) неразобранных документов.

К сожалению, на стадии отбора их в Белом доме сотрудники архивохранилища не участвовали, хотя некоторый опыт у нас уже был. Была создана большая бригада из сотрудников архивов, Архивного управления. Но сначала в помещения Белого дома пришли сотрудники прокуратуры, за ними были «запущены» уборщицы. Поэтому, когда мы получили мешки с документами, во многих оказались тряпки с сажей и кровью, остатки продуктов и россыпь документов.

Упакованные в мешки и связки документы на машинах перевозили на территорию архивного городка в сопровождении солдат, которые затем, выстроившись в цепочку, разгружали их в конференц-зал. При разгрузке мешки и связки рвались, документы рассыпались, поскольку солдаты не очень понимали, что они держат в руках. Увидев это, мы с Анастасией Владимировной Добровской взяли все в свои руки. Мы нашли командира, потребовали, чтобы он объяснил солдатам, с чем они имеют дело, важность их работы. «А мы думали, что это макулатура», — сказали молодые ребята.

С этой минуты мы стали следить, чтобы разгрузка шла аккуратно, документы минимально пострадали. Все привезенные мешки складывали у торцевой стены зала, там, где были окошки кинобудки. В результате образовался некий «Монблан» вплоть до этих окошек.

Следующей задачей было все это разобрать, систематизировать, подготовить весь массив для обработки и создания фонда. Была создана бригада из сотрудников архива. Мы с Анастасией Владимировной продумывали, по какой схеме отбирать материалы, даже вечерами по телефону обсуж-

дали это. В итоге мы предложили систематизировать все документы в соответствии со структурой бывшего Верховного совета, т. е. по комиссиям, комитетам, секретариатам и так далее.

По всему периметру сцены разложили папки с названием раздела, и началась работа. За 2 месяца были разобраны все мешки и связки, разложены по соответствующим папкам.

Документы были готовы для дальнейшей работы. Большую практическую помощь нам оказывали Евгений Львович Луначарский и Игорь Юрьевич Горбунов.

В зал пришла бригада обработчиков во главе с Лидией Илларионовной Федоровой, одной из опытейших сотрудников отдела комплектования. Она много лет проработала в архиве, через ее руки прошла огромная масса документов. Опыт ее бесценен.

Под руководством Лидии Илларионовны начались уже тщательная экспертиза, описание документов. Теперь мы имеем фонд Съезда народных депутатов Российской Федерации, который отражает события целого этапа в жизни нашего государства. В описании документов принимали участие многие наши сотрудники — Л. Ф. Пшеничная, Н. С. Зелов, Л. И. Хить, Е. С. Давидян и многие другие. Я занималась описанием документов Комиссии по культуре.

В 2003–2004 гг. на архивохранилище легла грандиозная задача по приему дел бывшего Правительственного архива. После 50-х гг. прошлого века правительственные документы не поступали в архив. Большая часть их находилась на Урале, в специальном архиве. Нам предстояло принять 116 тыс. дел. Специально для этого были оборудованы новые современные архивохранилища. Е. Л. Луначарский, Н. И. Владимирцев и я по очереди выезжали в Челябинскую область, где участвовали в подготовке к перевозке документов. Мы проверяли готовность к погрузке, документацию, затем присутствовали при погрузке на машины, а затем в специальные вагоны. Уже в Москве организовывали разгрузку и прием дел в архивохранилище. Кроме того, что Гохран выделил нам солдат, были задействованы все сотрудники хранилища и выделены дополнительно сотрудники из других подразделений архива. Временами мне казалось, что мы не справимся. Ведь кроме нового приема мы должны были вывезти и распределить коробки с делами из двух цокольных помещений. И только энтузиазм моих сотрудников, их ответственное отношение, понимание важности того, что мы делаем, дали положительные результаты. 3 двухэтажных хранилища были заполнены, и даже старые коробки смотрятся очень неплохо.

Нам многое еще предстоит сделать, нагрузки все увеличиваются, но я верю в свой коллектив и потому смотрю в будущее с оптимизмом.

Е. Л. Киселева

Киселева Екатерина Львовна
(р. 1969). Историк-архивист. Окончила Историко-архивный институт РГГУ в 1993 г., а в 2004 г. — Столичный институт переводчиков, проходила в 2005 г. языковую стажировку в Институте Гёте в г. Мюнхен (Германия). В 1986–1988 гг. — оператор микрофильмирования лаборатории микрофильмирования и реставрации документальных материалов ГАУ при Совете министров СССР. С августа 1993 г. работает в ГА РФ в отделе научно-информационной и справочной работы. В настоящее время занимает должность заместителя начальника отдела, возглавляет работу архива по исполнению запросов социально-правового характера.

Быть светлым лучом для других...

Февраль 2010 г.

Август 1993 г. Вхожу на территорию архивного городка на Большой Пироговской, оживают теплые воспоминания о работе в лаборатории реставрации и микрофильмирования архивных документов Главного архивного управления при Совете министров СССР, о моих первых наставниках Полине Петровне Казаковой и Марии Константиновне Черновой, благодаря которым я впервые почувствовала глубокий смысл той профессии, на которой остановила свой выбор. Тогда ведь казалось почти невероятным, что могу дотронуться до древнего документа или прочитать подлинный документ советского периода истории, о котором, кажется, слышала на уроке истории.

И вот уже позади веселые и интересные студенческие годы в стенах МГИАИ — РГГУ. Пять лет не срок для исторических измерений, хотя это была эпоха больших перемен.

В голове крутится один вопрос: «Как встретит меня архив, работать в котором давно мечтала?»

Государственный архив РФ встретил меня доброй улыбкой зам. директора архива Алии Исхаковны Барковец, которая рассказала о самом напряженном участке — секторе социально-правовых запросов, где очень

важна помощь, поскольку поступает огромное количество запросов от бывших малолетних узников нацизма. С первого дня меня окружили заботой руководитель сектора Лидия Ивановна Круглова и коллеги, которые раскрывали премудрости и тонкости практической архивно-справочной работы.

В один из первых рабочих дней, оказавшись в канцелярии архива, впервые увидела седоволосую, но энергичную женщину, показавшуюся мне тогда очень строгой. Это была Лидия Александровна Ястребцева — человек-легенда, человек-судьба, посвятившая архивному делу всю свою жизнь, которая впервые вошла в архивный городок зимой 1941 г. сотрудником Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ныне РГАДА). В 1943–1945 гг. работала в должности секретаря начальника Главархива И. И. Никитинского и сотрудника организационно-инструкторского отдела, а с 1974 по 1992 г. — начальником общего отдела Главархива СССР. После его ликвидации пришла на работу в Государственный архив Российской Федерации и вскоре возглавила сектор социально-правовых запросов. Лидия Александровна часто делилась своими воспоминаниями о пережитых событиях и людях, с которыми ей пришлось работать, во время совместных чаепитий, которые были у нас традицией, и рассказы эти были наполнены особым теплом

С ее приходом для сектора начался новый этап. Сейчас, возможно, трудно представить, но в то время в год поступало свыше 15–20 тысяч запросов от граждан, переживших войну, оккупацию, тяжелый труд вдали от дома и лагеря. Поскольку сроки выплат имели определенные временные ограничения, а возраст и состояние здоровья этих людей требовали максимального сокращения сроков исполнения их запросов, были необходимы какие-то особые шаги в организации работы. По инициативе Лидии Александровны был введен принцип специализации сотрудников по отдельным комплексам документов, который позволял их детальное изучение, создание научно-справочного аппарата к отдельным комплексам документов, а значит, качественное исполнение большой группы запросов одновременно. Но, несмотря на специализацию, всегда работал и другой очень важный принцип взаимозаменяемости и взаимопомощи.

Особые человеческие качества Лидии Александровны — умение и желание щедро делиться своим душевным теплом и поддерживать творческую инициативу — всегда привлекали в сектор молодежь, которая набиралась жизненного опыта у двух «старожилов» сектора — Лидии Александровны и Игоря Григорьевича Новопашина. Скольким 18–20-летним, начинавшим свой профессиональный путь в секторе, они помогли освоить азы архивного дела. Лидия Александровна умела создать в секторе деловую и одновременно дружескую атмосферу. Игоря Григорьевича Новопашина в шутку нарекли «ходячим справочником по фонду ЧГК», поскольку он

мог по памяти назвать архивные шифры дел, где можно найти необходимые документы. У нас всегда было весело, ну, а если было о чем погрузиться — грустили вместе. Возможно, в этом и заключался главный секрет успешной работы. Каждый пытался сделать что-нибудь, чтобы работать стало чуть легче. Общими усилиями были разработаны бланки ответов с рекомендациями по отдельным категориям запросов, создана база данных на «Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на территорию бывшего СССР» — важный источник, где содержатся сведения о месте пребывания в Германии. А для скольких узников лагерей и насильственно угнанных Лидия Александровна была светлым лучом, а ее имя олицетворяло надежду. Она никогда не оставляла без внимания любую просьбу приходящего к ней за советом и помощью и всегда своим личным примером заставляла нас задумываться над тем, как это важно уметь дарить тепло другим. Вспоминается один эпизод. Были трудные экономические времена, и в архиве возникли трудности с отправкой почты. Однажды в архив приехала заявительница из Минска, чтобы забрать очень ценную для нее архивную справку. Почта уже находилась в мешках, найти ту самую справку среди нескольких сотен упакованных, похожих друг на друга конвертов казалось нереальным, оформление дубликата тоже требовало времени. Простая арифметика — пять мешков, пять сотрудников: кому повезет найти заветное письмо? Оно было найдено довольно быстро, рады были все: заявительница, которая со слезами на глазах прижимала к груди бесценную для нее справку, и мы, которым в этот момент казалось, что нет ничего прекрасней, чем сделать немного счастливее ближнего.

Ф. Э. Саулевич

Саулевич Феликс Эдуардович

(р. 1934). Историк-архивист. После окончания в 1958 г. МГИАИ работал в Центральном архиве Минвнешторга СССР. В 1965–1991 гг. сотрудник (археограф, старший археограф, старший инспектор по основной деятельности, инспектор-архивист 1-й категории) Главархива СССР. Курировал государственные архивы, хранящие в основном кинофотофоно- и научно-техническую документацию; участвовал в проверках архивных учреждений ряда со-

юзных республик (Украина, Белоруссия, Латвия, Молдавия, Грузия, Узбекистан, Туркмения) и областей РСФСР. Принимал участие в разработке нормативно-методических материалов (правил, инструкций и др.), регламентирующих работу государственных и ведомственных архивов с аудиовизуальными документами. С 1992 г. в составе ЦГАОР СССР, затем ГА РФ. В настоящее время — специалист 1-й категории организационно-методического отдела ГА РФ. Ф. Э. Саулевич, работая в ГА РФ, выполняет работу по линии организационно-методического отдела, в том числе по организации производственной практики студентов Историко-архивного института РГГУ, МГУ им. М. В. Ломоносова, Российского университета дружбы народов, МГГУ им. М. А. Шолохова, Библиотечного колледжа. Ветеран труда, награждался почетными грамотами Главархива СССР и Росархива, нагрудным знаком «Отличник архивного дела», Почетным знаком РОИА, памятной медалью «Патриот России».

Студенческая практика в ГА РФ

Январь 2010 г.

К ветеранам ЦГАОР я себя отнести не могу, поскольку проработал в его составе всего около трех месяцев (январь–апрель 1992 г.), а дальнейшая судьба была связана с созданным на его базе Государственным архивом РФ.

После ликвидации Главархива СССР проблема трудоустройства стала для меня чрезвычайно актуальной (до пенсионного возраста оставалось еще два года). Обращаться с просьбой о приеме в Росархив как-то не хотелось: бывший союзный главк тогда всюду третировался как реакционный «оплот командно-административной системы», и ощущать себя на новом месте человеком второго сорта вовсе не прельщало.

Это уже позднее я неоднократно слышал от архивных специалистов (в том числе руководителей федеральных архивов) уважительные отзывы об уровне руководства и профессионализме сотрудников Главархива СССР, эффективной системе курирования центральных государственных архивов, искренние сожаления, что многое из этого ушло.

К слову сказать, целый ряд сотрудников ликвидированного главка, принятых в штат Роскомархива, оказали существенную помощь в налаживании его работы в новых изменившихся условиях, особенно в руководстве всей сложной системой бывших центральных госархивов СССР, в одночасье оказавшихся под эгидой российского комитета.

В этой связи не могу не вспомнить Вячеслава Дмитриевича Сплошнова, которого хорошо знал по совместной работе в союзном главке. Его

знания, опыт, высокая работоспособность, тщательность в проработке вопросов и подготовке служебных документов в полной мере проявились на новом месте. Будучи несколько лет куратором нашего Государственного архива Российской Федерации, он обеспечивал постоянное взаимодействие наших специалистов с Росархивом и оказывал оперативную помощь в решении различных организационных и методических проблем. Его уход (по возрасту и в связи с сокращением штатов) явился значительной потерей не только для ГА РФ, но и (смею думать) для самого Росархива.

А тогда, в январе 1992 г., лучшим выходом для меня явилось приглашение руководства ЦГАОР (Е. Л. Луначарский, Т. Ф. Павлова, А. В. Добровская), с которого и началась моя служба в архиве. Меня (как и приглашенную одновременно Л. А. Ястребцеву) коллектив принял доброжелательно, к тому же как архивиста с большим стажем и опытом. Мой первый начальник (в отделе планирования и организационно-методической работы) Ирина Эдуардовна Торгашова говорила, что хотела бы у меня «многому научиться». Но я вскоре убедился, что и мне придется немало освоить заново, поскольку так называемая «аппаратная работа» и служба непосредственно в стенах архива все же не совсем одинаковые вещи. Несмотря на более чем 25-летний опыт главка с его командировками, комплексными проверками архивных учреждений и составлением документов для высоких инстанций, многие детали практической работы в госархиве давались мне труднее, чем тому, кто, как говорится, с «младых ногтей» стоял у архивной полки.

Вообще это было довольно тяжелое и тревожное время: задержки зарплаты, недофинансирование и необеспеченность нормальной деятельности архивных учреждений вызывали раздражение людей, еще не остывших от борьбы с «партийно-государственными структурами». С интересом я наблюдал, как сотрудники бывших союзных архивов, еще недавно горячатовавшие за переход «под юрисдикцию России», теперь апеллировали к новым российским властям, обещая акции протеста, и писали отчаянные обращения к высокопоставленным лицам.

Для нашего архива ситуация осложнялась трудностями слияния с бывшим ЦГА РСФСР — не только организационного плана, но и чисто психологическими. Будучи, так сказать, «человеком со стороны», не связанным тесно с тем или другим коллективом, я видел, как болезненно проходил этот процесс, особенно для архивистов «на Бережках» (вплоть до ухода некоторых специалистов).

Но работать было необходимо в любой обстановке, отвечая на вызов времени, с учетом новых политических и экономических реалий. Постоянно решались проблемы финансирования и изыскания внебюджетных доходов, ремонта помещений и технического оснащения, совершенство-

вания структуры архива как единого организма с общими задачами для всего коллектива.

Среди новых для меня служебных обязанностей в ГА РФ одной из основных неожиданно стало руководство производственной практикой студентов Историко-архивного института и других вузов, а также учащихся техникумов и профтехучилищ (в настоящее время преобразованных в колледжи). Хотя раньше я не ощущал в себе педагогических склонностей и общение с большим составом постоянно меняющихся лиц как-то тяготило (по этой причине я отказался в свое время от приглашения в отдел кадров Главархива), но тут выбирать не приходилось.

Несомненно, что ежегодный приток учащихся практикантов являлся значительным подспорьем для отделов и архивохранилищ в выполнении самых разных видов работ — от архивно-технических до требующих использования электронных технологий. К тому же некоторые участники оформлялись потом на постоянную работу в архив. Конечно, больше всего мы были заинтересованы в выпускниках Историко-архивного института, но более чем за 15 лет из многих десятков его студентов, проходивших у нас практику, в ГА РФ поступали считанные единицы, как, например, ставшие ныне квалифицированными специалистами К. Б. Ульяницкий, О. В. Олейников, в последнее время И. В. Байкова... вот, пожалуй, и все, кого я мог вспомнить. Вероятно, одной из основных причин «непривлекательности» службы в федеральном архиве оставался низкий уровень зарплаты его работников (проблема, не решенная до сих пор), поэтому следовало использовать другую возможность — заочную форму обучения для уже работающих в архиве молодых сотрудников (что практиковалось и ранее). Но тут мой институт (в котором когда-то постигал основы архивоведения) оказался не на высоте.

Дело в том, что начиная где-то с 2001 г. отношение к поступающим на заочное отделение работникам ГА РФ резко изменилось. Не говоря уже об отсутствии каких-либо привилегий при поступлении, наших молодых людей (несмотря на рекомендации руководства архива) нещадно заваливали на вступительных экзаменах, отсеивая, так сказать, с ходу. Правда, с большой охотой (независимо от выставленных двоек) принимали на платные места. Это меня крайне удивляло: я считал, что система заочного обучения существует не столько для извлечения дополнительной прибыли, как в первую очередь для получения высшего образования практическими работниками отрасли. Тем более что ГА РФ, являясь одним из базовых учреждений для проведения архивной практики ИАИ (включая его новые факультеты: историко-филологический, политологии и права), был вправе рассчитывать на ответные шаги и помощь в подготовке специалистов. Об этом я неоднократно пытался говорить с преподавателями, которые посещали архив для руководства студенческой практикой, но из

малопонятных и сбивчивых ответов складывалось единственное впечатление о незаинтересованности в этом деле руководства института. Это, кстати, подтверждалось тем, что учебный процесс и проведение экзаменационных сессий на заочном отделении (по рассказам обучавшихся там студентов) были организованы из рук вон плохо: постоянная путаница и неразбериха с учебниками, отсутствие своевременной и четкой информации для учащихся. В последнее время ситуация вроде бы меняется к лучшему (не знаю, я теперь уже не связан с этими вопросами), но отсутствие в течение ряда лет действенного сотрудничества с профильным учебным заведением в целенаправленной подготовке профессиональных архивистов осталось досадным сожалением в памяти.

В ходе организации учебно-практических занятий и общения с практикантами поневоле объектом внимания становились отдельные процессы и тенденции в деятельности учебных заведений, а иногда и системы образования в целом. В последнее время с удовлетворением можно было отметить стремление к расширенному обучению основам архивного дела: введение специальных курсов и программ, подготовка в колледжах по специальности «ДОУ и архивоведение», обращение к архивной практике студентов не только исторического профиля, а и других гуманитарных специальностей (будущих юристов, например). Это, безусловно, также свидетельствует о повышении роли архивной службы, признании ее важнейшей частью действующих ныне информационных структур.

А ведь 30–40 лет назад на встречах с бывшими школьными товарищами (зарекомендовавшими себя к тому времени в инженерно-конструкторской, научно-производственной, военно-технической и других областях деятельности) мне доводилось не раз выслушивать их сожаления по поводу моей «непрестижной» профессии.

Современный уровень развития федеральных государственных архивов, внедрение в их работу новейших технологий, усиление социально-культурной и научной значимости в жизни общества помогают созданию возможностей для привлечения в наши ряды молодежи. Это вселяет надежду, что регулярно организуемая в стенах ГА РФ студенческая практика (производственная, учебно-ознакомительная, архивная) может со временем стать по-настоящему вспомогательной базой в деле подбора и обучения будущих молодых сотрудников, способствуя хотя бы частично решению кадровых проблем архива.

РАЗДЕЛ 3

ДИРЕКТОРА АРХИВА

Госархив РСФСР–АОР–ЦАОР–ЦГАОР СССР

Адоратский Владимир Викторович

(07(19).08.1878, Казань — 05.06.1945, Москва).

Родился в семье служащего. В 1903 г. окончил юридический факультет Казанского университета. Член РСДРП с 1904 г., был секретарем Казанского комитета РСДРП. В 1905 г. арестован, сослан в Астраханскую губернию, в 1906 г. выслан за границу. В 1914–1918 гг. находился в Германии в качестве гражданского пленного. В 1918–1919 гг. являлся заведующим Новоромановским архивом, а с 1920 г. — управляющим Госархивом РСФСР. С 1919 г. преподаватель Казанского университета, сотрудник Наркомпроса, Главархива, преподаватель, директор Института красной профессуры (ИКП), Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. Один из основателей Социалистической (с 1924 г. — Коммунистической) академии. В 1920–1929 гг. член президиума Истпарта, заместитель заведующего Центральным архивным управлением. С 1928 г. заместитель директора, директор (1931–1938 гг.), главный редактор (1938–1941 гг., 1944–1945 гг.) ИМЭЛ. В 1931–1936 гг. директор Института философии Коммунистической академии. В 1941–1944 гг. старший научный сотрудник Института философии АН СССР. С 1932 г. академик АН СССР. Делегат XVI, XVII и XVIII съездов КПСС. Научную деятельность посвятил вопросам истории марксизма. Под редакцией В. В. Адоратского вышли 15 томов «Сочинений» Маркса и Энгельса на русском языке и 8 томов на языке оригинала. Кроме того, подготовил издание избранных писем Маркса и Энгельса (1-е изд.: 1922). Один из редакторов «Сочинений» В. И. Ленина и Ленинских сборников (с 11-го по 32-й). Автор ряда пособий по изучению марксизма-ленинизма.

Максаков Владимир Васильевич

(27.06(09.07).1886, с. Можары Рязанской губ. — 19.09.1964, Москва). Родился в семье служащих. Учился в Тамбовской духовной семинарии, откуда был исключен в 1901 г. за участие в «ученических беспорядках». Участник революционного движения с 1903 г. В 1916 г. окончил общественно-юридический факультет Московского народного университета А. Л. Шанявского.

В 1912–1917 гг. корректор газеты «Раннее утро», одновременно в 1917–1918 гг. сотруд-

ник газеты «Пролетарий». В 1918–1919 гг. управляющий Историко-революционным архивом. В 1919–1920 гг. уполномоченный ГУАД, в 1920–1934 гг. управляющий ЦАОР, заместитель заведующего ЦАУ СССР, одновременно в 1920–1926 гг. научный сотрудник, заместитель заведующего Истпартом ЦК РКП(б)–ВКП(б). В 1922–1938 гг. редактор журнала «Архивное дело», заместитель редактора журнала «Красный архив», в 1923–1928 гг. научный сотрудник Института истории РАНИОН, с 1926 г. доцент, с 1929 г. профессор МГУ. В 1929–1930 гг. научный сотрудник Коммунистической академии, в 1930–1933 гг. доцент Коммунистического университета трудящихся Востока. В 1934–1938 гг. директор Библиотеки АН СССР. С 1931 г. доцент МГИАИ. В 1938 г. кандидат исторических наук (без защиты диссертации). В 1938–1964 гг. профессор, заведующий кафедрой МГИАИ. В 1944–1946 гг. начальник ЦГИА (Москва). Член-корреспондент Индийской архивной комиссии в 1957 г. Действительный член Института истории Коммунистической академии в 1929–1930 гг. В 1962 г. заслуженный деятель науки РСФСР.

Кудрявцева Анна Ивановна

(р. 17.05.1894, с. Артвин Батумской обл.). Родилась в мещанской семье. Окончила женскую гимназию в Тифлисе, 4 курса историко-философского отделения Высших женских курсов в Москве, затем МГУ. С октября 1918 г. библиотекарь в 4-й армии Восточного фронта, в 1919–1920 гг. инструктор библиотечной секции Политотдела 4-й армии. С 1919 г. член Коммунистической партии. В 1920 г. инструктор Политотдела 10-й армии Кавказского фронта, затем заведующая библиотечной секцией. В 1921–1923 гг. инструктор библиотечного от-

деления Отдельной краснознаменной Кавказской армии. Одновременно вела лекции и практические занятия по библиотечному делу в Красноармейском университете при отделении Кавказской армии. С 1923 г. член Профессионального союза работников просвещения. С ноября 1923 г. по март 1926 г. помощник управляющего ЦАОР, в 1927–1928 гг. — управляющий ЦАОР. В 1930 г. перешла на работу ученым секретарем в Научную библиотеку ВСНХ СССР. А. М. Рахлин характеризовала ее как энергичного, высококвалифицированного библиотечного работника, хорошего организатора, поднявшего за свое время работы книгохранилище на исключительную высоту.

Драбкина Феодосия Ильинична

(партийные псевдонимы: Наташа, Марианна) (05.01.1883, Ростов-на-Дону — 10.01.1957, Москва). Деятель революционного движения в России. Родилась в мещанской семье, получила среднее образование. С 1900 г. начала вести социал-демократическую пропаганду, с 1902 г. член Коммунистической партии. В 1905 г. член боевой технической группы при Петербургском комитете большевиков; в дни декабрьского вооруженного восстания 1905 г. доставляла боеприпасы в Москву. В 1906 г. секретарь Нарвской районной организации в Петербурге. В 1907 г. член финансовой комиссии Бакинского комитета РСДРП. В 1908 г. в эмиграции во Франции, затем на партийной работе в Петербурге. Была членом редколлегии журнала «Работница». В начале 1917 г. работала в Петрограде в секретариате ЦК РСДРП(б), была секретарем на 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) и на VI съезде РСДРП(б). В октябрьские дни 1917 г. один из секретарей Петроградского ВРК. В 1918–1919 гг. заведующая иногородним отделом ВСНХ. В 1919–1924 гг. работала в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, в Коммунистическом университете трудящихся Востока и Коммунистическом университете в Тбилиси. С 1924 г. инспектор РКИ, затем заведующая издательством и секретариатом Истпарта при ЦК ВКП(б). Заведующая ЦАОР с 1 ноября 1928 г. по октябрь 1929 г., затем была переведена на должность заведующей редакционно-издательским отделом Центрального архивного управления. Затем работала ответственным редактором Партиздата и др. С 1938 г. — персональный пенсионер.

Лядов Мартын Николаевич

(настоящая фамилия: Мандельштам, партийные псевдонимы: Русалка, Мартын, Григорий, Семенович, Саратовец, Лидин) (12(24).08.1872, Москва — 06.01.1947, Москва). Советский партийный деятель, историк. Родился в семье купца. Обучался во 2-й Московской гимназии, в 1889 г. окончил Митавское реальное училище. Слушатель университета Сорбонны в 1907–1911 гг. (обществоведение, юридические науки). В 1890–1891 гг. служил в армии, младший унтер-офицер. Революционную деятельность

начал в 1891 г. в московских народнических кружках. Член Коммунистической партии с 1893 г. В 1893 г. один из организаторов московского «Рабочего союза». В 1895 г. арестован, в 1897 г. выслан в Верхоянск. В 1902 г. член Саратовского комитета РСДРП. В 1903 г. эмигрировал за границу (Берлин, Женева); делегат II съезда РСДРП. После съезда агент ЦК партии. В 1904 г. участвовал в совещании 22 большевиков в Женеве, вошел в состав Бюро комитетов большинства. Делегат от большевиков на Амстердамском конгрессе 2-го Интернационала. Участник баррикадных боев в Москве в 1905 г., член МК РСДРП. Делегат III–V съездов партии. С 1908 г. в эмиграции на о. Капри и в Болонье, лектор фракционных партийных школ. В 1909–1911 гг. примыкал к отзовистам. В 1912–1917 гг. работал в Баку. В 1917 г. заместитель председателя Бакинского совета рабочих депутатов, редактор «Известий Бакинского совета»; примыкал к меньшевикам. Во время Гражданской войны в Баку (в марте 1918 г.) был избран председателем объединенных штабов Красной гвардии промышленных районов, в 1918 г. заместитель председателя Бакинского совнархоза, в 1919 г. статистик в Тифлисе. Все начало революции провел в Баку, был избран председателем Бакинского исполкома, руководил забастовкой, проводил национализацию нефтяных промыслов. В 1918 г. секретарь Союза нефтепромышленных рабочих. При захвате Баку турками и мусаватистами был взят в плен, приговорен к повешению. Перед сдачей турками Баку англичанам и белым с последним эшелом турецких войск был вывезен на границу меньшевистской Грузии. С 1920 г. в Москве, восстановлен в рядах большевистской партии. В 1920–1922 гг. помощник председателя Главтопа ВСНХ РСФСР, директор Центрального управления нефтяной промышленности. Одновременно преподаватель истории партии в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, на Кремлевских командных курсах, в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В мае 1922 г. был командирован для партработы в Нижний Новгород. В 1923–1929 гг. ректор Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. В 1927–1930 гг. член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б). В 1929 г. заведующий Главнаукой. Ноябрь 1929–1930 гг. — заведующий Центральным архивом Октябрьской революции. Член научных советов Института Ленина и Истпарта, Музея революции СССР, сотрудник журналов «Пролетарская революция», «Печать и революция», «Борьба классов». Делегат XII–XVI съездов партии; на XV съезде избирался членом Центральной ревизионной комиссии. Кандидат в члены ВЦИК и ЦИК СССР. С 1932 г. персональный пенсионер, редактор издательства «Старый большевик» и ОГИЗа, член президиума ВОСБ, сотрудник ГБЛ. Автор первых работ по истории партии. Член Профессионального союза горнорабочих, Профсоюза работников просвещения.

Клявин-Вахсман Ян Юрьевич

(04.06.1883, Рига — 03.02.1937, д. Бутово Московской обл.). Окончил училище Министерства народного просвещения, в 1903 г. — курсы механиков при Морском училище, в 1904 г. учился на механическом факультете высшего учебного заведения в Риге, в 1933 г. — на факультете особого назначения инженеров-механиков. В 1898–1905 гг. машинист на бумажной фабрике в Рижском уезде. В 1905 г. вступил в Коммунистическую партию, в 1905–1907 гг. политзаключенный в Рижской центральной тюрьме, бежал. В 1907–1913 гг. механик пароходов Шведско-Норвежского пароходного общества, в 1913–1914 гг. слесарь на Балтийском вагоностроительном заводе. В 1914–1915 гг. служил рядовым в 10-й армии на Западном фронте, в 1915 г. в Галиции за революционную деятельность был приговорен военно-полевым судом к расстрелу, но выжил («в меня попала пуля в левую щеку на вылет, закопаны мы [приговоренные к расстрелу] не были, я оставался еще жив, лежал в поле на опушке леса недалеко около деревни, был подобран крестьянами, отвезли в г. Львов, там вместе с ранеными был отправлен в Киев в госпиталь»). В 1915–1916 гг. служил в звании унтер-офицера Латышской дивизии 6-го и 8-го стрелковых полков на Северо-Западном фронте. В 1917–1918 гг. председатель Комитета боевых дружин 1-го городского районного комитета РСДРП(б) в Петрограде. В 1918 г. член Реввоенсовета и чрезвычайный комиссар Северо-Восточного фронта. В августе 1918 г. арестован немецкими властями, политзаключенный Рижской военной тюрьмы. В 1918–1919 гг. начальник Особого отдела Армии Советской Латвии. В 1919–1920 гг. начальник Особого отдела 4-й армии Западного фронта. В 1920–1921 гг. начальник административно-организационного отдела Туркестанского фронта. В 1921–1923 гг. секретарь уездного комитета партии в г. Полторацке Туркменской обл., в 1923 г. заместитель секретаря губернского комитета в Вологде, в 1923–1925 гг. секретарь парткома в Минске и секретарь бюро Латвийской секции ЦК и ЦКК Белоруссии. В 1925–1927 гг. председатель Контрольной комиссии в г. Муром Владимирской губ. В 1927–1930 гг. ответственный инструктор и директор Центрального архива Облпарткома Крымской АССР в Симферополе (по данным личного дела, отложившегося в фонде Главархива СССР — управляющий Центральным архивным управлением Крымской АССР). С декабря 1930 г. по май 1933 г. — заведующий Централь-

ным архивом Октябрьской революции. В 1933–1934 гг. ответственный секретарь Дебальцевской районной парткомиссии. В 1934–1935 гг. комиссар школы усовершенствования ВОХР в Ленинграде. В 1935–1936 гг. слушатель курсов усовершенствования юридического состава в Московском военном округе. Получил звание военного юриста 1-го ранга. В 1936–1937 гг. член коллегии военного трибунала Харьковского военного округа, инструктор РК ВКП(б). В 1937 г. инструктор Центральной ревкомиссии в Москве ЦС АОХ СССР. С августа 1937 г. директор Каширского райлесхоза. Член Профессионального союза работников просвещения. Арестован 10 декабря 1937 г. По обвинению по ст. 58–6 УК РСФСР в активном участии в контрреволюционной фашистской латышской организации 25 января 1938 г. приговорен тройкой УНКВД Московской области к высшей мере наказания. Расстрелян 3 февраля 1938 г. в Бутово, Московская обл. В свидетельстве о смерти, зарегистрированном 8 июля 1943 г., говорится, что он, отбывая наказание в ИТЛ, умер от упадка сердечной деятельности. Реабилитирован 2 октября 1989 г.

Копяткевич Александр Антонович

(партийный псевдоним: Александр) (06.12.1886, Петрозаводск — 1960). Родился в семье служащих. Окончил Олонецкую губернскую гимназию. С 1905 г. член Коммунистической партии. В 1906–1908 гг. являлся одним из организаторов и руководителей Петрозаводского комитета РСДРП. В 1909 г. подвергся административной высылке на 2 года в Вологду, Вятку. В 1913–1914 гг. сотрудничал в газете «Правда». С 1914 г. по февраль 1918 г. служил рядовым в гвардии Литовского полка. С 1917 г. член Петроградского совета, с сентября член Исполкома,

участвовал во 2-м Всероссийском съезде советов. После революции помощник начальника Политотдела Южного фронта, член Донревкома и Донревисполкома, член президиума Московского совнархоза. В 1910–1921 гг. управляющий делами партии. В 1926 г. член коллегии Верховного суда РСФСР. С 1 февраля 1933 г. по 1934 г. заведующий Центральным архивом Октябрьской революции. В 1933 г. заместитель управляющего ЦАУ РСФСР. В 1934 г. — член Транспортной коллегии Верховного суда СССР.

Костомаров Григорий Дементьевич

(20.11(02.12). 1896, д. Бол. Дураково Орловской губ. — 24.01.1970, Москва). Родился в крестьянской семье. Окончил сельскую школу, курсы ответственных партийных работников при ЦК ВКП(б), в 1933 г. — Институт истории красной профессуры, в 1934 г. профессор. С 1918 г. член Коммунистической партии. С марта 1917 г. работал сельским комиссаром по безопасности, принимал участие в установлении советской власти в Плещеевской волости Орловской губернии, член продовольственной управы, с октября 1917 г. член волостного совета Комитета бедноты. Член Профессионального союза работников просвещения с 1918 г. В 1918–1919 гг. заместитель председателя исполкома Плещеевской волости. В 1919–1922 гг. заведующий оргчастью губернского РКИ в Орле. В 1922–1924 гг. ответственный секретарь Ломовского волостного комитета ВКП(б) Орловской обл., в 1924–1925 гг. — райкома ВКП(б) в г. Мценск. В 1927–1928 гг. заведующий отделом пропаганды в уездном комитете ВКП(б) в г. Сергиеве. В 1929–1930 гг. заведующий Областным архивным бюро в Москве. В 1931–1941 гг. старший научный сотрудник, заместитель директора, директор (1940–1941 гг.) Института истории партии МК ВКП(б), одновременно в 1931–1932 гг. доцент Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. В 1931–1941 гг. заведующий ЦГАОР СССР. В 1934–1944 гг. заведующий кафедрой архивоведения Историко-архивного института. В 1941–1942 гг. заместитель начальника УГА НКВД СССР. В 1943 г. докторант Института истории АН СССР. В 1944–1963 гг. директор Института истории партии МГК и МК ВКП(б)–КПСС. С 1963 г. на пенсии. Член редколлегии журналов «Архивное дело» в 1935–1939 гг. и «Красный архив» в 1935–1939 гг. В 1939–1941 гг. ответственный редактор «Красного архива».

Прокопенко Николай Романович

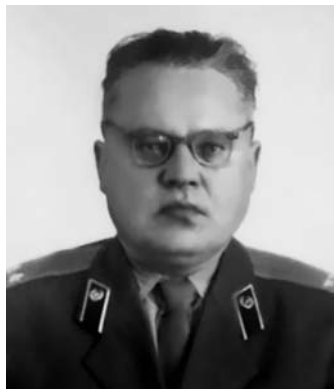
(28.09(10.12).1910, Юзовка, ныне Донецк, Украина — 15.05.1975, Москва). Из шахтерской семьи. Окончил сельскохозяйственную школу при харьковском совхозе «Красный патриот» и Харьковский педагогический институт (в 1933 г.). Служил в Красной армии, преподавал в средней школе г. Донецк, в индустриально-технологическом техникуме при металлургическом заводе. В 1937 г. поступил в аспирантуру при МГИАИ. В 1939 г. направлен на работу в ГАУ НКВД СССР, где с

1939 по 1941 г. был секретарем журнала «Красный архив». С 1940 г. — член ВКП(б), с 29 апреля 1941 г. по 1954 г. директор ЦГАОР и СС СССР. С 1954 по 1963 г. заместитель начальника ГАУ СССР, затем с 31 января 1963 г. по 1975 г. вновь директор ЦГАОР СССР. В 1946 г. защитил в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию по теме «Борьба за возрождение Донбасса в 1920 г.». Член коллегии и Научного совета ГАУ при СМ СССР, Ученого совета МГИАИ, ГИМ; возглавлял Государственную аттестационную комиссию по МГИАИ. В 1945 г. выезжал в Польшу с целью разыскания и возвращения документальных материалов ГАФ СССР, вывезенных во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1951–1953 гг. находился в Болгарии и Румынии в качестве советника по разработке законодательства по архивному делу. Публиковался в журналах «Архивное дело», «Исторический архив», «Вопросы архивоведения», «Советские архивы». Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др.

Волченков Георгий Иванович

(р. 1910, дер. Соловенька Глинковского р-на Смоленской обл.). Учитель истории, кандидат исторических наук. В 1940 г. окончил исторический факультет Московского городского педагогического института, в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию. Работал преподавателем истории в средней школе, инструктором пропаганды политотдела частей МПВО. С 1945 по 1948 г. — начальник научно-публикаторского отдела ЦГВИА, с 1948 по 1954 г. — заместитель начальника ЦГАОР и СС, с 1954 по 1956 г. — начальник ЦГАОР и СС. С 1956 по 1957 г. — советник по архивным вопросам в Китайской Народной Республике, в 1957–1959 гг. — старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Высшей школы МВД СССР. С февраля 1959 г. работал в ЦГВИА в должности начальника отдела фондов полевых управлений, соединений и частей русской армии.

Бутенко Андрей Федорович

(р. 15.10.1918, с. Маркова Сумской обл.). Родился в крестьянской семье. В 1937–1940 гг. учился в Харьковском институте журналистики. После окончания института до 1943 г. работал ответственным секретарем и ответственным редактором районных газет в Винницкой и Пензенской областях. В 1943–1945 гг. учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. В 1945–1949 гг. инструктор отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. В 1949–

1952 г. учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС. После защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук в 1952 г. был вторично утвержден в должности инструктора отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. В 1957–1960 гг. начальник ЦГАОР и СС СССР. В 1960–1969 гг. начальник Центрального государственного особого архива СССР (Особого архива ГАУ при СМ СССР). В 1969–1972 гг. заместитель директора Центрального государственного архива Советской армии по научной работе. В 1972 г. вышел на пенсию.

Федоров Александр Григорьевич

(28.03.1909, с. Городище Вологодской обл. — 4.11.1986, Москва). Родился в крестьянской семье. Член Коммунистической партии с 1929 г. В 1949 г. окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. В 1929 г. председатель правления Молочного товарищества с. Городище Вологодской обл. В 1929–1930 гг. культпроп Череповецкого РК ВЛКСМ, в 1930–1933 гг. секретарь, заведующий организационно-инструкторским отделом Мяксинского РК ВЛКСМ, в 1933–1934 гг. заместитель секретаря Петриневского РК КПСС Вологодской обл. В 1934–1936 гг. учился на курсах марксизма-ленинизма в г. Пушкин Ленинградской обл. В 1936–1937 гг. заместитель секретаря, секретарь Борисово-Судского РК КПСС Вологодской обл. В 1937–1938 гг. начальник Борисово-Судского механизированного лесопункта. В 1939 г. окончил курсы переподготовки при Лесотехнической академии в Ленинграде. В 1939–1940 гг. управляющий трестом «Онегалес» в Архангельске. В 1940 г. заведующий обкомом КПСС в Архангельске. В 1940–1941 гг. второй секретарь горкома КПСС, в 1941–1942 гг. второй секретарь обкома КПСС, в 1942–1946 гг. председатель исполкома облсовета депутатов трудящихся в Архангельске. В 1949–1951 гг. начальник Управления проверки советских органов Совета министров РСФСР в Москве. В 1951 г. инспектор ЦК КПСС, в 1951–1954 гг. секретарь обкома КПСС в Новгороде, в 1954–1957 гг. заместитель председателя облисполкома совета депутатов трудящихся в Арзамасе. В 1957–1959 гг. начальник 7-го отдела, в 1959–1960 гг. начальник отдела ведомственных архивов ГАУ МВД СССР. С 24 марта 1960 г. начальник ЦГАОР и СС СССР, с 13 сентября 1961 г. по 22 апреля 1977 г. директор ЦГАНХ СССР. Награжден орденом «Знак Почета», орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За оборону Заполярья» и др.

Копылов Владимир Романович

(30.07.1928, с. Ягодное Липецкой обл. — 10.10.1999, Москва). Родился в семье рабочих. В 1952 г. окончил МГИАИ. В 1952–1955 гг. учился в аспирантуре МГИАИ, в 1956 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Национализация земли и первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1917–1918 гг. (Исследование исторических источников по Московской губернии)». С февраля 1955 г. по сентябрь 1961 г. работал

младшим, старшим научным сотрудником, ученым археографом, заместителем начальника отдела ГАУ МВД СССР. Член КПСС с 1958 г. С сентября 1961 г. заместитель начальника ЦГАОР СССР, с октября 1961 г. исполняющий обязанности начальника ЦГАОР СССР. С 11 апреля 1962 г. по 30 января 1963 г. начальник ЦГАОР СССР. С 31 января 1963 г. — заместитель начальника ЦГАОР, с 16 апреля 1965 г. по 20 июля 1971 г. — заместитель директора по научной работе ЦГАОР СССР. В 1971–1977 гг. заведующий сектором археографии отдела архивоведения, заведующий отделом научного использования документов ВНИИДАД. В 1977–1995 гг. старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник-консультант Института истории СССР АН СССР — ИРИ РАН. В 1980 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме: «Зарубежные интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». Председатель ГЭК в МГИАИ. С 1995 г. на пенсии. Награжден почетной грамотой Президиума ВС РСФСР, медалью «Ветеран труда».

Плешаков Сергей Тимофеевич

(31.08.1914, хутор Н. Шевыревка, Ростовская обл. — 1986, Москва). Историк-архивист. Из крестьянской семьи. Окончил среднюю школу, работал в колхозе, затем на шахте в Донбассе. В 1933 г. направлен Сорокинским РК ВЛКСМ пропагандистом на шахту № 5 г. Сорокино (ныне Красnodон) Донецкой области. Там же учился в городском промышленном училище. Закончил областные курсы пропагандистов при РК ВЛКСМ.

В 1935–1939 гг. учился в МГИАИ, поступил в заочную аспирантуру Московского областного педагогического института. Направлен на работу в Государственный архив Тамбовской области (научный сотрудник, начальник отдела, начальник архива). С октября 1941 г. по май 1942 г. служил в Красной армии, участник боев под Ржевом,

ранен, комиссован из армии. Вернулся на работу в Тамбовский областной архив. Член КПСС с 1944 г. В 1944 г. переехал в Москву, где более 30 лет проработал в системе ГАУ СССР. Был старшим научным сотрудником, заместителем начальника отделов, начальником отделов: организационного (1958–1960 гг.), архивных учреждений РСФСР (август 1963 г. — август 1968 г.), центральных государственных архивов (1969–1970 гг.), научно-исследовательской и методической работы (1973–1975 гг.), с 1953 по 1958 г. — начальник Центрального архива кинофотодокументов. С мая 1960 г. по июль 1963 г. — заместитель начальника ГАУ РСФСР. С 7 июля 1975 г. по 1983 г. — директор ЦГАОР СССР. Председатель Государственной экзаменационной комиссии МГИАИ. В 1983 г. вышел на пенсию.

Каптелов Борис Иванович

(23.05.1935, Москва — 19.09.1991, Москва). В 1953 г. окончил среднюю школу, в 1953–1956 гг. учился в Московском автомеханическом институте. В том же 1956 г. поступил в МГИАИ, который и окончил в 1961 г. В 1957–1958 гг. участвовал в освоении целинных и залежных земель. Член КПСС с 1964 г. С августа 1961 г. по февраль 1965 г. работал в тресте «Монтажлегмаш» Минмонтажспецстроя СССР инженером технического отдела. В 1961–1963 гг. учился на английском отделении курсов иностранных языков № 7 Московского городского отдела народного образования. С февраля 1965 г. работал в ГАУ при СМ СССР археографом, старшим археографом, ученым археографом отдела внешних сношений, с февраля 1970 г. — заместителем начальника организационного отдела Главархива СССР. 30 января 1976 г. назначен заместителем директора, с 28 марта 1984 г. по 1991 г. директор ЦГАОР СССР. Член редколлегии журнала «Советские архивы». Член Международного союза архивистов, участник международных конференций и конгрессов архивистов в Великобритании, США, Канаде и ФРГ. Заслуженный работник культуры РСФСР.

Павлова (Маркова) Татьяна Федоровна

(р. 17.09.1945, г. Запорожье, УССР). Историк. Родилась в семье партийно-хозяйственного руководителя. В 1963 г. окончила среднюю школу с золотой медалью и поступила работать музыкальным работником в ясли-сад, где проработала три года. В 1964 г. поступила на филологический факультет Запорожского филиала Днепропетровского государственного университета, позднее переве-

лась на исторический факультет. В 1966 г. переехала в Москву и в порядке перевода стала учиться на историческом факультете МГУ (вечернее отделение). В 1967 г. начала работать в Государственном архиве Московской области в должности архивно-технического сотрудника, впоследствии занимала должность заместителя и и. о. директора ГАМО. В 1971 г. окончила МГУ, защитила с отличием диплом на тему: «Советская и зарубежная историография проблемы Второго фронта в Европе». В 1979 г. перешла на работу в Главархив СССР на должность старшего археографа в научно-издательский отдел. В конце 1984 г. была направлена на работу в ЦГАОР СССР на должность заместителя директора архива. После смерти директора ЦГАОР СССР Б. И. Каптелова в сентябре 1991 г. была назначена и. о. директора архива, а в июле 1992 г. — на должность заместителя директора ГА РФ — руководителя научно-информационного центра. В мае 1993 г. перешла на работу в Роскомархив на должность начальника отдела организации использования и публикации документов Архивного фонда России. С 2004 г. — начальник Управления комплектования, организации услуг и архивных технологий Роскомархива — Федерального архивного агентства. Член редколлегии журнала «Отечественные архивы». Член научных советов ГА РФ, РГВИА, РГАЛИ, Ученого совета ВНИИДАД. Проработала в Федеральном архивном агентстве до выхода на пенсию в сентябре 2009 г. Почетный архивист, заслуженный работник культуры РСФСР. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью «В память 850-летия Москвы», медалью Русской православной церкви преподобного Сергия Радонежского I степени. Автор ряда научных работ и документальных публикаций по исторической и архивной проблематике, в том числе: «Милая, обожаемая Анна Васильевна» (М., 1996); «Романовы и Крым» (М., 1999); член редколлегии серии томов «Катынь» (Т. 1–4 (на польском яз.). Варшава, 1995, 1998, 2001, 2007) и др.

РЗИА

Гуревич Виссарион Яковлевич (1876–1940). Общественный деятель, адвокат. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета, находился на службе в Министерстве юстиции. Выезжал в Германию для прохождения подготовки к университетской профессуре (1902–1903). После возвращения в Россию 4 года служил в Гражданском кассационном департаменте Правительствующего Сената. С 1906 г. работал в Крестьянском земельном банке Министерства финансов. В 1908 г. добровольно

оставил государственную службу и занялся адвокатской деятельностью. В 1909 г. — присяжный поверенный С.-Петербургской судебной палаты. В 1908–1914 гг. в С.-Петербурге работал в законодательных комиссиях при трудовой фракции I–IV Государственных дум. Был одним из организаторов и юрисконсультom Центрального бюро профессиональных союзов в Петрограде, за что сослан на 5 лет в Восточную Сибирь. После переезда в Красноярск руководил местным комитетом помощи беженцам из областей, занятых неприятелем. В Петроград вернулся в апреле 1917 г. Во время Февральской революции был избран Красноярской городской думой в Президиум Комитета общественной безопасности. Являлся председателем крестьянских съездов в Енисейской губернии, делегатом Всероссийского крестьянского съезда в Петрограде. До октября 1917 г. занимал пост товарища министра внутренних дел, член Предпарламента. Был руководителем II Всероссийского крестьянского съезда, избран делегатом во Всероссийское Учредительное собрание от Тульской губернии. После Октябрьской революции — член Комитета защиты Родины и революции, затем Союза защиты Учредительного собрания. В период Гражданской войны — председатель Юридического совещания (Директории), член Сибирского земско-городского союза, являлся членом Экономического совещания при главноуполномоченном адмирала А. В. Колчака, министр внутренних дел во Временном Приамурском правительстве. В 1920 г. выехал по делам Земгора из России через Владивосток в Китай, затем в Чехословакию. В 1922 г. — председатель Земгора в Чехословакии. С 1923 по 1928 г. — управляющий РЗИА, член заграничной делегации партии эсеров, член комиссии, руководившей библиотекой им. Лаврова-Гоца, читал лекции в Русском народном университете (1924–1927), член Общества участников Волжского движения в ЧСР, занимался адвокатской деятельностью. Сотрудничал с журналами «Летопись революции», «Воля России», «Вольная Сибирь».

Архангельский Василий Гаврилович

(1869–1948). Юрист. Окончил Самарскую духовную семинарию, Московскую духовную академию, юридический факультет Юрьевского университета. В 1893–1897 гг. преподавал в Тобольской духовной семинарии. Член ПСР с 1906 г., член II Государственной думы, выслан за границу. Приговорен к 6 годам каторги, затем жил в Черемхове и Иркутске, сотрудничал в журнале «Народная Сибирь» (1914–1916). После Февральской революции член Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов.

Избран на III съезде членом ЦК ПСР (май 1917 г.). Гласный Иркутской думы. Участник Всероссийского демократического совещания, член его президиума. В октябре 1917 г. член Временного совета Российской республики (Предпарламента). Депутат Учредительного собрания от Самарской губ. по списку № 3 — партии эсеров и Совета крестьянских депутатов. Член Комуча в Самаре. Товарищ председателя комитета. В конце августа чрезвычайный уполномоченный Комуча по Казанской губ. Участник Государственного совещания в Уфе. С 1920 г. в эмиграции. Жил в Праге. Один из основателей Земгора, редактор эсеровского органа «Революционная Россия» (1923–1926). Член Совета РЗИА, его управляющий (1928–1934).

МИРА–ПИРА–ЦГИАМ СССР

Николаевский Борис Иванович

(1887–1966). Политический деятель, историк, публицист, представитель Центрархива в Германии. Участник общественно-революционного движения в России, за что неоднократно подвергался арестам и высылкам. Член РСДРП, большевик, затем меньшевик. После Февральской революции активный участник левого интернационального движения в РСДРП (меньшевиков), член ЦК РСДРП (меньшевиков). После Октябрьской революции работал в системе Главархива РСФСР, был инспектором,

затем управляющим Московским историко-революционным архивом. В 1921 г. арестован. В 1922 г. как представитель Центрархива выехал в Берлин. По другим данным — выслан, но не лишен советского гражданства. С 1922 г. член заграничной делегации ЦК РСДРП (меньшевиков). Жил в Берлине, работал библиотекарем, сотрудничал в журнале «Новая русская книга» (1922–1923), в сборниках «На чужой стороне» (1924–1925), «Голос минувшего на чужой стороне» (1926), в журналах «Современные записки» (1938–1940), «Русские записки» (1938–1939), один из основателей журнала «Летописи революции» (1923). Собирал книги, газеты, рукописи, фотографии о политической истории России. Представитель РЗИА в Берлине. С 1923 по 1930 г. корреспондент Института К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР в Берлине. По поручению его директора Д. Б. Рязанова собирал для института в западно-европейских странах документы по истории международного рабочего движения. Сотрудничал в исторических журналах «Каторга и ссылка»

(1922–1931), «Летопись марксизма» (1926–1928). В 1931 г. лишен советского гражданства. В 1933 г. после прихода к власти в Германии фашистского режима эмигрировал во Францию. Директор Парижского филиала Международного института социальных исследований в Амстердаме. После оккупации Германией Франции в 1940 г. эмигрировал в США. Сотрудничал в русских эмигрантских изданиях «Новый журнал», «Народная правда», издавал журнал «За рубежом». Организатор и председатель Лиги борьбы за свободу народа. Член редакции и сотрудник «Социалистического вестника». Автор многочисленных работ и публикаций по истории революционного движения в России, международного рабочего движения. В США Б. И. Николаевский возобновил свою собирательскую деятельность. В 1963 г. он продал свою коллекцию (свыше 250 фондов) Гуверовскому институту войны, революции и мира при Стэнфордском университете.

Щеголев Павел Елисеевич

(1877, с. Верх. Катуховка Воронежского уезда — 1931, Ленинград). Историк, литератор, архивист, археограф. Родился в семье крестьянина. В 1903 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1899 г. за участие в студенческих беспорядках арестован, с 1900 по 1903 г. ссылка в Полтаву и Вологду. С 1903 г. член Общества любителей русской словесности. В 1903–1904 гг. помощник редактора журнала «Исторический вестник». В 1906–1907 гг. редактор и издатель журнала «Былое», в 1908 г. — журнала «Минувшие годы». В 1909 г. приговорен к заключению на 3 года. С 1913 г. редактор серии «Библиотека мемуаров» издательства «Огни». В 1917 г. член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, где возглавлял особую следственную комиссию по расследованию деятельности Департамента полиции. В 1918–1919 гг. управляющий I Петроградским отделением VII секции ЕГАФ, Петроградским историко-революционным архивом. Одновременно в 1917–1926 гг. редактор возобновленного журнала «Былое», с 1919 г. председатель Петроградского отделения ГУАД. С 1920 г. возглавил при Госиздате серию «Историко-революционная библиотека». С 1926 г. член Комитета по изданию русских классиков при Главном управлении Госиздата. С 1928 г. член редколлегии по изданию собрания сочинений А. С. Пушкина. Автор издания «Падение царского режима» (Т. 1–7. М.; Л., 1924–1927).

Воинова Ксения Ивановна

(р. 14.06.1884, Польша). Родилась в семье военных, дворянка. Окончила 8 классов Костромской министерской гимназии, Московские Тихомировские педагогические курсы. С 1904 г. член Коммунистической партии. В 1904–1907 гг. работала статистом, машинисткой в Московской городской управе. В 1907–1910 гг. секретарь, помощник заведующего архивом в Ялтинской земской управе. В 1910 г. подверглась административной высылке из Ялты. В 1910–1911 гг. работала корреспондентом в севастопольских газетах. В 1912–1916 гг. стенографистка и заведующая архивом в Одесской американской конторе жатвенных машин. В 1916–1917 гг. заведующая отделом в Павлоградском земстве. С марта 1917 г. по февраль 1918 г. секретарь уездного исполнительного комитета Совета депутатов в Павлоградском уезде (Екатеринославская губ.), заведующая отделом в Продовольственном комитете в Павлограде. В марте–мае 1918 г. председатель Военно-революционного штаба Павлограда. Принимала активное участие в разгоне совета партии эсеров, захвате власти в Павлоградском уезде и в организации дальнейшей работы в уезде. С апреля по август 1918 г. заведующая архивом в Московском совете рабочих и крестьянских депутатов. В сентябре 1918 г. секретарь Особой комиссии при Совнарком по расследованию мятежа ЦК партии левых эсеров. С 1919 г. член Профессионального союза работников просвещения по секции научных работников. В 1919–1921 гг. заведующая отделом, ученый секретарь Совета Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. С 10 февраля 1922 г. по март 1926 г. управляющая 3-м отделением Госархива (Историко-революционный архив). В марте 1926 г. переведена на должность секретаря серии издаваемых материалов по Октябрьской революции. 23 марта была отозвана ЦК ВКП(б) для работы в одном из отделов секретариата ЦК ВКП(б).

Залкинд Семен Ильич

(партийные псевдонимы: Фаддей, Клара) (01.01.1879, Рига — 1940). Родился в семье служащего. Окончил двухклассное начальное училище, реальное училище в Риге и Лозаннский университет. В 1897 г. впервые был арестован, отбыл шестимесячное тюремное заключение в Риге. В 1900 г. принимал участие в работе периферийной организации КП, в марте 1901 г. был снова арестован за революционную деятельность, вскоре эмигрировал за границу. В 1902–1903 гг. работал в Париже в Лиге революционных социал-демократов и группе «Искра». Член Коммунистической партии с 1903 г. Весной 1903 г. нелегально вернулся в Россию и Восточным бюро партии командирован на Урал. Член Екатеринбургского комитета РСДРП(б), затем — Средне-Уральского. В 1904 г. работал в Перми, в 1905 г. руководил партработой на нижнетагильских, салдинских, алапа-

евских заводах. Был делегатом на Уральской партконференции и до осени 1906 г. работал в Уральском комитете. В августе 1906 г. в административном порядке сослан в Самару. В ноябре бежал в Нижний Новгород. В 1906–1907 гг. член Нижегородского комитета, затем работал в судоходной организации. В 1909–1910 гг. работал в Нижегородской окружной организации, затем эмигрировал. Проживал в Швейцарии, Франции, Германии. В 1912–1914 гг. работал в подпольной большевистской организации Курляндской губ. С началом войны бежал в Нижегородскую губ., село Богородское, где вел подпольную работу. С марта 1917 г. был членом большевистской фракции Совета рабочих и солдатских депутатов, в декабре 1917 г. один из организаторов взятия власти Богородским советом. До мая 1918 г. член Исполкома, комиссар просвещения. С 1918 г. член Профессионального союза работников просвещения. С мая 1918 г. переведен в Москву, председатель комиссии НРКФ. В 1923 г. заведующий партийно-политическим отделом в Историко-революционном музее. С мая 1924 г. заведующий 2-м отделением Госархива, с мая 1925 г. — помощник заведующего Архивом революции и внешней политики, с марта по ноябрь 1926 г. и. о. заведующего Архивом революции и внешней политики. Одновременно читал лекции по истории РКП(б) в Московском институте инженеров транспорта. В 1926–1927 гг. руководитель пропагандистской группы ЦК ВКП(б) на Урале и в Брянске. В 1928–1932 гг. заведующий кафедрой в Коммунистическом университете трудящихся Востока, доцент в Международной ленинской школе, Институте им. Калинина, 1-м МГУ. С 1932 г. — персональный пенсионер.

Далаго Венедикт Васильевич

(р. 11.03.1884, г. Бугуруслан). Окончил 4 класса городского училища, в 1896–1899 гг. учился в Бугурусланском духовном училище, затем до 1904 г. — в Самарской духовной семинарии. В 1904–1907 гг. учился в Высшей сельскохозяйственной школе в Берлине, Йенском университете. С 1908 г. работал на Самаро-Златоустовской железной дороге в Самаре: В 1908–1909 гг. — счетоводом коммерческого управления, в 1909–1910 гг. счетоводом управления материальной службы, в 1910–1917 гг. счетоводом управления путей, в 1917 г. председателем дорожного продовольственного комитета, в 1917–1918 гг. счетоводом службы путей. В июне 1918 г. был арестован органами Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч), находился в самарской и бугурусланской тюрьме. В 1918–1919 гг. секретарь Дорожной нормировочной комиссии, в 1919–1920 гг. предсе-

датель жилищного отдела управления, в 1920–1921 гг. уполномоченный Дорожной транспортной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. В 1921 г. начальник отделения Дорожно-транспортной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, г. Уфа. В 1922–1930 гг. помощник начальника отделения оперативных отделов ВЧК и ОГПУ, Москва. В 1930–1940 гг. директор Архива революции и внешней политики. Затем был направлен в Удмуртскую АССР директором Центрального государственного архива. Член Коммунистической партии с 1918 г.

Истомин Василий Иванович

(р. 1899, д. Михайловка Тамбовской обл.). Родился в крестьянской семье. Окончил шестимесячные курсы Историко-архивного института, курсы пропагандистов-агитаторов. Член ВКП(б) с 1919 г. В 1919–1920 гг. красноармеец, политрук роты 1-го Моршанского отдельного караульного батальона, в 1920–1922 гг. политрук роты 171-го отдельного батальона 24-й бригады войск ВЧК в Ленинграде. В 1922 г. военком части 19-го батальона, затем 6-й дивизии при губернском от-

деле ОГПУ в Архангельске. В 1922–1923 гг. политрук дивизиона 10-го железнодорожного полка войск ОГПУ в Москве. В 1923 г. политрук роты 6-го полка войск ОГПУ, в 1923–1924 гг. — 1-го конвойного полка войск ОГПУ. С марта 1924 г. по июнь 1939 г. заведующий секретной частью, и. о. заместителя директора, с июля 1939 г. по май 1940 г. заместитель директора, с 29 мая 1940 г. по 17 апреля 1941 г. директор ЦГАОР СССР. С 17 апреля 1941 г. по 15 мая 1942 г. начальник, с мая 1942 г. по июль 1946 г. заместитель начальника, с июля 1946 г. по июль 1947 г. и. о. начальника, с февраля 1947 г. по январь 1958 г. заместитель начальника ЦГИАМ. 24 января 1958 г. уволен по возрасту с правом ношения военной формы. Был награжден орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени, медалью «За победу над Германией» и др.

Востриков Александр Яковлевич

(р. 1894, с. Каликино Рязанской обл.). Родился в крестьянской семье. В 1926 г. окончил Коммунистический университет им. Артема в Харькове, в 1933 г. — Историко-партийный институт красной профессуры. В 1908–1915 гг. плотник в Лебедянском лесничестве Тамбовской губ. В 1915–1917 гг. солдат, командир взвода 1-го Туркестанского полка, 39-го запасного полка на Юго-Западном фронте. В 1917–1918 гг. командир отряда Красной гвардии Совета депутатов. С 1918 г. член Коммунистической партии. В 1918 г. переведен на Южный фронт. В 1918–1919 гг.

политический комиссар 2-го запасного батальона 9-й армии, в 1919–1920 гг. командир батальона 4-го отдельного образцового батальона, в 1920 г. командир полка 3-го сводного запасного кавалерийского полка. В 1920–1921 гг. командир артиллерийского транспорта 14-й стрелковой дивизии им. Степина в Дагестане. В 1921–1923 гг. начальник военной охраны Сибирского округа путей сообщения в Омске. В 1926–1928 гг. секретарь горкома ВКП(б) в Армавире. В 1928–1930 гг. директор окружной советской партийной школы в Ставрополе. В 1930–1933 гг. начальник кафедры Военно-транспортной академии. В 1933–1934 гг. начальник политотдела Белгородского отделения Южных железных дорог, в 1934–1936 гг. — Иркутского отделения Восточно-Сибирской железной дороги. В 1936–1939 гг. заведующий кафедрой, заместитель директора Института усовершенствования преподавателей высших коммунистических сельскохозяйственных школ при ЦК ВКП(б) в Москве. В 1939–1942 гг. заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации горкома ВКП(б) в Алма-Ате. В 1942 г. старший преподаватель социально-экономического цикла в Алма-Атинском пехотном училище. В 1942–1943 гг. старший преподаватель Военно-инженерной академии Красной армии в г. Фрунзе. В 1943–1945 гг. начальник социально-экономического цикла в Высшей офицерской артиллерийской технической школе Красной армии в Туле. В 1945–1947 гг. старший преподаватель Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). С февраля 1947 г. начальник ЦГИАМ. 23 июня 1956 г. уволен по болезни. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др.

Голубцов Ефим Иванович

(15.10.1899, г. Юзовка, ныне Донецк, Украина — 18.02.1972). Родился в семье рабочих. В 1929 г. окончил 4 курса Военно-политической академии им. В. И. Ленина в Ленинграде. В 1912–1915 гг. выборщик породы в шахте № 7, в 1915–1916 гг. подручный электроводчика, в 1916–1917 гг. электромонтер на Юзовском металлургическом заводе. Член Коммунистической партии с 1917 г. В 1917–1918 гг. красногвардеец Юзовского красногвардейского рабочего отряда, в 1918–1920 гг. красноармеец, затем политком 1-го Луганского коммунистического батальона, 3-го Луганского интернационального полка на Южном фронте. В 1920 г. переведен на Польский фронт. В 1920–1922 гг. заместитель военкома 532-го стрелкового полка 60-й дивизии. В 1922–1923 гг. военком кавалерийского полка и кавалерийского эскадрона 44-й дивизии, в 1923–1924 гг. — кавалерийского эскадрона 23-й дивизии. В 1924 г. начальник парт-

отделения политотдела 23-й дивизии. В 1924–1925 гг. инструктор политотдела спецчастей Харьковского губпосекра. В 1929–1930 гг. инструктор Ленинградского совета. В 1930–1931 гг. учился на курсах ответственных дипломатических работников при НКВД СССР. В 1931–1934 гг. заведующий консульским отделом в полпредстве СССР в Лондоне. В 1934–1936 гг. консул в г. Дайрен (Маньчжурия), в 1936–1937 гг. в г. Пограничная (Маньчжурия). В 1937–1939 гг. вице-консул, генеральный консул Генерального консульства СССР в Харбине. В 1939–1940 гг. заместитель директора, в 1940–1941 гг. преподаватель основ марксизма-ленинизма в Академии руководящих кадров Наркомата коммунального хозяйства РСФСР в Москве. В 1941 г. старший научный сотрудник ЦГИАМ. В 1941–1942 гг. боец мотоотряда штаба МПВО. В 1942–1943 гг. старший научный сотрудник ЦГИАМ. В 1943–1944 гг. старший научный сотрудник отдела использования ГАУ НКВД СССР. В 1944 г. и. о. начальника отделения отдела использования, в 1944–1953 гг. начальник отдела комплектования, в 1953 г. начальник 2-го отдела ГАУ–ЦАУ НКВД–МВД СССР. С 23 июня 1956 г. начальник ЦГИАМ. 15 июля 1959 г. освобожден от должности в связи с переходом на пенсию. Награжден орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени, медалью «За победу над Германией» и др.

Беляков Степан Тарасович

(08.11.1908, д. Богослово Новгородской губ. — 20.06.1996). Член КПСС с 1927 г. В 1938 г. окончил три курса экономического факультета Института красной профессуры. В 1927–1934 гг. культурный пропагандист, секретарь Челодощенского, Уломского, Абакановского, Череповецкого районных (окружных) комитетов ВЛКСМ, в 1931–1934 гг. заведующий сектором Ленинградского областного комитета ВЛКСМ.

В 1938–1940 гг. инструктор отдела культурной пропаганды ЦК КПСС, в 1940–1944 гг. директор Музея В. И. Ленина. В 1944–1949 гг. секретарь Калужского областного комитета КПСС, в 1949–1954 гг. преподаватель основ марксизма-ленинизма в Калужском педагогическом институте, в 1954–1958 гг. работал в Музее В. И. Ленина.

С 25 января 1958 г. заместитель начальника ЦГИАМ, с 27 июля 1959 г. и. о. начальника, с 28 августа — начальник ЦГИАМ. С 16 сентября 1961 г. заместитель начальника (директора) ЦГАНХ СССР. В 1971–1991 гг. старший научный сотрудник, младший научный сотрудник, старший хранитель фондов, архивист 2-й категории, архивист ЦГАНХ СССР. Награжден двумя медалями за участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., медалью «Ветеран труда» и другими наградами.

ЦГА РСФСР

Гаврилов Анатолий Николаевич

(р. 1907, г. Кашира Московской обл. — 1982). Родился в семье служащих. В 1920–1930 гг. — чернорабочий, слесарь железнодорожного депо ст. Москва-Павелецкая. В 1930–1933 гг. учился на рабфаке Архитектурно-строительного института. В 1933 г. поступил в Историко-архивный институт, который окончил в 1937 г. В 1937–1938 гг. старший научный сотрудник Ярославского областного архивного управления. В 1938–1939 гг. старший инспектор ЦАУ. В 1939 г. — сотрудник Управления МВД по Москве и Московской области, в 1939–1948 гг. — начальник Архивного управления УМВД по Москве и Московской области. В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. проделал большую работу по сбережению архивных документов. При его непосредственном участии было своевременно эвакуировано 900 тыс. дел, осуществлена их реэвакуация, дела были оперативно приведены в порядок, разобраны, что дало возможность использовать их в различных целях. В 1949–1950 гг. учился в Вечернем институте марксизма-ленинизма. Член КПСС с 1940 г. С мая 1939 г. по октябрь 1948 г. начальник архивного отдела УМВД Московской области. В 1948–1950 гг. заместитель начальника секретариата УМВД Московской области. В 1950–1957 гг. заместитель начальника секретариата и начальника управления кадров в военной части № 04201, начальник отдела учета личного состава Министерства среднего машиностроения. С 21 ноября 1957 г. по апрель 1965 г. начальник ЦГА РСФСР. В 1966–1970 гг. заместитель директора ЦГВИА СССР. С марта 1970 г. на пенсии. Награжден многими государственными наградами, в том числе орденом «Знак Почета», орденом Красной Звезды (1951), медалями «За боевые заслуги» (1943), «За боевые заслуги» за выслугу лет (1949), «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «В память 800-летия Москвы», «30 лет Советской армии и флота».

Шаронов Федор Иванович

(18.02.1925, с. Воскресенское Саратовской обл. — 15.11.1993). В 1943 г. окончил Симферопольское пулеметно-минометное училище. В 1943–1944 г. рядовой 12-й гвардейской воздушно-десантной бригады в Москов-

ском военном округе. В 1944 г. призван на Карельский фронт рядовым 304-го гвардейского стрелкового полка 100-й гвардейской стрелковой дивизии. В 1944–1945 гг. писарь-каптенармус 12-й гвардейской воздушно-десантной бригады в г. Калинин. С 1944 г. член Коммунистической партии. В 1945 г. переведен на 2-й и 3-й Украинские фронты, писарь-каптенармус 114-й гвардейской стрелковой дивизии. В 1945–1946 гг. командир орудия 437-го пушечно-артиллерийского полка 75-й артиллерийской бригады в Германии. За участие в Великой Отечественной войне награжден медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За победу над Германией» и др. В 1946–1950 гг. оружейный мастер, в 1950–1951 гг. помощник командира взвода 2-го Московского подготовительного училища. В 1951–1952 гг. практикант в МГБ Московского военного округа, в 1952–1954 гг. оперуполномоченный МГБ Кунцевского гарнизона. В 1954 г. окончил МГИАИ. В 1954 г. инженер-технолог по кинофотопленке 3-го отделения 1-го отдела ЦАУ МВД СССР. С 1955 г. начальник 2-го отделения 1-го отдела, с 1957 г. заместитель начальника 7-го отдела ГАУ МВД СССР. В 1959–1960 гг. начальник отдела, с апреля 1961 г. заместитель начальника ЦГАОР СССР. В 1965–1966 гг. заместитель директора ЦГАНХ СССР. С 1 октября 1966 г. до 11 мая 1988 г. — директор ЦГА РСФСР. В 1988 г. вышел на пенсию.

Иофис Гитта Наумовна

(р. 04.04.1939, Москва). Историк-архивист. В 1962 г. окончила МГИАИ. С 1961 г. начала свою трудовую деятельность в ЦГА РСФСР. С февраля 1974 г. по сентябрь 1983 г. заведующая организационным отделом, с октября 1983 г. по июль 1992 г. заместитель директора ЦГА РСФСР, в период с мая по октябрь 1988 г. и. о. директора ЦГА РСФСР. В 1992–1999 гг. заведующая организационно-методическим отделом, с 1999 г. главный специалист отдела информационно-поисковых систем ГА РФ. За заслуги в области культуры и многолет-

ную плодотворную работу присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями «Ветеран труда» и «В память

850-летия Москвы», нагрудными знаками «Отличник архивного дела» и «Почетный архивист»; имеет благодарности и почетные грамоты Правительства РФ, министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации и Росархива за многолетний и добросовестный труд в архивных учреждениях.

Никанорова Валентина Вячеславовна

(р. 10.10.1947, г. Егорьевск Московской обл.). В 1971 г. окончила МГИАИ и по распределению была направлена на работу в технический архив. В 1973–1983 гг. младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, начальник отдела, с декабря 1984 г. — заместитель директора ЦГА РСФСР. С 10 октября 1988 г. назначена на должность директора ЦГА РСФСР, в которой и проработала вплоть до создания ГА РФ в 1992 г. В настоящее время возглавляет Центральный архив общественно-политической истории г. Москвы. В 2000 г. присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

ГА РФ

Мироненко Сергей Владимирович

(р. 04.03.1951, Москва). Историк, доктор исторических наук, профессор. Родился в семье служащих. В 1973 г. окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1978 г. в МГУ защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Секретный комитет 1839–1842 гг. и указ об обязанных крестьянах». В 1992 г. в Институте истории СССР АН СССР защитил докторскую диссертацию по теме: «Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в первой четверти XIX в.». С 1977 г. младший научный сотрудник, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. В 1991–1992 гг. заместитель директора Центра хранения современной документации (ЦХСД). С мая 1992 г. директор ГА РФ. Член коллегии Росархива и Министерства культуры и массовых коммуникаций

Российской Федерации. Член Геральдического совета при Президенте Российской Федерации. Член редакционного совета журнала «Исторический архив». Заведующий кафедрой истории России XIX — начала XX в. исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Основные труды С. В. Мироненко: «Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в первой четверти XIX в.» (М., 1989); «Тайные страницы истории России» (М., 1990); «Император Николай I» (В кн.: Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1993); «A Lifelong Passion. Nicholas and Alexandra. Their Own Story» (London, 1996; в соавт.); «Николай и Александра. Любовь и жизнь» (М., 1998; в соавт.); «Декабристы. Биографический справочник» (М., 1988); «Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель» (М., 1994–2004. Т. 1–6; отв. ред.); публикации: «Сочинения и письма И. И. Пущина» (в 2 т. М., 1999–2001; в соавт.); «Восстание декабристов. Документы. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии» (М., 2001; отв. ред.); «История сталинского ГУЛАГа: Собрание документов» (в 7 т. М., 2004. Т. 1; отв. ред., в соавт.); «Переписка наследника престола цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839» (М., 2008; науч. ред., в соавт.) и др. Имеет благодарность Президента Российской Федерации. За многолетний добросовестный труд в архивных учреждениях награжден нагрудным знаком «Почетный архивист»; за заслуги в деле защиты прав и свобод человека и гражданина (член редакционного совета издания «История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах») присвоен Почетный Знак Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.